при чин ноде мет то

сборник фем-письма

большая форма

Камила Ковязина Дамина Мукитанова Анастасия Пяри Розалия Шамсутдинова Дана Канафина

writing workshop Almaty

Fonds

Prince Claus Fund for Culture and Development

ПИФ|PAW
ПИСЬМО.ИСКУССТВО.ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY.ART.WRITING

ТОМ 2

Алматы
2022

ПИФ|PAW
ПИСЬМО.ИСКУССТВО.ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY.ART.WRITING

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
П77

Проект FemWriting Workshop Almaty осуществлялся в 2020-2022 гг при финансовой поддержке Фонда Принца Клауса.

Сайт проекта - fww.kz

ПРИЧИННОЕ МЕСТО / сборник. Том 2. — Алматы: «ПИФ|PAW», 2022. — 444 стр.

ISBN 978-601-06-8587-1

«Причинное место» – это антология современных феминистских текстов, созданных в рамках казахстанского проекта FemWriting Workshop Almaty.
Перед вами два сборника текстов, написанных в 2020–2022 годах писательницами из Центральной Азии и других постсоветских регионов. Здесь вы найдёте поэзию, драму, рассказы, романы, сказки, эссе, комическое письмо. В этих текстах традиционные литературные стратегии сталкиваются с новыми методами феминистского письма, постоянно экспериментирующего, ищущего новые формы для новых смыслов.
Эти книги – результат большой творческой работы по изобретению способов говорить об общем опыте – о дружбе, о боли, о любви и о памяти.

Содержание данной публикации отражает точку зрения авторок, которая не обязательно совпадает с точкой зрения издательниц. Ответственность за факты, сведения, суждения и выводы, содержащиеся в публикации, несут авторки.

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)

ISBN 978-601-06-8585-7 (двухтомник)
ISBN 978-601-06-8586-4 (том 1)
ISBN 978-601-06-8587-1 (том 2)

©FemWriting Workshop Almaty, 2022
©ПИФ|PAW, 2022
©Указанные в подписях авторки
©Указанные в подписях художницы
©Зоя Фалькова, оформление

оглавление

от редакторки 2

Камила Ковязина «Пять лет» 7

Дамина Мукитанова «Дети Ҭенгри» 127

Анастасия Пяри «Люция и незвери» 215

Розалия Шамсутдинова «Кисмет» 303

Дана Канафина «Бескарманницы» 377

об авторках 443

от организаторок 446

Белая форма

Камила Ковязина
Дамина Мукитанова
Анастасия Пяри
Розалия Шамсутдинова
Дана Канафина

От редакторки

Вы держите в руках удивительную книгу. Да, так можно сказать почти о любой книге, особенно, если говорит книголюб, редакторка, писательница. Но. Эта книга, в которую входят пять крупных произведений авторок, работавших в рамках проекта «Современная постколониальная феминистская литература», действительно поражает.

Сначала несколько слов о проекте. Он задумывался и осуществился в три этапа. На первом этапе шел отбор участниц: нужно было ответить на вопросы весьма подробной анкеты и обязательно приложить к ней синопсис своего будущего романа. В итоге было отобрано 27 будущих авторок. Второй этап – десять лекций онлайн о писательском мастерстве с домашними заданиями. Про жанры, приемы, образные средства, композицию, героев, стилистические ошибки. На дом я задавала писать рассказы, эссе, сказки, легенды, утяжеляя «спортивные снаряды» дополнительными условиями – например, кольцевой композицией и/или открытым финалом. По ходу лекций кто-то отсеивалась, не посещая занятия или не выполняя домашние задания (кстати, каждая лекция начиналась с их подробного разбора). К финалу второго этапа осталось чуть больше десятка авторок – трудолюбивых, упорных, талантливых, целеустремленных. Это важнейшие качества для любого пишущего человека. Особенно, если она нацелилась на создание крупного текста.

Здесь позволю себе шагнуть в сторону. Почему роман? Почему постколониальный? Почему феминистский?

Почему современный – понятно. Современный – это не про тексты (в них время всегда относительно, ведь сага из века девятнадцатого порой может восприниматься посовременнее телетайпа ежедневных новостей). Роман – потому что каждая эпоха нуждается в монументальных отражениях действительности. В широкой картине с множеством героев, с переплетением судеб. А наша эпоха – особенно, сейчас в фаворе минимализм «на один проворот мышки», я о блогах. Постколониальный – потому что наша казахстанская литература, на мой и не только мой взгляд, все еще в процессе рефлексии, все еще пытается оценить опыт и советский, и постсоветский – с точки зрения истории, памяти, общества, разных социальных групп. И вот поэтому же – феминистский. Так получилось, что женщин-авторок у нас еще меньше, чем современных романов. Во многом это следствие общей патриархальности нашего общества. Какой образ возникает у нашего человека при слове «писатель»? В большинстве случаев это солидный дядя в сединах, роговых очках, возможно, его пиджак украшен парочкой орденов. А при слове «писательница»? Тетенька, пишущая сказочки для детишечек младшего школьного возраста. Или про любовь.

В нашу задачу не входило взрывание стереотипов, нам хотелось показать возможности другого взгляда на наше общество, традиции, историю, современность. Поэтому – феминистский, от слова «фемина», «женщина», и только потом – от слова «феминизм». Согласитесь, как минимум справедливо предоставить возможность высказаться второй половине нашего общества. Женской половине.

Но вернемся к проекту. Дальше наступил третий этап, самый важный. Два месяца авторки писали свои тексты, сдавая мне порции каждую неделю. Условия были выставлены жесткие – 20 тысяч знаков каждую неделю. Конечно, я и не надеялась, что все участницы выдержат такой литературный марафон. Кто-то сдавала меньше, пропускала, уходила, так что в итоге осталось пять лидерок этого сурового автопробега.

Пять писательниц-финалисток, перед каждой из которых я готова снять шляпу. Потому что знаю точно – как трудно в такие сроки наладить регулярную писательскую деятельность.

Люди, только мечтающие стать писательницами, обычно волнуются насчет того, хватит ли им таланта и вдохновения, будут ли их идеи оригинальны, получится ли создать живых литературных героинь… Не о том волнуются. Самое трудное в этой профессии – писать регулярно, не отвлекаясь, не сомневаясь, не отступая от своей цели и – разумеется! – плана.

Созданием развернутого плана будущего романа/повести на основе представленных синопсисов мы занялись еще в процессе лекций. Не все участницы отнеслись к этой задаче серьезно. Некоторым казалось, что главное – начать, а там война план покажет. Но я все же постаралась донести до них важную мысль – план необходим, даже если вы не собираетесь его придерживаться. Да, вот такой парадокс. Писательский труд, как и любая серьезная работа, не терпит кавалерийских наскоков, тут важны собранность, тайм-менеджмент, упорство. Слишком часто на моих глазах происходили грустные истории, когда некто пишет одну-две главы, потом отвлекается, потом вдохновения нет, потом сомневается, потом забывает, а потом оказывается, что пять лет уже прошло, а романа нет как нет…

Итак – финалистки проекта «Современная постколониальная феминистская литература»: Дана Канафина, Дамина Мукитанова, Анастасия Пяри, Розалия Шамсутдинова, Камила Ковязина. Пять текстов. Пять длинных историй. И каких разных историй!

Каждая из них распускалась на моих глазах, как цветок на ускоренном видео, лепесток за лепестком, одна сюжетная линия за другой, героиня следовала за героиней, иногда все шло ровно, а иногда – оп! Не туда свернули! И кусок текста выпадает, а сюжет пробивает себе совершенно другую тропинку, ах, что же делать, этого же не было в плане! И в синопсисе тоже не было…

Секрет прост – планы и синопсисы всего лишь дисциплинируют мозг, дозируют порции, высветляют направления. А живая работа, живой текст пишется по-другому, и поэтому в итоге так отличается от плана. И это правильно и хорошо.

Розалия Шамсутдинова, «Кисмет». Тяжелая, кровавая, трагическая – уровня античной трагедии – история, сюжет которой странным образом растворяется в ужасающих подробностях, и это вдруг кажется правильным. То ли постапокалиптическая проза, то ли историческое фэнтези, то ли чудовищно жестокая притча… Да все вместе. Вкраплениями – кусочки нашей с вами реальности, в которых вскользь говорится о судьбах современниц, попавших в жернова традиционности, религиозной нетерпимости, домашнего насилия. Текст страшный, пробуждающий гнев и скорбь патетического уровня.

Дамина Мукитанова, «Дети Тенгри». На первый взгляд – фэнтезийная повесть на основе тюркской мифологии, написанная легким ярким языком, с динамичным сюжетом и обаятельными героями. В ней есть неприглядные картины школьного буллинга, семейные неурядицы и драмы, интересно придуманная вселенная духов. Но при всей легкости и ненарочитости повесть оставляет глубокое впечатление. Она – про инициацию. Про то, как стать взрослым – не физически, конечно, а духовно. И обращение к мифу мне кажется весьма естественным, ведь, несмотря на приметы современности, на все эти айфоны и Тик-Токи, несмотря даже на глобализацию, люди все равно то и дело становятся заложниками глубоко традиционной среды. А традиции могут не только сузить, но и расширить горизонт понимания самого себя и окружающих, их поступков и стремлений.

Дана Канафина, «Бескарманницы». Тонкая, европейского типа стилистика. Никаких объяснений, бесконечная рефлексия. Повесть-мемуар о казахстанских девочках, учившихся в турецком лицее в Алматы. Фиксация на переживаниях девочки-подростка, ее взрослении, странной среде этого взросления. Трагических событий никаких нет, школьный быт, и все же это только верхушка айсберга. Потому что взрослая жизнь некоторых девочек оказывается слишком крепко связана с лицеем. С тем, что вложили в их головы и сердца. Авторке, на мой взгляд, удалось подняться до пронзительного уровня драматизма в этом тексте, не потеряв, впрочем, ни прозрачности, ни недосказанности.

Анастасия Пяри, «Люция и незвери». Современная женщина принимает странное решение – будучи беременной и расставшись с отцом ребенка, она уезжает из Питера в удивительную украинскую деревеньку, которой и на картах-то нет, как выясняется немного позже. Просто откликнулась на объявление (как в мультике про Простоквашино – дом пустой, живите, кто хотите). Дом, в котором ей разрешил просто так пожить хозяин, уже населен кошками и собаками, и ведут себя эти звери-незвери очень странно. Мистика вторгается в сюжет, но ведет себя очень скромно. Никакой агрессии, никаких ужасов, никаких историй с завываниями. Мистическая линия сплетается с драматической. И героини романа ищут свое место в этой необычной жизни, некоторые находят любовь, некоторые – дружбу, а некоторые – призвание. Сюжет разгоняется медленно, но в нем есть и крутые повороты, и опасности, а героини легко переходят от размышлений и воспоминаний к поступкам.

Камила Ковязина, «Пять лет». Такая простая идея – три молодых матери познакомились в роддоме и продолжают общаться в соцсетях. Очень разные и по характеру, и по достатку, и по семейному положению. Кажется, их связывает только сравнительно короткий, хоть и важный опыт рождения ребенка. И все же есть что-то еще. И это что-то постепенно выходит на первый план и оказывается не просто дружбой-приятельством, которые сегодня, увы, частенько сводятся к обмену прикольными видео в тех же соцсетях. Это настоящее сестринство. Это поддержка. И от возраста к возрасту (все части романа – отражение взросления детей, от первых дней до 5 лет) ребенка растут и изменяются сами героини. Важная черта текста, на мой взгляд, это возможность услышать «о чем говорят женщины». Чем по-настоящему делятся. Их страхи, их невежество, их неуверенность, их провалы и удачи. Физиология, вызовы социума, семейные проблемы. Об этом у нас вообще не пишут. А жаль.

Я очень рада, что работала в этом проекте. Рада, что способствовала рождению таких замечательных текстов. Получились ли в итоге романы или повести, каков их жанр – это, конечно, важно, но важнее другое. Они, эти пять текстов, получились. Написанные женщинами, о женщинах, о женском – вне навязших в зубах стереотипов. Настоящие. Горжусь. И желаю талантливым и ярким авторкам большой литературной судьбы.

Только немножко грустно, когда вспоминаю о тех, кто сошла с дистанции. Такие были интересные синопсисы…

Остается лишь надеяться, что и эти романы тоже будут когда-нибудь написаны.

Лиля Калаус

Камила Ковязина

Пять лет

Глава 1

1 месяц

Ақерке
сегодня снилось что я ем апельсины, иду по песчаной дорожке знаете как будто в Турции и срываю прямо с деревьев 🍊🍊 😭😭😭
справа шумит море и я бы побежала
обычно бегу купаться
но сейчас я так сильно хочу апельсины что даже на море мне все равно

Мадина
А ты так и не пробовала еще? Читала, что на самом деле кормящим матерям можно есть апельсины, главное – в меру.

Ақерке
побаиваюсь
да и апашка не разрешает
если бы могла она только своей сурпой меня и кормила бы

Алия
)))))
А я попробовала кусочек шоколада, хотя мама ругалась. Но я говорю, Мадина просто так не скажет, она начитанная
Кстати, она очень хотела бы с вами познакомиться, зовет к нам

Мадина
Я бы с удовольствием, но в ближайшее время кажется, никому из нас не получится куда-либо выйти. Тем более приехать

Ақерке
ооо
не говорите
я так хочу куда-нибудь выйти
хорошо еще в этом году никуда толком выходить нельзя было
хоть отвыкла
раньше мы с Арманом каждую неделю ходили в гости

Мадина отложила телефон и улыбнулась. Только Ақерке могла радоваться тому, что из-за пандемии в стране был карантин. За всю свою тридцапятилетнюю жизнь Мадина никогда не встречала таких эгоцентричных людей, но при этом мило эгоцентричных. Ақерке своей детскостью и наивностью вызывала если не нежность, то желание не расстраивать ее, поддерживать это, очевидно, ненапускное доверие к миру.

Если бы Мадина верила в бога, она бы думала, что и бог поддался этому очарованию, щедро отсыпав Ақерке всего самого доброго, мягкого и милого. Арман в ней души не чаял, и это было заметно во время их созвонов в роддоме. Ребенка они не планировали, но очень ждали, и появился он как раз вовремя, не слишком рано для разговоров о причине свадьбы, не слишком поздно для разговоров о вероятном бесплодии. И разговоры вокруг Ақерке были только воздушные и легкие, как шарики, с которыми ее встречали из роддома, большой дружной толпой, с шампанским и метровыми цветами, которые она бы не смогла поднять самостоятельно.

– Ай! – Мадина осторожно отняла дочь от груди.

Из маленьких трещин на сплющившихся сосках снова появились капельки крови – девочка знала толк в напитках. И уже мирно спала в кроватке, пока ее мать пыталась временно облегчить боль.

– Почему никто не пишет об этом? – шипела Мадина, смазывая соски кремом. – Почему ни в одной чертовой статье я этого не видела?

Это было странно, потому что, очевидно, о проблеме люди давно наслышаны, ведь в аптеке есть специальные средства для заживления трещин, а на форумах и mom's life обсуждают, насколько эффективно облепиховое масло в сравнении с солкосериловой мазью. То есть все женщины знают об этом и даже где-то обсуждают, но это все проходит где-то за пределами стандартных тем, как когда на работе ты просишь передать коллегу прокладку, потому что ты забыла, и она передает тебе ее рука в руку, а ты хватаешь ее так же, и быстро кладешь в карман. Пока не заметили.

Эти разговоры ведутся таким негромким фоновым шумом в специальном женском сегменте информационного поля, этаком даркнете, только чтобы добраться туда, не нужен ни тор, ни впн, а всего лишь безвыходная ситуация, когда ты уже не знаешь, к кому обратиться и где узнать ответ. Ты забиваешь в гугле совершенно немыслимые запросы и вдруг находишь форум с обсуждением, а оттуда ссылки еще куда-то и еще куда-то. И чаще всего на английском языке.

Мадина застегнула чашечку бюстгалтера и вставила между соском и тканью мягкую подушечку для впитывания молока. И крови.

***

– Ақерке вот пишет, что ей снилось, как будто она опять в Турции и ест апельсины, – Алия мастерским движением завернула кусочек фарша в кружок теста. Они с мамой лепили пельмени и, как водится, делились новостями. А так как Алия сидела дома, все ее новости сейчас составляли только разговоры с девчонками.

– Наверное, она там часто бывала, они вроде не из бедных. И Арман хорошо зарабатывает, да?

– Да, хорошо зарабатывает, но… – Алия немного помедлила. – У нее и папа на железной дороге какой-то начальник, она еще до замужества каждый год куда-то ездила. – Алия старалась, чтобы голос звучал достаточно нейтрально.

Мама, как всегда, могла принять это на свой счет. Сейчас она молчаливо и деловито катала лепешечки, но опасениям Алии суждено было сбыться.

– Иногда я думаю, что, может, если бы я потерпела…

– Мам, не начинай, – с тех пор, как родители развелись, прошло уже больше пятнадцати лет, но разговоры о том, как было бы, если бы не, продолжались и как будто даже становились все невыносимее. – Ты не должна была терпеть, что он приходил пьяным каждый день.

– Ну кто в нашем городе не пьет? Вот и у Бахыт муж пьет, и у Дариги. Только они замужние, их зовут на тои, а со мной разговаривают, только когда помочь надо. Теперь еще говорят, что ты из-за меня… – разговор пошел совсем не в ту сторону, мама была готова расплакаться. Алия неуклюже поднялась и похлопала маму по спине. Вообще-то плакать полагалось ей, это же про нее теперь говорили все эти непонятные тетки.

– Мам, все будет хорошо, честное слово. Арсенчик у нас здоровый и крепкий, я через год на работу выйду, потом он в садик. У нас все получится. А отец… Если бы он был хорошим, он бы не забыл про нас, как только вы развелись. Кто ему мешал платить алименты или хотя бы иногда нам помогать одежду купить? А мы хотя бы не слышали эти скандалы каждый вечер…

«И не пытались бы определить его настроение по звукам шагов, когда он приходил с работы», – договорила она про себя.

***

Ақерке проснулась от звука шагов в подъезде. Сначала обрадовалась, что это Арман пришел. Но потом оказалось, что просто кто-то решил пойти пешком, а не подняться на лифте. Спасибо застройщику, ни один сосед не оставался неуслышанным. Иногда Ақерке казалось, что кто-то сидит у них на кухне и разговаривает, а это просто была открыта дверь на балкон.

Наверное, это было единственное, что ее сильно расстраивало в ее жизни. Она очень стеснялась сходить в туалет, потому что неприятные звуки могли услышать соседи. И Арман. Он, кажется, и не догадывался, что ее физиология не отличается от его. Она сама поддерживала это заблуждение все годы, пока они встречались, и целый год, который они прожили вместе. Даже когда она забеременела, он удивлялся, что она стала так много есть, ведь все время до этого ей было достаточно салатика.

На часах уже было девять вечера, Арман еще никогда не задерживался так поздно. Обычно он приходил, когда свекровь уходила, и они шутили что-то про солдат и пост. Арман был уверен, что его мама весь день помогала снохе по дому, и

потому приходил домой для законного отдыха. Ақерке в это время немного выдыхала, накрывала на стол и с улыбкой наблюдала за тем, с каким удовольствием он ел.

Дочь отличалась спокойным характером, поэтому такие идиллические вечера были не редкостью. Ақерке успевала даже делиться своими кулинарными шедеврами в инстаграме. Для этого она накрывала стол особой нарядной скатертью, ставила золотистый подсвечник и выкладывала еду на большие белые тонкого стекла тарелки. «Счастливая жена и мама принцессы Айи» стабильно получала сотни лайков, отчего ее душа трепетала, а в голове уже разрабатывались планы следующего потрясающего ужина или завтрака.

Сегодня она приготовила пасту с курицей и грибами в соусе бешамель и салат «Цезарь», но они уже успели здорово остыть, и ей пришлось разложить все по лоточкам в холодильнике. Дочка начала покряхтывать и ворочаться в поисках груди, и Ақерке с готовностью взяла ее на руки. Мадина говорит, у нее стали болеть соски и молоко идет вместе с кровью. Такое ощущение, что это от того, что она не очень хотела своего ребенка, все-таки не зря говорят: что отдаешь, то и получаешь. Мадина была слишком холодной и расчетливой, было такое ощущение, что даже ребенка она решила завести, потому что так полагается, для полной самореализации. Она все так хорошо просчитала, распланировала, изучила, она была гораздо более подготовленной, чем Ақерке и Алия вместе взятые. Но в ней абсолютно не было чего-то от природы: нежности, любви, инстинктов. Даже рожала она тяжело, дольше всех ждала полного раскрытия, а потом ей даже давали таблетки для стимуляции. Как будто ребенок не хотел выходить на этот свет. Ақерке дернула плечом, отгоняя нехорошие мысли.

«Но зато Мадина приготовила самую лучшую и комфортную кроватку и кокон и даже уже знает, в какой садик пойдет ее дочь, – постаралась вернуться к более привычному состоянию благодушия и умиротворения Ақерке. – Она будет хорошей мамой, может, просто немного строгой и замороченной».

В двери повернулся ключ.

– Вот я и дома! – громким шепотом сказал Арман.

***

– Как хорошо, что ты пришел. Я уже не выдерживаю, – Мадина была готова отдать мужу ребенка с самого порога, но тот, как назло, медлил. Очень долго и громко мыл руки и, фыркаясь и наверняка расплескивая во все стороны мыльные капли, освежал лицо. – Скажи, что ты успел поужинать, пожалуйста!

– Да-да, успел, давай сюда Пери, – Марат перехватил дочь из рук вымотанной жены. Круги под глазами выглядели больше и чернее, чем обычно, дочка оказалась очень капризной и требовала постоянного внимания. Родственники поговаривали, это из-за того, что ее приучили к рукам, но Марат благоразумно не передавал это Мадине. Ей и так здорово досталось. – Что, сегодня совсем тяжко?

– Да. Я – мыться, – сухо сказала Мадина. – Руки просто отваливаются.

Она включила кран и села на край ванны, оперлась головой о стену и застыла.

Вода шумела усыпляюще, веки становились невыносимо тяжелыми, как если бы ей наклеили несколько слоев накладных ресниц. Первый месяц с ребенком оказался тяжелее, чем она читала и ей рассказывали, и кровоточащие соски оказались не самым страшным. Дочь не слезала с рук и засыпала только, когда она ходила и покачивала ее, а все окружающие как будто сговорились и поучали ее. Она сама уже перестала доверять самой себе, она точно знала, что не успела бы приучить дочку к рукам, та с самого рождения не могла засыпать без укачивания, но все вокруг убеждали ее, что это она сама виновата. И пусть прокричится, просто надо закрыть дверь и перетерпеть.

Она пробовала так делать, но уже через десять минут беспокойного истеричного крика не выдерживала. Она вспоминала все эти статьи про детей из детских домов и реабилитационных центров, к которым никто не подходит, и они просто перестают пытаться привлечь к себе внимание, перестают верить, что кто-то их заметит и постарается утешить. Ее пугала мысль о том, что ее дочь может привыкнуть к такому и с самого младенчества лишиться ощущения близости. Но не меньше ее пугала мысль о том, что это, возможно, никогда не закончится, что ей всю жизнь придется носить ее на руках, несмотря на ноющую спину и дрожащие от напряжения руки.

Мадина чувствовала, что впервые в жизни ей приходится жертвовать личным комфортом и даже в определенной мере здоровьем ради кого-то, кто это даже не сможет оценить, и это давало ощущение тяжести. Теперь она все время должна была принимать во внимание потребности и желания дочери, всегда должна была отвечать за ее безопасность, здоровье, жизнь. Она боялась синдрома внезапной смерти, просыпалась посреди ночи и прислушивалась к еле слышному дыханию, подставляла ладони и иногда даже зеркало, чтобы убедиться, что все в порядке. Она боялась задавить Пери во время кормления, поэтому никогда не ложилась с ней, а сидеть ей нельзя было из-за свеженаложенных швов.

– Мадин, с тобой все в порядке? – голос Марат звучал обеспокоенно. – Может, тебе помочь?

«Даже десять минут не может побыть с ребенком», – с вялой агрессией подумала Мадина.

– Да, я просто залипла! Походи с ней еще, пожалуйста! Мне надо побыть одной.

Мадина с трудом оторвала взгляд от ромбовидного узора кафельной плитки и залезла под душ. Ей предстоит еще одна тяжелая ночь, а потом тяжелый день, и потом снова тяжелая ночь. Надо просто потерпеть.

***

Алия

Девочки, привет. Как вы?

У меня вопрос, не знаю даже как и сказать

Ақерке
что случилось, дорогая?
Арсенчик заболел? животик?
😟😟

Алия
Нет, он слава богу в порядке
Блин, мне сегодня позвонил отец Арсена, хочет встретиться, посмотреть на сына. Что мне делать?

Ақерке
сходи конечно встреться!
а вдруг вы помиритесь и он будет с вами
😆😁

Мадина
Он сказал, что он хочет?

Алия
Нет, просто говорит увидеться хочет

Мадина
А ты что думаешь? Ты говорила, он категорически не хотел ребенка.

Алия
Я не знаю, Мадин. Я вроде очень сильно на него обижена, а вроде и надеюсь а вдруг Ақерке права. Одной растить Арсенчика будет тяжело ему нужен отец

Мадина
Ты не одна. Тебе мама помогает и Мадияр.

Ақерке
это совсем другое
я тоже думаю что ребенку нужен отец
а то в школе его будут дразнить
😰😟

Мадина
Это какое-то устаревшее восприятие. Мне кажется, сейчас уже дети другие. Да и многие мамы растят детей сами.

Алия
Вот я и не знаю

Ақерке
а что мама говорит, Алиюш?
как она к нему относится?

Алия
Мамина бы воля – она бы вообще ни одного мужчину ко мне больше не подпустила

«У нее и самой-то не сложилось».

Мадина была права – сейчас очень многие девушки растят детей одни, такому уже даже перестали удивляться. Это в мамино время быть матерью-одиночкой было стыдно, могли и пальцем показывать, и детей обзывать. Поэтому то, что мама ушла от отца, было смелым шагом, родственники до сих пор не понимают этого, а ведь родители развелись, когда Алие было четырнадцать. Да что там говорить, они уже и про Алию шушукаются на многочисленных семейных мероприятиях. Она даже в какой-то мере была рада стать персоной нон-грата, иначе пришлось бы выслушивать советы, вопросы и, конечно же, предложения познакомить.

– Ну, Алия, пойдешь или не пойдешь? – она посмотрела на три подгузника, которые остались от большой пачки, которую коллеги подарили ей перед выходом в декретный отпуск. Большую их часть она потратила в роддоме в Астане, потому что все вокруг меняли подгузники, снимали один, надевали другой, и ей не хотелось казаться хуже. Но как только она вернулась в Жезказган, иллюзия обеспеченности закончилась. Еще до родов они с мамой нашили тряпочных подгузников и пеленок, и теперь серьезную часть ее дня занимала их стирка и глажка, потому что Арсен, кажется, решил поставить рекорд по частоте походов в туалет в день. Каждый раз, когда он тужился и краснел, как помидор, она надеялась, что это просто газики, а не очередная порция желтой дурнопахнущей кашицы, потому что подгузники не всегда успевали высохнуть, и из-за этого приходилось выглаживать их горячим утюгом.

Со дня на день Алия ждала пособия, которого едва хватит на их ежедневные траты. Встреча с отцом Арсена казалась все неизбежнее. Интересно, как он отреагирует на то, что Алия дала Арсену отчество по его имени?

Арсен проснулся, но не стал подавать голос, он молча мотал ручками и ножками и заинтересованно разглядывал рисунок обоев.

– Жаным[1], кажется, мы с тобой пойдем знакомиться с папой, – прошептала Алия, схватив его за маленький пальчик. – Вот бы он передумал. Как было бы хорошо.

[1] Ласкательное обращение к любимому человеку. Дословно «моя душа».

***

Они договорились встретиться в «Тагаме». Алия любила эту столовую, потому что здесь у нее не возникало ощущения безнадежности и беспросветной бедности. В Астане тоже был «Тагам», она там бывала пару раз, когда ее отпускали погулять, и сейчас, сидя здесь, она даже могла фантазировать, что за окном не серая улица Гагарина, а проспект Нур Жол, фонтаны, Байтерек, торговый центр «Керуен», название которого она помнила, но куда ни разу не рискнула зайти – таким блестящим и недоступным он казался.

Кто-то открыл дверь, и Алия увидела Жаната.

– Привет, – поднялась она со стула, как будто перед начальником, потянулась к коляске, чтобы достать Арсенчика.

– Привет, – его голос звучал глуше и суше обычного, и он старался не смотреть на коляску. – Я быстро, мне потом нужно в пару мест по делам, – он вел себя суетливо и, похоже, даже не планировал присесть. Алия поняла, что ее ожидания от этой встречи не имели под собой оснований. Она тяжело бухнулась на свое место. – Слышал, ты уже родила, вот тебе немного денег на питание, подгузники, – он бросил на стол двадцатысячную купюру.

– Спасибо, – хрипло прошептала Алия, в горле пересохло. Она чувствовала себя глупой и униженной. Зачем она вообще согласилась прийти? На что она надеялась?

– Как… здоровье? – он решил все-таки проявить хоть какое-то подобие интереса. – Как… – его взгляд метнулся в сторону коляски.

– Все в порядке. Спасибо, – Алия собралась с духом. – У меня была угроза выкидыша, поэтому отец отправил меня в Астану… Нур-Султан. Там хорошие врачи.

– Ого, отец объявился? Вы же вроде не общались никогда, – от удивления он даже сел за стол. Еще бы, ее отец был начальником на одном из крупнейших заводов в городе, и ее бывший нередко заговаривал о том, чтобы попросить устроить его туда. Работа на заводе с трудовым договором, пенсионными отчислениями и неплохим социальным пакетом – в их городе это просто мечта. Но она никогда не обращалась к отцу, даже если это могло спасти ее отношения с Жанатом.

– Мама ему сказала, – отмахнулась она от дальнейших расспросов. – Ты как?

– Я? Я все там же. Начал читать намаз, вот, братья сказали, что, хотя ты и родила во грехе, я должен тебе помочь.

«Во грехе» – Алия молча приняла и эту пощечину. Он, очевидно, не чувствует, что часть греха была и на нем, или эти его «братья» уже простили его? Она, как сквозь вату, услышала, что он нашел себе девушку с иманом. Только недавно она закончила школу («Может, я даже учила ее», – подумала Алия), у нее хорошая набожная семья, и теперь он будет следовать завету Аллаха в полной мере. Он не уверен, что получится поддерживать ее, ведь у него будут свои дети.

– Вот, – закончил экзекуцию он. – Не ищи меня. Если смогу, то буду закидывать что-то на Каспи[2]. У тебя же есть Каспи?

– Есть, конечно, есть. У кого сейчас нет Каспи, – она даже зачем-то полезла в

[2] Карта Каспи банка

сумочку, чтобы достать и показать золотистую карточку. – Знаешь, в Астане ты бы вообще не смог без нее нигде. Ни в столовой, ни в автобусе.

– Эээээ… – похоже, он ожидал совершенно другой реакции на его новости. – Ну, в общем, пока. Иншаллах, у тебя все будет хорошо.

– Да, да, и у тебя, иншаллах, – повторила бессмысленные для нее слова Алия. – Прощай, Жанат.

***

Мадина

Вот урод! Нет, ну какой урод! Как он вообще посмел? И еще эти несчастные двадцать тысяч, как будто подачка. Что ты на них купишь вообще?

Ақерке

и правда хоть бы не позорился
я бы вообще на твоем месте не взяла бы их
пусть подавится

Алия написала девчонкам о встрече, как только смогла отойти от нее сама. Дома она долго плакала. Кормила Арсена, укачивала его, готовила кушать, а слезы лились без остановки. Она пыталась взять себя в руки, дышать, как учили перед родами, отвлечься. Она говорила с Арсенчиком, сама отвечала за него, и это помогало. Они перебрасывались шуточками, Арсен, как будто понимая, мимикой участвовал в разговоре. Но потом голос предавал ее, срывался в фальцет, и она снова начинала плакать. Она написала девчонкам в надежде, что, разделив с ними свое горе, почувствует облегчение, но оно не наступало. Наоборот, Ақерке осуждала ее за то, что она взяла деньги, а Мадина наверняка думает, что она ведь предупреждала и не надо было ходить на эту ужасную встречу. Судя по всему, они обе не в состоянии понять, как именно живет Алия и что для нее эти двадцать тысяч далеко не подачка.

В какой-то мере она сама была в этом виновата. Она никогда не рассказывала им о том, что в роддом, пользуясь своими связями и возможностями, ее отправил отец; что сумку ей собрали коллеги из школы; что одежду для беременных ей дала ее двоюродная сестра, а на столе у них дома редко бывает что-то из мяса или фруктов. И что уж точно она не смогла бы приготовить ни одного блюда из инстаграма Ақерке.

Алия

Я просто не поняла что происходит, все было так быстро. Он зашел-спросил как дела-ушел, я даже не успела осознать

Мадина
Эй, ты не должна оправдываться! Ну-ка соберись. Это пусть ему будет стыдно, а ты можешь и должна брать все, что он дает!

Ақерке
конечно конечно, Алиюш, это мы просто смелые тут в ватсапе сидим
у меня самой часто бывали ситуации когда я не смогла повести себя гордо и потом корила себя говорила что в следующий раз обязательно будет по-другому
но и в следующий раз опять 😔😭

Алия
Ничего страшного, девочки. Спасибо, что поддерживаете меня. Если честно для меня даже эти двадцать тысяч большие деньги. У нас в Жезе на них можно полмесяца прожить

Ақерке
😱😱😱😱
не представляю

Алия
И не надо

***

– Ужас, представляете, апа[3], у меня подруга из роддома говорит, в Жезказгане можно прожить полмесяца на двадцать тысяч тенге! Я такое даже представить себе не могу! – Ақерке вылила из пиалы остатки старого чая и налила новый, как любила свекровь: ярко-красный, с каплей молока, которая делала чай аппетитно-коричневым.

– Ой бай[4], ей-то откуда знать? Ты же говорила, она лежала в центре материнства и детства платно, у нее-то денег куры не клюют, – свекровь звучно прихлебнула чай. Ее опыт позволял ей быстро оценивать потенциальное богатство людей на основе косвенных признаков. Ее сестра, например, могла сколько угодно жаловаться на недостаток денег, но ее ежегодные отпуска в Турции говорили противоположное. Люди любят прибедняться, это же ясно, а то вдруг попросишь у них денег. Ее сноха еще была такой наивной и даже в какой-то мере глупенькой.

– Не знаю, апа, на самом деле я вспоминаю, Алия всегда одевалась довольно скромно. Халатик у нее был один, она его даже как-то постирала. И к ней за все время, пока мы были в роддоме, ни разу никто не приходил… Даже и не знаю, как она заплатила за проживание в центре материнства и детства, она там, кажется, почти два месяца была.

[3] Апа, апай – обращение к старшей женщине
[4] Междометие на казахском языке.

– Қайтесін оны[5], Ақерке . Мне уже неинтересно про нее говорить. Вчера я не смогла прийти, смотрю, грязно стало. Стирка собралась, посуда в раковине стоит. Без меня даже помочь некому. Твоя мать, что ли, забыла, что у нее внучка родилась?

Ақерке опешила от неожиданного перехода и от такого прямого наезда. Свекровь и ее мама недолюбливали друг друга, все время пытались понять, кто из них делает больше для них с Арманом. Но обычно они обе старались обойтись намеками. Похоже, апа стало скучно, и она решила повоевать, как это принято у родственников.

– Ой, апа, вчера, знаете, как назло, Аяша начала сопливить и требовала внимания, я не успела стирку закинуть, – начала оправдываться Ақерке. Только бы получилось принять весь огонь на себя, лучше так, чем если мама узнает и они со свекровью снова поругаются.

– Ну я и говорю, если бы я пришла, то присмотрела бы за ней, а без меня некому, кому она нужна, конечно, это же не внук. Говорю Арману, был бы внук, тут бы сейчас очередь стояла, а девчонка кому нужна?

– Почему вы так говорите, апа? – Ақерке не в первый раз услышала этот упрек, и, хотя раньше ее это не трогало, сейчас в голосе свекрови было настоящее недовольство, и Ақерке задумалась о его причинах. – Аллах дал нам нашу дочу, а вам с мамой внучку, как вы можете такое говорить?

– Аллах Аллахом, дорогая, а моему сыну нужен наследник. Так что долго рассиживаться не стоит, а ты, смотрю, расслабилась совсем – ничего не успеваешь. Как ты будешь с двумя?

Ақерке
представляете девочки
сказала что я ленивая и распустила себя
и что уже надо сына
а я ведь только что родила!
😭😭😭
у меня швы еще не зажили!

[5] Забудь уже

Глава 2

3 месяца

***

– Сорян, брат, опаздываю. Жена не разбудила, я проспал. Через полчаса буду, – Арман громко разговаривал по телефону, даже не пытаясь быть потише, Ақерке с трудом разлепила глаза.

– Армааан, потише, Айя еле уснула, всю ночь животик болел.

– Не понял, ты меня не разбудила, и я еще потише должен говорить? Я на работу опаздываю из-за тебя, не позавтракал нормально. Обед хоть сложи по-быстрому!

Ақерке обиделась, но послушно встала и прямо в ночной рубашке протопала на кухню. Раньше она себе такого не позволяла: ни всклокоченной шевелюры, ни помятого лица Арман не видел, она всегда старалась проснуться пораньше и освежиться. Но в последнее время это было невозможно, у дочки часто болел животик, она толком не спала ни днем, ни ночью. Ночью приходилось особенно плохо, Ақерке не хотела разбудить мужа, ему ведь с утра на работу, поэтому сама носила дочку на руках, поглаживала животик по часовой стрелке, а потом против. Капли чуть-чуть облегчали ситуацию, но ненадолго, и она боялась их давать слишком часто.

– Вот твой обед, завтрак себе в столовой возьми, пожалуйста, – она прижалась к мужу по привычке, чтобы вызвать умиление и тем самым избежать его гнева. Как всегда, это сработало.

– Хорошо, жаным, только давай без повторения. Я ведь добытчик, мне нужно, чтобы жена меня поддерживала. Если я еще раз опоздаю, начальник может отказать мне в повышении. Давай, поцелуй малышку, – он чмокнул Ақерке в макушку, захватил ключи от машины и громко захлопнул дверь.

Ақерке сморщилась в ожидании, что из спальни поднимется рев, но вроде обошлось. Она на цыпочках пробежала в комнату и завернулась в одеяло.

Мадина
Я не понимаю, он что не может поставить себе будильник сам?

Ақерке
ну он привык что я его бужу
он считает что если мы не будем проводить вместе время
то
мы перестанем быть интересными друг другу

Мадина
Но ты же не высыпаешься! И потом – это же ненадолго, пока у Айи пройдут колики. Пусть он вместо тебя по ночам встает и ходит с ней, хотя бы раз пусть походит.

Ақерке
нет ты что 😳😱😱
как он потом работать будет целый день

Алия
Я думаю, это не наше дело, но может стоит с ним поговорить, обсудить это?
Мадина права, ты же не высыпаешься, а потом тоже целый день работаешь, разве свекровь тебе дает отдыхать?

Ақерке
иногда мне кажется что она наоборот меня еще больше напрягает

– Кажется ей! – Мадина не вытерпела и бросила телефон на кровать. Это было невыносимо несправедливо – бедная девчонка и так целый день пашет по дому, ее свекровь только и делает, что гоняет, а потом муж еще что-то требует. Ақерке говорила, что он даже пытается заняться с ней сексом, бездушная горилла. Странным образом, злость на мужа Ақерке была единственной сильной эмоцией, которую она испытала за последнее время. Ее собственный муж старался ее поддерживать, помогал после работы, и, наверное, она была благодарна, но как раз-таки благодарности она в себе не ощущала. Иногда злилась, что Марат делал все не от души, а как будто так надо было. Даже дочку держал так, словно показывал ей, Мадине, какой он хороший муж и отец. Но это было искусственно ровно настолько же, насколько искусственно вела себя сама Мадина.

– Я так хочу радоваться тебе, – говорила она дочке, та отвечала неизменно озадаченным выражением лица. – Ну улыбнись же, давай, ты же солнышко, да?

Пери улыбалась многим: людям во время прогулки, приходящей няне, редким гостям, даже мужу – но только не Мадине. Может, чувствовала внутреннюю неуверенность Мадины. Она все ждала, когда у нее проснется материнский инстинкт, но он не торопился. Даже наоборот – с каждой новой проблемой у нее было все меньше желания подходить к Пери.

Трещины на сосках зажили, только когда Мадина решила отказаться от грудного вскармливания. От смеси у Пери все тело покрылось сыпью, а врач предложила лечить ее по протоколу гормональной мазью. После сыпи были колики, и все это перемежалось соплями. Иногда казалось, что болезням не будет конца и что, возможно, она погорячилась, когда решила, что хочет ребенка.

– Как хорошо, что никто не может заглянуть маме в голову, – Мадина припудрила маленькую попку тальком и надела подгузник. – Как хорошо, что папа не знает, какие у мамы иногда бывают мысли, – хотя голос Мадины звучал довольно дружелюбно, малышка все равно продолжала хмуриться. – Пери, я никогда не наврежу тебе. Просто мама, кажется, очень устала. И даже не предполагала, что ребенок – это так тяжело.

Она покачала девочку, в надежде рассмешить даже покружила ее, как обычно делает Марат. Пери выглядела удивленно, Мадина держала ее, как куклу, подмышками так, что щеки ее собрались вокруг головы. Она была похожа на большой кусок теста, который почему-то мог шевелиться. Мадина положила ее в кроватку, дочь продолжала молчать в ожидании дальнейших действий.

– Все, все, не трогаю тебя. Ждем няню.

Мадина взяла телефон.

Мадина
Девушки, оффтоп. А вы всегда любите своих детей?

***

Зимой в Жезказгане очень холодно. Все почему-то говорят про астанинский ветер, но, очевидно, эти люди никогда не бывали в Жезе, здесь суровый степной климат усугублялся влажностью. Ветер никогда не нес просто воздух, это почти всегда были миллиарды замороженных мелких капелек, нано-сосулек, как говорили ученики Алии. И все эти миллиарды попадали в лицо, прямо в широко раскрытые поры, проникали под кожу и даже как будто под мышцы. Становилось невыносимо зябко, и поэтому ноябрь здесь считался полноценной зимой.

Алия закуталась посильнее, завернула лицо в шарф так, что видны были только глаза, и прибавила шагу.

– Почему моему сыну придется жить в этом климате? Разве он в чем-то виноват? – спрашивала она вслух сама у себя. – Почему из-за меня он должен терпеть эту погоду, все детство проводить ползимы дома, а на улицу выходить только в теплые дни лета? Осенью и весной тут тоже не так, чтобы тепло.

Она вообще с трудом могла вспомнить, в какое время года тут было хорошо. Осень и весна были короткими, да это даже и к лучшему, потому что они были либо похожи на зиму, либо превращались в вечную борьбу за чистоту в доме. Лето было пыльным и ветреным, город не мог похвастаться зеленью, и если днем ты оказывался где-то в центре, то белое слепое солнце нещадно напекало макушку.

В общем, наверное, зря она вышла погулять, еще и с коляской, которую то и дело сносило в сторону. Но сидеть дома безвылазно было уже слишком. Мадияр, как мог, разнообразил ее быт: после школы постоянно приносил вкусности, особенно ее любимые пончики; рассказывал истории, которые так же, как и к маме, липли

к нему; играл с Арсеном. Но этого было недостаточно, маленькая квартира не давала пространства для воображения, и даже холодная и неуютная улица казалась милее.

– Тыныш тш, келе жатыр[6], – в относительно тихом дворе у ее подъезда, как ни в чем ни бывало, сидели апашки. Судя по снежным узорам на их шалях, давно сидели и, как всегда, не молча. Делились мыслями и новостями.

– Сәлеметсіздер ме![7] – поздоровалась с ними Алия. – Зауре апай, калыныз калай?[8] – спросила она соседку по площадке.

– Жақсы, жақсы[9], – Зауре апай посмотрела на нее как-то строго, вполоборота, как будто нехотя.

– Бүгін бізге кіріп шығасыз ба, Арсен уш айға толады[10], – соседка часто помогала им с Арсенчиком и, казалось, даже любила по-своему, но сейчас Алия чувствовала, что приглашение было неуместным.

– Ұятсыз![11] – выкрикнула другая бабка. – Кет көзімнің алдымнан! Жәләп![12]

Зауре апай совсем отвернулась и опустила голову.

Понятно, кого они обсуждали на этот раз.

***

Мадина и Ақерке уже в который раз безуспешно пытались договориться погулять вместе. Вообще-то больше всего встретиться хотела Ақерке, а Мадина вяло поддерживала и несознательно саботировала процесс планирования встречи. Странным образом, хотя они жили не просто в одном городе, а довольно близко с точки зрения географии, встретиться было довольно проблематично.

В Астане пешеходная инфраструктура в целом оставляла желать лучшего – все давно признали и смирились с тем, что строили город для красивого вида сверху и для владельцев машин. Передвигаться с коляской было и вовсе сродни подвигу, потому что большинство тротуаров не были оснащены пандусами, часть пешеходной дороги традиционно занимали бамперы машин, а светофоры были «умными» и предпочитали пропускать огромные потоки машин, нежели горстку смелых пешеходов.

Наконец решено было встретиться в парке около Пирамиды – местной достопримечательности, где раньше довольно часто собирались представители всех религий мира. Парк находился ровно посередине между «Хайвиллом», где жила Мадина, и ЖК «Барселона», где жила Ақерке. Но и здесь погода не располагала к долгим прогулкам.

– Иногда я думаю, странно, что наш дом считается элитным, – ежилась от ветра Ақерке. – У нас маленькая детская площадка и ближайшее место для прогулки – этот парк. А сюда еще дойти надо.

– Наверное, предполагается, что сюда надо доезжать?

---

[7] Здравствуйте!

[8] Зауре апай, как поживаете?

[9] Хорошо, хорошо.

[10] Зайдете к нам сегодня? Арсену три месяца исполняется.

[11] Бессовестная!

[12] Уйди с моих глаз. Проститутка!

– Но, чтобы доехать сюда, надо сначала проехать несколько километров, развернуться и потом еще искать парковку. А тут еще, кажется, они платные, – Ақерке выглядела нахохленной. В ее идеальном мире стало появляться все больше вызывающих недовольство вещей.

– Действительно, неудобно, – согласилась Мадина. – А по поводу площадки согласна. У нас она есть, но на каком-то этаже, и я постоянно путаюсь, где надо выходить.

– Вообще, пока у меня не появилась Айя, я не думала, что двор – это так важно. Я так гордилась нашим домом, он такой красивый и выглядит по-европейски, а как он светится, когда смотришь на него с набережной!

Мадина улыбнулась. Ақерке в своем стиле.

– Ну, ваш дом и правда очень красивый, но мне его почти не видно из нашего окна.

– И, знаешь, я еще никому этого не говорила, – Ақерке, кажется, была готова разоткровенничаться. – У нас ужасная слышимость. То есть, знаешь, я думала, в элитных домах ты живешь как будто в своем собственном доме, но нет. Я не могу сходить в туалет, пока не буду уверена, что там нет соседей.

– Пока не убедишься, что соседей нет в твоем туалете?

– Нет, пока не убежусь, что соседей нет в их туалете.

– А как ты в этом убеждаешься?

– Слушаю, Мадина, захожу в туалет и слушаю через стену.

Мадина начала смеяться. Лицо у Ақерке было ненарочито несчастным, но Мадина просто не могла остановиться.

– Ты слушаешь, есть ли они в туалете или нет?! А представляешь, если они тоже слушают, ожидая, пока ты закончишь свои дела и уйдешь?! Ахахахахаха, – продолжала смеяться Мадина.

– Но… – очевидно, о таком варианте развития событий Ақерке никогда не задумывалась. – Ужас, – она закрыла лицо. – Как я теперь буду ходить в туалет?

***

– Алия, привет, ты как? – мама пришла с работы поздно, но побежала к дочке, даже не успев толком раздеться, вся холодная и красная. Мадияр уже написал ей о том, что произошло днем. Когда он вернулся из школы, его сестра усыпляла Арсена, и он не сразу заметил ее покрасневшие и опухшие от слез глаза. Он так надеялся, что она не столкнется с этими бабками, но они как прилипали к лавке с самого утра и до вечера. Избежать встречи с ними было практически нереально. Он просто не думал, что кто-то решится сказать такое вслух и в лицо. Обычно все-таки люди говорят за глаза, и чего только они не говорят. Тем более Алия учитель, в Жезе это почти так же почетно, как работать на заводе.

– Нормально, мам, – Алия поняла, что скрывать уже бессмысленно. Постаралась, как обычно, сдержаться, чтобы не расстраивать маму, но это было слишком тяжело.

– Прости меня, доченька, прости, что из-за меня люди позволяют говорить тебе такое. Если бы у нас был отец, все было бы совсем по-другому, – мама обняла Алию, прижала к себе, как маленькую, начала покачивать.

Алия не выдержала.

– Я не знаю, что я им сделала, мам. Как им не стыдно, мам, они же пожившие апашки, у них же тоже есть дочки и внучки! – она завыла в голос, не в силах сдерживать напряжение, которое копилось в ней все эти месяцы. Ей было ужасно обидно, что казавшиеся той самой настоящей любовью отношения привели к постоянному чувству стыда и унижения. Ей было обидно, что это бремя она несет одна, в то время как отец Арсена завел себе новую жену и наверняка скоро у него будет новый ребенок. Ей было обидно, что ее обсуждают даже люди, которые вхожи в ее дом, помогали ей с Арсеном и, казалось. поддерживали. Но больше всего ей было обидно, что она сама в глубине души была согласна с соседкой, которая назвала ее жаляп.

– Тихо, тихо, тихо, доча, – мама гладила ее по голове, как в детстве, когда проблемы были далеко не такими серьезными. И от этого Алия начинала плакать еще сильнее.

– Маааам, как же так? Если бы только Жанат захотел на мне жениться, все было бы совсем по-другому. Если бы только он захотел признать Арсенчика, я была бы замужем и меня бы уважали, пропускали бы везде, звали бы в гости. Даже тебя теперь не зовут в гости, мам, это из-за меня, – Алия все сильнее убеждала себя в том, что она достойна была этой выволочки и даже немного начала понимать Жаната. Зачем ему женщина, которая настолько неразборчива, что ложится в кровать с кем попало, да еще и соглашается делать это без защиты.

– Мама, какая я дура, мама, – ее несло, и от этого странным образом становилось легче. – Я же сама постоянно разговаривала с девочками, объясняла, что, если вдруг их будут убеждать заняться сексом, они предохранялись. Рассказывала про презервативы и про таблетки, – Алия не замечала, что маме стало не по себе от такой ее откровенности, да в другое время она бы и не стала говорить об этом, но это была далеко не стандартная ситуация. – Мадияр, вот вам в школе говорят о том, какие бывают последствия от секса? Вам рассказывают, что девушка может забеременеть или что вы можете заразиться ВИЧ? Вам говорят такое? Нет, конечно! А я рассказывала, да толку-то, если сама не смогла уговорить Жаната предохраняться. Он говорил, что на все воля Аллаха, мама, он говорил, что все будет, как ему угодно. Как я не поняла, что перед Аллахом потом отвечать буду я одна? – Алия, казалось, уже начала бредить.

– Алия, Алия, доча, у тебя, кажется, температура, – мама обеспокоенно потрогала лоб, а потом для верности прижалась к нему губами. – Доча, надо смерить температуру. Мадияр, дай градусник!

Алия вся горела. Слезы почти сразу засыхали на ярко-красных щеках и оставляли только соленые дорожки.

– Мадияр, завари Терафлю, там в аптечке, я в тот раз принесла несколько пакетиков!

– Мам, разве можно кормящим Терафлю, а вдруг там доза большая будет для Арсенчика? Мам, сегодня собирались прийти девочки, Арсенчику три месяца, – мысли Алии уже потеряли последовательность. Мама настойчиво укладывала ее, а она пыталась вырваться. Надо накрыть стол, протереть пол в прихожей и вытереть зеркало от капель воды…

– Я им позвоню, Алиюш, предупрежу обязательно, тебе надо лечь. Тебе надо отдохнуть.

– Арсенчик, его надо покормить, я собиралась выкупать его.

– Мы все сделаем, жаным, тебе надо прилечь. Вот, Мадияр принес тебе Терафлю, пей, пей. Тихо, тихо, тихо, пей, пей, – мама приложила ко лбу Алии мокрое полотенце. – Спи, доча, спи. Завтра все будет хорошо.

***

– Жаным, дорогая, Еркеша, – Ақерке проснулась от свистящего шепота. Арман опять поздно пришел с работы, а она уже начала привыкать, что в пятницу он ходит с коллегами выпить и пообщаться.

– Ммм, Арман, я же спала, – она начала выворачиваться из тесно обхвативших ее рук. – Ты опять пил, да? – зачем-то спросила она, хотя запах был очевиднее некуда. – Зачем ты разбудил меня, я только уснула…

– Ну не буду же я тут без тебя. Я очень хочу кое-что, что мы с тобой давно не делали, – он продолжал шептать и убедительно прижался к ней пахом. Ақерке хотела снова схитрить, но подружки говорят, что, если так будет продолжаться, он может пойти к другим женщинам. Мужчин нельзя оставлять без внимания.

Ақерке обреченно и очень тихо вздохнула. Четыре месяца прошло с их последнего раза. На последнем месяце беременности боялся он, а после родов не хотела она. Не то чтобы не хотела, скорее – не могла физически: разрывы, хоть и небольшие, заживали медленно и ныли, ей даже представить было страшно, чтобы попробовать снова. А когда они зажили, ей казалось, что все в ней изменилось. Даже выйдя замуж, она чувствовала себя совсем юной девушкой. Она думала, после родов просто вернется в свою старую форму, как будто ничего не случилось. Но это случилось, ее тело стало другим, на животе и бедрах появились растяжки, какие-то мягкие, как подушки, отложения. Мадина говорила, где-то пишут, что это помогает мамам держать детей, пока они маленькие, такие жировые подставки. Даже «там» у нее все поменялось, было не таким, как раньше, и это было самое невыносимое. Ақерке чувствовала, что тело предало ее, и она не знала его больше.

Она, не поворачиваясь к нему, протянула руку и погладила его через трусы. Он с готовностью отозвался, вжался в нее еще сильнее, воткнулся носом в ее шею, и игнорировать запах виски и сигарет было уже невозможно. Ақерке постаралась не дышать и продолжала массировать растущий бугор, а Арман благодарно целовал ее шею и уши и нещадно теребил соски. Еще полгода назад это было бы действительно приятно, но не сейчас. Соски огрубели от постоянного кормления и отвечали на любое прикосновение к ним раздражением, таким тоненьким и назойливым, как писк комара, который отдается во всем теле.

– Не надо, Арман, – Ақерке вывернулась, – я уже готова. – Она решительно повернулась к нему, стянула с себя трусики и закрыла глаза. Арман был не в состоянии оценивать нюансы происходящего, да и он уже устал ждать. Поэтому сразу воспользовался приглашением.

– Жаным, чо ты отодвигаешься, ты же сказала, что готова, – он попробовал войти, но встретил сопротивление. Ақерке вся дрожала, ей было страшно даже просто начать. Она закусила губу и снова собралась с силами, надо просто перетерпеть, и, может, ей станет даже приятно. Она позволила ему войти, осторожно и медленно, постаралась выбрать угол, под которым ей будет не так больно, и начала потихоньку двигаться ему навстречу. Вопреки опасениям, больно ей было только в самом начале, в месте, где были швы.

– О, Еркеша, такое ощущение, что ты снова девочка, – прошептал ей на ухо Арман. – Так хорошо.

Она продолжала прислушиваться к себе. Теперь ей уже не было больно. Но и не было приятно. Ей было никак.

Постепенно и она, и Арман осмелели и стали двигаться быстрее. Арман постоянно сбивался, а Ақерке надеялась, что ускорение темпа даст ей хоть какие-то ощущения. Раньше это срабатывало. Но сейчас ничего не происходило. Ей казалось, что она ощущает все, как сквозь вату, как будто внутри нее теперь была только вата, и у этой ваты не было ни одного рецептора. Этой вате не суждено было больше радоваться единению с любимым человеком.

Арман продолжал двигаться уже как-то методично, как будто поршень, с однообразным ритмом и полным отсутствием интереса к ее ощущениям. Это значит, он скоро закончит. Он сделал еще несколько толчков, а потом промычал что-то непонятное, что-то вроде, пусть хоть в этот раз получится мальчик. Вышел из нее, вытерся простыней и заснул.

Ақерке заплакала.

***

Ақерке
девочки

Мадина
Что такое?

Алия
Что-то случилось?

Ақерке
нет
нет все нормально

Ақерке
хочу спросить

Ақерке
хочу спросить и стесняюсь

Мадина
Что-то про секс?

Ақерке
да

Мадина
У меня его нет.

Алия
А у меня еще наверное долго не будет

Мадина
Хорошо, мы с мужем оба с невысокой потребностью в сексе. Иначе сейчас пришлось бы туго.

Алия
Я всегда поражаюсь твоему умению говорить обо всем без стеснения

Мадина
А потому что какой смысл общаться намеками? Когда люди пытаются использовать эвфемизмы, теряется качество коммуникации. Один перестает понимать другого. Потом всякие недомолвки, обиды. Зачем это?

Ақерке
а я даже думать такое не могу
я боюсь даже подумать слово ч***
😳😖

Мадина
И поэтому видимо не расскажешь нам в чем дело

Алия
Возможно нам и не стоит это знать…

Иногда Мадина думала о том, почему она продолжала общаться с ними. Они были очень непохожи на ее друзей, продвинутых, начитанных, вращающихся в своем глобальном мире без границ. Они и друг на друга-то не похожи, но они хотя бы разделяли какие-то общие ценности и понимание мира. Эти девчонки были откуда-то из истории, с этим их нелепым стеснением и стыдом, непомерным грузом вины, которая ложится на них с рождения. Мадина видела себя в их глаза бесчувственной и в какой-то мере бескультурной инопланетянкой.

Тем не менее – в последнее время они были теми немногими, с кем она еще могла общаться. Они ей нравились: Алия – очень добрая и готовая поддержать, а Ақерке – ребенок, которым Мадина как будто никогда не была сама.

Мадина
Хочешь, я позвоню тебе, Ақерке? Буду сама называть вещи, а ты будешь говорить да или нет?

Ақерке
нет
наверное нет
мне кажется я еще не смогу

Мадина
Если у вас нет секса, это нормально. Многие говорят, что после рождения ребенка сексуальные отношения полностью перестраиваются.
У кого-то они становятся более зрелыми и чувственными. Но это требует времени.

Ақерке
нет
у меня был с***
😳
просто это было...

Ақерке
я совсем не хотела
и не могла сказать это
боялась обидеть
и что он уйдет от меня
😔

Алия
...
Кажется все иногда через это проходят

Мадина
Даже я иногда соглашалась, когда не хотела.

Ақерке
...
неужели теперь никогда не будет приятно?

Мадина
Не знаю, Ақерке, не знаю.

– На самом деле, девочки, я сильно от вас не отличаюсь, я даже как-то сказала мужу, что я не обижусь, если он найдет себе девушку для секса, – Мадина подогревала бутылочку со смесью и говорила сама с собой. – На самом деле ни фига я не продвинутая и не осознанная, потому что тоже думаю, что мужчина без секса обходиться не может. А если его не даю я, то пусть даст кто-то другой.

***

– Да-да, спасибо, хорошо, – Мадина стремилась убежать из кабинета педиатра, как только получила разрешение на прививку. – До свидания, до свидания, – нервно стала напевать она, потому что с тех пор, как педиатр назначила Пери гормональную мазь, она не могла даже смотреть ей прямо в глаза – так она ее бесила.

Мадина раньше никогда не сталкивалась с государственной системой здравоохранения лицом к лицу: она редко болела, а когда болела, ходила к частным врачам. Но ради прививок дочке пришлось идти в госполиклинику, а тут кому как повезет. Ей вот не повезло.

– Кто последний? – зычно крикнула она в толпу. Кто-нибудь обязательно отзовется, тут главное не робеть.

– Девушка за мной стоит, – ответила одна мамочка. – В полосатой кофте. Вы за ней будете.

– Спасибо, – Мадина вежливо улыбнулась и отошла.

Мадина
Кто-то уже прививался? Ну тут и очередь.

Алия
Мы ходили в том месяце, в этом еще не успели. То сопли, то температура

Мадина
О да! Тоже каждую неделю терзаю Дамумед, записываюсь, а потом отписываюсь. Сегодня дошли наконец.

Ақерке
а вы не боитесь?

Мадина
Чего?

Ақерке
ну последствий
ну ты-то неужели не читала?
😳😳😳

Мадина
Ну я-то как раз много чего читала. И все понимаю про последствия. Только дело в том, что последствия прививок вообще никогда не сравнятся с последствиями их отсутствия.

Ақерке
не знаю что ты читаешь а у меня сноха – медик
и она своих детей не прививает

Мадина начала чертыхаться. Она много слышала об антиваксерах и даже сталкивалась с ними в мамском приложении, но она даже подумать не могла, что с одним из них она так близко общается. Каждый день. Уже целых три месяца.

Мадина
Ақерке , я считаю, что твою сноху должны уволить из того места, где она работает. И надеюсь, я там никогда не буду обслуживаться.

Ақерке
ого
это грубо

Мадина
Потому что у нее как у медика большая власть, ей люди верят, и она такое говорит. Насколько надо быть неграмотным, чтобы такое заявлять. Еще и своих детей не прививать. Ну да, пусть они умрут от кори!

Ақерке
я считаю каждая мама пусть решает за своего ребенка
Айе мы не собираемся ставить
и всем другим тоже

Мадина
Ну да, ну да, поэтому уже во многих странах вернулись эпидемии болезней, которые считались побежденными. Из-за этого теперь те, кому и правда нельзя ставить прививки, будут болеть и возможно умирать. Молодцы какие, сами за себя решают они.

Ақерке
мне кажется ты перегибаешь палку Мадина
если мой ребенок станет инвалидом ты потом будешь за ним ухаживать?

Мадина
Да не станет он инвалидом от прививки! Это без прививки от полиомелита он может стать инвалидом!

Ақерке
я не хочу больше говорить на эту тему
хорошего дня

– Кажется, мам, девчонки к нам в гости не приедут.

– Почему? Что-то с детьми?

– Нет, они ужасно поссорились. Из-за прививок. Ақерке считает, что каждый решает за себя, а Мадина жутко разозлилась и наехала на нее.

– Знаешь, я тут подумала, ты до сих пор не рассказала им, что с тобой происходит. Может, они и не подруги тебе вовсе? Просто вас почему-то сбило в одну кучу, как маленьких овечек, и вы жметесь друг к другу.

– Да ты просто философ, мама, – она улыбнулась и погладила маму по плечу. – Может, ты и права. А может, я сама такая закрытая и просто не могу никому открыться. Было бы очень жаль, если бы мы перестали общаться. Девочки были для меня окном в другой мир.

– Может, помирятся еще. Но тебе надо поговорить с этой Ақерке. Если бы не прививки, нас, казахов, было бы еще меньше. Почему ее мама об этом ей не рассказывает?

Глава 3

6 месяцев

***

– Как это случилось, Мадина? – Марат похлопывал по спине Пери, которая все никак не могла успокоиться. Она держалась за голову и, широко раскрыв рот, кричала во весь голос.

– Она ползала по дивану, пыталась встать, ну ты же знаешь, и слетела. Если честно, я вообще не поняла, как это случилось. Я буквально отвернулась, а она уже на полу и кричит. Красная такая. У нее все в порядке?

– То есть, если бы я не пришел сейчас домой, ты бы даже не осмотрела ее? Вроде все нормально, мы же читали, что у младенцев головы приспособлены к падениям, – Марат инстинктивно поглаживал дочь и пытался не завестись.

– Не знаю, – ответила она, и это было очень честно. И слишком ярко показывало ее уязвимость.

Мадина готовилась к рождению ребенка, как будто к экзамену, как и ко всему в ее жизни. Много читала, искала консультантов, советовалась и изучала рекомендации. Они многое обсуждали, договаривались на берегу. Все было настолько просчитано, что Марат не был уверен, не выбрала ли она и его для этой миссии по каким-то только ей ведомым критериям. Он не зарабатывал баснословные деньги, но работал в хорошем месте, стабильном и престижном. Ежеквартально у них были премии, даже когда компания имела минимальные доходы. Их отношения тоже были стабильными и спокойными, они уже были довольно взрослыми по казахстанским меркам, когда поженились, так что его все устраивало.

Мадина долго не могла забеременеть, но в деле получения эмбриона и его выращивания внутри себя она проявила свою стандартную технику измора. Это одновременно восхищало его и пугало, и придавало перчинку их в остальном предсказуемым и малострастным отношениям. Но сейчас она была не похожа на ту женщину, с которой он был знаком все эти годы. Она стала несобранной, рассеянной и агрессивной.

Даже когда он задавал простые вопросы, она слышала в них какие-то запрещенные тональности, и почти любой их разговор превращался в короткую перепалку, а Марат оставался виноватым во всем. Из-за этого он старался вопросы почти не задавать и общаться только по мере необходимости, обычно, когда приходил вечером домой и на несколько часов брал уход за Пери на себя.

– Я думаю, надо сводить Пери к врачу. Давай соберем вещи. Надо взять бутылочку со смесью, салфетки, что-то на переодевку.

– Ты знаешь, куда ехать?

– Позвони в 109, пожалуйста, там должны подсказать.

Собрав с собой целую сумку, они поехали во вторую городскую детскую больницу. По вечерам поликлиники не работают, и все дети, имевшие несчастье заболеть или травмироваться, стекаются вместе с родителями во вторую городскую детскую больницу, где их сортируют по степени тяжести и экстренности. Пери была помечена желтым: дети до года находятся под особенным присмотром, и травма, хотя и была распространенной, могла оказаться опасной.

– Пройдите в смотровую номер 3, прямо по коридору и направо, – указала медсестра.

– Надо же, так мало людей, я думал, мы тут часа на три застрянем, – удивился Марат. Пери завороженно разглядывала стены с огромными нарисованными мультяшками.

– Если честно, я тоже не ожидала, – вынуждена была признать Мадина. Она устало прислонила голову к стене. – Хорошо, что ты сегодня рано пришел. Я бы не знала, что делать.

Марат, хотя и немного злился на жену, но, как мог, участливо погладил ее по плечу.

– В следующий раз звони мне. И в скорую. Или в скорую, а потом мне. Ты не одна.

Она беззвучно кивнула. Почему-то ей все чаще казалось, что это не так. Ей казалось, что как раз-таки она совсем одна, и очень много ежедневных решений, как будто гораздо больше, чем раньше, ей приходится принимать самой. Ей надо было следить за питанием, за передвижением, за сном дочки. Решать, гулять ей или нет, достаточно ли она укутана, не слишком ли тепло одета. После инцидента с мазью она не доверяла назначениям врача и при каждом ОРВИ проверяла списки лекарств на предмет доказанной эффективности. Несколько раз за полгода ей уже приходилось отбивать дочку от лечения антибиотиками. Педиатр считала, что, как и всем заполошенным мамашам, Мадине для успокоения нужен список из десяти наименований и, как минимум, один антибиотик. Мадине пришлось даже научиться читать лейкоцитарную формулу и требовать, чтобы общий анализ крови был развернутым. Поэтому даже периодическое появление няни несильно облегчало ее участь.

– Спасибо. Ты знаешь, мне кажется, что за последние полгода я как будто прожила несколько лет и при этом не помню ни одного дня. Все пролетает мимо меня, а мне остается только усталость. Иногда я думаю…

Марат внимательно посмотрел на жену. Она хотела поделиться чем-то, но то ли боялась, то ли не могла найти подходящих слов. Он и сам боялся спугнуть эту внезапную откровенность.

– Иногда мне кажется…

– Айтбаева Пери, 6 месяцев, это вы? Проходите на прием, – молоденькая врач торопливо вошла в смотровую.

– Я сам зайду, – Марат подхватил дочку и последовал за врачом.

Мадина закрыла глаза. «Иногда мне кажется, что я не могу быть матерью».

***

– И что он тебе сказал?

– Говорит, ну чо ты ломаешься, как девочка, мы же оба этого хотим.

– А ты?

– А я кинула ему букет в лицо и пошла домой. За кого он меня принимает?

– Ну ты прям деловая, как будто у нас тут нормальные мужики на дороге валяются.

– Надо будет, в Астану поеду!

Алия вполуха слушала, как девчонки обсуждают нового ухажера Айгули, и натирала вареную морковь. Им с мамой в очередной раз повезло, и Арсенчик любил довольно бюджетный вариант пюре: морковь с яблоком. Постепенно Алия собиралась ввести еще картофельное пюре и фарш из куриного филе, мальчик становился крепеньким, и ему уже не хватало одного молока. Он уже с большим интересом начал засматриваться на то, как едят взрослые, и даже порой синхронно с ними глотал воздух.

– Ждешь звонка? – Алия спросила в надежде, что хотя бы чья-то романтическая история не закончится пшиком. – Думаешь, позвонит?

– Не знаю и не жду, – Айгуля была очень красива и самое главное – знала это и даже частенько пользовалась этим. Алия даже немного завидовала этой уверенности в себе и в собственной красоте и тому, что все, и сами того не понимая, попадали под их действие.

– Иногда мне кажется, что здесь тебе не место, – с улыбкой сказала она, – ты такая яркая и живая.

– Мне кажется, нам всем не мешало бы свалить отсюда, – ответила Салтанат, черноволосая и пухленькая, с ямочками на щеках, – тут уже и мужиков-то адекватных не осталось. Если не пьет, то траву курит, а не курит траву, значит, короткоштанный. Даже не знаю, что хуже.

– Короткоштанные – сто процентов хуже всех. Они же, мало того, что сами на голову отбитые, еще и жен заставляют покрываться и детей-террористов растят, – сказала самая старшая из всех подруг Дина. Хотя высказывалась она прямо и довольно жестко, но на самом деле была очень мягкой и отзывчивой.

– Дина, нельзя так, – постаралась мягко возразить Алия. – Они верят в Аллаха, не все там террористы.

– Ну, все не все, не знаю, а многих из них и их семей недавно на государственных вертолетах привозили из Сирии. А нас в колледже теперь постоянно заставляют следить за студентами. Как будто нам и так дел мало.

– А что? А что вас заставляют?

– Да чтобы мы сообщали, если кто-то начинает себя странно вести. Не расстраивать их, даже оценки говорят ставить повыше. Типа – главное нам их всех довести

до профессии, устроить на работу. Еще приезжают из Астаны всякие, обучают их, как резюме составлять, как пользоваться компьютером. В общем, трясутся теперь.

– Жанат тоже отпустил бороду, – Алия взяла Арсена на руки и начала кормить свежеприготовленным пюре. Ее подруги молча уставились на нее. Это был первый раз, когда она упомянула его с тех пор, как он бросил ее беременную.

– Что, похоже, подтверждает мое мнение, что короткоштанные… Чо толкаешься?

Айгуля ткнула Дину в плечо, чтобы та успокоилась. Как-никак речь шла о когда-то любимом человеке Алии.

– Я не знаю, короткоштанный он или нет, просто бороду отпустил и еще сказал что-то про «братьев», но они, наверное, там все братья. Да же? – Алия зависла с ложкой по дороге к ротику Арсена. – Он же не…

– Не знаю, не знаю. После того, как кнбшники усилили свою слежку за сильноверующими, даже борода – это какой-то вызов и как будто символ, – Дина продолжала демонстрировать поразительную осведомленность о работе КНБ и о ситуации в религиозной сфере.

– Так, девочки, почему отвлекаемся? – Салтанат суетливо начала разливать по бокалам вино. – Мы зачем собрались? Арсенчик уже совсем большой малыш стал, целых полгода. Кто еще не говорил? Айгуля?

– Что я могу пожелать? Поздравляю тебя, Алиюш, полгода – это уже срок. Уже сидеть может, скоро пойдет. Пусть растет крепким и здоровым, а счастливое детство ты ему обеспечишь. Ему очень повезло, что у него такая замечательная добрая мама, и еще бабушка, и дядя. Мадияр вообще такой умница. Вот такого бы парня я бы подождала.

– Ты тост говоришь или к мальчику подкатываешь? – Салтанат злобно зыркнула на подружку. – Давай, пьем или нет?

– Да, давайте выпьем за это. Даст Аллах, через полгода будем путы перерезать Арсенчику.

Девушки чокнулись бокалами.

Алия поняла, что они хотели отвлечь ее, но мысль о том, что Жанат мог попасть в секту, не покидала ее, она, наоборот, все больше укреплялась в ней. В последнюю встречу он был слишком нервным даже с учетом их отношений. И это его намерение найти девушку из религиозной семьи… Когда они встречались, он был набожным, часто упоминал Аллаха, но кто из казахов не упоминает?

– Дина, а что делают с теми, кого подозревают? Ну, что в секте?

– Ну, насколько я знаю, просто присматривают, держат на контроле. Вот если как-то подозрительно будут себя вести, то уже…

– Может, оно и к лучшему, что Жанат ушел?

***

Как только за Арманом закрылась дверь, Ақерке полезла в телефон.

Уже несколько месяцев она наблюдала, как ее инстаграм-страничка теряет под-

писчиков. За несколько месяцев до родов и сразу после родов у нее было уже пару тысяч человек, и она даже немного фантазировала о том, как станет известной блогершей, как Супермамасита или хотя бы Гульнара Курманова. Но с тех пор, как у Аяшки начались колики, она стала плохо спать, часто просыпалась по ночам, днем требовала все больше внимания.

От недосыпа и усталости сложность и количество блюд на ужин уменьшились, а следовательно – снизилась активность Ақерке и в инстаграме. Свекровь приходила почти каждый день, но за все полгода, кажется, всего пару раз поменяла Аяшке подгузник. Чаще всего она заседала за кухонным столом, смотрела «Калаулым»[13] или «Кел, татуласайык»[14], или индийские или турецкие сериалы, и периодически требовала обновить ей остывший чай. Так она сидела почти целый день, а вечером уходила домой. Свекр, лишенный привычного внимания и питания, стал часто выражать негодование тем, что сноха не может обойтись без его жены, а Ақерке еле сдерживалась, чтобы громко не отказаться от такой помощи.

– Апа, завтра можете не приходить, ко мне придет подруга.

– Что за подруга? Я думала, у тебя их нет, кроме тех из роддома, а с той орыспайкой (как ее там, Мадина?) ты поругалась.

– Это подруга из университета, она тоже скоро рожать будет, хотела посоветоваться, – Ақерке на ходу придумывала легенду. Сейчас ей просто надо было побыть одной, и ничего другого придумать она не смогла. Сказать прямо, что помощь свекрови ей не очень нужна, было бы слишком грубо.

– Хорошо, не приду. Тут и дед как раз ворчит, что я и так устаю у тебя, а у меня сердце слабое.

На заднем фоне действительно были слышны возмущенные крики свекра. Ақерке постаралась свернуть разговор.

– Ура! Доча, сегодня мы с тобой одни! – она радостно подбросила дочку и покружила над головой. – А что мы сейчас будем кушать?

Она достала из холодильника контейнер с вареной цветной капустой, кусочком тыквы и морковью, накрошила на мелкие кусочки и закинула в блендер, залила молоком и, напевая, довела до состояния пюре.

– Ммм, какая вкуснота у мамы получилась, а кто у нас будет ням-ням? – немного подогрела кашицу в микроволновке и принялась кормить дочку.

Айя сидела в высоком стульчике, стильном и технологичном, как космический корабль. Стоил он тоже примерно столько же. На шее у нее был силиконовый слюнявчик – последний писк мамско-детской моды. Если она что-то выплевывала, по дизайну оно должно было падать в специальный кармашек, но на самом деле могло оказаться, где угодно.

– Кто у нас любит вкусняху из цветной капусты и тыквы, кто у нас будет стройняшка-фитоняшка? – засюсюкала Ақерке. Она очень гордилась тем, что пюре она делала сама, а не покупала в магазине – ее дочка не будет есть что-то, что простояло на полке несколько месяцев, да еще и неизвестно, из каких овощей. Она

---

[13] Популярная казахстанская передача, во время которой молодые люди знакомятся и создают пары.

[14] Популярная казахстанская передача, во время которой рассорившихся по разным причинам людей стараются мирить. Известна тем, что в одном из выпусков мирили насильника и его жертву.

же покупала свежайшие цветную капусту и брокколи, тщательно проверяя их на предмет жучков, мелкую сладкую морковь и какую-то иностранную тыкву, более нежную и легкую в приготовлении, чем обычная. Ей нравилось, что в отличие от распространенного стереотипа о том, что дети не любят полезное, ее дочка с детства привыкнет к правильному питанию и не захочет сладкого.

– Ути, кто такой молодец, почти целую тарелку пюре скушал? Что за такая большая девочка? – в отсутствие свекрови Ақерке позволяла себе много говорить с дочкой, и та с удовольствием реагировала, гулила и пускала оранжевые пузыри. – Вот бы так почаще, да, доча? Как бы нам с тобой уговорить папу и бабушку, чтобы она больше не приходила? – она вытерла измазанное едой и раскрасневшееся лицо Аяшки. – Мы с тобой могли бы поспать днем, и, может, мама стала бы снова готовить для своей странички, м?

Если бы только Айя могла, она обязательно бы помогла маме, поддержала бы, ее лучистые глазки говорили об этом. Она бурно выразила согласие, размахивая и стуча ручками по столу.

– А сейчас мама пойдет в туалет и, может, даже примет душ, хорошо? – Ақерке включила телевизор на каком-то малышковском канале и ушла. Айя заворожено смотрела на крупные яркие движущиеся картинки.

В туалете Ақерке привычно встала на весы и, увидев ужасающие ее шестьдесят два килограмма, вздохнула. Похоже, она никогда не вернется к своему добеременному весу, а если она забеременеет, она снова наберет вес – свекровь и Арман уже не намекают, а требуют от нее сына. Больше тянуть нельзя.

Она включила душ и просто стояла под ним несколько минут. Сама она не была уверена, что хочет еще одного ребенка прямо сейчас, но даже заикнуться о том, чтобы ослушаться мужа, она не могла. Он был ее главным ориентиром в жизни, единственным близким человеком. Свекровь была права: с тех пор, как у нее появился Арман, у нее не осталось подруг. Девчонки из роддома были единственными неродственницами, с которыми она общалась в последние пару лет, но и с ними сейчас она редко разговаривает. Мадина каждый раз нервничает из-за прививок, так что уже даже не хотелось с ней что-то обсуждать. Хотя, наверное, только она бы и поддержала Ақерке и велела бы себя поберечь.

– Аяяяяшка! Что ты наделала? – умиротворенность и задумчивость в долю секунды слетели с Ақерке. Пока она принимала душ, Айя достала тарелку с остатками пюре и размазала по волосам, одежде и столику. Теперь Ақерке придется внепланово купать ее, и, возможно, не единожды.

***

– Пери, ты опять куда-то уползла?! Мадина, представляете, я только отвернулась, а она опять! – после того, как дочка упала с дивана, Марат настоял на том, чтобы няня приходила каждый день. – Уже почти успела доползти до розетки!

– Да-да, за ней нужно приглядывать, она очень быстро передвигается, – Мадина развешивала постиранные вещи и продумывала, что нужно сделать после этого: массажик-зарядку, покормить Пери, прочистить носик. Нет, сначала прочистить

носик, а то она не сможет нормально есть. Голова у нее оказалась в порядке, но зато девочка подхватила ОРВИ, возможно, когда они ездили в больницу. Теперь, если вовремя не вычистить носик, она начинала хрюкать. Потом надо погулять, немного поиграть и потом уже можно передать ее няне, а самой приготовить обед.

– А где вы покупали такой комбинезончик? – няня взяла Пери на руки и с умилением рассматривала плюшевый комбинезон с тигрятами.

– Это нам подарили. Я обычно такое не покупаю, детям лучше всего носить хлопок. Просто коллеги подарили, вот я и надела его. Кстати, давайте сфотографирую, – она настроила камеру и сделала несколько снимков.

Мадина подписала фотографию «Милый тигренок. Спасибо тете Камиле» и выложила в инстаграм. Она прикинула, стоит ли написать пространный пост о материнстве, а потом решила, что подписи будет достаточно. В конце концов в качестве матери никаких достижений она не имела, а даже наоборот. Пост быстро набрал стандартные 30 лайков, аккаунт Мадины был закрытым, и в подписчики она добавляла только тех, кого знала лично. Кто-то даже оставил умиляющиеся смайлики и комментарии.

Сама же Мадина быстро пролистала сториз в ленте. Коллеги отмечали годовщину компании, бывшие коллеги выкладывали скрины с упоминанием успешного проекта, подруги и друзья из университета – фотографии из отпуска, с выставок и вечеринок. Оказывается, ни у кого жизнь не остановилась, все продолжали веселиться, ходить на мероприятия, красиво одеваться и достигать каких-то вершин. Оказывается, только у Мадины было ощущение, что мир замер, и все теперь вращается вокруг потребностей маленькой, неповоротливой, но очень активной девочки.

– Пери!!! – вдруг услышала она. – Чуть не упала со стола! – няня едва не плакала.

– Ничего, ничего, все в порядке, – Мадина успокаивала то ли няню, то ли себя. – Она не упала, все в порядке.

– Я ведь была рядом с ней, и все равно.

– Давайте теперь переодевать ее на полу, столик я сложу и уберу, это становится небезопасным.

Мадина сделала с Пери зарядку, помассировала ей ножки, как ее учили, развела в стороны, проверила, что угол расхождения ножек достаточно большой. Она была такой сосредоточенной и серьезной, что Пери, отражая ее выражение лица, тоже стала сосредоточенной и серьезной.

– Ну вот и все, сейчас я разогрею пюре. Как думаете, кролика или индейку? – она рассматривала батарею баночек «Гербер».

– Давайте кролика, она очень его любит. Да же, Перика? Ктё у няс юбит клелика?

– Зачем вы с ней так разговариваете? Это плохо влияет на развитие речи ребека, – Мадина машинально поправила няню. Та сконфуженно поджала губы.

Пери молча ожидала кролика.

***

Алия
Всем привет!

Алия робко начала разговор в чате, который теперь зиял пустотами. Если раньше разговоры не утихали целый день, а потом легко продолжались ночью и перетекали в следующее утро, то сейчас между репликами могло пройти несколько дней, вопросы стали носить только технический характер, и, как только был получен ответ, разговор заканчивался. Человек с фантазией мог бы услышать, как в чате свистит ветер и летают колючие шары перекати-поля.

Мадина
Привет.

Ақерке
привет

В буквах чувствовалось напряжение, и Алия опять собралась поддерживать разговор единолично. Она все пыталась понять, почему именно она пытается сохранить эти отношения? У нее ведь и своих друзей достаточно. Может, это все? Они нужны были друг другу, чтобы пережить самый сложный послеродовой период? Но внезапно телефон пикнул несколько раз подряд.

Ақерке
представляете сегодня свекровь не пришла
вернее
я обманула ее чтобы она не пришла
😰

Алия
Как?)))

Ақерке
сказала ей что придет подруга
я просто не могу уже слушать что мне надо уже завести еще одного ребенка

Мадина
Мальчика?

Ақерке
ну да
они с Арманом хотят наследника
😭😭

Мадина
Почему я не удивлена? Я помню, что ты говорила, они чуть ли не с первого дня об этом говорили, но я не думала, что они хотят так быстро!

Ақерке
😭😭😭😭

Алия
А ты сама не хочешь сыночка?

Мадина
Даже если бы хотела, ей нужно время восстановиться. Всего полгода прошло, она даже здоровье не успела свое поправить. Ты вот в стоматологии была, Ақерке ?

Ақерке
нет

Мадина
А у гинеколога?

Ақерке
только сразу после родов

Мадина
К эндокринологу ходила?

Ақерке
нет
😭😭😭😭

Мадина
А ты знаешь, что пока ты вынашивала Айю, ты делилась всеми питательными веществами и даже отдавала те, что накопила у себя до нее? И тебе нужно сначала снова накопить эти вещества, сначала надо проверить свое здоровье, сдать анализы, может, пропить какие-то лекарства.

С каждым вопросом Мадины Ақерке чувствовала себя все несчастнее и несчастнее. Она даже и не думала о том, что надо сходить к врачам, ей было как будто даже некогда об этом задуматься. Ей могли подсказать свекровь или кто-то из родных. Об этом мог подумать Арман. Но им абсолютно не важно, какое у нее состояние здоровья. Ей стало обидно, и самое ужасное в том, что выхода у этой обиды не было. Ни свекрови, ни мужу она не смогла бы высказать ни слова упрека. Она даже на секунду не могла себе этого представить.

Ақерке
вообще
у меня начали крошиться зубы
а я даже не знала что такое бывает у всех...

Алия
Если честно я тоже даже не подумала
Может тебе надо поговорить с мужем?

Ақерке
не знаю...
не уверена что он поймет

Мадина
Но ты должна попробовать, хотя бы ради себя и Айи. И для будущего ребенка. Ему может не хватить каких-то элементов, и он недоразовьется. А винить они будут тебя.

Алия не верила глазам и тихонько радовалась, неужели девчонки больше не дуются друг на друга. Хотя Мадина продолжала в своем стиле. Ведь можно же это все написать помягче.

Алия
Ну Ақерке молодая и здоровая. Фрукты-овощи ест наверное. Я думаю все нормально будет но может стоит поговорить с Арманом

Мадина закатила глаза, но не стала спорить. Иногда ей хотелось бы верить, что люди добрые, такие, какими их видит Алия.

Ақерке
я попробую
наверное
может к стоматологу схожу

Мадина
Будь добра.

Ақерке
а вы как сами?
у меня Аяшка стала такая хулиганка
иногда приходится мыть ее раза три в день

Алия
Ой Арсенчик тоже такой грязнуля только успеваю стирать ему вещи

Мадина
Я просто складываю в корзину, потом сразу килограммами стираю.
Пери зато любит летать, мы с няней вдвоем не успеваем за ней следить.

Ақерке
😱😱😱
она падала?

Мадина
Да, с дивана. И несколько раз чуть не упала с пеленального столика.

Алия
Арсенчик чуть в розетку руку не засунул, когда в кроватке сидел

Ақерке
какой ужас
свекровь меня бы прибила

Мадина
Ақерке , при чем тут твоя свекровь?

Ақерке
в смысле?

Мадина
В смысле, если бы твой ребенок упал, неужели в первую очередь ты стала бы думать о том, что тебе скажет твоя свекровь? Ты сама бы не переживала? Сколько тебе лет вообще?

Алия
Конечно Ақерке переживает сама. Просто ее бы саму стали осуждать еще больше, как будто она специально

Ақерке
не знаю что я тебе сделала Мадина
почему ты все время такая злая
может тебе провериться надо?

Мадина
То есть за свои действия отвечать не можешь ты, а я должна провериться?
Ты уже мать, взрослый человек, ты даже университет закончила, хватит смотреть на мужа и на свекровь, как будто они за тебя все порешают. Не порешают. Вон Алия говорит, если что-то случится с ребенком, то ты будешь виновата. И это правда.

Ақерке
не твое дело Мадина
я не просила тебя меня учить
самая умная
а у самой дочка с дивана упала

Мадина
У 80% родителей младенцы падают, не надо ко мне свои дурацкие манипуляции применять! Лучше иди к врачам и проверься, а то потом родишь недошенного, тебя из дома выгонят.

«Не стоило это писать», – подумала Мадина, но уже не могла остановиться. Насколько ей было жаль Ақерке с ее наивностью, настолько же это ее бесило. Еще бесили эти попытки вызвать чувство вины за то, что случается почти со всеми. Как будто ей и так не хватало того, что она сама о себе думала.

Ақерке
это уже чересчур
знаешь иногда ты кажешься доброй и заботливой
но на самом деле ты такая какой показалась мне в первый день нашего знакомства
злая холодная несчастная женщина
которой даже собственный ребенок не нужен

Алия уже и пожалела, что потревожила сегодня чат. И Мадина, и Ақерке перешли все границы, наговорили гадостей, после которых люди не мирятся. Даже со стороны она не хотела видеть этого.

Алия
Да, это все чересчур. Пока всем

Алия вышла из чата

Ақерке
и правда
как будто не от кого больше гадости выслушивать

Ақерке вышла из чата

Мадина вышла из чата

Глава 4

10 месяцев

***

Алия спала беспокойно, вертелась, все никак не могла уложить руки, потом ноги. Сон не приходил, хотя она была измотана и времени вздремнуть у нее было немного. Арсенчик болел третий день, и если в первые дни она то и дело просыпалась, чтобы измерить ему температуру и не дать ей подняться выше 39 градусов, то сейчас никто не мог уснуть из-за его приступов удушающего кашля.

Арсен долго и безостановочно кашлял, и Алия боялась, что он не успевал толком вдохнуть воздуха.

– Мама, я схожу к соседке за ингалятором, – она быстро надела тапочки, накинула халат и выбежала на площадку.

На часах было уже два часа ночи, стыдно беспокоить кого-то в такое время, но в таких случаях ей было не до стыда. Они с Арсеном уже оказывались в больнице, у него были слабые легкие, и она знала, что нельзя допустить поверхностного дыхания. Ему может просто не хватить воздуха.

Она так громко постучала в дверь, что, наверное, услышали даже другие соседи.

– Извините, Зауре апай, извините, пожалуйста, но Арсенчику тяжело дышать, пожалуйста, дайте нам ингалятор! – она тараторила, стараясь не думать о том, какими словами ее будут завтра обсуждать на лавочке.

Зауре апай, хотя была, очевидно, недовольна тем, что ее разбудили, но без единого слова побежала вглубь квартиры и быстро принесла аппарат и маску детского размера. Ее сын с женой и детьми жили отдельно, но внуков часто привозили погостить, поэтому ингалятор у Зауре апай всегда был наготове. Алия мечтала, что выйдет на работу и сможет купить такой же сама, и ей не придется каждый раз унижаться. Но пока она была готова и на это унижение. Да что там, однажды она даже позвонила Жанату и попросила вместо всех алиментов купить лекарств и этот пресловутый ингалятор. Но он жестко ответил, что денег у него нет, и пусть она ему больше не звонит.

– Как они там говорили, я где-то записывала, – Алия нашла блокнот с назначениями врача. – Так, десять капель бародуала и два миллилитра физраствора. Сейчас, малыш, сейчас, – она тщательно отмерила необходимое количество лекарств, пока мама носила Арсена на руках. Он на время затих, но дыхание малыша было неровным и быстрым. Алия была готова заплакать от чувства неопределенности

– в такие моменты она не знала, как лучше поступить – вызвать скорую, чтобы кто-то квалифицированный взял на себя ответственность, или не беспокоить и без того загруженных врачей. Она боялась принять неверное решение, которое могло стоить жизни ее сыну.

Она посадила Арсенчика себе на колени, надела маску ему на лицо и включила ингалятор. Под его ровное жужжание она тихонько помахивала рукой и напевала песенку, чтобы Арсен не заплакал и не стащил с себя маску, из которой шел влажный и прилипчивый пар.

– Тратаратарарата, – пела она и сигнализировала глазами маме, чтобы та шла спать. Она и так устает на работе, еще и толком не отдыхает. Хорошо, что у Мадияра сон, как у батыра, – он ни разу даже не шелохнулся, хотя они с Арсеном сидели сейчас на кухне, где он спал на раскладушке. – Тратаратаратарата, тратаратарата.

Дыхание Арсена постепенно выровнялось, он начал делать глубокие вдохи и выдохи, головка его стала клониться в сторону – похоже, он засыпал.

«Удобная штука», – подумала Алия. У Мадины наверняка нашлось бы объяснение, почему Арсен всегда хорошо засыпает от звука ингалятора.

Хотя Мадина и Ақерке до сих пор не разговаривали, Алия общалась с каждой из них по отдельности. Их размолвка была ужасной, они наговорили друг другу гадких вещей, но она понимала обе стороны. Иногда ей было за это неудобно, она чувствовала себя лицемеркой. Но она понимала и Мадину с ее злостью на детское поведение Ақерке , понимала и Ақерке с ее обидой на излишнюю прямоту Мадины. При этом обе они явно нуждались в общении даже больше, чем она. Все-таки у нее были мама и Мадияр, и подруги-коллеги приходили довольно часто. А девчонки оказались после родов в каком-то пузыре, куда из посторонних была вхожа только Алия, и она не хотела их оставлять совсем одних.

– Что случилось? – Мадияр попытался открыть глаза и сразу прищурился от яркого света. – С Арсеном все нормально?

– Да-да, он кашлял, немного задыхался, но сейчас все хорошо. Спи, – Алия аккуратно стянула с лица Арсена маску и на цыпочках понесла его в кровать. – Сейчас свет выключу.

– Ладно. Спокойной ночи, – пробормотал Мадияр и завернулся в одеяло с головой.

– Спокойной ночи, Мадияр.

Она с любовью посмотрела на силуэт брата, который в темноте напоминал большой эмбрион. Он так быстро вырос, стал таким ответственным и заботливым, как будто еще год назад это не он через день грозил убежать из дома и хлопал дверьми. Он перестал стесняться, что у него старенький смартфон, копил карманные деньги, чтобы покупать всякие мелочи Арсенчику. Однажды он принес домой деревянные самодельные ходунки на колесиках. Сказал, что купил у бабушки на базаре недалеко от школы всего за пятьсот тенге.

«Спокойной ночи, братик. Спасибо, Аллах, что вы у меня есть».

***

– У тебя же много чего есть, поищи в шкафу, – Арман недовольно ворчал, потому что Ақерке все никак не могла выбрать, во что одеться. Он уже полчаса сидел в прихожей обутый. Она в это время металась между шкафом и зеркалом, разбрасывая одежду.

– Мне ничего не налезает! – в сердцах крикнула она. За эти десять месяцев они купили ей пару брюк для ежедневных прогулок. А нарядные вещи ей вроде как не были нужны. – Я просто корова! Никуда не пойду! – она села на кровать и расплакалась. Аяшка стояла в кроватке и удивленно смотрела на мать. Уж она-то выглядела, как настоящая принцесса, в блестящем белом платье, которое кто-то подарил, когда она только родилась. Ее жиденькие волосики были собраны в хвостики, а на ногах сияли серебристые туфельки.

– Надень уже что-нибудь! Мы же брали тебе какое-то платье, когда ты была беременна, надень его.

– Оно серое, Арман! И широкое. Я и так уродка, а увидев меня в таком платье, все будут смеяться, – Ақерке была решительно против каких-либо гостей. – И вообще, какой той, когда везде ковид? Я смотрю, твоим родственникам все равно.

– Меня мать убьет, если мы не пойдем, это ее любимый племянник, собирайся. Я пошел в машину, чтобы через десять минут ты была там.

Он накинул пиджак и громко хлопнул дверью, выражая таким образом всю степень недовольства женой. Сам он не замечал, что Ақерке пополнела, но она так часто говорила о лишнем весе и своем уродстве, что он тоже начал в это верить. Она все чаще стала казаться некрасивой, особенно, когда кривила рот и плакала, как сейчас. Это уже не казалось милым, как раньше, а наоборот отвращало. Она ведь взрослая женщина, а не девчонка.

Он закурил, пока она не увидела и не начала возмущаться. После родов ей перестал нравиться его запах, особенно когда он только покурит. Из-за этого и секса стало мало. И вообще – она как будто его перестала любить и даже замечать. В отличие от его коллег женского пола. Он самодовольно улыбнулся, вспоминая, как ему строит глаза девчонка из бухгалтерии. Хотя знает, что он женат и недавно у него родился ребенок. Ох уж эти девушки.

Ақерке тем временем пыталась смириться с тем, что вечер ей придется провести в роли серой мыши. Большой жирной мыши. Слона. Она надела платье, которое во время беременности даже шло ей. Хотя это, наверное, необъективно – тогда она казалась себе красивой даже в нижнем белье. Она светилась изнутри в ожидании ребенка, ухаживала за собой, делала маникюр и прически. И была еще девчонкой, хотя и с большим животом. Сейчас она была усталой женщиной с хвостиком и заколотыми невидимками волосами. Она не носила серьги, потому что иначе Аяшка оторвала бы ей уши. И даже цвет лица был какой-то землистый. Она попыталась сделать высокую дульку, чтобы открыть шею, но волосы были совсем тонкими и то и дело выскальзывали из пальцев. Может, ей все-таки надо было сходить к врачу, Мадина говорила об этом еще несколько месяцев назад.

– Аяшка, твоя мама – уродина. Прости меня, пожалуйста, я так хотела быть для тебя примером.

Она проверила сумку, все ли собрано: есть ли запасная одежда для малышки, достаточно ли подгузников и детской еды; обулась, накинула кардиган и пошла за Аяшкой. Наверное, надо было позвать Армана, но она уже отвыкла от того, что он рядом. А он даже и не подумал помочь.

– Ну неужели, я уже думал идти за вами.

– Мог бы и прийти, – не сдержалась Ақерке . Она посадила Аяшку в автокресло, застегнула, проверила все замочки, а потом села на заднее сиденье рядом с ней.

***

«Ты уверена?» – вертелось у Марата в голове, в то время как его жена расхаживала по комнате и рассказывала ему, что ей позвонил начальник и позвал ее на работу.

– Говорит, Мадина, мы без тебя не справляемся! Спаси нас, у нас сроки горят, все вокруг тупят, заказчики требуют тебя! – ее глаза блестели, как если бы она выпила пару стопок коньяка. Это выглядело даже как-то нездорово, но она явно была счастлива, что на работе ее не просто не забыли, а нуждаются в ней.

– А ты хочешь уже выйти? Ты же говорила, что попробуешь побыть с Пери до двух лет, ты же говорила, что это полезно для ребенка, – Марат, хотя и пытался поддерживать Мадину во всем, сейчас был ошеломлен и не мог осознать, каким образом им теперь перестроить вроде как налаженный быт.

– Я хотела, да, конечно, и я буду с ней, если ты не хочешь, чтобы я выходила на работу. Мы же просто обсуждаем сейчас.

– Да? Точно просто обсуждаем? Выглядит, как будто ты уже пообещала выйти прямо завтра.

– Нет. Не обещала. Я сказала, что подумаю. И сейчас мы с тобой пытаемся обсуждать и решить. Нам нужно понять, что мы теряем и что мы получаем от того, что я выйду на работу.

– Ничего. Ничего мы не получаем. У нас есть накопления, и бюджет расписан на два года. Я через пару месяцев получу повышение, и мы будем откладывать не меньше, чем раньше. Няня и сейчас приходит. Просто мы хотели, чтобы доча была с тобой. Мы ведь можем себе позволить не отдавать ее посторонним людям, пока она не подрастет и не окрепнет.

– Да-да. Ты прав. Только дело ведь не только в деньгах, Марат. Я тоже хочу расти. Я тоже хочу повышения. И чтобы меня отмечали. И что, например, мешает побыть с Пери тебе? Я зарабатываю не меньше. Можем поменяться. Няня ведь все равно приходит, а Пери ест смесь и прикорм. Я ей, по сути, не особенно-то и нужна.

Марат опешил еще больше. Эта мысль не могла прийти ему в голову даже в самых диких фантазиях.

– Потому что, Мадина, мать из нас двоих ты. Ты родила Пери, она вышла из тебя, ты, ты первое время кормила ее своим молоком. В конце концов у тебя есть материнский инстинкт.

– Что ты несешь? – Мадина от удивления резко остановилась и посмотрела на Марата, как будто не могла поверить, что перед ней он, а не какой-то посторонний мужчина. – Какой материнский инстинкт?

– Какой, какой? Обычный. У всех женщин он есть, поэтому они хотят детей и знают, как за ними ухаживать.

– Господи! – Мадина ударила себя ладонью по лбу. – Такое ощущение, что ты живешь в параллельном измерении, Марат. Уже давно всем известно, что нет никакого материнского инстинкта.

– В смысле нет?

– В смысле нет. Матери испытывают особую любовь к детям из-за выработки окситоцина. А после привязываются, потому что долго и много заботились о ребенке. Есть множество исследований, согласно которым, у отцов, заботившихся о детях с первых дней их жизни большую часть времени, тоже появлялся этот «материнский» инстинкт.

– Не знаю, я не читал эти статьи.

– Да, не читал. Пойми, Марат, я не хочу обесценивать то, что ты делаешь. Ты мне здорово помогаешь и проводишь много времени с Пери, но ты не погружаешься в это, в родительство. Ты как будто просто временно заменяешь меня, а это неправильно, Марат. Мы оба – ее родители.

Марат вроде был с этим согласен, сложно отрицать такие простые вещи. Но неужели она правда думала, что он оставит работу и будет сидеть с ребенком, особенно сейчас, когда ему светило повышение?

– Я знаю, тебе обещали повышение, и я не могу требовать, чтобы ты бросал работу сейчас. Но я тоже востребованный специалист, у меня тоже перспективы. Я тоже хочу делать что-то, кроме. Более того – сейчас мне это необходимо.

Мадина надеялась, что Марат поймет ее, и ей не придется объяснять, почему именно сейчас ей было необходимо вырваться из дома. Она боялась это осознавать даже в мыслях и тем более озвучивать. Вслух это может звучать еще ужаснее, чем она чувствовала.

– Хорошо, давай подумаем об этом. Только прямо сядем и подумаем. Нам нужно время.

– Хорошо. Спасибо, Марат.

***

– Ақерке, привет! Ой, богатая будешь, я тебя совсем не узнала! – к Ақерке подошла абысынка[15], жена брата Армана.

«Ну вот началось», – обреченно подумала Ақерке.

– Привет-привет, дорогая. Да, давно не виделись. Почаще приходи, может, не забудешь, как я выгляжу.

– Да, забегу как-нибудь. Надо же поболтать хоть. Инстаграм твой смотрю, жду, когда опять интересные блюда будешь делать.

– Да знаешь же сама, с маленькой как-то времени мало. Еще надо дома порядок поддерживать, мужу внимание уделять.

[15] Абысын - жена брата.

– Смотрю, доуделялась, – абысынка подмигнула. – За вторым уже собрались?

Ақерке почувствовала, что в глазах у нее защипало. Абысынка и сама давно вошла в вес зрелой женщины и, видимо, выходить из него не планировала. Кто бы говорил, вообще!

– Собираемся еще. Это просто платье такое, – Ақерке мило и невинно улыбнулась.

Абысынка поспешила ретироваться.

«Сучка! Не могла не поддеть!»

Еще Арман, как назло, куда-то сразу делся, оставив ее с дочкой и сумкой наперевес. Наверное, побежал на «мужскую» сторону зала, где старшие играли в карты, а парни помладше обсуждали, кто как «двигается» и как зарабатывает. Получать одну зарплату у них считалось зазорным, если грамотно двигаться, то можно было за год заработать, как минимум, на новую Камри, а в идеале – на Ланд-крузер.

– Арман, там тебя твоя жена ищет.

– Чо меня искать, пусть с другими бабами общается, – У Армана в таком окружении даже голос стал ниже и басовитее.

Ақерке нашла их стол, повесила сумку на спинку стула и была вынуждена пойти гулять с Аяшкой. Та еще только училась ходить, но была ужасно любопытной, и Ақерке, наклонившись, водила ее по залу. Первым делом они двинулись в сторону больших серебристых и золотистых шаров с именем именинника.

– Ой, Еркеша, здравствуй! – поздоровалась тетка Армана. – Я не знала, что вы уже за вторым пошли. Вот же только Аяшка родилась. Ути-пути, какая принцесса, – она от души чмокнула девочку. – Я тороплюсь, давай потом позвоню, поболтаем. Видимо, платье и несброшенный вес вводили всех в заблуждение. Настроение было испорчено окончательно. От неудобной позы сводило спину, но Аяшку было не остановить. И ведь это только начало вечера.

Ақерке поздоровалась и поцеловала в щеки еще человек тридцать, половина из которых радовалась за их с Арманом скорое пополнение, а вторая – спрашивала, когда они пойдут за вторым.

– Я больше не пойду в гости, пока не похудею, – Ақерке положила в рот скромную ложечку теплого салата с языком. – И пока Аяшка не вырастет. Я уже устала за ней ходить.

– Хватит преувеличивать, вечно ты паришься из-за всяких мелочей.

– Ах, мелочей? Тогда сам ходи с ней. Или отвези меня домой.

– Всё, всё. Успокойся. Еще пару часов посидим и поедем. Аяшку отдай какой-нибудь тетке, они же любят маленьких, вечно сюсюкают с ними.

– Ага. Они две минуты подержат, а потом скидывают. Я думала, кому-то из младших девчонок отдам, но они все заняты. В этом году все, что ли, родили?

– Наверное, как нам, из-за карантина нечем было заняться, – он засмеялся над своей глупой подростковой шуткой.

Ақерке приготовилась терпеть еще два часа.

***

Ақерке
представляешь они подходили по очереди и почти в лицо говорили мне что я толстая!
каждая
😥😭😭😭

Алия
Прямо так и говорили?
Ты уверена?

Ақерке
ну конечно не прямо так
говорили ты уже за вторым пошла
и так удивлялись когда я говорила что еще не планировала

Алия
Очень жаль(

Ақерке
или еще хуже
некоторые тетки говорили
когда за вторым уже?
и так фальшиво улыбались Аяшке

Алия
Ты всегда после гостей так?
Прям грустно что-то

Ақерке
не знаю
раньше мне нравилось ходить в гости
и вообще я так ждала вчерашнего мероприятия
а потом я не нашла у себя в шкафу ни одной подходящей мне нарядной вещи
🥺😥
я даже не понимала что я так потолстела

Алия
Я честно говоря после родов тоже не восстановилась
Но мне пока и ходить-то некуда

Ақерке
вот Арман мне тоже говорит
зачем тебе говорит вообще что-то покупать сейчас

Ақерке
вот Арман мне тоже говорит
зачем тебе говорит вообще что-то покупать сейчас

Алия только хотела возмущенно ответить: уж они-то могли бы себе позволить купить пару вещей. Вообще отказывать в чем-то Ақерке казалось каким-то преступлением. Ее хотелось радовать, ведь от этого в ответ получаешь столько положительных эмоций.

До сегодняшнего дня Алия даже и не думала, что Ақерке может злиться и думать о ком-то плохо. Может, она просто отражает все, что получает? Вообще неудивительно, конечно, если вспомнить, как такие же тетки обсуждают саму Алию, иногда даже при маме в те редкие разы, когда ее зовут и она соглашается прийти. Ладно, обычно они судачат о том, что она родила сына одна, но как-то они даже спрашивали маму, почему они назвали малыша Арсеном! Какое им дело? Алия напечатала сообщение, но не отправила, потому что в другой вкладке написала Мадина.

Мадина
Привет. Как ты? Как Арсенчик?

Алия
Ттт выздоравливает наконец
Самое главное перестал задыхаться
Ты как? Пери?

Мадина
Хорошо. С няней играет. Хотела посоветоваться.

Алия
Давай

Ақерке
и короче я на него обиделась

Ақерке не дождалась ответа Алии.

Алия
И правильно
Он тебя так встречал из роддома
Я думала он на руках будет носить

Мадина
Меня позвали на работу. Говорят, аврал, не справляются без меня.

Алия
А ты?

Мадина
А я мечтаю выйти!
Марат против.

Ақерке
знаешь ты так честно написала
и это так больно
может он меня не любит уже?

Алия
Пери такая маленькая еще
Если честно я бы хотела тебя поддержать
Но может надо подумать
Ей всего 10 месяцев

Алия
Ты что? Ну как ты могла сразу такое подумать?
Просто он же мужчина
Им надо все прямо говорить не намекать
Попроси денег сходи в магазин

Мадина
Я знаю. И мне очень стыдно перед ней. Я мечтала, что буду как хорошая мама сидеть с ней до двух-трех лет.
Мы даже отложили накопления для этого.
Все просчитали.

«Кроме того, что у меня не включится «материнский инстинкт», – подумала Мадина.

Ақерке
наверное так и сделаю
и еще маникюр сделаю
лето уже
даже педикюр!

Алия
Я не хочу влезать не в свое дело
Но может

Алия задумалась, стоит ли ей озвучивать то, о чем она давно думала.

Алия
Может тебе к психологу сходить?

Ақерке
и прическу сделаю
да волосы покрашу в пепельный блонд
я видела в инстаграме такую классную прическу!

Алия
Фотки скинь потом)

Мадина
Я думала об этом.

Алия
И что решила?

Ақерке
я аж воодушевилась
мы тут с Аяшкой танцуем

Мадина
Надо сходить. Надо найти сначала.

Алия
Я почему-то думала что у тебя уже есть

Мадина
Почему, интересно?

Алия
Ну ты такая как американцы в фильмах

Мадина
Трудоголики, которые не любят рождество и ходят каждую неделю к психотерапевту?
Наверное, и правда я чем-то похожа.

Алия
Ну я не знаю насчет рождества, но к праздникам ты вроде относишься без энтузиазма

Мадина
Ахахахаха
Я думала, что когда родится Пери, все будет по-другому.
Что мы будем справлять праздники, покупать подарки.

Алия
Обязательно будете
Она же еще малышка
Так что ты думаешь насчет работы?

Ақерке
как Арсенчик кстати?
выздоровел?

Алия
Да спасибо все хорошо

Ақерке
отдала этой грымзе ингалятор?

Алия
Отдала
Но не называй ее так пожалуйста
Она все равно добрая

> **Мадина**
> Мы договорились, еще раз обсудить. Но я хочу выйти. Мне это надо.
> Как только перестать чувствовать вину?
>
> **Алия**
> Я читала что для ребенка главное счастливая мама
> Если тебе будет от этого хорошо и ты будешь приходить домой с улыбкой
> То может это будет лучше чем если бы ты сидела рядом с ней и злилась на нее?

Ақерке
это ты добрая Алия
а твоя соседка грымза

> **Мадина**
> Спасибо, Алия. Мне стало легче. Ты очень добрая.
>
> **Алия**
> Пожалуйста. Обнимаю тебя.

Алия
))))
Спасибо что злишься на нее за меня
Но я ее уже давно простила
Пока дорогая

Мадина
Пока.

Ақерке
пока Алиюша

Алия
Пока!

***

– Ну и чего ты боишься? – Алия стояла прямо у входа в мечеть. – Сама-то вон учишь других, что надо за себя вступаться. А для своего ребенка не можешь даже в какое-то здание зайти.

На самом деле ей надо было не просто зайти в мечеть, а попробовать войти в мужскую ее часть. Она не знала, где работает Жанат. На прежней съемной квартире его уже давно не было. Оставалась надежда найти его среди «братьев» в мечети. Но для этого нужно было решиться. Вот уже полчаса Алия стояла перед входом, вздыхала, тянула на себя дверь и опять опускала руку. Чего она боялась? Не будут же они бить ее, в конце концов. Осуждающе покричат, может. Имам потом скажет речь о том, что женщина должна знать свое место. Неужели это страшнее, чем если Арсен снова заболеет, а у них не будет ингалятора? Неужели это унизительнее, чем каждый раз прятать глаза от соседки?

– Эй, кызым[16], ты куда собралась? – старенький аташка шел в сторону двери в мужской зал мечети. – Тебе туда нельзя. Иди направо.

– Мне нужен Жанат! – Алия понимала, что действует наобум, но что ей оставалось делать. – Он такой среднего роста, крепкий, черные волосы, у него шрам на руке, и палец сломан.

«Ты еще про родинки на спине скажи!»

Старик остановился и, нахмурившись, посмотрел на нее.

– Эти здесь не бывают. Уходи. Жанат твой – из этих, салафитов, они собираются друг у друга по домам после всего, что натворили. Связалась же, тьфу!

Алия вспомнила, что на самом деле Жанат говорил, что не ходит в мечеть, потому что не верил имаму, мол, он говорит только то, что ему скажет акимат. Вспомнила она и о том, что, хотя разговоры о религии и были редкими, они всегда вызывали у него сильный отклик. Он начинал ругаться, что в мечети таким, как он, не дают ответов, и что они никому не интересны, потому что слишком бедны и бессильны.

– Как мне найти его, ата[17]? Он меня бросил с ребенком, но моему сыну нужны лекарства. Он часто болеет, задыхается. Я хотела, чтобы он помог нам.

Оказалось, надо было только начать, а потом слова уже вырывались сами. Ей так хотелось, чтобы кто-то пожалел ее, позаботился о ней. Она старается держаться,

[15] Дочка.

думать о том хорошем, что у нее есть, ценить, что рядом мама и брат, но ей так тяжело. Она просто хочет купить ингалятор, который стоит несчастные тридцать тысяч тенге, которые люди, наверное, тратят за пару дней.

– Ой, кызым, ну что же ты сразу не сказала, пошли за мной, – он повел ее к неприметному боковому входу. Когда они вошли, он оставил ее в коридоре. – Подожди, кызым.

Минут через десять он спустился с женщиной с покрытой головой – «куколка», как называют таких девушек мама и ее подруги.

– Салеметсіз бе, сестра, Бекжан-ата сказал, у вас какие-то трудности в жизни?

– Да, – Алия замялась. Все становилось слишком неловким. Она ведь не просила ничего у них, она хотела только найти Жаната. – Извините, я... Я просто искала одного человека. Отца моего сына.

– Бекжан ата сказал, что ваш сын болеет.

– Сейчас уже почти нет, сейчас уже выздоравливает. Но у него слабые легкие, он часто задыхается. Нам сказали, надо купить ингалятор, – Алия затараторила и даже замахала руками, как бы заранее отметая возможные предложения помощи. – Но я… Я все найду, найду Жаната, хочу попросить его помочь.

– Сестра, пойдемте со мной. Не переживайте, пожалуйста, – «куколка» говорила мягко и успокаивающе. Она не казалась неестественно смиренной, как это обычно выглядело со стороны. И «куколкой» называть ее, пожалуй, не стоило, даже про себя.

– У нас тут как раз собрались люди из комиссии, мы можем открыть одну из коробок, – она при Алие взяла один из ящиков для садака[18] и понесла наверх. Там действительно собралось несколько человек. Алия просто молча смотрела на происходящее.

– Братья и сестры, сегодня прошло полмесяца, и, по плану, мы должны были открыть ящики и передать средства нуждающимся. У нас уже готов список, мы должны обсудить все кандидатуры. Но у дверей мечети Бекжан ата встретил эту девушку, Аллах привел ее к нам сегодня. Она не просила нашей помощи, но она в ней нуждается. Предлагаю рассмотреть возможность передачи ей денег на лечение ее сына, – девушка говорила уверенно, вероятно, это была частая и стандартная процедура.

Алия от удивления даже не стала отмахиваться и отказываться. Ее мама часто ходила в мечеть и давала садака, но Алия никогда не думала, куда идут эти деньги.

– Расскажите, что у вас за трудность, – попросил один мужчина.

Алия не знала даже, с чего начать. Почти всю жизнь она находилась в одной сплошной трудной ситуации.

– Я родила ребенка не в браке, – смело сказала она. – Мой любимый… меня бросил, когда узнал, что я беременна. И после этого только один раз помог. Я искала его здесь сегодня, но Бекжан ата сказал, что он сюда не ходит, он…

[17] Дедушка, обращение к старшему мужчине.

[18] Добровольная милостыня, которую мусульманин выплачивает нуждающимся по собственному усмотрению и желанию с намерением заслужить довольство Аллаха. В более широком смысле, садака – это любое благодеяние (не только материальное), совершенное искренне, ради Аллаха.

– Из этих, – аташка изобразил рукой, как будто гладит длинную бороду.

Все присутствующие переглянулись.

– Мой сын часто болеет, только простынет, сразу дышит, как будто кузнечные меха. Иногда дышит часто-часто, врачи говорят, это опасно. Помогает только ингалятор с лекарствами, расширяющими легкие.

– У нашей сестры нет сейчас возможности его купить, – тактично закончила покрытая девушка. – Хороший ингалятор стоит тридцать-сорок тысяч тенге. Можете посмотреть онлайн. Думаю, из-за того, что сумма небольшая, можем не проверять материальное положение девушки. Тем более сама она ничего не просила. Давайте проголосуем.

– Я за.

– За.

– Я за.

– Келесемін[19]!

– Мен де[20]!

– За.

Все проголосовали за. Покрытая девушка кивнула, вскрыла ящик и отсчитала сорок тысяч тенге.

– Возьми, сестра, ты не должна стесняться, это не мы тебе даем, мы просто передаем то, чем поделились наши братья и сестры, которые ходят в эту мечеть. Они хотят помочь тем, кому сейчас тяжело. Когда будет возможность, сделаешь садака.

– Спасибо, – Алия оцепенела и не знала, что сказать. Она чувствовала, что девушка говорит правду и что ей просто оказывают поддержку, ничего от нее не требуя. И еще она чувствовала, что отказ от этой искренней помощи можно расценить как неблагодарность. Но это было так необычно для нее и так своевременно. Как будто кто-то хотел показать ей, что она не должна унывать. И что люди рядом всегда помогут. Даже если они не знают ее.

– Спасибо, сестра, – она посмотрела в глаза покрытой девушке.

«Спасибо, что не осудили, прежде всего».

– Спасибо, ата. Спасибо всем сестрам и братьям.

Она прижала деньги к груди и пошла к выходу.

– Балаңа Алла шипасын берсін[21]!

[19] Согласен!

[20] И я.

[21] Пусть Аллах поможет твоему ребенку выздороветь!.

Глава 5

1 год

«Привет, мой любимый стол. Я так по тебе скучала», – Мадина выложила в инстаграм фотографию своего рабочего места. Очевидно, оно пустовало все это время, хотя ее не было уже больше года. Не смогли найти замену. Оно и ясно, специалист на ее должности должен быть высококвалифицирован и опытен, а такие на временные замены не соглашаются.

Она с удовольствием уселась в свое кресло, которое она когда-то долго выбирала – с ортопедическим сиденьем и спинкой, и чтобы колесики не отваливались каждую неделю. Включила компьютер (его обновили, пока ее не было), отрегулировала монитор по своему зрению и росту. Мадина не верила, что она наконец-то смогла убедить Марата отпустить ее на работу. Ей даже казалось, что она дышит теперь по-другому, как будто полной грудью. И несмотря на то, что Пери разбудила их сегодня в шесть утра, она чувствовала себя бодрой и воодушевленной.

– А-а-а, привет-привет, – в кабинет зашел шеф, не скрывавший своего облегчения и радости. – Как мы тебя ждали, Мадиночка! Как тебя не хватало.

Раньше Мадина с сарказмом бы подумала, что ее не хватало, потому что некого было загрузить проверкой всех визируемых документов и финансируемых проектов. Как правило, множество талмудов, которые готовили их аналитики, не читал никто, кроме нее. Но сейчас она была даже рада этому, и тому, что еще долгое время никто ее не заменит, и тому, что ей есть, чем заняться. Как минимум, ей не придется теперь целыми днями думать о том, что приготовить, как развлекать, чем кормить, как стирать.

– Аскар Ахметович! А мне как вас не хватало! – она с искренней радостью обняла председателя правления, которого обычно называла просто «шеф».

– Заносите, заносите, – только сейчас Мадина заметила, что за ним идет вереница коллег, и у одного из них в руках были цветы, у другого – торт, третья шла со своим чайником.

– Поздравляем с выходом на работу! – они по очереди подходили к ней и обнимали. Раньше они бы еще и поцеловали ее, особенно их корпоративные татешки[22], которые сидят годами, несдвигаемые никакими тектоническими изменениями в их компании. «Но слава КОВИДУ!» – подумала про себя Мадина и усмехнулась, потому что еще недавно она удивлялась, что кто-то может увидеть в коронавирусе

[22] Тате – в большинстве регионов Казахстана обозначение старшей женщины, как правило, тети. Татешка – слово с некоторым пренебрежительным оттенком, означает женщину определенного склада, активную, обладающую широкими связями, которые способствуют улучшению ее жизненных условий.

хоть что-то положительное. Мадина улыбнулась: все же, несмотря на свою недалекость в некоторых вопросах, Ақерке была милой.

Впрочем, сегодня ей всё и все казались милыми. И Марат, который после долгих обсуждений и уговоров согласился, что ей будет лучше выйти на работу; и Аскар Ахметович, который позвонил и позвал ее, уже не верившую, что в мире есть что-то, кроме Пери и ее потребностей; и даже татешки со своим вечным чаем как панацеей от проблем. Ей казалось, что, как в мультиках про Белоснежку, вокруг нее летали и пели птицы, зайчики танцевали с белочками, и солнце было большим и радостным. Она даже не слушала, что там ей говорят, это было неважно, ведь за окном она видела что-то другое, кроме набившей оскомину мечети, а на обед она пойдет в кафе.

– Да-да, все в порядке, – она даже кивала в трубку, чтобы убедить Марата, что ее все устраивает. Все было даже лучше, чем она себе представляла. – Да, конечно, приду пораньше. Мне разрешили уходить на час раньше. Оказывается, по нашему кодексу, до полутора лет мать имеет право на три перерыва по полчаса. Ты знал? Я тоже нет.

Марат на той стороне провода не узнавал жену. Она щебетала и тараторила, такого он не помнил даже в их конфетно-букетный период.

– Захвачу по дороге что-нибудь из ресторана, или закажем, я просила Ақжарқын просто присматривать за дочей. А готовить сегодня неохота. Подожди, тут вторая линия, – выражение лица у Мадины изменилось практически мгновенно. – Мама звонит.

– Не давай ей испортить свое настроение! – только успел напутствовать ее он. Он так обрадовался перемене в своей жене, что даже начал надеяться, что, может, в дополнение к ужину из ресторана он захватит с собой бутылку белого вина и букет цветов, и у них даже будет секс.

Вот только его жена сейчас разговаривает с тещей, и это почти на девяносто процентов гарантирует, что все его планы пойдут прахом.

– Мам, привет, – Мадина постаралась ответить, как можно суше и деловитее, чтобы у мамы не возникло ощущения, что она слишком радуется выходу на работу.

– Привет, как дела?

– Нормально.

– Нормально? Как работа?

– Хорошо. Работаю. Тут столько накопилось.

– Понятно.

– Ну, пока, – Мадина и не верила, что сегодня обойдется без каких-то сложностей.

– А Пери с кем?

– С няней. Ақжарқын, она у нас почти восемь месяцев.

– А камеры поставили?

– Какие камеры?

– Ну дома. Мне сегодня скинули видео, как одного ребенка няня избивает, издевается, пока родителей нет. Он маленький, сказать не может. У меня аж сердце прихватило. А вдруг с нашей Пери эта Ақжарқын так же делать будет.

– Мам, она же у нас уже долго. Они с Пери друг друга обожают.

– Мадина, это она при тебе так себя ведет. Как ты можешь доверять чужому человеку своего маленького ребенка?

«Ну вот, началось».

– Я ей доверяю, потому что она с нами уже давно, и Пери бы не стала к ней тянуться, если бы она ее била.

– Я просто не могу понять, как можно было додуматься выйти на работу, когда ребенку всего год. Я уже не говорю о том, что вы даже праздник не проводите. Бедная девочка, вечно вы гонитесь за деньгами, и все пытаетесь сэкономить.

– Мам, при чем тут деньги. Сейчас пандемия, а Пери – маленькая и все равно ничего не запомнит.

– А фотографии? У всех фотографии с дня рождения на год. У всех нормальный той, кто вас потом к себе позовет? С кем она общаться будет?

Мадина отодвинула от уха трубку, но все еще слышала, как мама продолжала бурчать. Солнце сдувалось на глазах, как пробитый шарик, и на него неумолимо находила туча.

– Да-да, мам, у меня тут работа. Шеф вызывает. Я тебе перезвоню.

«Через полгода».

– Тетя Гуля обижается, что мы не позвали ее перерезать путы! – успела закинуть последнюю информационную бомбу мама, и Мадина безжалостно нажала на кнопку отключения.

***

– Ты решила, кто будет перерезать путы?

Ақерке покачала головой. Такие вопросы тут решает не она.

– Апа сказала, что надо позвать какого-то дальнего родственника, он депутат, – она уже в который раз поправила связку шариков. – Так нормально? Посмотри в камеру, чтобы было видно баннер и шарики. Надо, чтобы кто-то правильно ставил людей, скажи фотографу, чтобы ставил их между шариками и надписью, и чтобы Аяшку никто не загораживал.

Ақерке была вся в хлопотах, но это были приятные хлопоты. Впервые за долгое время она чувствовала себя красивой, хотя вес она так и не сбросила. На ней было белое свободное греческого покроя платье с высокой талией, юбка складками струилась по ее ногам. На голове у нее была диадема, а волосы уложены легкими естественными волнами.

– Богиня! – Арман подошел к ней сзади и поцеловал за ушко. – Тебе так идет быть беременной.

Она улыбнулась и повернулась, чтобы поцеловать мужа. Послушавшись Мадину, она пошла по врачам, успела принять курс витаминов и уже через два месяца

обнаружила, что беременна. Все напряжение предыдущих месяцев как будто внезапно ушло, у нее появилось оправдание для лишнего веса и, самое главное, надежда на то, что внутри нее растет сын.

– Ты давай тут не расслабляйся, иди проверь, что там с мясом, заложили его или нет. А я проверю тойбастар[23]. И как там Аяшка, не знаешь?

– Чо с ней будет, она с двумя ажеками[24].

– Надо за ними уже, наверное, кого-то отправить? Ерлан здесь?

– Не, он еще не приехал.

– Позвони ему, может, он сразу их захватит по дороге.

– Хорошо.

Ақерке поймала себя на мысли, что ей нравится, когда она дает задания, а муж ее слушается. Оглядев зал, она подумала, что у нее неплохо получилось всё организовать. Праздник будет небольшой, они решились только на шесть столов, хотя хозяин банкетного зала намекал, что можно не бояться – мобильные группы к нему не ходят.

Все было в чисто белом цвете с яркими акцентами в виде сиреневых цветов и украшений. Проектор высвечивал фотографии Аяшки с самого рождения и до годика. На входе установили большой баннер, развесили шарики, стоял стол с закусками и легкими напитками. Это была такая мини-свадьба, только тут Ақерке была самой главной и на пригласительных, и для официантов, фотографов и поваров, и даже для свекрови, которая беспрекословно согласилась посидеть с Аяшкой, пока Ақерке занимается финальными приготовлениями.

«Ага, только путы будет перерезать не мамина сестра, а какой-то дядька депутат», – напомнила себе о своем месте Ақерке, но, будто споря сама с собой, снова начала сыпать приказами и подгонять нерасторопных официантов.

– Этот стол подвиньте, сюда еще пару стульев поставьте. Салаты пока только холодные выносите. Нарезку на этот стол необязательно, здесь будут дети сидеть.

«Моей принцессе годик!» – подписала она фотографию пустого и идеально красивого зала, слушая, как почти с первой секунды полетели лайки.

– Ақерке, Ақерке! – подбежала сестренка. – Оказывается, трон еще не привезли.

– Какой трон?

– Который Арман хотел, чтобы Аяшку внести в зал.

Ақерке закатила глаза.

– Это я попросила, чтобы не привозили. Обойдемся без трона, это уже перечур.

– Но Арман…

– Мы ему не скажем, просто выведем Аяшку.

[23] Небольшие подарки для гостей.

[24] Әже (аже) – бабушка.

Ақерке
аааа!!!
надеюсь не спалюсь
😅

Алия
Ты что все-таки решила без трона?

Ақерке
да!!

Алия
Ну ты бунтарка))
Фотки покажи

Ақерке
скидывает 5 фотографий

Алия
Уау! Так красиво!

Ақерке
спасибо!
а ты будешь справлять?

Алия
Неет мы дома просто посидим отметим

Ақерке
а Мадина что-то делает?

Алия
Вроде не собиралась
Она же на работу вышла

Ақерке
ого
😰😳
но у нее же маленькая доча
как не жалко?

Алия
Я вообще-то тоже думаю
Сейчас с мамой решим как с Арсенчиком быть
Ладно хорошо вам справить

Ақерке
спасибо!
так волнуюсь

Алия
Все будет хорошо

***

– Все будет хорошо, не переживай.

– Надеюсь, когда он вырастет, он не будет на меня обижаться, что я так мало с ним побыла.

– Он же маленький еще, даже не поймет. У детей память только лет с трех.

– Не знаю. Мадина говорила, что даже если не помнят, все равно чувствуют. Что в детстве надо создать привязанность, базовое доверие к миру.

– Твоя Мадина вообще-то сама вышла на работу.

– Мне кажется, у нее другое. Ей надо было, потому что ей было плохо.

«А мне надо, потому что в этом месяце последние декретные выплаты», – нерадостно подумала Алия.

– Хотя знаешь, мама говорит, что она меня отдала в садик, когда мне было девять месяцев. Я только ходить научилась.

– Моя мама говорит, когда она работала в садике, туда и трехмесячных приносили. Ну, типа не спрашивали, хочешь – не хочешь. Надо было идти работать.

– Мне кажется, это так жестоко.

– Ну да, в Советском Союзе не до рассусоливаний было. Люди были просто рабочей силой, – Дина сердито стряхнула с сигареты пепел и снова затянулась. – Хотя сейчас вот нет Советского Союза, а все равно пашешь и пашешь, как стахановец. Иногда думаю, увижу ли я что-то в своей жизни, кроме этого города, этой пыли, этих серых зданий, этого депрессивного колледжа. Я, знаешь, вообще не могу осуждать детей, которые готовы заниматься чем угодно, только не учиться у нас.

– Не знаю, если там есть такие хорошие мастера, как ты, то, может, не все так плохо, – Алия и сама с трудом находила позитивные стороны в колледже, где работала Дина. Он был унылым. Располагался в старом обшарпанном здании с голубыми стенами. Вокруг не было ни деревца. Все, что было интересного в колледже – это несколько кабинетов с новым оборудованием, которые, однако, по словам Дины, открывали только, когда приезжали проверяющие из Астаны. У Алии не было ни единой причины не верить Дине, в их школе все было точно так же. Компьютерный класс оборудовали новыми комплектами еще в 2015 году, но с тех пор они так и простояли нетронутыми и к 2020 году безбожно устарели.

– Да что ты говоришь, Алиюш. Я старая усталая женщина. Сама мир не видела, на производстве ни разу не была. Чему я могу научить молодежь? Они из интернета больше узнают и еще меня научат.

– Вот поэтому мне нравится работать в школе. Мне нравится, как у деток горят глаза, какие они любознательные. И еще они верят тебе, и поэтому надо быть осторожным, проверять, что говоришь, чему учишь.

Дина покачала головой и улыбнулась.

– Были бы все такие, как ты. У меня сын прошлый год на дистанционке проучился, такое ощущение, что разницы никакой. И вот не знаю, то ли он тупой, то ли в школу уже можно и не ходить, все равно ничего не дадут.

– Я в прошлом году до декрета иногда по домам ходила, задания разносила. У нас у половины класса дома не оказалось интернета. Ты знаешь, они все так радовались, что я прихожу, что им будет, чем заняться.

– Не пойму, это ты блаженная или тебе везет на таких детей, – мрачно заключила Дина и ушла с балкона.

Алия вышла следом. Злоупотреблять помощью девчонок было нельзя. Арсен уже вовсю пытался ходить и «собирал» все углы. Синяки были у него не только на руках и ногах, но и на шее, животе и даже на лице.

– Арсенчик, ну куда ты так торопишься? Блин, теперь за ним вообще глаз да глаз нужен. Двери, двери на балкон закрой, а то выскочит, – закричала Айгуля, еле успев схватить мальчика за штанишки.

– Да, кстати, один раз Мадияр так оставил, он чуть не долез до окна. Хорошо еще, стула не было.

– Ужас какой!

– Алия! Алия! – из прихожей кричала Салтанат. – Тебе тут цветы принесли. Ох ты ж, какой букет.

Алия не могла скрыть удивления. Цветы?

Букет был небольшим, но необычным: такое ощущение, что цветы почти не повторялись, но вместе составляли картину, на которую можно было смотреть очень долго и в каждом новом ракурсе находить что-то неожиданное.

– Там есть карточка, – прошептала Айгуля. По ее загоревшимся глазам было видно, что в своем воображении она уже придумала для Алии прекрасного ухажера. – Посмотри, что там. Быстро-быстро.

«С днем рождения Арсенчика! Желаем ему быть здоровым и крепким, и чтобы подарок грел его зимой. Мадина и Пери». Помимо карточки в букет был вложен сертификат на покупку зимнего комбинезона.

Алия чуть не плакала. Подарок был более чем щедрым.

– Это Мадина, моя подруга из Астаны, – она улыбнулась, хотя на глазах блестели слезы. – А не как ты надеялась, Айгуля.

– Какая хорошая девушка, – одобрила подарок Салтанат. – Не забыла, что день рождения у Арсенчика, нашла доставку цветов. Так все продумала. Это, наверное, та, у которой инстаграмм с блюдами? Она такая любительница всего красивого.

– Нет, это та, которая много читает.

– Оо, надо же. По твоим рассказам она кажется такой высокомерной.

Алие стало стыдно. Что же такого она говорила девчонкам, что они подумали про Мадину так плохо?

– Нет-нет, она вообще не такая. Ну, может, кажется поначалу.

– Предлагаю за такой классный подарок выпить, девушки!

Дина быстро разлила по бокалам вино.

***

– Может, хотя бы посмотрим, что она выберет? Давай для прикола положим перед ней что-нибудь? – Марат уже полчаса уговаривал Мадину. Они не стали делать той, позвали домой только самых близких: родителей и сестру Марата и родителей Мадины.

Путы перерезать они не планировали, но Марату было интересно, что Перишка может выбрать. Даже будучи очень рациональным человеком, он иногда верил, что случайности не случайны. Потом наверняка должны быть какие-то научные объяснения, почему дети выбирают именно то, что выбирают.

– Хорошо-хорошо, – Мадина не стала долго препираться. Ей еще понадобятся внутренние ресурсы на разговоры с мамой, а самое главное – на строительство пусть и временной, но толстой и прочной стены, которая будет отгораживать ее от маминых автоматических осуждающих комментариев.

Она внимательно оглядела и зал, и стол. Он был собран по всем канонам их семьи: на столе, независимо от того, какие будут другие блюда, должен быть бешпармак[25] с копченой кониной, теплый салат, свежий салат, соленья, самса. Мама Мадины сама не была фанаткой гостей в их доме, но в те редкие дни, когда она их приглашала, их стол ломился. И большая часть его должна была быть приготовлена хозяйкой. Мадина договорилась с Маратом, что бешпармак и салаты она якобы приготовила сама, и только самсу и одну закуску она заказала у их постоянной поставщицы традиционных казахских блюд.

– Так, надо Пери нарядить, а то уже скоро придут твои родители. Еще надо будет сфотографироваться всей семьей.

– Ок, я позвоню, узнаю, где мои едут.

Не успел Марат взять в руки телефон, как в дверь позвонили. Родители Мадины приехали раньше.

– Мы сейчас! – крикнула Мадина из спальни. Она торопливо натянула на Пери блестящее платье, которое подарила мама, и белые туфельки, которые подарила свекровь. – Давай, Перишка, очаруй своих дедушек и бабушек.

Родители с обеих сторон еще были относительно молодыми и поэтому постоянно работали. Кроме того, ни в той, ни в другой семье не было принято приходить без предварительной договоренности, а Мадина пользовалась правом молодой матери не звать их часто. Поэтому Пери бабушки и дедушки видели редко, и всех это абсолютно устраивало.

[25] Традиционное казахское блюдо.

– Вот и мы! – Мадина вынесла дочку в зал, где уже разместились гости. Мама Мадины разглядывала фотографии Пери на электронной фоторамке: Марат придумал сделать там что-то вроде слайд-шоу.

– Ой, какая большая девочка выросла! Иди к аташке! – папа Мадины схватил внучку, покрутил в воздухе, а потом поцеловал, щекоча усами. Пери коротко гортанно хихикнула. Мама Мадины поцеловала ее в пухленькую ручку. Но Пери продолжала рассматривать своего интересного усатого аташку.

– Выехали пораньше, чтобы успеть закинуть садака в мечеть, как ты просила, – мама поправила салфетки на столе. – Не поняла, кстати, ты вроде в мечеть не ходишь?

– Ты что, верующая у нас теперь? – хохотнул папа.

– Нет, – Мадина стала передвигать тарелки, чтобы всем было удобно сесть. – У меня просто подруга одна рассказывала, когда у нее была тяжелая ситуация, ей там помогли.

– У тебя есть такие подруги? – мама удивленно подняла брови. – Я думала, у тебя все такие, как ты.

– В роддоме с ней лежала. Алия, может, помните, – Марат пришел на помощь жене.

– А-а-а.

– Ну, вообще я к некоторым вещам начала менять отношение. Даже если я не верю, я не могу отрицать, что религиозные структуры могут выполнять полезные функции. В Америке многим мигрантам адаптироваться помогали именно такие общины, собиравшиеся вокруг религии.

– А ты это сама готовила? – мама попробовала одну из закусок. Мадина внутренне закатила глаза. Она тут объясняла свою точку зрения, а ее матери было абсолютно все равно.

– Да, сама, – ответил за нее Марат. – А вот этот салат мы вместе. Решили разнообразить застолье.

– Мм, вкусно, потом скинь рецепт, пожалуйста. Только я бы, пожалуй, сюда меньше лимонного сока добавила.

В дверь позвонили еще раз.

– О, привет, Мадина, привет, Пери. Какая ты у нас принцесса!

Пери сидела на руках у Марата и заинтересованно разглядывала пуговицы у него на рубашке. На пришедших она только коротко посмотрела.

– Она такая молчаливая, – заметила мама Мадины. – Это нормально в этом возрасте?

– Она не привыкла к стольким людям, мама. Обычно с ней дома я и Ақжарқын или я и Марат.

– Ну, раз все пришли, предлагаю, пока не сели, посмотреть, что Пери выберет! – Марат посадил дочку на пол и разложил перед ней несколько предметов: книгу, игрушечную гитару, поварешку и лак для ногтей. Папа Мадины подбросил еще пятитысячную купюру.

– Ну, Перишка, давай, – Марат подвинул ее ближе к предметам, чтобы она их точно увидела, но она не заинтересовалась ни одним. Мама Марата взяла лак для ногтей и пыталась привлечь внимание Пери:

– Смотри, какой красивый, аяй, аяяяяй.

Папа Мадины помахивал ярко-красной бумажкой, мама Мадины взяла книгу. Но Пери сидела и удивленно смотрела на своего папу.

– Давай, Периша, выбери что-нибудь, – уговаривал ее Марат. Но она нахмурила брови и приготовилась плакать.

– Всё, всё, перестаньте на нее давить, – Мадина взяла дочку и унесла ее в спальню, чтобы успокоить.

– Что-то с ней не то, – задумчиво сказала мама Мадины. – Молчит все время, плакать начала.

– Она просто устала, наверное, мы целый день готовились, – попытался возразить Марат.

– Ну, не знаю. В ее возрасте Мадина уже говорила и любила общаться с людьми. Вообще такая развитая была. Я с ней все время стихи учила, разговаривала. Ваша Ақжарқын, наверное, не знает даже русский язык, а вы все время на работе.

– Ой, а мы тут принесли подарки! – прервала потенциально неприятный разговор сестра Марата. – Тут вот нажимаешь – светится, вот тут нажимаешь – поет. Сюда можно складывать разные формочки, а здесь просто щелкать. Детям очень нравится.

***

Мадину добавили в чат «Спасибо за подарки»

Ақерке добавили в чат «Спасибо за подарки»

Алия
Девчонки привет
Не пугайтесь это я вас обеих добавила
Потому что я хочу сказать вам обеим огромное спасибо за ваши подарки и хочу вам напомнить что чуть больше года назад мы с вами познакомились впервые
Представляете?
Мне кажется что уже прошло несколько лет. Мне кажется что я вас знаю всю жизнь
И разговоры с вами были и есть для меня такими нужными
Мои подруги всегда рядом со мной но никто кроме вас не мог понять что со мной происходило
Что я чувствовала в сложные моменты. И даже хотя я не умею

жаловаться и не говорила вам иногда некоторые вещи я знала что я могу. И что вы будете рядом
Поэтому я хотела сказать это вам обеим не по отдельности
Спасибо

Алия написала сообщение в чате и вздохнула, внутри она побаивалась реакции девчонок. Особенно Мадины. Ақерке и Мадина не сходились по многим вопросам, но в последний раз они наговорили друг другу таких ужасных вещей, что она с трудом представляла, возможно ли их примирение в принципе.

Они обе долго молчали. Только Ақерке несколько раз начинала писать, но почти сразу переставала. Она то ли пыталась найти слова, то ли писала очень большой текст.

Ақерке
пожалуйста дорогая
я уже боялась что казпочта никогда тебе не доставит
я бы отправила каким-нибудь федексом но у вас эти курьерные службы не работают
и это тебе спасибо
мне кажется из нас всех ты самая добрая и поддерживающая
💐🌷🌸

Мадина
Я тут сейчас немного в ступоре и держусь, чтобы не расплакаться...
Алия, спасибо. Это тебе спасибо за то, что ты всегда находишь правильные слова и никогда не осуждаешь.
Даже захотелось смайлик отправить. Есть же такой с водопадами слез.

Ақерке
😭😭

Мадина
Да, этот.
😭

Алия
😭 😭 😭 😭
Девочки

Ақерке
что?
😭 😭 😭 😭

Алия
😭 😭
Давайте помиримся

Ақерке
😭 😭 😭 😭 😭
да давайте
Мадина
прости меня

Мадина
Теперь мне очень смешно.
И ты меня прости.

Ақерке
😭 😭

Алия
😭 😭

Мадина
😭 😭

Ақерке
а я сходила к врачу как ты сказала

Мадина
И что тебе сказали?

Ақерке
прописали витамины А и Д
еще фолиевую кислоту
сноха еще сказала попить кызылмай

Мадина молча закатила глаза. Не ругаться, не ругаться, не ругаться. Они ведь только помирились.

– Аааааа, – прорычала в воздух она.

– Что такое? – поинтересовался Марат.

– Ақерке опять в своем духе. Сноха ей сказала пить кызылмай перед беременностью.

– Ты вроде не общаешься с ней уже.

– Помирились только что.

– Но она же антиваксерша? Зачем с ними общаться вообще?

– Ну, она не такая ярая, мне кажется, я смогу перетянуть ее на светлую сторону, – Мадина улыбнулась.

Мадина
Хорошо. Отлично. А к стоматологу сходила?

Ақерке
дааа
пролечила три зуба

Мадина
А я вышла на работу. Благодаря Алие, решилась

Алия
Я кстати тоже скоро выхожу. Но не потому что прям очень хочу а потому что уже закончатся декретные выплаты(

Ақерке
😟 😟
почему у нас декретные только один год платят?
мы что должны выходить через год
бросать детей

Алия
А садики главное только с трех лет

Мадина
Я думаю, платить до трех лет было бы большой нагрузкой для бюджета. Тем более некоторые женщины из декрета в декрет выходят. Представляете, платить по пять-шесть лет подряд?

Ақерке
но ведь они сами говорят что надо как можно больше детей
многодетным дают всякие значки

Алия
Кроме значков это почти ничего не значит если честно
У нас есть в школе дети из многодетных семей, им только раз в год форму дают и потом питание

Мадина
Да и сейчас вроде считается, что многодетные сами за себя. Я помню, несколько лет назад говорили, что надо больше рожать, поднимать демографию, и все такое. Но уже пару лет говорят, что многодетные иждевенцы и лишь бы потом просить у государства квартиры и деньги.

Ақерке
ужас

как не стыдно

Мадина
Так что вот – если соберешься когда-нибудь рожать еще детей, то подумай, никто особенно помогать не будет.

Ақерке
кстати

Алия даже замерла, как сейчас отреагирует Мадина.

Ақерке
мы с Арманом снова беременны

Мадина
Ооо.

Алия
Поздравляю!

Ақерке
спасибо

Мадина сидела и раздумывала, готова ли она испытывать свое терпение такими новостями и вообще тем, что в ее окружении будет абсолютно иррациональный человек. Зря она, что ли, вышла из всех чатов родственников и одноклассников? Так ли ценны ей эти отношения, основанные на опыте первого материнства, и готова ли она тратить свои внутренние ресурсы на постоянное переубеждение Ақерке? Они ведь наверняка и так ее считают занудой.

Мадина
Поздравляю тебя, Ақерке. Не буду занудствовать, что если ты ходила к врачу, что за врач такой был, который не сказал, что еще рано беременеть вторым ребенком, и что беременна ты одна, а Арман даже близко не поймет…

Алия
Мадина не хочу перебивать но ты занудствуешь

Ақерке
ничего страшного
спасибо что переживаешь за меня Мадина
правда спасибо
и спасибо за поздравления девочки
я так счастлива честно говоря
я думаю все будет хорошо и я выдержу
и еще
надеюсь что это будет мальчик

Глава 6

1,5 года

***

Прозвенел звонок, и класс быстро заполнялся детьми – видеть их, наконец, в школе было непривычно и странно. Как будто целая жизнь прошла с тех пор, как по всей стране прошли протесты. Казалось бы, при чем тут дети, но у каждого третьего ребенка в классе родители работали на Казахмыс, и среди них уже давно назревало недовольство: платили мало, требовали много, а другой работы не было.

«Кто же думал, что все это будет так долго и страшно. А самое главное – до сих пор не ясно, приведет ли это к каким-то изменениям».

– Добрый день. Рада всех вас видеть. Надеюсь, у всех дома все в порядке. Тема сегодняшнего урока «Размножение у млекопитающих», – Алия услышала привычные перехихикивания. Девочки за передними партами старались сохранить лицо, но от напряжения покраснели. Алия мысленно закатила глаза. Каждый год одно и то же.

Мальчишки продолжали переговариваться.

– Парни, если кто-то из вас хочет выступить, пожалуйста, выходите к доске, – теперь Алия закатила глаза из-за себя. Она ненавидела, когда в школе так говорили учителя, а теперь сама произнесла, даже не успев отследить этот автоматизм и остановиться.

– Алия апай[26], может, не будем изучать эту тему? – спросила Айлин, отличница этого класса. – Мы можем сами прочитать, мне братья рассказывали, что им говорили самим прочитать.

– Да вообще, зачем нам нужна эта учеба и тем более биология? Всем явно сейчас не до этого.

– Хороший вопрос, ребята. Я понимаю, что сейчас очень нестандартная ситуация, мы все находимся в подвешенном состоянии, и не очень понятно, что будет дальше. Но ваша задача как детей – это учиться, а моя как учителя – давать знания, и чем быстрее мы вернемся к нормальному процессу обучения, тем лучше. Вы не потеряете знаний, будете более образованными, у вас будет больше возможностей для дальнейшей учебы и работы.

– Апай, мы хотим сказать, что мы всё знаем сами уже, – теперь заговорил самый главный хулиган. Он улыбался такой улыбкой, как будто и правда знал все гораздо лучше нее.

– То есть вы уже прочитали главу книги?

[26] В казахоязычных школах вместо имени-отчества используют имя с приставкой апай.

– Нет, апай, у нас есть интернет.

– А там есть порнуха, – произнес кто-то шепотом.

Теперь была очередь Алии краснеть.

– Да, апай, мы вам сами можем рассказать. Уверен, вы многого про размножение не знаете, – класс старался сдерживаться, но тут и там раздавались смешки.

Пора было это прекращать.

– Хорошо, – взяла себя в руки Алия. – Во-первых, изучение темы размножения млекопитающих нельзя свести к сексуальным практикам человека. То, что вы в курсе о том, в каких позах можно заниматься сексом, не значит, что вы знаете что-то о том, что наступает после, и как каждый вид решает вопрос воспитания и выживания потомства, а это тоже часть стратегий размножения. Во-вторых, – Алия взяла мел и, громко стуча по доске, стала писать. – То, что вы видите в порнофильмах – это нереалистичное изображение того, что происходит между людьми. Сексуальные отношения – гораздо более комплексные, чем это показывают фильмы. У людей, помимо тела, есть еще развитая психика, которая во время секса играет ничуть не меньшую роль, чем тело. К примеру, исследователи говорят о том, что часто даже когда тело демонстрирует готовность к сексу, это не означает готовность психическую. В таких случаях человек может неверно интерпретировать сигналы тела и настаивать на нем, даже если второй человек не согласен, – Алия поставила знак «равно» между словами «ТЕЛО» и «ПСИХИКА» и зачеркнула его.

– Апай, – хулиганы на задних партах подобрались и выглядели довольно смущенными. Слышать от учителей что-то про секс было непривычно. Тем более от молодой учительницы, которая всегда вела себя довольно скромно и сдержанно. Кто-то даже закрыл уши.

– И раз уж мы подняли эту тему, то давайте быстро пройдемся по основным принципам сексуальных отношений. Первое – секс может быть только по обоюдному согласию, то есть, если девушка говорит вам «нет», – Алия подошла к задним партам и внимательно посмотрела на каждого ранее хихикавшего, – это значит «нет», и она не должна вам поддаваться, только потому что у вас возникло острое желание. Второе – секс должен быть безопасным. Кто-то может мне сказать по теме?

К удивлению Алии, руку подняла Айлин.

– Да. Я могу сказать.

– Говори, Айлин.

– Безопасность означает, прежде всего, предохранение во время секса. То есть оба партнера должны быть защищены как от риска заражения инфекциями, передающимися половым путем, так и от незапланированной беременности. Наиболее высокой степенью защиты обладают барьерные методы контрацепции, или простыми словами…

И тут она замялась.

– Или простыми словами, презервативы. Потому что они защищают как от болезней, так и от беременности. Только если вы уверены в партнере, возможно ис-

пользовать оральные контрацептивы, или попросту таблетки. В гинекологических кабинетах такие контрацептивы можно получить бесплатно. Также я бы хотела подчеркнуть, что, какая бы любовь между вами ни была, риск забеременеть есть только у девушки. Что бы парень ни говорил, как бы ни убеждал, вы должны понимать, что если вы соглашаетесь не предохраняться, то вы подвергаете риску только себя и свое здоровье. – Теперь Алия внимательно посмотрела на девушек.

– А теперь я хотела бы продолжить тему урока. Если у кого-то есть вопросы или кто-то хочет поговорить на тему сексуальных отношений, вы можете подойти ко мне после уроков, а также обратиться к психологу или социальному работнику.

«Но лучше, конечно, ко мне», – про себя подумала Алия. Зная, каким образом школьные психолог и социальный работник устроились на работу и каких взглядов они придерживаются, она бы не хотела, чтобы дети попадали в их кабинеты.

– Большинство млекопитающих являются живородящими…

***

– Господи, ну что за хрень, – Мадина просматривала отчет, который ей передали на согласование. – Кто так пишет вообще? Кто это понимает вообще? Кто их на работу взял? Думают, что их читать никто не будет?

Свои риторические вопросы она задавала, совершенно четко зная ответы на них. И от этого злилась еще больше. Уж кому-кому, а ей-то было известно, кто и как понабрал на работу людей, которые не умеют не только писать, но и думать в принципе. Такой вот писака в свое время и посоветовал отпустить цены на газ, не учтя, что в отдельных регионах страны это почти то же самое, что поднять цены на хлеб. Но неужели этот ужасный урок никому ничего не дал? Люди продолжают смотреть со своей колокольни, даже не пытаясь заглянуть вглубь, посмотреть, что происходит на местах.

– Жанара, пожалуйста, вызови мне кого-нибудь из Центра развития регионов. Ага, мне надо с ними отработать отчет, пусть кого-нибудь более-менее разбирающегося, пожалуйста, вызовут.

Она положила трубку и устало посмотрела за окно. Она пыталась понять, что было не так. Ведь и раньше ее бесили люди, которые не умели писать, но работа все равно приносила ей радость и удовлетворение. Ей нравилось, что она видела результаты своей работы, которые неизбежно получали и финансовое выражение, и приводили к карьерному продвижению, и позволяли заходить в самые высокие кабинеты. В декретном отпуске она скучала по этому: и по статусу, и по власти, которую он давал, и по общению-нетворкингу, которое укрепляло статус и власть еще больше. Но сейчас это все казалось таким несерьезным и не стоящим всех прилагаемых усилий. Каким-то странным образом она одновременно считала недостаточно важным как материнство и декретный отпуск, так и свою работу, и все эти нелепые отчеты, на которые только зря бумагу переводят.

– Неудачница, – прошептала она.

– Мадина Ганиевна, здравствуйте, – в кабинет вошел молодой парнишка, худой и высокий, в очках. – Мне сказали, подойти, чтобы отработать отчет.

– Да, присаживайтесь за тот стол и возьмите ручку, пожалуйста, – Мадина взяла распечатанный отчет, который пестрил правками красной ручкой. Да, она понимала, что это уже немодно – распечатывать документы, но на экране компьютера почему-то было легче пропустить и ошибки, и некорректные формулировки, особенно если отчет был уже красиво и аккуратно сверстан. В распечатанном виде все недоработки становились очевидными, и Мадина либо правила их сама, либо ставила вопросы и писала комментарии для уточнения, правильно ли она поняла написанное.

– Как вас зовут? – спросила она, присаживаясь на соседний от парнишки стул.

– Чингис.

– Чингис, ты же не один писал этот отчет? За какую часть ты отвечал?

– Я писал третью главу.

«То есть самую нормальную. И почему я не удивлена?»

***

– Алия Нурбаевна, вас директор к себе вызывает, – в учительскую забежала запыхавшаяся девочка. – Сказала подойти прямо сейчас. – По лицу девочки было видно, что Алию ждали не для того, чтобы похвалить.

По дороге к директору Алия пыталась понять, что она могла сделать не так, но в голову ничего не приходило. Так как она только вышла из декрета, олимпиадников она еще не вела, и за выпускников и выбор пятого предмета на ЕНТ она не отвечала.

– Алия Нурбаевна, – строго обратилась к ней директор. В кабинете было еще две женщины, которые в школе не работали. Они осуждающе и даже со злостью смотрели на Алию. – Скажите, вы ведете программу биологии, согласно утвержденному ТКП, верно? – весь ее вид говорил о том, что лучше бы Алия подтвердила ее слова.

– Да, конечно… – Алия попыталась вспомнить, могла ли она случайно выйти за рамки установленного плана. Конечно, могла, ведь зимой уроки часто отменяют, из-за этого приходится отклоняться на тему-две, некоторые вообще не проходятся, просто учеников просят дома почитать самим… Алия замерла. Кажется, она поняла. – Конечно, придерживаюсь. Только недавно…

– На прошлой неделе, точнее, – не выдержала и вмешалась в разговор одна из женщин. Судя по всему, это родительницы. – Моя дочь сказала, что на прошлом уроке вы им рассказывали про с… про это, – на последних словах она перешла на шепот. Она густо покраснела, причем непонятно, от стыда или от негодования.

– Я… я… – Алия на секунду представила, как это выглядит в глазах родителей, и потеряла возможность говорить. – Я не…

– Алия Нурбаевна, скажите, что произошло на уроке 9 «В» класса 11 февраля? – директор поняла, что обойтись малой кровью не получится.

– Да, с чего вы решили провести для наших детей секс-тренинги?! – возмущенно выкрикнула вторая родительница.

– Какие секс-тренинги? – опешила Алия. – Я просто рассказала детям о том, что порнофильмы, которые они смотрят, дают неверное представление об отношениях между мужчиной и женщиной.

– Порнофильмы?! – вторая родительница едва не задохнулась от возмущения. – Наши дети не смотрят порнофильмы! Если только вы им их не показываете на своих секс-уроках!

«Эта хотя бы не стесняется говорить слово «секс». Первая родительница при каждом его упоминании дергалась и краснела еще больше. Бедные ваши дети».

– Я очень извиняюсь, – «за что?» – но несколько мальчиков сами сказали, что они смотрят такие фильмы. Проблема в том, что многие, насмотревшись их, потом не могут строить нормальные отношения, и у них сложности в сексуальной сфере. Они пытаются подражать актерам…

– Прекратите! Может, посмотрели нечаянно, где-то увидели, это не значит, что надо с ними вести такие беседы. Вы что, психолог?

Алия закатила глаза.

– Нет, я не психолог. Но я знаю, что порносайты – это самые посещаемые ресурсы в интернете, а наиболее часто на них заходят подростки, и за рубежом уже пытаются с этим бороться, объяснять, что порнофильмы – это нереалистичное изображение секса. И что сами актеры не похожи на обычных людей, и что девушки не должны выглядеть, как…

– Вы так хорошо осведомлены.

«Спасибо Мадине, которая не может держать знания и вычитанные факты в себе».

– У меня возникает вопрос, почему учительница биологии так сильно интересуется вопросами порно. И если вы такая продвинутая и умная, то как получилось, что вы сами родили ребенка без мужа?

Это был удар поддых. Алия не выдержала и инстинктивно съежилась.

– Как вообще вы пришли к теме порнофильмов? – спросила директор.

– Тема урока была «Размножение млекопитающих», – тихо начала говорить Алия.

– Обычно ведь мы даем ее изучать дома самостоятельно, – директор недовольно буравила глазами учительницу.

– Да, но я подумала, что, делая так, мы только усиливаем у детей одновременно и чрезмерный интерес, и тревогу по поводу межполовых отношений. Как это указано в учебнике, я просто хотела рассказать о стратегиях размножения в популяциях, о том, почему это важно и как сложились те или иные стратегии у разных видов. Я это и рассказала потом на уроке, но сначала мне надо было пояснить детям то, что они не понимали.

– Потому что им еще рано!

– Им уже пятнадцать-шестнадцать лет, в Казахстане это возраст согласия.

– Это же не значит, что все пойдут направо-налево. Если их нормально держать в узде, то они даже пробовать не рискнут.

«Это, к сожалению, не работает».

– Не значит. Но моя задача как учителя сообщить о рисках, максимально информировать.

– Я думала, мы в школу отдаем, чтобы дети учились, а не чтобы их развращали, – родительницы переглянулись. – Требуем, чтобы у нашего класса эта учительница не вела.

– Мы решим этот вопрос. У нас есть второй биолог, она может заменить Алию Нурбаевну в вашем классе. И мы проведем беседу с Алией Нурбаевной отдельно, поясним, что можно и нельзя в нашей школе. Прямо скажу, если бы не нехватка предметников по всему городу, я бы вообще подняла вопрос об увольнении.

Алия замерла.

***

Мадина
Что, так и сказали, что уволили бы?

Алия
Да представляешь((
То есть мне повезло что биологов не хватает
Правда директор наедине сказала что если бы эти матери стали везде говорить что я веду секс-уроки то меня бы нигде не взяли

Ақерке
😱
секс-уроки

Мадина
Назвали же, секс-уроки.

Алия
Вот именно
Мне аж самой неудобно стало
Как будто я там учу оральному сексу или что

Ақерке
😳
честно говоря
если бы мне сказали что в школе ребенка что-то такое преподают то я бы тоже возмущалась

Алия
Ақерке , но я же просто сказала чтобы предохранялись и не думали что в порнофильмах реальный секс

Ақерке
ну я тебя знаю
поэтому конечно на твоей стороне
но если бы мне просто сказали
что какието секс уроки…

Мадина
Ну да, все очень зависит от того, как преподнести. У нас многие же думают, что половое просвещение нужно, чтобы дети раньше сексом занялись.

Ақерке
а зачем оно вообще нужно?
вот Алия к месту сказала
потому что у нее мальчики порно смотрят
но не все же смотрят

Мадина
Просто половое просвещение – это не только про секс. Многие активисты полового просвещения говорят, прежде всего, о границах. О том, что можно и нужно говорить нет, когда ты не готов или не хочешь секса. Или даже не секса, а чтобы просто прикасались, слишком близко находились.

Ақерке закатила глаза, но промолчала. Господи, ну что в том, чтобы находиться рядом. Неужели теперь всем апашкам говорить «не целуйте меня так смачно»?

Алия
Я читала что если начинать половое просвещение с раннего детства то это помогает предотвращать насилие в отношении детей

Мадина
Ну да. Если ребенок знает «правило трусиков» или просто название

частей тела и не стесняется их называть, то он сразу поймет, если что-то не то происходит

Ақерке
если честно вы совсем какието ужасные вещи говорите

Алия
Мы?

Мадина
Ты новости смотришь? У нас каждый месяц новый случай нападения на детей.

Ақерке
но детям половое просвещение
это же совсем
они же маленькие

Мадина
Детям говорят то, что они могут понять. То есть информация адаптируется, и картинки не графические, а больше на детские рисунки похожи.

Алия
Ну это конечно для меня тоже сложный вопрос
Я бы не смогла наверное сыну рассказать как появляются дети

Мадина
Поэтому нужны люди, которые могут в правильной форме подать информацию.

Алия
И чтобы родители были согласны

Мадина
Ну до этого нам еще далеко.

Ақерке
иногда думаю хорошо что я живу у нас

все-таки мне ближе наши ценности
ой девочки я побегу
что-то Аяшка сегодня температурить начала

Алия
Выздоравливайте быстрее!

Мадина
К врачу сходили?

Ақерке
да сходили
сдали кровь

Мадина
Что она говорит?

Ақерке
говорит орви
пить больше воды
сбивать температуру выше 38,5
антибиотики пока сказала не надо

Мадина
Ну если орви, то конечно не надо.

Ақерке
сноха сказала
если через три дня температура не спадет
давать антибиотики

Мадина
Нет, Ақерке , если это орви, то не надо антибиотики. А врач сказала, это орви. Если будет хуже, просто зови врача. Пожалуйста.

Ақерке
ок ок пока

***

Ақерке вытащила градусник из-под мышки Аяшки, он показывал 39 градусов. Дочка вся горела и в очередной раз уснула, не в силах находиться в сознании, но ручки и ножки были ледяные. Ақерке инстинктивно начала их растирать, пыталась согреть своим дыханием.

– Арман, принеси, пожалуйста, ибуфен.

Арман не ответил. Судя по всему, в наушниках смотрел приколы в инстаграме.

– Если со мной что-то случится, он даже не услышит, – проворчала Ақерке . Она аккуратно переложила дочку с рук на кроватку и пошла за лекарством. Арман сидел за столом без наушников. Просто очень увлеченно смотрел в телефон.

– Арман, я тебя звала, вообще-то доче плохо, мог бы и помочь.

– Чо такое? Ты же с ней. Что я должен тоже сидеть с вами?

– У нее 39 градусов вообще-то, просто надо было лекарство принести.

– Я же все равно не знаю, где твои лекарства.

– И правда. Мне скоро рожать, как я тебя с дочей оставлю вообще?

– Хватит, не начинай. Что там тебе подать надо?

– Ибуфен. Спасибо.

Арман недовольно поднялся и потянулся за аптечкой.

– На. А чо такая высокая температура?

– Не знаю, Арман. Я же не врач.

– Доча, доча, сядь, пожалуйста, тебе надо выпить лекарство, – Ақерке приподняла Аяшку и медленно влила в рот жаропонижающее.

В комнату зашел Арман.

– Я написал маме, она говорит, позвонить женгешке[27], она же медик.

– Мне врач дал назначения, зачем звонить?

– Ну чо у нее такая температура высокая? Это же опасно.

– Ну позвони.

Правда, Мадина так часто критиковала ее советы, что Ақерке стала с меньшей готовностью выполнять все, что говорила ее сноха. Иногда даже читала статьи, которые Мадина скидывала. Как минимум, ей стало казаться странным, что кызылмай такое сильное лекарство и может лечить почти любое заболевание. Единственное, Мадина была уверена, что ОРВИ никак не надо лечить, а Ақерке все-таки считала, что ребенку надо помогать выздоравливать, и втайне от подруги покупала анаферон.

– Женгешка спросила, какие еще симптомы, – Арман закрыл трубку рукой. – Что еще у Аяшки?

– Кашель. Такой сухой, надрывный. Температура вот. Слабость.

Арман повторил все перечисленное, а потом только угукал и кивал.

– Женгешка сказала, что, если температура не будет спадать, надо сделать спиртовой компресс. А завтра пусть Аяшка подышит над картошкой. И еще надо купить пару лекарств на основе трав, женгешка напишет, чтобы без химии всякой.

---

[27] Для мужчины жена брата.

Мадина
Ақерке , как Аяшка?

Ақерке
39 температура
дала ей ибуфен
никогда такой высокой не было
еще кажется как будто она растет а не спадает

Мадина
Можешь сделать ей компресс. Тряпку смочи прохладной водой и охлади лоб, подмышки, паховую область.

Ақерке
сноха сказала спиртовой сделать

Мадина
Ни в коем случае!
Нельзя делать спиртовой компресс!!!!
Лучше подожди вообще, вдруг температура спадет.
Ақерке , только не надо делать спиртовой компресс. Послушай меня, пожалуйста.

Ақерке
что такого-то?

Мадина
Он может повысить температуру и еще хуже станет!
И еще у Аяшки может быть интоксикация.
Просто подожди сначала. Если не будет спадать, напиши мне или позвони в скорую. Пожалуйста. Я знаю, я зануда, но это опасно.

Ақерке
хорошо

Ақерке потрогала лоб Аяшки, у края волос появилась легкая испарина, а значит, на этот раз температура уйдет и без дополнительных манипуляций. Какое облегчение, из-за противоречивой информации принять правильное решение казалось невероятно сложным.

– Давай спать, – позвал ее Арман, но она покачала головой. Ей надо остаться с Аяшкой, ночью температура могла снова подняться.

Она обняла дочку, с радостью почувствовав, как ее одежда становится влажной. «Надо будет поменять», – подумала она и незаметно для себя уснула.

***

Ночью Ақерке проснулась, как от толчка. Первым делом потрогала лоб Аяшки, он был как будто совсем негорячим, но дочка бредила и лежала как-то неестественно ровно, как будто боялась пошевелиться. Ақерке поставила градусник и сходила за водой.

– Доча, доча, проснись, попей, – она безуспешно пыталась поднять дочку.

Та была не в состоянии даже реагировать на слова, тем более открыть глаза или приподняться. Ақерке вытащила градусник, прошла всего минута, а ртуть доползла уже до 40 градусов и, возможно, пошла бы дальше.

– Арман! –закричала она в панике. – Арман, у Аяшки 40 градусов!

Она схватила дочку и, не в силах успокоиться и понять, что надо делать дальше, просто побежала в их спальню.

– Арман! Что делать? 40 градусов! Мне мама говорила, нельзя, чтобы до 42 дошло. Я не помню, почему, но мне так страшно. Что делать?

– Что женгешка сказала? – Арман еще не успел толком проснуться и осознать, что происходит. – Я же тебе передавал. Она сказала, дышать над картошкой и еще что-то. Компресс делать, спиртовый. Сейчас принесу водку.

Ақерке замерла. Мадина говорила, чтобы она ни в коем случае не делала спиртовой компресс. Почему она так говорила? Два часа ночи, сейчас уже и не спросить. Господи, что она за дура? Почему не узнала?

Арман уже принес водку и пару тряпочек.

– Что сидишь, давай компрессы делать! Как их там прикладывать или растирать? Ақерке , ты же кричала сейчас, что у Аяшки 40 градусов, что ты сидишь теперь?

– Подожди, я думаю, я пытаюсь думать.

– Что тут думать, женгешка – медик, она сказала, чтобы мы так сделали.

– Она узистка, Арман. И она работает где-то в районной больнице. Мне надо сейчас понять.

Ақерке полезла в телефон и попыталась погуглить. Пальцы плохо слушались, потому что одной рукой в это время она держала вялую Аяшку, а другой быстро листала страницы.

«Спиртовой раствор часто используют для растираний», «для снятия температуры еще можно использовать спиртовые растворы», «у детей спиртовой компресс может вызвать интоксикацию», «возьмите водку, разденьте ребенка и хорошенько разотрите его, вместе с парами будет выходить и температура», «спиртовой раствор может повысить температуру».

– Господи, господи, – Ақерке была в ужасе от беспомощности. Как понять, на

каком сайте информация настоящая? Как понять, что она сейчас не сделает еще хуже, сделав или не сделав этот чертов компресс.

– Арман, дай градусник, – она покачивала Аяшку в надежде, что каким-то волшебным образом ее материнская любовь и поддержка будут помогать дочке.

– Чего ты ждешь?! Зачем тебе градусник?! ЗАЧЕМ ты копаешься в телефоне? У тебя дочка может умереть! Я тебя никогда не прощу, если с ней что-то случится!

– Дай мне градусник, Арман, – Ақерке параллельно набирала 103. Почему это не пришло ей в голову сразу? Почему она такая глупая? Почему она ни разу за полтора года не звонила в скорую?

– Скорая помощь, что у вас?

– Девочка, температура 40 градусов, она горит, может, и выше, вышлите скорую, пожалуйста, и скажите, что делать, – Ақерке подавила в себе слезы и желание расхныкаться. Она так боялась, что скорая не успеет и что ее нерешительность сейчас приведут к чему-то очень страшному. И думать об этом не хотела, но картинки упорно появлялись перед ее глазами, пока она называла их адрес и возраст Аяшки.

– Записала, скорая прибудет минут через десять. Пока сделайте ребенку водные компрессы. Просто смочите водой тряпку и приложите к подмышкам, паховой области и на сгибы колен и рук. После этого дайте жаропонижающее и ждите скорую.

– Арман, неси воду, набери в тазик!

Она положила Аяшку на кровать, осторожно раздела ее, намочила тряпку и приложила к горячему лбу. Еще две тряпки к подмышкам, еще одну – к паховой области. Она провела холодной тряпкой по горячей шее и спинке, ручкам и ножкам.

Ақерке повторяла и повторяла эти процедуры раз за разом, и ей казалось, что

Аяшка стала дышать легче и почти перестала бредить. Она боялась остановиться, прикладывала и прикладывала компрессы. Потом она решилась измерить температуру, градусник показал 39,5, и она выдохнула.

– Ибуфен, – устало сказала она. Арман принес ей лекарство, и она смогла даже приподнять Аяшку, чтобы та выпила его.

В дверь позвонили.

– Скорая. Открой!

В квартиру зашли два медика.

– Где ребенок?

– В спальне.

– Здравствуйте, вы мама ребенка? Что делали?

– Мне сказали сделать компрессы водой и дать жаропонижающее. Вот, делаю компрессы.

– Надеюсь, больше никакой самодеятельности? Растирания спиртом не делали?

– Нет. Нет, мы думали, но потом я посмотрела, на некоторых сайтах пишут, что это опасно. И я позвонила в скорую.

– Ну неужели? Вы молодец. Спирт быстро впитывается в кожу и может вызвать интоксикацию. А если бы растирали, еще выше температура бы поднялась. У вас было 40 градусов, после этого мерили?

– Было 40 градусов, когда я вытащила градусник, может, и больше, если честно, – Ақерке с ужасом произносила такие страшные вещи. – Сейчас 39,5. Вроде дышать стала легче. Сделайте что-нибудь, пожалуйста. Укол какой-то ставят же от температуры.

– По протоколу, мы больше не ставим, – отрезала врач. – Наберите, пожалуйста, побольше воды в тазик.

– Что вы будете делать?

– Максимально охладим ребенка.

– Но я уже делала ей компрессы.

– У нее такая температура, что ее уже надо целиком охлаждать. Когда дали жаропонижающее?

– Где-то пять минут назад.

– Подействует минут через двадцать. Сейчас охладим ребенка, потом понаблюдаем. Прививки ставили?

– Что?

– Прививки ставили? Которые по календарю прививок полагаются? – врач взяла на руки Аяшку и потихоньку стала окунать ножки, а потом положила ее в воду целиком, придерживая под голову. – Бедная девочка, сейчас тебе станет легче.

– Нет, не ставили.

– Почему?

– Медотвод, – Ақерке отвела глаза и обеспокоенно посмотрела на Армана.

– Из-за чего медотвод? – врач вытащила Аяшку, вытерла полотенцем. Дала пару ложек воды.

– Аллергия, у нее ручки и ножки были шершавые, – Ақерке сглотнула. Впервые в жизни ее спрашивали так настойчиво о том, почему она не ставит дочке прививки.

– Ручки и ножки шершавые, – врач едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. – Почему я спрашиваю – в больнице сейчас много заболевших корью, и если у вас нет прививок, то там вы со слабым иммунитетом можете еще и корь подхватить. Поэтому я бы рекомендовала вам остаться дома.

– Но что, если у нее не будет снижаться температура или опять поднимется?

– Вызовите скорую еще раз и скажите, чтобы везли вас в стационар. Но имейте в виду, очень высокий риск заразиться. Дайте градусник.

Градусник показал 38,5. Ақерке выдохнула и молча вытерла слезы.

– Мамочка, когда дочка выздоровеет, поставьте ей, пожалуйста, прививки. Я работаю в инфекционке, и ваша температура 40 градусов – это еще мелочи по сравнению с тем, что я там вижу.

Ақерке только кивала. Теперь на нее навалилась вся тяжесть произошедшего. Она вспомнила, что мама рассказывала, как у кого-то из ее знакомых умер ребенок

из-за температуры 42 градуса. Она поняла, что, просто поверив своей снохе, она могла довести Аяшку до этого. Она просто могла бы убить свою дочку. Слезы текли безостановочно. Она была такой беспечной и позволяла каким-то посторонним людям принимать важные решения за нее. И еще за вторым ребенком пошла.

– Мадина, как проснешься, пожалуйста, давай созвонимся. Мне столько всего нужно у тебя узнать.

Глава 7

2 года

***

– Иногда мне кажется, что я не люблю своего мужа. Хотя я пыталась сопротивляться давлению, максимально дистанцировалась от родственников, не ходила на тои, на юбилеи и даже на похороны, все равно в голове у меня сидела мысль о том, что мне надо выйти замуж. И когда мы встречались с ним, я так боялась, что это очередные ничем не заканчивающиеся отношения, я пыталась убедить себя в том, что он лучше, чем он есть.

– Вы уверены, что это ваши мысли и ощущения того времени? Или, может, это то, что вы чувствуете сейчас?

– Не знаю. Может, и так. Может, я пытаюсь объяснить себе, почему сейчас я не чувствую к мужу ничего, кроме раздражения. Иногда мне кажется, что в моей голове сидит моя мать, которая никогда не была довольна тем, что я делала, только теперь она недовольна всем, что делает он. То есть недовольство мной переходит и на него, и кажется, что, если его выбрала я, значит, он по умолчанию недостаточно хорош. Понимаете? Как будто я не могу сделать правильный выбор, хороший выбор, быть рядом с хорошим человеком, потому что я все делаю неправильно…

– Интересно. Вы упомянули свою мать. Можете поподробнее рассказать о ваших отношениях?

– У нас обычные отношения. Не знаю, наверное, как у всех мам с дочками. Просто она очень… Наверное, можно сказать, контрол-фрик. Она любит, чтобы все было, как она видит, как она придумала у себя в голове, запланировала. Когда что-то происходило по-другому, она всегда сильно злилась, нервничала, впадала в истерику.

– Она что-то говорила при этом?

– Конечно. Много разного. Но когда говорила, какие бы это ни были гадости, это было лучше, чем когда она просто игнорировала меня. Она могла делать это неделями, и это было самое невыносимое.

– То есть когда вы делали что-то не так, как она себе запланировала, она игнорировала вас?

– Да.

– Она била вас?

– Нет. Что вы, никогда. По сравнению с родителями моих друзей она была довольно доброй. Хотя, кажется, это не совсем про нее.

– Попробуйте найти правильное слово.

– Она была сдержанная. Сдержанная, но напряженная, как… ну как струна, наверное. Как я говорила, небольшой стресс выводил ее из равновесия, и она взрывалась.

– Что было после того, как она взрывалась? Она извинялась перед вами?

– Нет. Ее родители били ее, наказывали, ставили в угол, иногда выгоняли на мороз без одежды. Она считала, что по сравнению с ними она добра ко мне. Она говорила, я должна быть благодарна за то, что она просто уходит в другую комнату и не говорит со мной, потому что я очень злю и раздражаю ее. И что она делает это для моего блага.

– А вы можете привести пример, из-за чего она могла разозлиться?

– Честно говоря, я почти ничего не помню. Только ощущения в целом. Хотя… был один случай. Мы потом часто шутили об этом, но на самом деле… Это было во втором или третьем классе. Я делала домашнюю работу. Я делала домашнюю работу и сделала ошибку. Простите, мне немного тяжело говорить. Я слишком ярко это представляю.

– Конечно, вы можете прерваться, если хотите. Может, воды?

– Да, спасибо. Я сделала ошибку. Тетрадь была уже исписана больше чем на половину. И мама жутко разозлилась, что аккуратно исписанная тетрадь была с ошибкой. Она разорвала ее. Вместе с обложкой. И заставила переписывать. Все домашние работы, которые уже были в тетради.

– Глотните еще.

– Проблема была в том, что я так боялась маму, что, пока переписывала старые домашние работы, делала ошибки то тут, то там. И в итоге мне приходилось переписывать еще раз. И еще раз. Простите.

– Отдышитесь. Все в порядке.

– Да. Спасибо.

– Такое часто случалось?

– В таком масштабе больше вроде не случалось. В смысле, столько тетрадей я не переписывала. Но что-то в таком духе было постоянно. Я боялась сделать неверный шаг, не знала, чем мама будет недовольна в следующий раз. Пыталась предупредить такие ситуации, но…

– Но это невозможно.

– Это было нереально. Иногда мама могла не заметить крупного промаха или пожалеть меня, стать на мою сторону. А иногда из-за небольшой ошибки она не говорила со мной неделю.

– Сейчас вы общаетесь с мамой?

– Стараюсь не общаться. Конечно, она приходит к нам домой, общается с дочкой. Но я избегаю разговоров с ней на какие-то личные темы. Понимаете, со стороны я выгляжу очень успешным человеком, особенно в нашей большой семье. У меня хорошая должность, хорошая зарплата, хорошая квартира. Но рядом с мамой я всегда чувствую себя неудачницей. Ей неважно, что я хороший профессио-

нал, потому что я плохо готовлю. Или приглашаю домой уборщицу. Или не могу одна воспитывать дочку. Она видит только то, что я делаю не так.

– А вы?

– Что я?

– Вы сами видите в себе то, что вы делаете так?

– Ну, я вижу, что я успешный человек.

– Вы сказали, что выглядите так со стороны. Вы чувствуете, что что-то делаете хорошо? Вы осознаете, что сами добились этой хорошей должности, хорошей зарплаты и хорошей квартиры?

– Нет. Нет, я не чувствую этого. Мне кажется, что мне просто повезло.

– То есть в хорошем вам повезло. А в плохом вы виноваты сами?

– Да.

– Я думаю, нам предстоит долгая работа, Мадина. Вы пришли вовремя.

***

Алия
Всем привет как дела?
Ақерке как малышка?

Ақерке
😳😴

Алия
Я так поняла даже слов нет? Бедная ты

Ақерке
я поняла что
с аяшкой мне оказывается повезло
она так хорошо спала в первое время
а мариям вообще не умеет спать в кроватке

Алия
Где она спит? С вами?

Ақерке
она спит только на руках
свекровь говорит это я ее приучила

Алия
Вечно она так

Ақерке
ну я не стала молчать

Алия
Чтооо?

Ақерке
сказала что я не приучала
аяшка же не висела у меня на руках
и еще сказала
😤😤😤
что раз она приходит
то пусть приглядывает за старшей
а то она с меня тоже не слезает
только младшую положу
на меня залезает
и просит тоже качать

Алия
Блиииин ты бедняжка(

Ақерке
Мадина наверное в шоке
ругается там сидит про себя

Алия
Да что-то молчит хотя читает

Мадина
Всем привет. Нет, я просто немного в себя прихожу.

Алия
Что такое случилось?

Ақерке
👂

Мадина
Не знаю, смогу ли я сказать.

Ақерке
ого 😯

Мадина
Помните, я говорила, кое-какие проблемы в садике?

Алия
Да

Мадина
Мне воспитатель сказала, что Пери немного отстает от сверстников. Говорит, у нее многие реакции не развиты. Она плохо реагирует на имя, в принципе на внешние раздражители. Я думала, наверное, она просто на нас с Маратом похожа. Мы оба какие-то замороженные же немного.

Алия
Скажешь тоже!

Ақерке
🥺

Мадина
В общем нам посоветовали сходить к невропатологу и психологу. А психолог сказала, что

Тут Мадина приостановилась.

Когда пишешь это в чат, все кажется каким-то несерьезным, простым. Может, оно так и должно быть по прошествии времени. Но когда она впервые услышала о том, что ее дочка отстает в развитии, она была в шоке. Попросила воспитательницу их навороченного частного садика с обучением по системе Монтессори повторить еще раз. А потом еще раз. Слова она понимала, но общий смысл до нее никак не доходил. Она не могла поверить, что они сейчас обсуждают ее дочь. Потом она попросила повторить это все им двоим с Маратом. Они оба смотрели на Пери и не могли понять, как все это время они, прочитавшие тонны книг по родительству, не заметили, что что-то было не так. Или, может, именно, потому что они прочитали столько книг, они думали, что это такой вариант нормы, и нужно принимать любые проявления ребенка, даже если они кажутся странными.

После первого ступора Марат начал обвинять ее. По его словам, она была слишком занята собой, своими переживаниями по поводу материнства, а потом своей работой. Она понимала, что, наверное, он это не со зла, а скорее – от стресса и попыток осмыслить, но это ни капли не помогало. Как получилось так, что они оба – родители, но ответственность за ребенка была прежде всего на ней. Потом они не разговаривали друг с другом. А детский психолог посоветовал ей обратиться к психотерапевту.

– Дети в первые годы жизни не отделяют себя от родителей, обычно от матери, и в таком случае коррекция поведения ребенка бессмысленна без коррекции поведения и психического состояния родителя, – сказала детский психолог, и Мадина пошла на свой первый сеанс.

Мадина
В общем, сегодня я была на сеансе у психотерапевта.

Алия печатает

Ақерке печатает

Мадина подождала, пока девушки попытаются что-то ответить, но у каждой из них, похоже, не находилось подходящих слов. Они обе что-то печатали, но ни одна из них так и не решалась что-то сказать. Это почему-то даже лучше любых слов.

Мадина
Детский психолог сказала, что, возможно, Пери не говорит и плохо реагирует на внешние раздражители, потому что, когда ей надо было зеркалить и получать позитивный пример от меня, она его не получала.

Алия
В смысле…

Ақерке
ты не…

Мадина
Я не говорила с ней. Не улыбалась. Не общалась. Ну это предположение.

Ақерке
😣😣😣

Алия
У тебя могла быть послеродовая депрессия?

Мадина
Психотерапевт сказала, что могла быть, постфактум она диагноз поставить не сможет. Но. Сейчас у меня депрессивное состояние.

Алия
Я не знаю что сказать
Просто хотела бы обнять тебя сейчас

Ақерке
я тоже

Мадина
Спасибо, девочки.

Ақерке
простите за вопрос
но
прошло столько времени
неужели ты не чувствовала что что-то не так?

Мадина
Я чувствовала. Но думала, что у всех матерей так. Что всем тяжело, болит грудь, не высыпаешься, становишься раздражительной.

Ақерке
это и правда бывает со всеми
наверное
со мной сейчас тоже

Мадина
Поэтому нужно периодически проверяться. Мне сказали, есть такие специальные опросники, даже в интернете можно найти. Диагноз не поставишь, но если что-то подозрительное, то хотя бы вовремя обратишься за помощью.

Ақерке
ты всегда такая рассудительная
я просто не понимаю
и ты такая внимательная
меня заставляла к врачам идти

Алия
Наверное Мадина из тех кто обо всех думает кроме себя

Мадина
Перестань. Если честно, у меня не было сил сесть и подумать. Я уставала физически, но больше уставала морально – каждый день я буквально заставляла себя вставать и что-то делать.

Алия
А Марат? Он не замечал?

Мадина
Не заметишь тут. Конечно, замечал. Просто…

«Просто я всегда веду себя, как моя мать, и тут надо успевать, чтобы тебя никто не успел ни в чем обвинить».

Мадина
Просто я и в обычном состоянии довольно требовательная и от этого – часто недовольная.
«Мягко говоря».

Мадина
И, наверное, он думал, что все матери такие.

Алия
А как все-таки распознать, интересно? Что не просто усталость?

Мадина
Вы когда-нибудь думали, любите ли вы своих детей?
Когда-нибудь думали, бежать ли на их крик или спрятаться в ванной, включить воду и не слушать?
Когда-нибудь мечтали, чтобы они никогда не рождались?

«А еще думали ли, как было бы хорошо вышагнуть в окошко?»

***

– Ну, допустим, сейчас я бы не отказалась, чтобы ребенка у меня было не два, а один, – Ақерке быстро положила младшую дочь в кроватку и побежала на крик старшей. Она залезла на стол, размазала себе по голове и платью варенье и кричала, потому что не могла слезть обратно.

– Маааааам! Сэсть и магу, маааам!

– Ну что «мам»? Что «мам»? Сама залезла, а теперь не может она. Как ты вообще додумалась? – Ақерке быстро раздела дочку и понесла в ванную. – Только не трогай больше ничего руками!

– Маааам! И кичи! Ты пахая! – Аяшка, конечно же, не послушалась и сделала все ровно наоборот. Она стала стучать липкими кулачками по спине Ақерке и вопить еще больше. Ақерке уже сто раз пожалела, что подняла голос, ведь это никогда не срабатывало так, как надо. Она, стиснув зубы, молча засунула дочку в ванную и стала отмывать ее от липкой массы. Варенье – это самое мерзкое, потому что после дочки еще надо будет отмыть стол, стулья и, возможно, пол. Свекровь, как назло, решила приходить пореже. Да и толку от нее, если честно. Сидела бы и нудела, что снова родилась дочка, а не сын. Первое время Ақерке чувствовала

свою вину, пыталась сглаживать углы, не отвечать на брюзжание свекрови, но в конце концов ей это надоело. Она проконсультировалась с несколькими врачами по наводке Мадины, и оказалось, что она вообще-то ни при чем, пол ребенка зависит только от мужчины. Как только она сказала это своей свекрови, та демонстративно не приходила к ним несколько дней – видимо, в попытке наказать келинку[28].

Ақерке вытерла смеющуюся Аяшку, завернула в полотенце и только успела подумать, как ей повезло, что младшая еще не плачет, как та подала голос. Ақерке вздохнула.

– Аяшка, жаным, смотри, у тебя теперь есть сестренка, маме надо за ней ухаживать. Пожалуйста, постарайся больше никуда не лезть. На тебе телефон.

Мариям в это время уже начала надрывно кричать, требуя взять ее на руки. Ладно бы просто ела и спала, нет, ей все время надо быть на руках, чтобы Ақерке ее покачивала. Помня о тонких стенах и высокой слышимости, Ақерке , чтобы не вызвать дискомфорт у соседей, обычно не допускала, чтобы дочка кричала долго.

– Сейчас мы с тобой быстренько все протрем, – одной рукой она держала Мариям, а другой – протирала стол. – А то скоро папа придет, а у нас тут такая грязь. Грязь – это плохо. Хорошая хозяйка грязь не любит, золотая. Вот вырастешь, будешь вместе с Аяшкой маме помогать. Хотя тетя Мадина, наверное, за такое наругала бы маму. Ну, вы ей не говорите, хорошо?

– Маааааам!!! – Аяшка снова кричала из спальни.

– Что такое?

– Мутики!!! Нет мутиков!!! – Аяшка с ревом кинула телефон на пол.

Ақерке положила Мариям в кроватку и подняла телефон. Чтобы не накричать на дочку, про себя досчитала до десяти, отдышалась.

– Аяшка, не надо бросать телефон. Ты просто переключила ютуб, потому что нажала на другую кнопочку. Возьми и больше не бросай, а то папа не купит маме новый телефон.

«Купил бы, если бы родила сына. Или, может, даже машину. Ему-то не докажешь, что все дело в нем, а не в ней».

Иногда ей казалось, что он даже не смотрел на Мариям, потому что злился каждый раз, как ее видел. Может, со временем это пройдет. Может, он полюбит ее так же, как свою принцессу Аяшку. Даже очень вероятно, потому что он и к старшей не подходил, пока ей не исполнился годик и она не стала говорить и ходить. Ақерке по привычке постаралась отогнать от себя неприятные мысли. Хотя после того случая, когда Аяшка сильно болела, это получалось у нее все реже. Она поняла, что, как раньше, уже никогда не будет, и она теперь навсегда ответственна за своих детей. И если она не хочет, чтобы с ними случилось что-то плохое, ей придется защищать их. В том числе и от недовольства и замшелости родственников.

В телефоне звякнула напоминалка о том, что пора принять таблетки. Об этом она не сказала даже Арману. В следующий раз рожать ребенка она будет только, когда будет готова. Она думала подождать, пока Аяшка пойдет в садик, но теперь

---

[28] Келин – невестка.

[29] Құдайы – угощение с богоугодной целью. Как правило, проводится после выздоровления от тяжелой болезни, после аварии, операции. Ас – поминки. Как правило, проводят через год.

понимала, что, наверное, сможет подумать об этом не раньше трех лет Мариям. Двое маленьких детей, когда ты дома целый день одна, – это невозможно. И ведь никто не освобождал ее от уборки, стирки, глажки, готовки.

– Ничего, ничего, прорвемся. Вечером пойдем с папой в парк, а там люди, деревья, фонтаны и даже мороженое. – Ақерке улыбнулась. Нет, она очень любит своих девочек. Как будто в унисон ее мыслям Мариям загулила и протянула к ней пухлые ручки.

***

– Давайте, я пригляжу за Арсенчиком, – вызвалась Азиза, дочка одной из женщин, суетливо прибиравших стол. Алия молча кивнула и продолжила вытирать стол. Посуда высилась горой, надо было успеть унести ее до того, как придет следующая партия гостей.

Вот уже больше года почти каждые две недели она приходила в ту самую мечеть, где ей так помогли, когда Арсенчик болел. Когда она спросила имама, чем она может помочь, он предложил помогать во время құдайы и аса[29], которые иногда проводятся у них при мечети. Обычно это делается, когда люди не могут позволить себе арендовать кафе или не могут вместить дома всех желающих присутствовать на асе. Алия сначала ходила из чувства долга, какой-то ответственности, но потом она подружилась со многими такими же, как она. Всем им в какой-то момент помогли, и они понимали, как это важно в определенные моменты жизни. Что больше всего Алие нравилось в них, так это полное отсутствие осуждения кого-либо.

Здесь никто не осуждал и ее. Даже имам, который в своих проповедях часто говорил о необходимости сдерживания желаний плоти, ни разу не пытался устыдить Алию, говорить о ее грехе. Это было так странно, потому что за пределами мечети и этого круга она практически постоянно была под прицельным огнем осуждения и ожидания, когда она оступится снова. Мамы школьников, у которых она проводила уроки, после того случая постоянно допрашивали детей о том, что она говорит. А дети рассказывали об этом ей, показывая тем самым, что они на ее стороне, но, сами того не подозревая, расстраивали ее еще больше. И хотя сама она считала, что поступила правильно, в глубине души она чувствовала свою уязвимость. Может, и правда – не ей их учить.

– О, ты опять пришла, – в столовую вошел Бекжан-ата. – Еще на работу не вышла, что ли?

– Да, ата, последний месяц как раз, скоро каникулы уже закончатся, будете еще скучать по мне, – она тепло улыбнулась старику. – Шай ішесіз бе? Қайнатайын сізге.[30]

– Жоқ, жаным, істегенді істе бер.[31] Я пока помогу там во дворе, уже новая партия собирается, надо с ними поговорить.

Бекжан-ата всю свою жизнь работал на шахте и до последнего времени был

[30] Будете пить чай? Я вскипячу для вас.

ярым коммунистом, даже когда СССР и коммунистическая партия приказали долго жить. К религиозным обрядам всегда относился скорее, как к досадной и неприятной необходимости. Как он оказался в мечети и почему проводил здесь столько времени, рассказывать он не хотел, всегда отшучивался, что просто на пенсии заняться нечем. Алия и не настаивала, но однажды увидела, как он прогонял каких-то парней и ругался.

– Что случилось, Бекжан-ата? Что эти парни хотели?

– Это дружки твоего Жаната, бородачи, – сердито бросил он, и Алия вспомнила, что так и не спросила, откуда он знает отца Арсена.

– А откуда вы знаете его, кстати? Откуда вы знаете про них вообще?

Бекжан-ата нахмурился.

– Просто знаю. Тебе это зачем?

– Мы столько времени знакомы, мне показалось, мы стали близкими людьми. Вы для меня, как папа, которого у меня никогда не было.

Лицо старика немного расслабилось, стало больше похоже на грустное, чем злое.

– У меня был сын, қызым[32]. Его звали Азат, – он остановился, словно подбирая слова. – Қайтқан ол.[33]

– Иманы саламат болсын[34]!

– Рахмет, қызым. Только не знаю, каково ему на том свете. Он погиб в Сирии, – на лбу Бекжана пролегла большая складка. Было видно, что он много думал о произошедшем, но, так и не найдя ответа, задумывался снова. – В Сирию поехал воевать за своих братьев.

Он наконец поднял на Алию глаза. Бекжан-ата был невысокого роста, но в этот момент он как будто стал совсем крошечным, сгорбленным и виноватым. Алия подошла и молча обняла старика, который, как оказалось, нес на себе огромную тяжесть вины. За себя и за сына.

– Он забрал мою невестку и детей. Двух малышей, им было четыре и два года. Да и невестка была малышка, мы с женой не хотели, чтобы он на ней женился, она только школу закончила.

«Как и жена Жаната», – невольно вспомнила Алия.

– Они остались там? – с ужасом спросила она.

– Нет. Аллаға шүкір[35], их привезли. Еле нашли и привезли. Но, қызым, Алла кешірсін, я смотреть на них не могу. Мне так стыдно за то, что он с ними сделал. За то, что она такая молодая, мало того, что родила ему двух детей, еще жила там, в этом ужасе. Мы на своей земле не допустили войны, а он повез их туда. Она просыпается иногда, кричит от страха, думает, что на них опять нападают.

Бекжан, не сдерживаясь, плакал, и слезы катились по его почерневшему морщинистому лицу.

– Прости меня, қызым, но, может, Жанат сделал Арсенчику лучше, исчезнув из его жизни.

---

[31] Нет, нет, продолжай делать, что делала.

[32] Дочка.

[33] Он умер.

***

Мадина уже второй час пыталась сосредоточиться на работе, но получалось плохо. Вечером пятницы шеф дал срочное задание до понедельника, и ей приходилось сидеть за ноутбуком, в то время как в соседней комнате Пери и Марат играли и, судя по звукам, очень веселились. Мадина свернула таблицы и открыла документ, который зашифровала как «Док_SWAT_М». На втором сеансе психолог велела ей составить список плюсов и минусов Марата как мужа, чтобы легче было понять, в чем суть ее неприятия и недовольства им.

Плюсы Марата, согласно ее списку, были в том, что он поддерживал ее, всегда находился рядом, любил дочь и проводил с ней много времени, защищал и вступался за Мадину перед ее родителями, особенно перед матерью, был финансово устойчив, не имел вредных привычек, не был игроманом, а после рождения Пери даже в Play Station перестал играть, иногда готовил, был внимательным любовником. А еще она в нем была уверена даже больше, чем в себе и в своих родителях. Он просто никогда бы не подвел ее. Минусы же состояли в том, что он не любил мыть посуду, оставлял в ванной после себя лужи воды и брызги на зеркале, не менял свое поведение даже после тысячи напоминаний и договоренностей, в принципе не любил домашнюю работу и считал ее прерогативой женщин, хотя утверждал, что он профеминист.

Теперь Мадина смотрела на списки и понимала, что, похоже, сама того не осознавая, она в какой-то момент превратилась в собственную мать. Она умудрялась не замечать слона в комнате. Марат заботился о ее безопасности, терпел ее, скажем прямо, неприятный характер, никогда на ней не отыгрывался. Но, как под увеличительным стеклом, она видела только его недостатки, которые сводились к небрежности и легкой неаккуратности в быту.

– В какой момент ты стала такой брюзгой, а, Мадина? Когда это произошло?

Она искренне не понимала, почему то, за что она осуждала свою мать, вдруг стало частью ее самой. Она привыкла к тому, что ее внутренний критик был всегда рядом, когда надо было обесценить ее собственный труд, ее желания и потребности, но в какой-то момент этот критик захватил полную власть, настроил свою оптику в ее глазах и мозгу. Мадина захлопнула ноутбук.

Она сбежала на работу, не выдержав осуждения этого внутреннего критика, потому что у нее не получалось быть отличной матерью. Будь ее воля и возможности, она бы, наверное, попробовала все переиграть, начать заново. И тогда ее дочка не была бы отстающей.

– Как ты это себе представляешь, Мадина? Завести второго ребенка, а про Пери забыть? Перечеркнуть ее, как неудачный проект?

[34] Аналог русского «Пусть земля ему будет пухом!»

[35] Слава Аллаху!

Мадина

Аскар Ахметович, добрый день. Я не успею закончить задание до понедельника. Предлагаю перенести сроки до вечера вторника.

Шеф

Хорошо! Нам не горит, главное – дать ответ поставщикам к среде.

«Тогда какого черта надо было давать задание до понедельника?!» – возмутилась Мадина и с чистой душой пошла в детскую. Там Марат и Пери собирали пазл. Они сидели голова к голове и искали, куда вставить следующую деталь. Марат старался подсказать дочке, где можно попробовать поставить кусочек, но терпеливо ждал, пока она додумается сама. Мадина молча наблюдала за ними.

– О, мама уже освободилась! Ты закончила свое дурацкое задание?

– Нет, слушала, как вы тут веселитесь, и написала шефу, что сдам его позже.

– А что, так можно было?

– Представляешь? Он мне сказал, что вообще ответ надо дать к среде! Я не поняла, зачем надо было так меня загружать в выходные.

– Может, он забыл, что у тебя теперь доча?

– Не знаю. Я всегда думала, почему он никогда не грузит других замов. И, кажется, после выхода из декрета всё пыталась показать, что я сейчас ничем не отличаюсь от прежней себя. Что я не стану менее производительной или работоспособной, чем была, – после сеансов с психологом Мадина стала замечать за собой манеру рефлексировать по поводу происходящего с ней, и, казалось, это было интересно не только ей. Марат удивленно смотрел на жену.

– То есть, из-за того, что ты стала мамой, ты пытаешься ему доказать, что ничего не изменилось?

– Похоже, да. Как будто хочется разрушить стереотипы. Как будто хочется, чтобы он не жалел о моем повышении.

Пери в это время нашла место для еще пары деталей. Она была молчаливой, но довольно настойчивой и никогда не могла успокоиться, пока не закончит собирать пазл целиком. Они считали это классным, но, как оказалось, это был один из тревожных признаков для психологов. Ребенок в ее возрасте не должен быть таким усидчивым.

– Иди сюда, – Марат похлопал по полу около себя. Мадина не стала сопротивляться. Марат осторожно обнял ее. – Ты не должна ему что-то доказывать. Он повысил тебя не из одолжения и не авансом. Он повысил тебя, потому что ты лучше всех, умнее всех, трудолюбивее всех. И ты достойна этого повышения. Но сейчас у тебя есть дочь. И она не менее важна, тем более сейчас ей требуется наше внимание.

Мадина обняла его в ответ так крепко, как давно не обнимала. Она уже даже его запах забыла и сейчас как будто чувствовала его впервые.

– Ты правда думаешь, что это я виновата в том, что она…

Марат немного отодвинулся.

– Сначала я так думал. Честно говоря, я ужасно злился на тебя.

– Но?

– Но потом я понял, что, возможно, не заметил чего-то и сам. Возможно, после родов мне надо было думать не только о дочке, но и о тебе. Я так привык, что ты взрослая и умная, такая самостоятельная, всё сама решаешь, что я совершенно не подумал, что ты тоже можешь быть слабой.

Мадина почувствовала, как на глаза набежали слезы. Она попыталась сдержать себя, но от этого плакать хотелось еще сильнее. Она прижалась к Марату еще сильнее, спрятала лицо на его плече и тихо всхлипнула. Марат понимающе похлопал ее по спине. Ему тоже хотелось плакать, потому что он в первый раз видел свою жену в таком состоянии. Дочка удивленно уставилась на обнимающихся родителей.

– Мама? Папа? Мама? – спрашивала она, не находя других слов. – Она подошла к родителям и обняла обоих.

Мадина разрыдалась. Странным образом вместе со слезами из нее уходило копившееся годами напряжение, и она даже чувствовала что-то, похожее на умиротворение.

– Я вас люблю, – сказала она. – Я люблю тебя, Марат.

Глава 8

2,5 года

***

– Теперь, пожалуйста, лягте на другую сторону, – девушка с бархатным голосом, наконец, вернулась после пятнадцатиминутного отсутствия. За это время Мадина и Ақерке успели уже раз десять выбежать и снова забежать в душное помещение, где им было положено безмятежно наслаждаться отдыхом.

– Почему из этих сетов нельзя убрать парилку? – шепотом спросила Мадина. – Ну или хотя бы уделить ей меньше времени. Я никогда не могла столько выдержать.

Вообще Мадина не любила ходить в спа-салоны, ей всегда казалось немного неправильным нанимать людей, чтобы они тебя мыли и терли. Отдавало чем-то феодальным. Но считалось негласным символом успеха и правильного отдыха у всех ее знакомых, особенно в последнее время, когда в салон можно было попасть только с зеленным статусом «Ashyq»[36]. Для Ақерке это было даже символом ее освобождения, поэтому она не могла ей отказать.

– Все хочу спросить, как тебе удалось отпроситься, – под сильными уверенными руками мойщицы Мадина стала благожелательнее. – Ты же до последнего не была уверена, что тебя отпустят.

– Ты знаешь, такое ощущение, что что-то изменилось. Я просто сказала Арману и свекрови, что иду на встречу с подругой и что им надо будет присмотреть за дочками, и – я была в шоке – они просто оба согласились.

– Ты там случайно не под дулом пистолета им это сообщила? – Мадина улыбалась, но не была уверена, что шутит. Все время, сколько они знакомы, Ақерке до смерти боялась матери своего мужа, да и Армана старалась не напрягать по «немужским» вопросам.

– Если честно, кажется, они стали меня немного опасаться. Я вам не говорила, но после того случая, когда Аяшка чуть не умерла, я начала много читать, разговаривала с врачами и поняла, что моя сноха полная дура. И вот когда родилась Мариям, я их с Аяшкой начала водить на прививки. Каждый месяц втихушку их возила. Но сказать Арману и свекрови в лицо не могла, детей просто молча прививала.

– Ага, помню, ты еще уточняла, можно ли позже ставить.

– Ну вот. Один раз договорились, что свекровь не придет, и я детей собрала.

[36] Мобильное приложение Ashyq позволяет за счет использования QR-кода и интеграции с общей базой Минздрава определить статус посетителя: является ли он на данный момент носителем вируса или нет. Зеленый статус означает, что человек вакцинирован и имеет право входить в любое заведение.

Только выходить из дома, свекруха моя. Куда-что, зачем с утра тащитесь. Я с перепугу не знала, что сказать. Короче, пришлось сказать правду. Она как закудахтала, что детей хочу убить, что нам же говорит родственница, что она же знает правду, что нельзя, вакцины испорченные, а вирусов уже нет, все вымерли. И тогда мы с ней поругались, – последние слова Ақерке произнесла шепотом. Как будто сама до сих пор не верила в то, что говорит. – В первый раз в жизни. Я раньше не то, что со свекровью, с мамой-папой, с братьями даже не ругалась. Мне всегда говорили, что наша женская сила – мягкая, надо хитростью, лаской. Я просто не выдержала, Мадин.

– А нам с Алией ты даже ничего не сказала!

– Ну, знаешь, мне все-таки повезло, что они все не то, чтобы против прививок. Как и я. Просто верили родственнице сильно. Типа она же не хочет от нас ничего, зла нам не желает. А у врачей свои графики, показатели, им лишь бы цифры нужные получить. Ну так мы рассуждали. А после этой ссоры я вообще-то полдня еще ходила и не знала, как теперь быть. А что, если она Арману скажет, что я с ней прям поругалась, и он меня потом выгонит?

– С двумя детьми?

– Как будто такое не случается.

– Иногда мне кажется, что я живу в другой стране.

– Так и есть. Когда я с тобой познакомилась, я думала, откуда ты свалилась – такие у тебя резкие взгляды, сразу с плеча рубишь.

Мадина только улыбнулась.

– Я даже думала, что ты злая и никого не любишь. И… – Ақерке запнулась, решая, сказать или нет. – Но на самом деле оказалось, что ты добрее, чем многие, которые разговаривают мило и мягко. На самом деле, даже когда ты ругалась со мной и осуждала меня, ты заботилась обо мне.

– Но из-за того, что я ругалась, ты не могла воспринимать мои слова, как надо? – понимающе подсказала Мадина. Теперь вместо мойщиц над ними колдовали массажистки, которые, казалось, стремились сломать им кости, но это в какой-то момент даже становилось приятным.

– Ну да. Еще, когда ты ругаешься и говоришь таким тоном поучающим, кажется, что ты считаешь себя умнее всех. А это не очень приятно, даже если это правда. Скорее всего, правда.

– Ничего подобного! Ай! – массажистка подняла руку Мадины и начала выкручивать ее в разные стороны. – В конечном итоге из всех нас только у меня проблемы с дочей. Чем старше становлюсь, тем чаще понимаю, что ум не имеет ничего общего с начитанностью или даже с образованностью. И что ум – это вообще не главное.

Ақерке промолчала, не зная, что и сказать. Наверное, Алия придумала бы. Сказала бы что-то о важности золотой середины.

– Подумала, что, наверное, важна мера. Начитанность – это хорошо. Но если кроме нее есть тепло, открытость, то тогда человек более полный. Наверное. И наоборот.

– И что делать, если тяжело быть открытым и теплым?

– А что тебе говорит психолог?

– Психотерапевт, – машинально поправила Мадина и неловко улыбнулась. – Мы до этого еще не дошли. Пока мы разбираемся с моими чувствами по отношению к маме и Марату. Больше – к маме, потому что получается, что мои чувства к Марату или то, как я их вижу, связаны с моими отношениями с мамой.

– А вообще тебе становится легче?

– Кажется, да. Недавно я отказалась работать на выходных и сидела, смотрела, как Марат играет с Пери. Раньше я бы не додумалась, что можно просто сказать, что я не успею и сдам позже.

– А ты чего боялась? Тебя могут уволить?

– Не знаю. Вряд ли.

Мадина задумалась о том, как они, оказывается, похожи с Ақерке . Та боялась, что ее выгонят из дома за неповиновение, над чем она посмеивалась, а сама в это время боялась, что ее – что? Уволят? Понизят? Или просто скажут, что она недостаточно эффективна, потому что женщина и мать? Если посмотреть правде в глаза, она делала гораздо больше работы, чем все ее коллеги-заместители и даже шеф, но, судя по всему, мало кому из них приходила в голову мысль о возможном увольнении. Почему они были так уверены в себе? Потому что мужчины или потому что у них были те самые «мохнатые руки»? Или и то, и другое? Но ведь в таком случае чего бояться ей, ведь кому-то же надо все-таки работать.

Массаж уже закончился, и девушек пригласили на чайную церемонию.

– Я хочу выпить эту чашечку чая за то, чтобы в следующий раз с нами тут была Алия! – произнесла тост Ақерке , и Мадина с удовольствием за это выпила.

– И чтобы мы не боялись говорить о том, чего мы хотим. Особенно свекрови и начальникам.

Ақерке расхохоталась.

***

– Давай, Арсенчик, быстро отведем тебя в садик, а потом маме надо на работу, – Алия торопила пухлого и неповоротливого из-за комбинезона сына.

– Мама, мама, апай сказала, мы сегодня будем лисовать селдечки, на плаздник, – еле слышно из-за шарфа лопотал Арсен. – Апай говолит, валинтин будет.

Алия чуть не упала – детям 2-3 года, какой Валентин? Хотя, чего удивительного, воспитатели в их садик приходят после колледжей, совсем еще молодые девчонки.

– Отлично, малыш! А маме потом покажешь?

– Да, маме налисую больсое селдце! Самое больсое! – Арсен руками показывал, насколько большой рисунок сделает для мамы.

– Ну спасибо, я целый день буду его ждать. Ну все, пришли. – Она обняла сына, поцеловала в щеку и открыла дверь. – Апай, сәлеметсіз бе! Арсен говорит, вы сегодня будете сердечки рисовать для дня святого Валентина? – воспитательница покраснела.

– Да, я подумала, что давно праздников не было, хотела как-то детишек повеселить. Мы и зал украсили. Будем еще песни петь. Если вы не против.

– Да, все в порядке. Просто удивилась. И правда, после Нового года как будто уже сто лет прошло, все такое серое, скучное. Спасибо вам, – Алия улыбнулась. – Все, я побежала.

По дороге на работу Алия подумала, как хорошо, что все так близко, иначе она бы даже не знала, как справляться. Мама снова вышла на работу, а Мадияр вовсю занимается подготовкой к выпускным и поступлению. Был бы у нее муж, он бы водил Арсенчика в садик и забирал бы. И по деньгам было бы легче. Наверное.

– Алия! – у самого здания ее окликнула девушка. – Алия, вы меня не знаете. Я – жена Жаната, меня зовут Мөлдір.

Только после этого Алия заметила, что девушка была не одна, к ней прижимался малыш лет полутора, а второго она держала на руках. Алия замерла, не зная, как себя вести и что делать. На улице еще даже не рассвело, было темно и промозгло, а жена ее бывшего любимого мужчины уже была здесь с двумя маленькими детьми и искала ее.

– Что случилось, Мөлдір? – опомнилась она. – Давайте зайдем в школу.

Охранник недовольно зыркнул на посторонних, но Алия мягко попросила его пропустить их в фойе.

– Я сейчас подойду, – она отвела девушку с детьми в угол у окна, чтобы они не мешали входящим ученикам и учителям. – Мне надо отпроситься.

Она быстро сбегала в учительскую и попросила коллегу приглядеть за ее классом один урок.

– Дай им читать главу и пусть сделают конспект с зарисовками.

– Хорошо, хорошо. Ты, главное, там недолго.

– Постараюсь.

Она зашла в туалет, чтобы отдышаться. В зеркале она увидела свои обеспокоенные глаза и складку на напряженном лбу. Прямо между бровей. Еще она видела разницу в возрасте между собой и девушкой, ожидающей ее в фойе. Девчонке всего двадцать лет, и уже двое детей. О чем думает Жанат? И почему она здесь? Неужели он что-то натворил? Она собралась с духом и пошла к девушке.

– Рассказывай, Мөлдір. Что случилось? Почему ты здесь, а не дома?

– Я не знаю, с чего начать. Честно, я не знаю, куда идти, с кем разговаривать. Я не знаю, где вы живете, только что вы работаете в этой школе. Жанат говорил. Он пропал, Алия. Второй день не появляется дома. Телефон недоступен.

Алия выдохнула. Она почему-то подумала, что Мөлдір сбежала от Жаната, потому что он сделал что-то плохое.

– Ты обращалась в полицию? Или там еще не принимают заявления?

– Я боюсь обращаться в полицию, Алия. – Мөлдір перешла на шепот. – Вы же знаете, как они там относятся к нам. Они подумают, что он делает что-то плохое.

– Что плохое? – не поняла Алия.

Мөлдір посмотрела на нее, как на маленькую.

– Они думают, что мы все террористы. Особенно мужчины. Если я пойду в полицию, они сообщат кнбшникам, и за нами будут смотреть еще больше.

– За вами смотрят? – Алия начинала чувствовать себя глупо. Кажется, что-то такое ей говорила Дина, но она не связывала это с Жанатом. И уж тем более сложно было связать такое с этой маленькой напуганной девочкой. Даже когда они между собой обсуждали «короткоштанных», им казалось, что это какие-то другие люди, которым чужды обычные человеческие проблемы, как будто их только и волнует что-то их религиозное. Но вот перед ней стоит обычная женщина с двумя детьми, которая не знает, как найти своего мужа.

– Он где-то работал в последнее время? – спросила Алия.

– Да, на заводе разнорабочим. Я там уже искала его. Он что-то говорил, что братья новую тему придумали, его обещали позвать. Я не знаю, что это значит.

– Нам надо найти Бекжана-ата. Давай, я подержу малыша.

– Спасибо большое. А кто это, Бекжан-ата?

– Это друг. Он нам поможет.

«Нам».

***

– Вы говорите, что иногда вам приходят мысли о том, чтобы переиграть все, чтобы начать заново свой путь материнства. Что бы вы изменили, Мадина?

– Наверное, я это несерьезно, – Мадина задумалась.

Тяжело признаваться кому-то в своих ужасных мыслях, даже если этот человек – профессионал и не будет тебя осуждать. Но тяжелее всего, наверное, признаться в таком самой себе. Особенно, когда ты думаешь, что ты в общем-то хороший человек.

– Иногда. Иногда я думаю, что у меня плохо получилось, раз дочке не хватило моего внимания и любви. Или я не знаю, чего. Мне казалось, что я давала ей все. Но если я сделала все не так, как будто сломала ее, испортила, то должен же быть способ все изменить. Наверное, если бы я могла, то все сделала бы по-другому. – Мадина недоговаривала и сама понимала это. Но она должна была озвучить свои мысли хотя бы для себя самой. – Я все не то говорю. Я хочу сказать, иногда я чувствую, что так сильно налажала, что мне хочется закрыть эту страницу и начать писать новую. Понимаете? Понимаете, что я имею в виду? Иногда мне кажется, что я бы хотела забыть о Пери. Как будто ее не было. Чтобы не чувствовать себя так паршиво из-за того, что испортила жизнь ребенку. И себе. И Марату. Но больше всего ей. Иногда мыслей об этом так много, что даже думаю завести другого ребенка. Еще одного. Понимаете?

Мадина произнесла все это, и сама ужаснулась своим словам, тому, что ее мучало все это время. Она плакала и казнила себя. И была уверена, что ее психотерапевт никогда в жизни не сталкивался с таким ужасным человеком.

– Вы, наверное, сейчас в шоке. Я кажусь такой благополучной. Я кажусь такой осознанной. Мне вообще стыдно находиться здесь и сидеть тут у вас, у меня ведь все хорошо. На что мне жаловаться? Мне так стыдно перед вами.

– Мадина, – врач пересела на кушетку к Мадине и осторожно подала ей стакан воды. – Мадина. Выпейте. Просто выпейте. И нет, я не в шоке. Я очень рада, что услышала от вас это. Мы с вами работаем уже полгода, и я никак не могла понять, что же вас так сильно гложет.

– Меня гложет, что я такая отвратительная мать. Что мне мешало просто улыбаться дочке? Что мне мешало с ней разговаривать? Почему из всех моих друзей только у меня оказалась послеродовая депрессия? Моя подруга живет в Жезказгане, у нее нет мужа, нет денег, и она не впала в депрессию. Что со мной не так?

– Потому что депрессия, Мадина, не всегда зависит от внешних факторов. Могут быть гормональные причины, после родов часто бывают сбои. В вашем случае еще сыграла роль ваша гиперответственность. Вы так боялись сделать что-то не так. И из-за этого страха вы совершенно не чувствовали радости. Но я хочу сказать, что, несмотря ни на что, вы выдержали, вы нашли ресурсы не совершить непоправимое, Мадина. Вы ведь знаете, что послеродовая депрессия может привести к более ужасным последствиям?

– Знаю, – тихо отозвалась Мадина. – Я часто думала об этом. О том, что, может, хватит мучиться самой и… мучать других.

– Но вы нашли способ уходить от этих мыслей?

– Я писала в чат. В такие моменты я просто писала в чат девчонкам, с которыми мы лежали в роддоме.

– Алие и Ақерке ?

– Да. Вы знаете, общение в ватсап было как будто ненастоящим, как будто во сне. Но я отвлекалась, меня начинали занимать какие-то обыденные вещи. Я много писала, рассказывала, что прочитала, поучала их, кажется. Я злилась на Ақерке и ее тупых родственников. И мне становилось легче.

– Получается, вы нашли для себя способ не доводить ситуацию до критической точки. Своеобразный, конечно, но это тоже способ. Тем более, я так понимаю, никому это вреда не приносило.

– Возможно, даже наоборот.

– Ну вот видите. Мадина, по поводу ваших мыслей о дочке и о новом чистом листе. Как бы странно это ни звучало, но это нормально. У каждого человека иногда бывают в голове страшные мысли и даже фантазии, у вас бы волосы дыбом встали от того, что иногда думают ваши соседи или коллеги. Но дело в том, что мыслей в голове бывает сотни тысяч в день, из них мы осознаем только несколько процентов, а реализуем и того меньше. Слава богу, у человека есть воля, сознание и уголовный кодекс. И это все здорово нам помогает. Конечно, при отсутствии морального и психического ресурса воля истощается, и в такие моменты могут совершаться ужасные вещи. Хорошо, что у вас была возможность этот ресурс пополнять. Вы большая молодец, Мадина. И я уверена, что теперь у нас процесс пойдет гораздо легче.

– Спасибо, – Мадина и правда чувствовала себя, как гелиевый шарик, который вот-вот взлетит.

– Скажите, как вы себя чувствуете теперь? Опишите свои ощущения.

– Мне все еще стыдно где-то в глубине души. Как будто бы грызет что-то. Но в голове такая ясность, а в груди стало столько воздуха, как будто я даже могу лопнуть. Но мне хорошо. Мне спокойно. Мне кажется, я вижу путь.

– Отлично, Мадина. Это замечательное чувство. И я теперь вижу наш путь.

Мадина громко выдохнула.

– Пытаюсь выпустить немного воздуха.

***

Бекжана-ата удалось найти быстро, он опять деловито бегал по двору мечети, кому-то указывал, куда заносить коробки, другим – куда выносить мусор, покрикивал на стоящих без дела.

– Бекжан-ата, здравствуйте, – подбежала к нему Алия. – Это Мөлдір, жена Жаната. И детки.

– Жаната? – переспросил Бекжан и удивленно посмотрел на Алию. – Жаната, который...

– Да-да, Бекжан-ата. Долго объяснять. Мөлдір говорит, он ушел куда-то пару дней назад и с тех пор не возвращался, телефон отключен. Она переживает, что с ним что-то могло случиться.

Бекжан строго посмотрел на девушку с детьми и пробурчал:

– У, сумырай[37], уже двух детей заделал. Как только успевают?

«Не предохраняются просто, – пронеслось в голове у Алии. – Она-то только школу закончила, ничего не знает толком. Бедная девочка».

– Пошли. Я знаю, где он может быть, – он накинул куртку, которая висела на дереве около входа. – Давайте, занесите, потом девушкам там скажете, они сами разберутся! – прокричал он мужчинам.

– Может, оставим Мөлдір с детьми здесь? Она и так с утра ко мне в школу шла, потом сюда.

– Я на машине, пойдемте.

– Пошли, Мөлдір. Бекжан-ата всех знает.

«Всех ваших, ты хотела сказать?»

– Жаната знает. Его сын дружил с ним.

– Спасибо, Алия. Если бы не вы, я бы не знала, что делать. Я так боялась, что вы будете злиться и ругаться на меня.

«Я тоже бы так думала, но Алия просто тряпка какая-то. И всех пытается понять».

– Все хорошо, Мөлдір. Главное, чтобы детки были в порядке. Куда мы едем, Бекжан-ата?

– На рынок.

– На рынок?

– Да. Недавно их актюбинские братья приезжали, предлагали заняться продажей телефонов, которые они возят из Эмиратов. Наверное, он там.

– А почему трубку не берет?

---

[37] Ругательство. Дословно «презренный, мерзкий».

– Откуда я знаю? Зарядки, может, нет.

Алия вопросительно посмотрела на Мөлдір. Та кивнула.

– Да, зарядку оставил. И телефон вообще плохо работал в последнее время.

– Понятно. Хоть бы вы были правы, Бекжан-ата.

– Осторожно! – Бекжан предупредил о яме на дороге. Машина у него была старая и низкая, так что при езде чувствовалась каждая кочка. – Ну все, приехали. – Он остановился у небольшого черного склада на краю рынка. – Мөлдір, останься здесь, мы сами сходим.

Они зашли в помещение, где, как муравьи, сновали туда-сюда «короткоштанные». Некоторые здоровались с Бекжаном, остальные молча носили коробки. Кто-то их вскрывал, доставал белые коробочки и ставил галочки в бумажке, судя по всему, листе приемки. Было очень холодно даже в зимней одежде, но, казалось, парни этого не замечают, только успевая переносить коробки с улицы внутрь.

Жанат нашелся в глубине склада в маленьком стеклянном закутке. Он был весь закутанный, на голове поверх шапки был намотан шарф, на руках толстые перчатки. Он внимательно рассматривал телефоны, неуклюже вытаскивал из коробки, оглядывал со всех сторон, снимал перчатку, чтобы понажимать кнопки, а потом снова надевал перчатку.

– Эй, Жанат, ты куда делся? – окликнул его Бекжан. – Тебя жена уже потеряла.

– Бекжан-ата? Алия? Что вы тут делаете? – тот едва не подскочил, но, видимо, сил не хватило, он только привстал. Жанат выглядел усталым и даже изможденным, но при этом каким-то светлым и спокойным. – Как жена ищет? С ней что-то случилось? Откуда вы знаете?

– Это мы тебя должны спрашивать, – перебил его Бекжан. – Мөлдір сидит в машине, с детьми с утра ходит по всему городу. Ты почему ей не сказал, что ты здесь?

– Заработался, аға[38], – виновато потупился Жанат. – Вы же знаете, давно работы нормальной не было, после тех… протестов нас погнали и никуда не принимают. Когда сюда позвали, я просто побежал.

– А телефон почему не поднимал? – спросила Алия. Она смотрела на него и понимала, что почему-то совсем не злится на Жаната. Он сильно похудел и, хотя он одет аккуратно, видно было, что одежда у него старая и латаная. Он не помогал ей все это время, но это было явно не от нежелания. У него просто не было денег.

– Сел, – развел руками он. – Сломался, вернее. Да я не думал, что Мөлдір так разволнуется. Тут по часам платят, хотел побольше заработать. Где она?

Бекжан и Алия проводили его к машине, где его ждала Мөлдір. Она выбежала оттуда и бросилась Жанату на шею.

– Я боялась, что что-то случилось. Я боялась, что ты уехал.

– Ты что? Куда я должен был уехать?

– Не знаю. Не знаю. Я подумала, может, ты уехал куда-нибудь вместе с братьями.

– С какими братьями? Мы никуда не собирались, – удивился Жанат.

– Она боялась, что ты тоже на какую-нибудь войну собрался, дурак, – пробурчал Бекжан.

[38] Уважительное обращение к старшему мужчине.

На лице Жаната медленно отражалось понимание.

– Ты что, жаным? Ты что? Я же не такой, ну ты же знаешь. Просто надоело за мелочь работать, а тут ребята позвали, у них налаженный бизнес. Из-за того, что я в колледже учился, меня даже не заставляли коробки таскать, я сижу на проверке телефонов, – он был явно горд своим привилегированным положением. – Только холодно, поэтому иногда встаю и помогаю братьям.

Алия вяло подумала о том, что почему-то никогда не видела Жаната таким рядом с собой и даже не понимает, с чем это связано. Но, насколько это было возможно в ее ситуации, она была рада и за него, и за Мөлдір, и за их двух детей. Двух детей! Они с Бекжаном-ата завезли Мөлдір с детьми домой, а потом поехали к школе.

– Ей двадцати лет еще нет, – начал Бекжан-ата, заглушив мотор.

– Да, молодая совсем.

– И у нее уже двое детей.

– Она еще учиться должна.

– Что думаешь, қызым?

– Что я могу думать, это ее семья так решила.

– Ну ладно замуж. Но ведь она могла не рожать сразу одного за другим. Откуда мы знаем, может, она еще третьего носит?

– Не знаем, Бекжан-ата.

Он внимательно посмотрел на Алию, каак бы желая вызвать у нее какую-то определенную реакцию.

– А если бы, когда она училась, ей рассказывали бы, как можно предохраняться, думаешь, она бы стала это делать? – не отрывая глаз от Алии, спросил Бекжан-ата.

– Не знаю. Не знаю, что у них в голове. Может, им Аллах не разрешает.

– Ну, есть такие, которые все на Аллаха спихивают, а есть ведь и те, которые понимают, что он не должен заменять им разум.

– Наверное, Бекжан-ата. Что вы хотите от меня-то? Меня и так все время ругают, стерегут, чтобы не сказала лишнего.

– А что, если не во время уроков? Вот ты ходишь в мечеть, разговариваешь с девушками, они же тебя слушают?

– Слушают.

– Ну как думаешь, можно что-то такое сделать для большего количества девушек?

– Может, и можно. Но меня и так обзывают по-всякому, вы же знаете.

– Это глупые люди. Но ведь ты можешь помочь другим девушкам, чтобы они умнее строили семью, думали, прежде чем детей заводить.

– Я подумаю, Бекжан-ата. А сейчас мне надо бежать на уроки. Длинное выдалось утро.

За окном только рассвело, хотя ей казалось, что прошло уже несколько дней с того момента, как она увидела Мөлдір.

– Долгое. Но важное. Хорошее утро. Беги, қызым.

***

– Арман, м-м, Арман, – промурчала Ақерке в полумраке. Арман лежал в постели, но все никак не мог выключить телефон, бездумно листая видео в инстаграме. И тут жена позвала его каким-то загадочным тоном.

– Что, жаным? – он вытянулся и замер, как охотничья собака. – Ты где? Я не вижу тебя.

– Да вот же я, – голос Ақерке продолжал звучать таинственно.

Арман включил фонарик и увидел, что жена стоит у косяка двери в полупрозрачной ночнушке, как он их про себя называл. Ночнушка была такая красивая, что даже как-то неловко было ее так называть, но он решил не отвлекаться пока на такие вещи. Аяшку сегодня забрала теща, и ему стоило воспользоваться моментом, пока Мариям не проснулась.

– Иди сюда, – он прохрипел от волнения. – Ты такая красивая.

Ақерке с готовностью скользнула под одеяло. Арман стал целовать ее, в волосы, губы, щеки, шею, куда только мог достать. Он так скучал по ощущению, что они только вдвоем и они любят друг друга, и Ақерке все еще тянется к нему и хочет его. Он быстро завелся и попытался войти, но Ақерке отстранилась.

– Я еще не готова, – она прошептала ему в ухо, от чего он немного опешил. Они столько раз занимались этим, она же не девочка в конце концов, как это она могла быть не готова?

– Что мне делать теперь? – он с трудом остановился, волнуясь о том, будет ли продолжение. – Как мне тебя готовить? Или ты сама как-то?

– Просто целуй меня больше. Скажи, что любишь меня. Скажи, что я красивая.

– Ты очень красивая, Еркеша, – ответил Арман искренне. – И, конечно, я люблю тебя.

Он явно не понимал, каким образом это может помочь ей быть готовой.

– Скажи это мне на ухо своим хриплым голосом, – попросила она. И очень обрадовалась, когда Арман снова послушался.

– Я люблю тебя, Еркеша, – прошептал он ей в ухо, и ей стало жарко.

– Я тоже тебя люблю, Арман. Поцелуй меня в губы, долго-долго, как мы с тобой раньше целовались в кино.

Арман чувствовал себя странно. Ақерке немного пугала его, эти ее повелительные нотки были так непривычны. Но одновременно это заводило его, и он с удовольствием играл роль ведомого.

– А теперь ложись на спину, любимый, – снова приказала Ақерке . – Вот так.

Теперь она стала целовать его сама, и это было волнующе.

– Что с тобой сегодня, жаным? – удивленно спросил Арман.

– Молчи и наслаждайся, – остановила его она и стала потихоньку спускаться вниз.

Арман смутился, но подчинился.

«Вот это да!» – раньше на такое Ақерке соглашалась после долгих уговоров, а сейчас захотела сама. Арман восторженно подавался в ответ на ее движения и довольно скоро кончил.

– Епт! – немного разочарованно, но с огромным облегчением воскликнул он. – Прости. Я не ожидал так быстро.

– Ничего страшного, – с улыбкой ответила Ақерке и пошла в ванную. – Я рада, что тебе было хорошо.

– Но у нас так редко бывает, и как мы тогда сына… ну ты поняла. Меня уже все спрашивают – когда-когда.

Ақерке вернулась из ванной и прямо посмотрела на Армана.

– Я думаю, нам пока рано за третьим идти, жаным. Мне надо восстановиться, нужен перерыв хотя бы лет на пять.

– Но как? Мы же с тобой постоянно. Как ты хочешь, чтобы только через пять лет?

Ақерке задумчиво закусила губу: говорить или не говорить? Возможно, он будет возмущаться. А с другой стороны, он имеет право знать. Он ведь отец.

– Арман, я должна тебе сказать кое-что.

В соседней комнате заплакала Мариям, и Ақерке получила секунды передышки. Наверное, она могла даже сделать вид, что забыла об их разговоре, но она принесла дочку в спальню и сказала:

– Я принимаю противозачаточные таблетки, Арман. Я еще не готова к следующему ребенку.

Глава 9

3 года

– Бекжан-ата, вы уверены, что это нормально? Может, не стоит?

– Конечно, нормально. Ты же ничего аморального не будешь делать. Ты просто расскажешь про то, что девочки должны знать. Что девочкам важно знать, чтобы быть подготовленными. Я считаю, ты обязана это делать.

Алия волновалась. С одной стороны, она была согласна с Бекжаном-ата, с другой – как бы не сделать хуже.

– Вы сказали, что обсудили с родителями девочек. Они дествительно согласились?

– Все зависит от того, как сказать, қызым. Если бы я сказал как вы это там называете что-то про секс, то, конечно, никто бы не отпустил. А я сказал, что ты будешь учить девочек, как избежать насилия.

Алия посмотрела на четырех девушек в платках, которые сидели в зале у Бекжана-ата и ждали ее выступления.

– Может, они подумали, что я буду учить обороне?

– Это вряд ли, қызым, я сказал, что ты можешь подсказать девочкам то, что их мамы сами стесняются говорить. И я сказал, что если они хотят, чтобы их дочки могли получить больше возможностей, стали более успешными, то тогда им точно надо отпустить их к тебе на лекцию.

– Ужас. Теперь у них столько ожиданий! – еще больше разволновалась Алия. – Что мне же мне делать?

– Просто иди и поговори с ними. Просто расскажи свою историю. Им не нужен учитель, им нужна старшая подруга, наставница. Давай, иди. И помни про Мөлдір.

«Помни про девочку, которая вышла замуж сразу после школы и родила уже двоих детей. У которой теперь нет образования и нет работы, а значит – нет ничего, кроме надежды, что муж ее никогда не бросит. И не будет бить».

Алия постаралась собраться с духом.

– Добрый день, девушки. Меня зовут Алия, – Алия действительно решила начать со своей истории. Пусть это было прямолинейно, но что могло лучше проиллюстрировать то, о чем она собиралась говорить? – Мне тридцать три года, и три года назад я родила сына. Казалось бы, что в этом такого? Ведь я уже взрослая, и я родила его по большой любви. – Она внимательно обвела глазами девочек. Они все явно ждали продолжения. – Дело все в том, что ребенка мы не планировали. – Алия задумчиво пожевала губу. – Жанат (это мой парень) всегда говорил, что

любит меня, что всегда будет со мной, но... – Алия остановилась, как бы прислушивалась к себе. Но не потому, что это все еще волновало ее, а наоборот – от того, что эти слова ничего в ней не затронули. – Может, он и любил. Как-то по-своему. Но... но когда я забеременела от него, он отказался от ребенка. Он ушел от меня.

Девушки сочувственно смотрели на Алию.

– Сейчас мне уже довольно легко об этом говорить и смотреть на ситуацию со стороны, – продолжила она. – Раньше я злилась на него, обижалась. Я люблю своего сына и рада, что все так случилось. Иначе, возможно, я бы никогда не решилась вообще. Но мне было уже тридцать лет, у меня было образование, была работа, и я хотела ребенка. Поэтому то, что я согласилась заниматься любовью без защиты, не привело к каким-то страшным последствиям. Мне было тяжело, особенно в первый год, мне очень помог тогда Бекжан-ата. Иногда у меня не было денег даже на хозяйственное мыло, чтобы стирать пеленки. Но мы пережили этого, и я вернулась на работу. Совсем другое может случиться в подобной ситуации с юной девушкой, особенно если она только закончила школу. Некоторые люди думают, что если не говорить с вами об этом, то вы и не столкнетесь с такими ситуациями, но это неправда. Исследования говорят о том, что в странах, где подростки не получают информацию об отношениях между полами, выше уровень подростковой беременности, там же чаще бывают случаи прерывания беременности кустарным способом, в немедицинских учреждениях, а это повышает риск смертности при такой операции.

Алия посмотрела на девушек, они выглядели обеспокоенными.

– А от чего девушка может забеременеть? – спросила наиболее смелая из них. И все согласно закивали. – Разве это происходит не в браке?

Алия вздохнула.

– Действительно, стоило начать с этого. Забеременеть можно не только в браке.

«Итак, дети, лекция про размножение млекопитающих».

– Когда мужчина и женщина влюбляются, их очень тянет друг к другу. Они целуются, трогают любимых. Иногда страсть так сильно захватывает людей, что они раздеваются и занимаются сексом. Дети появляются после полового акта между мужчиной и женщиной, когда пенис мужчины проникает во влагалище женщины.

«Господи, как жутко звучит», – подумала Алия, но не могла избавиться от нарочито наукообразного описания. Она заметила, что это помогает ей самой дистанцироваться от ханжи, которая жила где-то глубоко внутри нее. Она затараторила дальше:

– В процессе полового акта из пениса выходит сперма, в ней содержатся сперматозоиды, которые стремятся к яйцеклетке, чтобы оплодотворить ее. Когда сперматозоид достигает яйцеклетки, они образуют желтое тело – это и станет основой для организма ребенка. Клетки желтого тела размножаются, с каждым днем их становится больше, так и появляется эмбрион, который постепенно трансформируется в плод.

– А почему родители говорят, что дети появляются только у мужа и жены?

– Потому что у нас принято считать, что до брака или вне брака люди не имеют права заниматься сексом. Но это было так, когда люди женились в тринадцать-пятнадцать лет. Сейчас средний возраст вступления в брак в Казахстане около двадцати пяти лет, а интерес к сексу у людей возникает в подростковом возрасте. Многие из вас уже могли испытывать определенные ощущения, желания, когда вы видите мальчиков, которых вы любите.

Теперь девушки выглядели смущенными. Алия улыбнулась – они ничем не отличались от всех остальных.

– Иногда такие чувства к вам испытывают другие люди. – Алия ступила на опасную территорию, здесь надо было быть осторожнее. – Но если вы стараетесь себя сдерживать и никак не проявлять свою симпатию, другие люди могут себя не сдерживать. Таких мало, но о них надо знать. Они могут пользоваться вашим незнанием, вашим доверием, и... – Алия обвела девушек глазами, пытаясь понять, готовы ли они к ее словам. – Такие люди могут быть даже близкими людьми. Могут быть друзьями ваших родителей, могут быть вашими родственниками. Они могут просить вас потрогать их в тех местах, которые не принято трогать. Они могут сами делать это с вами. Я еще раз повторяю, таких людей очень мало, но важно знать о том, что это ненормально.

– Алия апай, – обеспокоенно посмотрела на нее одна из девушек. – А как понять, что с нами делают что-то неправильное?

– Об этом я более подробно расскажу в следующий раз. Если вы придете, конечно. Сегодня я хотела вкратце рассказать о том, зачем я хочу проводить свои лекции, зачем я хочу, чтобы вы приходили сюда. Чтобы вы поняли, готовы ли вы приходить.

– Я хочу приходить, Алия апай. И сестренку приведу.

– И я приду.

– И я.

Алия еле слышно выдохнула.

***

Мадина долго стояла перед дверью, пытаясь отдышаться и решиться открыть ее.

– Добрый день, я пришла за Пери, – Мадина заметно волновалась, хотя ее знали здесь и хозяйка сада, и воспитательница, которая работала непосредственно с Пери.

Мадина тщательно выбирала этот сад, читала отзывы, разговаривала с родителями и даже обращалась через знакомых к управлению образования, неформально, так, чтобы подсказали, нет ли к саду каких-то замечаний, или, может, были скандалы, не просочившиеся в СМИ. Потом она долго разговаривала и с хозяйкой, обсуждая условия посещения сада, и с воспитательницей. Все по науке, как положено, чтобы ее дочка получила лучшие возможности для развития. Но после того, как сад был выбран, она практически ни разу не приходила за Пери – этого не позволял ее рабочий график. Обычно это делала няня, а когда не могла Ақжарқын, приходил Марат.

По сути, это был первый раз, когда Мадина пришла в сад после того, как у Пери заметили задержку в развитии, и ей было непросто держать свое лицо. Несмотря на походы к психотерапевту, чувство вины перед Пери все еще не уходило, и, похоже, еще не скоро уйдет. Но помимо чувства вины, Мадина чувствовала тревогу, впервые за десять лет она отпросилась с работы так рано. Она подумала сначала, что это была классная идея – забрать Перишку пораньше, чтобы вместе погулять по теплому, в кои-то веки солнечному городу, показать ей места, где она еще не бывала. Но сейчас ей показалось, что идея была непродуманная и глупая – она не была уверена, что Пери пойдет с ней в принципе, только деваться уже было некуда.

Она увидела через стекло, как воспитательница помогает Пери собрать вещи в рюкзачок, правда, это была не ее воспитательница, а какая-то другая. Она вышла проводить Пери.

– Здравствуйте, вы мама Пери?

– Привет, Пери. Да. А вы новая воспитательница?

– Нет, заменяю на время. Зауре Алтаевна отпросилась на пару дней, по семейным обстоятельствам. Хотела поговорить с вами, – она пыталась подобрать слова. – Сегодня мы собирали фигуры из конструктора. Пери почему-то не хотела заниматься, не участвовала в групповой работе. Мне даже показалось, что она не знает цвета. Думаю, вам надо работать над этим дома. В три года…

«Кажется, она не знает. Я ведь сама просила не распространяться».

– Спасибо, эээ…

– Зарина.

– Спасибо, Зарина. Скажите, Пери сидела со всеми на одном занятии? За одним столом?

– Да, конечно. Но она не выполняла задания. В ее возрасте…

– Спасибо, спасибо, Зарина. Для нас и то, что она сидит со всеми вместе – уже большой прогресс. Когда Зауре Алтаевна вернется?

– Послезавтра.

– Хорошо. Просто не давите на мою дочь, пожалуйста. Зауре Алтаевна знает, как с ней работать. Спасибо. До свидания.

Мадина взяла Пери за руку и аккуратно спустила по ступенькам, стараясь сопровождать каждый шаг пояснением.

– Вот так, еще одну ступеньку. Ты умница, – Пери не смотрела на нее, но Мадина чувствовала, как маленькая пухлая ручка сжимала ее пальцы как бы в ответ. Странным образом это воодушевляло.

– Сейчас мы с тобой пойдем гулять. Хорошо? Я покажу тебе Байтерек, Нуржол, фонтаны, мы покушаем мороженое. Ты же любишь мороженое?

Пери молчала, но заинтересовано смотрела по сторонам. Они подошли к машине.

– Садись, зайка. Поздоровайся с дядей Айдаром, – Мадина показала на водителя.

– Привет, Пери! Как дела в садике?

– Все хорошо, – ответила за нее Мадина. – Сегодня Пери играла с другими детьми. Она большая молодец.

Водитель подмигнул девочке и завел мотор. Когда они подъехали к «матрасу»[39], Мадина попросила водителя остановиться, и они пошли пешком в сторону Байтерека.

«Почему Байтерек? С чего я решила, что это хорошая идея?» – думала про себя Мадина, не переставая улыбаться. Доча должна была видеть, что мама очень рада находиться тут и проводить с ней время.

– Вот смотри, Пери, какое большое дерево. Это дерево называется «клен», у него вот такие листочки, – Мадина потянулась к дереву и сорвала один лист. – Такой вытянутый и широкий, – она пригляделась к листу.

Она смотрела на его прожилки, между которыми была как будто натянута темно-зеленая ткань. Сквозь эту ткань Мадина видела свет – на улице было солнечно, и она заметила это только сейчас. Небо было ярко-голубым, с редкими снежно-белыми облаками.

– Какое красивое небо, – прошептала Мадина и отвела от себя листочек. – Посмотри, какое у нас чудесное небо, Перишка. Огромное и пустое. Мы как будто летим, правда? – Мадина посмотрела вокруг, и ей правда казалось, как будто здания тонули в ярко-голубом цвете. Солнце уже начало клониться к западу, но все еще было ярким и сильным, почти как в полдень. – И солнышко светит тепло, как будто гладит нас по щекам. Чувствуешь это, Перишка?

Мадина погладила свое лицо, и Пери повторила за ней. Они стояли так и улыбались в небо – странное чувство. Мадина подумала, что, может, это было какое-то шестое чувство, которое заставило ее пойти сюда.

– А здесь продается мороженое, которое ты любишь, – она повела Пери в сторону мороженщика.

– Мама! – остановила ее Пери и показала пальчиком на Байтерек. – Там!

Она не могла выразить словами то, что ей хотелось сказать, но в глазах ее был восторг. Она задрала голову вверх и восхищенно смотрела на длинный белый столб, увенчанный огромным блестящим золотистым шаром. Мадина остановилась. Она пыталась вспомнить, сколько раз за всю жизнь Пери называла ее мамой. Кажется, это случилось всего раза четыре, когда Пери болела и искала утешения.

– Байтерек, это Байтерек, зайка. Это дерево, на котором птица Самрук оставила свое яйцо. Его построили, чтобы люди, которые приезжают в Астану, ассоциировали ее с ним, это такое туристическое место. Но тебе это, наверное, неинтересно, – спохватилась Мадина. – Хочешь зайти внутрь?

Пери не ответила, но взяла Мадину за руку и повела за собой.

[39] «Матрасом» в Астане называют здание бизнес-центра «На водно-зеленом бульваре».

***

Мадина
И я поняла, что мы за все эти годы почти никуда ее не водили. Мы такие скучные зануды и думали, что нашей дочери это все тоже не надо.
Что смотреть на этом Байтереке, думали мы, он такой невысокий, по сравнению с Empire State Building. Но ведь она не видела Нью-Йорк, и для нее и Байтерек – это очень высоко и красиво. На следующей неделе поведу ее в океанариум.

Алия
Когда мы приедем с Арсеном еще раз пойдете с нами)

Мадина
Обязательно!

Ақерке
и мы с вами
мы только по гостям ходим
еще я в музей как то пыталась зайти с коляской
когда Мариям родилась
и меня не пустили

Алия
Почему?

Мадина
Потому что зачем с маленькими детьми куда-то ходить вообще. Сиди дома и не рыпайся.

Ақерке
нам охранник так и сказал
ну мы только большого орла и увидели
Аяшка запомнила его правда
но с тех пор никуда и не ходили
чтобы не беспокоить никого

***

«Кстати, надо сходить с детьми в музей», - подумала Ақерке. Она задумчиво взбивала крем для выстроенных в батарею пирожных. Почему она всегда так переживала по поводу чужого беспокойства, но редко думала о своем состоянии? В музей она тогда зашла для того, чтобы не сойти с ума от двух суток наедине с двумя детьми. Арман и свекровь уехали в другой город на похороны одного из

дядьев, а она пыталась лавировать между проходившей очередной возрастной кризис старшей и начавшей ползать младшей. Аяшка, не переставая, закатывала истерики, а Мариям то пыталась засунуть пальцы в розетку, то лезла на диван, и Ақерке только успевала ловить ее. Она была вымотана и решила выйти на улицу, а по дороге увидела музей.

– Что такое делаем? Так много готовишь! – в кухню зашел Арман, который только соизволил проснуться. Он потянулся к одному из пирожных, но получил по руке.

– Не трогай, это на заказ, – строго сказала Ақерке. Арман удивленно посмотрел на нее.

– Какой такой заказ? У нас что, денег не хватает, чтобы ты еще на заказ пекла что-то?

Это было неприятно. Он что, не мужик, раз не может обеспечить свою жену?

– Нет, дело не в деньгах, – деловито ответила Ақерке. – Ко мне обратились подписчики моей страницы в инстаграме, они хотели необычный праздничный обед. Я готовлю шпинатный рулет с семгой, салат с уткой в апельсиново-чесночном соусе, баклажаны со страчателлой в томатном соусе и капкейки с кремом из маскарпоне и ягодами.

Арман выглядел озадаченным, как будто впервые слышал все эти названия.

– Ну что ты так смотришь? Я вообще-то тебе такое готовила несколько раз и даже названия говорила. Ты просто все забываешь.

– Ну может быть. Просто я пока не ел ничего вкуснее беша.

Ақерке закатила глаза.

– То есть, я зря стараюсь, когда это все готовлю? А говоришь, что вкусно.

Арман подумал, может, стоит сбежать, пока его жена не узнала, что после ужина он обычно догонялся бутербродами с колбасой.

– Неет, конечно, вкусно. Просто… Да, я все забываю. И сколько они за это платят? Тебе хоть хватит, чтобы продукты окупить? Судя по названиям, все это очень дорогое.

– Тут да, я много просить не стала, все-таки я только начинаю бизнес.

– Бизнес?

– Хочу, чтобы у меня был свой кэтеринг, –постаралась объяснить Ақерке. – Ну, это когда готовят на какие-то торжества и привозят домой. Обычно на свадьбы или на мероприятия в офисе, типа круглый стол, конгресс.

– Хммм, и давно ты об этом думаешь?

– Вообще, только когда в этот раз ко мне обратились, подумала. Ты же знаешь, я люблю готовить всякие интересные блюда, но я не думала, что этим можно зарабатывать или что кто-то готов заплатить столько денег. А в этот раз, пока продумывала меню для заказа, столько идей в голову пришло, всякие разные сочетания, что-то подешевле, что-то подороже, но необычно, не всякие там самсушки и чак-чак.

Арман смотрел на свою жену с удивлением и даже каким-то восхищением. Что-то с ней происходило. Иногда он думал, что она совершенно не похожа на ту милую стеснительную девушку, с которой он познакомился и на которой женился, но эта новая женщина нравилась ему ничуть не меньше, и отношения с ней казались такими естественными и настоящими. В какой-то момент он чуть не поддался на заигрывания и внимание девчонок с работы, но сдержался, и от того новый этап их семейной жизни был еще волнительнее.

– Ты очень сексуальная, Еркеша, когда такая деловая, – признался он. – Тебе помочь, может?

Ақерке благодарно улыбнулась ему и покачала головой. Она вытащила из духовки большой прямоугольный корж и начала промазывать его творожным сыром, смешанным с мелко нарезанной семгой.

– Самая главная помощь – это то, что твои родители на время взяли девчонок к себе. Иногда я думаю, что меня спасают только мысли о том, когда они, наконец, вырастут, и мне не надо будет каждые пять минут их разнимать, мыть им попы или вытирать им сопли.

– Так тяжело? Мне почему-то казалось, что у тебя легко получается быть мамой.

Ақерке усмехнулась. Знал бы Арман, сколько она всякого передумала. А сколько всякого было в чате!

– Очень тяжело, вообще-то. В первый год Аяшки я почти не спала, а когда появилась Мариям, я разочаровалась в себе как в маме. Я все время хотела кричать на девчонок, а иногда даже и побить их, и еле сдерживалась. Они обе вели себя так ужасно, постоянно кричали, требовали, одна молока, другая – внимания. Неужели ты не видел, что я даже разговаривать вечером с тобой не могла?

– Если честно, не видел.

«Кажется, потому что по вечерам я просто сидел в телефоне».

– Ах да, ты же сидел в телефоне, – как будто прочитала его мысли Ақерке. – Ну в общем, когда решим пойти за еще одним ребенком, больше такого отношения я не потерплю. Будешь мне помогать. Иначе даже не проси. – Теперь она сворачивала корж в рулет и посыпала его какой-то стружкой.

– Ок, понял, понял. Буду менять подгузники и мыть попу. Гулять буду.

– И ночью вставать по очереди.

– Но у меня же нет груди.

– Я буду сцеживать, можно разогревать и кормить из бутылочки.

– Хорошо-о-о. Раньше бы сказала, я бы тебе и раньше помогал бы.

– Я не хотела тебя беспокоить.

– Это же наши общие дети. А рулет дашь попробовать? Выглядит очень аппетитно… – Арман демонстративно облизнулся.

– Ладно, все равно жопки останутся, так уж и быть, – смилостивилась Ақерке.

Что-то менялось в Армане, и ей это нравилось.

Эпилог

5 лет

– Я хочу поднять этот бокал за то, что мы, наконец-то дождались нашу Алию и собрались все вместе!
– Поддерживаю!
– Отличный тост!
Мадина, Алия и Ақерке чокнулись бокалами.
– И не поверишь, что мы в последний раз виделись целых пять лет назад. У меня такое ощущение, что Алия не уезжала и всегда была с нами, – Ақерке глотнула вина. – Какие странные все-таки эти социальные сети.
– Не говори! Мне кажется, если бы не вы, у меня все было бы по-другому. За что, за что, а за это мне надо благодарить отца. Если бы не он, я бы никогда с вами не познакомилась.
– А мне вообще кажется, что если бы не было тебя, то мы бы не общались так долго, – Мадина, как всегда, выразилась очень прямо. – Ты душа нашего чата. Сколько раз мирила нас с Ақерке. Но честно, даже во время сеанса с психологом я поняла – если бы не наш чат, я бы, возможно, не продержалась бы… Возможно, я сейчас не сидела бы тут с вами и уж точно не решилась бы на это, – она выразительно посмотрела на свой живот.
– Кстати, расскажи, как это вы так залетели с Маратом? – у Ақерке блестели глаза от предвкушения.
– Ну что тут рассказывать? – потупилась Мадина. – У меня была передышка от таблеток. Ну а мы с Маратом не так чтобы очень сексуально невоздержанные. Обычно как-то успеваем использовать другие способы предохранения. Но в тот раз на Наурыз раз мы поехали с друзьями в Боровое, и вот… Страсть захлестнула нас.
– Это так ми-и-ило, – протянула Ақерке. – Просто так? Напились, что ли?
– Ну выпили, конечно, но просто Марат решил вспомнить, что он играет на гитаре, а я, оказывается, люблю гитаристов… – загадочно сказала Мадина. – В юности я постоянно западала на музыкантов и поэтов, а потом моя прагматичная душа решила от них отказаться в пользу более стабильных профессий.
– А Марат-то оказался с сюрпризом!
– Ну.
– Но ты не переживала, что у вас как-то не по плану? – спросила Алия. – Ты с Перишкой такая включенная была.
– Конечно, переживала. Оба переживали. Думали, оставлять, не оставлять.

Алия понимающе покивала головой.
– Думали, сильно ли это повлияет на наши планы, вытяну ли я психологически. Обсудили все. Поняли, что в этот раз мы готовы лучше, и самое главное – я знаю, что через год-два-пять станет легче. Через год я смогу выйти на работу, через два ребенок будет уже более-менее обслуживать себя сам, через пять – риск смерти ребенка снижается в десятки раз.
– Это звучит похоже на тост! – Ақерке подняла бокал. – Выпьем за то, что мы и наши и дети дожили. За пять лет!
– За пять лет!
– За пять!
– Значит, тебя ждет следующая пятилетка «Дожить и пережить», – скаламбурила Алия.
– В этот раз пережить будет легче, теперь я обо всем знаю.
– Кстати, девушки, я тут подумала, не хотите ли вы выступить приглашенными спикерками на моем тренинге в Астане?
– Ого, а о чем мы можем рассказать? – заинтересованно спросила Ақерке.
– Ну как? О своем опыте материнства, о том, как было сложно, как вы находили способы решения проблем, о том, как сочетаете материнство с работой и с хобби.
– Вообще, интересная идея. А твои заказчики как? Им нормально?
– Я поговорю с Карлыгаш, но я уверена, что ей идея понравится. И я хочу извиниться, что третий тост не про любовь, но я бы хотела поднять бокалы за проект, в котором я участвую и которым горжусь. Давайте выпьем за Ұят емес, благодаря которому я сейчас езжу по городам и провожу беседы и тренинги для девочек!
– Ай да тост!
– Сложно не выпить! Вы делаете классное дело, Алия.
– Да-а, я до сих пор не верю, что они позвонили и обратились ко мне. Я ведь простая учительница из Жезказгана.
– Не такая уж и простая.
– Очень принципиальная.
– Ты про тот ролик?
– Да, я про тот ролик.
– Ужас, как мне тогда влетело, но меня, слава богу, не уволили.
– Потому что где они еще такую звезду найдут!
– Ага, и такую честную, и такую благородную.
– Давай включи, еще раз посмотрим.
«Господин председатель, по закону мы должны позволить наблюдателям находиться достаточно близко для того, чтобы были видны бюллетени», - послышался голос Алии.
«Мне все равно. Эти наблюдатели только воду мутят. Нужно будет, участкового вызовем и их уведут».
«Но это нечестно! Я настаиваю на том, чтобы их допустили к подсчету, неужели вы не верите, что президент не наберет нужное количество голосов?»

– Все, выключайте, – раскрасневшаяся Алия закрыла телефон рукой и нажала на кнопку выключения.
– Сколько он тогда набрал, кстати? Когда это было?
– В прошлом году. Набрал 44%.
– И у нас впервые за тридцать пять лет был второй раунд выборов.
– За это надо выпить!
– Это в прошлом году было!
– Ну и что! Мы вместе это не отмечали.
– Да мы много чего вместе не отмечали. Например, то, что Ақерке расширяется.
– Да, у меня аж целых две помощницы теперь, – похвасталась Ақерке. – И отдельная смм-специалистка в инстаграме. Знаете, сколько ей лет? – она перешла на шепот. – Она две тысячи пятого года.
– Ей что, десять лет? Зачем ты эксплуатируешь детский труд? – захохотала Мадина.
– Вообще-то детям две тысячи пятого уже по двадцать лет!
– Двадцать? Это вообще легально?
– Представляешь? Сама в шоке была.
– То есть, подожди, ты хочешь сказать, что мне сейчас… это сколько мне лет? – Мадина, хоть и не пила, чувствовала себя пьяной. Ни с кем еще она не чувствовала себя так легко, на нее не давили ни обязательства, ни статус. Она смеялась. Она радовалась тому, что наконец-то прошли эти пять лет, в течение которых риск младенческой смертности составляет 25%, и она может вздохнуть спокойно.
– А давайте выпьем вот за что: что бы с нами не случилось, пусть с нами рядом всегда будут наши подруги, наши сестры, наша самая крутая группа поддержки.!
– Я считаю, это гениальный тост!
– Согласна!

***

– Как думаешь, во сколько получится закрыться? За мной скоро девушка заедет.
– Не знаю, мы работаем до последнего клиента, а эти девушки, похоже, уходить еще не планируют.
– Но уже три часа ночи!
– А у них, судя по всему, это первая гулянка после рождения детей.
– Ну тогда мне сказать девушке, чтобы не заезжала?
– Ага, отбой.
– Вот блин.
–Ничего-ничего. Тебе хотя бы рожать не надо.
– И то правда.
– Давай по стаканчику?
– За их счет?
– Ну конечно.
– Давай.
– Давай.

Дамина Мукитанова

Дети Тенгри

Пролог

Аруа

Парнишка влетел в комнату, закрыл дверь на замок и для верности даже подпер ее стулом. Отчима, когда тот начинал бушевать серьезно, такой хлипкой конструкцией было не остановить, но пока он выпил не так много. Дверь только раз сотряслась от удара кулаком, и на этом все закончилось.

– Делай уроки и сиди тихо, понятно?! – угрожающе прорычал с той стороны мужчина.

– Ага, – отозвался парнишка.

Лицо у него было красное, подбородок опасно дрожал – казалось, он готов был вот-вот расплакаться. Арнур болезненно поморщился и отвернулся от него к шкафу, заполненному комиксами и книгами. А потом, старательно скрывая смущение, беззаботно засвистел. Он терпеть не мог, когда кто-то при нем плакал, даже если этот кто-то не догадывался о его присутствии.

– Оп-па, – сказал он. – Это че у тебя, «Призрак в доспехах»?

Он глянул через плечо – мальчишка лежал лицом в подушку, вздрагивая всем телом от беззвучных рыданий. Отвечать на вопрос он в любом случае не собирался. Хотя бы потому, что даже не услышал его.

– Эээ, – сказал Арнур и подошел к нему. – Че, ревешь, что ли?

Неловко положил ладонь на его плечо и в который раз отчаянно пожалел, что не может, как раньше, просто взять и вселить в сердце парнишки надежду или хотя бы погрузить его в долгий целительный сон. Еще в прошлом тысячелетии он мог справиться с этим без особого труда, а вот в этом… Сплошные проблемы.

Смертные существовали в своем измерении, а духи – в своем, и хотя они постоянно соприкасались, люди не подозревали о существовании духов. Забыли. Зато духи прекрасно все помнили, в том числе времена, когда цель их существования не сводилась только к войне с демонами.

– Ненавижу, – шептал сдавленно парнишка в подушку. – Ненавижу этого урода. Ненавижу его!

Все воспоминания, которые вспыхивали сейчас в его разгоряченной голове, видел и Арнур. Он узнал, что парнишку зовут Алимом и что мама воспитывала его сама, пока не встретила отчима, который в свободное время увлекался водкой и пивом, а потом гонялся за пасынком по всей квартире и колотил его чем придется. И что маме парнишка об этом не рассказывал – боялся отчима.

– Блин, тут я, боюсь, помочь не смогу, – сказал Арнур неловко. – Как бы мне ни хотелось. Зато божая, который по ночам шептал тебе на ухо гадости, я распылил, чувак, спать теперь будешь гораздо лучше!

Парнишка его не слышал, он продолжал тихо всхлипывать в подушку. Был божай или нет – ему было все равно, потому что кошмары ему снились не из-за мелкого бесенка, а из-за ужаса перед пьяным мужиком за дверью. Но в физическом мире Арнур был бессилен.

Арнур разжал кулаки (он сам не заметил, как сжал их так сильно, что на коже остались полумесяцы от ногтей) и коротко свистнул. Через окно в комнату беззвучно впрыгнула длинноногая собака-тазы с сияющей на солнце золотистой шерстью. Мальчишка щелчком пальцев уменьшил себя в два раза и вскочил ей на спину.

Он с сожалением обернулся на дрожащего парнишку и раздраженно дернул себя за косичку на макушке. Аю переминалась с ноги на ногу в ожидании приказа.

– Поехали, Аю, – тихо сказал он ей, чуть надавив пятками на бока.

Борзая распрямленной пружиной бросилась прочь – через окно на стену здания и вниз, до образовавшегося в асфальте золотистого прохода на Священную гору. Он сделал все, что мог. Здесь ему делать было больше нечего.

Когда-то давно люди и духи сосуществовали в одном измерении и даже помогали друг другу. Ну как помогали – духи видели будущее, лечили смертельные болезни и целые города обращали в пыль во время войны, а смертные могли, например, упомянуть духов в своих молитвах.

Обмен, прямо скажем, не слишком равноценный, как ни посмотри. Но так уж было заведено Богиней Всего – великой Тенгри. А, и были еще типа шаманы и шаманки – эти были из числа смертных, но стояли на границе между мирами и следили за равновесием сил в природе. Их тоже выбирала Тенгри.

На этом, в принципе, заканчивалось Ее вмешательство в ход вещей. Вообще-то у Тенгри нет пола: она могла быть женщиной с таким же успехом, как мужчиной, или быть обоими, или быть ничем – по большей части, Тенгри просто *была*, и этого было достаточно, потому что вместе с ней *были* и все-все остальные. У Тенгри нет пола, но Арнур мысленно всегда обращался к Ней как к женщине – просто потому что.

Никогда за все время бытия духом – а это около 200 или 300 лет (математике он так и не выучился в свое время) – никогда не говорил с Тенгри. И никто из его знакомых духов, даже всемогущие высшие, не говорили с Богиней Всего. Может быть, с ней говорила только богиня-мать Умай, но она никогда не делилась подробностями их разговоров.

Мальчишка вылетел верхом на Аю из балбала и сразу почувствовал, как энергия Священной горы наполняет его новыми силами. Аю понеслась дальше, тоже упоенная пульсирующей энергией святого места, и мальчишка отпустил поводья, широко расставив руки.

– Аруа-а-а! – протяжно закричал он.

Но тут борзая резко остановилась, испуганно всхрапнув, он вылетел из седла, перекувырнулся через голову и приземлился на пятую точку.

– Арнур! – услышал он строгий голос над собой.

Мальчишка скорчил мину, открыл глаза и столкнулся нос к носу с Верховным. Верховный был одним из четырех высших духов – те стояли над духами средних и низших рангов и по большей части не занимались ничем полезным, кроме бесконечных чаепитий и обсуждения пустых философских идей. Зато возможностей у высших было куда больше, чем у чильтанов вроде Арнура: они знали все о прошлом, настоящем и даже разные вероятности будущего.

Судя по виду, седовласый старикан был чем-то сильно недоволен. Впрочем, для таких стариканов недовольство было настроением по умолчанию.

– Что тебе нужно? – спросил Арнур, с достоинством поднимаясь.

– Чтобы ты выполнял свою работу, мальчишка! – ответил тот, сверкая глазами. – Я устал выслушивать жалобы от других духов! Зачем тебе понадобилось снова лезть в то, что тебя не касается?

– Ой, ну не начинай, бородатый, – мальчишка закатил глаза и отряхнул грязные джинсы. – Я все равно ничего не смог бы сделать, парнишка бы меня не увидел, божая я распылил – я сделал все по правилам!

– По правилам! – фыркнул старик. – Чтобы ты и когда-нибудь делал что-то по правилам? Арнур, мы оба знаем, что патрулировать ты должен был участок Орбиты-1, а ты через полчаса патрулирования сбежал в Орбиту-4, потому что почувствовал хныканье десятилетнего Алима Курманова – дом 36, квартира 18, третий этаж. У него прятался всего лишь безобидный божай, от которого прекрасно могла бы избавиться и Даяна, которая и патрулировала Орбиту-4.

– Да, но не избавилась! – огрызнулся Арнур.

– Потому что она, в отличие от тебя, отлично знает свою работу и в первую очередь реагировала на демонов среднего ранга. По твоей милости, мальчик, жалмауыз из Орбиты-1 устроила сердечный приступ Хайрулаевой Инге Магомедовне, 69 лет, 41-го года рождения. А будь ты на месте, этого бы не произошло.

– Все обошлось, я проверял. Верховный, тому мальчику была необходима помощь, и он *позвал меня*!

Арнур посмотрел на Верховного, пытаясь понять, слышит тот его или нет. Парнишка действительно позвал его, когда мысленно взмолился о помощи, и он не мог сопротивляться – почувствовал его ужас, отчаяние и беспомощность и решил, что должен помочь. Он успел как раз вовремя, чтобы швырнуть под ноги отчиму кухонное полотенце – тот поскользнулся и упал, давая Алиму пару драгоценных секунд, чтобы добежать до комнаты и спрятаться. Все могло закончиться по-другому, Арнур знал: отчим мог бы избить парнишку до полусмерти и оставить калекой на всю жизнь.

– С бабулькой я немного просчитался, но ей не грозило ничего серьезного, когда я уходил, – добавил он.

Он действительно просчитался с бабулькой: кровопийцы вроде жалмауыз обычно выбирали себе молодых жертв, но Инга была на редкость энергична.

– Арнур, – с усталым вздохом сказал Верховный. – Мы больше не вмешиваемся в жизни смертных. Таковы новые порядки, и это к лучшему, потому что вмешательство все только усложняло. Теперь они рассчитывают лишь на себя, и даже если молятся своим выдуманным человеческим богам – все равно, исход один: они живут в своем мире, а мы в своем. И единственная наша работа теперь заключается в наблюдении, да еще в уничтожении немногих оставшихся демонов.

Они дошли до самого озера Умай, когда-то до краев наполненного холодным кобыльим молоком, а сейчас – почти полностью пересохшего. Мальчишка с тоской вспомнил, как плескался в нем с друзьями-чильтанами раньше, а сейчас от озера осталась только пара луж посреди сухой потрескавшейся земли. День ото дня пейзаж Священной горы все сильнее менялся: энергия места слабела, и через пару столетий ее не хватит даже на одного паршивого духа.

– Я стал чильтаном, чтобы помогать детям, – сказал Арнур. – Не для того, чтобы вести войну против тех, кто и так проиграл.

– О, мальчик мой, не обманывайся, – старик выпрямился и взглянул куда-то вдаль с видом настоящего героя какого-нибудь героического аниме, фанатом которых был Арнур. – Демоны вовсе не проиграли. Они сидят под землей и строят планы, как прорваться за Завесу в мир смертных, а нас всех – смести с лица земли.

Он повернулся к чильтану и словно разом как-то вырос. Иногда мальчишка забывал, насколько Верховный был старше его – старше их всех, на самом деле, за исключением высших духов, Умай и Коркыта. Он был здесь почти с самого момента сотворения мира – добрый пастух, терпеливый покровитель всех живых, всевидящий и всезнающий.

– Не забывай, почему ты стал чильтаном, – сказал он голосом спокойным и холодным, как вершины Заилийского Алатау. – Мы тебя выбрали, но ведь и ты согласился служить нам, служить Умай. Делай свою работу и выброс людские заботы из головы – в конце концов, ты сам уже давно не человек.

Арнур склонил голову, пряча выражение лица от старика. Мама, которую он помнил удивительно хорошо даже спустя столько лет, как-то сказала ему, что у него всегда все видно по глазам. Старик ушел вперед – может быть, пить чай с высшими, а может быть, раскидывать без конца семена священного дерева в попытках прочитать будущее.

Он свистнул, призывая к себе Аю, и та золотой стрелой вылетела из кустов облепихи. Она подошла к мальчишке и требовательно потерлась головой о его штанину. Он достал из кармана кусочек курта, сворованный из материального мира, и отдал его собаке. Та раскрыла пасть, щелкнула челюстью, и белый комочек исчез в ее глотке.

– Хорошо, что хоть о наказании он забыл, – пробормотал он.

– Арнур, обойдешь землю семь раз до следующего восхода солнца! – донесся вдруг голос старика откуда-то спереди. – Если найдешь настолько же терпеливого мудреца, как я, поклонись ему от меня!

– Ха-ха, – сказал Арнур. – Очень смешно, обхохочешься, старикан.

Но делать было нечего: наказание нужно было пережить. Он поправил стремена на спине тазы и щелкнул пальцами, уменьшаясь до такого размера, чтобы поместиться верхом на борзой.

– Ну что, девочка, снова в людской мир? – спросил он у нее.

Та тихо фыркнула и нетерпеливо переступила лапами, ожидая его приказа. Мальчишка вскочил ей на спину, поправил кожаную камчу на поясе джинсов и издал долгий тяжелый вздох.

– Вперед! – крикнул он. – Аруа!

Борзая потянулась, а потом как отпущенная пружина бросилась с места в галоп.

Глава I

Крыса

Этот день должен был стать лучшим за весь этот год.

Поэтому она проснулась за пять минут до звонка будильника и сразу проверила уведомления в телефоне. А потом, подавив разочарование, медленно встала с кровати и прошла босиком в ванную. Паркетный пол холодил пятки, но она этого даже не заметила. Она встала напротив крошечного круглого зеркала над раковиной и взглянула на себя.

На первый взгляд в ней ничего не изменилось: все та же смуглая кожа, широкие брови, большие черные глаза, трещинка между передних зубов тоже была на месте – и все же она чувствовала себя другой. Может быть, взгляд стал старше?

Она плеснула в лицо холодной водой и снова проверила телефон. Все еще ни одного сообщения. Несколько секунд она встревоженно смотрела в горящий экран. Может, он забыл?

Она выдохнула и постаралась отогнать сомнения. Успокойся, сказала себе девочка. Он не может забыть о своем обещании. В глубине души она знала, что может: в последнее время папа частенько забывал о планах, которые они строили.

Иногда Озарии казалось, что дело в ней: раньше она всегда была для папы любимой маленькой принцессой, пока не выросла и не превратилась в отвратительного подростка. Иногда ей казалось, что дело в маме: она терпеть не могла, когда папа приезжал к Озарии, так что девочке приходилось сглаживать неловкость нелепыми разговорами о школе.

По-настоящему (и она это знала, просто гнала от себя эту мысль) дело было в новой папиной семье.

Но сегодня все будет по-другому. Сегодня у нее день рождения, а они всегда праздновали его вместе: папа заедет за ней после школы, и они с мамой поедут в любимый ресторан на обед. Папа закажет себе тарелку плова и позволит Озарии съесть десерт перед едой. А мама будет есть суши, и они с папой будут смеяться над тем, как неловко она управляется с палочками. Потом они втроем отправятся в кино, или кататься на велосипедах, или пойдут в парк аттракционов – это неважно, будет весело в любом случае.

Папа обещал.

Тревога немного улеглась, и девочка повеселела. Она вернулась в комнату, подошла к крепко спящей маме и легонько потрясла ее за плечо.

– Мам, – позвала девочка. – Мам, ты помнишь, что у нас сегодня планы?

Мама заворочалась в кровати и сквозь сон пробормотала:

– Озария, не буди, я устала. Деньги на обед на столе.

Кажется, она ее даже не услышала. Озария не стала будить ее дальше – мама недавно вернулась с ночного дежурства в больнице и ей нужно было отдохнуть.

Озария снова проверила телефон и начала собираться в школу.

Темно-серое здание школы мрачной тенью нависало над улицей, и девочка по привычке замедлила шаг, когда приблизилась к нему. Занятия уже начались, и опоздавшие то и дело обгоняли Озарию, торопясь успеть на свои уроки. Мимо нее с хихиканьем пробежала стайка девчонок из ее класса, среди которых она увидела старую подругу.

– Привет, Асия! – крикнула Озария прежде, чем успела себя остановить, и покраснела.

Как глупо! Теперь придется ждать, пока Асия надумает – отвечать или нет, и если она ответит, все хорошо, а если нет… Обычно они не здороваются, потому что у Асии новая компания, а Озария, вроде как, сама по себе.

Хотя вообще-то она ждала, что Асия вспомнит о том, что у нее сегодня день рождения и поздравит ее – в конце концов, подруга приходила к ней на праздник каждый год с первого класса.

– Привет, – с неохотой ответила Асия, оглядываясь на нее.

Озария почувствовала, как ее сердце падает куда-то на дно живота.

– О боже, что это было? – услышала она голос одной из новых подруг Асии.

Это была Мадина – самодовольная дура, которую Озария просто терпеть не могла за заносчивость.

– Вы что, подруги? – спросила громко другая девочка – подпевала Мадины.

– А-а, нет, – сказала Асия. – Нет, она же странная!

Они снова захихикали и убежали вперед. Озария почувствовала, как улыбка застывает на ее лице неестественной гримасой, а в глазах закипают слезы, и опустила голову.

В гардеробной в школе она снова увидела Мадину с ее подружками – спрятавшись за вешалками с куртками, они тайком курили, то и дело хихикая и провожая томными взглядами мальчиков из классов постарше.

Сталкиваться с ними не хотелось, поэтому она простояла в коридоре несколько минут в ожидании, пока они уйдут. Когда девочка наконец повесила куртку на крючок, на первый урок смысла идти уже не было: она опоздала на пятнадцать минут. Озария незаметно скользнула мимо завуча у лестницы и заперлась в женском туалете на первом этаже – сюда редко кто-то заглядывал, так что она могла переждать урок.

Дзынькнул телефон – кто-то прислал сообщение. Она зашарила рукой в рюкзаке, но беспорядочно напиханные внутрь тетради и учебники ужасно мешали ей нащупать самсунг. В конце концов она психанула, просто высыпала из рюкзака все содержимое на пол и стала переворачивать учебники в поисках дурацкого телефона.

– Ты знаешь, есть ведь и лучший способ избавиться от домашки, – произнес мальчишеский голос у нее за спиной. – Типа утопить в унитазе.

Озария замерла: когда она заходила в туалет, он был пуст – она была уверена. Она обернулась, но позади никого не было, только в пыльном окне отражалось ее некрасивое лицо.

– Кто здесь? – спросила она, поднимаясь с колен.

Молчание.

– Господи, у меня едет крыша, – прошептала девочка.

Неважно, все было неважно – ей пришло уведомление!

Папа:

С днем рождения, дочка! Жди подарок сегодня :)

08:37

Она прижала телефон к груди и чуть-чуть улыбнулась. Пусть утро было испорчено, впереди еще целый день, и родители, наверное, подготовили ей крутые подарки.

– У тебя че, типа день рождения сегодня? – раздался снова тот же голос.

Озария вздрогнула и наконец увидела в паре шагов от себя странно одетого мальчишку. На ногах – новенькие Abibas, судя по неровной надписи на подноске, синие потертые джинсы, сверху – растянутая черная футболка с логотипом Mirvana. Волосы коротко стрижены, если не считать тонкой косички на макушке длиной в пару сантиметров. Лицо в веснушках, глаза зеленые, передний зуб сколот. Мальчишка смотрел на нее сверху вниз, засунув руки в карманы, и ухмылялся.

– Это вообще-то женский туалет, – недовольно сказала Озария.

Во взгляде мальчишки появилось изумление, он расширил глаза и быстро сказал:

– Ты че, видишь меня?

Ну вот, очередной придурок из шестого класса, который решил подшутить над старшеклассницей. Неужели такие приколы все еще в моде? Она нахмурилась, поднялась с колен, но мальчишка так и не изменил выражения лица, глядя на нее так, словно у Озарии выросла вторая голова.

– А небо с тобой уже говорило? – спросил он.

– Ох, как смешно, – ответила она ему. – Ты меня разыграл! Послушай, серьезно, это женский туалет, и тебе стоит выйти поскорее, пока завуч тебя не увидела.

Но мальчишка не двинулся с места. Озария вгляделась в него и только тут заметила, что кожа у него как-то странно светится и словно даже просвечивает немного. Она увидела ровные ряды зеленой кафельной плитки на стене прямо сквозь него, вздрогнула и протерла глаза. Мальчик снова обрел четкость.

– А как тебя зовут? – спросил он и вдруг гордо выпятил грудь. – Меня зовут Арнур! Не хочу хвастаться, но некоторые называют меня самым потрясающим героем всех времен.

Самоуверенность мальчишки насмешила Озарию, и она неожиданно для себя ему улыбнулась. Она подумала, что не против была бы с ним подружиться, хоть он и выглядел младше нее: в школе не помешало бы иметь хоть кого-то, с кем можно поговорить.

– Меня зовут Озария, – сказала она. – Я из 7 «Г». А ты из какого?

Мальчишка не ответил, он просто напряженно смотрел на нее и кусал губы, как будто хотел что-то сказать, но не решался.

– Что? – спросила она смущенно.

– Мне кажется, ты в какой-то беде, – сказал он серьезно. – Слушай, если тебе нужна будет помощь, ты просто позови меня, хорошо?

Она хмыкнула, с сомнением глядя на худосочного мальчишку, и принялась собирать учебники обратно в рюкзак.

– Это очень мило, но я сомневаюсь, что… – она снова подняла голову и замерла, не закончив фразу, потому что в туалете снова никого не было.

Ну и ладно – мало ли в школе странных мальчишек. Она умыла лицо, подождала, пока прозвенит звонок на перемену, и пошла на второй урок – географию, выкинув эту встречу из головы. Ведь сегодня у нее день рождения, и после школы ее встретит папа – ура!

По дороге из одного крыла здания в другое она прошла мимо библиотеки и увидела толпу школьников у дверей. Слышались удивленные возгласы, стоявшие в задних рядах тянули головы, пытаясь заглянуть внутрь. Заплаканная библиотекарша стояла снаружи и что-то дрожащим голосом объясняла злому директору.

– А ну разошлись все! – громко сказал дежурный по школе. – Нечего тут стоять, по урокам!

Ученики потихоньку стали расходиться.

– Интересно, кто это устроил? – услышала Озария.

– Наверное, это кто-нибудь из одиннадцатиклассников? Они же все с ума сходят из-за ЕНТ!

– Говорят, в столовой тоже разбили все тарелки…

Озария прислушивалась изо всех сил, но ее захватил поток учеников, спешащих по своим урокам, и понес по тесному коридору вперед. Она дошла до своего класса, села за парту и с надеждой огляделась – вдруг кто-нибудь вспомнит о том, что у нее день рождения?

Но никто к ней так и не подошел. Ученики возбужденно переговаривались, в кабинете стоял гул. Наконец в класс вошел взъерошенный географ, и урок начался. Только в этот раз географ, обычно увлеченный темой терраформирования сверх меры, никак не мог сосредоточиться, запинался и даже обсчитался на один континент, заявив, что их всего 5 вместо положенных 6. Когда подлиза Мадина с передней парты поправила его, он расстроенно вздохнул и сказал:

– Простите, ребята, сегодня творится сумасшедший дом, и я тоже схожу с ума. Думаю, вы все уже слышали о том, что какой-то вандал устроил дебош в школе? По милости этого человека нам предстоит заменять шкафы, разбирать завал и чистить кухню.

– А кто это сделал? – подал голос кто-то с задних парт.

Все уставились на учителя. Тот снова тяжело вздохнул.

– Мы не знаем, – сказал он. – Скорее всего, кто-то из учеников постарше, и, видимо, действовал он не один. Ребята, я надеюсь на вашу сознательность! – он положил платок обратно в карман и добавил, странно мешая строгость с мольбой в голосе: – Пожалуйста, если кто-то из вас видел или слышал что-то подозрительное, расскажите нам. Такое хулиганство просто недопустимо!

– Если это произошло на первом уроке, – произнесла девочка за одной партой с Мадиной, – получается, этот кто-то должен был его пропустить?

– Да, получается так.

Озария встревоженно вскинула голову и встретилась взглядом с улыбающейся Мадиной. Асия тоже повернулась назад – она выглядела виноватой.

– Интересно, кто бы это мог быть? – сладким голоском сказала Мадина. – Озария, а где ты была на первом уроке? Мы с девочками видели тебя у школы, но на литературе тебя не было.

И вдруг все головы в классе разом обернулись к ней. Она почувствовала, что к ее лицу приливает краска, и быстро выпалила:

– Это была не я!

– На воре и шапка горит, – сказала Мадина.

– Нет, правда, я… – она замялась, лихорадочно пытаясь понять, что сказать: – Это была не я!

– Озария, гм, – сказал географ, медленно подходя к ней, – останься, пожалуйста, после урока. Я не утверждаю, что она в чем-то виновата, – сказал он громче, когда класс зашумел. – Тихо, ребята! Держите ушки на макушке сегодня, и если увидите или услышите хоть что-то странное – сообщите мне! Все свободны!

Ребята, продолжая громко переговариваться, покинули класс, то и дело оглядываясь на девочку. Она чувствовала, как быстро колотится в груди сердце, пока они один за другим выходили в коридор, оставляя ее наедине с учителем.

– Вы считаете, это я – вандал? – спросила тихо девочка.

Географ сел на низкую парту напротив Озарии и серьезно сказал:

– Озария, я ни в чем тебя не обвиняю. Не ты одна пропускаешь в этой школе первые уроки, да я и сам когда-то этим грешил, – он хохотнул. – К тому же ты всегда была девочкой тихой и послушной, так что я и мысли не допускаю, что ты могла что-то такое натворить.

Озария чуть расслабила плечи: от мысли о том, что учитель не считает ее какой-то преступницей, ей стало значительно легче. Она с надеждой подняла голову:

– Так я могу идти?

– Понимаешь, Озария, так как первый урок ты действительно пропустила – нет, дай мне договорить, – может, ты что-нибудь такое видела или слышала? Хоть что-нибудь, что могло иметь отношение к порче школьного имущества?

Он замолчал, давая ей время вспомнить, и наконец Озария сказала:

– Если честно, ничего такого. Я опоздала на литературу и просидела весь урок в женском туалете.

– С тобой там кто-нибудь еще был? – с надеждой спросил географ.

Ей действительно хотелось хоть чем-то помочь ему: учитель был хорошим человеком, никогда не повышал голоса и никогда не ставил никому двойки. А еще он вел уроки с заразительным увлечением, что в ее школе было редкостью, и ученики по-настоящему его уважали.

– Только какой-то пятиклассник, – сказала Озария. – Арнур, кажется. Но он все время просидел со мной, а перед самым звонком выбежал в коридор.

Порасспрашивав ее еще немного, географ отпустил девочку. Когда она вышла из кабинета, то увидела в коридоре Асию – та стояла в одиночестве с таким видом, как будто чего-то ждала, и сразу шмыгнула в раскрытую дверь за ее спиной.

А Озария поспешила на следующий урок.

Весь день девочку не отпускало сильное напряжение. Так как виновника не нашли, на всех уроках учеников заставили писать внеплановые контрольные работы. К тому же кто-то пустил по школе слух, что Озария была как-то связана с произошедшим, и под конец дня на нее косились даже учителя.

Ни папа, ни мама больше ей не писали, и скоро она бросила проверять телефон, сосредоточившись на уроках. С днем рождения ее никто не поздравлял, но она решила, что ей плевать: главный праздник ждал ее впереди. На последнем уроке контрольную прервали: в класс вошла завуч и вызвала в директорскую Мадину с парой ее подруг.

– А что случилось? – спросила Мадина, заискивающе улыбаясь завучу, но безрезультатно – та нахмурилась и не ответила на улыбку.

Озария заметила, что Асия осталась на месте, но не придала этому большого значения. Ее душа пела: совсем скоро за ней должен был заехать папа и увезти в их любимый семейный ресторан.

Как только прозвенел звонок, Озария рванула к выходу, быстро натянула пальто и выскочила на улицу. Шел проливной дождь, и она спряталась под козырьком крыши. Зазвонил телефон, и она с радостью прочитала на экране «Папа».

– Как там моя принцесса? – сказал папа преувеличенно-радостным голосом.

– Все супер, пап! – ответила она, стараясь, чтобы голос звучал радостно. – Уже вышла из школы, жду тебя!

Пауза. В трубке послышался тяжелый вздох, кто-то позвал тоненьким голосом: «Папа? Фильм скоро начнется!» Не кто-то – Озария хорошо знала, кто это был. Ее сводная сестра, которая недавно пошла во второй класс – Марал.

Часть ее мгновенно взревела от ярости. Как смеет эта шмакодявка звать ее папу – папой?

– Послушай, зайчик, я сегодня не смогу заехать за тобой в школу.

– Ты обещал, – твердо сказала Озария.

– Я знаю, зайчик, но понимаешь, Марал сильно заболела, и кто-то должен за ней присмотреть, а наша мама занята. У нее сыпь по всему телу и высокая температура, она даже упала в обморок, и я никак не могу оставить ее одну.

Озария затаила дыхание. Ее живот превратился в камень. Она ждала его следующих слов с чувством, с которым заключенные ждут приговора судьи.

– Я понимаю, зайчик, что обещал, но я не смогу приехать сегодня. Я пытался дозвониться до тебя весь последний час, но ты, наверное, не слышала. Я пришлю подарок с курьером, ладно? Когда придешь домой, он будет уже дожидаться тебя! Пожалуйста, не обижайся, хорошо?

Папа говорил быстро, словно желая поскорее от нее отделаться.

– Нет, стой! – сказала она, чувствуя, как к глазам снова подкатывают слезы. – Постой, ты же обещал, я ждала весь день, ну папа!

Но в трубке послышалось другое требовательное «Папа», сказанное нежным голоском, и она поняла, что разговор окончен.

– Прости, малышка, пришел врач. Повеселись сегодня с подружками!

Послышались гудки. Опустошенная, Озария стояла под козырьком, глядя на экран телефона. Сзади послышались быстрые шаги, и кто-то сходу больно шлепнул ее ладонью по затылку.

– Это тебе за доносы, – прошипела Мадина, злобно сверкнув глазами. – Займись-ка лучше своей жизнью, крыса!

Она резко отвернулась и пошла вперед, не обращая внимания на дождь. Ее подружки стайкой бросились за ней. Асия обернулась на Озарию, закусила губу и тоже поспешила за Мадиной.

– Эй! – крикнула она. – Подождите меня!

Озария завела руку за голову и нащупала в волосах слюнявый кусок жвачки.

Глава II

Завеса

– А ну стой, уродина проклятая! – закричал Арнур вслед несущейся по потолку тени.

Аю молча прибавила скорости, и желтые стены с окнами размылись в сплошное разноцветное пятно. Арнур моргнул и переключился на истинное зрение. Тень тут же предстала перед ним во всей своей красе: невысокая чумазая женщина с искаженным от ужаса лицом – уй иесы.

За такими духами он охотился редко: в основном они селились в жилых зданиях, в большинстве своем были абсолютно безвредны и хозяевам докучали изредка – только из желания попроказничать. Они не относились ни к горным, ни к подземным духам, потому что жили слишком близко к людям. Изредка они заражались темными энергиями – такие оставались, например, после жестоких преступлений – и тогда звереле и начинали вредить смертным по-настоящему.

Конкретно эта попыталась отравить еду в школьной столовой смертельными токсинами – к счастью, Арнур успел вовремя ей помешать и опрокинул чан с супом на пол. На всякий случай он еще раскидал по полу всю еду, которую увидел, отчасти из подростковой жажды разрушения, отчасти из опасения за здоровье учеников.

– От меня не убежишь! – крикнул мальчишка вслед тени, которая быстро скользнула от него сквозь стену.

Аю всхрапнула и тоже прыгнула сквозь стену в библиотеку, которая находилась прямо напротив столовой.

– Пища для ума должна находиться в шаговой доступности от пищи для тела, – резюмировал мальчишка, ловко уворачиваясь от учебников, которые швыряла в него уй иесы.

Та остроту не оценила и с визгом взобралась на стеллаж с учебниками, мелькая черными ногами. Тазы, верхом на которой сидел чильтан, ринулась вслед за ней и перескочила через несколько шкафов, опрокидывая их по очереди.

Мальчишка вытащил из-за пояса джинсов короткую кожаную камчу, размахнулся и ударил – та развернулась в воздухе на несколько метров и обхватила женщину за щиколотку, утягивая ее вниз. С воем та рухнула на пол.

– Вниз, девочка, – скомандовал Арнур борзой, и та послушно ринулась к полу, проделав изящный кульбит в воздухе.

Тень на полу обрела четкие очертания полноватой карлицы в замызганной

школьной форме. Мальчишка встал над ней, держа камчу наготове. Она с ужасом покосилась на камчу и отползла подальше, словно один вид плетки причинял ей боль.

– Пощади! – прохрипела она. – Я не сделала ничего плохого! Оно само!

Мальчишка кивнул: карлица действительно была не виновата. За последние несколько десятилетий духи из мира смертных все чаще сходили с ума. И хотя никто об этом не говорил, все знали, что это началось после появления Завесы.

– Ничего личного, – сказал Арнур, занося камчу. Плеть в его руках нетерпеливо загудела, впитывая энергию, которую он послал вниз по руке. – Но если я тебя не распылю, Верховный меня уволит, а я даже не смогу найти новую работу – я же дух! Поэтому – сорри, и – больно не будет!

Он со свистом опустил камчу, карлица взвизгнула и растворилась в воздухе. Арнур свернул камчу и повесил ее на пояс, а потом грустно оглядел место битвы. Повсюду валялись разбросанные книги, перевернутые шкафы и обломки стеллажей. Кому-то достанется, но не ему. Да уж, несправедливо, конечно, но такова цена защиты от демонов!

Мальчишка потянулся, и по его лицу расплылась довольная улыбка. После удачной охоты он всегда чувствовал прилив сил, и ему хотелось еще немного повеселиться в мире смертных – ну а что, герой заслужил!

Он ласково погладил борзую по холке.

– Респект тебе! – сказал он громко. – Видит Небо, нет на свете собаки лучше борзой, и нет борзой лучше тебя, Аю!

Аю завиляла хвостом, с любовью глядя на хозяина, а потом жадно втянула носом воздух и повернула голову в сторону окна. Небось унюхала чью-то еду: несмотря на то, что фамильяры духов, как и сами духи, не чувствовали вкуса еды из мира смертных, собака осталась такой же прожорливой, какой была при жизни.

– Иди, побегай, – разрешил мальчишка. – Я позову!

Ему и самому хотелось подвигаться. Он немного попрыгал со стеллажа на стеллаж, а потом, вскинув левую ногу в ударе каратиста, с криком «кия!» вылетел в коридор через стену.

Тут было пусто: звонок на перемену еще не прозвенел, и ученики страдали внутри кабинетов. Мальчишка заглянул было на урок математики, но при виде длинной линии уравнений на доске поспешно вышел обратно в коридор. Он бы все отдал, только бы иметь возможность, как раньше, *появиться* перед ними и устроить что-нибудь крутое и веселое – например, поджечь учебники, поиграть вместе в геймбой или просто подраться, но это было невозможно.

С тех пор, как пару десятилетий назад проклятые шаманы провели ритуал, разделив мир на два измерения, люди больше не видели и не слышали духов. А сами шаманы перестали существовать: такова была цена за мощный ритуал, который нарушил порядок вещей.

Все книги и записи с описаниями их ритуалов тоже были уничтожены. Это сделали высшие, по их словам, для того чтобы знания не попали не в те руки, а по

мнению Арнура – потому что они полные тупицы. Когда он еще верил в то, что равновесие сил можно вернуть в мир, он исколесил всю землю в поисках завалявшихся где-нибудь древних фолиантов, но так ничего и не нашел.

– Эй! – крикнул Арнур какому-то опоздальщику с красным от бега лицом.

Он запрыгал перед ним, замахал руками, кривя рожицы, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание.

– Эй, да посмотри на меня, лох!

Но школьник прошел сквозь чильтана, не обратив на него ни малейшего внимания. Ну и подумаешь, не очень-то и хотелось!

Как же скучно! Нарочно шаркая ногами (все равно никто не услышит) он прошелся из одного крыла в другое, не встретив никого, кроме зануды-дежурного с лицом отличника и пары учителей со встревоженными лицами. Не заметив его, они поспешили в сторону столовой.

Он как раз раздумывал между тем, чтобы разбить школьное окно или залететь в соседний книжный и украсть третью книгу «Ван Писа», когда почувствовал смутную тревогу. Сердце у него вдруг сжалось из-за чужой боли, и он машинально схватился за грудь.

Кому-то требовалась его помощь.

Следуя внутреннему чувству, Арнур пробежал в конец второго крыла здания и оказался в женском туалете. Он с восхищением наблюдал за тем, как странноватая девчонка с непонятного цвета аурой раскидала учебники по полу, а потом отпустил какой-то несмешной комментарий вслух.

Справедливости ради, если бы он знал, что она его услышит, он бы сказал что-нибудь посмешнее.

Сначала Арнуру показалось, что это просто случайность.

– Ты че, слышать меня можешь? – спросил он удивленно.

Но девчонка не ответила. Вместо этого она достала откуда-то телефон и задумчиво уставилась в горящий экран. Как он и думал, это оказалось просто совпадением.

Арнур расслабился, подскочил к ней и заглянул через плечо в экран. Из предложения он выудил знакомое слово и прочитал его по слогам – «рож-де-ни-я». Читать он умел так же хорошо, как считать.

– У тебя че, типа день рождения сегодня? – уточнил Арнур, пытаясь скрыть неловкость перед самим собой.

И в этот раз она точно его услышала!

Впервые за целое столетие он снова говорил со смертным человеком, который видел его! Некоторое время он не знал, что и думать, пока сумасшедшая мысль не мелькнула в его голове.

Шаманы перестали существовать с тех пор, были разделены миры и создана Завеса между ними. До этого их всегда выбирала Тенгри, но вот уже почти целое столетие новых шаманов в мире людей не появлялось. Духи решили, это потому, что надобность в них отпала. А Арнур решил про себя, что это потому, что

становиться рэпером или танцором еще никогда не было настолько легко – а у избранников Богини Всего было отменное чувство ритма.

Девочка могла быть шаманкой. Он решил проверить свою теорию.

– Небо с тобой говорило? – спросил он у нее, но девчонка явно не поняла, о чем он.

Она продолжала болтать что-то о розыгрышах и вообще выглядела не очень впечатленной знакомством с героем. Она даже попыталась вытолкать его из женского туалета – без всякого уважения, как будто это он сам хотел там находиться, а не она позвала его на помощь.

Она спросила, кто он, и мальчишка замер, пытаясь понять, как лучше ответить. Рассказать ей о том, что она – шаманка, а он дух, или промолчать? Она ведь не поверит ему, решит, что сумасшедший. Он назвал свое имя, а потом, повинуясь странному тревожному чувству в груди, сказал ей, что она может позвать его на помощь, если захочет.

Девчонка вдруг улыбнулась ему – и эта улыбка преобразила ее лицо. Она и так была симпатичной, но с улыбкой выглядела просто бомбически неотразимой.

А потом связь прервалась окончательно.

Когда она вышла из туалета, он вышел следом и какое-то время шел за ней, пытаясь снова поймать ее внимание, но она его больше не слышала.

Через некоторое время он почувствовал, что его силы почти на исходе: он израсходовал много энергии во время патрулирования, и восстановить их можно было только на Священной горе. По ощущениям это тот же голод, который испытывают смертные – сосет под ложечкой, голова болит, двигаться и соображать тяжело. Эти неприятные ощущения нарастают со временем, если игнорировать их, могут привести к смерти.

Ну как к смерти – скорее, к исчезновению. Духи полностью состоят из энергии, и когда ее не остается, они тают, как туман в ясную погоду.

Обычно Арнур сопротивлялся голоду так долго, как мог, почти рискуя жизнью: мир смертных он предпочитал Священной горе. Но в этот раз ему было необходимо обсудить кое с кем встречу с потенциальной шаманкой.

Так чо он коротко свистнул Аю, вскочил ей на спину, и они исчезли в сияющем портале.

Со всех сторон Священную гору окружали статуи, посвященные умершим, – балбалы. Они служили дверью, через которую горные духи выходили в мир людей и возвращались обратно.

За последнее столетие балбалы покосились, а трава вокруг них совсем пожухла – проход между мирами разрушался вместе с самой горой.

Из груди одной из статуй сначала высунулась всклокоченная голова мальчишки, повертелась туда-сюда и снова исчезла в камне. Мимо балбала как раз проходили двое из четверки высших духов: Арнур заметил сверкающие украшения старшей Пери – хранительницы историй и длинные витые рога Иесы – духа природы. Он

предпочитал не показываться на глаза никому из них: он нарушал все правила, которые только мог нарушить, и они без конца наказывали его.

В последний раз его заставили собирать потерянные во время одного из ураганов бумажки с записями младших пери. А когда он попытался схитрить и сэкономить время с помощью пылесоса, Верховный лишил его способности взаимодействовать с предметами из мира живых на 40 дней. О видеоиграх и манге пришлось забыть (как и об одежде, о чем лично он предпочитал не вспоминать).

– Эй, п-с-с, – послышался голос где-то рядом с ним.

Раздался глухой удар и приглушенный стон, словно кто-то приложился головой о камень.

– Кто это? – шепотом спросил Арнур.

– Это я, друг, – ответил знакомый голос из соседней статуи.

Арнур снова высунул голову и, удостоверившись, что вокруг никого нет, выпрыгнул из балбала вместе с борзой.

– Вылезай, – сказал он уверенно, чтобы ни у кого не создалось впечатления, будто он боится. – Высшие прошли!

Из крошечной головы статуи показалась огромная голова великана – дива. Див посмотрел на Арнура с улыбкой и распрямился. Остальные дивы называли его карликом, потому что ростом он был всего три метра, но по-настоящему его звали Даукеном. Он был одним из 25 младших духов и старым другом Арнура.

– А ты че прячешься? – спросил Арнур.

– Я случайно вызвал обвал в горах, – пророкотал великан. – Снова. А Иесы пообещал, что, если я в десятый раз стану причиной стихийного бедствия, он укоротит меня на два метра. А дивы и так надо мной смеются, Арнур!

Над горой понесся тягучий призыв кобыза, и мальчишка встрепенулся. Кобыз значил, что духов созывали на общий Совет, и все – и младшие, и высшие духи, и даже духи вне рангов должны были явиться на него. Последний Совет созывали еще в том столетии – после шаманского ритуала.

Аю, отбежавшая от всадника на несколько метров, вернулась обратно и требовательно потянула его за рукав рубашки. Нужно было торопиться.

– Тебя подбросить? – спросил Даукен, глядя на чильтана сверху вниз.

Тот фыркнул.

– Да я доберусь туда быстрее тебя, великан. Ешь мою пыль!

Он вскочил на спину борзой, и они полетели вперед так быстро, что в ушах засвистело. Здесь, в мире духов, где все еще оставалось немного энергии Тенгри, борзая развивала просто световую скорость.

Испокон веков Совет собирали только в одном месте – там, где раньше густая крона дерева Байтерек достигала самого неба. О том, что когда-то оно тут стояло, напоминал только не зарастающий травой кусочек земли, да сама земля, которая, перемешавшись с пеплом, стала почти черной. Там сидели они – боги вне рангов. Там был Коркыт-ата – все на свете повидавший старик, который вытягивал звуки скорби по людским страданиям из кобыза. Рядом с ним сидела богиня-мать Умай и лила из открытых ладоней молоко в подставленные чаши. На ее плече сидела птица Самрук.

Они никогда не вмешивались в ход рассуждений совета, не принимали ничьих сторон и почти не говорили. И все-таки забыть об их присутствии было невозможно: Умай напоминала всем о величайшем подарке творения – первом дне жизни, кобыз Коркыта говорил об испытаниях, через которые проходят все живые, а Самрук – птица, которая умирала и вновь возрождалась каждую сотню лет, – о непрерывности цикла жизни.

Вокруг них, в кругу поменьше, сидели четыре высших духа: старик Верховный – пастырь смертных, рогатый зверь Иесы – дух природы, прекрасная Пери – хранительница человеческих знаний и мощный герой Ультеген – бог войны.

Следом за ними сидели те, кого Арнур называл менеджерами среднего звена – духи и души стихий, герои сказок и легенд и даже те, кто участвовал в сотворении мира с Тенгри. Среди них были легендарный громометатель – змей Сазаган, крылатый конь Тулпар и бог хитрости Алдар Косе. Кое-кто из них были когда-то людьми, но это было так давно, что они и сами об этом забыли.

В самом большом кругу сидели 25 младших духов. Среди них были оборотни-полуволки – сыновья Арсены и чильтаны, к которым относился сам Арнур. Первых чильтанов выбрал из числа смертных Верховный для того, чтобы они вдохновляли и оберегали детей. Возле них вились их фамильяры – участвовать в Совете им было запрещено, но и далеко от хозяев они отойти не могли.

Одноухий лысый кот вызывающе махнул розовым хвостом перед мальчишкой, и Арнур сощурился, пытаясь отыскать среди сидящих старую подругу – Даяну. Он быстро нашел ее, плюхнулся на пожухлую траву рядом и принял в руки церемониальную чашу с молоком.

– Ты что, опять его обрила? – шепнул девушке мальчишка, передавая чашу дальше.

– Это сфинкс, идиот, – прошипела в ответ девушка. – Порода такая.

Девочка помладше, сидевшая рядом с Даяной, дружелюбно улыбнулась Арнуру и помахала ему рукой.

– Йо, – сказал Арнур, приподнимая собственную ладонь в приветствии. – Че, как оно, ты кто такая?

Даяна толкнула его под руку.

– Повежливее! Мира, познакомься, это – мой старый боевой товарищ Арнур, он немного идиот, так что не обижайся на него. Арнур – это Мира, она у нас недавно.

– Ага, – сказал Арнур, с досадой дергая себя за косичку. – Кто был в этот раз?

Чильтанов всегда было только пять: так было заведено. Новых выбирали, только если освобождалось место, например, если чильтана распылили. Распылить духа означало разрушить его энергетический центр – после такого дух буквально рассыпался на части, исчезал.

Во время Великой Бойни между подземными и горными духами потери с обеих сторон были просто невероятными. Арнур потерял тогда много товарищей – и с тех пор от остальных духов старался держаться подальше.

Даукен пережил с ним Великую Бойню, а Даяна присоединилась к горным духам немного позже – и все же каким-то образом втерлась к нему в доверие. Арнур винил во всем ее кота: тот привлек его внимание, а хозяйка смогла удержать его.

– Маулен, – ответила Даяна грустно. – До него добрался кто-то из подземных.

Арнур помолчал. Маулена он не знал лично, но по расстроенному лицу подруги понял, что тот был ее знакомым.

– Они все еще пытаются пробиться сквозь Завесу? – спросил он.

Завеса, которая отделяла подземных духов от мира смертных, была очень крепкой, и пробиться сквозь нее было почти невозможно. Но со временем в ней стали появляться прорехи, сквозь которые демоны посильнее проникали в мир людей и чинили в нем беспорядки. Патрули из младших духов были призваны уничтожать их, но иногда перевес сил оказывался не на стороне светлых духов.

Кобыз замолчал. Самрук коротко крикнула, призывая всех собравшихся к молчанию. Умай сложила руки на коленях и устремила спокойный взгляд на небо. Совет начался.

– По слухам, этот не просто пробился сквозь Завесу, – зашептала на ухо Арнуру Даяна. – Кто-то его призвал. Ритуалом, понимаешь? Из мира смертных!

Арнур приподнял бровь и с недоверием взглянул на нее. Призвать духа, хоть темного, хоть светлого, было не так просто. Нужно было знать, что делаешь, а у современных смертных не сохранилось почти никаких знаний о сверхъестественном мире. Во всяком случае, не должно было остаться – в свое время об этом позаботились.

– Совет из-за этого созвали? – горячим шепотом спросил Арнур, привлекая внимание сидящих спереди.

– Я не знаю, – ответила Даяна. – Но ходят слухи, что это из-за Умай.

Верховный, который как раз встал, чтобы произнести церемониальную речь, кашлянул.

– Чильтаны Арнур, Даяна и Мира – мы вам не мешаем? – спросил он зычным голосом.

– Мы обсуждаем качество молока! – громко пояснил для всех Арнур. – Вкусное, спасибо, Богиня Умай!

Вкус кобыльего молока из ладоней Умай был единственным вкусом, который могли почувствовать духи. Даукен где-то сбоку хохотнул и тут же попытался скрыть смех за кашлем. Высшие неодобрительно посмотрели на Арнура, остальные зашикали, Алдар Косе спрятал улыбку, а Даяна снова больно ткнула его в бок. Верховный раздраженно возвел глаза к Небу, как бы взывая к Тенгри, и развел руки в стороны:

– Тихо, тихо, – сказал он. – Спасибо, что явились на зов, дорогие духи и души.

Пока он болтал, Арнур напряженно размышлял. Совет собирали достаточно редко и только по очень особенным случаям, в остальное время высшие решали все между собой сами и передавали итоги обсуждений менеджерам среднего звена, которые, в свою очередь, раскладывали цели на шаги и распределяли задания между младшими.

Ну как распределяли – Арнур, например, не слушал вообще никого, кроме Верховного.

– Итак, вы все, наверное, замечаете определенные… гмм, изменения в нашем измерении, – сказал Верховный.

Арнур во все глаза уставился на него: надо же, старикан говорит прямо! Это было не похоже на обычную манеру высших обходить все неудобные темы.

Духи согласно зашумели. Арнуру показалось, что он увидел, как по лицу богини-матери скользнула легкая улыбка и тут же исчезла.

– Изменения? – недоуменно переспросила Даяна. – Энергии едва хватает на вылазки в мир смертных, мы настолько ослабли, что с трудом сопротивляемся жалмауызам – это он называет изменениями?

Арнур мстительно толкнул ее под локоть, и она замолчала.

– Действительно, Сут Коль пересох, статуи разрушаются, и энергия на Священной горе течет уже не так быстро, как прежде. Но, – Верховный поднял руку, призывая всех замолчать, – это происходит из-за того, что баланс в мире был снова нарушен. Энергия испокон веков циркулировала от смертных к духам и обратно, и когда шаманы прошлого исполнили ритуал, который навсегда разъединил один мир на три разных, циркуляция энергии нарушилась. Энергия Священной горы слабеет, потому что люди о нас забыли. Мы все знаем, зачем шаманы это сделали, – он выждал паузу, внимательно оглядывая слушателей. Никто не говорил ни слова: все действительно знали. – И время показало, что это было правильным решением: так лучше для всех.

Он снова замолчал. Арнур напрягся. Он знал, что не он один давно мечтает о возобновлении связи с миром смертных – той, что была раньше, до Завесы. К тому же не всем нравилась новая роль в общей игре: духи из созидателей, лекарей, хранителей и мудрых советчиков поголовно превратились в воинов.

Арнур коснулся камчи и попытался вспомнить времена, когда не нуждался в ней.

Верховный продолжал:

– Мы уничтожили все артефакты и книги шаманов, чтобы никто не смог повернуть ритуал вспять и освободить демонов из-под земли. Но энергия из мира духов утекает, а Трещины в Завесе становятся все больше, и демоны все чаще прорываются в мир смертных. Совсем скоро Завеса не выдержит – и что тогда?

Тысячи, нет – миллионы голодных, обозленных долгим заточением демонов ворвутся в мир смертных и утопят его в хаосе. Подземные духи питаются всеми злыми помыслами и чувствами, что есть в людях. И когда они вырвутся, всем будет крышка, вот что случится тогда, подумал Арнур.

– Наша сила утекает к людям, мы слишком ослабли за столетие, и мы не сможем их остановить, – сказал Верховный. – Смертные снова будут страдать, но в этот раз не будет ни голоса разума, который поможет им найти выход, ни веры в лучшее, ни надежды на будущее. Они будут устраивать войны за войнами, они погубят планету и своих детей – вот, что случится тогда. Хотим ли мы этого?

Он снова помолчал. Господи, Великое Небо, речь старика была просто набита красивыми паузами и многозначительными взглядами! Арнур вздохнул и огляделся: слушатели жрали, что дают, и даже не давились. А как же критическое мышление?

Он оценивающе взглянул на Даяну, но по ее лицу нельзя было ничего прочитать. Ясно было одно: она думала.

– Единственный выход – это завершить начатое, – сказал старикан, взмахивая посохом в сухонькой ручке – точь-в-точь пастух перед овцами, если бы овцы умели садиться, скрестив ноги. – Мы должны создать не просто Завесу между измерениями, а полностью обрубить связь между ними! Тогда Священная гора сможет восстановить запас энергии, демоны исчезнут, и людям больше не нужна будет наша защита!

Три высших духа одобрительно кивнули, по лицам Коркыт-ата и Умай понять ничего было нельзя, Самрук вообще была птицей, а вот над собранием на какое-то время нависла полная тишина. Новость предстояло переварить. Обрубить связь между измерениями полностью значило открыто пойти против Богини Всего, которая создала мир.

С другой стороны, отрицать то, что горные духи становились все слабее, а демоны все чаще прорывались за Завесу, было глупо. Решение было необходимо найти скорее – пока духи не начали исчезать из-за недостатка энергии.

– Все это очень хорошо, – сказал Алдар Косе, дождавшись, пока крики изумления стихнут. – Но как мы проведем ритуал? Мы вроде как избавились от всех шаманских знаний как раз для того, чтобы подобной ситуации не повторилось.

– Да, это все потому, что мы идиоты, – буркнул негромко Арнур.

Верховный взглянул на Иесы, и тот тоже встал в центре круга. На его длинных развесистых рогах уютно свернулась змея, которая не обращала ни малейшего внимания на происходящее.

– Это не так, – пророкотал он. – Первым шаманам знания давало само Небо – им приходилось расшифровывать послания и многому учиться самим, но всем ритуалам они выучились от Тенгри. Мы знаем, что Тенгри уже выбрала нового шамана в мире смертных. Если мы найдем его, он сможет провести ритуал и разъединить наши измерения.

– А как его найти? – громко спросила Даяна. – Мы знаем, кто это?

– Нет, – вступил снова Верховный. – Не совсем. Нам известно только, что новый шаман будет очень могущественным – едва ли не таким же могущественным, как самый первый из них. Он объединит в себе силу всех, кто так и не прошел инициацию. Он явит свое лицо двум духам – одному из нас и одному из подземных. Дальнейший его путь предсказать невозможно: слишком много зависит от случайностей.

– Мы не знаем, чем закончится путь шамана, – вступила в разговор прекрасная Пери. – В одном из вариантов будущего его склоняет на свою сторону демон, и шаман разрушает оковы подземных духов, выпуская их в свой мир и обрекая че-

ловечество на погибель. Мы не должны этого допустить. Мы должны найти его раньше и уничтожить. Тогда связь между мирами продолжит рушиться, и рано или поздно мы освободимся.

– Эээ, – сказал Арнур тихо, но его голос потонул в голосах остальных духов.

– Ты в порядке? – коснулась его руки Даяна.

Он отрицательно покачал головой.

– Нам нужно поговорить, – сказал он.

Он почувствовал на себе чей-то пронзительный взгляд, посмотрел вперед и увидел Умай. В этот раз она уже отчетливо ему улыбалась.

Глава III

Тень

Дождь лил как из ведра, и Озария замерзла и вымокла до нитки. Папа больше не звонил. Ну и черт с ним.

Она поднялась на последний этаж и постучала в дверь. Увидела на полу перед дверью неприметный сверток из серой бумаги – ни записки, ни открытки не было – и машинально взяла его в руки. Наверное, тот самый сюрприз, о котором говорил папа.

Никто не открыл, хотя мама должна была быть дома. Озария открыла дверь своим ключом и вошла в квартиру.

– Мама? – робко позвала она.

Никто не отозвался. Где она? Может, вышла в магазин или в кондитерскую за тортом? Хотя надежды на это были безнадежно малы. Она разделась, повесила мокрую куртку в шкаф, а потом, морщась от отвращения, нащупала в волосах жвачку. Липкая штука потянулась вслед за пальцами, и когда с неожиданной яростью Озария попыталась ее отодрать, часть жвачки оторвалась и осталась в сжатой руке, а длинная розовая нить безвольно повисла вдоль затылка, еще сильнее запутываясь в мокрых волосах.

– Черт! – закричала она и взглянула в зеркало.

Из отражения на нее глядела нелепая девчонка с уродливым лицом, волосами, повисшими как сосульки, и выпяченными толстыми губами. Неудивительно, что никто в классе не хочет с ней дружить.

Она вытерла мокрое лицо, сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться. Надо дождаться, пока придет мама – она поможет отклеить жвачку. К папиному подарку она больше не притронулась, и он так и остался лежать в прихожей.

Кстати, а где мама? Озария проверила телефон – оказалось, он выключился, пока она шла из школы домой.

Пока он заряжался, она переоделась в сухое и переложила сверток на стол. В их новой с мамой квартире была только одна комната, служившая им одновременно и спальнями, и гостиной. Комната была поделена на две половины незримой чертой: в одной половине стояла мамина кровать с тумбой и шкафом, а в другой половине – кровать Озарии с навесной полкой. Озария не заходила на мамину половину без разрешения.

Она включила телевизор, и визгливый голос Спанч Боба заполнил окружающую тишину. Она села так, чтобы держать пакет в поле зрения, как будто он мог куда-то

убежать со стола. Как бы сильно ей ни хотелось отвлечься от пакета, мыслями она снова и снова к нему возвращалась: что же там внутри?

Ей очень хотелось его открыть, но еще больше ей хотелось дождаться следующей встречи с папой, чтобы швырнуть подарок ему в лицо. Хотя она знала, что никогда не наберется храбрости этого сделать, думать об этом было неожиданно приятно.

А еще больше ей хотелось, чтобы папа был сейчас тут, рядом. Он бы не стал делать из жвачки в волосах или отвратительного дня в школе трагедии. Она почти услышала, как он треплет ее по плечу и говорит что-то вроде: «Всё, принцесса! Идем в магазин, покупаем десять упаковок «Орвита», жуем и делаем депиляцию голов всех одноклассниц жвачкой».

Он всегда находил что-то смешное даже в самых страшных ситуациях, и порой Озарии ужасно не хватало этого его умения.

Девочка включила телефон. Пропущенный звонок от мамы, папы и одно непрочитанное уведомление.

Мама:

Доча, вызвали на работу – – – случилась авария, столкнулись два автобуса, вызвали весь персонал. Будь умничкой, приготовь ужин сама, вернусь поздно

13:00

Озария молча швырнула телефон на кровать и уставилась горящими глазами в пол. Мама даже не упомянула про день рождения – как будто его и не было. Она почувствовала, как к голове приливает кровь. В ушах зашумело.

Она отправила в ответ короткое «Окей» и отложила телефон. Мама бы не стала слушать ее претензий: она спасала жизни и зарабатывала деньги для них обеих.

Вместо этого, проглотив ком в горле, Озария развернула сверток. На столешницу со стуком упал складной нож, завернутый в несколько слоев коричневой бумаги. Обычный складной нож, с лезвием сантиметров пяти, с многочисленными царапинами на металлической ручке. Нож не выглядел особенно дорогим, да и, если уж совсем честно, имел вид бывшего в употреблении.

Видимо, отцу было совсем наплевать на то, что подарить. Лучше бы ничего не дарил – притворился бы, как обычно, что нет денег, было бы не так обидно.

Девочка сжала нож в руке, провела пальцем другой руки по лезвию, и на подушечке указательного тут же выступила кровь. Потом она отложила нож, подошла к маминой тумбе, где под фотоальбомом та прятала сигареты с зажигалкой, и положила их на стол.

Снова взяла нож, нащупала прилипшую к волосам жвачку и решительно отрезала испорченную прядь. На затылке появился ежик коротких волос, зато жвачки там больше не было. Потом Озария сунула сигарету в рот, чиркнула зажигалкой и глубоко затянулась, изо всех сил желая, чтобы сейчас с ней рядом оказался хоть кто-нибудь, кому она была бы очень-очень нужна.

Она проснулась посреди ночи от ощущения чужого присутствия в комнате. Пружины матраца скрипнули, когда она приподнялась на руках и прислушалась к тишине. Окна комнаты выходили во двор, откуда даже по ночам доносилась городская музыка людских голосов и шума машин, и все же сейчас не было слышно ни звука, кроме ее дыхания.

– Мама? – позвала она.

Голос отчего-то показался ей хриплым. Она закашлялась. Взгляд ее случайно упал на окно, и ей показалось, что там кто-то стоит – незнакомая фигура в черном. Наверное, остатки ночного кошмара. Девочка сморгнула – у окна никого не было.

Громко включился старый холодильник на кухне, и она вздрогнула. Подошла к выключателям – свет моргнул, на секунду вспышкой осветив комнату, и погас. Наверное, снова выбило фазу, это частенько случалось в их квартире. Нужно было всего-то выйти на лестничную площадку, открыть синий щиток и поставить рубильник на место.

Дрожа от холода в одной футболке, она взяла спички со стола, открыла входную дверь и вышла на лестничную площадку. Чиркнула и направила пламя спички на щиток.

Открытая дверь квартиры громко хлопнула – должно быть, от налетевшего сквозняка. Вдруг она почувствовала чужое дыхание на своей шее и замерла.

Спичка в руках догорела до самых пальцев, и она вскрикнула от боли.

Снова настала кромешная тьма. Стараясь не паниковать, девочка стала осторожно продвигаться к двери; она не заперта на ключ, стоит только толкнуть – откроется. Только то ли она сделала слишком большой шаг, то ли пошла в противоположную сторону, но дверь постоянно оказывалась не там, где она искала.

– Оз-зария, – раздался чей-то тихий голос, и девочка почувствовала, как по спине поползли мурашки.

Ощутив прикосновение чьей-то ледяной руки к ладони, она вздрогнула и, задыхаясь, ринулась вниз по лестнице. Тело казалось ей каким-то странным – получужим, полунезнакомым, словно она управляла им только наполовину. Ступеньки убегали из-под ступней так быстро, что она еле успевала переставлять ноги.

Она не оборачивалась, но знала: чужак, чей голос она слышала только что в коридоре, был прямо за ней. Она чувствовала это всем телом.

– Помогите! – закричала она изо всех сил. – Помогите!

Из-за соседних дверей слышалась возня, кто-то что-то говорил обеспокоенным голосом, но на площадку никто так и не вышел. Наконец очередная ступенька выскользнула из-под ее босых ног, и она с криком полетела вперед.

Будто сама темнота сгустилась и смягчила ее падение. В нос Озарии ударил запах мокрой земли и дождя. Она почувствовала, как ее обхватывают чьи-то ледяные руки, взвизгнула и попыталась вырваться, но не смогла.

– Отпусти меня! – закричала она со страхом и задрала голову вверх, чтобы разглядеть лицо чужака. – Отпусти сейчас же!

Чужак молча поставил ее на землю и отступил на шаг. Зажегся свет. Озария судорожно отбежала и вспрыгнула на верхнюю ступеньку. И только тогда посмот-

рела на него. Что-то в нем показалось ей странно знакомым, почти родным, и она спросила:

– Ты кто такой?

Чужак выступил из теней, и она смогла его разглядеть – высокий и худой, с ног до головы завернутый в длинный черный плащ с капюшоном, лица не видно. Ноги словно бы растут из-под земли, длинные пальцы на руках оканчиваются острыми когтями. А глаза – светящиеся в полутьме красные огоньки.

Он потянулся к плащу и вытащил из-за пазухи складной ножик, который она оставила на столе в комнате. А потом протянул его ей.

Происходящее напоминало сон, и как это часто бывает во сне, казалось ей естественным.

– Как тебя зовут? – спросила она, подходя к нему ближе.

– *Полуноч-щ-щ-ник*, – отозвался он, растягивая шипение.

Она нерешительно взяла ножик.

– Это мне? Подарок?

Полуночник кивнул и протянул ей раскрытую ладонь. Она поняла, что он хочет, чтобы она пошла с ним, но медлила. Сердце колотилось, как ненормальное.

Тогда на грани слышимости он с трудом выдавил из себя целую фразу, и в его шипении девочка услышала хорошо знакомый подтекст – одиночество, непонятость и отчаянная мольба. Отказать ему показалось ей чем-то жестоким, почти монструозным.

– Я пойду с тобой, – сказала Озария.

Полуночник принял ее в свои ледяные объятия, и они исчезли.

Озария очутилась в странном месте. Вокруг было темно, но темнота казалась живой – по ней ритмично пробегали волны в такт дыханию девочки. Она попробовала пошевелиться и не смогла. Дышать ей было тяжело.

Но как только она почувствовала тревогу, ее запястье оказалось в крепком кольце руки Полуночника. Девочка обмякла. Теперь она слышала его ясно, словно какая-то преграда между ними исчезла.

– *Озария, я знаю, чего ты хочешь*, – прошептал он.

Где-то впереди засиял тоненький лучик света, и ее потянуло туда. В ушах раздалось мерное шипение волн, набегающих на песок.

– Озария!

Она сделала еще шаг и вдруг оказалась по колено в воде.

Над головой ярко светило солнце, с криками летали чайки, а на берегу, на разложенных на песке полотенцах, лежали мама с папой. Мама загорала, подложив под голову руки, а папа читал детективный роман, облокотившись на сумку с вещами.

Она выбежала из воды, поднимая тучу брызг, подбежала к ним и плюхнулась на теплые полотенца.

– Озария, не брызгайся! – строго сказала мама.

– Вода холодная, я замерзла! – сказала Озария и прижалась ледяными ногами к маминому нагретому боку, а руками зарылась под папину спину.

– Ледышка! – пожаловался громко папа, охая. – Что за кусочек айсберга принесло нам море?

– Это вы разлеглись тут, как тюлени! – ответила она и попыталась их растолкать. – Купаться, пойдемте купаться!

Они пошли, но не сразу. Сначала папа звонко чмокнул ее в лоб, а потом они легли поудобнее все вместе, и Озария между ними. Они взяли ее за руки с обеих сторон и стали говорить о чем-то своем, а она лежала между ними и грелась. И ей казалось, что так будет всегда.

Ей тогда было восемь.

Волны лизали ее ноги и снова отползали обратно. Чернота съела пляж вместе с ними тремя, солнцем и небом.

– Ты хоть о ком-нибудь, кроме себя, думать умеешь?!

– Я не могу тут больше жить! Достало!

Голоса доносились, как сквозь толстую вату. Озария побледнела, но ледяная рука вокруг ее запястья сжалась крепче, и она заставила себя слушать дальше, хоть и знала отлично, чем все закончится.

– Давай, беги к *этой суке*, посмотрим, как долго ты с ней проживешь, – сказала женщина.

– Не смей так говорить! – сказал мужчина.

Раздался звук хлопнувшей двери и эхо чьих-то бегущих ног.

– Папа, папа!

– Перестань, – попросила Озария негромко, но твердо. – Я не хочу тут больше находиться, это гадко!

Она забарахталась в темноте, пытаясь вырваться, и хватка на ее запястье тотчас исчезла. Картинка растворилась в воздухе. Пространство вокруг заколыхалось, и девочка почувствовала, как неведомая сила выталкивает ее наружу.

Теперь она находилась в кухне в их с мамой квартирке. Мама стояла спиной к ней у приоткрытой форточки, прижимала к уху телефон и курила.

– Озария так выросла за лето, нужно покупать новую форму и обувь, а деньги есть только на аренду и продукты. Я беру столько смен, сколько могу, но сама знаешь, как у нас платят медперсоналу. Я не знаю, что делать.

Ее голос зазвучал тише, спина напряглась. Озария прижалась к стене и зажмурилась изо всех сил, потому что почувствовала, как к глазам подкатывают слезы. Она уже подслушивала этот разговор пару месяцев назад.

Мама помолчала – в трубке звучал возмущенный женский голос.

– А что я могу сделать? Он будто забыл о нас с тех пор, как появилась *эта*.

Этой мама называла женщину, к которой ушел папа – Данию.

– Будто нас и не было никогда! – громко вдруг сказала мама в сердцах и испуганно оглянулась, проверяя, не стоит ли рядом дочка. Но Озария в тот раз нырнула обратно за кухонную дверь, и мама успокоилась. – Больно видеть, как она каждый раз его ждет и радуется прямо как щенок, если он появляется хотя бы на пару минут.

– Перестань, – снова сказала Озария громко, затыкая уши ладонями.

У нее не было желания выслушивать все это снова.

– Перестань! Полуночник, ты слышишь?!

Она с силой прижала ладони к ушам, а когда отняла, вокруг было тихо. Пахло горячим шоколадом и лекарственной мятой. Она открыла глаза и увидела, что стоит в незнакомой комнате, выдержанной в тошнотворных оттенках розового – розовые стены, кровать с розовым балдахином, розовый гардероб и розовый стол с зеркалом, за которым сидела черноволосая кудрявая девочка. На кровати валялись плюшевые овечки.

– Папа! – требовательно позвала девочка и обернулась к двери, у которой стояла Озария.

Девочка была ужасно симпатичной: кудри блестят на солнце, на чистом личике – здоровый румянец, узкие карие глаза прищурены, пухлые губки правильной формы капризно вытянуты. Она равнодушно скользнула взглядом по Озарии и снова крикнула:

– ПА-ПА!

Дверь с шумом раскрылась, и в комнату торопливо вошел папа, закидывая кухонное полотенце на плечо.

– Что, принцесса? – спросил он.

От звука его голоса Озария вздрогнула и отступила. Папа, между тем, подошел к девочке, нежно поцеловал ее в лоб и положил свою большую ладонь на ее голову.

– Хочу сок! – сказала девочка.

– Будет исполнено, ваше высочество! – сказал папа, отвешивая ей шутливый поклон. – А полетать моя принцесса не желает?

Девочка радостно взвизгнула, а папа схватил ее, поднял в воздух и подбросил. Она так смеялась, что все никак не могла остановиться, и они оба повалились на кровать без сил, продолжая хохотать.

От этого шума у Озарии заболела голова. Она стояла прямо у изножья кровати и пыталась понять, что с ней происходит. В груди ревело от ярости и боли, но лицо ее словно окаменело.

– Как ты себя чувствуешь, Марал? – спросил он, прикладывая ладонь к ее лбу. – Полегчало?

Она театрально закашлялась.

– Нет, я ужасно болею! – сказала девочка. – Я умираю!

– Не говори так, – сказал папа, улыбаясь, но с легкой тревогой в голосе. – Мне бы совсем этого не хотелось.

– Почему?

– Ну, потому что я очень люблю тебя и совсем не хочу терять.

– Правда любишь?

– Правда-правда.

– Что, больше всех?

Папа наклонился к дочке и звонко чмокнул ее в лоб.

– Больше всех!

Тут звук слегка исказился, как если бы она подслушивала чужой разговор по старому телефону.

– Мама говорит, тебе гораздо лучше с нами, чем когда-либо было с той, другой женщиной. И что лучше бы ты про них совсем забыл.

Папа, который уже открывал дверь, замешкался и обернулся.

– Что?

– Папа, ну! Мама говорит, ты забываешь их – и что это хорошо. Почему ты меня не слушаешь?!

Озария громко охнула. Было так больно, словно кто-то по-настоящему воткнул ей в сердце нож. Надо же, она раньше о таком только читала, а тут впервые поняла, что это значит.

И снова все накрыла чернота, которая вскоре выплюнула ее наружу.

В этот раз она оказалась в своей квартире. Тут было темно и холодно, но больше не пусто – напротив окна стоял Полуночник, теперь лицом к ней. Он ничего не говорил, но его присутствие тяжелой тенью легло на всю комнату и некуда было от него деться. Она и не хотела никуда от него уходить: сжавшись в комочек под своим одеялом, она смотрела горящими глазами в темноту. Плакать она не могла.

Наконец он заговорил. Только в этом пространстве его слышно не было, он словно говорил в голове девочки, потому что она слышала его четче, чем все остальные звуки. В конце концов его голос заглушил даже ее мысли.

– Бедная девочка, – сказал Полуночник. *– Как же много боли – и все из-за людей, которые должны были любить тебя больше всех на свете и защищать от бед.*

Она задрожала.

– Ах, Озария, – выдохнул он. *– Это все так неправильно, и так совсем не должно быть! Я хочу тебе помочь, и я могу тебе помочь, но пока я на другой стороне, я бессилен. Ты знаешь, что я говорю правду.*

Она чувствовала, что так и есть. Этого требовало странное невысказанное соглашение, которое действовало между ними.

– Если только ты пропустишь меня, я помогу тебе освободиться. Никому больше не будет больно, никому не будет грустно – ни тебе, ни маме, ни папе. Все будет еще лучше, чем в твоих воспоминаниях. Хочешь?

– Что мне нужно сделать? – прошептала Озария. *– Как мне тебя выпустить?*

– Только повтори три слова – те, что я сказал тебе тогда, в коридоре.

Высокая фигура качнулась вперед – туловище существа зависло параллельно полу, голова вытянулась к мокрому от слез лицу девочки. В тени капюшона невидимый рот растянулся в широкой улыбке.

Озария вздохнула. И хотя она понимала, что происходящее было всего лишь сном, по ее телу поползли мурашки.

– Ты мне нужен, – сказала она вслух.

В ее ушах зашумел далекий ритм барабанов, сердце заколотилось в груди, по виску побежала капля пота – она почувствовала, что не может пошевелить ни одним мускулом. Огромная тень нависла над ней, готовясь поглотить.

– Спас-с-сибо, – прошипел Полуночник тоже вслух.

Глава IV

Чильтан

На город опустилась ночь. Не очень темная, скорее просто плохо освещенная: акимат экономил на лампах и электричестве. Стая бродячих собак, рывшихся возле мусорных баков, беспокойно обнюхивала пространство между контейнерами и стеной. Вдруг раздался негромкий хлопок, и животные разразились возбужденным лаем, почувствовав знакомый запах заклятого врага – кота.

– МРЯУ! – протяжно заорал кот.

– Фу, Игорек! – послышался звонкий девичий голос, а сразу за ним – звуки потасовки и поскуливание псов.

Из тени сначала выбежала стая животных – и, кстати говоря, одного четверолапого товарища они-таки не досчитались. Следом выскочила девчушка верхом на лысом одноухом коте. Причем кот по сравнению с другими котами казался просто огромным мутантом, а девчушка по сравнению с людьми – миниатюрной куклой ростом в полметра. Кот торопливо двигал челюстями, с хрустом пережевывая что-то, а девушка хмурилась, то и дело раздраженно поглядывая на наручные часы. Два часа ночи – как раз самое время для всякой сверхъестественной активности.

– Ну и где их носит? – пробормотала она себе под нос.

Кот рыгнул и выплюнул комок шерсти.

Вообще среди горных духов было принято коситься с неудовольствием на всех, кто смел использовать человеческие изобретения, но младшие постоянно нарушали это негласное правило. Все они когда-то были людьми или хотя бы были рождены в мире людей и стремились идти в ногу с трендами. Говорят, это важно.

Младшие духи не чурались брать то, что плохо лежит. К тому же смертные, как правило, не обращают внимания на исчезновение разных мелочей вроде второго носка после стирки или книги из бабушкиной библиотеки. Если на складах иногда не досчитывались лишней пары часов, а в винтажных магазинах – джинсов, что ж! Всегда можно обвинить в краже уборщиц.

– Приветствую! – громогласно произнес чей-то рокочущий голос позади девушки.

Кряхтя и охая, из новой дыры, которая тут же исчезла, появился трехметровый великан и нервно улыбнулся Даяне.

– Господи, а еще громче ты можешь? – прошипела она в ответ вместо приветствия. – Мы тут вообще-то на охоте!

Некоторые люди не учатся манерам даже после смерти. Арнур, незаметно наблюдавший за ними из-за стены здания, отделился от темноты, и его худую фигуру осветил свет фонаря.

– Общий салам! – сказал он. – Даяна, ты, как всегда, в настроении?

– Арнур, а ты, как всегда, понтуешься? – передразнила она его, сузив глаза.

– Дух без понтов, – он поднял вверх палец, – это беспонтовый дух, Даяна!

Она закатила глаза, и Даукен хихикнул, неуверенно поглядывая на чильтанку. Жилистая, мускулистая, с худым строгим лицом и длинными прямыми волосами, схваченными в косу сзади, Даяна внушала ему благоговение, смешанное со страхом. Рядом с ней он начинал вести себя глупо – так, словно ему было не 317 лет, а всего 17.

Арнур свистнул Аю, щелкнул пальцами и оседлал ее, уменьшившись на добрых 90 сантиметров.

– Поехали, – сказала Даяна. – Я спереди, вы двое – по бокам. Глядите в оба, весь район наводнили козлолюди, да и обр где-то тут прячется, гад такой!

Друзья кивнули. Лысый сфинкс вальяжно махнул хвостом перед мордой Аю и, прежде чем она успела сомкнуть острые зубы на его филейной части, резво побежал вперед. Они летели по темной аль-Фараби треугольником: лысый кот с девушкой в авангарде, справа – скрежещущая горная порода, по чистой случайности напоминающая человека, слева – величественный всадник верхом на красавице-тазы с золотистой шерстью.

Эту часть охоты Арнур любил больше всего: ощущение безграничной свободы, ветер, свистящий в ушах, и проверенные друзья рядом, всегда готовые подставить плечо. В груди больно кольнуло далеким воспоминанием о битвах, в которых он сражался против демонов, не чувствуя ничего, кроме отчаяния: силы подземных духов росли с каждым днем, и надежда кончалась, но он продолжал сражаться. Он подавил эхо прошедших событий и позволил Аю разогнаться еще больше.

– Аруа! – закричал он, с наслаждением вдыхая холодный вечерний воздух.

– Шшш! – крикнули ему с двух сторон.

Они ловко лавировали среди редких машин, то и дело отвлекаясь на то, чтобы распылить очередного козлочеловека. Эти духи с человеческими телами и козлиными головами становились опасными, только когда сбивались в стаи. В таком количестве они могли вызвать настоящую эпидемию паники в городе, а по одиночке – разве что напугать кого-нибудь до непроизвольной потери контроля над мочевым пузырем. Козлолюди питались человеческим страхом, а потому навредить могли, только если их видели.

Раньше чильтаны бы и времени не стали тратить на них: Завеса плотно скрывала всех духов от глаз смертных. Но Завеса прохудилась в нескольких местах, и теперь даже не особенно чувствительные смертные могли смутно видеть подземных. Они называли их привидениями и демонами, читали молитвы из Корана или Библии, даже не подозревая, что на таких существ по-настоящему действовала только грубая физическая сила.

Даяна сняла с руки, унизанной серебряными браслетами и кольцами, еще одно украшение и метнула в сторону очередной козлиной головы. Кольцо увеличилось в размерах в полете и обхватило козлочеловека за шею.

Пуф – и он исчез. Подземные духи ужасно боялись серебра.

– Я считаю, это идиотская затея, – на ходу бросила Даяна Арнуру.

За столько столетий они приноровились общаться в полевых условиях. На несколько секунд она нырнула за черный гелендваген, где мелькнули козлиные рога, послышался новый «пуф», и она снова появилась впереди. Арнур, орудовавший длинной кожаной плеткой, весело ответил:

– Чой-та?

Великан со вздохом ударил центнеровым кулаком козлочеловека, отправив его в долгий полет вверх, где тот развоплотился.

– Я тоже сомневаюсь, друг мой, – сказал он. – Мы – младшие духи, а ты хочешь тягаться с высшими.

– Пессимисты! – фыркнул мальчишка, с громким «йу-ху!» приземляясь сверху на очередного демона. – Я же говорю, Умай мне *улыбнулась*, она дала мне знак!

– Нет, она тебе не улыбалась, Арнур, это идиотский план, и мы оба это знаем, – протараторила девушка. – Почему бы тебе просто не рассказать Верховному, что ты видел шаманку?

– Потому что у нас политические разногласия, – сказал Арнур, прыгая на крышу машины. – Он хочет использовать шаманку, чтобы разъединить измерения. Я считаю, это было ошибкой тогда, а сейчас это будет просто самоубийством. Мы нужны людям!

На какое-то время они разлучились: Арнур нырнул в придорожные кусты за стайкой козлолюдей, а Даяна отбивалась от наступавших на нее демонов вместе с дивом.

Да и потом, вот скажите мне честно, – произнес изрядно помятый мальчишка, вылезая из кустов и вытирая кровь с разбитой губы. – Разве вы довольны тем, как дела обстоят сейчас у вас самих? Вот ты, Даяна, кем ты была до Бойни и всего остального?

– Я была художницей, – она нахмурилась, припоминая, и пропустила болезненный удар от козлочеловека прямо в живот. Через несколько минут потасовки она закончила мысль, приглаживая волосы: – Рисовала детям самые лучшие сны на свете. Помогала преодолевать страхи, не бояться говорить, когда было, что сказать, обретать голос в творчестве.

Она слегка улыбнулась.

– И они вырастали в крутых ученых, поэтов и музыкантов, разве нет? – воодушевленно крикнул Арнур, свешиваясь с проводов.

Улыбка исчезла с ее губ.

– Какая разница? – спросила она. – Моя работа – защищать смертных, и я могу делать это, даже если они меня больше не слышат.

– А ты, Даукен? Прекрасные песчаные и горные пейзажи – это ведь все твоих рук дело! Бозжыра, Чарынский каньон, вспоминаешь? А сейчас скажи, нравится тебе за обрами гоняться?

– Работа такая, – хмуро ответил великан. – Нравится-не нравится, это все ерунда. Людей спасаем.

Он без особого усилия вырвал из земли столб и взмахнул им, отшвыривая козлолюдей в небо. От соприкосновения с воздушной стихией они испарились: подземные духи имели больше всего силы (как логично догадаться) под землей, а горные – над землей, поближе к небу.

– А вот и нет! – крикнул мальчишка. – Мы не должны биться за людей! До Завесы у людей был свободный выбор: они могли прислушиваться к подземным духам, а могли – к горным. И защищать они могли себя сами. Мы были голосом разума, верой в лучшее, внезапным вдохновением, чистой энергией творения – а сейчас?

Товарищи угрюмо молчали.

– И поэтому ты решил за спиной у высших взять и помочь шаманке опустить Завесу, так, что ли? – спросила Даяна. – А вдруг этот проклятый пожиратель душ сорель сломает ее прежде?

– Да не сломает, – сказал Арнур с уверенностью, которой не ощущал. – Я ее видел, она девчонка добрая, это точно. Всё, последний!

Он с улюлюканьем хлестнул демона плетью, и тот с негромким вскриком растаял в туманном воздухе. Товарищи остановились и перевели дух. У чильтанов на висках выступил пот: сражаться с демонами становилось все тяжелее, и теперь даже такая мелочь, как козлолюди, отнимала у них силы. Они переглянулись, и каждый почувствовал общую мысль в повисшем молчании. Так больше не могло продолжаться.

– И ты хочешь освободить демонов из-под земли? Они ж высосут всю энергию из людей, друг.

– Эээ, – сказал Арнур. – Мне кажется, вы не совсем понимаете, как работает равновесие. Чуваки, Тенгри создал нас всех – и темных, и нас, и смертных. Мы типа тоже подпитываемся понемногу от людей, а они от нас – ну или так было раньше, до Завесы. Сейчас равновесие сломано, а Верховный с остальными хотят доломать его. Я считаю, это самоубийство.

– Ох, Арнур, – пробормотала расстроенно Даяна.

– Ох, Даяна! – сказал Арнур. – У нас впереди, кстати, обр, так что не расслабляйтесь, чуваки!

Они свернули с главной магистрали в узкую улочку и, стараясь оставаться как можно более незаметными, проникли во двор. Двор как двор – старенькие пятиэтажки советской планировки, а в центре – пластиковые горки кричащих цветов, замерзшая песочница, поломанные качели и перевернутые собаками урны.

Но Арнур, перешедший на истинное зрение, увидел пронизывающую все вокруг тяжелую темно-красную ауру обра.

Отовсюду вверх тянулись разноцветные ленточки следов живых существ и духов – прикоснувшись к одной, можно было на краткое мгновение увидеть того,

кто оставил след, почувствовать его настроение и уловить общую ауру. Обычно демоны обладали слишком слабыми аурами, чтобы уловить их на большом расстоянии, поэтому на охоте чильтаны обычно полагались на следы. По очереди прикасались к каждому и находили нужный.

Даяна по привычке склонилась над темно-красной змейкой, коснулась ее и тут же отдернула руку, словно обжегшись. Игорек недовольно зашипел, и его желтые глаза зажглись каким-то дьявольским огоньком. Арнур с сомнением покосился на кота.

– Послушай, а он точно твой фамильяр, а не какой-то жуткий демон из подземелья Эрлика? – спросил он.

Даяна фыркнула, нежно погладила кота по морщинистому лбу и чмокнула его.

– Заткнись, Арнур, – беззлобно сказала она. – А ты не слушай этого дурака, солнышко мое ненаглядное, мой сладкий Игореша!

Она прижалась к нему щекой, и кот нежно заскрежетал в ответ. Аю фыркнула и с укоризной посмотрела на хозяина, как бы говоря: «Посмотри, как нужно любить своих животных».

– Фу! – поморщился Арнур. – Никогда я так не буду тебя обнимать, я тебе не какая-то слюнявая девчонка!

– Друзья, – вдруг тихо сказал Даукен. – Я чую, аура темного сгущается вокруг нас.

Чильтаны отвлеклись от привычной перепалки и одновременно потянулись к оружию. Наступила самая нелюбимая часть охоты Арнура – битва с противником, по итогу которой кто-то обязательно должен быть уничтоженным. Под ложечкой у него засосало, когда он представил себе беспомощно лежащих Даукена и Даяну на земле, и он решительно дернул себя за косичку.

– Да ну на хрен, – прошептал он тихо, отгоняя страхи.

Духи все тем же строем ринулись к зданию, от которого сильнее всего исходило темно-красное сияние ауры обра.

Темными духами не становились просто так. Обры, например, получались из по-настоящему страшных людей – убийц, насильников, психопатов, и по рангу были выше младших духов, вроде чильтанов. Обры, скорее, относились к демонам среднего ранга – вроде, например, того же Алдара Косе, только гораздо, гораздо злее.

Темно-красное сияние лилось с пятого этажа, так что духи, кивнув друг другу, ринулись по лестнице вверх, а у самой квартиры разделились: Даяна нырнула в стену, Даукен уменьшился и прыгнул в потолок, на крышу, а Арнур с веселым улюлюканьем, нисколько не скрываясь, пошел в лобовую атаку через дверь.

– Всем стоять! – закричал он, оказавшись в коридоре. – Обр, стоять, иначе, клянусь, я размажу тебя по всему измерению!

Горланя, он пробежал по квартире, пытаясь спровоцировать обра. Но демон затаился: мальчишка чувствовал удушающую тяжесть его ауры, но не мог его найти – даже с истинным зрением. Видно, тот догадался, что ему готовят ловушку.

Вот черт.

Квартирка была небольшой, но аккуратной: уютная спальня, гостиная с включенным телевизором, вся посуда в кухне недавно вымыта и сияет чистотой в сушилке. На коричневом диване перед телевизором сидела девочка лет восьми и с увлечением смотрела сериал про фей Винкс.

Арнур быстро коснулся ее макушки, чтобы проверить, не успел ли обр как-то ей навредить. Обры не просто заставляли чувствовать своих жертв безосновательную тревогу, они высасывали из них все жизненные силы, оставляя ровно столько, чтобы хватало на основные жизненные функции.

Но девочка перед ним была абсолютно здорова, если не считать легкого беспокойства на самой периферии ее сознания. Арине было всего шесть лет, и она очень скучала по своему папе Руслану. Он исчез несколько дней назад. Бабуля говорила, что папа сильно болеет, он часто уезжал пожить в больницах, особенно в последние несколько месяцев. Только в этот раз он уехал так надолго, что мама тоже сильно испугалась.

Арнур отнял руку от ее макушки, девочка удивленно вздохнула, и тут вдруг случилось сразу несколько событий. Во-первых, из-под пола с громким ревом выскочил худой бледный мужчина с глазами, налитыми кровью, и кинулся к Арнуру. Во-вторых, Даяна, которая наблюдала за всеми событиями сквозь стену, верхом на лысом коте ворвалась на сцену событий и метнула в обра сразу три браслета. В-третьих, великан спрыул с потолка и загородил собой товарища с девочкой.

Обр заревел, и Даяну с Арнуром отбросило в сторону мощной звуковой волной. Один Даукен остался стоять на месте: он ведь был, по сути, горой с высоким IQ.

– Прочь! – закричал обр. – Уходите!

Даукен потянулся к нему своей ручищей, но демон подпрыгнул, зацепился за потолок и быстро пополз по потолку к малышке, которая осталась сидеть на месте, словно ничего и не происходит. Для нее ничего и не происходило: пока духи дрались, в ее измерении разве что легкий ветерок поднялся.

Великан сбил его с потолка, как муху, и ударил каменным кулаком прямо в скулу. Голова обра дернулась, но он тут же закричал снова – звуковая волна приподняла дива и припечатала его к потолку.

Арнур со стоном поднялся с пола и взглянул на Даяну, без сил лежащую рядом. Он подал ей руку и огляделся.

Даукен не мог двигаться, вжатый в потолок криком, а обр тем временем начал быстро увеличиваться в размерах, всасывая в себя его энергию. Сбоку к нему подбежала Аю и с рычанием вцепилась в руку – ее клыки прокусили плоть, и в воздухе запахло кровью. Обр сильно дернул рукой, и собака отлетела к стене – сильный удар выбил на какое-то из нее дух, и она медленно сползла на пол.

Арнур застонал и схватился за голову: боль тазы отозвалась в его теле эхом. Благородное сердце Игореши не выдержало обиды за Аю, которую он любил чуть больше, чем ненавидел. С жутким мявом он подскочил демону и проехался длинными когтями по его лицу, расцарапывая в кровь. Демон взвыл от боли, на секунду прервав свой крик.

Даяна сняла с руки последние браслеты и кинула в обра так, чтобы пригвоздить его ноги к полу. Арнур хлестнул его плетью, а потом приблизился к нему, стараясь держаться подальше от линии огня, и быстро сунул деревяшку в его рот.

Крик обра захлебнулся. Арнур кинулся к тазы, коснулся ее золотистой шерсти, делясь с ней собственной энергией, и отошел от нее только когда стало понятно, что собака приходит в себя. Даукен, обессиленный, с грохотом упал на ковер – с ним все было в порядке, просто участвовать в битве какое-то время он бы не смог.

Оставалось разобраться с демоном. Чильтаны встали по обе стороны от него, и мальчишка связал его руки своей плетью, так что теперь он не мог ни пошевелиться, ни использовать свою магию.

– Итак, – сказала Даяна. – Ну давай, Арнур, кто из нас его распылит? Или, может, хочешь оставить его в мире смертных – ну а что? Небо простит.

– Ха-ха, – сказал Арнур устало.

Настроения перешучиваться у него больше не было. Тазы все еще лежала на полу, слабо шевелясь, и сердцем он рвался к ней.

– Папа, папа, ты где? – вдруг раздался тихий детский голосок, и обр зарычал, вгрызаясь зубами в деревяшку.

Арнур обернулся: девочка встала с дивана и с напряженным бледненьким личиком вглядывалась в то место на полу, где лежал прибитый к месту демон.

Хм.

Арнур перевел взгляд на демона – те же грустные синие глаза, тот же нос с горбинкой и русые кудрявые волосы. Он задумался, высчитывая что-то в голове.

– Даяна, а что у нас в правилах сказано о распылении семейных демонов? – спросил он у девушки.

– А?

– Ну вот демоны, которые являются единственными кормильцами в семье, – можно ли таких распылять?

Даяна поняла не сразу, но когда до нее дошло, она расширила глаза и уставилась на друга.

– Арнур, – прошептала она, – это же невозможно!

Технически она была не права, это как раз было очень даже возможно. Горные духи набирали новых бойцов из числа смертных, и демоны тоже могли это делать. Им приходилось гораздо труднее, учитывая, что большая часть из них была заточена под землей, и все-таки они могли это делать. До Завесы они пополняли свои ряды таким образом почти постоянно.

Это было возможно, но этого очень-очень давно не происходило. Фактически Арнур не был уверен даже в том, что это вообще происходило со времени появления Завесы.

– Так, – сказал Арнур, уверенно глядя в глаза обру. – Я сейчас вытащу кляп из твоего рта, а ты пообещаешь не кричать, окей? Никто из нас не причинит твоей дочке вреда, ясно?

Обр кивнул, изумленно глядя на чильтанов. Даяна нехотя наклонилась к нему и рывком вытащила деревяшку из его зубов, наверняка вырвав один из них. Едва это произошло, обр раскрыл рот и облил чильтанов грязной руганью.

Даяна швырнула в него серебряное кольцо, и это немного привело его в себя.

– Вы кто такие? – выплюнул демон, тараща на них заплывшие кровью глаза. – Откуда здесь взялись, чего хотите от дочки?! Учтите, если хоть один волосок упадет с ее головы, я вас…

– Чувак, давай без угроз! – сказал Арнур, прищуриваясь. – Мы тут немного не в настроении, если ты не заметил. Мы чильтаны, горные духи. А ты – ты знаешь, кто ты такой?

– В смысле? – спросил мужчина.

– Ну, ты знаешь, что ты – обр, опасный демон, лишаешь смертных вкуса к жизни и питаешься их отчаянием? Типа, в курсе? – уточнил Арнур, жестами описывая то, что именно делают обры.

– Обр? – пробормотал мужчина и вдруг громко застонал. – Ох! Ох, прекратите! Какая боль, боже!

Он задергался в своих путах, его лицо исказила гримаса. Даяна переглянулась с Арнуром. Демонов всегда мучал жуткий голод, незнакомый горным духам. Горные брали энергию напрямую от Священной горы и поэтому вынуждены были туда постоянно возвращаться. Зато подземные питались силой от людей и страдали от боли, если не делали этого.

– А как давно вы обратились? – спросила Даяна. – Как давно вы стали вот таким?

Мужчина открыл глаза, его лицо все еще искажала легкая гримаса.

– Я… я не помню, – ответил он. – Я не понимаю, что происходит. Я был в больнице, мне делали переливание крови, я умирал, – хрипло начал он, – а потом ко мне подошел кто-то… или… или мне приснилось? Ко мне подошел кто-то и предложил – ох! – второй шанс в обмен на пять лет моей оставшейся жизни. Второй шанс побыть с дочкой, вот как он сказал.

Арнур понимающе кивнул и скорчил подруге кислую мину. Темными духами не становились просто так. Иногда они получались из доведенных до отчаяния обычных людей.

– Что со мной происходит?

– Он вас обманул, – как могла мягко сказала Даяна. – Он отнял у вас пять лет жизни и сделал демоном. Чтобы выжить, вам нужно питаться энергией живых.

Она взглянула на его дочку, все еще стоящую перед диваном.

– Папа? – позвала девочка снова.

Ее взгляд скользнул по фигуре отца, и мальчишке показалось, что она, наверное, может его видеть – самую чуточку, очень смутно.

– Вы что, хотите сказать, это я ей могу навредить?

Мужчина переводил взгляд с Даяны на Арнура.

– Что за отвратительным монстром я стану, если причиню вред собственной дочери? – спросил он. – Ох, черт!

В его голосе послышалось искреннее страдание, и сердце мальчишки сжалось. Пока он сражался с монстрами, уничтожать их было несложно: или он, или они – выбор был очевиден. А тут демон бессильно лежал перед ним, больше всего напоминая изможденного смертельной болезнью пациента, и чильтан не мог вынести мысли, что его придется лишить жизни.

Тем более, что тоска девочки по отцу затопила все его существо, и инстинктивно он попытался утешить ее. Как это сделать?

Он лихорадочно огляделся, пытаясь придумать выход из положения. Взгляда Даяны он избегал: ему казалось, он знает, что в нем увидит.

Малышке Арине в любом случае предстояло расти без отца, но, может быть, тот хотя бы сможет приглядывать за ней, невидимый и неслышимый? Идея показалась ему не настолько безумной, как в самом начале, и он решил сказать ее вслух.

– Ну, – начал мальчишка, – понимаете, Тенгри – ну это Богиня Всего или Бог Всего, Ее действительно называют по-разному…

– Арнур! – Даяна попыталась поймать его взгляд.

– И Она создала нас всех – весь мир, людей, темных духов и светлых, и…

– Арнур! – Она наступила ему на ногу, но упрямый мальчишка продолжал:

– И если Она нас всех создала, то в мире должно быть место для нас всех, понимаете? Это правильно. Так и было когда-то. Люди должны иметь свободу выбора, и поэтому давайте…

– Арнур, прекрати! – Даяна схватила его за руку и с силой развернула к себе. – Ты что, с ума сошел? Это демон, Арнур, и он ничего не оставит от своей дочки, даже если он ее очень любит, понимаешь? Мне очень жаль, но мы не сможем помочь вам, – она снова повернулась к мужчине. – Это опасно, а мой напарник слишком наивен, чтобы это признать.

Мужчина кивнул.

– Я не хочу оставаться тут, если это может быть опасным для Арины, – сказал он. – Я и на сделку-то согласился, чтобы просто побыть с ней еще немножко, понимаете? У меня был рак в последней стадии, и почти все время, что она росла, я не мог быть ей нормальным отцом – ни поиграть с ней, ни потанцевать, ни погулять вместе в парке. Столько упущенных возможностей! Я думал, смогу нагнать, но, видимо, не вышло.

Он криво улыбнулся.

– Давайте, чильтаны, делайте свое дело. Распыляйте меня – или как там это называется. Никогда я не стану человеком, который причинит вред родной дочери.

Он зажмурился и вдруг спросил:

– А после этого я что, попаду в ад?

– Эээ, – сказал Арнур. Момент перед распылением всегда был худшим моментом для критики авраамических религий, но он все-таки рискнул сказать: – Никто из нас, на самом деле, не знает, что будет после этого. Может быть, там спрятано третье измерение, а может быть, энергия просто перерождается во что-то новое. Но ада там нет, скорее всего.

– И стоило столько лет верить в это, – пробормотал мужчина.

Арнур кашлянул, с сожалением глядя на него. Даяна со вздохом собрала пригвоздившие его к месту серебряные украшения и произнесла одну короткую фразу.

– Возвращайся к Тенгри, – сказала она на древнем наречии.

И мужчина с коротким вздохом испарился.

Они еще немного постояли на месте молча, а потом переглянулись. Даяна положила ладонь на плечо Арнура и привлекла его к себе в объятия.

– Такой, как ты, мог стать только чильтаном, Арнур, – сказала она ему на ухо. – Но твоя идея утопична. Шаман, который сможет восстановить равновесие в мире, вернуть баланс между людьми, подземными и горными духами, при том, что нет никого, кто смог бы его обучить – ха!

Прежде чем он с досадой отстранился, она добавила:

– Поэтому тебе нужна напарница-реалистка, которая поможет тебе не только найти шаманку, но и не позволит ей уничтожить человечество.

Глава V

Моя

Он держал ее в крепких объятиях, укачивал и приговаривал, пришептывая:

– С-спи…

Иногда ей казалось, что его шепот – просто шум прибоя. Однажды она ездила с папой к настоящему морю – Каспийскому – и унесла оттуда с собой воспоминание о волнах. Она качалась на воде, умиротворенная.

– Ты мое солныш-шко, – говорило море. – Ты теперь моя, ты моя, ты моя.

Она кивала в такт ритму.

Голос утягивал ее все глубже – под воду. Когда она потянулась к поверхности, чтобы вдохнуть воздуха, оказалось, что она тащит наверх что-то гораздо тяжелее своего тела. Наконец она вдохнула полной грудью и открыла глаза.

За плечо ее трясла мама, лицо у нее было какое-то странное.

– Вставай, – сказала она напряженно.

Она встала и с недоумением посмотрела на маму. Она промотала в голове события вчерашней ночи, пытаясь вспомнить, чем могла так ее расстроить, но не смогла ничего отыскать в памяти. Разве что – и взгляд ее метнулся к столу, с которого она вчера вечером убрала сигареты, – разве что она не заметила и оставила где-то пепел?

Мама сложила руки на груди, нахмурилась.

– Озария, мне звонили из твоей школы, – сказала она. – Сказали, ты прогуливаешь уроки.

Озария неверящими глазами уставилась на мать.

– Это было всего раз, – начала она, но мама перебила:

– И еще мне сказали, что твоя успеваемость упала, на уроках ты не слушаешь учителей и все время ссоришься с одноклассницами. Скажи мне, что происходит, а?

Озария отвернулась, чувствуя, как внутри разгорается злость.

– Ничего не происходит, – ответила она негромко и принялась убирать кровать.

– Да что ты говоришь? – сказала мама угрожающе тихим голосом и достала из кармана бычок от сигареты. – Это я нашла утром под столом. Ты что, куришь?

Озария покраснела, опустила голову. Мама зло вздохнула и сказала, все повышая и повышая голос:

– Ты знаешь, что я работаю как проклятая для нас обеих, чтобы обеспечить тебя всем необходимым. У меня болят ноги, болит спина, но я никогда не жалуюсь и делаю то, что должна. И это твое поведение – твоя мне благодарность, что ли?!

– Не знаю, – тихо сказала Озария, взглянув на маму исподлобья. – Мне быть благодарной за то, что ты забыла о моем дне рождения?

Она впервые осмелилась сказать что-то такое маме вслух: до этого она всегда молчала, а тут вдруг почувствовала прилив смелости. Может быть, она действительно взрослеет?

Мама задохнулась от неожиданности.

– Не смей так разговаривать со мной! – сказала она. – У меня был экстренный вызов на работе, и я не могла отказать – я зарабатываю деньги, понимаешь? Ты что думаешь, мне хотелось оставаться там на всю ночь?!

С каждой фразой мама распалялась все больше. Озария покраснела и сказала:

– Ты меня даже не поздравила! Ты вообще помнила, что у меня был день рождения? Хоть кто-то из вас, родители, помнит о такой мелочи, как мой день рождения?!

Мама замолчала, Озария отвернулась от нее, прошагала в ванную и хлопнула дверью изо всех сил. Там она взглянула в зеркало над раковиной и хлестнула себя по щеке так, что на ней вспыхнул уродливый красный след.

– Не смей реветь! – сказала она себе яростно.

А потом принялась одеваться в школу, срывая постиранные вещи с батареи.

Ручка двери повернулась, но не открылась.

– Впусти меня, давай поговорим! – потребовал мамин голос из-за двери.

Озария сжала челюсти и, сверкая глазами, открыла дверь, резко потянув ее на себя.

– Да, Озария, прости, я забыла поздравить тебя вчера, – сказала мама, и лицо у нее было ужасно красным. – Но я работала, я делаю это все ради тебя! Неужели нельзя быть немного более понимающей и благодарной?

– С чего мне быть благодарной?! – взорвалась Озария, сама удивляясь, откуда в ней столько ярости. – Папа ушел из-за тебя!

Сказала – и тут же пожалела. Между ними повисла звенящая тишина. Мама смотрела на нее с изумлением, а потом сжала губы и сузила глаза.

– Ах вот как, – прошептала мама. Губы у нее побелели. – Папа ушел из-за меня, плохой жены и отвратительной матери, так?

Озария молчала.

– Тогда что же папаша к тебе не приходит, а? – спросила она. – Заруби себе на носу, Озария, в твоей жизни только одна я забочусь о тебе! Папе на нас наплевать, он ушел, понятно?

– Это на тебя ему наплевать! – заорала Озария, не в силах больше сдерживаться. – Это *ты* ему больше не нужна! И *мне* ты тоже больше не нужна, злая ведьма!

Она вылетела за дверь квартиры и побежала вниз по ступенькам так быстро, словно по пятам ее преследовал демон из сна.

– Домой не зайдешь, пока не попросишь прощения! – понесся ей вслед крик.

Задыхаясь, девочка выбежала на улицу, глотнула морозный утренний воздух. Сжала зубы так крепко, что заболела челюсть. Глаза жгло и щипало, но она не пролила ни единой слезинки – ни одной. Она опустила пальцы в карман куртки – сла-

ва богу, успела схватить телефон. Пальцы по памяти набрали номер. Папа поднял трубку через десять гудков.

– Привет, принцесса, – произнес он как-то безрадостно.

– Папа, – сказала, задыхаясь, она. – Я очень поссорилась с мамой. Можешь, пожалуйста, приехать и забрать меня?

Несколько секунд в трубке молчали. Наконец папа прочистил горло и нерешительно начал:

– Поссорилась? А из-за чего?

– Я… ну, это неважно, – прохрипела она, вытирая горящее лицо рукавом. – Ты приедешь? Пожалуйста!

– Прямо сейчас? Зайчик, послушай, я сейчас на работе, – судя по изменившимся звукам, папа перешел из общего зала в личный кабинет. – У меня сейчас серьезные переговоры с клиентом, они многое значат для меня. Я уверен, что вы с мамой помиритесь! – Озария хотела его перебить, но он не давал вставить ей ни слова. Тон его с мягкого и почти просительного сменился на строгий. – Солнышко, ты же знаешь, как мы оба тебя любим. Нам всем сейчас тяжело, но ведь ты уже взрослая и сама это понимаешь, да?

Внезапное воспоминание о ночном сне мелькнуло в голове Озарии.

– Пап, почему ты вчера ко мне не приехал?

– Что?

– Ну, ты обещаешь все время, что приедешь, и не приезжаешь. Ты, наверное, просто пытаешься нас забыть, да?

Голова кружилась. Она прислушалась к молчанию в трубке, интуитивно догадываясь – она права. Выходит, сон был пророческим, подумала она с яростью.

– Нет, Озария, я просто… Я просто не успел вчера приехать, – сказал папа. – А что касается Марал, я ведь тебе объяснил, что она заболела. Неужели мы будем иметь этот разговор снова?

Озария вдруг четко поняла, что он просто не хочет приезжать. Мама была права. Отцу не было до нее никакого дела с тех пор, как он ушел. Они виделись все реже и реже, а в последний раз они встречались два месяца назад, и то ненадолго – только сходили в кино на какой-то дурацкий мультфильм вместе. Почти не говорили. Все остальное время они общались только по телефону, и у папы все равно были какие-то причины не видеться с ней – то работа, то времени не было, то Марал болела или внимания требовала его новая жена.

И только Озария никогда не была в приоритете.

– Принцесса? – тревожно повторил папа в трубку.

Ей вдруг стало противно от всего этого.

– Никакая я тебе не принцесса, – сказала она. – Мама права, я тебе просто больше не нужна.

Она сбросила звонок и поставила телефон на беззвучный режим. Вообще-то ей очень хотелось швырнуть телефон оземь, но она не стала этого делать. Просто сунула его в карман.

Она подняла мокрое от слез лицо к небу и уставилась в него, постепенно успо-

каиваясь. Идти ей теперь было некуда: мама ее ненавидит, папе она не нужна. Почему бы не пойти в школу?

Она попыталась было сдвинуться с места, только ноги как будто приросли к месту. Взгляд, словно намагниченный, был направлен вверх. Там, в небе, которое казалось безграничным, она мысленно соединяла белые островки облаков в узоры и таинственные символы.

Рукой она потянулась в задний карман джинсов и нащупала там знакомую прохладу складного ножа. Что-то ей напоминала эта синева с белыми барашками. Девочка закачалась, послушная волне расслабления, накатившей на тело. В ушах ее послышался далекий шум прибоя. Небо задвигалось над ней, оно то приближалось, то откатывалось назад, чтобы замереть и снова набежать на берег.

В ушах стучала кровь. Этот же ритм раздавался у нее в груди, в самом сердце.

В этом же ритме пульсировала синева над ней.

Озария, Озария, Озария.

Резко взвизгнули шины, Озария почувствовала сильный толчок и упала на спину. Перед ней высился бампер автомобиля, едва не сбившего ее.

– Смотри, куда идешь! – заорал водитель, высунув голову из-за стекла. – Совсем подростки сдурели, – проворчал он как бы себе под нос, ожидая, пока она поднимется на ноги и уберется с дороги.

Девочка встала и молча отошла в сторону. Она же только что стояла у подъезда своего дома, как она оказалась уже у самой дороги? В ледяной ладони был крепко зажат нож – едва осознав это, она разжала пальцы и сунула его в карман брюк, пока никто не увидел.

Девочка моргнула, отгоняя странное наваждение, отряхнулась и прошла за школьные ворота.

В коридорах, как всегда по утрам, толпились ученики всех возрастов, пытаясь поскорее попасть в свой кабинет. Они шушукались и пересмеивались между собой, и девочке казалось, что все смеются над ней. Выглядела она ужасно: нелепый ежик волос на макушке, мятая рубашка, домашние джинсы и красное, как помидор, лицо. Да и Мадина вряд ли промолчала о вчерашней стычке – наверняка уже всем рассказала.

В обычный день это ужасно расстроило бы Озарию, но сегодня Мадина была меньшей из ее проблем. В конце концов, так ли страшно оказаться быть причиной для насмешек в школе, когда от тебя отворачиваются родители?

Первым уроком была история, учитель рассказывал что-то о древних шаманах великой степи, но она не слушала его. Сосредоточиться было трудно: то и дело она возвращалась к разговору с отцом или ссоре с матерью. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, она стала думать о своем новом ноже. Мысли ее бродили вокруг странного сна, который она видела ночью, и Полуночника – этого демона, который сказал, что нож – это его ей подарок.

Несколько раз она ловила себя на том, что снова тянется достать его из кармана, и каждый раз останавливалась в последний момент.

– Шаманы или баксы входили в своеобразный транс, –голос учителя донесся до

нее, как из-под слоя ваты. – И в этом измененном состоянии сознания проникали за ткань материального мира. Там им открывался мир духов.

Кончиком пальца она провела по лезвию.

Что же там во сне сказал ей Полуночник? Что он поможет ей вернуть маму с папой. Она зарылась ладонью в волосы, наткнулась на ежик и с отвращением отдернула руку.

– Классная прическа, – шепнула сзади нее Мадина.

Озария вздрогнула от звука ее голоса и обернулась.

– Берегись, она бешеная, – сказала на ухо Мадине ее белобрысая подружка, и они обе прыснули со смеху.

Озария отвернулась, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Нож в кармане она сжала с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Интересно, что сделала бы Мадина, если бы она взяла и воткнула его в ее руку?

– Эй, а ты чего такая зареванная? – прошептал кто-то сбоку. – Че, в зеркало, что ли, в первый раз посмотрела?

Снова хихиканье. Озария постаралась вернуться к мыслям о ноже, Полуночнике и его словах. Что же он сказал? Что она ему нужна – а дальше?

– Выглядишь, как детдомовская, – прошептала Мадина. – А ты случайно не из дедтдома, а, Озария? Такая же занюханная. И отец от вас как раз ушел, может, и мамуля твоя тоже скоро решит, что ты ей жизнь портишь?

Все произошло так быстро, что она и сама не поняла, как все случилось и что на нее нашло. Она всегда считала себя человеком, не способным на жестокость, но от слов Мадины в ней что-то щелкнуло. Рука, сжимающая нож, как в замедленной съемке понеслась к вытянутой на столе ладони – лезвие, не коснувшись кожи, со стуком вонзилось в столешницу в паре миллиметров от пальцев Мадины.

– Сумасшедшая! – завизжала та, вскакивая со стула. – Уберите ее от меня, у нее нож!

Подружки подбежали к Мадине, обступили ее и взволнованно заговорили все разом. В классе поднялся гул, десяток глаз обратились к Озарии, лица одноклассников казались враждебными, испуганными, злыми.

Девочка взглянула на учителя, который угрожающе высился над ней.

– Марш к директору! – прошипел тот, рывком поднимая ее с места.

Озария сидела в кабинете директора, уставившись в глаза президента с картины в золотой раме на стене. Директор, мужчина с абсолютно седой головой и белыми усами, мерил кабинет ногами, взволнованно расхаживая из конца в конец. Он все спрашивал у нее, зачем она принесла в школу нож, с какой целью, но она не могла ответить ему ничего, кроме того, что нож просто оказался у нее в кармане.

Наконец он остановился, заглянул ей в глаза и со вздохом произнес:

– Мне пришлось вызвать школьного инспектора. Озария, ты принесла в школу нож! У меня в голове не укладывается – зачем?

Озария пожала плечами, сохраняя равнодушное выражение лица. В голове ее вихрем носились мысли.

В дверь постучали, заглянула секретарша.

– Мади Имантауйлы, приехала тетя девочки. Просит забрать ее – говорит, это плохая атмосфера для ребенка.

– Да? – саркастично спросил директор. – А с инспектором мне что делать?

Секретарша проскользнула в кабинет, что зашептала на ухо директору, кидая многозначительные взгляды на девочку. Озария разобрала что-то похожее на «сложная семейная ситуация» и «родители в процессе развода». Вслух она произнесла:

– А инспектор, сказали, не приедет. У него сегодня рыбалка с коллегами. Завтра, может быть, приедет к нам.

Озарию отпустили. Она вышла из кабинета директора, неожиданно столкнувшись у входа с Асией. Вид у той был какой-то странный. Она воровато огляделась вокруг, а потом быстро вложила в руку Озарии знакомый металлический предмет – складной ножик.

– Слушай, прости, – пробормотала она тихо, не глядя ей в глаза. – Это я сказала географу, что Мадина курит в школе. Она решила, что это была ты, и взъелась. Прости, ладно?

Не успела Озария ответить, как бывшая подружка шмыгнула мимо нее в коридор и скрылась за поворотом. Девочка задумчиво сжала ножик и положила его в задний карман – уже почти законное его место.

Она быстро оделась в гардеробной и спустилась вниз по лестнице ко входу, у которого ее ожидали.

– Нет! – громко сказала Озария, с яростью глядя на красивую женщину в дорогой меховой парке. – С тобой я не поеду!

Она попыталась пройти мимо нее, но Алуа схватила ее за руку и крепко сжала.

– Не глупи! – сказала она. – Я приехала, потому что меня попросил Галым. Он звонил тебе несколько раз сегодня, хотел поговорить. Пойдем, я отвезу тебя домой и заодно обсудим кое-что, ладно?

Озария посмотрела на нее молча, от души надеясь, что у нее на ее лице написано все, что она думает о женщине, которая увела у них папу. Но все же послушно вышла за ней и села на переднее сидение машины. Делать ей больше было все равно нечего, так что можно было и послушать, что она скажет.

– Куда ехать? – спросила Алуа.

И хотя Озария могла бы назвать ей домашний адрес, возвращаться туда сегодня ей нисколько не хотелось. Она назвала апашкин адрес – та жила в десяти минутах езды от школы.

Алуа завела мотор, и они выехали из школьного двора. Озария молчала, женщина поначалу тоже, хотя несколько раз девочка ловила на себе ее взгляд. Наконец она произнесла, осторожно подбирая слова:

– Мне кажется, нам необходимо обсудить сложившуюся ситуацию и зарыть топор войны между нами, Озария.

Вот так-так! Девочка быстро взглянула на нее и снова отвернулась к дороге. Хотя она уже несколько раз видела новую папину жену и знала, как она выглядит, они никогда не общались.

– Не о чем нам говорить, – сказала она хмуро.

– Я знаю, что ты, наверное, меня ненавидишь, – начала Алуа.

– Ты не ошиблась, – процедила Озария сквозь зубы.

– Но я хочу, чтобы ты знала: я не желаю тебе ничего, кроме самого хорошего, Озария. У меня тоже есть дочка, которой однажды тоже исполнится тринадцать лет, и я надеюсь, что кто-нибудь попытается поговорить с ней так же, как я сейчас хочу поговорить с тобой.

Озария поняла, что начинает злиться. Она сжала руки в кулаки и напряженно уставилась на черный асфальт под колесами машины.

Дышать, напомнила она себе, потому что горло словно обхватили ледяной рукой. Дышать, дышать.

– Вы желаете дочери, чтобы новая любовница отца говорила с ней по душам после того, как отец о ней забудет? – спросила Озария, от злости снова сбиваясь на вежливое «вы».

А ведь она специально тыкала ей, подчеркивая свое неуважение.

– Нет, я… О боже, наверное, тут ты права, – Алуа вздохнула, мягко повернула руль вправо, и машина плавно покатилась по проезжей части. Я просто хочу тебе сказать, Озария, что ты не видишь полной картины происходящего. Я понимаю, ты не согласна, но дай мне договорить. Твой папа очень тебя любит и, разумеется, нисколько тебя не забыл, он просто… Он не очень взрослый человек, несмотря на свой возраст, Озария, и он просто боится.

Озария закусила губу – услышав слово «папа», она мгновенно почувствовала, как в уголках глаз собираются слезы. Как же больно! Ей вспомнилось видение из сна, и сердце сжалось в груди.

– Он был так расстроен утренним разговором с тобой, что не мог сосредоточиться на сделке – и она сорвалась.

Девочка почувствовала жалость к папе, но тут же ощетинилась.

– Почему он мне сам тогда не позвонил? – спросила она ожесточенно. – Почему сам не приехал, не забрал меня из школы? Почему это делаешь ты – человек, которого я меньше всего хочу видеть?!

В конце она почти сорвалась на крик, и Алуа посмотрела на нее. Жалея, что так поддалась эмоциям при ней, Озария запахнула на себе поплотнее куртку и открыла окно.

Над ней висело необъятное синее небо.

– Твоя мама не хочет, чтобы вы продолжали общаться, – сказала Алуа тихим спокойным голосом.

Озария в этот момент ненавидела этот голос – глубокий, грудной. Такой, наверное, называют сексуальным.

– Она считает, что это на тебя плохо влияет. Но я считаю, что такой разрыв между семьями никому не пойдет на пользу. Ни нам с Марал, ни тебе с мамой, ни тем более Галыму.

– Разрыв? – повторила Озария. Сердце у нее в груди заколотилось, как бешеное, и кровь прилила к лицу. – Разрыв произошел из-за тебя и из-за твоей дурацкой дочки, это вы в нем виноваты! – она снова сорвалась на крик. – У меня была нормальная семья до вас, а теперь у меня нет семьи!

– Успокойся, – сказала женщина.

Озария поняла, что Алуа контролирует ситуацию, и это разозлило ее еще сильнее. Ей захотелось задеть ее побольнее, заставить ее потерять контроль над эмоциями. Ей еще никогда и ни с кем не хотелось так сильно поругаться.

– Мой папа всегда любил мою маму, – сказала Озария, пожирая взглядом женщину. – И он все еще любит ее! Он бросит тебя и уйдет к ней, потому что ты никогда не сможешь сделать его счастливым. Такие, как ты, разукрашенные куклы никогда по-настоящему не интересуют мужчин, вы для них всего лишь развлечение! И мне жаль, что я не увижу, как ты и твоя мерзкая дочка будете заливаться в три ручья, когда он от вас уйдет.

Она говорила и говорила, пока не почувствовала, что наконец сумела ее задеть, действуя на каких-то инстинктах – совсем как акула, почуявшая кровь в воде. Она не чувствовала вины за свои слова, она вообще ничего не чувствовала, кроме ярости, которая расцвела в ее груди пышным цветом.

– Да что с тобой такое? – изумленно спросила Алуа, оторвав на секунду взгляд от дороги.

– Что со мной такое?! – заорала Озария. – Это что с тобой такое?!

Алуа повернула бледное лицо с крепко стиснутыми челюстями к девочке.

– А ты никогда не думала, что в этом виновата не я, а твоя мамаша?! – спросила она звенящим от ярости голосом. – Она же просто душила его своим контролем! Ни один человек такого не выдержит, вот и ты тоже с ума сходишь, на одноклассниц в школе бросаешься с ножом! И если ты думаешь, что он был с ней счастлив, ты сильно ошибаешься, девочка моя!

– Ты отобрала у меня родителей! – закричала Озария, не слушая ее. Вены на ее шее вздулись. – Чтоб ты сдохла! Чтоб ты и твоя ненаглядная Марал обе сдохли!

Машину занесло на резком повороте, Озария ударилась боком о дверцу и охнула от неожиданности.

– Выметайся, – ледяным тоном произнесла Алуа, глядя на нее почерневшими от затопивших радужку зрачков глазами. – Отсюда до дома твоей бабушки недалеко.

– С радостью! – заорала Озария, пинком открывая дверцу машины и с яростью дергая за собой рюкзак.

На заиндевевшую землю посыпались учебники.

– Шлюха! – крикнула она ей вслед.

Женщина больше ничего ей не ответила, вообще-то она на нее даже не смотрела. Дверь закрылась, пара секунд – и машина с визгом вылетела из двора.

Несколько секунд она тупо пялилась ей вслед, а потом из ее груди вырвалось странное полурыдание-полувскрик. Трясущимися руками она принялась собирать учебники в рюкзак, чувствуя на себе взгляды прохожих.

Потом огляделась – Алуа действительно привезла ее почти к самому бабушкиному дому, только идти туда ей не хотелось. Домой к отцу идти было нечего и думать: она назвала его новую жену шлюхой, а его дочке пожелала сдохнуть. А одна мысль о том, чтобы вернуться домой к маме, вызвала у нее приступ тошноты.

Озария пересчитала мелочь в кармане. На автобус за город хватит. А потом? Ничего, что-нибудь придумает. Ей ведь уже тринадцать.

Девочка дошла до главной городской автомагистрали, дождалась нужного автобуса и села, почти сразу отвернувшись к окну.

Все повторилось, как в первый раз, только гораздо сильнее, яростнее, словно что-то рвалось из нее наружу. В ушах застучал знакомый напев, запульсировала в быстром ритме синева, снова по ней расплылись узоры, снова девочка перестала понимать, кто она и что она – осталось одно только синее небо.

Озария.

Озария.

Озария.

День, наполненный ссорами, криками и насилием, остался далеко позади. Она успокоилась, задышала ровнее и сама не заметила, как задремала. Очнулась она от того, что кто-то тряс ее за плечо.

– Конечная, – сказал водитель, с улыбкой глядя на нее сверху вниз.

Озария сонно кивнула ему, вышла из автобуса и обнаружила себя в открытом поле. Город остался далеко позади: тут было тихо и пустынно. Ни деревьев, ни кустов, ни людей – только изредка по дороге проезжали машины, да кое-где вдалеке вился дым из печных труб.

Автобус с фырчанием развернулся и уехал.

Озария пошла вперед, продолжая глядеть в небо.

Когда у самых ее ног снова взвизгнули шины, она почти не обратила на это внимания. Если бы не голос, прозвучавший из салона старой колымаги, она просто бы пошла дальше.

– Эй! – сказал ей водитель. – Не следует тебе одной гулять в таком месте! Тебе куда?

Она назвала адрес, который запомнила еще в прошлый приезд.

– Садись, подвезу, – сказал мужчина, улыбаясь.

Запели барабаны. Оглушенная, с трудом понимая, что происходит, Озария молча села на заднее сиденье и положила рюкзак на колени.

– Красивая у тебя шапочка, – сказал мужчина, глядя на нее все с той же улыбкой в зеркало. – Красная такая.

Озария пожала плечами.

– И волосы красивые, – продолжил задумчиво мужчина.

Мужчина засвистел какую-то простенькую мелодию. Они проехали еще немного, остановились у разрушенной остановки, и машина завернула за нее так, что с дороги увидеть ее было невозможно. Что-то страшное должно было вот-вот с ней произойти, поняла вдруг девочка и внутренне похолодела.

Она быстро потянулась к двери, дернула за ручку, но та не поддалась – мужчина успел ее заблокировать.

– Не советую, – сказал он, обернулся и оценивающе на нее посмотрел. – Кричать можешь сколько угодно, здесь тебя никто не услышит. Но я надеюсь, что кричать ты не будешь, потому что ты разумная девочка, да?

Озария продолжала смотреть на небо, внешне оставаясь абсолютно безучастной к происходящему. Живот превратился в камень, руки похолодели, и она замерла на заднем сиденье, как мышка замирает перед удавом.

– Тебя родители не учили, что не стоит одной гулять по безлюдным местам? – спросил он.

Она почувствовала, как рукой он прикасается к ее волосам, снимает красную шапку с ее головы. Ей было очень страшно, но синева держала ее взгляд, не давая отвернуться. То, чему суждено было произойти, должно произойти.

– Не дергайся, ты поняла? Не то тебе же хуже будет.

Синева мигнула в последний раз. Пора, поняла девочка. Она потянулась к заднему карману, сжала ножик, а потом кивнула, позволяя глазам наполниться слезами.

– Хорошо.

Но как только он потянулся к ней руками, она раскрыла нож и ударила его крошечным лезвием в щеку. Мужчина заорал и ударил ее в ответ по лицу.

Картинка перед ее глазами подернулась туманом, все поплыло, но ей показалось, что на переднем сиденье она кого-то видит. Монстр из ее сна, в глубине капюшона которого сверкали красные огоньки.

– Полуночник! – заорала она. – Полуночник, помоги!

Когда она его позвала, он перенесся на заднее сиденье и прикоснулся к ее плечу.

– Не бойс-ся, – прошелестел он.

Мужчина, казалось, никого не заметил. Он снова ринулся на Озарию, навалился на нее всей тяжестью тела и придавил к сиденью.

– Сопротивляться вздумала? – гаркнул он, сдавливая ее шею.

Озария захрипела, заскребла ногтями по обивке.

– Помоги… – с трудом позвала она Полуночника.

Но она знала, что он не сможет ей помочь: Полуночник был всего лишь бесплотным духом. Она знала это, потому что об этом ей сказало Небо. Как сказало оно ей и о том, что теперь должно было произойти и для чего ей необходимо было копить силы.

Воздуха в легких оставалось все меньше – мужчина душил ее по-настоящему. Она чувствовала, что слабеет с каждой секундой, но продолжала отчаянно сопротивляться.

– Глупая девчонка, – прорычал ей на ухо он.

Озария опустила руку, вслепую зашарила по полу и вдруг почувствовала знакомый холод лезвия кончиками пальцев. Она подтянула нож к себе. Чувствуя, как сознание выскальзывает из нее, из последних сил совершила быстрое движение и вонзила нож в бок мужчины.

Он завыл и отпустил ее, прижимая обе руки к кровавой ране подмышкой. Озария с облегчением вдохнула воздух и подняла взгляд вверх – на Полуночника. Тот с широкой улыбкой сидел на том же месте и наблюдал за ней.

– Дверь, – хрипло выдохнула она.

Он улыбнулся еще шире и прикоснулся к проему – дверь со скрежетом распахнулась, и девочка вывалилась наружу, задыхаясь от кашля и жадно глотая воздух.

– Я убью тебя, сука! – злобно закричал мужчина, глядя на нее из раскрытой двери машины.

– Полуночник, ну помоги же мне! – попросила Озария в третий раз, пытаясь подняться на ноги. – Помоги мне!

Она вытянула руку, и черная рука с длинными когтистыми пальцами крепко схватилась за нее. Мужчина, выползший из машины через открытую Озарией дверь, поднял голову и изумленно уставился на высокий черный силуэт перед собой.

– Ты еще кто такой? – спросил он.

Полуночник склонился над человеком, и улыбка его стала еще шире, обнажая ряд острых белых зубов.

– *Она моя*, – сказал он, раскрывая огромную пасть.

Глава VI

Смертные

Колокольчик на двери весело зазвенел, когда в кофейню вошла троица – два парня лет 13 и девочка примерно того же возраста. Они сели за столик у окна, тот, что был в очках, понуро сгорбился, а девочка повернулась к нему, продолжая разговор:

– Ну, что вчера было-то?

Очкарик поморщился.

– Да у бати совсем крыша поехала. Постоянно ко мне цепляется, задрал уже. «Че ты, как педик, одеваешься», говорит, «может, еще с парнем встречаться начнешь» и бла-бла-бла.

Он тряхнул головой, так что челка упала на глаза, и замолчал. Ребята посмотрели на него сочувствующе. Другой парнишка почесал в затылке и сказал задумчиво:

– Да-а, чувак, понимаю. Помню, мой папаша таким же был. Вечно придирался к моей осанке и тактике ближнего боя. «Че руку, как женщина, повесил, тверже саблю держи» или вот еще – «да какой из тебя правитель получится, вечно нюни развесишь и ходишь!»

– А может, ты скажешь ему, что ты так самовыражаешься? Что твой стиль – это продолжение тебя? – спросила девочка, кусая губу.

Очкарик вытаращил на нее глаза:

– Кама, ты че, с дуба рухнула?! Мой батя и слов таких не знает! Да он скорее с вертухи мне вмажет, чем выслушает – просто за то, что че-то отвечаю. Для него это дерзость.

– Хм, – сказала Кама.

Как ребенку родителей, которые не пользовались физическим насилием как методом воспитания, ей было сложно представить, что взрослый мужчина может всерьез угрожать битьем родному сыну только за то, что тот как-то не так одевается.

– А мама что говорит? – спросила она, чуть подумав. – Маме рассказывал?

– Да рассказывал, но ей не до этого. Да и потом не настолько всерьез батя бьет, чтобы что-то делать. Он так, больше угрожает, – парнишка пожал плечами. Было видно, что к угрозам он привык и они его больше не задевали. – Но вчера было жестко. Смотри, – он приподнял прядь волос над левым ухом и повернулся к девочке. В мочке красовалась некрасивая рваная рана с запекшейся внутри кровью, а ухо выглядело воспаленным.

Девочка ахнула и испуганно посмотрела на друга.

– Ты в порядке? – спросила она. – Это он сделал? Он что, больной?

– Все взрослые немного больны, – философски отметил другой мальчишка.

– Я всегда по вечерам посуду мою, но вчера у меня реально не было настроения. Дай, думаю, поиграю, может, появится. Сел, начал придумывать новую песню и не заметил, как он вернулся. А он с ходу стал орать. Потом увидел у меня серьгу в ухе – я ему про нее не рассказывал. Совсем взбесился, взял и вырвал ее. Кровищи было… – он криво улыбнулся и снова спрятал рану за волосами. – Он потом извинился, конечно, но все равно – сказал, что послужит уроком. И серьгу выкинул.

– Ого! – сказала она. – Ох, ну и ну! Вот козел!

– Ага, – безрадостно согласился он. – Но такой уж мой батя. Серьгу жалко. Я специально брал с подвеской в виде огонька. Ну типа, чтоб сказать – во мне есть огонек, понимаешь?

– Чувак, – сказал второй мальчишка, вместив в одно слово все невыразимые эмоции. – Сочувствую.

Он похлопал парнишку по руке, вздохнул и вдруг хитро ухмыльнулся.

– Угадай, кто присутствовал при всей этой сцене, спер 10 тысяч из кошелька твоего бати и серьгу спас из мусорки? Я дам тебе подсказку! – он показал два больших пальца и гордо ткнул себя ими в грудь. – Это герой по имени Арнур!

Он кашлянул, жестом фокусника вытянул из кармана джинсов серьгу с подвеской и банкноту, а потом аккуратно положил их в карман куртки мальчишки. Как только он отпустил их, предметы тут же материализовались в человеческом измерении.

Парнишка ни о чем не догадывался – он продолжал горбиться и грустно пялиться в окно, пока подруга пыталась увлечь его веселым разговором. Но когда Алдик в следующий раз полезет в карман, он найдет там маленький сюрприз для себя, и это точно поправит ему настроение.

Арнур, очень довольный собой, откинулся на спинку стула и закинул ноги на стол. Как же он был хорош! А папаша Алдика и не заметит пропажи купюры, потому что вместе с деньгами он утащил у него весь кошелек и телефон в придачу – тот, скорее всего, решит что его ограбили где-нибудь в магазине, а у Арнура теперь появился телефон. Так что все закончилось благополучно.

– Эй, псс, Арнур, – услышал мальчишка возле уха.

Он обернулся к окну и нос к носу столкнулся с Даяной, которая просунула голову сквозь стекло.

– Что, опять играешь в мать Терезу для смертных?

– А ты что, опять… опять, эээ… – он замолчал, тщетно пытаясь придумать ей достойный ответ.

Даяна приподняла бровь.

– Остроумно, – сказала она наконец, и Арнур разочарованно вздохнул. – Арнур, пойдем, Даукен нас ждет.

Даукен действительно ждал их – в парке, у высоких елей, потому что дух природы лучше всего себя чувствовал в непосредственной близости к ней. Он еще не полностью пришел в себя после схватки с обром. Как только Арнур с Даяной спешились и отпустили своих фамильяров погулять (или скорее подраться), он поднялся из позы лотоса и приветственно махнул им рукой.

– Че там? – спросил Арнур. – Нашел что-нибудь?

Они втроем должны были добыть побольше информации об Озарии, чтобы найти ее как можно скорее – и желательно до того, как ее найдут горные или подземные духи. Так как они ничего не знали о ней, кроме ее имени и школы, в которой она училась, логично было начать поиски оттуда.

Даукен раскрыл ноутбук, который в его ручищах казался крошечной игрушкой, и сказал:

– Нет. Озария – редкое имя! Гугл ничего не нашел по этому запросу, зато смотрите, как много видео с котятами он предложил мне вместо этого!

Он с умилением взглянул на экран.

– Очень мило, Даукен, – осторожно согласилась Даяна. – Озария, действительно, редкое имя, поэтому я быстро нашла ее в Большой Книге Смертных в нашей библиотеке. Итак, отец – Кудайберген Галым, мать – Рахимжанова (до замужества) Дильда, двенадцать лет брака, два года в разводе. Дочь живет с матерью. Ходит в среднюю школу №56. С утра она пропала, ушла в школу и не вернулась. Никто не знает, куда она ушла. Полиция не начнет поиски до трех суток, пока родители ищут ее своими силами.

– Хм, – сказал Арнур. – Даже если до нее добрался кто-то из демонов, я уверен, мы сможем ее найти. Вы только выслушайте, что я узнал! Я побывал дома у ее отца, и узнал вот что: он – полный козел.

И он улыбнулся. Даяна приподняла брови.

– Арнур, мы не оцениваем смертных, – сказала она. – Они все совершают ошибки, все бывают жестоки, но такова смертная жизнь и таковы смертные.

– Хорошо, – покорно согласился Арнур. – Тогда ее отец – одна большая жестокая ошибка. Я его не оцениваю, я говорю по факту! И если она в итоге станет злым оверлордом под влиянием демонов, в этом будет виноват он.

Даяна закатила глаза.

– А что-то конкретное ты узнал?

– Да! Итак, когда Озарии было шесть лет, Галым завел интрижку на стороне с коллегой – Алуа. У них родилась дочь, которую они назвали Марал и которой сейчас шесть лет. Когда Озарии исполнилось одиннадцать, он решил, что пора поменять семью на позднюю модель и ушел к Алуа. Ну разве он не козел?

– Нет, это просто ты испытываешь слабость к драматическим поворотам в жизни людей, – сказала Даяна. – Люди такие, какие есть, и глупо ожидать от них безукоризненной морали. Я права, Даукен?

Даукен помялся.

– Я не знаю, – признался он. – Я не по людям, я больше по ландшафтам, по горам, по деревцам…

– Да я просто делаю ту работу, на которую согласился, – возразил мальчишка. – Я защищаю интересы детей!

– Иной раз взглянешь на дерево и чувствуешь, что его время совсем близко. Я тогда, хоть это и не моя работа больше, все равно подхожу и обнимаю его, обнимаю, чтобы ему не было так одиноко, понимаете…

– Ты слишком вовлекаешься, –мягко Даяна сказала Даукену. – Ты же чильтан, Арнур, где твоя беспристрастность? Мы не оцениваем людей, чтобы помогать им одинаково. Если оценивать их, можно решить в итоге, что кто-то заслуживает помощи больше, чем другой, а это самообман.

– Особенно весной хорошо, всё цветет, пахнет, зеленеет! Воистину, это чудо от Бога Всего, – продолжал бубнить себе под нос Даукен.

– Ох, Даяна! – воскликнул Арнур. – Не занудствуй! Я тебя старше, и я лучше знаю, что к чему!

В каком-то смысле это было правдой: он был старше ее на сотню лет. В каком-то другом смысле, который Арнур старательно игнорировал, она была старше него, потому что стала чильтанкой, когда ей было уже пятнадцать. Духи навсегда застревали в том возрасте, в котором стали духами, – они могли только накапливать знания и опыт.

– Итак, я предлагаю попробовать отыскать ее из двух точек: из школы, в которой ее видели в последний раз, и из дома, откуда она ушла утром. А вдруг там есть что-то, что укажет на ее местоположение? Арнур, мне кажется, по ее следу должен пойти ты – это все-таки была твоя идея. Даукен, значит, ты попробуешь поискать что-нибудь интересное у нее дома, понял? Я тебе помогу.

Даукен кивнул.

– Вообще-то, – сказал негромко Арнур, – вообще-то я бы предпочел, чтобы ты пошла со мной. То есть, ну, если, ну, ты типа не против. Потому что, – торопливо прибавил он, – ты очень хороша в чтении следов и все такое.

Даяна кивнула, а великан игриво подмигнул другу поверх ее головы. Мальчишка сунул руки в карманы и сделал непроницаемое лицо.

– Будь на связи, чувак, – сказал он другу.

Тот кивнул. Великаны, как младшие духи природы, не нуждались в костылях в виде сотовых телефонов для общения, в отличие от чильтанов. В случае чего, они могли отправить сообщение на любое расстояние – при условии, что там будут деревья, трава или хотя бы какие-то чахлые кустики. Это называлось «пустить шепот» и тактически отличалось от пускания шептунов.

Однажды Даукен предупредил какого-то хана о том, что на его стоянку надвигается вражеская армия, с помощью полыни, которой заросла вся степь, и так обеспечил ему победу в битве – о чем не переставал рассказывать при каждом удобном случае.

– Я сообщу вам, если что-нибудь узнаю, – пообещал он.

Арнур взглянул на школу еще раз и поморщился.

– Ненавижу школы, – буркнул он, с неохотой слезая с Аю. – Нагнетают.

– О Небо, Арнур! – Даяна закатила глаза, нежно поцеловала лысого кота в розовый нос и отпустила взмахом руки. – Тебе ведь не приходилось никогда там учиться по-настоящему!

– Еще как приходилось! Просто мои учителя использовали физическое насилие, – ответил мальчишка, почесывая нос, – а эти – психологическое.

– Ох, Арнур! – она раздраженно цыкнула и прошла сквозь стеклянные двери школы, не дожидаясь друга.

Мальчишка прикоснулся к деревянной рукояти плети для храбрости и вошел внутрь вслед за ней. Здесь они разделились ненадолго, и Арнур, привычно перескочив на истинное зрение, пробежался по верхним этажам, пока она оглядывала два нижних.

Он не заметил ничего подозрительного и уже хотел поворачивать обратно, к Даяне, когда увидел черное пульсирующее облако воздействия возле одной из школьниц. Воздействие было своеобразным мелким мороком, которым пользовались демоны: именно оно заставляло смертных вспоминать о подавленных чувствах и действовать согласно им. Воздействие высвобождало огромный запас энергии, которым питались демоны.

Только энергия этой девочки была не тронута. Арнур пригляделся к ней повнимательнее и вдруг уловил едва заметный запах мокрой земли.

– Ага! – громко сказал он, опережая собственную мысль.

Догадка еще не сформировалась, но он уже почувствовал ее потенциал для расследования. А потом вдруг понял: на девочку воздействовали, скорее всего, для того, чтобы манипулировать Озарией через нее. Он повертелся еще немного, послушал разговор девчонки с остальными, и теория подтвердилась: она была одноклассницей шаманки, ужасной задавалой, а еще Озария на нее напала с ножом как раз перед тем, как исчезнуть.

Тут, правда, дело могло быть не в воздействии, а просто в отвратительном характере одноклассницы. И все-таки запомнить это стоило.

Когда они снова встретились с Даяной перед школой, он рассказал ей об этом. Та быстро кивнула:

– Я тоже считаю, что это дело рук сореля. Его следов тут почти нет, но возле школы и я почувствовала эту тяжелую ауру. Мне кажется, он пытается ее сломать.

Они переглянулись.

– Как быстро сверхъестественная задница, которой точно больше столетия, сможет обвести вокруг пальца тринадцатилетнюю девчонку с родителями-идиотами? – спросил Арнур с невеселой ухмылкой.

– Ну, если мы не поторопимся, – скоро, – сухо ответила чильтанка.

Арнур коротко свистнул, и на его зов тут же примчалась борзая с золотистой шерстью. Она гордо прогарцевала перед ним на тонких лапах, напоминая дорогого скакуна, а потом принюхалась к мокрому после подтаявшего снега асфальту.

Мальчишка видел, как она осторожно обходит тянущиеся в небу змейки следов – у смертных они были в основном разноцветными, у демонов – темных цветов, а у горных духов – серебряными или золотистыми.

Насколько помнил Арнур, у шаманов следы были синего цвета и различались только по оттенкам. Только вот Озария была пока еще простой смертной, а потому цвет следа у нее мог не проявиться. Для этого и нужен был чуткий нос борзой: она по запаху отличала сверхъестественных существ от естественных, что ли, или как их там можно назвать.

Аю закружила вокруг одной змейки серо-зеленого цвета, недоверчиво коснулась ее носом и наконец издала негромкий звук, привлекая внимание хозяина.

Арнур с Даяной подошли к борзой, внимательно осмотрели след, а потом оседлали фамильяров и помчались по дороге, по которой утром проезжала Озария. От асфальта кое-где слабо исходила аура того же демона, что оставил след воздействия в школе. Даяна, скакавшая на уродливом коте сбоку от Арнура, цыкнула.

– Старый хрен-то шел прямо за ней! – сказал мальчишка недовольно. – Почему его не засек никто из наших? Кто патрулирует этот квадрат – пери?

Пери славились легкомыслием по отношению к своим обязанностям по защите смертных: гораздо больше их интересовала история, изучению которой они и посвящали свое свободное время.

Арнур с Даяной проскочили двор, в котором Озария выбежала из машины Алуа, пролетели по ее следу по автобусному маршруту за город, где на полях кое-где еще лежал снег, и вдруг одновременно остановились.

Справа от дороги стояла машина с раскрытыми дверцами. Внутри находился мужчина без сознания. Метрах в трех от машины земля перемешалась со снегом, в грязи отпечатались человеческие следы, на ветру развевались ленточки – темно-коричневая, серая и серебристая.

Арнур, не спешиваясь, наклонился к одному из серебристых следов и коснулся его, прикрыв глаза. Перед внутренним взором промелькнуло чье-то почти детское лицо – девчушка верхом на орле, с которой его познакомила Даяна. В руке она крепко сжимала кривую саблю, губы ее произносили какие-то слова, но разобрать ничего было нельзя. Он поежился от страха, но страх этот принадлежал не ему, а ей.

– Это Мира, – сказал мальчишка, оборачиваясь к напарнице.

Даяна кивнула, лицо у нее было напряженное. Мальчишка окинул взглядом поле, но серый след шаманки обрывался тут, как и следы духов.

– Тут была схватка, Арнур, – сказала напарница сурово. – Мы опоздали.

Глава VII

Бог Всего

Ноги казались ей ватными от слабости, и, не отдавая себе отчета в своих действиях, девочка опустилась коленками прямо в грязь. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Нож в правой руке, уродливо испачканной кровью, трясся. Только через пару секунд она поняла, что трясется не нож, а она сама.

Громко шумел двигатель автомобиля. Задняя дверь была открыта, но салон закрывала длинная черная тень в форме человека. Монстр из ее сна был тут, и он был так же реален, как безжизненный пейзаж позади него, как замерзшая на морозе кровь на ее руке или слабость в теле.

Происходящее казалось безумным, и все-таки она знала, что все это – взаправду. Наверное, дело было в барабанах, ритм которых слышался с неба. Они продолжали стучать в ее ушах, напоминая ей о чем-то. О давно забытом Знании.

Она разжала пальцы, и складной ножик беззвучно утонул в сугробе. Поднялась на дрожащие ноги, а потом, украдкой оглядываясь на Полуночника, сделала пару шагов вперед. Перед ней расстилалось бескрайнее поле – ни деревца, ни кустика, только черная вспаханная земля, покрытая тонким слоем снега.

Мысли были, как в тумане, соображать было очень трудно, но рациональной частью своего мозга она знала точно – нужно бежать. И как только она это поняла, связь с Небом мгновенно разорвалась, словно канал на телевизоре переключили без спроса.

Озария побежала. Сначала медленно, постоянно оглядываясь за спину на машину и на монстра в ней, а потом быстрее. Она тяжело дышала, из горла ее то и дело вырывались громкие рыдания, но она давила их в себе из страха, что звуки привлекут внимание монстра.

Она бежала, спотыкаясь о бугры, телефон выпал из кармана, но она не остановилась, чтобы поднять его. Бежать, бежать, бежать!

Полуночник не дал ей уйти далеко. Темная фигура выросла перед ней как из-под земли, совсем как в самую первую их встречу во сне. Озария вскрикнула и заслонилась от него руками.

– Стой! – крикнула она. – Пожалуйста, не трогай меня!

Он послушно замер.

– Ты не реален, – сказала она, закрывая лицо руками. – Не реален, не реален, не реален!

Но даже зажмурившись, она почувствовала его присутствие в плавающей темноте за закрытыми веками. На нее дохнуло запахом влажной земли и гнилостной сыростью.

– Не реален, не реален, – продолжала бормотать она, с силой вдавливая подушечки пальцев в веки. – Уходи, уходи!

К ее непокрытой голове прикоснулась огромная ладонь, она почувствовала, как по волосам скользит шерсть шапки, которую она оставила в машине, и сразу же открыла глаза.

Он стоял прямо перед ней, глядя на нее сверху вниз своими горящими красными глазами.

– Оз-зария, – раздалось шипение.

И он протянул ей что-то в сжатой ладони с длинными черными когтями с заостренными кончиками.

– Не надо, – сказала Озария, отчаянно желая, чтобы он исчез.

Но она уже знала, что он не исчезнет просто так: она позвала его, и он пришел. И сегодня, и до этого – в самую первую их встречу, когда она не захотела оставаться одна в день рождения. Полуночник молча раскрыл кулак, и на черной ладони она увидела блестящий металл ножа, заляпанного кровью человека, напавшего на нее.

– Ты убил его?

Лица Полуночника не было видно, но откуда-то она знала, что он снова улыбается. Он протянул нож к самому ее лицу, и она, сглотнув, взяла его. Демон вытянул палец вверх, указывая на небо, и легонько коснулся ее сердца через куртку.

– Слыш-шишь?

Девочка помедлила, но кивнула и взглянула на небо. Оно безмолвно взглянуло на нее в ответ, и она снова почувствовала странное головокружение. Ее затягивало в одно из видений, но она отчаянно сопротивлялась этому: Полуночник ее пугал даже несмотря на то, что спас ее.

– Я не хочу, – простонала она, чувствуя, как знакомая вялость охватывает все ее тело. – Я не хочу туда, ну пожалуйста, не заставляй меня снова!

Но Полуночник взял ее за руку, и у нее не было сил отбиваться от него. Ноги все еще напоминали желе, к тому же она знала, что от него не убежишь: она сама привязала его к себе, как тень. И все-таки она попыталась. Она попыталась оттолкнуть его, крикнула «уйди!» со всей решимостью, на которую была способна, но только еще глубже погрузилась в видение.

Демон стоял перед ней вязкой черной тенью, закрывая горизонт, он все рос и рос, пока вокруг не осталось ничего, кроме черноты. Озария оказалась в Темном Месте.

– Полуночник! – позвала она громко. – Выпусти меня отсюда!

При звуке ее голоса в нескольких метрах от нее внезапно вспыхнул огонек, послышались громкие голоса, и она было испугалась, что снова увидит одно из своих воспоминаний, но это было что-то другое. Ей показалось, что у костра она видит фигуру склоненного человека. Он что-то напевал себе под нос.

– Эй, – позвала она.

Озария сделала пару шагов и вдруг перенеслась прямо к поющему. Это была какая-то старуха: седые волосы висели космами, глубокие морщины разрезали ее лицо картой трещинок. Руки ее двигались так, словно она шила. Она взглянула на Озарию, улыбнулась и снова склонилась над своим шитьем.

– Привет, – сказала девочка. – Вы слышите меня?

Старуха слышала ее, но не подавала виду. Она усердно шила, в ее скрюченных руках мелькала иголка – все быстрее и быстрее, и Озария подошла к ней ближе.

– Эй, – снова позвала она дрожащим голосом.

Старуха остановилась, рука с занесенной иголкой замерла. Она повернула смуглое лицо к девочке, в черных глазах отражались искры костра.

– Поторопись, кызым, – сказала она ей. – У меня почти не осталось сил. Исправь ошибку старых дураков.

Подул ветер, свет от костра добрался до ног старухи, погруженных до этого в тень, и девочка увидела, что между растопыренными пальцами ее стоп расползается в стороны земля. Послышался громкий треск, трещина стала шире, в руках старухи снова замелькала иголка, которую она втыкала прямо в землю, по краям от трещины, и стягивала ее ловкими стежками.

– Нет! – сказала Озария. – Все неправильно, такого быть не должно!

Но огонек вместе со склоненной над землей фигурой стал быстро от нее отдаляться, словно она летела куда-то назад с огромной скоростью.

– Помоги! – раздался первый громкий стон в окружающей ее темноте.

– Выпусти нас! Озария!

Вокруг раздавалось теперь уже несколько голосов – все они что-то просили, требовали, умоляли, а она тщетно пыталась ухватиться хоть за что-то, чтобы остановить свое падение в темноту.

– Я не знаю, кто вы! – закричала она наконец, закрывая уши руками. – Заткнитесь!

Но голоса не затыкались.

– Отпусти нас, дрянь такая! – кричали они.

– Неблагодарная девчонка!

– Отцу ты не нужна! Матери не нужна! Никому не нужна!

– Чтоб ты сдохла!

– Выпусти нас! Выпусти! Выпусти!

Голоса вскоре слились в один общий крик боли и ярости. Посреди хаоса она различила звуки тяжелых ударов о дверь – словно кто-то молотил в нее кулаками.

– Замолчите! – крикнула Озария.

Кто-то стучался в закрытую дверь, не жалея кулаков, и эти звуки становились все громче, так что в конце концов они заглушили даже звуки криков. Девочка сжалась в комок, зажмурилась, пытаясь предотвратить нечто неизбежное, что лезло из ее памяти, как пауки лезут из банки.

– Открывай давай! – крикнул мужской голос из-за двери. – Диля, открывай!

– Озария, иди спать! – гаркнула мама на нее, стоило ей выбежать в коридор.

Озария, вся зареванная, посмотрела на маму опухшими глазами и снова разрыдалась.

– Пусти его! – крикнула она.

– Спать! – снова повторила мама не терпящим возражений тоном и указала пальцем в сторону спальни.

Глаза у нее тоже были покрасневшие и опухшие. Они обе, кажется, прорыдали тогда несколько часов в своих комнатах – каждая наедине с общим горем. У папы, как оказалось, была вторая семья, которую он долго скрывал от них с мамой, пока она наконец не догадалась, не сложила два и два – папину ложь, обрывки подслушанных по телефону разговоров. Последней каплей стала переписка в телефоне, которую она прочитала тайком от него.

Ту звали Алуа.

– Впусти меня! – заорал папа, и в его голосе послышалась настоящая злость.

Мама пригладила волосы – на безымянном пальце все еще блестело кольцо, но рука дрожала.

– Убирайся! – закричала мама в ответ. – Видеть тебя больше никогда не хочу!

– Открой дверь! – орал папа, не слушая ее. – Открой, не то я ее сейчас высажу!

Мама вздрогнула. Тревожно посмотрела на сотрясающуюся от ударов дверь и схватила дочку за руку, словно забыв о том, что всего мгновение назад отсылала ее в комнату.

– Ты пугаешь Озарию, Галым, – сказала она непривычно высоким голосом и сжала ее ладонь крепче. – Прекрати. Я тебе уже все сказала.

– Дай мне хотя бы поговорить с ней, – сказал папа в ответ, и его голос тоже показался девочке чужим, слишком хриплым.

Колотить в дверь он перестал. Мама нерешительно замялась перед тем, как ответить.

– Ну пожалуйста, мама! – попросила Озария, умоляюще глядя ей в глаза. – Всего на минуточку! Это же папа.

– Хорошо, только недолго, – тихо сказала мама.

Рука ее отпустила ладонь Озарии и безвольно повисла. Дверь открылась. За ней стоял папа – высокий, с черного длинного плаща капает, лица не видно в полумраке подъезда. Едва увидев дочку, он присел, раскинул руки в стороны, и она кинулась к нему на шею, обняла изо всех сил – так, чтобы не отпускать никогда.

– Папа! – прорыдала она. – Не уходи!

– Я тут, – сказал папа свистящим шепотом, обхватывая большой ладонью ее затылок и прижимая к себе.

От него пахло дождем.

– Не уходи! – повторила она.

– Зайчик, дай поговорить с мамой, – тихо попросил папа и опустил ее на пол.

Некоторое время они с мамой просто молча смотрели друг на друга. Мама скрестила руки на груди.

– Не о чем тут говорить, – вдруг устало выдохнула она. – Галым, ты сделал свой выбор.

Тогда папа тихо что-то прошептал и сказал, что не изменял ей ни разу с того раза. Мама рассмеялась. Папа поклялся, сказал, что даже не знал, что у него есть второй ребенок, пока Алуа не написала ему два года назад. Мама сказала, что не хочет этого слышать, и лицо у нее сразу стало такое жесткое. Папа сказал, что очень сожалеет.

– Ты это ей скажи, – сказала мама, кивая на Озарию. – Ты хоть о ком-нибудь, кроме себя, думать умеешь?

Потом они снова начали ругаться, а Озария просто стояла в подъезде и беспомощно на них смотрела, чувствуя себя так, словно под ее ногами разверзлась земля.

– Давай, беги к этой суке, Галым! – заорала мама, и жилки на ее шее вздулись. – Посмотрим, как долго ты с ней проживешь!

Папа побежал вниз по лестнице, и лицо у него было темное, а покрасневшие глаза горели каким-то лихорадочным светом, словно он тоже долго плакал. Озария бросилась за ним.

– Папа! Не уходи! Папа, я хочу быть с тобой!

Но папа бежал так, словно за ним кто-то гнался – а может, все так и было, может, за ним действительно кто-то гнался. Озария споткнулась и упала – в реальности тогда она отца так и не догнала, а в воспоминании продолжила падать все ниже и ниже.

Пока не оказалась на том же поле, окруженная со всех сторон какими-то людьми. Было темно. Люди пели гортанные песни, били в бубны и кружились в ритмичном танце – кто во что горазд – вокруг высокого костра. Озарию они не замечали.

Слышался громкий треск. Сначала она решила, что трещат деревяшки в костре, но случайно взглянув на землю, увидела, как по ней в разные стороны бегут змейками трещины. Из трещинок поднимался горячий пар, сквозь громкую музыку пробивались чьи-то крики и отчаянные стоны.

Неба видно не было: его заволокло дымом от костра. Костер был каким-то странным: горел длинный столб, торчащий из земли, верхушка которого исчезала где-то в небе.

Шаманы выли, кричали, вымазывали руки и лица в чем-то черном, и громко смеялись. Они вели себя, как пьяные, и будь Озария в себе, ее бы это испугало. Но она находилась под властью недавнего кошмара и действительность воспринимала с трудом.

И хотя она знала, что происходило что-то неправильное, ее это волновало мало. Она бродила вокруг костра без цели, в каком-то отупении, ни на чем не фокусируя внимания. Только раз ее взгляд случайно упал на лицо какого-то мужчины, залитое светом огня, и она вдруг поняла, что черная жидкость, которой они все вымазались, была кровью.

Нечленораздельные крики сложились в слова на языке, который девочка поняла.

– Духам гору, демонам – подземелья, а людям – всю землю, – сказал громко один из них. Он встал на какую-то возвышенность, простер руки, и все взгляды обратились к нему. – Отныне нет темных сил, нет светлых сил и нас, шаманов, тоже больше нет! Бог Всего умер! – закричал он.

– Бог Всего умер! – взвыли остальные в ответ.

Озарии захотелось закричать вместе с ними. Ей было все равно, о чем кричали они, – она кричала, представляя себе лицо отца, когда он уходил. Она раскрыла рот и издала истошный вопль, который задушила в себе с того самого момента. К ней повернулось несколько лиц – в этот раз они, должно быть, увидели ее. Лица были невеселы, но руки, которыми они ее касались, были теплыми, и она вступила в их круг, чувствуя жар от костра и их разгоряченных тел.

Снова послышались ритмичные удары в бубны – это их она слышала, когда смотрела на Небо. Они танцевали вместе со всеми под ритм ударов, отпуская общую боль.

И хотя это тоже было всего лишь видением, и хотя Озария все еще чувствовала раздирающую сердце тоску, здесь – в кругу незнакомцев, измазанных черной кровью – старая боль немного отступила. Она была не одна.

– Бог Всего умер! – закричала она так громко, как только могла.

Глава VIII

Связь

Арнур хорошо помнил тот день, когда все произошло.

У смертных снова случилась война – одна из тех кровопролитных и жестоких войн, смысла которых он никогда не понимал, даже когда был человеком. Земля всегда казалась ему огромной и полной всевозможных загадок, а жизнь – слишком короткой, чтобы разбрасываться ею в бессмысленных битвах.

Живи сам и давай жить другим – вот таким подходом он всегда руководствовался. Отец – тот был другим. Жесткий, сильный и хладнокровный правитель, он хотел видеть в сыне подобного себе. Но не видел.

Как и Верховный, он был помешан на идее контроля. Постоянно строил планы, никому не доверял, а в итоге? Ничем хорошим это не закончилось. Поэтому Арнур научился плыть по течению, ловить дзен, короче, доверять ситуации.

Когда на одном из предпоследних Советов объявили, что баланс между темными и светлыми духами бесповоротно нарушен, возразить было нечего. Это действительно было так: в смутные кровавые времена темные всегда плодились, как тараканы. От истощения они не страдали – напитывались энергией смертных, чуть не лопались.

Духи, напротив, переживали сложные времена – чего и следовало ожидать от периода войны. Их было мало, они слабели, и демоны распыляли их десятками. В этом тоже не было ничего необычного: так всегда происходило во время тяжелых периодов в истории казахских племен.

Каждый раз поток энергии возвращался в норму через год-два по времени смертных, как только у них устанавливался порядок. После повальной чумы, голода или войны у смертных всегда выдавались два-три спокойных года, во время которых горные снова наращивали мощь и давали отпор темным.

Только не в этот раз: беды шли одна за другой, и равновесие просто не успевало восстанавливаться. Битва с вражескими племенами за территорию, освободительная война, падеж скота и голод в степи. Люди были истощены.

Голодные демоны, обезумевшие от царившего в мире смертных хаоса и боли, ринулись на Священную гору, пропитанную энергией Умай. Эта энергия предназначалась для горных духов.

Духи дали им отпор, не пустили на свою землю, и в первой схватке полегло много товарищей Арнура. Только подземные твари не собирались сдаваться. Их было больше, они были сильнее, и они были гораздо голоднее. Они бы разнесли гору на

кусочки, осушили бы озеро Сут-Коль и разрушили весь мир, если бы их не остановили духи.

Это была Великая Бойня. Демоны теснили духов, война была почти проиграна, пока в ее ход не вмешались шаманы и не предложили выход. Верховный объявил всем на Совете, что они проведут ритуал, который расколет мир на две части. Такого никогда и никто не делал прежде. Это было против заведенного Богиней Всего порядка вещей, это было противоестественно, и многие духи на Совете были возмущены.

Но у них не было выбора: равновесие было бы нарушено в любом случае. Им оставалось или сдаться и принять поражение, или решиться на отчаянный шаг.

Когда шаманы собрались вокруг ствола Байтерека в человеческом мире, чтобы исполнить ритуал, демоны прорвались на Священную гору. К тому времени они обрели такую силу, что даже противная им воздушная стихия перестала быть помехой. Балбалы трещали и дымились, когда сквозь камень протискивались ядовитые сущности подземного мира.

Горные образовали три линии обороны: первыми были стрелки, которые обстреливали демонов из луков и рогаток на расстоянии. Вторую линию представляла кавалерия – она состояла в основном из чильтанов верхом на увеличенных в десятки раз фамильярах. Третью – высшие духи, которые образовали пеший вооруженный отряд.

Командовал обороной Верховный, и Арнуру тогда показалось, что ему нравится быть главнокомандующим. Никто против этого не возражал, даже духи вне ранга: эти были заняты совсем другими делами. Умай была центром Священной горы, она неподвижно сидела у вершины Байтерека и наблюдала за битвой с невозмутимым лицом. Самрук нахохлилась на ее плече. Старик Коркыт играл на кобызе с вниманием, достойным лучшего применения, как решил тогда мальчишка.

Когда шаманы начали ритуал, об этом узнали все: Земля сотряслась, Байтерек в человеческом мире занялся огнем, а синее небо заволокло густым дымом. Арнур с тревогой посмотрел наверх, на Богиню Всего, и его сердце сжалось от тревожного предчувствия.

– Эй! – крикнул он Ей. – Ты видишь все это?

Он отбил атаку албасты, развернул Аю и помчался в сторону Байтерека, где раздавал приказы Верховный. Вокруг слышались крики духов и демонов, земля содрогалась, а в воздухе висел запах дыма. Издалека, как сквозь завесу, слышался бой барабанов, пение и крики шаманов. Аю скулила: запах гари жег ей чувствительные ноздри.

Где-то в дыму Арнур увидел фигуру старика в балахоне с посохом в одной руке и направился к нему.

– Верховный! – обратился к нему мальчишка на ходу. – Кажется, что-то не так!

Тут клубы дыма немного рассеялись, и он с ужасом увидел, что крона дерева Байтерек начала тлеть. Огонь, поднимающийся из человеческого мира, быстро захватывал все ветви, но Умай, Коркыт и Самрук продолжали сидеть неподвижно.

– Дерево горит! – закричал он. – Нам надо его потушить, Верховный! Дерево горит!

Не помня себя, он бросился к когда-то зеленым ветвям дерева, чтобы потушить пожар, но Верховный нагнал его и преградил дорогу посохом.

– Пусть горит, – сказал он жестко. – Такова плата. Только так можно разъединить нас и смертных.

Арнур смотрел на него в недоумении:

– Как можно жечь Байтерек? Это священное дерево!

Дерево продолжало гореть, и Арнур вскрикнул от боли: ему показалось, что вместе с его ветвями горит его кожа. Демоны завыли, застонали в унисон с треском горящего дерева. Все громче и громче раздавался бой барабанов, и мальчишка закрыл уши, упал на колени, зажмурился и сжался на сухом песке.

– Остановитесь! – закричал он. – Это неправильно!

Послышался громкий треск, словно кто-то с силой разрывал полотно на части.

– Духам – гору! – кричали чьи-то исступленные голоса снизу. – Демонам – подземелья, людям – всю землю! Бог Всего умер!

Никто больше не бился: все упали на землю, закрывая уши и головы руками, и пока горело священное дерево Байтерек, все горели вместе с ним. С громкими отчаянными криками темные духи ползли обратно к балбалам, и их затягивало внутрь – и дальше вниз, под землю, куда их заключали навсегда.

И даже когда все демоны покинули гору, страшные слова продолжали раздаваться, пробиваясь даже сквозь вой огня.

– Бог Всего умер! Бог Всего умер! Бог Всего умер!

Это было кощунство: Тенгри была незыблема, и говорить так о Ней – значило навлечь на себя большую беду. Арнуру хотелось крикнуть, что это ложь, что Богиня не могла умереть, но, к своему удивлению, он так ничего и не крикнул. Когда он поднял глаза, то увидел, что над ним возвышается Верховный. Тот смотрел не на него – его взгляд был направлен куда-то вглубь себя, словно он прислушивался к чему-то.

Крона дерева Байтерек почернела и превратилась в дымящиеся останки. Как только это произошло, гора покачнулась, и над миром смертных опустилась Завеса. Байтерек, корни которого находились в подземном мире Эрлика, ствол – в мире смертных, а крона – в мире духов, объединял все три мира в один. Когда его не стало, связь между ними исчезла и энергия перестала литься свободно.

После этого все изменилось: энергии становилось все меньше, духи слабели, демоны оказались заперты в подземельях на долгие годы, а люди забыли о существовании духов.

– Арнур, что мы будем делать? – прервала Даяна поток его мыслей. – След исчезает на этом месте. Где будем ее искать?

– Эээ, – сказал Арнур. – Погоди секунду.

Он почесал в голове, огляделся, пнул носком кеда камешек и задумался. Судя по следам, тут схватилась чильтанка с сорелем, но до настоящего насилия не дошло: их всех как будто раз – и перенесло куда-то.

– Что, если сорель нашел новую прореху в завесе и перенес их в подземелье? – спросила встревоженно чильтанка.

Он качнул головой.

– Это вряд ли. Тут не пахнет его колдовством, тут вообще ничем не пахнет – они словно взяли и испарились.

Он еще раз задумчиво оглядел отпечатки кроссовок в грязи и вдруг услышал шелест сухих листьев на деревьях. Даяна указала ему на несколько почти голых каштанов, растущих на той стороне поля – ветра не было, а они раскачивались так, словно пытались противостоять шторму.

– Это шепот! – крикнул возбужденно мальчишка.

Оказавшись у деревьев, качающих вершинами, они остановились и прислушались. Искусством посылать сообщения через шепот владели только дивы, поэтому чильтаны сразу поняли – его послал Даукен.

Скорее к матери Озарии, друзья, шелестели деревья. *Шаманка тут. Попытаюсь задержать.*

– Даукен, что бы мы без тебя делали! – воскликнула Даяна.

– Сократим через гору? – предложил Арнур.

Она кивнула.

Теперь, когда они знали, где она находится, легче легкого было сократить дорогу через мир духов, где дорога отняла бы всего несколько секунд. Лысый кот с Аю разогнались, подпрыгнули и одновременно исчезли в развернувшихся перед ними порталах.

Чего они никак не могли предсказать, так это хаоса, которым их встретит родной дом. Из балбалов то и дело появлялись и исчезали духи с встревоженными лицами, а за холмом, в долине, где когда-то стояло дерево Байтерек, собралась целая толпа. Многие из духов были вооружены и в воинских доспехах. Арнур заметил среди них знакомый чапан Верховного и поспешно опустил голову.

– Эй, а что происходит? – спросила Даяна у пробегавшей мимо пери в круглых очках.

Та вытаращила на них глаза, которые казались еще больше за стеклами очков.

– Мы готовимся к наступлению и захвату шаманки, – сказала она. – Вы что, не слышали? Ее нашли, и Верховный собирает всех, чтобы спуститься в мир людей и захватить ее.

Пери еще несколько секунд стояла и глядела на них, а потом убежала по своим делам, что-то бормоча себе под нос про документацию.

– Ну че, придется поторопиться, – выдохнул Арнур Даяне. – Пока о нашем прибытии не доложили Верховному.

Она кивнула. Двинуться сразу означало, что передохнуть и напитаться энергией им не удастся, а мальчишка так надеялся на это! Он давно не возвращался на гору, а за последние несколько часов истратил слишком много энергии на поиск – и хотя это не должно было отнимать у него так много сил, оно отнимало.

Стараясь не привлекать к себе внимания, они подбежали к одному из балбалов. Чильтанка тихо шепнула:

– Домой, к Озарии.

И статуя засияла – проход заработал. Арнур нырнул в него вслед за Озарией и оказался в маленькой кухоньке с зелеными занавесками. Сидевший за столом мужчина с небритым лицом посмотрел на него внимательно, но без удивления.

– Диля, еще одни пришли! – крикнул он куда-то в сторону двери, приподнимаясь со стула.

– Вы нас видите? – спросила у него изумленная Даяна.

Он кивнул, медленно вытягивая руку к столовым приборам.

Тут из комнаты появилась красивая женщина со смуглым лицом, похожим на дочкино. В руке она держала сковородку – на манер боевого топора.

– Я спрошу только один раз – где Озария?! – спросила она, переводя взгляд с Даяны на Арнура.

Глава IX

Прощание

Должно быть, Она ее позвала, потому что девочка раскрыла глаза, как по команде, и уставилась в небо. Полуночник высился перед ней темной тенью, сжимая в руке что-то, напоминающее серебристую змейку.

В глазах все плыло, но, когда она сфокусировала взгляд, оказалось, что демон держит в руках не змейку, как ей показалось сначала, а человека. Маленького человека – чильтанку. Это была девочка с миловидным личиком, узкими раскосыми глазами и крашеными рыжими волосами.

Она отчаянно ему сопротивлялась, пиналась ногами, не доставававшими до земли, и силилась что-то сказать, пока хватка на ее горле становилась все крепче. Над ее головой беспомощно размахивала крыльями голубка. Сорель пил жизненные силы чильтанки – Озария видела это ясно по переливам их аур. Серебристая аура бледнела, а темно-коричневая становилась все насыщеннее.

– Стой! – хрипло сказала девочка и закашлялась.

В голове стучало, в глаза словно песка насыпали, а язык во рту сухой, как наждачка. Господи, сколько она так пролежала?

Полуночник повернул к ней лицо в капюшоне, не выпуская из рук чильтанку. Она снова отчаянно замолотила ногами в воздухе, но тщетно – сорель был гораздо сильнее.

– Отпусти ее, – сказала Озария и с трудом перевернула свое непослушное тело на бок.

Нужно было встать. Ей нельзя было больше здесь находиться – время заканчивалось. Она чувствовала, как из мира утекает энергия в дыру, которую образовал сгоревший Байтерек. Она знала, что делать, но не была уверена, что ей хватит сил.

– Оз-зария, – прошелестел Полуночник, наклоняясь к ней.

– Помоги подняться! – приказала она все тем же хриплым голосом, и он послушно помог ей.

При виде ее лица чильтанка еще шире распахнула карие глаза. Она видит ее ауру, внезапно поняла Озария и с любопытством уставилась на свою руку. Та испускала лучи того же цвета, что и морские волны, шум которых она слышала почти все время.

– Отпусти ее, Полуночник, – попросила она. – Я помогу тебе освободить их.

– *Ты освободишь заключенных духов?* – спросил демон.

Она молча кивнула, и он разжал ладонь, выпуская чильтанку из тисков. Та изумленно пискнула, с недоумением взглянула на девочку и тут же вспрыгнула на голубку.

– Лети отсюда поскорее! – махнула Озария рукой.

Чильтанка взлетела, еще раз оглянулась на девочку и исчезла в водовороте из золотистых искр, который появился в небе. Озария положила ладони на тяжелую голову: перед глазами все кружилось, ее тошнило от слабости и запаха гари, который она принесла с собой из видения.

Стоило ей сосредоточиться на настоящем, как на нее обрушилось чувство неправильности: тут им был пропитан даже воздух. Она вспомнила стоны демонов, вспомнила темное лицо отца и поежилась. Ей предстояло исправить ошибки прошлого, только хватит ли сил?

Она почувствовала на себе тяжелый взгляд демона и решительно посмотрела на него в ответ:

– Я видела все, что ты хотел мне показать, Полуночник. Я помогу тебе освободить их всех. Но сначала мне нужно поговорить с родителями. Отведи меня к ним, хорошо?

В глубине капюшона сверкнули острые белые зубы. Он улыбался.

– Хорош-ш-шо.

Как у нее появился телефон?

Она незаметно опустила руку в карман и нашла тонкий пластиковый самсунг с огромным стеклянным экраном.

Она долго канючила себе новый телефон. У всех в классе уже были смартфоны, кроме нее – Озария до сих ходила с простой кнопочной Rokia. Но перед тем, как ей исполнилось одиннадцать, она подошла к родителям и попросила у них в подарок смартфон – как у всех.

Мама поджала губы и напряженно сказала:

– Доченька, давай мы не будем тебе ничего обещать? Ты же знаешь, мы сейчас должны на всем экономить…

Озария знала, поэтому и подошла перед самым днем рождения, надеясь, что это их смягчит. Ей не хотелось быть белой вороной среди одноклассников.

У папы сейчас снова не было клиентов – уже полгода, и они перебивались на мамину зарплату медсестры, да апашка помогала с деньгами.

– Ну па-ап, – протянула умоляюще Озария, глядя на отца. – Мне же будет уже 11, ну пожалуйста! Они сейчас у всех есть, а надо мной уже смеются! Вот!

Она вытащила из кармана побитую черно-белую рокию и сунула папе под нос – вот, мол, посмотри, как мне приходится ходить в школу. Кнопки продавлены, крышка обмотана скотчем.

– У всех уже есть, говоришь? – сказал папа, забавно приподнимая брови. – Что, и у странной Кати?

Странной Катей в классе называли девочку, которая на каждом уроке выставляла оценки ученикам за поведение в тетрадке в клетку – просто так, от нечего делать.

Озария кивнула.

– Не будет моя дочь хуже странной Кати! – громко провозгласил папа, швыряя с театральным драматизмом недочитанную газету на пол. – Ты получишь смартфон, принцесса!

И она действительно получила его на день рождения через пару дней – завернутым в обычный магазинный пакет. И хотя мама долго ругалась с папой из-за этой покупки, когда они думали, что их не слышно – «Галым, у нас куча кредитов, и денег еле на еду хватает! Она и без телефона проживет!» – папа все-таки купил смартфон.

– Это тебе, дорогая, – сказал он, протягивая ей сверток в десять утра. – Чтобы ты всегда могла с нами связаться. Береги его, ладно?

Озария пообещала ему, что будет аккуратной с телефоном – и она правда была. Потому что это был подарок родителей, и потому что она знала, как дорого он им достался.

Когда она вышла из черноты Полуночника, то оказалась в коридоре маминой квартиры. Везде было темно, только в спальне горел ночник, слышались приглушенные голоса и чьи-то всхлипы. Озария на цыпочках вошла в комнату, сжимая самсунг в кармане, и остановилась на пороге. Мама с папой сидели за столом друг напротив друга. Мама, сидевшая спиной к Озарии, что-то простонала, и ее плечи вдруг заходили ходуном, а по комнате поплыл звук тихих рыданий.

Папа, небритый, с бледным лицом, протянул было к ней руку, да так и замер, заметив на пороге комнаты дочку. Некоторое время он просто молча смотрел на нее, и по его лицу было непонятно, о чем он думает.

Потом он как-то несмело позвал:

– Озария?

Мама обернулась, ахнула, вскочила со стула и бросилась к дочке.

– Доченька, доченька! – говорила она, прижимая к себе Озарию так крепко, как могла.

Девочка с изумлением почувствовала слезы на ее щеке и машинально попыталась их вытереть. Мама на ее памяти плакала очень редко – в последний раз, когда папа уходил.

Папа тоже поднялся со стула, беспомощно глядя на них, а потом опомнился, тоже подошел к дочке и обнял ее прямо так – поверх мамы. Заключенная в теплое кольцо рук, девочка снова вспомнила, как хорошо ей было, когда они жили все втроем – папа, мама, и она.

Воспоминания волнами накатывали на нее, не давая опомниться. Снова она вспомнила их втроем на пляже, и ее сердце сжалось от боли – только в этот раз она казалась какой-то почти приятной.

Родители обнимали ее и плакали.

– Я думала, мы тебя потеряли, – говорила мама. – Я думала, ты решила сбежать.

– Почему, почему ты мне не позвонила? – спрашивал папа. – Почему не сказала, что в школе дразнят?

В их голосах смешалось так много эмоций – тревога, радость, облегчение и страх – что воздух, кажется, зазвенел. Озария обнимала родителей в ответ, чувствуя нарастающую внутреннюю дрожь. Ей нужно было решиться – она не могла отступить даже сейчас, когда, казалось, почти получила то, чего так хотела.

– Где же ты была? – спросила мама. – Я все больницы обзвонила, все… я уже боялась самого худшего! Ты решила сбежать из-за нашей глупой ссоры, да? Прости меня!

Озария мягко выпуталась из их рук.

– Я не сбегала, мама, – сказала она.

Мама взволнованно вытерла мокрое лицо руками и отошла от папы.

– Никто ничего не знал, – сказала она. – В школе сказали, тебя забрала Алуа, Алуа сказала, что оставила тебя в апашкином дворе – а больше тебя никто не видел. Мы так испугались!

– Озария, если это из-за того, что тебе наговорила Алуа, – папа сжал зубы, – я с ней поговорю, хорошо? Никто не смеет обижать мою дочь!

Родители вели себя как-то странно, совсем не так, как обычно. Она внимательно на них посмотрела, а потом решила, что ей сейчас не до этого. Она вернулась только чтобы сказать им, куда уходит, и чтобы они не искали ее и не переживали.

Тут мамин взгляд скользнул за плечо Озарии – туда, где из тени выходил Полуночник, она вскрикнула и попыталась загородить собой дочку. Папа не сразу увидел его, но как только разглядел, прежде, чем Озария успела сказать хоть слово, ринулся на него с кулаками.

– Урод! – заорал папа, видимо, принимая его за какого-то преступника. – Ей всего тринадцать!

– Я сейчас вызову полицию! – закричала мама, не давая дочке вырваться.

Но когда папин кулак свободно прошел сквозь тело Полуночника, родители изумленно замолчали и уставились на незваного гостя. Демон повернул голову к Озарии и вытянул когтистую руку к ней.

– Моя, – сказал он, сверкая глазами.

– Мам, пап, спокойно! – крикнула Озария, безуспешно пытаясь вывернуть руки из маминых ладоней. – Это мой друг, не трогайте его!

Папа попятился от демона, наткнулся спиной на стол и, не отрывая от него глаз, стал нащупывать какое-нибудь оружие на столе. Наткнулся на пульт от телевизора и сжал его в руке.

– Когда я скажу, бегите к двери, – скомандовал он им.

– Нет! – крикнула Озария. – Стой!

Она наконец освободила свои руки и встала между демоном и родителями.

– Бросиш-ш-шь, – проскрежетал сзади демон угрожающе низким голосом.

– Нет, я тебя не брошу! – твердо сказала девочка, обернувшись к нему. – Дай мне только попрощаться с ними!

– Попрощаться? – повторила мама, прижимая руку к сердцу.

– Озария, объясни, что все это значит! – громко сказал папа не своим голосом.

Озария взглянула на родителей и почувствовала, что к глазам подкатывают слезы. Она сглотнула. Почему-то сейчас они показались ей маленькими и испуганными, и она пожалела, что ничего уже нельзя исправить. Она подошла к ним, взяла каждого за руку и сказала:

– Мама, папа, я ухожу. Наверное, мои объяснения покажутся вам странными, но баланс в мире нарушен, и мне кажется, мы все это чувствуем. И вы тоже это чувствуете. Я видела это в видениях.

При этих словах мама прикрыла рот рукой, а папа нахмурился и сжал челюсти. На их лицах было написано: «Наша дочь сошла с ума». Пока ее не перебили, она торопливо продолжила:

– Так получилось, что вернуть баланс могу только я – больше некому. Мне нужно будет возродить дерево – и все будет хорошо.

Она взглянула на них и вдруг ясно поняла, что они ей не верят. Она поняла это по разноцветным всполохам вокруг них – у мамы всполохи были фиолетового цвета, а у папы – зеленого, но сейчас по ним поползли какие-то уродливые желтые пятна.

– Это он тебе внушил? – спросил папа, с ненавистью глянув на высокую фигуру позади дочки.

Она мотнула головой.

– Нет! Папа, у меня мало времени. Полуночник – мой друг. Пожалуйста, поверьте мне!

Она сжала их руки и снова попыталась найти нужные слова.

– Я так долго винила вас обоих в том, что вы разошлись, так долго ненавидела маму и так долго не могла простить папу, что совсем запуталась. Мне казалось, если я буду молчать и притворяться, что ничего не произошло, все вернется и станет, как было, но Небо показало мне, что это невозможно. Я больше не хочу, как было раньше. Но я не хочу, чтобы кто-то из вас уходил из моей жизни!

Они переглянулись.

– Никто из нас не собирается уходить из твоей жизни! – сказала мама тревожно. – Я только хочу, чтобы ты была счастлива.

Она закусила губу, взглянула на папу и добавила:

– Я была против, чтобы вы с Галымом виделись, потому что видела, как тебя расстраивают эти встречи, и что он больше не с нами. Но я больше не буду вам мешать, Озария.

Папа положил свободную руку дочке на плечо, наклонился к ней и зашептал:

– Я тебя очень-очень люблю, Озария. Прости меня, пожалуйста, я никогда не пытался тебя забыть – просто мне показалось, что ты во мне ужасно разочарована. И я сам в себе был разочарован.

Он взъерошил свои волосы и тут же взволнованно пригладил. Они с мамой быстро переглянулись.

– Но обещаю, все это – в прошлом! Я больше тебя не подведу, хорошо?

– Оз-з-зария моя, – зашипел сзади Полуночник.

Лампы замигали, лица родителей потерялись во вспышках света, и Озария, не отпуская их рук, потянулась к ним в последнем объятии.

– Я вас тоже очень-очень люблю, – сказала она, чувствуя невыразимую печаль. – Простите меня.

Как только она почувствовала ледяные пальцы демона на своих плечах, она мягко высвободилась из рук родителей. Они пытались ее удержать, но Полуночник неуклонно тянул ее к себе, и она не могла и не смела ему сопротивляться.

– Не волнуйтесь, – сказала она как можно увереннее. – Я скоро вернусь!

Спиной она уже чувствовала ледяной холод его черноты. Он затягивал ее в себя, как в водоворот, а напротив видела заплаканные испуганные лица родителей. Последним, что она слышала, был мамин крик:

– Озария!

Глава X

Росток

Камча развернулась в плеть, и Арнур ловко направил ее в сторону старикана. Та просвистела возле самого его лица, едва не задев его, но прямо в воздухе резко развернулась и полетела к своему хозяину с той же силой.

– Жопа! – крикнул мальчишка, выпустил ее из рук и прыгнул под укрытие какого-то валуна.

Даяна на своем обритом коте с яростным криком пролетела над его головой, и мальчишка успел заметить, как она швырнула в старика сразу несколько серебряных колец. Но, не успев долететь до него, они упали на землю.

– Дети, ваши оружие не действует против меня! – сказал старик с улыбкой и ударил посохом о землю.

Из-под него посыпались искры, превратились в язычки пламени, которые под взмахом посоха свернулись в огненные шары. Шесть шаров зависли в воздухе перед ним, отбрасывая зловещие блики на его лицо.

– Сдавайся, Арнур! – крикнул Верховный, разворачивая заряды в его сторону.

Арнур прижался горячей спиной к холодному камню и попытался понять, каким образом оказался в таком нелепом положении.

Всего пару часов назад он вломился в кухню Озарии вместе с Даяной, чувствуя нарастающую слабость в конечностях. Он так и не успел восстановить энергию на горе и теперь остро чувствовал последствия спешки.

Там их встретили воинственно настроенные смертные, которые – в этом не было сомнений, их видели.

– Где моя дочь?! – закричала женщина, размахивая сковородкой, как битой.

– Где Даукен? – спросила хладнокровно Даяна, отбиваясь от мужчины, вооруженного вилкой.

Арнур, чувствуя себя бюро по поиску людей и духов, попытался навести порядок. Ловким движением плети он выбил сковородку из рук матери Озарии, пока Аю метнулась под ноги мужчине, заставив его споткнуться и потерять равновесие.

– Йоу, родители, минутку внимания, – сказал Арнур, сделав серьезное лицо, и протарабанил: – Меня зовут Арнур, и я величайший герой в мире, а это – Даяна, мы оба – горные духи. Вреда мы не причиним, мы хотим найти Озарию и помочь ей спастись из беды. Чем скорее вы расскажете нам, что тут произошло, тем быстрее мы ее найдем. Окей?

– Духи? – фыркнул мужчина, поднимаясь с пола. – Это что у вас, клуб какой-то?

– Эээ, – сказал Арнур смущенно. – Ну, в каком-то роде.

– У меня тоже есть вопрос, – сказала Даяна, смахивая прядь волос со лба. – Вы тут великана не видели?

– Высокого мужчину в черном плаще? – спросила женщина. – Озария пришла с ним.

– Нет, реально великана, ростом под три метра, – ответил Арнур. – Такого, на камень похож, знаете?

– Друзья, я тут! – послышался голос откуда-то с потолка, и Даукен, уменьшившийся в несколько раз, спрыгнул на стол, а оттуда – на пол.

Див, как все духи природы, отлично умел прятаться, так, что не было видно даже его ауры, и все же чильтан был рад видеть его целым и невредимым. Должно быть, сорель не заметил его или ему просто не было до него дела.

Мать Озарии вскрикнула при виде него, но тут же взяла себя в руки.

– Итак, кто вы такие и что вообще происходит? – спросила она, решительно подойдя к Даяне.

Видимо, решила, что та командует всем отрядом. Пока Даяна объясняла ей что-то, Арнур присел на пол, привалившись к стене. Голова у него кружилась, и он чувствовал, что пока не может подняться на ноги. Даукен присел напротив него и прошептал:

– Ты как?

– Отлично, – прохрипел Арнур.

– Нам снова нужно торопиться, – сказал див, беспокойно наморщив каменный лоб. – Сорель увел ее под землю, а она решила ему все-таки помочь.

Они провалились вниз – так далеко, как люди, Озария была в этом уверена, еще не копали. Ей казалось, они достигли центра Земли, когда Полуночник наконец позволил ей опустить ноги на твердую землю.

Здесь было сумрачно и холодно, все пропахло дождем и землей, запахами, которые исходили от демона. Она знала, куда идти, потому что Небо все еще говорило с ней или, вернее, в ней. Обычным человеческим зрением ей почти ничего не было видно, так что она перешла на другое – истинное.

Тихий шелест, который напомнил ей шелест сухих листьев в парке, издавали змеи – они тут были повсюду: лежали клубками на земле, ползли по стенам, свисали с корней деревьев и шипели на нее. Ей показалось, они ее узнают.

– Полуночник, – позвала она тихо и тут же почувствовала ледяное прикосновение к руке.

– Боиш-ш-шься? – спросил он то ли с насмешкой, то ли с заботой.

– Боюсь, – спокойно сказала она.

– Твой нож-ж-ж, – прошипел он.

Она похлопала себя по карману куртки, в котором лежал складной ножик. Впереди перед ними высилась высокая серая стена дыма от сгоревшего Бай-

терека – завеса, которая держала всех демонов под землей. Оттуда слышались стоны и мольбы о помощи.

– Богиня Всего! – звали голоса, сливаясь в хор. – Освободи! Освободи!

– Полуночник, – сказала она снова, осторожно переступая через клубок змей на земле. – Слушай, а почему ты подарил мне этот нож?

– *Потому что он принадлежит тебе, девочка*, – ответил Полуночник в ее голове, и она знала, что он говорит честно. – *Я воспользовался им только раз.*

Она пожала плечами, вытащила нож из кармана и взглянула на завесу, в которую они уперлись. Здесь она смогла рассмотреть ее чуть лучше – в нескольких местах в ней проглядывали прорехи, где-то туман истончился, и все-таки демон не мог пройти сквозь нее снова. Он остановился возле нее и провел рукой по стене.

И вдруг она поняла, что нужно делать. Она подошла к месту, где завеса протерлась сильнее всего, раскрыла ножик и решительно провела им сверху вниз, разрезая пространство. Земля затряслась, сверху посыпались камни, но демон закрыл ее собой.

Голоса взвыли громче, почти торжествуя, возле стены заметались тени, но ни одна не вырвалась наружу: прореха была слишком тонкой.

Озария сунула ногу сквозь нее, а потом набравшись отчаянной храбрости, прыгнула внутрь. Тут же ее подхватили черные тени, чужие руки касались ее волос, ее лица, раздался многоголосый рев:

– Озария! Озария!

– Полуночник! – крикнула девочка.

Но его нигде не было видно. Вокруг в темноте горели тысячи красных глаз, слышались тысячи разных голосов, и Озарии еще никогда не было так страшно.

– Я думаю, нам нужно остановиться на этом, – сказала Даяна.

Выглядела она не ахти: волосы выбились из хвостика и повисли прядями вокруг лица, под глазами залегли темные круги, руки дрожали. Ее энергия тоже заканчивалась. Игореша без сил лежал рядом с ней, положив морду ей на колени.

Арнур хрипло выдохнул, пытаясь что-то возразить ей, но почувствовал новую волну слабости, проходящую через его тело, и промолчал.

– Взгляни на нас, Арнур, – сказала она. – Мы не сможем спуститься до царства Эрлика, не то, чтобы как-то ей помочь. Мы ослабли. Я тоже хочу помочь шаманке, но сейчас мы бессильны.

– Ребята, – осторожно позвал их Даукен, но они его проигнорировали.

– Он уничтожит Озарию, – упрямо сказал Арнур. – Я не допущу этого.

Она вздохнула.

– Арнур, у нас просто не хватит сил. Мы не сможем противостоять ни сорелю, ни Верховному с его армией духов.

– Ребята, – позвал див чуть громче.

– Лучше я умру, пытаясь, – сказал мальчишка, – чем буду жить… не пытаясь, – закончил он чуть неуклюже, но не менее торжественно.

– Ребята, говорю вам!

– Что?!

Они оба наконец раздраженно взглянули на дива, который стоял, чуть покачиваясь от слабости, у раковины.

– Из кранов течет кумыс, – сказал он и в который раз со скрипом повернул смеситель.

Друзья переглянулись, встали и подошли к Даукену. Арнур поднес руку к струе молочного цвета, набрал в руки прохладной жидкости и отпил. В горло полилось кислое кобылье молоко, и туман в голове немного прояснился. Аю поднялась и с любопытством втянула воздух в ноздри – она тоже почувствовала, что мальчишке стало лучше.

– Эй, родители, где тут у вас кружки? – крикнул Арнур смертным.

Кобылье молоко из-под крана было тем же самым, что они пили каждый раз на Совете – Арнур узнал его вкус. Оно было полно энергии Священной горы, и чем больше они пили, тем быстрее восстанавливались.

Вместе с журчанием молока из крана полился шепот:

– *Озария спустилась в подземелье Эрлика. Ей нужна будет ваша помощь. Успейте до того, как армия Верховного пройдет сквозь завесу к демонам.*

– Это богиня-мать Умай, – уверенно сказал Даукен, ловя последние капли молока из пиалушки. – Это точно она, больше некому.

– Она тоже хочет, чтобы Завеса упала! А я говорил, что она мне улыбнулась на Совете! – торжествующе воскликнул Арнур.

– Заткнись, Арнур, – сказала Даяна.

– Полуночник! Полуночник! Где ты, помоги мне, помоги!

Но он не появлялся, и в конце концов она сорвала себе горло, пока пыталась его дозваться. В ушах свистел ветер, раздавались крики и визг тысяч демонов, которые несли ее на своих спинах куда-то в сумраке.

Ее вытянутых рук то и дело касались чьи-то чешуйчатые тела, мокрые щупальца подземных монстров, острые коготки мелких бесенят впивались ей в спину, чужие голоса то и дело шептали ей на уши то гадости, то просьбы.

– Выпусти нас, отпусти, отпусти…

– Мерзкая шлюха, и твой папаша в нее влюбился по уши…

– Озария, а ведь тебя больше никто никогда не полюбит…

– А где твой нож?!

– Сломай Завесу! Бог Всего умер!

Она скрипела зубами, но молчала. Небо внутри нее подсказало ей, что отвечать им нельзя: они просто пытались выпить ее силу. А она была нужна ей самой.

В нее врезалось чье-то массивное тело, женский голос прошептал ей «Прости, солнышко», и она с криком упала со спины демона. Кто-то в темноте схватил ее за ногу, и теперь она летела вниз головой, чувствуя, как тошнота подкатывает к самому горлу. Хорошо, что она почти ничего не ела целый день.

Земля казалась подвижной, ей чудилось, что под ней катятся морские волны. Стены пещеры, в которой она очутилась, были усеяны огоньками факелов, и в бликах света она разглядела гладкие чешуйчатые тела рептилий. Весь пол был усыпан змеями. Их было так много, что они ползали друг по другу, и их шипение наполняло все пространство.

Земля затряслась, отовсюду посыпалась земля и камни, и демоны с новой силой закружились в воздухе вокруг Озарии. Мир уже разрушался – времени почти не было. Ей нужно было найти Байтерек – то, что от него осталось.

– Помогите мне найти дерево! – крикнула девочка. – Духи, помогите мне, и я освобожу вас!

Ее детский голос отразился от стен эхом. Демоны завизжали, захохотали, заулюлюкали, и вдруг она почувствовала, что со стремительно летит вниз. Она попыталась сгруппироваться, закрыла голову руками, но приземление оказалось на удивление мягким – змеи смягчили удар.

– С-с-скорее, скорее, – зашипели они.

Земля под ней задвигалась, и она снова почувствовала, что ее несут куда-то. Перед глазами мелькнула золотая искорка, которая становилась все ближе и ближе, пока Озария не разглядела крохотный росток священного дерева Байтерек. Тогда земля остановилась.

Озария вдохнула густой запах дерна, прикоснулась к нежным листочкам и почувствовала, как в нее втекает невероятная энергия жизни.

– Тенгри? – позвала она несмело и улыбнулась.

Барабаны в ее голове снова начали отбивать ритм, и она спохватилась. Достала из кармана ножик, провела по своей ладони и сжала ее, выдавливая из пореза несколько черных в сумраке капель крови.

– Возвращайся к Тенгри, – прошептала она, глядя, как капли быстро впитываются в землю вокруг ростка.

Демоны торжествующе завыли.

– Озария! – кричали они, вторя барабанам. – Озария! Озария!

Но это было еще не все: чтобы обратить ритуал шаманов вспять, ей требовалось повторить некоторые действия из того же ритуала. Заклинание она знала: Тенгри ей уже сказала. Только повторять ей его не хотелось: как только она его произнесет, потеряет связь с Небом на несколько секунд.

– Быс-стрее! – зашипели змеи, поднимая к ней головы. – Поторопис-сь!

– Сейчас, сейчас, – сказала она, опускаясь на колени и кладя ладони на влажную землю.

– Духам – гору, демонам – подземелья, людям – землю, – начала она дрожащим голосом, – но мир един для всех. Нет темных сил, нет светлых сил, есть только Тенгри, Богиня Всего и Бог Каждого, есть только Тенгри.

Она закончила и внимательно взглянула на растение. Оно должно было начать расти с минуты на минуту, но пока ничего не происходило. Только мерцание стало чуть сильнее.

Земля снова затряслась, и девочка, не удержавшись, упала. По всему подземелью раздался трубный звук рога – бугышага. У Завесы выстроилась армия.

– Дорогу Верховному главнокомандующему горных духов! – раздался зычный голос великана. – Отойдите от стены!

Они собираются взорвать Завесу, поняла вдруг Озария. И войти внутрь, чтобы найти ее и уничтожить. А потом уничтожить и росток – тогда измерения распадутся окончательно, их больше ничего не будет соединять.

Она поползла к ростку, да только в этот момент сверкнула вспышка, раздался громкий грохот, и с ревом армия горных духов ворвалась за Завесу в измерение демонов. Темные духи завыли, и битва началась. Повсюду она видела вспышки чужих аур и слышала шум схватки.

– Шаманку! Найдите шаманку! – кричали солдаты Верховного.

– Озария! – ревели демоны.

Из-за царящего вокруг хаоса она даже не сразу заметила, что голос Неба внутри нее стих: она осталась без его подсказок. Девочка растерянно остановилась, огляделась вокруг и тут же вздрогнула, увидев перед собой неизвестно откуда взявшуюся фигуру Верховного.

Он стоял над ней в белом балахоне, сжимая в руке гладкую палку из обычного дерева – свой посох.

– Не двигайся! – приказал он ей.

Она замерла, лежа на животе, чувствуя вокруг беспокойное движение змей.

– Смертная Озария, 13 лет, родители в разводе, мать занята работой, а отец – новой дочерью. Ни друзей, ни особых талантов не имеет, – равнодушно отчеканил старец, глядя на нее сверху вниз. – Что ты делаешь тут, в подземном царстве? Решила освободить всех демонов, а?

Он поставил посох перед собой, и Озарию оттолкнуло назад, как тряпичную куклу.

– Заключать их здесь было неправильно! – сказала она зло, поднимаясь на ноги. – И разрушать связь между измерениями – тоже!

Он позволил ей встать, но тут же снова ударил посохом, и ее снова откинуло назад с такой силой, что удар о землю выбил из нее дух.

– Ну конечно, тринадцатилетней девочке лучше знать, что правильно, а что нет, – насмешливо ответил старик. – Послушай-ка лучше меня, дитя. Я старше тебя на тысячелетия и сильнее в несколько раз. Тебе меня не победить. Но мы можем победить вместе! Помоги мне разорвать связь между измерениями, освободить нас всех от этой мучительной связи – и я пощажу тебя. В противном случае я тебя уничтожу.

Руку, которую она порезала ножом, саднило, но она упрямо сжала ее в кулак. Боль заставила ее прийти в себя, потому что страх уже почти полностью завладел ею.

– Ты что же, хочешь уничтожения людского рода? – продолжал старик. – Ведь вырвавшись, орда голодных демонов будет взывать к худшему в вас, смертных, и

вы послушаете их, как слушали всегда, пока не уничтожите друг друга окончательно. Смертные любят делать друг другу больно.

Он подошел к ней, поставил тяжелый посох ей на грудь и добавил:

– Но ты ведь и сама знаешь это? Твои родители, которые любят тебя, предавали тебя столько раз, несмотря на всю свою любовь! Что и говорить о людях, которые не любят друг друга, а?

Она с ненавистью взглянула на него и ответила:

– В людях есть и хорошее, и плохое, потому что такими нас создал Тенгри. Как и вас – темных и светлых духов – создал! А потом выбрал меня, чтобы я возродила Байтерек и восстановила связь между измерениями!

Он согласно кивнул, почесал подбородок, огладил белую бороду и ответил:

– Понимаю. Ты хочешь освободить демонов и уничтожить завесу между измерениями, да?

Наконечник посоха стал нагреваться и больно обжег ее сквозь одежду.

– Вы же знаете, что по-другому нельзя! Тенгри создал мир таким, где все зависят друг от друга: вы отдаете энергию людям, люди – демонам, а демоны – вам. Вы слабеете, потому что доступа к источнику у вас нет! И мир рушится из-за этого! Уничтожив Байтерек, вы не просто разорвете связь, вы уничтожите мир!

Старик посмотрел на нее с непроницаемым выражением лица и вдруг негромко рассмеялся.

– Ох, девочка, – сказал он, перехватывая посох поудобнее. – Ты смеешь со мной спорить?

Он занес посох, собираясь нанести ей удар. Какое-то воспоминание смутно шевельнулось в ее голове – мальчишка, которого она видела в туалете на прошлой неделе, а казалось, что в прошлой жизни. Он пообещал, что придет к ней на помощь, если она позовет, и она тогда ему поверила.

– Арнур! – крикнула девочка.

Сказать по правде, он ожидал, что давление чужеродной земной энергии буквально убьет его на месте – как это, несомненно, случилось бы, не лопайся он от молока Умай, – но этого не произошло.

Игореша с отвращением зашипел на змей и принялся было гоняться за ними, но Даяна без церемоний ткнула его пятками под бока.

– Солнышко, – железным голосом сказала она. – Нет времени на игры!

И они вдвоем помчались к стене. Дальше все было просто: проскользнуть сквозь неровную прореху, которую оставил в Завесе чей-то нож, окунуться в атмосферу безумия внутри, когда Озария добралась до ростка дерева, а потом – позорно не найти ее.

– Подземелье задавило ее ауру, – сказал расстроенно Даукен, оглядываясь вокруг.

– Боюсь, это не подземелье, – сказал Арнур. – Ее прячут специально – они знают, что армия горных духов заявится сюда за ней.

Это действительно произошло через несколько тягостных минут: запел горн, прогремел грохот взрыва, и горные духи с дикими криками ворвались внутрь. Дикари. Верховный почти сразу куда-то исчез, так что они не успели его догнать, а потом мальчишка резко почувствовал отчаянный ужас.

Он огляделся. Какому-то ребенку угрожала опасность прямо сейчас, он был кому-то очень нужен. Но вокруг царил хаос битвы, и он не мог понять, откуда исходит крик о помощи.

– Арнур! – услышал он вдруг зов и сразу понял, кто его зовет.

Он вскочил на Аю, крикнув:

– Аруа!

И полетел вперед, сквозь толпы солдат, туда, где Озарии требовалась его защита.

Глава XI

Богиня Всего

Фигуру Верховного он увидел издалека и тут же попытался достать его своей плетью, но плеть в последний момент изменила направление, и он позорно промахнулся. Старик, заметив его, ухмыльнулся, и тут же оказался сбит с ног двухметровым лысым Игорешей. Даяна, увеличившая его щелчком пальцев, вытерла пот со лба и легко улыбнулась.

– Озария! – крикнул Арнур.

Девочка лежала на земле и молча пялилась на них.

– Че лежишь, беги давай! Долго мы его не сдержим!

Она повернула к нему бледное, как бумага, лицо и кивнула. Он заметил, что лоб у нее рассечен и кровит, и нахмурился. В его груди все еще отзывалась эхом ее боль и страх перед стариком, а может быть – перед работой, которая ей предстояла.

Сореля возле нее видно не было. Интересно, почему он бросил ее в самом пекле? Это было непохоже на него.

Он свистнул, и Аю, увеличившись вдвое, золотой стрелой ринулась к девочке. Та неуклюже залезла ей на спину, и тазы бросилась с места в галоп, стремясь унести ее как можно дальше от Верховного.

Верховный поднялся на ноги, сверкая глазами, и отбросил Игорешу в сторону так легко, словно тот был перышком. Потом он огляделся в поисках Озарии и, не увидев ее, с перекошенным лицом повернулся к чильтанам.

– Арнур, вы совершаете предательство! – крикнул он. – Сдавайтесь, иначе я распылю вас!

– Ты врал нам все это время! – заорал ему в ответ Арнур. – Мы слабеем, потому что демоны – источник нашей энергии, а вовсе не люди! И пока они заключены под землей, мы будем слабеть!

Он увернулся от атаки старика и спрятался за валуном, пытаясь придумать, как еще потянуть время. Новая атака Даяны захлебнулась, а потом Верховный создал огненные мячи и нацелился в сторону Арнура.

Арнур сжался за камнем, прекрасно понимая, что тот не выдержит огненных зарядов.

И тут в голову ему пришла идея. Все это время демоны не обращали на них внимания, потому что Верховный создал вокруг себя сферу невидимости радиусом в несколько метров: никто из них попросту не мог его увидеть.

Но если разрушить сферу, они кинутся на запах его ауры. Полусумасшедшие, лишенные источника питания целое столетие, демоны были ведомы одними лишь инстинктами. И в таком состоянии они не побоятся напасть на самого Верховного.

Он выпрыгнул из-за камня и побежал в сторону границы сферы, размахивая руками.

– Эй, старик! Взгляни сюда!

Сверкнула вспышка, его спину обожгло взрывом, он отлетел и ударился о невидимую сферу. Оглянулся на старика, готовящего новый взрыв, и выкрикнул:

– Знаешь, ты старше меня на тысячелетие, а доброты и ума в тебе в тысячу раз меньше! Ты дурак, Верховный!

Тот размахнулся и швырнул новый огненный шар. Чувствуя, что сознание его покидает, мальчишка вытянул руку за пределы шара и прошептал:

– Демоны, сюда!

Аю отбежала от места схватки на слишком большое расстояние, и Озария испугалась, что уже не сможет найти место, где видела росток.

Вокруг шумела битва. К ней то и дело бросались духи, стремясь сбить со спины борзой или ранить, но, к ее удивлению, черные тени образовали живой щит вокруг нее.

– Стой! – крикнула Озария борзой, хватаясь за уздечку. – Поворачивай назад, к дереву!

Борзая повернула к ней тонкую изящную голову, моргнула, словно раздумывая над ее словами, но все-таки повернула в обратную сторону. Как только она остановилась, девочка спрыгнула на землю и? не обращая внимания на змей, копошащихся под ногами, бросилась к золотистой искорке.

Она упала перед ростком на колени, но стоило ей приглядеться к нему повнимательнее, как сердце ее упало: кто-то успел вырвать его из земли с корнем.

– Нет, нет, нет! – яростно зашептала она. – Этого не может быть!

Но сомнений быть не могло. Все было кончено. Озария склонилась над ростком, нежно взяла его в ладони и стала баюкать, как младенца. Как же так? Все, через что ей пришлось пройти, оказалось зря?

Она вспомнила лица своих родителей, какими глазами они на нее смотрели, когда она с ними прощалась. Что с ними будет, если она не сможет вернуться?

– Озария! – завыли демоны. – Озария! Освободи нас!

– Я не могу! – закричала она в ответ, чувствуя, как всю ее затапливает отчаянием.

Но они ее не слышали. Они завихрились вокруг нее в безумном торнадо, стали царапать ее, щипать, рвать волосы и одежду.

– Озария! Озария! Озария!

Она вспомнила, как лежала на горячем песке между мамой и папой, прижимаясь то к ней, то к нему по очереди. Вспомнила, какой любимой и нужной чувствовала себя тогда. И поняла, что, несмотря на то, что общая беда смогла снова объединить папу с мамой, как было уже ничего не будет.

Глаза обожгло слезами, и она яростно закусила губу изнутри.

– Выпусти! Выпусти нас!

– Я не смогу вас выпустить, – прошептала она.

Мама, папа и она – единое целое, которое разбилось на осколки.

– Озария!

– Дочка, ты где?!

Она не отзывалась. Ей было все равно. Она проиграла.

Она сжалась в комочек на земле, чувствуя ледяные прикосновения рептилий даже через одежду. Вокруг было совсем темно: тени вокруг нее сгустились в плотное покрывало, за которым она могла спрятаться от всего мира.

Земля затряслась, по стенам и по потолку пещеры поползли глубокие трещины, и всё вот-вот должно было обвалиться, но ей было все равно.

– Озария!

Сквозь темноту пробился лучик света. Чьи-то теплые руки обхватили ее, подняли и стали укачивать.

– Тшш, – сказала мама, прижимая ее голову к груди.

– Ох, принцесса, как же ты нас напугала! – сказал папа.

Она подняла голову и изумленно взглянула на родителей – они были измазаны в грязи и саже, на рубашке папы не хватало одного рукава, а у мамы под глазами красовались подтеки от туши. Но это действительно были они.

Она хотела сказать им так много, но, когда открыла рот, почувствовала, что больше не может сдерживаться.

– Я не справилась! – сказала она.

И начала плакать. Слезы хлынули из нее потоком – те слезы, которые она сдерживала все время с тех пор, как родители разошлись. Она плакала и плакала, и все никак не могла остановиться, а легче не становилось.

Она рыдала о себе, о папе с мамой и о годах, которые они прожили вместе, а она и не знала, что они несчастливы, о том, как одиноко ей было, и о том, как она ненавидела себя. Она плакала, потому что мир оказался несправедлив и потому что она проиграла, несмотря на все жертвы, на которые пошла.

– Я не успела! – захлебываясь, сказала Озария.

Мама с папой обхватили ее, сжали в объятиях крепко-крепко и зашептали ей успокаивающую чушь.

– Все наладится, доченька, – сказал папа.

– Мы тебя любим, – сказала мама.

Вдруг мама громко охнула, что-то пробормотала, и девочка тут же открыла глаза, готовясь увидеть Верховного или кого-то из демонов. Вместо этого, опустив взгляд к земле под собой, она увидела, что из-под черноты пробивается знакомое золотистое сияние. Оттуда пробился новый росток! Он быстро рос, вытягивался вверх – к лицу девочки.

Она выдохнула.

– Духам – гору, демонам – подземелья, людям – землю, – сказала она, – но мир един для всех. Нет темных сил, нет светлых сил, есть только Тенгри.

Наступила абсолютная тишина. Все затаили дыхание, и даже схватка между темными и светлыми духами остановилась на мгновение. Они все смотрели на Озарию, освещенную золотым сиянием.

– Тенгри умер! – крикнула она громко. – И снова ожил!

Как только она произнесла последнюю фразу, росток взмыл вверх, превращаясь в мощное дерево прямо на глазах. Его ствол утолщался, крона покрылась листьями и скрылась где-то вверху, пока не пробила потолок и не зацвела снова где-то высоко, на самой Священной горе.

Озария, не веря своим глазам, уставилась на родителей, а они на нее.

– Это невозможно! – сказала она, подразумевая и их появление, и чудесное спасение Байтерека.

– Вообще-то, еще как возможно, – раздался уже знакомый ей мальчишеский голос сзади.

К ней приближался помятый Арнур, хромающий на одну ногу, девушка с лысым котом на руках и огромный великан, словно весь состоящий из горной породы. Великан улыбнулся ей с таким видом, словно они были давними друзьями.

– Озария, когда мы узнали, какая опасность тебе грозит, мы решили пойти за тобой, – произнесла мама негромко.

– Да, я принес их на своей спине! – радостно сказал великан, гордо тыкая себя в грудь. – Твой папа ужасно кричал, пока мы спускались!

– И что же теперь будет? – спросила Озария, беспомощно оглядывая поле боя. – Верховный меня уничтожит?

Арнур фыркнул.

– Да пусть попробует! – сказал он. – Но он не будет даже пытаться. Теперь мы все будем защищать тебя, ты же шаманка! К тому же ты спасла дерево и объединила миры, равновесие восстановила!

– Ничего не будет как раньше, – вступила в разговор девушка, серьезно глядя на девочку. – Теперь демоны снова появятся в мире смертных, а смертные снова начнут нас всех видеть. Поначалу будет хаос, и всем будет страшно…

– Я надеюсь, ты ведешь сейчас к чему-то хорошему? – обеспокоенно спросил Арнур.

– Но потом будет лучше, чем когда-либо было. И ты будешь нужна нам на каждом этапе восстановления порядка, потому что Тенгри будет говорить с тобой напрямую.

Она слегка улыбнулась ей. Мама с папой взяли ее за руки с двух сторон, и она почувствовала, что наконец может расслабиться.

– Я справилась, – прошептала она себе тихо.

Эпилог

Озария сидела на скамейке у дома, запрокинув лицо навстречу Небу.

Теперь, с новообретенным титулом шаманки, у нее было не так много свободного времени. Она быстро набиралась знаний об устройстве мира, и все же было много такого, в чем, она знала, опыта ей не хватает. С тех пор, как демоны вырвались в реальный мир, а горные духи снова стали набираться сил, стычки происходили постоянно, и это было ее работой – разбираться с ними.

Среди духов было много сторонников Верховного, которые считали, что выпустить темных духов означало открыть банку с червями, и иногда она спрашивала себя, не совершила ли она ошибку, сделав это. И только время наедине с Небом могло развеять ее сомнения.

Тенгри принимал их всех такими, какие они были, они все были его детьми, и она старалась учиться смотреть на это так же.

Мама с папой сдержали свои обещания. Четыре дня в неделю она жила с мамой, а другие три проводила с папой, стараясь игнорировать взгляды Алуа и не раздражаться на свою сводную сестру.

Из школы они ее забрали: теперь она училась на дому, что позволяло ей тратить как можно больше времени на изучение шаманских ритуалов и заклинаний. Родители вообще старались быть очень внимательными к ней теперь, после всего произошедшего.

Может быть, боялись, что однажды к ним снова заявится Полуночник и заберет их дочь под землю.

Полуночник куда-то исчез. Со времени битвы в царстве Эрлика она его не видела и не слышала. Только иногда ей казалось, что она чувствует его присутствие где-то глубоко у себя в голове, но он никак себя не проявлял. Еще реже она замечала, что ее тень двигается независимо от нее, но стоило ей сфокусировать на ней внимание, как тень становилась обычной тенью.

– Как ты думаешь, он еще вернется? – как-то спросила она у Арнура, который теперь был частым гостем в ее доме и стал настоящим другом для нее.

Он развел руками и ответил:

– Я никогда не слышал, чтобы сорель просто покидал человека, к которому привязал себя. А ты бы хотела, чтобы он вернулся?

– Я не знаю, – честно призналась она, немного подумав. – Он так нуждался во мне, что я не сразу поняла, что и я ужасно нуждалась в нем. Теперь все изменилось, но я не могу выкинуть его образ из головы.

– Я не советую тебе притягивать его снова в свою жизнь, – серьезно заявил мальчишка. – Демоны – самые опасные из созданий Богини Всего.

А потом он задорно ударил ее по плечу, крикнул «Не скучай!», вспрыгнул на спину изящной борзой и вытащил из-за пазухи комикс. После того, как борзая выпрыгнула в окно со всадником на спине, по двору еще долго разносилось эхо от крика:

– Я самый великий супергерой в мире! Аруа-а!

Анастасия Пяри

Роман

Люция и незвери

ГЛАВА ПЕРВАЯ (недописанная)

ДИВАН

Мышью по тротуару шуршал подсохший и потемневший лист. Пахло гнилыми яблоками и немного сигаретным дымом от лавочек в скверике возле метро. Люция десять минут назад вышла не на своей станции, потому что задумалась, погрузилась в себя. Она пересекла сквер и направилась в сторону читавшего рэп пухлого парня. Раз уж она тут, почему бы не послушать.

Только она начала различать слова, собираемые им, казалось, из вечернего воздуха, невпопад, он прервался и сообщил немногочисленным зевакам, что с утра не ел, а кто-то очень кстати пожертвовал ему гамбургер из Макдональдса, так что он прервется на еду, а потом продолжит. Слушатели рассредоточились по площади, Люция развернулась и пошла обратно в метро. Двое приезжих, смуглых, жилистых мужчин, которых она обогнала, закричали: «Девушка, девушка!» Люция обернулась и сказала: «Чего вам?» В ответ двое пальцами указали вперед и сказали: «Мы не вам, а той девушке». Та девушка и не думала на них обращать внимание. Люция продолжила путь, но все же повернула голову в сторону уличных приставал и громко спросила: «А от нее-то вам чего надо?»

Вопрос рассыпался в синеющем осеннем воздухе.

Метро обдало теплым и пахнущим креозотом выдохом своего нутра. Люция встала на эскалатор и поплыла вниз.

В животе вертелось. Вот голова, а это, наверное, локоть. Она не знала, кто оно, ласково называла Зиготой, не ходила на УЗИ, не вставала на учет. При этом вопрос об аборте перед собой она не поставила ни разу, потому что перспектива иметь ребенка, не будучи достаточно обеспеченной, ее пугала меньше, чем внушенный пропагандой страх стать бесплодной после первого выскабливания. Тем более, что назвать ее беременность нежеланной было бы неправдой. С двадцати лет Люция осознавала, что хочет рано или поздно попробовать сам процесс вынашивания и родов, она даже была готова на инсеменацию при условии, что у нее будут деньги, работа и возможность оплачивать все необходимое для себя и ребенка. Появление Зиготы опередило появление желательных условий и, как это ни странно, даже придало жизненных сил Люции. По утрам ее не тошнило ни разу, она упорно вставала по будильнику и ехала с двумя пересадками в метро, рано, когда черные шапки еще укрывают монголоидные веки спящих работяг.

Люция ездила мыть чаны от теста и соевого соуса в полулегальной столовой для полулегальных людей.

А потом снова на эскалатор, чтобы вернуться в мир позабытой всеми коренной (ой-ой) петербурженки Анны Сергеевны, так и не смирившейся с кошкой в сданной комнате своей плохо пахнущей двушки. Квартира воняла до кошки, вне кошки и не кошкой.

Кафель в парадной, словно желая хоть куда-нибудь уже отсюда, цеплялся за подошву ботинок Люции, купленных в магазине для военных, потому что добротно и дешево, а еще потому что посоветовал Дэн. Лифту сто лет, он стонет, как стонут картины Репина от рам – охальных, уродливых ран из запасников и частных коллекций. Люция хочет сходить на Репина в «Русский музей», но это стоит тысячу для всех категорий граждан.

И еще, чтобы туда попасть, надо отпроситься с работы у начальника чанов с густым налетом сажи от соевого соуса.

А эту возможность – разрешение не работать по важной личной причине – лучше использовать, чтобы пойти в гинекологию и встать на учет, за это даже могут дать больше денег, когда будет декрет.

Но его не будет. Начальник взял на работу с условием не рожать, трудовую книжку не стал брать, Люция просто расписалась в двух местах какой-то бумажки и вышла на новую работу – с выходным в понедельник, который она обычно тратила на поход на Сенной рынок, чтобы купить дешевой еды на неделю и побаловать себя фалафелем в лаваше от Юсефа, студента Политеха, приехавшего из Ливана.

А в пыльном и южном Георгиевске Люцию любили. Мама любила и начальница в библиотеке. Она сказала, что такой талантливой девочке надо ехать в Петербург и там непременно творить – и сделала записи в трудовой книжке, вручив ее владелице, как ее собственную судьбу. Все знакомые, даже те, которые не ездили дальше регионального центра, говорили, что в Питере легко найти работу, и Люция сразу ее нашла, она думала, что параллельно будет учиться, водить экскурсии и писать, но платили не очень, а чанов было много, их надо было отмывать хорошо, а это тяжело, долго и некогда читать, пока доберешься через весь город до своей комнаты, уже и спать пора. А писать совсем расхотелось: руки устали и думать больно. Голова предательски начинала пульсировать жаром, как только Люция позволяла мыслям уходить в сторону от насущной проблемы: как дальше жить. Поиск выхода неизменно приводил к слезам, а всхлипывать надо было очень тихо, иначе хозяйка в соседней комнате начинала громко цокать языком. И от этого становилось стыдно.

А утром нужно было опять шуршать в метро в сером полупальто из секондхенда. Может, написать Дэнчику? Или маме? Да нет, сама справлюсь – в итоге решала Люция и ничего больше не решала, а только тупо намывала тазы, кастрюли, противни и всё, что еще успевали подсунуть с кухни. Шел третий год ее пребывания в

большом городе и пятый месяц беременности от Дэнчика – так она называла своего друга, которого на самом деле звали Дониёром. И который уехал из Петербурга внезапно из-за семейных дел.

Дэнчик раз в полгода брал отпуск в компании «Грузовичков» и летал в Самарканд – домой, как он сам говорил, он и не скрывал, что, кроме мамы, обеспечивает и свою жену с маленькой дочкой. Он был так утонченно красив, что мог бы играть восточных дев в балете. Днем жилистый Дониёр работал грузчиком, а ночью читал рэп в ночных клубах, становясь Дэном в трикотажной белой шапочке. Рифмовать всё подряд на русском ему казалось простым и увлекательным, да и девчонкам нравилось. Только Люция сказала однажды, что тексты у Дэнчика слабые, и что «прочь-ночь», «кровь-любовь», «ушел-пришел» – это какой-то позор, а не рэп. Впрочем, слушала она его в клубе только один раз – это было совсем не ее, да и рано было вставать наутро. А познакомились они очень просто, по объявлению, считай. «Грузчики. Недорого» – такую рекламу подсунула Люции соцсеть сразу после того, как она нашла себе в съемную комнату диван в группе «Отдам даром».

Приехали на грузовой газели двое. Когда Люция их увидела, подумала: как же эти муравьишки понесут тяжеленный диван, который отдали, судя по всему, только чтобы не связываться с его перемещением? Пока один из минигрузчиков курил, второй поднялся на третий этаж, достал, как герой вестерна, револьвер, шуруповерт, открутил массивные подлокотники дивана, взвалил на себя и понес основную часть, словно это мешок картошки, а не мебель, похожая на книжку атланта. Товарищу осталось только забежать за боковинами. В место доставки Люция ехала в кабине рядом с силачом-красавчиком, который представился Дэном и всю дорогу от «Черной речки» до «Непокоренных» молчал, а когда приехали, спросил: «Куда нести, хозяйка?» Люции почему-то стало в этот момент очень хорошо от того, что ее дешевая комната оказалась на первом этаже. На Дэна она смотрела, приоткрыв припухшие губешки, ее одолевали беспокойство и грусть от того, что он сейчас получит деньги, уедет и они больше не увидятся, ей было немного жаль, что он ничего не говорил, не флиртовал и даже не подмигивал ей, чего она ожидала от парней-мигрантов, но исключительно, чтобы быть готовой их осадить. Пока Дэн прикручивал боковины, она собиралась с духом и искала бумажку. Впопыхах вырвала лист из блокнота для скетчей, в котором так и не начала рисовать, написала свой номер телефона и имя и, расплачиваясь, вручила ее «муравейчику» со словами: «Дэн, если вам будет нужна подруга, позвоните мне». Потом ей было стыдно и страшно, что он ее неправильно понял.

Но, кажется, она совершенно случайно попала в цель, словно в школьном матче по баскетболу за секунду до свистка кинула мяч в сторону корзины и забила трехочковый. Вниманием девушек Дониёра жизнь одарила щедро, но подруги у него никогда не было.

Они стали дружить. Дэн позвонил через два дня, потом стал приходить к заднему ходу кафе, она выползала из кухни к нему с мокрыми руками покурить, поболтать и отдохнуть от мытья посуды. Иногда они вместе шли до ее дома и просто говорили. Он рассказывал о своем детстве с мамой и папой, про то, как в 18 женился на сестре своего друга, потому что решил, что стал взрослым. И как понял, что совсем не хочет быть взрослым, когда через полгода отец умирал от рака, выписанный из больницы домой, мать впала в тяжелую депрессию и не вставала с кровати в соседней комнате, а жену положили на сохранение в роддом.

В один из летних вечеров рассказ Дэнчика так затянул Люцию, что она его молча, за рукав толстовки завела к себе в комнату под ворчание хозяйки квартиры, поставила турку на свою личную махонькую электроплиту (не любила она кухонных встреч с арендодательницей), достала купленные по пути домой пирожки. Рассказ закончился, пирожки и кофе тоже, а она посмотрела в его пушистые глаза и поцеловала. А он принял это как что-то вполне привычное, обнял, попытался уложить на познакомивший их диван, но она встала и подошла к своему маленькому, со сколами на углах нетбуку. «Шопен», – забила Люция в строке поиска музыки в соцсети «Вконтакте».

– Ты любишь классику? – тихо и с неким подозрением спросил он.
– Иногда без нее просто никак. Ты любишь секс?
– Да.
– А хочешь?
– Угу, – смутился он.
– Тогда просто помолчи. Тут слышимость хорошая, – шепотом добавила она.

Люция подошла к дивану, раздвинула ноги Дэнчика, расстегнула ремень и ширинку, запустила руку ему в трусы, аккуратно, но без особой нежности достала еще не успевшее наполниться кровью пещеристое тело и легкими поглаживаниями превратила его в фаллос, после чего встала на колени и стала делать минет. 27-го Ноктюрна ре-бемоль мажор вполне хватило на все действо, и Дэна это почему-то сильно обеспокоило.

– Извини, обычно я не так быстро… Просто ты все так суперски делаешь… – бормотал он, пока она сплевывала сперму в бумажную салфетку.
– Разве мы не договорились молчать?
– Да.
– Окей. Ты меня тоже извини. Надеюсь, нашей дружбе это никак не помешает. Давай встретимся после моей работы послезавтра? Я сейчас уже хочу лечь спать.
– Давай...

Она подошла к комнатной двери, открыла ее и подождала, когда он встанет и выйдет в коридор. Обулся и оделся он молча. В коридор выглянула и Анна Петровна.

– Пока, – показательно весело и просто сказал он, зачем-то подняв руку.

– Пока, – примерно на той же ноте ответила ему Люция и закрыла за Дэнчиком дверь.

– Кто это? – спросила хозяйка.

– Учитель музыки, – ответила Люция и потопала в ванную.

– Дорого стоит?

– Нет, он волонтер в организации для малообеспеченных приезжих Петербурга, так что для меня эти уроки бесплатные, – с упоением врала Люция и от этого приходила в еще более хорошее настроение.

– А, ну понятно.

Хозяйка захлопнула дверь в свою комнату.

Быстро приняв душ, Люция вернулась в свою комнату, застелила старой и от этого мягкой красной простыней диван, не раскладывая его, достала из шкафа одеяло – страшный коричневый плед из искусственного короткого меха, засунутый в белый, с вышитыми анютиными глазками по окантовке ромбовидного отверстия посередине, пододеяльник. Взяла розовые наушники и пустила по ним из своего нетбука подборку группы Fleur прямо в свою голову, улыбающуюся и расслабленную, согнула ноги в коленях и начала мастурбировать медленно, прерываясь, чтобы не кончить быстро и получить как можно больше приятных сокращений клитора, вагины и ануса. Она никого не представляла, ей нравилось быть со своим телом одной, нравилось его изучать, понимать.

Люцию никто никогда не учил понимать свое тело. Она обратила на него внимание, когда мама вдруг сказала, что пора уже перестать бегать с мальчишками по улице в одних трусах: «Вон, посмотри, у тебя уже сисечки растут». От этой фразы Люции поплохело, она посмотрела на свои чуть припухшие у основания сосков груди десятилетней девочки. Она и не замечала раньше, что они стали меняться, что с ними что-то не так. Это было лето после третьего класса, они ходили с мальчишками на озеро, купались там в трусах, а потом, не одеваясь, шли по домам. Оказалось, что так делать стыдно. Но ужасней этого придуманного взрослыми стыда было то, что тело и правда стало меняться. Чтобы скрыть метаморфозы, перед которыми Люция чувствовала себя бессильной, она стала сутулиться и носить поверх маек рубашки. А слова «сисечки», «грудки», «грудочки» она всем своим сердцем возненавидела, и частички этой ненависти искрами попадали в мать, которая и была их носительницей. Язык матери Люцию всегда раздражал. Он был то неоправданно пафосным, то сюсюкающе пошлым, то вообще отсутствующим. Например, у матери совсем не было слов, которыми она бы разговаривала с дочкой про секс или романтические отношения. И даже если бы мать и решила поговорить «про это», то Люция скорей всего бы убежала – к своей подруге, однокласснице Лизе. У нее дома были журналы ее старшей сестры Тамарочки – Cool Girl, а

в них можно было прочитать про секс. Пока Тамарочка после занятий в училище гуляла с друзьями, Люция и Лиза бежали после школы домой читать ее журналы, просвещаться.

О том, что у девочек должны начинаться «месячные», Люция узнала тоже от подруги. У той мама была проще и раскованнее. Она клала себе в трусы при дочери то, что называлось «подкладушкой», стоя у шкафа в их общей комнате, которая была спальней и родителям, и двум дочерям, и гостиной, только слова «гостиная» в Георгиевске тогда не употребляли, а говорили «зал». Гостиные были где-то далеко, в Москве, наверное, или в Петербурге. В то время мама Лизы привычно клала себе в трусы свернутую марлю с ватой внутри. А фабричного производства «женские гигиенические прокладки» из целлюлозы Лиза увидит позже, через несколько лет, они придут из той жизни, которую вели женщины в больших городах. А тогда Лиза спросила: «Мама, а что это ты делаешь?» И мама ей честно рассказала, что у женщин раз в месяц несколько дней течет кровь «из писи». Слово «влагалище» тогда говорили только на приеме у врача и то не все женщины в Георгиевске. А Лиза только-только пошла в первый класс, и ее мама считала, что слово «пися» пока еще вполне подходящее для разъяснения тонкостей женской физиологии. Она сказала дочери, что и у нее лет в 12-13, может, чуть раньше или чуть позже, тоже раз в месяц, оттуда будет течь кровь. Как к этому быть готовой, Лизе никто не сообщал. И она поспешила рассказать про этот ужас своей лучшей подруге Люции.

После этого Люция стала следить за своей матерью в надежде заметить, что у той тоже такое бывает. Но примерно полгода наблюдений и периодических перерываний шкафа в поисках того, что могло бы походить на «подкладушку», она так и не засекла чего-то, что выдавало бы эти «месячные». Когда же Люция обнаружила у себя на трусах коричневатое пятно, про менструацию уже во всю говорили по телевизору, рекламируя тампоны, прокладки, называя ее «критическими днями» и проливая жидкость голубого цвета во впитывающие гигиенические средства.

– Ну, всё, Лизка, я теперь настоящая женщина, – сказала Люция подруге, выйдя из туалета у нее в гостях – после школы девочки обычно вместе проводили время у одной из них дома.

– В смысле? – почти закричала Лиза.

– Ну, это, у меня месячные начались.

– Тьфу, напугала. Я думала, что у тебя был секс!

– А разве до месячных секс можно пробовать?

– Нет, конечно! Его можно только в 16. Или в 18 – я сама еще точно не знаю, надо будет у сестры спросить.

– Но теперь я взрослая все же.

– Да, а я пока нет. Хотя мне почти тринадцать, а тебе двенадцать только исполнилось. Но теперь ты можешь забеременеть.

– Точно?

– Точно. Я про это читала в журнале. Да и мама, кажется, говорила. Но я это плохо помню. Мне было так стремно, что она мне это все рассказывает, что я старалась особенно не думать в тот момент.

– Теть Женя хотя бы в принципе с тобой нормально разговаривает. Моя вообще днями молчит – это в лучшем случае. В худшем она решает поговорить по душам, по-дружески. Вот этого я совсем вынести не могу. Но, видимо, придется ей сегодня рассказать. Сама же я себе не могу купить прокладки, они, наверное, дорогие, а денег мне мать только на булочки дает.

Люция после этого сразу побежала через два двора домой, она очень боялась, что кровь пропитает и трусы, и джинсы, что это кто-то увидит. Мамы дома не было. Она работала бухгалтершей в больнице и возвращалась после шести. Люция залезла в аптечку и нашла там бинт и вату, она сделала себе прокладку, положила в трусы и бегала каждые 15 минут в туалет, смотреть, много ли из нее вытекает крови. Она могла бы это делать и в своей комнате, но в туалете было укромнее, чем в комнате с окном на первом этаже. Люция с мамой жили вдвоем в двушке, у каждой была своя территория и общее место – кухня с телевизором, где они обязательно встречались по утрам и за ужином.

Отца не было. Никогда. Мать не скрывала от дочери, что она плод служебного романа с человеком, у которого есть семья, в которой никто не хотел бы знать о существовании Люции. «Я родила тебя для себя», – говорила Ирина своей дочери, а ту от этих слов передергивало. Для себя можно купить килограммовый брикет мороженого, упаковку креветок, ну, хомяка в конце концов, но вот целого другого человека «для себя» – это у Люции в голове умещаться не хотело.

Люция дописывала домашку по русскому, когда в замочной скважине завозился ключ. Сердце екнуло. Она не любила момент прихода мамы домой. Это всегда была лотерея: какое у нее настроение. Люция старалась по максимуму минимизировать в квартире то, что могло вызвать недовольство мамы. Только помыв посуду, вытерев с мебели пыль и убрав с глаз свои вещи, девочка могла спокойно сесть за свой письменный стол и, притворяясь, что делает уроки, с упоением писать. Для этого любимого занятия Люция держала обычно две 96-листовые тетради: одну для вымышленных историй, вторая же была дневником. Вести эти тетради она начала за год до своей первой менструации и про нее еще не успела ничего написать – ждала разговора с мамой.

В тот день Люция не только столкнулась с новым для себя проявлением своей телесности, но и узнала, что мама ее очень любит.

– Мам, у меня это, месячные начались, – встретила Люция в коридоре мать, густо покраснев от сказанного.

– О! Уже? Черт, я даже забыла тебя про них предупредить.

– Да я уже давно была в курсе, знаю, что это. У тебя прокладки есть?

– Подождешь еще минут десять? Я в аптеку, – Ирина снова влезла в туфли на небольшой танкетке и выбежала.

Оказалось, что у Анны уже года два, как началась менопауза. Люцию она родила в сорок лет, и это действительно было решение женщины-одиночки во многом «для себя», ей было страшно, что она не узнает, как это – быть матерью, и будет об этом сожалеть. Поэтому, узнав о беременности, она не стала делать третий аборт, хоть ее любовник-начальник на этом очень настаивал. Дочери Ирина в тот вечер купила по пачке всех прокладок, которые нашлись в аптеке, включая и самые дорогие, – чтобы та выбрала себе наиболее удобные и подходящие. А еще они поговорили о тампонах. Ирина сказала, что почти ничего о них не знает, но знакомые врачи из больницы, где она работает, говорят, что и девушкам, которые пока не начали так называемую половую жизнь – именно так и говорили в Георгиевске вместо «заниматься сексом» – их тоже можно использовать. Люция решила, что попробует когда-нибудь потом.

Это потом началось в 11-м классе. Тогда Люция начала «встречаться с парнем». Парнем была соседка, студентка третьего курса медицинского колледжа Света. Она была цисгендерной женщиной (тогда, правда, таких понятий в ходу не было), но слово «лесбиянка» уже использовали и его стеснялись. Сама Света его избегала тоже, предпочитая говорить «я в теме» или «я по девушкам». Она на правах экспертки в медицине убедила Люцию попробовать тампоны – когда они вдруг решили поехать с компанией на море, и эта заветная неделя первого самостоятельного отдыха Люции, да еще и с любимой, должна была совпасть с менструальными днями. Так получилось, что первая любовь и первый секс Люции были с девушкой. Света вечерами с весны до глубокой осени бросала в кольцо баскетбольный мяч. А Люция и Лиза смотрели на это шоу, грызли семечки и болтали о своем. Свое у них было разное. Люция много говорила о романе с продолжением, который к тому времени она писала для всей школьной параллели, ждавшей продолжения, как нового эпизода сериала. Лиза начала встречаться с одноклассником Артуром, и все ее разговоры были о том, как ей хочется зачем-то сохранить свою девственность до свадьбы, но он же мужчина, ему нужно, поэтому она много рассуждала о разных техниках минета и не согласиться ли ей на анальный секс, на что ее изо всех сил уламывал возлюбленный. Люция слушала в пол-уха и не могла оторвать глаз от накачанных рук Светы.

Как только вечер мая сгустился, и попадать в кольцо стало труднее, Света подошла к подружкам, присела и обратилась к Люции:

– Слушай, а почему тебя так странно зовут?

– В честь бабушки. Ее мама, моя прабабка, была упоротой коммунисткой, революционеркой, у мамы где-то даже сохранились ее фотки в тулупе с наганом. Вот она назвала мою бабушку Люцией (от слова «революция»). А бабушкиного брата

они с прадедом назвали Виленом – в честь Ленина. А мою маму переклинило, она и назвала меня в честь бабушки, но придумала новую легенду: типа Люция – это святая Лючия, которая якобы выколола себе глаза, когда узнала, что некий парень ими пленился. Она дала обет безбрачия – в честь Христа.

Света молча покивала головой в ответ на этот рассказ. А Лиза сказала, что ей пора, и ушла домой.

– Может, зайдешь на чай? Я сейчас одна живу. Отец на вахту в Уренгой уехал. А мать сейчас живет у бабки в селе, та совсем из ума выжила – стены говном мажет – за ней глаз да глаз нужен.

– Я только заскочу маме сказать, что я к тебе в гости пойду.

– Не вопрос.

С того вечера Люция и стала постоянно проходить мимо своей квартиры и подниматься к Свете на пятый. Там они впервые поцеловались. Там Света впервые на зеленом продавленном диване засунула в Лю-цию свои пальцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ (восполняющая завязку)

BYE, BYE, ПИТЕР

Дэнчик уехал из Петербурга внезапно, а самое плохое, что после ссоры. В тот вечер Люция сильно нервничала. Она уже знала, что беременна, но не знала, стоит ли про это говорить будущему отцу. Хочет ли она, чтобы он был отцом ее Зиготы? Люция шла в свой выходной после похода на рынок на встречу с Дэном и представляла, что он надевает шапочку маленькой девочке, их дочке, чтобы пойти гулять, – и от этой картины ее начинало мутить. Тогда она переключалась на то, чего ей действительно хотелось. Она представляла, как расстегнет его ремень, как засунет руку в его болтающиеся где-то на середине бедер штаны. Она не знала, любит ли она секс, но раз в три недели она его хотела так, что не помогала мастурбация. До беременности такого не было, за полгода знакомства с Дониёром у нее (или у них) был секс всего три раза, включая тот первый минет, и Люции казалось, что это too much. После обнаружения задержки и двух проявившихся полосок на тесте, купленном в круглосуточном гастрономе после работы, низ ее живота раз в две недели начал испытывать эту сексуальную жажду, раздражение, недощекотку, успокоить которую можно было только проникновением живого, теплого, нежного и, главное, хорошо знакомого и красивого человека – Дэна. Она буквально набросилась на него в арке, ведущей во двор-колодец на Марата, там в коммуналке Дэн и еще три парня снимали вместе одну комнату. Поэтому у него она была всего два раза, подождать, пока он переоденется. В комнате всегда был кто-то из ребят: отсыпался после ночной смены, готовился к сдаче экзаменов или просто тупил в монитор смартфона, общаясь с далекой и многочисленной родней. День был на редкость жарким для конца Петербургского июля, пахло пылью, мочой, канализацией и одеколоном Дэнчика, всё это Люцию возбуждало, во всяком случае, так ей это чувствовалось. Она стала его целовать, он отвечал, но, когда она полезла к нему в джинсы, отпрыгнул.

– Я не могу с тобой трахаться в подворотне. Во-первых, я узбек. Если кто-то вызовет полицию, меня вполне могут обвинить в изнасиловании и вдобавок повесить парочку нераскрытых дел. Во-вторых, у меня был романтический план – потрахаться с тобой под Мандельштама.

– Ты хотел сказать под Мендельсона.

– Нет, я хотел и сказал – под Мандельштама.

– Это как?

– В ютубе есть ролики, где сам Мандельштам читает свои стихи или актеры читают.

– Ты сейчас хочешь мне понравиться, что ли? Думаешь, это вообще может понравиться – трахаться под стихи Мандельштама в его собственном исполнении?

– Не знаю, просто, когда я его слышу, у меня всё встает. Я и хотел попробовать.

– Всё? Ты так про свой член говоришь? Это для тебя – всё?

– Нет, просто у нас не принято говорить с женщинами про… Ну, про это всё.

– У вас? А у нас? У нас с тобой что-то принято? Встречаться в подворотне? Заниматься сексом на моем диване, когда хозяйки нет дома или включая музыку? Но сегодня она дома! А я хочу тебя.

– Слушай, я так не могу. Женщина не должна бросаться на мужчину.

– Что ты сказал? «Не должна»? Так вот, запомни: тебе ни одна женщина мира ничего не должна, если она у тебя ничего не занимала! – Люция повернулась и пошла на улицу.

Дэн пошел за ней, попытался взять ее за руку и остановить, она отдернула.

– Ну подожди, Люция. Я правда хотел, чтобы сегодня все было романтично. Прости. Мне нужно уехать домой. И я не знаю, когда вернусь. Я даже уже уволился. Моя жена подала в суд на развод. И если я не опротестую ее заявление, если я не приду в суд – вероятно, она выйдет замуж за другого, а я больше никогда не увижу своего ребенка.

Люция остановилась и повернулась к Дэнчику. Она как угодно представляла сегодняшний вечер, но только не так. Расстаться с единственным появившимся у нее за три года близким человеком легко она не могла. А тяжело – не хотела, потому что знала, что внутри нее живет Зигота, а это значит, что расстраиваться нельзя.

– Погоди, а у вас жена может подать на развод и выйти снова замуж, и не показывать тебе ребенка?

– Про не показывать ребенка – не знаю, это мне мать написала. А развестись – конечно, все могут, мы же не в Средневековье живем!

– Так ты это от матери узнал, не от жены? А с ней, с женой, ты уже говорил?

– Да, говорил. Это правда. Она сказала, что устала так жить – что от меня только деньги и звонки раз в неделю. Она хочет обычную семью, хочет ходить вместе в кино, на рынок, хочет, чтобы я гулял с дочкой, и еще она хочет учиться.

– Ты ее любишь?

– Не знаю. Я забыл, если честно. Я не помню, как я себя чувствую, когда мы с ней рядом. Сейчас я ничего не чувствую. Кроме страха. Когда я уезжал, я считал, что моя жена присмотрит за матерью, что я заработаю денег, вернусь или устроюсь так, чтобы перевезти их сюда, в Петербург. Но ты видишь, что мне хватает только

на то, чтобы отсылать половину зарплаты туда и на остальное есть и снимать кровать – даже не комнату. Я не справился.

Она посмотрела в его почти черные глаза, и он их не отвел. Она видела, что эта правда ему дается с трудом, наверное, даже трудней, чем слова «пенис» или «секс», но он ей это сейчас говорит. Она обняла его. И так они стояли долго на проходе у туристов и жителей города, вежливо их обходивших.

– Ты знаешь, это наша первая с тобой ссора. Пошли отметим ее?

– В бар? – улыбнулся он.

– Не, в бар мне нельзя. Давай по латте с круассаном в сквере возле ТЮЗа? Обещаю, домогаться больше не буду. Во всяком случае, до твоего возвращения. Ни к кому.

– Ладно.

И они, совсем как дети, посидели на лавочке, выпили приторный напиток, который и кофе назвать сложно, съели по два круассана с миндальной стружкой. Вдыхали жару, вспоминая, какой она бывала в местах, где они родились и выросли, даже не целовались и не говорили ни о чем серьезном. У Люции вдруг внутри все само собой успокоилось. Ей стало странно, что она еще несколько часов назад была готова заняться сексом хоть и не в самом проходном, но все же общественном месте, она даже специально надела с утра для этого легкое и свободное платье, а под него – тончайшие стринги, которые можно было даже не снимать, а слегка отодвинуть в сторону. А Дэн так и не заметил, что ее нос, губы и взгляд сильно изменились. Она попросила не провожать. И он попросил не провожать его завтра в аэропорту. Она знала, что она могла бы и, вероятно, хотела, но раз так, то не будет. Он пообещал писать в «ВКонтакте».

Всё. Она шла абсолютно свободная по вечернему и невыносимо светлому, разноцветному и радостному Петербургу и думала, что, может быть, зря она его уже успела полюбить. Уж слишком тяжело давался ей этот город.

Дэн не вернулся ни в августе, ни в сентябре. Написал он всего дважды. На следующий же день, когда долетел, – что приземлился и добрался до дома. Это был дом, в котором жили его жена и дочка. Второй раз он написал через две недели про то, что суд дал им с женой время на примирение. Люция ждала, что будет еще сообщение, может, через две недели или через месяц. И только в ноябре, вернувшись уставшей с работы, покормив свою трехцветную размурчавшуюся и покакавшую в честь прихода человека кошку Дусю, она вновь задалась вопросами: а может, все-таки написать Дэнчику или маме? Мысли о том, что нужно что-то решать со своим положением глубоко беременной и одинокой женщины в городе, который с наступлением предзимнего мрака стал казаться враждебным, не давали покоя. Как и Зигота, которая стала все чаще и ощутимее шевелиться в животе.

Люция лежала на диване с ноутбуком на животе и прокручивала ленты социальных сетей, то открывая окно переписки с Дэном, то закрывая его. И вдруг у своего работодателя она увидела репост:

«Есть загородный дом на юге Украины (Запорожская область). Дом полностью пригоден для зимовки – есть отопление и горячая вода. Вода своя (колодец). Телефонная линия есть, интернет, наверное, решаемо. Есть участок.

Если кому-то негде жить – прошу. Минимум – полгода. Хотите купить – покупайте за сколько можете. Нет – просто так живите. Мало ли у кого какая ситуация – личная, семейная, сбежали от войны. Оплаты не надо. Платите за электричество, сколько набежит, и телефон, и живите.

Единственное условие, абсолютно необсуждаемое. Жильцы должны любить животных. Там две старые собаки и черт знает сколько котов – родители всех кормили. Как их сейчас вывезти или пристроить, я понятия не имею. Но это их, котов и собак, дом. Пусть живут. Если хороший человек, а ситуация совсем бедственная, деньги на корм я найду. Но нужно любить, заботиться и кормить живность, как минимум, до весны или весь год.

Это не хоромы и не коммерческая продажа. Фотографий, метража и т.д. не будет, этим некому заниматься сейчас. Это спасти от беды – зверьков и себя».

Люция посмотрела на кошку, представила, как они сядут в поезд и отправятся туда, куда, как ей сейчас явно чувствовалось, ее толкает судьба, провидение, божественный промысел или личная безответственность и жажда бежать от уже существующих проблем в некие новые, вероятно, еще более страшные. Дуся запрыгнула на Люцию и улеглась на ее бедрах, делая приятный вибромассаж своим непонятным механизмом кошачьего выражения одновременно удовольствия и легкой нервозности.

Люция перешла на страничку автора объявления. На немногочисленных фото был запечатлен благополучный киевлянин с двумя детьми, мальчиками, наверное, погодками лет пяти-шести, с улыбчивой и полненькой рыжеволосой женой. У этого Павла Рудя явно был свой дом или хорошая дача, автомобиль. Она решила написать.

«Здравствуйте, Павел, я не беженка, я никогда не видела войну вблизи, я вообще русская и из России, и я пойму, если вы не захотите мне ответить. Но я очень заинтересована в вашем предложении пожить в доме ваших родителей или теперь уже в доме их животных. Обещаю, что буду ухаживать за ними хорошо. Я очень люблю животных и приеду со своей кошкой Дусей. Меня зовут Люция. По профессии я помощник библиотекаря (была) и посудомойщица. Единственное, что я бы хотела узнать, есть ли там поблизости, где рожать. Я беременна, и все настолько в моей жизни плохо, что я фактически бездомная и буду очень обязана двум старым собакам и множеству кошек, если они меня приютят».

Чтобы не мучиться сожалениями о сделанном, Люция захлопнула лэптоп, не моясь и не раздеваясь, не застилая простыней диван, уснула, укрывшись пледом, свернувшись на боку и прижав к животу добрую и теплую Дусю.

Утром в желтизне света от лампочки и уличного фонаря она долго тупила на закипающий электрочайничек – на две кружки. В ее голове вертелось: «Рыбий жир, рыбий жир, я еще не хочу умирать». Ее подташнивало, она и правда видела этот город залитым желтым жиром рыб морских пород и чуяла его вонь. И не испытывала никакой нежности к нему. Она вдруг поняла, что ностальгии у нее точно не будет. Люция встала, сходила в туалет, помылась в самых необходимых местах – для нее это были зоны промежности и подмышек, умывать лицо не стала, но почистила зубы – и даже не проблевалась – чудесно. От чая и бутерброда с вареной колбасой, которую она захватила в кухне по дороге из ванной в комнату, ей полегчало. Она вошла со смартфона в мессенджер посмотреть, есть ли ответ от украинца, который явно не хочет возиться со своим наследством – во всяком случае, до вступления в него. Наверное, кто-то из его родителей умер или умерла совсем недавно. Хоть есть и малая вероятность того, что они сделали это в один день.

Никаких новых сообщений у Люции не было. Она оделась и поехала на работу. Ей хотелось с порога пройти к своему начальнику и написать заявление об увольнении и попросить рассчитать ее как можно скорее. Решение словно принялось само, и невозможно его было оспаривать с применением разумных доводов о том, что увольняться в никуда – не лучший способ облегчить себе жизнь. Эта уверенность в правильности и неотвратимости своего поступка шла из солнечного сплетения Люции и вела ее за собой, выпрямившуюся и расправившую плечи.

Однако начальник же не дурак приходить на работу ни свет, ни заря, он же не уборщик, не посудомойщик и даже не повар. Но Люция поняла, что если она увольняется сегодняшним числом, то идти в кухню и мыть чаны ей вовсе не обязательно. Поэтому она попросила помощника повара Вэньмина позвонить ей, как только Руслан Исраилович придет на работу: «Вань, я увольняюсь! Сегодня уже работать не буду. Как Руслан придет – набери меня – ок?» Вэньмин перестал кромсать капусту и посмотрел озадаченно на Люцию, видимо, соображая, что ему делать с грязной посудой, но что-то молча осознав, только улыбнулся и кивнул: «Окай!»

Люция вышла из китайской столовки и пошла вдоль канала гулять, смотреть на просыпающийся город глазами свободного человека. На нее сверху смотрели множественные барельефы львов, нимф, сов, богов и богинь, на которых осела сажа. «Я же никогда особенно и не смотрела по сторонам, вверх, на всю эту пытающуюся во что бы то ни стало устоять отжившую имперскость», – подумала Люция. Она и правда, переехав в Петербург, часто смотрела себе под ноги, словно боясь спот-

кнуться или мечтая найти что-то ценное. А в метро она, если не засыпала и не читала книжку в своем быстро разряжающемся смартфоне, рассматривала людей, представляла, кто они, какой жизнью живут. Так она шла и глазела, словно давая себе шанс еще раз все обдумать, но только убеждалась в том, что этот красавец-город, конечно, обворожителен, но вытягивает все соки, не принимает, испытывает, а разве так делают, когда любят?

Вдруг перед ней открылась дверь, на стекле которой маленькая рука с татуировками и кольцами перевернула табличку на OPEN.

– Доброе утро, мы открылись, заходите на кофе! – сказала улыбающаяся брекетами девушка в черной шапочке-бини, из-под которой свисали розовые волосы в прическе каре – аккурат по нижнюю часть толстенького лица.

– Доброе, – улыбнулась в ответ Люция и вошла. – Что у вас тут есть?

– Попробуйте наш раф с миндальным молоком!

– А он сладкий?

– Я сделаю вам настолько сладкий, насколько вы любите.

– Мне не очень приторный, – Люция села у стойки на барный стул.

– Соленую карамель добавим?

– Это точно не будет слишком?

– Не будет. Доверься мне, – видимо, сразу приняв посетительницу за свою, бариста перешла на «ты». – Спешишь на работу?

– Нет, я сегодня увольняюсь.

– А что так? Достали?

– Достало. Люди у нас неплохие работают. Но сама работа – адок. Я мою сковороды, чаны, противни и прочую крупную посуду в китайской едальне – а там жир, соевый соус, копоть, нагар…

– А разве у вас нет посудомоечных машин?

– Машины – это для тарелок, блюд, чашек, бокалов, приборов. А для всего остального есть посудомоечная я. Была.

– Как платили?

– Регулярно, но мало. Как везде.

– Понимаю. И чо, куда теперь?

– Не знаю, если честно. Просто поняла, что я так больше не могу.

Рука в кольцах и татуировках поставила высокий прозрачный стакан с напитком цвета крафтовой бумаги из вторсырья.

– А знаешь, для таких особенных клиенток, как ты, у нас есть пельмешки с предсказаниями. Есть я тебе их категорически не советую, они тут были еще до моего появления, а я уже четвертый месяц тут кофе готовлю.

Бариста встала на махонькую этажерочку и потянулась за небольшим декоративным ведерком на самой верхней полке. Люция посмотрела на туго обтянутый джинсами приятной по ее меркам полноты зад и подумала, что секса-то давно и не хочется. Хотя, предложи ей сейчас его эта кофейная фея, вряд ли бы она отка-

залась. Бариста слезла, тихо крякнув, и протянула ведерко посетительнице. Люция чуть дольше, чем того требуют приличия, посмотрела в глаза сиюминутной благодетельнице, опустила руку в ведерко и вытащила печенье в форме пельменя. Бариста ожидала, что и сама поучаствует в аттракционе и узнает, какое будущее нагадают тесто и бумажка первой клиентке. Но Люция положила пельмень рядом со стаканом и сделала вид, что сейчас это не самое важное из дел. Она отпила несколько глотков сразу и полезла в карман пальто за смартфоном, чтобы проверить, не ответил ли Павел. Нет. Люция допила кофе, слушая, как рассказ бариста о том, как она бросила год назад университет из-за сильной депрессии, но сейчас ей уже значительно лучше и она подумывает следующим летом поступать на ветеринарный, потому что, в отличие от философского, на котором ее затянуло в пучину мрака, боли и скорби, а после – вселенской апатии, ветеринарный мог дать осязаемый смысл жизни и неплохо оплачиваемую профессию.

– А за обучение сама платить будешь? – бесцеремонно поинтересовалась Люция.

– Нет. У меня папа очень хороший гинеколог.

– Известный в городе человек?

– Известные в городе человечицы у него лечатся. Да, я бы сказала так.

– Понятно, – сказала Люция, чтобы поставить точку в этом совсем уж не похожем на смолток общении.

Люция допила кофе, поймала взгляд баристы, обдающей паром и протирающей чашки, и спрыгнула со стула.

– Спасибо, приятно было поболтать, – сказала она, забрала со стойки пельмешек и пошла к выходу.

– Хорошего дня!

На улице Люция разломила печенье и развернула полоску бумаги, прятавшуюся там: «ДОВЕРЬСЯ МИРУ, БУДЬ ВНИМАТЕЛЬНА К ПОДСКАЗКАМ СУДЬБЫ».

Люция развернулась и снова вошла в кофейню. На звук колокольчика обернулась бариста.

– Я вернулась зайти в туалет и показать тебе, что было в моей бумажке. Только разверни, когда я уйду. И сохрани у себя в какой-нибудь книге, которую не выбросишь. Хорошо?

– Договорились, сестра. Как тебя зовут?

– Люция.

– А меня Варя. Туалет там.

Люция с огромным удовольствием опорожнила мочевой пузырь и поняла, что эта легкость – ненадолго. Она сполоснула руки, вытерла туалетной бумагой, чтобы долго не сушить, и пошла.

– Пока, Варя, пусть все у тебя будет хорошо!

– Удачи, Люция.

Набережная, мост, набережная, мост – так много с утра Люции еще не доводилось гулять. Утки, как много уток в этом городе, думала она, глядя на птиц, по-

едающих что-то в холоднющей воде Грибанала (так в Петербурге некоторые местные непочтительно называют канал Грибоедова). Наверное, для Петербурга это не просто городские животные, как кошки, крысы и прочие, – это же настоящий стратегический запас питания. И дальше мысли Люции перескочили на тему блокады и того, возможны ли в современном мире такого масштаба трагедии, как блокада Ленинграда, и сама себе ответила, что ведь и сейчас идут где-то войны, и, вероятно, такую тактику, как блокада, тоже по-прежнему применяют люди или, по крайней мере, готовы применить. История, думала Люция, самая бесполезная из наук. Додумать эту глубокую мысль ей не пришлось – завибрировал смартфон. Позвонил Вэньмин и сказал, что «хозяин пришел». Люция поспешила в столовку. Уже через пятнадцать минут она была в кабинете Руслана Исраиловича, запыхавшаяся.

– Здравствуйте, я увольняюсь.

– Привет. Хорошо. А ты знаешь, что обычно предупреждают за две недели?

– У меня нет этих двух недель. Они для меня теперь очень много значат.

– А ты не беременная ли?

– Да. Как вы поняли?

– Давно живу, работал в женских коллективах. У вас сразу всё на лице написано. Ну и куда ты?

– Да буквально в никуда.

– Может, не будешь спешить? Придумаем что-нибудь.

– А вы чан поднимали с водой? А без воды? Знаете, сколько они весят?

– Вот, началось, всё равноправия требуют какого-то, а потом жалуются, что им тяжело. Я-то много чего поднимал. Напомни, какая у тебя фамилия?

– Люция Андрусенко я.

– Ага, вот твоя папочка. Ну, давай, пиши заявление, что уж.

– А вы мне когда зарплату выплатите?

– Ну, а когда у нас зарплата? Через две недели будет зарплата.

– Я же говорю, что у меня нет этих недель. А вы сможете мне на карту зачислить? Или бухгалтеру сказать?

– Слушай, мы же договаривались, что проще наличкой. Какая у тебя зарплата?

– Двадцать одна тысяча.

– Я вот не понимаю, чем вы, бабы, думаете, когда беременеете? У тебя хоть мужик есть? С такой зарплатой она еще и рожать собралась.

– Алё, я тут сижу, перед вами, не нужно говорить обо мне так, словно я какой-то предмет. И я вам не баба, если что. И дело совсем не ваше, есть у меня кто-то или нет, рожать мне или нет.

– Ладно, не кипятись. На твою зарплату. Давай заявление и иди.

Руслан Исраилович достал из переднего кармана джинсов под нависающим пузцом портмоне, отсчитал пять купюр по пять тысяч рублей и протянул Люции.

Она сказала ему «спасибо», взяла деньги и ушла, ни с кем прощаться она не заходила, а вот туалет напоследок посетила. Это было легкое расставание.

Люция уже чувствовала себя уставшей, хотя было всего часа два дня. Она старалась не смотреть в смартфон, чтобы не расстраиваться от того, что ответа от Павла нет. Она села в метро и решила ни о чем не думать, чтобы не проехать свою станцию. Она умела сосредоточенно не думать. В такие минуты она вся становилась ощущением тела в реальности. Сейчас она чувствовала, что у нее два тела, ее и Зиготы – внутри.

Анны Петровны не было дома, но ее арендаторка была готова честно рассказать об увольнении, если бы та спросила. Люция выдохнула и расслабилась из-за того, что оказалась одна. Она вымыла руки, сходила в туалет, боже, постоянно хочется писать, и снова вымыла руки. На кухне она достала кусок молочной колбасы, отрезала два кружочка, положила их на кусок батона, намазала горчицей и пошла в свою ненавистную съемную комнату. Там она нажала кнопку чайника, тот сразу зашумел. Люция достала крошечный ноутбук и открыла браузер. Он раскрылся на закладке соцсети, в которой Люцию ждало одно новое сообщение. Сердце разогналось до ста ударов в минуту.

Павел Рудь: «Здравствуйте, Люция, можем ли мы созвониться по видеосвязи?»
Люция Андрусенко: «Здравствуйте, Павел, да, конечно».

Киевлянин оказался бизнесменом, занимался поставками фермерских продуктов в рестораны, в том числе работал и с многими клиентами в России. В Москве у него живет родной брат, который готов помочь Люции неким беспроцентным или вообще невозвратным переводом на карту, если ей нужно. Люция честно призналась, что готова принять в долг сумму, которой ей хватит на билеты на поезд для себя и кошки и на оформление справок для Дуси. Павел спросил, из какого она города и, узнав, что из Петербурга, немного забеспокоился. И Люция заволновалась, испугавшись, что не пройдет собеседование.

– Вообще я из Георгиевска – это на юге, в Ставропольском крае. В Петербурге всего три года. Хотела поступить в университет, начать писать. Но как-то не срослось. Да и не принимает меня этот город.

Последняя фраза была неправдой, просто в этот момент Люция вспомнила книжку, которую недавно прочитала, она так и называлась «Город не принимает». У Люции все было иначе, чем у героини того романа, она сама не чувствовала, что Петербург – это тот парень, с которым она бы хотела остаться навсегда. Но ей очень хотелось показаться серьезно настроенной на жизнь в заброшенной и, наверное, разваливающейся халупе в запорожской глуши.

– Я понял. У меня тоже такое было. Думал, что поставками и логистикой лучше в Одессе будет заниматься, но так она меня и не приняла. Поэтому осел в Киеве. Я сделаю тебе приглашение, Люция, на границе понадобится. Спросят, куда едешь, говори, что дальний родственник позвал ухаживать за его двоюродной теткой. Твой дальний родственник – это я. Ну, будем так считать для простоты. Тебе рожать когда?

– Примерно в марте.

– У-у-у, ну, до того времени что-нибудь придумаем. Все будет нормально. Ты печку топить умеешь?

– Думаю, что справлюсь.

– Ну и договорились. Будем на связи, как купишь билеты и с кошкой порешаешь – звони. В Киеве я тебя встречу и сразу отвезу в Тополёвку.

Деньги от брата Павла капнули на карту сразу. На следующий же день Люция купила переноску и пошла с Дусей делать ей прививки и оформлять паспорт. Предстоял не очень приятный разговор с квартирной хозяйкой. Люция собрала всю свою взрослость и вечером за неделю до отъезда, когда билет уже был куплен, постучала в комнату Анны Петровны. Та смотрела сериал отечественного производства на канале «Домашний», в телевизоре неправдоподобно страдала женщина, рассуждая вслух, любит ли ее Алексей или нет, а если да, то почему не уходит от жены. Анна Петровна открыла дверь, но и не думала пригласить в комнату жилицу.

– Анна Петровна, я уезжаю.

– Куда? Надолго?

– В смысле, я съезжаю.

– Что, нашла получше жилье?

– Думаю, что да. Можно мне будет залог получить обратно? Я вам все оставлю, и диван, и чайник с плитой…

– Зачем мне твой чайник? Твоя кошка тут все так провоняла, что мне ремонт придется делать.

– Ой, Анна Петровна, всё. Я не ругаться пришла – нет, так нет. Бог вам судья.

– Ты меня богом не пугай! Я пуганая.

– Господи, да всё. Оставим этот разговор.

Неделю Люция доживала в условиях молчаливого презрения. Раньше оно было не всегда молчаливым, так что ей было даже неплохо. Ну, подумаешь, какие-то 10 тысяч. Хотя, это были деньги, на которые она умудрялась жить месяц – вместе с кошкой. Как – она сама не совсем могла проанализировать, наверное, за счет бесплатной еды, которую брала на работе из остатков. В день отъезда Люция просто пришла в кухню, где готовила еду Анна Петровна, положила ключи на стол сказала «спасибо» и «прощайте». Это слово прозвучало архаично, Люция поняла, что говорит его кому-то впервые в жизни, но говорить именно «до свидания» ей не хотелось категорически – не дай бог, это свидание сбудется.

В купе у них с Дусей была нижняя полка. Люция хотела взять плацкарт, чтобы сэкономить, но ей в кассах железной дороги сказали, что с живностью лучше в купе, там, скорее всего, не будут заняты все места – людям дорого. Учитывая, что брат Павла кинул приличную, по меркам Люции, сумму, она решила шикануть.

И правильно сделала. От Московского вокзала поезд в Украину уходил полупустым. В купе с ней пока никого не было, кроме притихшей в переноске, напуганной Дуси. Но по пути могли появиться попутчики и попутчицы. Люция забросила под сидушку свой рюкзак и сумку с кошкиными принадлежностями. Окно купе запотело. И Люция указательным пальцем на нем на-пи-са-ла: BYE, BYE, ПИТЕР.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (скомканная)

СТРАННЫЕ ЗВЕРИ

Поезд в Киев прибывал днем. На границе, когда у Люции спросили о цели ее визита, она старательно врала, что едет ухаживать за престарелой родственницей в село, что у старухи совсем никого не осталось, она ослепла и еле ходит, вот ее племянник, кузен отца, они так дружны с детства, и позвал, а в России же сейчас, сами понимаете, ой, как несладко. На этих словах пограничник начал немного хмурить брови, и Люция решила заткнуться и ждать. Он еще раз внимательно посмотрел в паспорт, в копию приглашения, в Дусин ветеринарный паспорт, в кошкины зеленые глаза и поставил штамп. Оказавшись на территории Украины, Люция выдохнула, ощутив уверенность в том, что она распоряжается своей жизнью правильно.

Павел встретил Люцию на перроне, она его узнала, конечно, не только по описанию, которое он выслал по смс: в синей куртке и синих джинсах. Таких мужчин в Киеве мог быть миллион. Но Люция запомнила по фотографиям в соцсети лицо доброго человека, который искренне желал облегчить за счет приезжей молодой женщины жизнь себе и осиротевшим зверям.

Киевлянин же был явно обескуражен тем, что ему совершенно нечего подхватить из багажа, как он собирался. Люция вышла в распахнутом сером пальтишке, с рюкзаком на спине, с переноской в одной руке и с легким пакетом во второй. Павел посчитал себя обязанным забрать всё. Но Люция сказала, что кошка в чужих руках будет нервничать, и переноску не отдала. Что рюкзак и создан для того, чтобы, надев его на плечи, уже не снимать. А пакет с кошкиным лотком не такой и тяжелый, но возьмите, если хочется, спасибо.

– А я не думал, что тебя нужно будет приодеть.
– Так и не нужно. У меня все с собой.
– А покормить?
– Есть я хочу.
– Тогда пошли на рынок зайдем, там есть хорошее вьетнамское кафе. Ты вообще всё ешь?
– Всё.

От вокзала до рынка нужно было пройти всего ничего, но к Павлу и Люции трижды подошли разные люди попросить милостыню.

– Война, что ты хочешь, – сказал Павел.

– Да, извините, это ужасно.

– А ты-то что извиняешься, это ж не ты ее начала, не ты там людей из своих домов выживаешь…

– Да все равно как-то…

– Тю, ну что ты, Люся. Можно же я буду называть тебя Люся?

– А почему не Тамара?

– Не, Тамара – это моя жена.

– Вы ее тоже зовете Не-Тамарой?

– Почему?

– Ну, а почему меня Люсей? Я Люция. Нравится оно вам или нет. Мне вот самой когда-то не нравилось. Но сейчас я уже точно и бесповоротно Люция.

– Ок, понял тебя.

– А вы вообще на русском всегда говорите? Я готовилась к тому, что тут говорят на украинском.

– Я на двух языках говорю. А знаю четыре!

– Класс. Спасибо, что говорите со мной на русском.

– Расслабься. Тут это даже для многих украинцев родной язык. Есть, конечно, националисты или другие упоротые, но в целом все демократично. Ты в свободной европейской стране. Кстати, ты Андрусенко же, значит, ты украинка. Или твой отец точно украинец.

– Почему отец? Это мамина фамилия. А ее отец, вероятно, из украинцев. У нас на Ставрополье много этнических украинцев. Их предки переселились при Екатерине на вольные земли. Но у нас многие этого даже не осознают, ассимилировались, считают себя русскими. Хоть и не совсем понятно, а как это – быть русским, или украинцем, или казахом.

Люция незаметно для себя стала произносить мягкую, фрикативную “г”, как говорили почти все в Георгиевске в ее детстве. Она раздумывала, дать ли Павлу заплатить за свой обед или же самой это сделать. Денег у нее было с собой на сто банок говяжьей тушенки. Она надеялась, что там, куда она едет, есть какое-то сельпо, магазин, может, даже не один, где можно купить самое необходимое. И очень рассчитывала на то, что есть где-то и роддом, в котором ей придется месяца через три рожать.

– Павел, мне нужно купить гривен. Где тут обменник поблизости?

– Сейчас поедим – я угощаю – и зайдем в банк. По пути заедем в магазин. Купим продуктов на первое время. И корм животным. Одежда тебе точно не нужна? Там от матери остались какие-то куртки, в которых можно по хозяйству заниматься, постельное белье есть, если не побрезгуешь. Моя жена ничего не стала забирать. Она и ездить-то туда не любила. После похорон она в Тополивку так и не выбралась, а мне-то что в тряпье ковыряться. Я так и оставил. Мне этот дом – одна морока. Собак жалко только.

– Я не побрезгую.

Павел говорил на русском языке, но с украинским произношением его "что" звучало как «щчо», а Тополёвку он звал по-украински в принципе, через і. Про это место Люция даже ничего не нагуглила, не потому что не пыталась, просто ответов на ее запросы не нашлось. Точка с таким названием на карте была. И больше никакой информации о населенном пункте. Но про себя она уже тоже стала называть ее Тополивка.

Люция съела огромную тарелку супа фо-бо с куском говядины, две булочки бань бао с курицей и запила это стаканом очень сладкого кофе со сгущенкой. Павел съел только лапшу со свининой и предложил зайти в пекарню за пирожками в дорогу. На улице было безветренно, сухо, но чувствовалось, что вот-вот начнутся заморозки.

– А долго ехать?

– Часов семь – восемь. Смотря, как ехать будем.

– Мне бы кошке дать в туалет сходить перед поездкой и покормить ее. А то ее стошнит.

Как себя кошка поведет в машине, Люция не знала. Дуся была кошкой из петербургской подворотни, она и не представляла, что ее ждут такие приключения. Но дорогу в поезде она перенесла спокойно. В купе сходила дважды в лоток, что Люцию очень порадовало, она торжественно через полвагона носила вытряхивать из пакетика в туалет достижения своей кошки-путешественницы.

– Ты кошку на улице будешь выгуливать?

– Нет, потерять ее в Киеве я не хочу. Я вообще не хочу ее терять. Она моя семья. Я в машине ее выпущу и поставлю лоток на пол.

– А, понял. А ты совсем сирота?

– Почему?

– Ну, ты говоришь, что только кошка твоя семья.

– А, ну, в смысле, самая близкая семья. Так-то у меня мама есть.

– А отец ребенка помогает?

– Кому?

– Ну, тебе.

– Нет, я не стала ему говорить про свою беременность. И он уехал к жене и ребенку в Самарканд.

Павел искоса посмотрел на Люцию.

– Осуждаете?

– Нет.

– Жалеете?

– Ну… Немного.

– Ок, это ничего. Я не гордая.

– Ладно, пошли менять деньги. А потом купим тебе две симки с безлимитным интернетом и еще один телефон, обычный.

– А это зачем?

– Хорошо, когда есть что-то запасное. Ты прости, но места там не очень цивильные. Мало ли что.

В машине кошка от лотка отказалась, но из переноски вылезла и обратно себя засунуть не дала. Ехала сначала на руках у Люции, потом на заднем сиденье одна.

По пути сделали всего две небольшие остановки – сходить в туалет, заправиться. И Павел купил мешок сухого собачьего корма, мешок макарон, мешок овсянки – забросил это в кузов своего пикапа Toyota Hilux. Отдельным пакетом он набрал каких-то продуктов для Люции, с ней не советовался, брал на свое усмотрение. Это ей не понравилось. Но она все списала на особенности чужого гостеприимства.

Давно стемнело. С трассы с фонарями машина съехала на неосвещенную дорогу, по ней ехали около часа. Смотреть в окно было совершенно незачем: темень, непонятно, поля вокруг или населенный пункт, фары высвечивали только блестящую полосу асфальта и обочины без столбов или хоть чего-то, за что мог зацепиться глаз. Люция начала засыпать. Но от того, что Павел резко сбросил скорость, очнулась. Перед ними в туннеле света бежал заяц. Бежал и бежал, долго. Потом вдруг Павел притормозил. Заяц развернулся и сел. Его глаза горели красным. Павел посигналил ему светом фар. Заяц в один прыжок убрался с дороги в кромешную густую ночь.

– Брр, – поежилась Люция.

– Замерзла?

– Да нет. Просто как-то тут жутковато тут у вас.

– Ты не похожа на трусиху. Потому я и принял решение в твою пользу.

– А что, было много желающих поехать в Тополивку пожить? – удивилась она.

– А как же. Странных людей в мире немало.

– Вам кажется странным, что люди ищут жилье? И я самая странная из всех?

– Нет. Не самая. Ты самая открытая из всех, кто мне писал. И ты единственная из всех искала свое место и ничего больше.

– А вы типа психолог?

– Нет. Я же говорил, что я занимаюсь поставками продуктов в рестораны.

Люция очень устала. И начала тревожиться, чего она очень не любила, поэтому закрыла глаза и постаралась уснуть. Но сон не шел. Да и машина съехала на гравийную дорогу, начало трясти. Поэтому она просто сидела с закрытыми глазами. Еще один поворот, и дорога стала грунтовой, не сильно раскатанной, немного заросшей, было слышно, как растительность шебуршит по дну и бокам пикапа. Вообще было не очень понятно, по дороге ли они едут. Когда Павел снова сбросил скорость, а Люция открыла глаза, то через лобовое стекло стали видны какие-то очертания, похожие на постройки.

– Ну вот, приехали.

Машина остановилась перед невысоким, ниже человеческого роста, деревянным сплошным забором без ворот для въезда во двор, но с калиткой.

Люция полезла на заднее сиденье брать замученную Дусю. Павел выгрузил на землю мешки с провизией. Он закинул руку поверх калитки, отпер ее изнутри и

толкнул, жестом приглашая Люцию войти за ним. Дом был низенький, под новой коричневой металлической крышей, но, судя по архитектуре, старенький.

– Сколько лет этому дому?

– Не знаю. Около ста, наверное, – Павел втаскивал запасы еды на крыльцо. – Это была мазанка, ее еще до войны всей улицей моему прадеду делали, когда он жениться решил. Крыша была из камыша. Потом шифером ее покрыли, а уже в двухтысячных мы дом кирпичом сверху обложили, сделали эту крышу. Только окна не меняли, но они еще крепкие. Он теплый, нигде не течет. Дрова вон у той стены, за домом, там есть еще один выход. Я сейчас принесу, покажу, как топить. Ты, главное, когда прогорит, не забудь заслонку закрыть.

– А вы не останетесь на ночь?

– Нет, сейчас все тебе покажу и поеду.

– Это же нереально. Мы сюда ехали восемь часов, а вы и до этого полдня на ногах были.

– Не переживай. У меня жена ревнивая. Я лучше доеду до заправки, там припаркуюсь и посплю пару часов в машине.

– Вы сейчас врете. Ваша жена за все время, что мы ехали, вам ни разу не позвонила, вы почти не смотрели в телефон – значит, она и не пишет. Ревнивые так не делают.

– А ты еще и умна.

Он открыл дверь и протянул связку из трех ключей Люции.

– А у вас же тоже будет комплект? На всякий случай, – уточнила она.

– Какой такой всякий случай? Нет. Комплект всего один, и теперь он у тебя. Живи.

– Но мне же надо какую-то регистрацию делать?

– Да какую регистрацию? Кому оно надо? Тут даже участкового нет.

– А что тут есть?

– Утром увидишь.

В небольших сенцах стояли калоши, резиновые сапоги, старые детские санки, тапки, висело несколько простых болоньевых курток. Пахло сыростью.

Вторую дверь в дом Люция открыла сама, пока Павел затаскивал припасы в сени-прихожую, которую, судя по всему, пристроили к хате не сразу.

Люция включила свет. Пространство первой комнаты явно не было жилым, оно служило порталом в три комнаты и кухню. Люстра 50-х годов прошлого века из трех стеклянных плафонов, похожих на большие резные стаканы для виски, говорила о том, что когда-то хозяева этого жилища были вполне состоятельными. Слева стоял трехдверный полированный шифоньер, на нем громоздились чемоданы до потолка, который можно было достать рукой, если подпрыгнуть – так казалось Люции, но пробовать при Павле она не стала, тем более, что ей нужно было срочно найти туалет. Дверь слева, сразу за шкафом, вела в две комнаты, дверь напротив входа – в комнату, между этими двумя пространствами находилась печь, а за дверью справа от входа обнаружилась кухня. Люция выпустила Дусю и поставила лоток на пол.

– Павел, а где тут туалет? На дворе?

– Зачем на дворе. Там, конечно, тоже есть. Но внутри дома тоже все к твоим услугам, чтобы попу не морозить. Тебе это, особенно в твоем положении, ни к чему.

Павел провел Люцию через кухню в помещение, где друг напротив друга стояли справа у окошка с занавеской ванна, а слева, почти за открывающейся из кухни дверью, унитаз. Ванной комнатой или туалетом в прямом смысле назвать это было сложно, потому что из этого помещения был второй выход из дома. В общем, Люцию это не смутило, поскольку жить она собиралась одна. Точнее, с животными. «Кстати, а где они?» – наконец подумала Люция.

В доме ни собак, ни кошек, ни чего-то, что намекало бы на их присутствие, не было. И Люция решила, что собаки цепные, и это ее расстроило, она уже собралась их освобождать и проводить курс реабилитации. Но кошки же тоже приходят обычно домой поесть. А мисок нигде нет. Люция закрыла дверь в кухню, проверила, закрыта ли дверь наружу. Села на унитаз и стала осматривать стены, которые в этой комнатке были увешаны полками, а полки заставлены банками, старинными весами с чашами, каким-то другим нераспознаваемым барахлом.

Когда Люция вернулась в срединную комнату с дверями, Павел, стоя на коленках, уже разжег в печи дрова.

– А собаки, они во дворе? На цепи или в вольере?

– Да что вы! Мы ж не звери какие-то.

– А где они?

– Да кто ж их знает, я же сказал, это их дом – ну, по делам пошли. Может, вас заметили и изучают издалека.

– А где их кормить?

– Как где, мы сейчас в кухне были – там они и едят. Просто посуда в шкафах, все убрано.

– Они что, сами едят и посуду убирают?

Павел поднялся от печки, посмотрел на Люцию, словно она сказала что-то странное.

– Если уснешь и забудешь закрыть заслонку – это ничего. Это лучше, чем наоборот. Тягу я проверил. Труба отличная. Ну все, я погнал. Белье в шкафу в дальней комнате. Если что – звони, пиши. Связь вроде работает?

Люция посмотрела на палочки в углу смартфона, они показывали, что сигнал устойчивый. Павел вышел. Люция смотрела в окно. Она видела свет фар, слышала, как хлопнула дверь, заработал мотор. Она только на мгновение зажмурилась, чтобы получше разглядеть, что там, в темноте, а когда открыла глаза, машины уже не было. А звук мотора превратился в какой-то другой глухой рокот – наверное, рядом река, смекнула новая обитательница хаты.

Люция поставила посреди кухни Дусину миску, открыла и дала ей банку паштета, сама поела хлопьев в кефире, пошла в «ванную», включила воду – на кухне зажглась колонка. Она разделась, влезла в холодный, покрытый белой и гладкой эмалью чугун, переключила рычаг с крана на душ и стала поливать себя водой.

Она гладила свой живот и говорила: «Вот, Зигота, кажется, у нас с тобой началась какая-то новая жизнь. Не бойся ничего. Завтра я со всем разберусь. Тут хотя бы нет этой душной Анны Петровны. Мы сами себе хозяйки».

Осмотрев каждую из комнат, Люция решила, что спальней все же будет дальняя – со шкафом и двуспальной кроватью с тумбой и ночником. Под покрывалом оказалось чистое постельное белье, Люция легла в трусах и футболке, позвала к себе Дусю, но та решила остаться в соседней комнате, заняв целое кресло.

«Странные эти звери, – думала Люция. – Я к ним ехала аж из самого Петербурга, а они даже встречать не вышли».

Голову немного давило, а сон все не шел, несмотря на усталость. Люции то казалось, что ее поглощают тишина и темнота, она даже вставляла в уши указательные пальцы, проверить, не оглохла ли, то она начинала слышать тот самый шум, который она принимала за гул реки. Страх пришел. Она его до последнего к себе не подпускала, но вот он уже прокрался под одеяло, он заставил ее зажмуриться и звать Дусю. И вдруг что-то большое, мягкое легло сбоку поверх одеяла, привалившись к телу Люции, и с другого бока тоже, что-то поменьше, но тоже теплое и мягкое, легло на бедра, голени, в изголовье. Люции захотелось заорать – но у нее словно исчез голос, она в бессилии и ужасе открывала рот, но крик из него не шел, ее словно сковало неведомым заклятьем невидимых колдунов, страх сменился отчаянием, и от этого глаза распахнулись, она проснулась. Люция осознала, что от усталости вырубилась, и первая фаза сна принесла ей кошмар. Она привстала, опершись на локоть, и поняла, что одеяло все же что-то прижимает сверху и не дает ей свободно шевелиться. Она потянулась рукой к лампе на тумбочке и зажгла свет. На кровати лежали две огромные собаки – белая и черная, они обнимали Люцию лапами – одна справа, другая слева. На ногах и на подушке были кошки – три толстых пушистых комка – рыжий, серо-черно-полосатый и трехцветный.

– Ах, вот они вы! Господи, я же даже не спросила у Павла, как вас зовут! Ну что за… А как вы сюда вошли?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (провисающая)

СЕЛО ТОПОЛІВКА

– Доброе утро, странные звери. Спасибо, что успокоили меня и грели нас с Зиготой всю ночь. С вами не страшно. Наверное, вы хотите есть. Давайте знакомиться. Я Люция. Черт. Может, вы только по-украински понимаете? – Люция напрягла память и с очень сильным акцентом выдала: Доброго ранку, дивні звірі. Дякую, що заспокоїли мене і гріли нас з Зиготою всю ніч. З вами не лячно. Ви хочете їсти?

Собаки подняли головы и посмотрели в лицо Люции. Черная зевнула и стукнула единожды хвостом по кровати. Белая издала урчащий звук и положила голову вдоль бока новой обитательницы дома, поднимая попеременно брови с торчащими белыми вибриссами. Кошки все лежали в ногах. Рыжая и трехцветная не повели даже ухом на речь человека, а серый начал выделываться и перекатываться на спине, складывая передние лапы, словно зайка в мультфильме. «Ясно, – подумала Люция, – этот точно котик, можно и под хвост не заглядывать».

Она взяла с тумбочки телефон, на нем было 11:07, пятница 19 ноября. Люция набрала единственный забитый в телефонную книгу номер – Павла. Длинные гудки ее обнадежили – связь есть. Но ответа не было. Наверное, отсыпается.

Она встала и пошла в туалет. На всякий случай она еще раз осмотрела там заднюю дверь – никакой дверцы для животных не было. Она толкнула дверь – заперта. Повернула ручку замка и снова толкнула – Люцию обдало холодным, мокрым воздухом оттаявших утренних заморозков. Она вышла – за домом простирался слегка поросший травой огород, старый забор стоял прореженным частоколом, за ним виднелась полоса тумана. Люция была уверена, что там река. Она вошла обратно и закрыла дверь, села на унитаз, полосатый толстенький котик начал обтираться об ноги, оставляя на отрастающих после бритья колючках свои шерстинки. Люция умылась, прогнав случайными брызгами кота, и пошла в комнату, достать из рюкзака штаны, чтобы не смущать зверей за завтраком. Вся команда лохматопушистых сидела в кухне, явно в ожидании.

Люция еще раз набрала Павла. Он не отвечал.

Она открыла в кухне шкафы, поискала миски, ничего специального для зверей не было – взяла две глубокие тарелки с цветочками, пошла в прихожую и зачерпнула из мешка собачий корм. Поставила на пол перед собаками, пытаясь посмотреть, кто из них какого пола. Белая сразу села, спрятав те самые признаки. Черный тоже сел и показал.

– Ясно, ты кобель, а ты сука.

В ответ обе собаки недобро посмотрели, зарычали, немного наморщив нос. И всем своим видом показали, что есть они это не будут.

– Ладно, зрозуміла, половой диморфизм вам не нравится. Еда, судя по всему, тоже.

Кошки в это время не просто сидели, а не давали ходить, бросались под ноги и немного били Люцию лапами, но не выпуская когтей.

– Будем есть вместе. Кашу на молоке овсяную любите?

Собаки завиляли хвостами, а кошки стали мурчать и тереться об ноги.

Люция нашла кастрюлю побольше, литровой кружкой зачерпнула из мешка крупы, промыла, залила молоком из брикета и подумала, что молока у нее всего на три завтрака в такой компании. Но ведь тут село, люди держат кур, коров, коз – можно, наверное, при желании будет договориться купить или обменять на что-то.

Сваренный завтрак Люция разложила по тарелкам – соразмерно величине животных: себе и собакам – по два полных половника в глубокие тарелки, а кошкам – по половнику в пиалы. Стала ставить на пол и вдруг поняла, что на нее смотрят, как на человека, совершающего глупость. И собаки, и кошки переводили взгляды с тарелки на полу на Люцию и на стол у окна.

– Серьезно?

Люция поставила тарелки на стол. Псины забрались и сели на большие мягкие стулья, стоявшие с торцов стола. А кошки сели в ряд перед столом. Люция осмотрелась – вдоль стены у входа стояла скамья, она ее приставила к столу, кошки запрыгнули на скамью, а с нее на стол. Повернувшись попами к окну, а мордами к Люции, они стали есть из мисок.

– Ок. Что поделать, раз у вас тут такие правила.

Она села на край скамьи, ближе к белой собаке, и тоже принялась за еду. Кашу она не любила, но деваться было некуда. Овсянки целый мешок, а всего другого – немного. Плюс пушистые отказались от корма, так заботливо купленного Павлом ради спокойствия Люции. И что уж скрывать, беспокойство навязчиво проникало в мысли и чувства новой смотрительницы дома. И звери это чуяли. А Люция чуяла, что они это чуют, от чего волновалась еще сильней.

После завтрака телефон Павла снова не ответил, и было принято решение идти и исследовать местность, знакомиться с обитателями. Перед выходом Люция пошла в туалет, за ней побежал черный пес. Она села на унитаз, а собака подошла к двери наружу и попросила выпустить коротким и низким скулением.

– Да? А как вы сюда сами заходите? Есть же у вас тайный лаз? А теперь ты просишь тебя обслужить? – попыталась она вступить в конфликт, доделывая свое дело и промокая промежность туалетной бумагой.

– Уаф! – ответила животина, сев напротив двери и в нетерпении перебирая передними лапами.

– Черт, я все забываю, что вы украинский лучше знаете. Или по-русски тоже сойдет? Ну, я плохо знаю язык. Но я выучу. Только если тут будет, кому со мной разговаривать.

Люция натянула трусы, штанцы, помыла руки и отперла замок. Собака сама толкнула лапой дверь, галопом проскакала огород, сиганула через забор и скрылась в тумане, так и не рассеявшемся, лежавшем Млечным Путем. «Надо будет дотемна сходить и на реку», – подумала Люция, глядя на этот пейзаж.

Люция исследовала шкафы и нашла много вещей пригодного вполне состояния, оделась в длинный свитер, куртку и резиновые сапоги прежних хозяев. Сапоги были ровно на размер больше стопы – как и любила Люция, в них влезли шерстяные карачаевские носки, которые ей мама высылала каждый год после отъезда в Петербург. То есть шерстяных носков было три пары. И все их Люция взяла с собой – не только потому, что они ей казались чем-то необходимым, а потому что это были подарки от мамы. Да, как-то надо будет ей сообщить в ближайшее время о том, что произошло. Это была фоновая недомысль в голове Люции, в ней заключалось слишком много и конкретного, и размытого.

Открыв дверь, Люция постояла на крыльце, вдыхая запах пожухлой травы и прелых листьев, гнилых яблок, старинного дома, сырой земли и позднего ноябрьского южного воздуха – она за три года соскучилась по тому, как пахнет ноябрь в этих широтах, не на болотах северо-запада России. Кошки и белая собака вышли во двор и уселись, ожидая Люцию. Она закрыла дверь и заперла ее на замок. Как только вышли за ворота, трехцветная кошка убежала вперед, там, вопреки ожиданиям Люции, не было никакой улицы – луг, вдалеке виднелась кирпичная постройка, возможно, старинная мельница. Тут же серо-полосатый убежал вправо, где вдалеке, на холме, был лес. Рыжая кошка потрусила в поле налево, сливаясь с желтизной диких и одичавших злаков, которые тут уже давно никто и не возделывал, и не косил.

– Так, а где село? – обратилась Люция к белой собаке, стоявшей рядом.

Та пошла в сторону лесополосы за небольшим полем, в котором только что скрылась рыжая кошка. Люция поняла, что нужно следовать за белой сукой, которой не понравилось это определение.

Идти в резиновых сапогах по давно не паханному, заброшенному полю было непривычно, но в то же время удобно. Люция словно вспомнила некий навык, который ей долгие годы не пригождался. Невозможно разучиться ездить на велосипеде, если уже когда-то уверенно крутила педали, невозможно не уметь долго идти по полю в резиновых сапогах, если… Люция вспомнила, как в детстве бабушка брала ее в поле на сбор помидоров. Но тогда она бегала в тканевых тапочках на резиновой плоской подошве и с задником, было жарко и сухо. Нет, она раньше однозначно не ходила вот так по полям – это кто-то другой ходил, а тело Люции вдруг это вспомнило: как быть беременной бабой, вынужденной куда-то идти через поле в сапогах с чужой ноги. Собака трусила то рядом, то забегая вперед, то останавливаясь. Казалось, она показывает свои владения. Белая огромная псина то и дело приподнимала голову с широким лбом и улавливала коричневым носом какую-то информацию – словно читала на ходу утренние новости. Не успев

утомиться и набить мозолей, Люция и собака вышли на небольшое пространство заброшенных огородов. За ними точно было что-то, что походило на улицу, – заборы, различные по высоте, прозрачности и материалам, дальше стояли дома и хозяйственные постройки.

Странное это было село. Пройдя две улицы по краю, не заходя на них, а только глядя в перспективу, Люция никого не встретила. Обычно первое, что видно в селе, – это везде шныряющие разнокалиберные дети. Даже в плохую погоду их куда-то посылают родители или им самим не сидится в домах. После этого Люция обратила внимание на то, что ни перед одним двором не стояло машины. Не лаяли собаки. Не паслись куры и гуси. Не пахло навозом.

– Это что, мертвое село?! – закричала Люция, обращаясь к собаке.

Белое животное остановилось, повернуло голову и посмотрело на человека, как на глупое и никчемное существо.

«Что ты несешь?» – считала Люция в этом взгляде.

– Ладно, куда ты меня ведешь?

«А куда тебе надо?» – расшифровала Люция говорящее молчание собаки.

– В магазин. В сельсовет. В школу. В поликлинику (или что тут у вас лечебное). И к любому живому человеку – поговорить.

Собака не стала ничего прямо выказывать в ответ, но по тому, как она отвернулась и пошла, было ясно, что желание Люции говорить именно с людьми, а не с ней, задело ее достоинство. Люция это почувствовала и виновато засеменила следом.

На третьей улице они свернули и пошли вглубь села. В одном месте улица немного расширялась и образовывала небольшую площадь. Слева, под старыми голубыми елками, стояла облупленная, давно не мазаная хата с обвалившимися кусками штукатурки, построенная крестом. На ней было две вывески. Над дверью – «МАГАЗИН» и на стене, сбоку от двери, табличка с полустертыми буквами «Сільпо». Дверь была закрыта, в петлях висел амбарный замок. «Понятно», – сказала Люция не столько собаке, сколько самой себе. Она попыталась заглянуть в окна, но они были пыльными настолько, что видно было только стены и весы, голубые, советские, похожие на маленький монумент на кладбище.

Люция повернулась к собаке и показала, что можно идти дальше.

Оказалось, нужно просто пересечь площадь, там, за рядом очень старых берез, стояло длинное одноэтажное здание из давно посеревшего силикатного кирпича. На двери было написано: «Адміністрація села Тополівка». Расписанный ниже режим работы показывал, что в пятницу открыто только с 10 до 13 часов. Люция достала телефон, на нем было 13:55. Она на всякий случай набрала еще раз Павла. Никаких гудков не шло вовсе, она присмотрелась к экрану – связи нет.

Собака побрела по пустой улице дальше. Люции несколько раз показалось, что краем глаза она видит движение – может, человека, может, тени человека, а может, и не человека, а куста, хотя от куста не становится так неприятно уныло внутри. Люция сама удивилась тому, что ее охватывает не страх, а сильная, тянущая тоска.

Дома тут отличались от тех, что стояли на предыдущих улицах, это не были отдельные частные владения, а что-то похожее на общежития барачного типа. Люция заглянула в дверь одного из домов – там был коридор с закрытыми дверями по обе стороны. На окнах кое-где висели занавески, стояли алоэ и кактусы, где-то стекла были выбиты, некоторые из окон были заставлены фанерой. Если тут кто-то и жил, то очень плохо и бедно.

Благо, таких домов ей встретилось всего четыре или пять, а за ними, на стороне, противоположной от сельсовета, был школьный двор и здание школы – такое ни с чем не спутаешь. Двухэтажная и даже со спортивным залом, о чем говорили большие окна, завешенные сеткой изнутри – чтобы мячом не разбили.

Люция открыла дверь и вошла первой, за ней собака. Она подумала, а не каникулы ли сейчас? Может, на карантин детей отправили, на домашнее обучение. Пустая школа в будний день в конце ноября. Собака подвела к пухлой, обитой дерматином, черной двери с табличкой «ДИРЕКТОР», Люция дернула – заперто. Прошли в другое крыло, на второй этаж, к двери «Учительская» – закрыто. Люция поняла, что нужно уходить, тут тоже никого. Но собака стала толкать ее в бедро к боковой лестнице, они спустились, прошли в тупик с дверью, на которой было написано «БИБЛИОТЕКА». Люция потянула на себя – да, успех! За типовым письменным столом из прошлого сидела женщина с коротко и равномерно стриженными волосами цвета мыши. За ней высились ряды стеллажей и полок с книгами.

– Здравствуйте.

Женщина перестала читать и подняла глаза на Люцию:

– Здравствуйте.

– Меня зовут Люция.

– Галина. Садитесь. – женщина указала на кресло сбоку от входа, расположенное вполоборота к библиотекарскому столу.

– Я недавно приехала в Тополівку. И пошла знакомиться с селом.

– Ну, що, пані Голова, показала новій знахарці село? Пояснила, що в нас тут як? – обратилась Галина к собаке.

Белая псина понуро мотнула головой и легла на ковровую дорожку, положив голову на лапы.

– Что вы сказали? Я не очень понимаю украиньську мову.

– Да, конечно. Извините. Это я с Головой говорила.

– Так зовут собаку? Слава богу. Хоть вы мне расскажете про этих зверин. А вы Павла Рудых знаете? Я в доме его родителей теперь живу. Он попросил присмотреть за хозяйством. А я пошла по селу, думала сразу все разузнать, где тут что, где магазин, куда можно на работу попроситься – а людей нема.

– А это не собака. Это Голова и есть. А черный – Чаклун. Рыжая – Польовка или Поля. Трехцветная – Мавка или Мяука (по-нашему). Серый – Лис.

– Лис как самец лисы?

– Ні, Ліс як Ліс. Або Чугайстер.

– Погодите, это мне надо записать. А как вы меня назвали? Знахаркой?

– Да оговорилась. По привычке. Павла я знаю. Значит, вы теперь на хуторе жить будете.

– Ага, на полгода точно. А вы тут давно живете?

– Слишком.

– А где все?

– Вы имеете в виду жителей? Да кто где. Заняты своими делами. Я вот тут сижу, читаю. Дома же нельзя. Там постоянно нужно быть занятой делами – уборкой, готовкой, хозяйством, огородом, даже если все дела переделала – сидеть и читать неприлично, это сразу распознается мужем, свекровью и свекром как безделье. А за безделье и побить считается не грешным делом.

– Ой.

– Да, вот такие у меня дела. Потому я ухожу на работу, пока она есть, и сижу тут спокойно, занимаюсь любимым делом, читаю, – Галина подняла книгу, показав обложку.

«На маяк», Вирджиния Вулф, прочитала Люция.

– А директор тут есть?

– Директорка у нас. Мария Александровна. Она сегодня не в школе. По пятницам у нее методический день, сидит дома.

– А когда к ней можно прийти? Я хочу спросить, нет ли работы какой, я могла бы убирать.

– С таким животом?

– Ну, есть же швабры, щетки, я ж не руками, угнувшись, а по новым технологиям.

– Приходи в понедельник. Но вряд ли тут работа будет. Школу прямо сейчас расформировывают. Детей не осталось почти. Три человека в начальной школе. Их с января будут возить в район учиться. Если будут. Так, может, дадут индивидуальные планы и посадят на домашнее обучение.

– А что у вас тут с медициной? – с нескрываемым страхом спросила Люция.

– Медицина у нас тут вся была – баба Рудычиха с хутора, где ты сейчас живешь. К ней ходили лечиться. Ее звали, когда рожать приспичит. До райцентра ехать далеко. А ближе больницы все извели.

– А как же мне…

– Рожать?

– Ну да.

– Тебе когда?

– Ну, если я сама все правильно посчитала, и если Зигота раньше на волю не захочет, то в начале марта.

– Да время еще есть. Не переживай. Придумаем что-нибудь.

От этого «придумаем» Люция почувствовала облегчение. Впервые за долгое время, за несколько лет, она почувствовала, что не одна вынуждена принимать решения и справляться с ситуацией. И это было хоть и зыбко, мгновенно, но приятно. У нее даже расслабились и опустились плечи, расправилась спина. И в то же время

было боязно довериться первой встречной. Да и не отпускало беспокойство из-за явной загадочности этого места. Но хорошо хотя бы, что тут есть такие понятные человеческие явления как «свекровь» или «муж», начинала думать Люция и тут же испугалась сама этого размышления.

«Мне только что рассказали, как обыденность, то, что я давно считаю адовым пережитком насильственной традиции, от которой я смогла убежать, которая меня не преследовала даже в разговорах с мамой. Когда над взрослой женщиной нависает некий муж или свекровь с жестокими установками о неприличии иметь в собственном распоряжении время и личные занятия – это ужас пострашней, чем странное и безжизненное на вид село. Почему я за это ухватилась, как за спасение, как за намек на то, что тут все не так и плохо?»

– Галина, а можно мне завтра к вам прийти? Или приходите вы ко мне.

– Конечно. Я приду. Только давай уже на «ты».

Тут Люция решила оценить возраст собеседницы.

Хм. Ну, это может быть и тридцать, и сорок пять. Бывает же так, что совсем непонятно. Лицо приятного оттенка чая с молоком, с морщинками, наметившимися у краешков глаз и от носа вниз, а две основательные, глубокие морщины – только между бровей. Контур лица слегка провисает в районе не толстых, но наполненных щек. Прямой и длинноватый нос посередине оседлан очками, за ними слегка синеватые тени по контуру глазниц – скорей всего, следствие усталости. Глаза Галины зеленовато-карие, болотные, с искрой, которая говорит о том, что в этот момент ей хорошо. Наверное, ей тридцать семь – тридцать восемь. Хотя, впрочем, так ли это важно, словно нельзя перейти на «ты» с любой разницей в возрасте.

– А магазин тут не работает?

– Как тебе сказать. Не работает тут не магазин. А Петро. Это его магазин, а его жена там продавщица. Но когда Петро в запое, то и жена его Ганна ему помогает – иначе у них скандал и бой на полсела.

– То есть, жизнь тут все-таки есть!

Галина посмотрела молча не то что осуждающе, а словно пытаясь намекнуть на то, что все очень относительно. Да Люция и сама поняла, что ей все время хочется за условные проявления человеческой витальности и деятельности принять какую-то откровенную, насильственную, неумерщвляемую хтонь.

– Если тебе нужно что, ты говори, я поделюсь.

– Дякую. Дуже. Пока все есть. Я пойду. Хотела на реку зайти. А то странно, что у нас за огородом течет река, а я ее еще не видела.

– За вашим огородом? Река? Это вряд ли. Каменка течет напротив вашего дома, немного пройти по пустырю и будет овраг, там развалины старой мельницы.

Люция смутилась и быстро попрощалась. Она была уверена, что за их хутором сразу протекает река.

Они вышли с собакой на улицу, погода начинала меняться, нагнало туч, накрапывал дождь.

– Так ты, значит, Голова.

Собака посмотрела на Люцию спокойными темно-оранжевыми глазами.

– А раз ты Голова, то должна знать, что у нас там за забором, если не река.

Собака понуро отвернула нос в сторону.

Дорога обратно оказалась не такой легкой: дождь размочил землю и весь этот черный пластилин, смешанный с высохшими стеблями разнотравья и соломой, густо налипал на сапоги, делая их тяжелыми настолько, что они спадали с ног. Наконец Люция добралась до хаты. Сапоги оставила снаружи, под навесом крыльца, – а, потом почищу. Но собаке лапы вытерла тряпкой, лежавшей у входа. Люция ворвалась в кухню, достала консервный нож и открыла тушенку. Стала есть прямо из банки и закусывать куском хлеба, купленного по дороге в село. Голова сидела рядом, то отводя взгляд, то иногда косясь на банку.

– А, прости, – Люция заметила, что ведет себя как-то уж больно по-человечески, и ей стало стыдно.

Она достала нормальный кусочек вареной говядины, положила на хлеб и протянула собаке. Голова взяла пастью с руки бутерброд и в один глоток приняла его в себя.

– Ты со мной пойдешь на реку, которая, вроде как, и не река? За забор наш пойдешь?

Голова молча пошла и легла возле печки.

Понятно, отметила про себя Люция, обулась в свои привычные треккинговые ботинки и через туалет вышла в огород. Забор был хоть и невысок, но его нужно было как-то преодолеть – не обходить же все это. Сквозь рассеявшийся, прибитый дождем туман, с другой стороны забора подбежал черный пес.

– О, приветик. А я теперь знаю, что ты Чаклун.

Он замахал хвостом. И повел Люцию вдоль забора к старому дощатому туалету.

Дверь туалета была обращена в сторону так манившего Люцию простора и открывалась прямо в калитку. Люция сняла петлю проволоки, служившую замком, приподняла и отодвинула калитку, вышла, Чаклун тут же прыгнул грязными лапами ей на грудь и лизнул в подбородок.

Они шли по лугу, штаны до колен сразу стали мокрыми. Чаклун носился зигзагами вперед и назад, вынюхивая что-то в земле, утыкаясь носом прямо в грунт. Тучи над лугом разомкнулись кольцом, даже пропустили солнечные лучи. Люция ждала увидеть хотя бы ручей. Но увидела вытянутый холм, похожий на прилегшего волка или пса, из спины которого торчали пирамидки туй, редкие березы, кусты, кресты и обелиски.

– Чаклун! Так это кладбище!

Черный пес весело завилял хвостом. И с нетерпением забегал, оглядываясь, будто приглашая следовать за ним.

– Да понимаю я тебя, понимаю. Иду.

ГЛАВА ПЯТАЯ (прибавляющая оборотов сюжету)

ГОЛОВА

Кладбище было небольшим, хаотичным, никаких рядов. Старые могилы мешались с более современными, кресты, сваренные из арматуры, стояли рядом с надгробиями из черного мрамора, на которых просматривались некогда проявленные краской-серебрянкой гравировки имен, дат и эпитафий.

«Для всіх Сонце світить,
Усіх зігріває…
Лежу я в могилі –
Мене вже немає…», – прочитала Люция на сером гранитном памятнике с датами 12/11/1910 – 20/03/1979. «Хм, а у товарища недавно день рождения был», – подумала она. И ей показалось, что солнечный луч пробежал по красным, еще не сморщенным ягодам шиповника за этой могилкой.

Чаклун настырно прокладывал дорогу сквозь высохшие заросли травы, скрывавшей его полностью. Люция обогнула колючий, разросшийся метра на три в окружности куст, который, видимо, некогда был розой, призванной красиво обвивать последнее пристанище чьего-то родственника. В бурьяне по пояс она старалась идти аккуратно, скорей всего, под ногами тоже были чьи-то могилки. Она споткнулась – это была могильная плита, лежавшая плашмя на земле, Люция присела, достала платок, смела землю и листья травы. Стало видно надпись:

«Федор Оселедько.
19.07.1933 – 09.01.1994
До твоєї могили ніколи
Наша стежка не заросте.
Рідний образ твій милий
Нас до тебе завжди приведе».

– Прости, Федя, не все обещания получается выполнить у людей. Я слов типа «ніколи» и «назавжди» стараюсь избегать. Но я зайду к тебе еще, обещаю. Придумаем что-нибудь с твоим памятником.

В траве было несколько неопознанных проржавевших жестяных гробниц, идти нужно было так, чтобы не сломать ногу. Чаклун сел возле выделяющегося памятника, старинного, из черного мрамора, с отвалившимся от постамента и приставленным рядом крестом, вырезанным из того же камня. На старых кладбищах

Петербурга таких много, но на сельском погосте это, конечно, редкость. Буквы почти стерты. Люция провела ладонью по гладкой поверхности, потрогала пальцами надпись: «Богдана Голова».

– Какие интересные имя и фамилия. Либо тут покоится некая женщина Богдана, либо голова какого-то Богдана. Чаклун, якщо це жінка, то чим вона залужила собі такий помпезний монумент?

Собака прошлась по памятнику мокрым боком, сделав видимыми даты и надпись: «17/X/1799 – 17/X/1899. Тут похована Богдана – всім козакам козак».

– Так. Что ты мне хочешь сказать? Что она сто лет прожила? Или что она была казаком? Казачкой? Нет, не казачкой. То есть она реально шашкой рубала ляхов, ты считаешь. А Голова – это типа главная тут? Погоди. «Пани Голова» – так сказала библиотекарша про нашу белую собаку.

Чаклун в ответ на это боднул лбом Люцию, что означало: «Ну, понимаешь же, когда захочешь». И ей показалось, что она это почти услышала. После он повел Люцию дальше и с довольным видом, виляя по прилегшей от дождя траве, сел возле вросшего в землю непонятной формы куска ракушечника. Люция присела на корточки. Желтенькая старинная, не выше прикроватной тумбочки четырехгранная усеченная пирамида, которая обтесалась ковылем на ветрах, пыльными бурями и стала почти столбиком. На одной из сторон когда-то были выдолблены буквы, которые теперь разглядеть было крайне тяжело, учитывая в целом очень рыхлую структуру камня. Люция взяла на палец немного земли и провела по надписи, сделав все только хуже. Чаклун посмотрел на это, вздохнул глубоко, встал, подошёл к кресту, задрал заднюю лапу и пописал. Земля из неглубоких выщерблинок памятника вымылась, оставшись только в бороздах букв: «ГНАТ УГРІН», даты жизни так и не проявились.

– Кто это?

Пес обошел столбик вокруг и сел снова таким же памятником рядом.

– Важный кто-то?

Чаклун лизнул Люции руку.

– Гнат Угрин.

В ответ собака радостно залаяла, как бы говоря: «Ну да, да, да!»

На пятачке примерно в самом центре кладбища было разбросано еще шесть надгробий из ракушечника, но те уже были явными округлыми крестами. Люция даже подумала, что и у Гната был крест, но сломался за давностью лет. Она хотела посмотреть, каким примерно периодом датированы эти старинные могилы, но начался сильный дождь, и Чаклун стал поскуливать, да и у Люции замерзли ноги. Они побрели домой. Чаклун показал спутнице еще одну могилу на выходе с кладбища, если можно так сказать, потому что никаких явных входов-выходов там не было, не было и общей ограды, за которой полагалось бы хоронить вероотступников, самоубийц и прочих небогоугодных, с точки зрения устаревшей, как казалось Люции, морали, людей. «Ярина Руда. 30 квітня 1959 р. – 25 грудня 1999 р.», – гласила надпись на черном обелиске из гранита, на верхушке торчал крестик размером с ладонь, сваренный из металла.

– Это родственница Павла? Мать? Я почему-то думала, что она совсем недавно умерла.

До дома пес и Люция дошли молча. Устали. Люция испытывала приятное чувство от того, что она побывала на кладбище, это ее странным образом успокоило. Она перестала бояться того, что Павел не отвечает, село выглядит безлюдным, ни больницы, ни поликлиники в округе нет, а у нее запущенная беременность и продуктов, даст бог, всего на месяц.

Она вдруг ощутила прилив сил и желание что-то делать. Она приняла решение до наступления сильных морозов ходить на кладбище и приводить там в порядок могилки.

Когда она об этом подумала, Чаклун завилял хвостом и на ходу лизнул пальцы Люции.

Дома Люция сварила макарон, закинула в них банку тушенки, поделилась с собаками и Дусей, которая боялась выходить из дома, оставила кошкам, которые пока не вернулись. Поев, она взяла ноутбук, влезла в кресло с ногами. Подключиться к интернету, который слабо, но раздавал ее смартфон, у нее получилось. Однако, это принесло новую печаль. Люция пользовалась соцсетью «ВКонтакте», которая в этих местах была заблокирована. Скачать бесплатно VPN и обойти блокировки тоже не получалось. А именно в ВК были контакт мамы, контакт подруги Лизы, с которой Люция постепенно перестала общаться после отъезда из Георгиевска, но сейчас захотела ей написать. Но больше всего ее тянуло сообщить о том, что с ней произошло, Светке – возобновить дружескую или какую-то другую, но близкую связь. Люция вспоминала, как выглядела последняя аватарка ее школьной не то любви, не то напарницы по первому сексуальному эксперименту: взъерошенные беспорядочными ежиными иглами волосы примерно такого же, как у ежей, цвета, меняющегося от темного к белесому на концах, щеки, покрытые густым белым пушком, толстые, самые приятные в мире, делающие почти всегда улыбающимися карие глаза, слегка вздернутый, но не острый нос и мягкие губы, которые Люция определяла как «чувственные», этот запомнившийся ей литературный штамп она мысленно применяла только к Светкиным губам.

Телефон мамы исчез со сменой симкарты, старая потерялась, а память Люции была не настроена на удержание маминого контакта. Она еще раз набрала Павла. «Абонент знаходиться поза зоною досяжності», – ответил женским голосом робот оператора связи. Захотелось плакать. Впервые за это неимоверное приключение Люция готова была разрыдаться. Но тут подошел Чаклун и положил голову на подлокотник ее кресла. Он посмотрел на расстроенную женщину с сочувствием, она заметила, как донца его глаз на мгновение сверкнули зеленым отблеском.

– Вы же необычные?

Чаклун закрыл глаза и кивнул, почти совсем, как человек.

Что ей было с того, что животные соглашались с ее подозрениями в том, что они непростые, она не знала, но стало спокойнее и рыдать расхотелось. Мысли Люции

сделались уверенными и ясными, она вспомнила, что раньше у Светки была электронная почта. Изначально они общались е-мейлами. Многословными и витиевато-поэтическими письмами Люция поддерживала себя и свой романтический настрой в моменты отсутствия Светки, когда та была на учебе в другом городе. И получала в ответ короткое: «Привет, Люцифер, я тоже скучаю. Скоро приеду на выходные». Соседке, ставшей самой пронзительной тайной и неизведанной радостью для девочки-одиннадцатиклассницы, нравилось видоизменять имя своей юной любовницы.

В почте даже не пришлось искать переписку и сохраненные адреса, ya_yastreb@rambler.ru ввела Люция в поле «Кому» и стала писать длиннющее письмо без особых сантиментов. Что переехала из Петербурга в село Тополёвку в Запорожье, что тут все очень странно и животные необычные, хоть с виду просто кошки и собаки, мужик, который привез, пропал, больниц нет, что беременна, если начнутся роды, не знает, что делать – как-то так. Отправила и мысленно произнесла вверх что-то типа молитвы: хоть бы она получила.

Спать Люция легла, не растапливая печь, решила, что и дрова нужно экономить. Ноги гудели после слишком активного дня. Никакого «гула реки» не было. Собаки легли рядом, от них стало тепло и спокойно. Дуся не приходила, она побаивалась хозяев дома и спала в кресле. Кошки Поля, Мявка и Лис ночью не возвращались.

Утром Чаклун не стал дожидаться завтрака, сильно скулил перед дверью, словно куда-то опаздывал, пока Люция сидела на унитазе.

– В доме вы появляться сквозь закрытую дверь можете, а выйти нет? Или это у тебя прикол такой, доставать меня, когда я писаю?

Открыла ему. Заморозков ночью не было, сырой воздух пошевелил волоски на ногах Люции, по телу пробежали мурашки, скорее от того, что это было приятно, чем от того, что прохладно.

Кашу она решила варить со сгущенкой. Голова сидела за столом и ждала. Как только Люция положила еду себе, ей и Дусе, в кухне появились кошки, когда и как они пролезли в дом, Люция не стала даже гадать. Лис, мурчливый и ласковый, терся об ноги толстыми бочками. Люция краем глаза заметила, что на пороге кухни что-то валяется, наверное, она обронила. Подошла ближе, присмотрелась – это были три птички. В птицах Люция разбиралась постольку-поскольку, когда-то она мечтала стать охотницей, но проводника в этот мир в виде отца, деда или дяди у нее не случилось, а сама она к 18 годам пересмотрела свои ценности и решила, что в жизни вполне можно обойтись без убийства ради еды. Но птиц она выучить некоторых успела. Кошки вернулись с добычей: перепелка, бекас и вальдшнеп.

– Спасибо, добрые, хорошие звери, замечательные кошатинки! Теперь заживем! А вы вот так в зубах это все и несли? Я чувствую себя принцессой из сказки! Ешьте кашу, а к вечеру мы приготовим шулюм! Как же вы их добыли?

Люция убрала тушки в ванную и села за стол с кошками и собакой. Лис вертелся прямо на столешнице и чавкал. Люция временами отмахивалась от его хвоста и смотрела в окно.

– Я все поняла! – закричала она так, что Лис от страха слетел со стола, рыжая Поля прижалась пузом к столешнице и развернула в стороны уши, и только Мявка продолжала вылизывать тарелку. Голова сидела напротив в ожидании продолжения.

– Перепелки водятся в поле! Бекасы – возле воды. Вальдшнепы – это лесные птицы. Охотничьи угодья между вами поделены! Поля охотится в поле, Лис в лесу, а Мавка… Мавка – это же типа русалка, дух воды, злой дух, не нужно было так кошку называть.

Голова обреченно выдохнула и слезла со стула, ушла в прихожую, чтобы больше не слушать глупости. Кошки пошли спать, кто куда. Люция осталась в кухне одна и чувствовала, что она что-то не то сказала. Ей было немного тревожно от того, сможет ли она беременная ощипать и разделать птицу, не станет ли ей тошно.

Нет, не стало. Ощипывание птичек оказалось медитативным занятием. Она разрезала тушки от клоаки до грудной мышцы, вытащила одним движением все внутренности, отделила полезное – сердечко, печень, желудочек – от кишок и легких, которые пошли в миску с отбросами, вырезала зобы и отчикала головы. Потом Люция сняла конфорку с газовой плиты и обсмолила махонькие тельца над столбом пламени. В процессе она представляла, как у нее после зимы начнутся роды, а сил будет, вероятно, меньше, чем сейчас, нужно приготовиться морально самой все провести, как положено, начитаться. Тут же она вспомнила, как в кино Тарас Бульба первым делом после рождения сыновей сам их крестил. В книге такого, кажется, не было, там описание его отношений с сыновьями начинается с их возвращения после учебы. А вот у нее с Зиготой уже есть отношения, но она вообще не в курсе самого, может, главного. Люция поняла, что никогда и нигде не читала и уж тем более не видела, как происходит процесс родов вне цивилизации.

«Странно, почему нам в школе не показывали, как в полевых условиях матери самой перевязать пуповину», – думала она. Даже в кино сейчас полно сцен родов, но все они выглядят как: тужься, тужься, ребенка извлекают, кладут на мать, прикладывают к груди, уносят – при этом все это показано сбоку. Могли бы хоть раз снять реальный процесс с акушерского ракурса. А главное, показали бы, каким морским узлом там все это вязать. Или не узлом? А чем? Заливая тушки водой в кастрюле, Люция решала, стоит ли ей поискать видео про родовспоможение себе самой, или же это ее только повергнет в отчаяние. Картошка и лук в доме были в небольшом количестве еще до приезда Люции, стояли в ящиках в сенях, видно, их занес Павел из сарая или подвала. Люция решила сегодня дотемна обследовать хозяйственные пристройки. Но сначала взяла десяток картофелин и луковицу и пошла их чистить.

Когда шулюм уже бурлил на плите, в окно постучали. Люция обернулась – Галина показывала, что нужно открыть ей дверь. С собой библиотекарша принесла небольшую тыкву – ага, с пустыми руками ходить в гости в Тополёвке, как и в Георгиевске, не принято. Только, когда Галина вошла в кухню, при свете от большого

окна Люция увидела, что на ее лице, на левой скуле, появился малинового оттенка свежий, припухший синяк.

– Это что?

– Это муж мой, Сашка, его тут все Михалычем зовут, – Галина слегка потрогала свою травмированную щеку. – У тебя вон на полке банка стоит, там знаешь, что?

– Что?

– Бадяга. Ее Рудычиха сама ловила, сама сушила, толкла. Запас небольшой, на следующий год тебе придется с Мавкой договариваться и ловить ее.

– Кого? Бадягу? Я думала, это такое растение!

– Это такая губка, то есть, наверное, все же ближе к животному. Водится у нас в заводях на реке.

– А почему с Мавкой?

– Ты мне сначала отсыпь чуток, я синяк лечить буду.

Люция достала с полки обычную двухлитровую банку, полную бурого порошка, отсыпала в кружку.

– Столько или еще?

– Много. Но я про запас возьму. Сашка, когда не пьет, вроде нормальный. А как выпьет – дурак дураком. Я от него горилку прячу. А он сам себе браги втихаря наделал в сарае и жрет ее! Вот бісів дід.

– Шо?

– Не шо, а що! Хочешь, я тебя буду украинскому языку учить по бартеру? Ты мне бадягу – я тебе уроки. Я же вообще учительница русского языка. Когда его в школе обязательно перестали преподавать, меня перевели в библиотеку и на начальные классы. Но украинский я знаю. Хотя больше говорю на смеси языков, конечно.

– Ладно, уроки хочу. Тут все равно делать, наверное, зимой нечего. Только и бадяги у меня мало. У тебя есть собака?

– Собака-то она собака, да не совсем. Примерно, как твои. Хранительница библиотеки, Вирджиния.

– Так, вернемся к моим. Кто они?

– А они сами еще не рассказали? Не доверяют. Проверяют тебя. Ты откройся им. И начнешь понимать.

– Итак, Поливка (Полівка) или Поля – дух поля, что логично, Лис – дух леса, а Мавка, или Мявка, или Мяука – это дух реки. Ты была на реке уже?

– Нет, там, где я думала, река, – кладбище.

– Ага. Дух кладбища – Чаклун. Колдун, по-вашему. Когда-то тут был хутор, близ казачьего стана. И там жил странник, колдун, который якобы пришел сюда с Угорщины. Его все звали Гнат Угрин, но чаще просто Чаклун, никто не помнит – когда, но было такое. Он первый, кто тут умер, его могила положила начало этому кладбищу. А раз есть кладбище, то быть и селу, а иначе кто ж за могилами следить будет.

– Да не особо там за ними кто-то следит. А я там видела могилу Богданы Головы. Это кто?

– У, это долгая история. Наливай, что там у тебя приготовилось.

Люция отмерила по два половника шулюма с ножкой птички в каждую тарелку и поставила гостье и себе, предварительно протерев стол тряпкой.

– Богдана Голова, значит. Между XVI-м и XVII-м веком тут был казачий стан. Стояло войско. И была в том войске женщина-казачка, да не простая, а характерница, голдовница или поленица. Сейчас это маг, магиня или супергероиня с необычными, нечеловеческими способностями. Голдовать – значит колдовать. Звали эту жинку Богданой, была она молодая, незамужняя, здоровенная, с первого взгляда и не поймешь, какого она пола. Вполне могла сойти за богатырского телосложения казачину, даже усики у нее росли. Она умела заговаривать людей от пуль, а оружие – на бессилие против самой себя. Ни одна сабля ее не брала – отскакивала, как от наковальни, если, конечно, удавалось сопернику обойти Богдану в фехтовании, что было почти невозможно. Богдану уважали простые рядовые серки, то есть волки, а казачьи атаманы ее только использовали да побаивались, но их сильно раздражало, что она не чоловік, а жінка. Однако во все походы ее брали. Однажды ляхи погнались за казачьим отрядом, и негде спрятаться им было, тогда Богдана расставила среди поля копья по кругу и усилием воли и духа вошла в особое состояние духа, и ее намерение, мысль, воплотились в действительность. Смотрят ляхи, а среди поля стоит дубрава. Они побоялись в нее лезть и вернулись назад. Говорят, после этого Богдана трое суток подряд спала, восстанавливая силы.

– А почему Голова?

– Долгая история. Давай чай заварим. Но если коротко, то атаман войска должен был раз в год переизбираться. И был в войске главным очень сильный, статный и красивый казак Харко, который думал, что замены ему нет, что на круге казаки изберут именно его, альтернативы себе он не видел. А круг избрал атаманшей Богдану. Такого оскорбления действующая власть во главе с Харко и его друзьями стерпеть не могла. Выборы окончились дракой, и казаки переубивали бы друг друга, если бы Богдана не предложила поединок. Кто выиграет, тот и атаманить будет. Харко вызов принял. Богдана взяла две сабли, встала на одно колено и стала мельницу крутить так, что Харко к ней и приблизиться не мог. И стояла она так, вертя сумасшедше саблями, не сбавляя темпа, ночь и день. После чего Харко сам ей поклонился и признал атаманшей. Под ее начальством много битв выиграли казаки. А через год, как пришла пора перевыборов, она сама отказалась выдвигать свою кандидатуру, собрала всё, что было в ее шатре, да пошла из стана на дальний хутор. А на хуторе она занялась хозяйством, хутор разрастался, домов прибавлялось, жителей тоже, были все богаты там очень, только тогда это не Тополёвкой называлось, а не то Кобелёвкой, не то Брехуновкой. И люди ее выбрали Головой, главной в селе. Ну, а после смерти она стала духом этого места, духом хутора и села. И воплощалась она в разное, бывало. Но любимей всего ей быть белой огромной собакой.

– А какие у них с Чаклуном отношения?

– Это я потом расскажу. А то боюсь, если мой проспится, а меня дома нет, снова скандал закатит. Пойду я.

– У меня есть мешок корма для собак, возьмешь своей?

– Они такое не едят. Брезгуют. Но в селе есть люди с обычными собаками. Есть бедные, которым корм будет кстати, но это если ты готова подарить, потому что есть и те, кто могут взамен что-то тебе полезное дать.

– Я подумаю.

Люция заперла дверь за Галиной. На дворе стемнело. Животных в доме не было, кроме Дуси. Люция дала ей потрошков и шулюма, та стала чавкать. Затопить печь получилось с третьей газеты, дрова отсырели. Люция забралась в Дусино кресло, открыла ноутбук, подключила его к интернету и обнаружила, что в почте есть новое входящее письмо.

Да, это писала Светка:

«Привет, Люцик мой ненаглядный! Я не сомневалась в том, что жизнь твоя будет полна неожиданностей, доброго безрассудства и прочей поебени. Ты не спросила у меня «как я», но я все же хочу рассказать. Я уехала из Георгиевска в Ставрополь, работаю на скорой помощи, у меня есть девушка, она хорошая, мы вместе снимаем квартиру, но она скрывает меня и наши отношения от родителей. Может, она и права, так лучше для них и для нас, но меня это иногда обижает, иногда бесит. Я часто тебя вспоминаю. И я правда захотела тебе хоть чем-то помочь. И знаешь, что? Я полезла искать твою Тополёвку в интернете – такого села нет! Ни в Запорожье, ни во всей Украине! Всё, что мне удалось найти, это то, что Село Тополевка Бильмакского района Запорожской области находилось на левом берегу реки Каменка. Далее: «История: 1994 – село ликвидировано». Люция, скажи мне еще раз, где ты. Я за тебя беспокоюсь. Света».

ГЛАВА ШЕСТАЯ (последняя из медитативных)

БЕЗ ЗВЕРЕЙ

Галина говорит, что мне нужно открыться. Пельмешек из кофейни мне сказал, что нужно довериться миру и быть открытой к подсказкам судьбы. Да я уже за гранью своего принятия эзотерики нахожусь, я верю во всё, что мне говорят, доверяю первому встречному и оказываюсь непонятно где брошенной, но, с другой стороны, когда я захотела сюда поехать, в моих мыслях не было того, чтобы рассчитывать на некоего мужика. Он и так мне уже помог. Но все равно я чувствую себя брошенной, обманутой и недостаточно открытой. В глубине души я ведь сомневаюсь в том, что мне рассказала Галина. Когда она все это говорила, первое, что мне пришло в голову, что у нее сильное сотрясение мозга от побоев мужа. Но сначала я решаю быть вежливой и просто выслушать, а в процессе я допускаю мысль, что все может быть, а потом и правда становлюсь, как малое дитя, и верю. Или все же нет? Во что я вообще верю? Я неделю не общалась с мамой. Если она мне звонила на старый номер, а я не брала трубку, она могла уже начать волноваться. Ощущение, что уже ночь, хоть всего девять вечера. И как это: нет села? Где-то же я нахожусь. Тут даже есть другие люди. Надо собраться с духом. И с мыслями. Я сто раз смотрела на мамин номер, он заканчивается на 4389, если напрячься, то можно вспомнить и другие цифры, это старый билайн, значит 905, даже если я не вспомню три оставшиеся цифры, я их подберу, буду набирать все подряд комбинации и рано или поздно попаду на маму. Но лучше постараться вспомнить.

Чтобы что-то вспомнить, нужно напрячь память, закрыть глаза, попробовать визуализировать ситуацию, когда хочу позвонить, смотрю в последних вызовах «мама» и ее номер. Не, не работает что-то. Хорошо, может, нужно наоборот расслабиться, отвлечься, пойти налить себе чая, а в него сгущенки. Раньше я не любила сладкое. А теперь вот тянет, потому что колбасы вареной нет. И постоянное чувство голода, словно только один бутерброд раньше меня и спасал на полдня. Сегодня я съела кашу, через час уже стало от голода подташнивать и мысли про еду в голову полезли. Потом я ела шулюм. Это было совсем недавно, а я снова хочу есть. И не ем только потому, что придут звери и им нужно будет. Надо привыкнуть, наверное, к жизни без бутербродов и перекусов. Тыква эта тут еще валяется. Есть я бы ее ела, но чистить тыкву с детства терпеть не могу. Помню, мама

сама ее готовила всегда, потому что я физически не справлялась с тем, чтобы даже просто разрезать. А она любит тушеную тонкими кусочками тыкву в сахаре. +79055124389! Вспомнила!

Раз гудок, два гудок, только возьми и пусть это будет все же твой номер, четыре гудок…

– Алё?

– Мам, привет! Это я.

– Привет. А что за странный номер?

– Это украинский. Это мой номер. Мой новый номер. Я переехала.

– Куда?

– В Тополёвку. Это в Запорожье. В Украине. Я теперь снова живу на юге.

– Погоди, мы неделю назад с тобой разговаривали. Ты мне ничего не говорила про то, что куда-то собираешься ехать. Зачем? Почему? С кем?

– Я сама, одна. Мама, просто мне там было плохо.

– А теперь будет хорошо? Тебе двадцать пять лет. Можно уже быть немного серьезнее? Когда и что пошло не так? Ты всегда производила впечатление очень рассудительного человека.

– Я и есть рассудительная. И еще я беременная.

– …

– Мам?

– Да. Я тут. Мы можем созвониться по видеосвязи?

– Да, наверное. Я очень боюсь сейчас положить трубку и потом не дозвониться до тебя. Обещай, что найдешь меня, если что.

– Люция, ты меня пугаешь.

– Сейчас, мам, я перезвоню в вотсапе.

Как же я сразу не подумала про вотсап. Надо просто зарегистрироваться там с новым номером и всё.

– Да, теперь ты меня видишь? Мама, я тебя не вижу. Зачем ты поднесла телефон к щеке, это видеонабор! Ага, теперь вижу. А ты меня?

– Покажи-ка мне свой живот. Сколько уже?

– Шестой месяц.

– Ты у врача была? Что говорят? Кто это?

– Мам. Ты только успокойся. У меня правда все в порядке. Мне тут лучше, чем было в Петербурге. Мне там совсем некогда было пойти к врачу. Я работала, очень уставала. Потом мне подвернулась возможность переехать в хороший частный дом и быть в нем хозяйкой. Но решать надо было быстро. И вот я тут. И теперь я намерена заниматься только собой и Зиготой. Я так называю того или ту, кто там.

– Покажи дом.

– Вот, смотри, это кухня. А тут у меня ванная, туалет, оно же кладовка для полезных вещей и прихожая с огорода, если заходить.

– Прекрасно.

– Не иронизируй, это даже удобно. Так, пошли дальше. Тут у нас… я не знаю, что это, назовем это каминный зал. Тут шкаф, печка, кресла и столик. Чтобы читать. Но книг тут нет. Вообще. Тут типа гостиная, дальше спальня, мы тут спим. А тут еще одна комната, я не придумала пока, как ее использовать, почти в нее не хожу.

– А ты с кем? С парнем? С мужчиной?

– В каком смысле? Я же сказала, что одна переехала.

– Ну, ты говоришь «тут у нас», «мы тут спим».

– А, да я с собаками двумя живу и с четырьмя кошками, моя Дуся и три местные Поля, Мавка и Лис.

– Доча, скажи мне честно. Ты ебанулась?

– Мам! Ты что? Ты же не говоришь матерные слова!

– Это ты просто меня до такого еще не доводила!

– Вот сейчас я рада, что нас разделяют не только километры, но и хорошо охраняемые государственные границы! Я тебе позвонила открыться, рассказать про свою жизнь, как есть, а ты ругаешься.

– Если что-то случится, там есть кому о тебе позаботиться?

– Да, не волнуйся. У меня тут уже есть подруга. Галина. Она тут живет.

– Люция, я не буду ругаться, но скажи честно, ты лесбиянка? Я часто думала по это, когда вы со Светой стали дружить. Но потом я подумала, что ошиблась. А может?

– Мам, ты ошиблась. Галина – это просто добрая и хорошая женщина, подруга, работает в школьной библиотеке, она местная и про все мне рассказывает. Но я, наверное, бисексуалка или пансексуалка. Только сейчас это вообще неважно. Я одиночка, со мной нет пары.

– Да это меня и пугает! Как ты на шестом месяце и одна?

– А как ты была беременная мной и одна?

– У меня рядом была мама.

– В селе, куда надо ехать на автобусе и еще там помогать по хозяйству, если ей нездоровится! Мама, ты все забыла?

– Я жила в городе, и у нас была советская медицина, мне все помогали. А кто отец ребенка? Как это вообще получилось?

– Получилось это самым тривиальным способом. У меня был друг. Мы иногда занимались сексом. И однажды не предохранялись по обоюдному идиотизму. А потом друг уехал в Самарканд.

– Зачем?

– К жене и дочке, живет он там.

– А он помогать вам будет?

– Мама, я не стала ему говорить о беременности.

– Это я во всем виновата.

– Хватит, если ты будешь так говорить, я не буду звонить. Я живу свою жизнь, как умею. И ты тут ни при чем. Кстати, мама, а если бы я тебе рассказала, что у нас со Светкой, ну, типа роман, ты бы что сказала?

– Не знаю, Люция, может, рассердилась бы и выгнала тебя из дома. А может, поплакала бы и приняла. Обеих. Я не знаю.

– Спасибо, мам. Извини, я уже спать хочу. Пока, позвоню на днях.

– Дочь, береги себя.

– Ок. Пока.

Фух, надо ответить Светке. Но сначала проверить, где я нахожусь. Итак, гуглкарты, мое местоположение, разрешить телефону доступ к определению геолокации. Я нахожусь на 47.427265 градуса северной широты и на 36.615801 градуса восточной долготы, запомнить я это не смогу, скопирую. И вставлю в письмо. Но напишу уже из кровати. И мыться не буду. Что-то меня прям прибивает, словно что-то тяжелое наваливается.

Господи, комната сжимается, стены подбираются к кровати, и дверь поглотилась углом, как же я выберусь, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, только бы меня не придавило потолком. Мамочки! Нет! Потолок и правда на меня опускается, но это не самое страшное, на нем по периметру зацепился восемью лапами с когтем на каждой огромный, черный, мохнатый паук с каплевидной, подрагивающей попой, если потолок опустится еще немного, я лицом почувствую волоски на его теле, какой адище, мама, все, что я могу, это немного шевелить своим обездвиженным телом, покачиваясь, как лодка, утопая в матрасе то правым, то левым боком, а с пола на кровать наползает рыжая сколопендра толщиной с мое бедро, мне видно только часть этого монстра, вот-вот ее эбонитовые жвальца коснутся моей лодыжки, надо качаться, качаться, чтобы вырваться или хотя бы просто сопротивляться, все, что я могу, – это перекатываться немного, наверное, меня уже парализовало ядом кого-то из этих тварей, я просто не заметила. Качаться. Господи, меня укачало, меня скоро вырвет, я захлебнусь собственной рвотой.

Люция проснулась. И села на кровати. Одежда была мокрой от пота. В комнате всё находилось на своих местах и было видно в отражаемом луной свете, проникающем по прямой в окно, расположенное за изголовьем кровати. Люцию сильно тошнило, она побежала в туалет и, не успев закрыть дверь и повернуться к унитазу, проблевалась в ванну.

Она посидела на бортике ванны, ноги не держали, тело трясло. Стало клонить в сон. Рвотных позывов больше не было, но возвращаться в кровать было страшно. Люция допила чай, села и подумала, чем она могла отравиться. Воспоминания о еде не вызывали отвращения, и она решила, что это не отравление, а, наверное, токсикоз. Это ее успокоило, потому что она боялась, что токсины могут навредить Зиготе. Люции стало холодно и страшно. Она села возле печки и принялась разводить огонь. Дрова, занесенные заранее в дом, немного подсохли и быстро занялись пламенем, испуская свист и тонкие струйки дыма из сердцевинок не до конца обрубленных сучков.

Где же звери, почему они меня бросили одну? Может, они чувствуют, что я не верю в то, что они духи этих мест? А я ведь верю. Стараюсь верить. Вот где они сейчас? По холоду бродят, бедные, голодные, наверное. Хотя, что это я возомнила себя их благодетельницей? Пока что это они меня привечают, подкармливают и греют, без них уныло. Вот, опять реву. Три года считала, что мне все нипочем, даже эта старуха-процентщица, сдававшая мне комнату. А сейчас я сама себе хозяйка и вдруг расклеилась. Наверное, это чертовы гормоны.

Люция вернулась в кровать, укрылась двумя одеялами, подмяла под себя Дусю, которая решила в этот раз не рыпаться и исполнить роль милой кисы, раз человеку так плохо. Кошмары и холод отступили.

Разбудил Люцию бешеный стук, казалось, что от каждого удара дверь делает еще и громкий «Кряк!»

– Блять, какая ж сука решила разгромить мне тут все! – спросонья забыв о предосторожности и советах мамы беречь себя, Люция вскочила в тапки, прихватив по пути небольшую кочергу у печки, вышла в одной пижаме на порог с явным намерением вдарить.

Поскольку дверь открывалась наружу, а у Люции от гнева силушки поприбавилось, она снесла с крыльца тщедушного мужичонку, у которого, однако, при себе был топор. Упав навзничь, орудия своего гражданин потрепанного вида с помятым жизненными неурядицами и алкоголем лицом не выронил. Свободной рукой он потянулся ощупать свой затылок и узнать, не разбил ли голову в кровь.

– Ты, итить твоего отца за яйца, кто такой?! – низким и зловещим голосом спросила Люция.

– У, блядина, говори, Галка моя у тебе ховається? – заскулил человек, поднимая худое туловище с земли.

Фраза, по всей видимости, была заготовлена по дороге и прозвучала весьма не соответствующе положению «грозного мужа», сидевшего жопой в мокром палисаднике.

– Так это ты та гнида мандавошная, что ей вчера лицо била? Михалыч? Чи как там тебя? Да знала б я, что ты меньше бородавки у меня под сиськой, я бы еще вчера с ней пришла бы и отпиздюхала тебя!

Люция спустилась к незваному гостю, уперла ему в грудь кочергу и, наступив ногой на запястье его правой руки, легко забрала топор. Михалыч заскулил уже совсем жалостно, а Люция, как берсеркерша, держа в каждой руке по оружию, нависла над алкоголизированным узурпатором и поднесла к его носу слегка заржавевшую головку топора. Она чувствовала, как тупая часть полотна топора упирается через верхнюю губу в кость верхней челюсти, в ложбинку между зубами и носовой остью. Это чувствовал и муж Галины, он не собирался так сильно пугаться, но возраст, алкоголизм и ужасающая, пузатая, вооруженная баба сверху в этот

момент сработали так, что штаны его стали мокрыми не только снизу от земли, но и сверху. Серая ткань некогда костюмных, а теперь единственных почти целых брюк Михалыча потемнела, пятно расползалось, от него шел пар.

Люция не видела, что происходит у нее под животом, между широко и грозно расставленными тапками, но чувствовала, что стало теплеть. Она отступила и уставилась на обмоченные чресла врага. Михалыч заплакал, встал и на полусогнутых поплелся, оглядываясь, к калитке, но Люция решила, что разговор не окончен. Она положила топор и кочергу на крыльцо, обогнала быстрым шагом Михалыча, взяв его за грудки на выходе со двора, прижала его лопатками к столбу забора.

– Значит так, козел. Если ты еще раз поднимешь руку на Галину, я сама лично не побрезгую тебя укокошить, и могилки у тебя не будет на этой земле, все подтвердят, что ты по пьяни пошел на речку и тебя Мавка забрала. Понял?

– Зрозумів, – прошептал Михалыч.

– Прикоснешься еще хоть раз к моей двери – прокляну, руки отсохнут. Зрозумів?

– Понял.

– Пшел отсюда.

Люция провожала Михалыча взглядом до середины поля. Шел он нестройно, пару раз падал. Было видно, что он вытирает рукавом нос, наверное, ревел. Параллельно она всматривалась в округу, ожидая увидеть возвращение Лиса, или Чаклуна, или хоть кого-то из духов. Тапки промокли и изгваздались в суглинке. На пригорке у лесополосы Михалыч обернулся, поднял сжатый кулак и потряс им, как показалось Люции, крикнув: «Ведьма!» Хоть точно она не слышала, поле пусть и небольшое, но звук по нему развеяло ветерком.

Забрав с крыльца свое оружие, Люция вошла в сени и стала снимать грязные тапки, как вдруг увидела, что половичок отодвинулся, обнажив дверцу в подпол, вместо ручки у нее был хлястик из куска прочной ленты. Люция потянула, люк открылся легко, под ним обнаружилась небольшая лесенка. Люция легла на пол, посветила фонариком на телефоне. Под сенями был небольшой подвал, не на весь дом, метра три на три. Стены были выложены шлакоблоками, в подвале в углах валялись какие-то мешки и пустые банки. Люция спустилась и осмотрела помещение. В общем, это можно было использовать как холодильник. В стене напротив она заметила небольшую дверцу, пролезть в нее можно было только на четвереньках. Серая деревянная створка поддалась легко, запора не было, открывалась она и внутрь, и наружу, как створки входа в салун, на специальных двусторонних петлях со встроенной пружиной. Люция просунула голову, и перед ее носом возник палисадник, разбитый вдоль стены дома. Раньше она эту дверцу и не замечала. Так вот как они проходят в дом!

Весь оставшийся день Люция провела в пижаме и в ожидании духов. Она вымыла тапки и поставила к печке сушиться, вымыла топор, он оказался острым, порубила им тыкву, вытащила из нее крупные семечки с оранжевой бахромой, по-

ложила сохнуть на подносе на подоконник. Тыкву порубила крупными дольками, присыпала их сахаром, не очищая от кожи, выложила на противень стройными рядами драккаров и поставила запекаться. После сама съела сразу два куска и пошла смотреть, отправила ли она вообще вчера сообщение Свете. Оказалось, что письмо с координатами места ушло. Новых входящих не было. Люция легла на кровать и подумала, сколько же времени у нее теперь появилось! Она скоро месяц, как не работает, а все еще с голоду не померла и даже не побирается. Но все же нужно пойти и попытаться устроиться на работу.

Понятно, что с таким животом меня никто не возьмет, но хотя бы ради успокоения души и совести, да и очень хочется познакомиться хоть с кем-то еще в Тополёвке, с директрисой школы, например.

Когда уже темнело, Люция попыталась отремонтировать дверь, в которую обухом топора со всей дури ломился Галин алкаш. В Петербурге Люция уже отучилась мыслить такими словами. Она выучила, что не «бомж», а «бездомный», не «алкаш» и не «алкоголик», а «алкоголизированный человек». Но сейчас у нее перестало получаться быть политкорректной, она была зла на Михалыча за его тупую агрессию в свой адрес и за насилие над женой. В туалете валялись на полке новые свечки, Люция взяла одну и стала затирать парафином вмятины и щели, которые оставил этот ушлепок.

– Что это ты делаешь, хозяйка? – послышался за спиной голос Галины.

– Да колдую помаленьку, заговариваю дверь от разных упырей и вурдалаков.

– Это ты верно решила, – словно не распознав иронии, одобрила действия Люции библиотекарша.

– А ты где сегодня была?

– В Весёлоивановку ходила. У меня на телефоне деньги кончились, а положить негде, автомат только там. Заодно договорилась с племянником Гриней, что он на машине поможет библиотеку перевезти. Завтра начнем ее разбирать. Хочешь помочь?

– Проходи в дом, а то я околела уже. А куда вы библиотеку перевозите?

– Да почти в никуда, в сарай, наверное, ко мне свезем, самые ценные книги домой заберу, но боюсь, что мой дурак начнет ими печку разжигать, с него станется.

– Да, это я поняла уже, что он того, ёбнутый на всю голову. Познакомились уже. Он тебя с утра тут искал.

– Вот же ж гад! Я ж ему сказала, что я в магазин, в Весёлоивановку – не поверил. Он мне говорит, врешь, ты к новой ведьмачке пойдешь, чтобы извести меня со свету.

– А тут что, рядом еще село есть?

– Да, вниз, вдоль Каменки километра три. Мы все туда ездим, там можно продукты купить. Я тебе, кстати, вареной колбасы привезла в гостинец, свежую им

завезли, – Галина достала из рюкзака розовый кусок с полкило и положила на стол. – И хлеба. Чайник поставишь?

– То есть тут есть вокруг еще обычные села?

– Что значит обычные? Ну, да, обычные.

– И автобусы или маршрутки ходят?

– Да окстись, куда там!

– А на чем же вы ездите?

– На велосипедах! Вон, мой у забора стоит, – Галина ткнула пальцем в окно.

– Ой, я и не заметила.

– Зимой сложней, приходится пешком пробираться.

– А больница там или поликлиника есть?

– Не-а, нет. Тоже все в райцентр лечиться ездят. Ну или стараются не болеть так сильно, чтобы пришлось.

– А как же рожать?

– Да что ты заладила.? Решим что-нибудь, время есть. Помолимся в крайнем случае.

– Чего?

– Ага, того, ты не пренебрегай. У нас беременная жинка – редкость. У мужиков тут давно стоит только бутылка. С остальным все плохо. Да и не особо-то и хотелось с ними кохаться. А потому у нас самое верное предохранение на свете – отсутствие секса.

– А как ты поняла, что я колбасу люблю?

– Никак. Я просто брала то, что свежее.

Люция насыпала заварки, привезенной с собой. Употреблять то, что стояло на полках в баночках, она опасалась – и так по ночам кошмары да рвота. Колбасу она нарезала кружками толщиной в полсантиметра, тоньше – невкусно, а толще – слишком скоро закончится. Белый и хрустящий кирпич хлеба надрезала Галина. Люция сразу взяла горбушку, она ноздрями, вдохнула на весь объем легких кисловатый запах, вспомнила вечера у бабушки, когда на ночь бабушка давала ей стакан молока и горбушку хлеба, натертую чесноком с солью. Хозяйка не стала церемониться и с чувством, мыча и чавкая, съела сразу весь кусок.

– Ты сегодня вообще ела?

– Мугу, фыкву, – с набитым ртом ответила Люция.

– Ну и то ладно. Ты это, не стесняйся, говори, что нужно. У нас тут зарплаты маленькие, но и деньги особо тратить некуда, поэтому на еду всегда найдем.

– Пока все норм. А там посмотрим, я бы на работу все же устроилась. А что с библиотекой, говоришь?

– Ну, школу закрывают. А книги жалко. Там есть и раритетные. Да и в целом она неплохая. Я по интернету даже кое-что заказывала, почта, правда, только в Весёловке.

– А что, если я отдам под библиотеку вон ту комнату? А в этой, где печка, можно по стенам стеллажи сделать и расставить, тут и место для чтения есть. И я всех-

всех буду пускать читать и давать на дом, и каталог вести, и формуляры заполнять. А ты будешь приходить и контролировать только.

– Зачем мне тебя контролировать?

– Ну не знаю, это ж твоя библиотека…

– Нет, она не моя, она школьная, а школа общая. Так что и библиотека общая. Но тебе эту идею не со мной оговаривать нужно.

– С духами?

– О, вот ты их как теперь называешь? С ними.

– А ты не знаешь, куда они могли деться? Их со вчерашнего вечера нет.

– Обиделись? Плохо. Духи-то они духи, но живут в реальных телах, которые, как все тела, мерзнут, болеют, голодают, стареют и умирают.

– Серьезно?!

– А ты как думала?

– Да никак, я не знаю, что думать, я не знаю, во что верить, мне кажется, что я готова поверить абсолютно всему и во всё. Но на самом деле я допускаю и то, что так, как я вижу, не может быть. Я уже начала верить в то, что этого села не существует, что оно призрак!

– То есть, ты веришь в призраки и не веришь в реально существующее село, ты поверила в духов, но не хочешь верить, что тела живых существ умирают. А попробуй начать принимать все таким, каким оно будет тебе открываться.

– Кстати, ты знала, что в дом есть ход через подвал?

– Ой, а Павел тебе не сказал? Да, главное, ничего не ставить на дверцу в полу, в сенях, а то звери войти не смогут.

– А ты знаешь, куда Павел делся?

– В Киев уехал?

– А на связь почему не выходит?

– Да мало ли у человека дел, может, уехал срочно по работе куда. Он тебе зачем?

– Да в общем, уже не зачем.

– Ладно, пойду я. Если про библиотеку с хозяевами договоришься, дай знать. Переезд в любом случае начинаем завтра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ (пожирающая время)

ЗИМА

Следующую ночь Люция тоже провела с Дусей. Накануне, перед тем как пойти спать, она выходила несколько раз на крыльцо и звала поименно и долго хозяев. Возвращалась и плакала. Встала необычно рано для себя, часов в восемь. И отправилась в палисадник собрать семена растений, срезать и выбросить то, что осталось от цветника. Люция взяла баночки от детского питания, которых было валом в ванной комнате, так можно было не подписывать, а видеть, из чего что вырастет. Пришлось вспоминать казавшиеся ненужными знания, полученные от мамы, ковырявшейся время от времени на общественном клочке земли перед их пятиэтажкой: астры, хризантемы, маттиола, календула, бархатцы, синий василек, годеция, дельфиниум, иберис, лаватера, резеда, малькольмия, скабиоза, эшшольция. А еще во дворе рос дикий виноград в двух местах, у заднего входа в дом и у сарая. Розы внезапно попадались везде на пути, даже в огороде, нашлись можжевельник, две яблони, абрикос, слива, другая слива, тутовник. На меже двора и огорода стоял деревянный каркас беседки, который стоило бы развалить и сжечь, если бы не Изабелла и Лидия, лозы которых и создавали купол над пространством с двумя небезопасными лавочками и столом.

Внутри Люция увидела гроздья винограда, уже немного тронутые недавними ночными заморозками, но целые. Лозы переплетались, на них висели ягоды чернильного и янтарно-розового цвета, покрытые белым налетом, как инеем. Она попробовала терпкие виноградинки Лидии. Холодный, сладкий сок наполнил рот, и неестественно сильный, как у жевательной резинки, аромат проник в уже замерзающий и мокнущий нос. Люция сорвала тугую гроздь Изабеллы и укусила, как яблоко.

– Ммммм!

Люция закрыла глаза. И тут же почувствовала, как опущенную кисть обдало жарким и влажным. Она вскрикнула и отдернула руку, а виноград остался в пасти Чаклуна. Увидев его, она чуть не заплакала от радости, бросилась его гладить и целовать в лоб, тот отвечал полной взаимностью, вставал на задние лапы, передними обнимал круглый живот, вилял хвостом и морщил в собачьей улыбке нос, показывая белые зубы молодого пса и коричневые десны. На мгновение Люция

увидела, что обнимается со смуглым мужчиной лет тридцати, с черной кудрявой шевелюрой и с серьгой в ухе.

– Так вот ты каким был, Гнат Угрин. Красавчик. Интересно, до скольких же ты лет дожил. А знаешь, я сегодня хотела зайти на кладбище. Траву покосить на нескольких могилках, цветы посадить в зиму. Осенние я собрала, но приметила, где можно выкопать луковицы нарциссов и ирисов, чтобы уже весной было кое у кого красиво. Но сначала давай срежем весь виноград. А то пропадет. Не сегодня-завтра зима начнется.

Чаклун побежал и показал, где в подвале хранились тазы. Немного пришлось поискать ножницы, среди прочей кухонной утвари хозяева их не держали, а висели они на гвозде в сенях, так что не сразу заметишь.

Собрав виноград и притащив его в тазах, как на санках, с заднего входа в ванную, Люция взяла бутерброды, бутылку воды, семена, луковицы растений, два колышка из срезанных со сливы веток, небольшую лопатку, косу, и они с Чаклуном пошли на кладбище.

– Показывай, где тут будет вход. Нехорошо, когда нет ворот у кладбища. Где войдешь, там и сделаем.

Чаклун засеменил, огибая погост, заходя носом на восток, на белое предзимнее солнце.

– Ну и ладно. Тут, так тут.

Люция воткнула по колышку на расстоянии примерно два метра друг от друга.

– Я пророщу черенки девичьего винограда к марту, и посадим их тут, сделаем дугой ворота. А пока будем входить тут, строго между колышками. Всем привет.

Люция не боялась панибратства в обращении к мертвым, она была уверена, что они знают истинные чувства и отношение к ним живых. А в душе она уважительно относилась ко всем, о ком ей не было известно какой-то гадости. Тут ей все были равно приятны, поскольку неизвестны, за исключением ведьмака и ведьмы, продолжающих свои мытарства в телах вполне симпатичных и благонадежных собак, да и в целом, что ни говорите, а самые безобидные люди – мертвые. Люция принялась облагораживать кладбищенскую территорию, попутно знакомясь с обитателями, разговаривая с ними. Она не собиралась сильно упахиваться – всего в меру, работы в охотку. Там вырвала бурьян, там посадила цветы. Могилки по три-четыре за раз, да и обратно, думала она, ей хотелось еще попасть в библиотеку, чтобы помочь собрать книги для переезда.

Люция знала, что выходить с кладбища нужно там, куда входила. Но она не думала, что это правило распространяется и на такую мелочь, как вынос сорванного и скошенного бурьяна. Взяла она охапку травяной мусор и понесла самым коротким путем, наискосок, за пределы погоста. Между могил кое-как прошла, не видя ничего под ногами, хотела уже было бросить, как вдруг шагнула и полетела в пустоту. Благо, что с сеном-соломой вместе, животом не ударилась, но ногу под-

вернула, а может, даже сломала. То, что это могила, сомнений у Люции не возникло. Глубокая, метра два, руками за край не зацепиться, сверху земля осыпается, а внутри слишком уж твердые и гладкие стены – самой не выбраться.

– Чаклун! Чаклун!

Было слышно, как несется по сухой траве пес. Черная морда показалась на краю ямы буквально на секунду и скрылась. Люция вспомнила притчу про двух лягушек и поняла, чем больше она будет нервничать и тратить сил, чтобы выбраться, тем сильней устанет. Ей казалось, что не будь у нее такого живота, она бы подпрыгнула, ухватилась за траву и вылезла. Но ее тело стало другим. Зато какое же оно функциональное для создания новых жизней, думала Люция, стараясь себя успокоить. Она решила, что главная ее задача – не замерзнуть и не помереть, а дождаться помощи, поэтому она постелила солому на дно могилы и села. Она верила, что рано или поздно Галина хватится ее. Да и на Чаклуна рассчитывала, как никогда. И он вернулся. С Головой.

Белая могучая волшебница-казачка на мгновение предстала перед Люцией на краю могилы во весь рост как коренастая и надежная женщина-буч с миловидным румяным лицом, крепкими ручищами и дородными сиськами на заметном и в меру жирном животе. Она спрыгнула и собакой легла под ноги Люции. Та, недолго думая, разулась, вышвырнула берцы наружу и встала на спину Голове. Чаклун, держа в пасти сыромятный ремень, спустил в могилу его конец с бляхой. Люция ухватилась, Голова слегка приподнялась передними лапами, а Чаклун потащил.

– Спасибо, мои родные! Не бросайте меня больше, пожалуйста. Видите, без вас я совсем пропаду. Кстати, вы не знаете, чья это могила?

Люция, сидя на помятой траве, обулась. Но встать не смогла – адская боль залила всю ногу до колена. Чаклун и Голова подставили свои холки с двух сторон. С трудом поднявшись, Люция, поскакала, опираясь на собак, домой, оставив все орудия труда возле могилы Федора Оселедько.

Дома Люцию ждали кошки и Галина, которую привела Мавка, узнав о беде, случившейся с приезжей панночкой. Ногу осмотрели, вывиха не обнаружили. Люция сказала, что при наступании чувствует, как двигается ее берцовая кость чуть выше голеностопного сустава. Было решено дождаться утра и накладывать гипс. Самим. Ночью наступила зима. Люция почти не спала от боли и от необычно яркого из-за луны и снега света, попадающего сквозь незанавешенное окно. Нога заметно распухла. С утра в доме появился десант из Галины, школьной директрисы Марии Александровны и местного изобретателя Романа, который на самодельном тракторе, сконструированном из мотоблока и автомобильного прицепа, привез мешок строительного гипса, костыли и первые три ящика книг. Оказалось, что племянник Гриня не сможет помочь перевезти библиотеку, поскольку у него нет зимней резины. А по снегу он бы просто не добрался до соседнего села, плюс по случаю наступления холодов запил.

Гипс накладывали чудово, но Люция не боялась, потому что нутром чувствовала, что все идет правильно. Галина с Марией соорудили из марли, гипса и воды заготовки для ботфорта, в котором Люции предстояло провести два месяца. Сначала ногу не туго забинтовали, потом мастерски наложили гипс, сверху надели хлопковый, свободный чулок – чтобы не мерзла нога. К вечеру Люция уже скакала на костылях по кухне и руководила новыми подругами, которые не давали пропасть собранному винограду. Сначала они давили его ногами, но вскоре это превратилось в пытку, сок разъел кожу, стало очень щипать. После этого было решено продавливать сок через дуршлаг вручную. Из собранного Люцией урожая надавили две бутыли сока. Надели на горла сосудов по перчатке и поставили в дальнем углу ванной бродить.

Мария Александровна была химичкой с интересной формой профдеформации. Она любила повторять последние несколько слов любого своего умозаключения, иногда переходила ни с того ни с сего на весьма повышенный тон общения и так же внезапно могла начать изливать похвалу и одобрения в адрес собеседниц и собеседников. Так она общалась со всеми, кроме своего мужа. Того она иначе, как скотиной, не называла. Скотина меж тем был совершенно не асоциальным человеком Колей, хоть и крепко пьющим, но за зиму он не раз приходил к Люции, чтобы занести дров или принести чего-то съестного по велению жены, например, полмешка картошки. Так семья Онищенко благодарила Люцию за подаренный мешок корма для собак, подкармливали. После расформирования, а точнее, полного уничтожения школы Мария решила оформить себе пенсию по выслуге лет и сидеть дома, помаленьку приторговывая товарами, заказанными в интернете и полученными на почте в соседнем селе. Двадцать пять из своих сорока шести лет она отдала школе и Коле. И в целом их брак можно было бы считать во многом лучше, чем у других в селе, потому что Микола руку на женщину в жизни не поднял. Зато он умел измываться иначе и вытягивать все нервы. Он не любил работу, а поскольку в селе и объективно работы не было, то Коля днями лежал, ждал, что Маша придет с работы и его покормит, что она ему погладит штаны и рубашку, и что он, напялив их под вечер, пойдет в Весёловку якобы навестить родителей, но на самом деле – дружить организмами со своей бывшей одноклассницей Ниной. Слово "любовница" в Тополёвке не использовали, считали его слишком книжным, возвышенным, а потому Нине доставалось много эпитетов на основе исконных общеславянских корней. Люция не была готова к тому, что ей когда-то придется узнать от учительницы, от школьной директорки, местной интеллигенции, многоэтажное понятие «пиздопроёбина промандоблядская». И когда это произошло на кухне за разговорами об уже перевезенной библиотеке и о том, что сюда смогут приезжать и женщины из Весёловки, чтобы отдохнуть от быта, мужчин и детей, почитать, выписать что-то полезное, Люция прыснула чаем так, что кошки разбежались и надолго обиделись. А это Мария всего лишь сказала, что она представляет, как Нинка (дальше шло то самое понятие) будет сидеть у Люции в доме в

кресле с романом и отдыхать от ее Кольки. А слово «курва» в сравнении с прочими вообще означало, что Мария смягчилась и даже прониклась женской солидарностью к сопернице.

Иногда Люция зависала на том, что она рассматривает Марию с мыслью «что ж ему, дураку, еще надо-то?» Черные, обычно туго собранные в пучок, закрученные в гульку волосы с редкой проседью, смуглая, ровная кожа, одновременно стройная и мощная шея, в которую так и тянуло хотя бы случайно уткнуться губами и носом, карие глаза под бровями, напоминающими по форме «ушки» филина – в целом стати Марии делали ее в глазах Люции женщиной необычайной притягательности. У учительницы уже лет семь как не было правой груди после перенесенного рака и мастэктомии, она это сначала скрывала, а потом перестала носить лифчики с жесткими чашами, делая вид, что грудь на месте. Нет и нет – в селе про это недолго пошептали и перестали. Очередь по квоте на реконструкцию груди много лет вроде бы даже и не двигалась. Мария и сама перестала считать это необходимостью. С Ниной Микола загулял задолго до болезни жены. И когда она лечилась от рака, он очень ее поддерживал и даже бросал пить, но бегать к Нинке не перестал. Правда, и с женой заниматься сексом не думал бросать и до сей поры. Коля был одним из двух мужчин в селе, который умел и любил доставить женщине наслаждение, даже когда его подводила эрекция.

Вторым был Рома, который перевез из школы все книги и сделал стеллажи и полки в доме духов, приютивших Люцию и библиотеку. У Ромы была инвалидность, Люция предполагала, что из-за детского церебрального паралича, но на самом деле она не знала, спрашивать не хотела, а сам Роман и его жена про диагнозы никогда не говорили. По селу Роман передвигался на своих ногах, но не быстро, а на далекие расстояния, например, на хутор к Люции, ездил на своем минитракторе. И он был единственным в Тополёвке убежденным трезвенником и экологистом. Рому нанимали вспахать огород или что-то починить. Руки у него были крепкие, дрелью он орудовал, как надо, но иногда просил жену дать ему упор сзади, придержать. Ноги он немного подволакивал, стопы их располагались носками друг к другу, весь он был худ и жилист. А его жена Оля за ужином-девичником, которые стали частым делом на кухне в доме духов, однажды при Марии и Галине сказала Люции, что понимает, почему ее первой любовницей была женщина, и что кунилингус и фингеринг ей нравятся больше, чем проникновение пениса во влагалище. Из чего все сделали выводы об определенных сексуальных умениях Романа. Оля в Тополёвку приехала из Черновцов, а с Ромой они познакомились в Одессе, куда его однажды привезла мама, а Оля там отдыхала каждое лето. Ее отец был бизнесменом и обещал купить квартиру или дом дочери, если она откажется от мечты выйти замуж за инвалида. Это был их последний в жизни разговор. Ольга за ночь собрала вещи и переехала к Роме и его маме, взяв вскоре их фамилию Оселедько.

– Так Федор Оселедько – это твой свекор? – уточнила однажды между делом Люция.

– Я его никогда не знала. Он умер, когда Ромке было пять лет. А до этого он их с матерью бросил и ушел к молодой женщине. Ромкина мать сходила к Рудычихе и попросила вернуть, присушить мужа. Но та ее отговорила, сказав, что нельзя, что она у сына одна, что Рудычиха видит – на роду Ромке написано быть счастливым, а такой грех, как присушка, может обернуться против самой заказчицы. Вскоре Федор утонул в Каменке. Его тело нашли через неделю после его исчезновения, в заводи у старой мельницы. Его несостоявшаяся жена, они так и не расписались, была тогда в роддоме. После выписки она со своими братьями поставила Федору памятник на кладбище и уехала из Тополёвки. Навсегда. Тогда почти все уехали. Осталось двадцать дворов тех, кто протестовали против упразднения села и переселения.

– Так вы все здесь живете нелегально?

– Ну почему нелегально. Мы имеем право. Мы пытались тут сделать местное самоуправление и добиться возвращения статуса поселению. Даже школу до последнего не разгоняли, хоть административно она вообще на другое село записана. В общем, мы сопротивляемся собственным выживанием, как можем.

– А кто-то мне расскажет, в чью я могилу свалилась и ногу сломала?

За столом повисла неловкая пауза. Мария и Галина сразу отвели глаза, чтобы не смотреть в лицо Люции, а Ольга встала мыть посуду. Кошки же стали тереться об ноги Люции и утробно рокотать так, будто это возле дома текла бурная река. Люции стало ясно, что это нежелательная тема для разговора. И она пыталась ее больше не упоминать. Хоть и выбросить из головы не могла.

Так и жила с гипсом, встречая частых гостий то на начало Йоля жечь полено, поскольку сама когда-то решила, что это будет ее любимым праздником, то на Рождество по григорианскому стилю, то на светский Новый год и на Рождество по юлианскому календарю. Иногда к компании присоединялись и другие жительницы села: Ромкина мама Рая, продавщица вечно закрытого сельпо Ганна, вредная свекровь Галины Лидия Максимовна, которая стала более общительной после того, как сын присмирел, а он присмирел. Заходили попросить то чая от простуды или цистита, то пасхальных крошек, чтобы вылечить кур, то какой-то соли для умиротворения. Люция не очень понимала про соль, считала, что это для ванны, всегда насыпала обычную, каменную – жалко, что ли. А бабы уходили довольные. Люция часто звонила маме. Та переживала, плакала, но, кажется, привыкала к тому, что у дочери новая и вполне ее устраивающая жизнь.

Галина и Мария ходили то вместе, то по очереди. Люция от нечего делать выучила значения карт таро и гадала им на вырезанной саморучно из журнала колоде. Библиотека вообще сильно раскрасила жизнь Люции, но и зародила в ней зуд некоего продолжения. С переездом книг и завершением оборудования для них стеллажей вдоль стен в доме духов одним существом на постоянном проживании стало больше. Серая собачка Вирджиния не была питомицей Галины, она была

духом школьной библиотеки и деваться ей после переезда, кроме как сюда, было совершенно некуда. Чаклун, Голова и духи воды, поля и леса не то, чтоб ее не замечали, но относились как к странной приживалке. Вроде и не мешает, но и не близкая родня. В кровать Вирджиния спать не приходила. Она обитала в комнате, которую почти полностью заняли книги, кроме них там стояли письменный стол со стулом и односпальная кровать. Иногда Люция прохрамывала на костылях из ванной или кухни через холл с печью мимо входа в этот кабинет и краем глаза видела сидящую за столом типичную филологическую деву с профилем известной британской писательницы и с сигареткой между длинными худыми пальцами. На стуле оставалась лежать просто серая собачка Вирджиния, когда наваждение рассеивалось. Но запах табачного дыма не рассеивался.

Однажды Люция плотно засела за интернет и серфила по сайтам в поисках разного рода грантов для НКО и волонтерских инициатив. И под условия одного сделала заявку с предложением резиденции для писательниц. Люция считала, что предоставить одной или двум женщинам комнату с возможностью писать книжку и пользоваться библиотекой – это вполне хорошая идея и без гранта. Но все же ей очень хотелось, чтобы женщины, которые захотят воспользоваться такой возможностью, не нуждались в еде, в возможности посещать платные ресурсы в сети и в хорошей технике для работы – как минимум.

Еще она заказала в интернете семян и луковиц растений, чтобы весной продолжить уход за кладбищем. А также надоумила Марию и Галину заняться поиском и составлением списка современных и модных книг для библиотеки, чтобы при возникновении материальной возможности их заказать. Так прошли два месяца зимы и срастания кости. На снятие гипса вечером Люция пригласила Марию, Романа с Олей и Галину, все обещали быть и пробовать созревшее вино. Погода с утра стояла солнечная, снег подтаивал, и Люции захотелось выйти погулять, несмотря на неудобство несгибаемого гипсового ботфорта. Позавтракав, как обычно, кашей, она пригласила с собой во двор Голову, Чаклуна и Вирджинию, а кошки, как всегда, убежали в свои заповедные стороны. Только Дуся лежала у печи и считала всех идиотами за внезапную любовь к белой, холодной и мокрой субстанции за пределами убежища. На гипс ничего не налезало из обуви, Люция натянула шерстяной носок и старалась держать ногу на весу. Крыльцо было скользким и нечищенным. Опасаясь упасть и снова покалечиться, Люция поставила костыли у двери и села на перевернутое ведро, не спускаясь во двор. Она увидела, как по заснеженной и неразличимой дороге вдоль поля едет джип. Сначала она обрадовалась и решила, что Павел внезапно о ней вспомнил и решил навестить. Но по тому, как неуверенно подъезжала машина, останавливаясь, съезжая в сторону реки и возвращаясь, она поняла, что это чужак. В конце концов стало видно, что это уазик, и что водитель различил впереди по курсу дом и едет прямо к нему. Люция привстала. Автомобиль подкатил к забору. Из него выпрыгнул человек в джинсах, шарообразной куртке и красной рыбацкой шапочке, как у Жака Ива Кусто.

– Светка!
– Привет, Люцик! А что, ворот у тебя нет? Куда загонять машину?
– АААААА! Божечки! Как же ты меня нашла?!
– По навигатору. Теперь в вашей Тополёвке есть фельдшер. Здравствуй, это я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ (без определения в скобках)

НОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ В ДОМЕ

Приехала Светка не одна. О чем сразу и сообщила, извинившись за ужас, который, вероятно, придется сейчас испытать Люции, и пообещав все сразу же объяснить, как только та даст обещание не разглашать тайну. Люция больше всего на свете не любила тайны и справедливо считала, что от них одни проблемы, но от Светки исходила такая сила, наверное, это называют энергетикой, что не доверять ей было невозможно. Это же чуяли и Чаклун, и Голова, и Вирджиния, и откуда-то вдруг объявившийся Лис, который путался под ногами и просил, чтобы его погладила приехавшая гостья. Загнать машину во двор не получалось ни с какого бока. Убедившись в этом, Света вернулась к УАЗу, открыла заднюю дверь, на заднем сиденье поднялся кто-то, кого до этого не было видно. Явно человеческое существо спрыгнуло на землю, и у Люции в этот момент появилось две версии: это или взрослый мальчик, или девушка, похожая на взрослого мальчика и стрижкой, и телодвижениями. Худоба, отрывистость походки, манера закуривания и брови, которые было видно с крыльца, и то, как незнакомая персона подхватила из задницы автомобиля две огромные сумки, – всё это отзывалось в Люции заведомым приятием. Она вспомнила вдруг Дэнчика и тут же поняла, что это не он, но симпатия, вызываемая этой фигурой, была ей уже хорошо известна. Бывает так, что разные люди пробуждают одинаковые или очень похожие чувства.

– Знакомьтесь, это Малика, – произнесла тихо Света. Малика только молча кивнула. – А это, собственно, Люция. По дороге мы много о тебе говорили.

– Надеюсь, только хорошее.

– Есть варианты?

– Ну, теперь меня тут порой называют ведьмой…

– Так говоришь, будто это что-то плохое, – заулыбалась Светка. – Ведьма нам и нужна. Малике позарез нужно на время стать невидимой.

– Это я, к счастью, могу устроить.

Бросив сумки в круглой комнате с печью, все прошли на кухню. Светка занесла два обычных джутовых мешка, набитых продуктами и, не моя рук, стала трепать холки то Чаклуна, то особенно обрадовавшейся Головы и гладить по спине, чтобы не обидеть, маленькую серую собачку Вирджинию. Малика села на скамейку, и ее колени сразу накрыл толстеньким полосатым тельцем Лис. Люция постояла на

костылях у плиты, обернулась и решила сразу обозначить границы гостеприимства этого дома.

– Так, прежде чем вы меня озадачите своей проблемой, давайте поедим. Ванна там. Полотенца в шкафу. Гипс мы сейчас мне снимем. Но ходить я сразу нормально пока не смогу, поэтому завтрак готовить будете вы. На всех. Этот дом не мой. Хозяева тут духи. Нет, я не ебанулась. Животные, которых вы гладите, и есть эти духи. Едят они с нами и за столом. Те, которые выглядят как кошки, – вообще сидя на столе.

Малика и Светка убрали руки от зверей, но не испугались, скорее хотели понять, что можно делать, а чего нельзя.

– Не волнуйся, – Светка обтерла ладони об джинсы. – Духи так духи. Я от бабки и не про такое слышала. В общем, когда ты мне написала, я поняла, что это знак. В тот день мы с Маликой и познакомились, точнее, тогда она еще была Амина. Я быстро приму душ и займусь гипсом. Потом поедим, и я все расскажу.

– Я тоже могу все рассказать, – впервые подала голос Малика.

– Пока Светка будет мыться, помоги мне разобрать продукты, пожалуйста, – Люции очень хотелось освободиться сейчас от гипса и от костылей и позаботиться о Светке и о новой знакомой, но в пространстве этого дома ей совсем не казалось правильным хоть как-то выказывать покровительство и доминировать даже по праву первоприбывшей.

– А дух не обидится, если ему придется убраться с коленей?

– Лис не любит, когда о нем говорят в третьем лице. То есть, ты можешь спросить его прямо.

Лис нехотя, но с пониманием перелез на лавку. Малика поднесла к кухонным шкафам мешок и стала выкладывать на столешницу банки.

– Но, если он типа Леший, то почему выглядит, как кот, и приходит в дом? Коты даже не дикие животные, они в лесах не живут, их там сожрут. А Леший выглядит как… Как Древень.

– Ты часто, я вижу, с Лешими встречалась. В основном, наверное, в книжках и киношках? С твоим уровнем доверия к миру твое появление тут мне представляется чем-то совершенно сказочным.

– Мне тоже.

– Малика, знания – это круто, но иногда бывает очень приятно довериться своему незнанию. Реальность тут, она происходит с нами сейчас. Мифы ты уже немного знаешь, если нужно больше – вон там богатая библиотека. А если ты хочешь узнавать суть – то с этим дело обстоит иначе. Я и сама пока только учусь открываться, смотреть на бытие, слушать его, не перебивать, принимать.

– А небытие?

– Полагаю, что небытие лишь одна из песчинок всего сущего. Оно есть как конструкт, как созданная в философском пространстве бинарная оппозиция…

– О, я знала, Люцик, что ты рано или поздно станешь философкой! – громко

прервала поток начавшегося уже поучения Светка. Она вытирала волосы полотенцем, повешенным на шею, и взглядом искала, чем бы перебить голод, чтобы дотянуть до завтрака. Под руку попался батон привезенной вареной колбасы, Светка отрезала и очистила его «попку», открыла банку с горчицей и, макнув, отправила половину куска себе в рот. Малика управилась и пошла в ванную.

– Ого! Тут что, выход сразу на улицу?

– Вокруг этого дома нет ни одной улицы! Дверь ведет в огород. Но ты все же ее закрой на всякий случай.

– Я всегда закрываю двери. Извини, и тебя попрошу это делать. Пока я тут.

– Хорошо. Мойся спокойно. Тут ты в безопасности, – поняв, что у Малики есть веские основания чего-то бояться, ответила Люция.

– Девки! Никто не против шакшуки? – крикнула Светка.

– Я – за! – отозвалась под шум воды Малика.

– Ужасно хочу шакшуку. И спасибо, что помнишь, как я люблю вареную колбасу. Однако есть одно «но». Духи будут есть с нами, а они любят только разные каши.

– О, типа кутью! Сочиво! Понятно же!

– Хм. Никогда об этом не думала. Молоко в холодильнике, крупа вот. Но, умоляю, давай ты мне сначала снимешь гипс! – Люция протянула ножницы и ножичек для чистки картофеля.

– А что там у тебя?

– Перелом большой берцовой кости. Возможно, и малой тоже. Был. Наверное.

– Что значит «наверное»?

Люция повела за собой Светку с ножницами и ножом в спальню. Чаклун пошел контролировать, а Голова словно прилипла к Светкиному бедру и постоянно заглядывала ей в глаза. И только Лис остался ждать у двери в ванную выхода Малики.

– Ну, мы так тут сами решили, потому что я не могла на ногу встать, там кость покачивалась как бы.

– И вы не ездили в травмпункт?

– До ближайшего километров дохрена, да и машин тут ни у кого нет. Люди бедные здесь жить остались. Село и правда упразднили. Но людей же нельзя упразднить. Вот они и добиваются, как могут, чтобы их услышали и увидели. Но все только хуже становится. Школа держалась. Но теперь и ее не стало. Да тут и детей-то было всего трое.

– Почему было? Их твой Йольский кот сожрал?

– Не говори так про Лиса, он прикольный, добрый очень. Одного мальчика в интернат отдали. Других, брата и сестру, родители сорвались и увезли в город. Когда родится Зигота, она будет тут единственным ребенком.

Светка нащупала стык гипсовых пластин и стала аккуратно ножницами разрезать марлю и бинт между ними.

– Кто ж тебе так профессионально гипс наложил?

– Профессионально?! Ты знаешь, что это из строительного гипса вообще, при помощи палок и говна, точнее марли и воды, все делалось?

– Сделано охрененно! Я бы хотела посмотреть на того чувака, который соорудил этот сапог.

– Чувиха. Это Мария делала. Бывшая директриса школы. Вечером познакомитесь. Если ты остаешься.

– А ты пустишь?

– Мы вас уже пустили. Осталось только узнать, навсегда или как, ну и, конечно же, от кого вы прячетесь.

– Так как ты ногу сломала?

– Да в могилу упала.

Светка, в этот момент уже разогнувшая раковину лонгеты, не отпуская гипс, пристально посмотрела на Люцию, как бы молча говоря: «И почему я не удивлена?»

– Ногу поднять можешь?

Люция просто подняла ногу вверх, вынув ее из двухмесячного панциря. В комнату вошла переодевшаяся в спортивный костюм Малика.

– Не помешаю?

– Нет, мы вроде бы уже закончили, – сказала Люция. – Кстати, давайте сразу решим, кто и где будет спать? Чур, я с духами тут.

– А-ха-ха-ха! Не сомневалась в твоем гостеприимстве, – заржала Светка. – Да где положишь. У нас большие планы, но какое-то время мы вас всех будем донимать своим тесным соседством.

Люция, не рискуя наступать на только что освободившуюся ногу, взяла костыли и похромала в кухню. Малика и Светка – за ней. Лис за Маликой, а Голова не отходила ни на шаг от Светки.

– Ладно, я хотела узнать, спите ли вы вместе или по отдельности. Есть диван в той комнате, кровать в библиотеке, но я планировала там поселить писательницу в случае, если мой проект победит в конкурсе на грант.

– Какая писательница? Да, и кто к тебе должен прийти сегодня? Вообще нам бы хотелось, чтобы пока о нас знала только ты.

– Рассказывайте.

Светка занялась готовкой еды – обжаривала маринованные в томате помидоры из брикета с луком и сулугуни, а Малика села с уже сварившимся кофе за стол и начала рассказ:

– Малика я для всех недавно. По документам я Амина. Но знать об этом, кроме нас трех, тут никто пока не должен. Я сбежала. От мужа. В третий раз. Дважды он нас находил и возвращал.

– Вас?

– С сыном. Заур, ему три годика. В первый раз я сбежала, когда он был совсем маленьким, я его грудью кормила. Год и месяц ему был. Он уже начал все понимать. Когда Мага меня избивал, Заурчик кричал, очень сильно плакал, закатывался. Я боялась, что Мага однажды и его ударит. Мы тогда жили в Ессентуках, в частном доме. Дом как крепость. Можно внутри хоть убивать человека – никто не услышит и не увидит, высокий кирпичный сплошной забор в полметра толщиной

по периметру. Даже если услышат – никак не помогут. Полицию я вызвать не могла, у него там дядя и братья большие шишки. К родителям я пыталась обращаться за помощью, мать сказала, что это я виновата, сама злю мужа, нельзя от мужа уходить, тем более, если я мать его ребенка, говорила, что я всегда была дерзкой и что теперь пора стать настоящей женщиной и укротить свой нрав, не перечить мужу ни в чем. Но я и не перечила. Он просто приходил посреди ночи и начинал меня, спящую, избивать за то, что я уснула, орал, что нормальная жена не ложится, пока мужа не дождется, потом жестоко меня насиловал, говорил, что я фригидная, что все его любовницы стонут и кончают по сто раз, а я бревно бревном.

– Э, прости. Я только спросить, а кашу им в тарелки и на стол?

– Да.

– Ок.

Света поставила тарелки, людям – с горячей, влажной, струящейся ароматным паром яичницей, а духам – с овсянкой на молоке. И стало понятно, что стол всем мал. Тогда было решено перебраться в комнату с печкой, расстелить там плед и сесть всем на пол, как на пикнике. Чаклуна это более чем устроило, он радостно вилял хвостом и даже облизал Вирджинию, за что услышал серьезный щелчок зубами возле уха. Голова лизнула кашу и уставилась полными любви и преданности глазами на Светку.

– В общем, денег он мне не давал, никуда не выпускал, ключи от ворот были только у него, а мой паспорт или возил с собой в машине, или прятал на работе, но дома его точно не было – я все обыскала. Но свидетельство о рождении сына и его медицинский полис были у меня. Однажды я их после поездки в поликлинику «забыла» положить в ящик комода с документами и спрятала за экраном ванны – не могла придумать, куда еще. У меня была подруга, мы в университете вместе учились, она жила в Минводах. Однажды, когда я уже внутренне готова была к побегу, я ей позвонила и спросила, можно ли нам с сыном у нее спрятаться. Она сказала, что как только я ей позвоню и сброшу вызов, она сядет в машину и через сорок минут будет ждать за углом на следующей от нашего дома улице. Телефон же надо будет после этого оставить на территории дома и бежать. Она была уверена, что мой муж подключил на него программу слежения.

Когда он вдруг, обычно он так не делал, позвонил и сказал, что скоро будет, чтобы я приготовила есть, я поняла, что это наш с Зауром шанс. Я набрала свою подругу Женю, потом поговорила с сыном, попросила его вести себя тихо, сказала, что это игра. У него не очень получалось, но он хотя бы не боялся. Мы спрятались за туей у ворот, они электронные, открываются вверх. Когда отец мужа строил дом, он сделал въезд узким, а Мага любит огромные машины, поэтому ему, чтобы въехать, приходится складывать боковые зеркала. После он обычно открывает так же, пультом, ворота гаража и заезжает туда, а ворота уличные медленно опускаются. Я сидела на корточках, а Зуарчик стоял, как только машина проехала мимо нас, я прижала его к себе, и мы практически перекатились по земле под воротами. Я поднялась, схватила его на руки и побежала, не видя ничего впереди себя. Женя

нас и правда ждала, она увидела, что я бегу, подкатила, мы запрыгнули в машину и понеслись. Она юристка, как и я. Она реально хотела мне помочь. На машине она отвезла меня в Ростов к своей сестре. И Мага не мог меня найти. У нас с Женей был план. Она связалась с организацией, помогавшей женщинам, которых бьют мужья. Там сказали, что в будущем есть возможность уехать за границу, сменить документы и потеряться от мужа и его ищеек навсегда. Мне надо было сделать паспорт. Мы подали документы на восстановление моего паспорта в Ростове-на-Дону, но оттуда они зачем-то сделали запрос по месту моей прописки. Так в МВД в Ессентуках двоюродный брат Маги узнал место моего нахождения. Они приехали ночью. На трех машинах, с оружием. Выбили дверь в квартиру сестры Жени, положили лицом вниз ее, ее мужа и двух детей, девочек, школьниц. Меня и Заура схватили, связали мне руки и ноги, бросили в машину и привезли обратно в дом Маги. Что было дальше?

У меня переломы тут, – Малика дотронулась пальцем до носа, – тут, – она показала на глазницу со стороны виска, – и тут, – рука ее коснулась ребер справа. – Я и так жила в аду. После этого ад стал гуще.

Люция почувствовала, что у нее темнеет в глазах и ноги становятся ватными.

– Погодите, мне надо в туалет.

Она поднялась и чуть не упала. Светка сопроводила подругу до унитаза, где ее вырвало. После этого Светка попросила Люцию обнять ее за шею, взяла беременную женщину на руки и принесла в спальню.

– Так, короче. На сегодня страшных историй хватит. Люцик, извини, я ж не знала, что ты стала такой впечатлительной.

Малика принесла Люции воды. Они со Светкой улеглись на кровати рядом с ней, по бокам, гладили по голове, пока все втроем не уснули.

Люции снилось, что она венгерский цыган, которого казаки приговорили к казни за то, что он якобы заколдовал их лошадей. Ее (его) застали в лесу за сбором грибов, в этом маленьком местном зеленом массиве, где хозяйничал Леший в виде кота, схватили, связали и привели на круг, где привязали к столбу и полоснули шашкой по животу, ниже пупка. От этой невыносимой боли Люция проснулась. Она аккуратно, стараясь не разбудить Малику и Светку, слезла с кровати и почувствовала, что из нее что-то вытекает. Она пошла в туалет, села на унитаз, пописала и стала вытирать промежность бумагой. Но промежность не вытиралась, бумага скользила и скользила по бесконечному бесцветному чему-то, похожему на гель для душа.

Люция вернулась в спальню, ладошкой качнула большую и сильную Светку.

– У меня началось.

– Что началось?

– Роды.

– Е-бать! – не сдержалась Светка, вскочила, уложила Люцию на кровать. – Простыни где?

– Там, где ты брала полотенца.

Малика подскочила и побежала к шкафу, Светка побежала в УАЗ и вскоре вернулась с оранжевым большим раскладным ящиком, в котором были инструменты, тонометр, фонендоскоп, шприцы, бинты, пузырьки и ампулы. Глядя на все это хозяйство, Люция немного успокоилась. Если эту каплю спокойствия в штормовом море можно определить словом "немного", конечно.

– Люция, ты же говорила, что тебе в марте рожать!

– Дык сейчас февраль к концу подходит вообще-то. Свет, а будет еще больней?

– Люцик, посмотри на меня, я Света, я никогда не рожала! Но говорят, что да.

– Я рожала, будет больней. И чем скорей, тем лучше. Иначе устанешь, сил не хватит.

– Люцик, сейчас, как честная акушерка, я просто обязана попросить тебя снять штаны, тем более, что они мокрые.

Люция на это только кивнула, а Светка и Малика стянули с нее пижамный низ вместе с трусами. После этого Светка пошла в кухню, вымыла руки и натянула на них латексные перчатки.

– А сейчас, чисто как медик, я попрошу тебя согнуть ноги в коленях, постараться расслабиться и дать мне проверить раскрытие.

– Не медик, а медичка!

– О, да сейчас самое время для феминитивов! Кто у нас рождается? Ребенок женского пола? У тебя гормонов на двух женщин сразу, Люцик, ты просто суперженщина сейчас.

– Да помолчи ты немного! Знаешь, как больно?

– Ну, я чувствую сокращение всей рукой! Кстати, раскрытие уже на пять пальцев. Это хорошо, терпи, девочка.

– Мне можно пить?

– Можно. Малика, принеси, пожалуйста. Люцик, ты давно какала?

– Ну, утром, перед вашим приездом.

– А еще не хочешь?

– А надо?

– Да не, боюсь, уже поздно. Просто узнаю, ждать, что ты можешь обосраться, или не очень.

– Фак. Все так прям страшно?

– Ну, бывает. Страшного в этом мало. Не страшней, наверное, чем в могилу провалиться.

Все звери-духи собрались и расселись вокруг кровати, но так, чтобы не мешать передвижениям Светки. Чаклун дрожал от нервного напряжения и смотрел на Люцию. Голова – на Светку. Поля и Мавка попытались лечь в ногах у роженицы, но Светка сказала, что это плохая идея, если они готовы помогать, то пусть заходят с изголовья и мурчат, давая Люции все силы для рождения Зиготы – здоровой и крепкой.

– Светка, а что, если это мальчик?

– Ну, что поделать. Придется сбросить его со скалы. У вас тут скала есть?

– Нет.

– Его счастье.

Часа через два Светка была уже изрядно вспотевшей, Малика приготовила роженице чай с медом для пополнения жидкости и калорий. Люция пить отказалась. И не потела. И не кричала. Только пыхтела, как паровоз, когда начиналась новая схватка. Светка поглядывала на свои модные часы, в которых, кажется, было все, включая соцсети, но сейчас ее интересовало только время.

– Дай-ка я еще раз в тебя залезу. Упс, вот и головка, уже вставилась.

– Куда?

– Опустилась на дно таза. Да, я сейчас трогала Зиготу. Да, я у нее тоже была первой! Раскрытие полное. Сейчас будем рожать. Ты почувствуешь потуги, мышцы пресса начнут сокращаться, тебе захочется сильно-сильно дуться. Так вот, не делай это в лицо. Прижми голову подбородком к грудине, дыши глубоко, направь всю силу и энергию туда, вниз, не в голову. Поняла? Поехали!

Люция во время первой потуги почему-то вспомнила, как она драила чаны в китайской столовке, и так разозлилась на ту свою жизнь, что вдруг почувствовала огромную силу внутри себя и всю ее направила в низ живота.

– Отлично, Люцик. Сейчас подыши и постарайся сделать во второй раз все точно так же.

Началось снова, но в этот раз Люция вспомнила, как впервые испытала оргазм со Светкой, и ей стало так радостно от того, что это было, и что Светка сейчас между ее ног принимает ее ребенка, что всю силу этой радости она вложила во вторую потугу.

– Да ты просто супер! У нас головка вышла. Сейчас старайся не тужиться. Отдохни. Не напрягайся, а то мы кого-то задушим.

Светка держала одну руку на животе Люции, а другой уже держала нового человека.

– Ну что, готова? Давай, как можешь, сильно!

Люция прижала подбородок к груди, сжала кулаки и думала только о том, что хочет уже увидеть ребенка.

– Так, плечи вышли! Ты крутая! Давай еще! Черт, ты немного разорвалась. Но я это поправлю. Продолжай! Всё!

Люция почувствовала, что ей вдруг стало легко-легко и даже захотелось плакать. А Светка чикнула ножницами и передала Зиготу в полотенце Малике. Та несколько мгновений любовалась на только что появившееся и уже орущее существо, а потом положила его на грудь Люции.

– Божечки-кошечки, смотрите, кто тут! Светка, а кто это?

– Писька женская!

– А ты умеешь с их пуповинами обращаться?

– Сейчас все сделаем по лучшему разряду. Будет меня всю жизнь вспоминать и спасибо говорить. Но сначала ты еще раз потужься.

– А мне больше не хочется.

– А надо.

– А, вот, вроде хочется, хотя я не уверена. Я там сейчас вообще все плохо чувствую.

– Тужься, я сказала!

Люция напряглась из последних сил, плацента вышла. Светка убедилась, что полностью, и села наложить пару шовчиков на промежность.

– Только не дергайся.

Малика снова взяла крошку себе.

– А ее нужно мыть кипяченой водой? – спросила она.

– Зачем? Обычной, теплой из-под крана. Сейчас перевяжу пупок, обработаю, и вымоем.

Из-под Люции вытащили окровавленные мокрые простыни и пододеяльники, все пошло в ход. Постелили последний комплект белья, Светка заботливо прикрепила к трусам прокладку, благо с собой привезла, помогла надеть свежую футболку и велела немного поспать.

– А дать сиську Зиготе?

– А, да, точно! А ты ее, Люцик, так всю жизнь звать будешь?

– Нет. Давайте придумаем ей имя.

– Только не в честь кого-то! Мне это всегда казалось глупостью и отсутствием фантазии.

Люция долго смотрела на дочку, которая пыталась обхватить губками направляемый ей материнскими пальцами в махонький ротик сосок.

– Оксана! Я же вижу, что она Оксана!

– Скажи честно, ты это придумала, потому что мы в Украине?

– Да нет! Просто она похожа на человека с именем Оксана, посмотри!

– Хм. Правда – Оксана. А кроватки у вас нет. Надо что-то решать.

– В подвале есть большой таз! Тащи его, помой, нагрей, туда постелим пледы и поставим тут. А потом раздобудем кроватку.

Только Светка закончила сооружать колыбель из тазика, в котором давили вино, в дверь постучали. Малика заволновалась:

– Мне спрятаться?

– Нет, Малика, это мои подруги, они надежные. Свет, открой, пожалуйста.

В дверь ввалились разрумянившиеся на морозе Мария и Галина. В руках у Марии была стеклянная форма, заполненная холодцом. Галина протянула пакет с мандаринами.

– Ой, а вы кто? Где Люция? Мы пришли снимать гипс!

– Ну что ж. Очень даже вовремя. Проходите, я Света.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОСТИ
(по-хорошему к ней надо делать триггерворнинг)

В тот вечер женщины на кухне под созревшее вино тихо обсудили покупку кроватки и других нужных вещей для девочки. Ни Тополёвка, ни Весёловка для этого не подходили, поэтому решено было ехать на машине в Запорожье. Люция в это время спала и не видела самого главного: как Светка весь вечер смотрела на Марию, как подливала ей вино, накладывала холодец и закуски в её тарелку. Больше Светка ни за кем за столом не ухаживала. Ночью она пошла проводить Галину и Марию и вернулась только через три дня. Нет, Люцию не беспокоило отсутствие подруги, ведь Малика сказала, что повода для этого нет – за столом Мария с упоением сообщила новой любезной подруге, что ее муж ушел на две ночи к Нинке и что у нее дома есть, где разместиться, даже когда Коля вернется. А вернулся он на третий день Светкиного пребывания в их доме. Она встретила его в трусах и футболке, с зубной щеткой во рту, пожала руку, представилась и сказала, что они сейчас поедут в город за кроваткой и одеждой для малышки. Жена отвела его в кухню на серьезный разговор. Так Коля узнал, что вход в спальню ему отныне заказан. Эта территория объявлялась исключительными владениями Марии. Общими оставались только гостиная и кухня, а домашний туалет и до того считался «женским», Николай ходил «на двор», в свой деревянный домик, именно там он сидел в раздумьях, читал и курил даже зимой. Теперь тем и поводов для раздумий у него точно прибавилось. Спал Коля и до того почти всегда в комнате уехавшего учиться в Польшу сына Богдана, но пару раз в месяц все же ходил к жене честно исполнять супружеский долг. Теперь оказалось, что он Марии больше ничего не должен.

С тех пор ночами Николай мучился бессонницей и думал, что в пору запить бы, но он и так уже крепко сидел на стакане. Иногда он слышал, как стонет его жена от ласк Светки, на которую он не мог разозлиться, потому что всем своим добряцким нутром с первого дня ужасно ей симпатизировал. Тогда он просто пускал слезу в подушку и жалел себя. Чаще же до его ушей доносился оргазмический крик любовницы жены, судя по звуку, приглушаемый рукой. Он знал, что Мария прикрывает рот Светке не из стеснения, а чтобы не делать ему больно тем, как им хорошо. Его ревность не была яростной, она была удручающей, смиряющейся и

отпускающей. Прошел месяц, и Николай утром подал Светке кофе и предложил омлет. Она согласилась.

До мая Света жила на два дома, кроме захватившей ее любви она занялась своей легализацией и трудоустройством. Со скандалом выбила право открыть кабинет первой медицинской помощи в здании бывшей администрации Тополёвки. И с марта вела прием два дня в неделю – сначала бесплатно, на волонтерских началах. Но в районе обещали подумать, как можно вернуть поселению официальный статус и амбулаторию, при том, что местное самоуправление там образовалось само – в лице активисток Галины, Марии и новоприбывших гражданок другого государства – Светланы и Люции.

А в мае в дом Люции по выигранному гранту приехала писательница. По условиям программы ей полагалась отдельная запирающаяся комната. И чтобы не создавать толпы, Светка переехала к Марии. Вместе с ней на новое место перекочевала и Голова. Люция этого испугалась, не зная, можно ли так. Но ее успокоила Галина, напомнив, что духу места видней, где и с кем жить. А Светка между тем разыскивала Павла, чтобы согласовать с ним план постройки на его земле шелтера. Она даже ездила в Киев, узнав адрес его работы, но там сказали, что он уже полгода, как находится в Аргентине. Втайне она лелеяла мысль, что богатому и очень занятому киевлянину дом и земля на хуторе не сильно нужны и он готов будет их недорого продать.

Оксане исполнилось три месяца к моменту появления в доме загадочной гостьи, которая хотела было развернуться, когда узнала, что ей предстоит три месяца жить и писать рядом с младенцем. Прибывшая по программе «Своя комната» писательница оказалась убежденной чайлдфри, которой не сообщили заранее, что в доме есть ребенок и духи в облике животных. Про духов Люция распространяться не стала, мало ли какие у людей предрассудки, могут же и не поверить, решить, что она придумала такой «маркетинговый ход». А про ребенка она в описании программы не написала, потому что во время подачи заявки на грант Оксана была еще не родившейся Зиготой, а после никто ничего и не уточнял. Так что на страх в глазах писательницы при виде человеческого детеныша на руках кураторки программы, встретившей ее на пороге, и на заявление: «О детях речи не было! Так дело не пойдет. Мне требуется тишина», – Люция только промямлила: «Вы же не знаете, от чего отказываетесь. Тут духи места. Они вас ждали. Маленькая серая собачка Вирджиния уже закурила от нервов всю вашу комнату». После этой фразы писательница пристально посмотрела в лицо принимающей стороне, пытаясь рассмотреть понятное только ей знамение, и, кажется, обнаружив его, молча и не разуваясь, прошла в дом, занеся и свои чемоданы.

Девочка, надо сказать, росла спокойной, улыбчивой, охотно шла на руки к Малике, Светке, Марии, Галине и даже к Николаю, когда тот заходил за какой-нибудь хозяйственной надобностью. Оказалось, что в сарае у местных духов была целая плотницкая. А Люция научилась делать лавочки. Ей нужно было для поминальной беседки срочно сделать пару, она сама их без отрыва от кормления и обихажи-

вания кладбищенских посадок и смастерила. Когда же Микола пришел на Пасху проведать своих родичей, он и могилки их не узнал, и кладбища-то не узнал. Зато узнал, что в селе появился настоящий рукастый плотник, а он-то и был ему нужен. Коля сильно закручинился, когда понял, что это все же не плотник, а плотница – злополучная ведьма, соседка Люция, после приезда которой и его жена сильно изменилась, стала увереннее в себе, счастливее и, на его взгляд, красивее. Но, погоревав с неделю, он снова пошел на кладбище и увидел, что оно превратилось в самый настоящий красивый парк, изучил еще раз лавочки и побрел прямиком к Люции, через заднюю калитку, как свой.

Люция же старалась поменьше быть с Оксаной внутри дома, часто гуляла, обязательно брала с собой на работы по благоустройству погоста, поэтому обнаружил Николай Люцию в беседке, в новом самодельном кресле, кормящей дочь грудью.

– Не помешаю? – тихонько спросил он.

– Входи. Садись на лавку. Осторожно, она старая, я пока не успела сделать кресла сюда.

– Я как раз к тебе по этому делу. Мне нужно три или четыре длинных стола. Два на восемьдесят где-то. И к ним лавочки с двух сторон.

– Ты что, свадьбу играть собрался? Богдан женится? Или ты решился, и тебе не отказали?

– Да бог с тобой! Я же женат! А Богдан и не собирается, что тоже хорошо – от женщин одни расстройства.

– Так три или четыре стола?

– Я думаю, что на первый раз и трех хватит. А там – как дело пойдет.

– Какое дело?

– Я решил, что Тополёвке не хватает фестиваля.

– Микола, откуда ты слов таких нахватался? «Фестиваля»... И что ж это будет за фестиваль? Фестиваль кладбищенских услуг? Как я понимаю, ты и другие жители сильно впечатлились тем, во что превратилось наше кладбище.

– Не. Это. Да, за цвинтар тебе одного моего спасибо маловато будет. Ты там и впрямь дуже гарно наколдовала. Я теперь туда душой отдыхать хожу. И пить почти совсем бросил. Но главное, я посидел на твоих лавках, посмотрел на всю ту красу, погладил Чаклуна, и мне в голову мысль пришла.

– Делись.

– Хочу сделать в Тополёвке фестиваль настоек. К концу осени. У нас тут дворов двадцать. Почти в каждом по самогонному аппарату. Я всем мужикам предложу вступить в кооператив. Будем гнать из тутовника, из кульги, из винограда, из яблок и кизила. И настаивать будем на разных плодах и травах. Я рекламу в соцсетях сделаю. Люди приедут, оставят денег. Я тогда за лавки расплачусь с тобой. И да, можешь своих настоек сделать, ведьмаческих, – авторы заходят бесплатно и всю выручку с продажи своего продукта забирают себе. Как тебе?

– Эк тебя торкнуло. А ты с Марией это обсудил? Она готова, чтобы в ее дворе и в ее саду заезжие люди фестивалили? А где ты гостей размещать будешь?

– Я с Марией все обсужу, я с этим к ней и шел, просто твой хутор на пути, я и решил сначала спросить про лавки. А вообще, у меня есть предчувствие, что Мария со Светланой скоро уйдут из нашего дома. Но я все равно хочу, чтобы они в доле были, обе. Мы со Светой уже обсуждаем покупку списанных морских контейнеров. Я возьму штук шесть, оборудую в каждом жилье для гостей фестиваля, сделаю лагерь. Оформлюсь как предприниматель и перестану уже сидеть на шее у жены.

– Ого! Это ты правда сам придумал?

– Нет, Чаклун подсказал! – ехидно парировал Коля.

– Он плохого не посоветует. Раз так – с меня лавки. Но ты будешь приходить каждый день и с часа до четырех – гулять с Оксаной, пока я и Ромка будем работать в мастерской. По рукам?

– Добре.

Малика с приездом писательницы стала спать в одной кровати с Люцией, они решили, что так будет удобней, по очереди вставали к люльке Оксаны, но часто, чтобы она не кряхтела и не плакала, просто брали ее к себе. Включали ненадолго ночник, Люция давала девочке грудь, Малика любовалась, а потом они все вместе чутко и аккуратно засыпали. Писательница была уверена, что Малика и Люция – лесбийская пара с ребенком, пожелавшая скрыться от гомофобии в глуши. Такой сюжет рисовало ее воображение. Ей казалось, что есть в этом что-то сказочное, потому что обычно, в реальности, как раз в небольших поселениях гомофобия бывает более концентрированной, чем в больших городах. Но Тополёвку назвать обычным селом не пришло бы в голову даже заезжей творческой личности, этого села вообще как бы не было. А духи были. И Евгения Горобина в них с детства и до сих пор, то есть до тридцати пяти лет, верила, но никогда и никому в этом не признавалась, как обычно и делают умные люди. Писательница пыталась поначалу выстраивать формальные отношения с обитательницами дома, и они ей ответили заркальной взаимностью: тут у нас кофе, чай, всё, что в холодильнике, – к вашим услугам, с просьбами и вопросами можно обращаться в любое время, но ничего личного. Уже через неделю стало заметно, что писательница прониклась личным отношением к Вирджинии, в которой сразу перестала видеть собаку. Люция и Малика, даже перейдя постепенно с гостьей на «ты», продолжали обращаться к ней только словом «писательница», никак не по имени. Евгению это сначала не трогало, потом стало подбешивать, но при дальнейшем сближении она все больше воспринимала это как внутреннюю фишку в общении, домашнее прозвище. Тут почти все носили не свои имена. Люцию все соседи и даже Светка стали называть просто Ведьма. И именно это должно было подчеркивать ненастоящесть этого статуса: разве кто-то про колдуний говорит в открытую, кто они? Во всяком случае, так считала сама Люция.

Лето уже в середине мая стало набирать обороты, с поля веяло жаром, и Полёвка таскала к крыльцу безголовых мышей и жаворонков. Ромка и Люция очень быстро выполнили заказ Николая, и он перестал быть нянькой у Люции, поэтому она брала с собой Оксану на кладбище в слинге, а там клала ее на расстеленное одеялко между могилками, пока наводила порядок. Жители принимали заботу о своих покойниках с благодарностью, приносили Люции то молока, то мешок картошки, а одна соседка, одинокая старушка Рая с дальнего конца Тополёвки, даже подарил ей петуха и двух кур.

Писательница и Малика часто в отсутствие Люции сидели на порожке дома, пили кофе, курили и смотрели на гуляющих кур. В особенно жаркие дни Малика уходила с Лисом в лес, а возвращалась с веточками, травами, листочками. Все это она сушила, раскладывала по баночкам и коробочкам, которые пронумеровывала, и вписывала в тетрадь, что под каким числом и для чего. Трогать это кому бы то ни было запрещалось. И хранила Малика свои сборы не в кухне, а на полках в ванной комнате.

– А что это за травки у тебя? Почему с ними ты никогда не делаешь ни чая, ни лекарств? – спросила однажды наблюдательная писательница во время очередного их совместного перекура.

– Это ингредиенты для получения ядов. Хочу произвести такой, чтобы было невозможно определить, от чего умер человек.

– Это возможно? Без лаборатории?

– Эх, приятно, что ты не спросила, кого же и почему я хочу отравить. Хороший ты человек, писательница.

– Знаешь, я другое у тебя спросить хотела. Но если этот вопрос покажется тебе слишком личным, то так и скажи.

– А я всегда говорю, как есть. Захочу – отвечу. Нет – так нет. Задавай.

– Как вы с Люцией в первый раз поцеловались?

Малика затянулась, выпустила дым себе между широко расставленными, торчащими из обрезанных джинсов коленями, повернула голову и посмотрела в лицо сидевшей с ней на одной ступеньке крыльца писательнице, потом снова затянулась и улыбнулась.

– А мы никогда еще не целовались. Я хотела, когда приехала и увидела ее, сразу поняла, что хочу, чтобы у нас все было. Но потом родилась Оксана, стало как-то не до того. Дочка постоянно между нами.

– Запомни этот день. Ты сейчас впервые назвала девочку дочкой?

– Да.

– Если потом ей расскажешь, что дочкой она тебе стала раньше, чем вы с ее мамой поцеловались – будет годная семейная история. И, может, не будешь тянуть с поцелуем? Сходите вечером в гости, что ли? Я посижу с Оксаной. Не бойтесь, я не хочу своих детей, но это не значит, что я не могу побыть с ребенком часа три. Только пусть Люция ее покормит перед уходом. И желательно укачает.

Люция с радостью приняла предложение Жени посидеть с Оксаной и приглашение Малики проехаться на велосипедах в гости к Марии, Светке и Николаю. Недавно Роман подарил хуторским знахаркам два где-то подобранных и отремонтированных им велика, так молодые матери стали мобильней, даже по очереди ездили за продуктами в Весёловку.

Вечер был сухим и жарким, ранний южный закат золотил ковыль, рассеявшийся не только по склону, идущему к реке, но и по давно непаханому полю.

– Еще недели две, и можно будет собирать чабрец, – закричала следующей за ней по колее от Светкиного УАЗа Люции Малика.

– Я сегодня видела на кладбище, что уже поспела ежевика. Давай завтра сходим погулять к реке, там по склону ее много, можем и удочку взять, порыбачим. А если не повезет, то ягод точно наберем.

– Оксану с собой возьмем?

– Конечно! Если честно, с ней мне спокойней.

– А что там у тебя еще на кладбище растет?

– Да всё почти. Если не считать цветов, то раньше всего и красивей – созревание земляники. По краям там кое-где кусты – ежевика и тёрен – кто-то явно хотел создать изгородь, но они разрослись не в ту сторону. А собирать все равно нельзя. Всё, что там, я считаю, принадлежит Хели.

– Почему Хели? Она же скандинавская богиня, а мы в Украине.

– Говорю, как мне удобно. Сути это не меняет. Мир мертвых един и безграничен. И там нет на самом деле владычиц, богов и иерархий. Все слова и имена отражают сознание живых, но не имеют прямого отношения к реальному положению вещей. Я бы могла говорить Морене и Чернобоге или дочери их Карне вместо Хели, о Нави вместо мира мертвых или загробного существования, но для сути явлений это не имеет никакого значения, а важно только для меня самой. Я лучше всего могу персонифицировать Хель, поскольку я начитана, а она прекрасно представлена в культуре. Все, что я читала по мифологии славян – либо очень натянутые интерпретации, либо выдумки неоязычников, которые не добавляют четкости в мое представление о мире. Я уверена, что ближе всего к пониманию того, что представляет собой мир мертвых, подошли атеисты.

– Ого.

– Ну правда. Атеизм никак не избавляет человека от мифологизированности его сознания. Можно выйти за пределы иерархичности мышления, можно отказаться от использования тех или иных категорий, не верить в мистику и эзотерику, но невозможно перестать пытаться все себе объяснять. А собака зарыта именно в этой особенности нас – человеческих существ. В стремлении к познанию мы используем разные методы и верим в те, которые нам наиболее понятны или хорошо укладываются в систему ценностей. Но бытие пока устроено так, что даже при использовании так называемых научных методов познания создаются некие системы знаний, которые впоследствии могут быть интерпретированы как миф.

– Люция, а что будет, если поесть грибов, собранных на кладбище? Я видела, там много печеричек растет.

– Да будет все то же самое, если поешь грибов, собранных за пределами кладбища – наешься, получишь некоторое гастрономическое удовольствие.

– А как же Хель?

– Да никак. С атеистической точки зрения, нет богини – нет проблемы.

– Да, это я поняла, а не с атеистической?

– Тем более. Богам срать на то, что ты ешь и откуда – если простыми словами. А если сложными, то все, что людям известно о богах – это проекции этических кодексов самих людей. Это я считаю, что не стоит мне брать плоды с кладбищенской земли. Не из суеверия, а потому что при соблюдении установленного правила сама себе кажусь хорошей, с некими моральными принципами. Плюс я хочу, чтобы кладбище выглядело красиво. И объявляю его территорию заповедником. Пусть все растет, цветет, зреет, осыпается – разве это не прекрасно, разве это не метафора жизни?

– И смерти.

– В том числе.

– А чья там все-таки могила за пределами кладбища? Ну, в которую ты провалилась.

– Да хрен его знает. Слезай, приехали.

Мария сразу посадила гостий за стол ужинать. А Светки с Николаем не было. Они уехали в Киев – как сказала их общая жена, «на встречу с деловым партнером».

– Это по поводу фестиваля настоек? – уточнила Люция.

– Ага. Да вы садитесь, я думаю, они скоро должны подъехать. Ко мне на днях Галя заходила. Кажется, ее Сашка снова ей синяк под глазом поставил.

– Убью, – спокойно сказала Люция. – Я ему обещала.

– И что, сядешь за такое уёбище? – с нотками безысходности в голосе спросила Мария, ставя на стол горячий и ароматный чахохбили в кастрюле.

Малика смотрела на Люцию и думала, как бы оказаться с ней рядом в узком коридоре или в темной комнате? Зачем они вообще отправились в гости, да еще и на велосипедах, лучше бы побыли вместе в мастерской. Там поцеловаться ей казалось проще.

– Садиться я не хочу. Хочу убежище нормальное для женщин.

– Так давайте организуем. Если уж Мыкола смог начать делать кемпинг под фестиваль, то нам-то будет точно по силам сделать не хуже.

– Меня беспокоит, что это место должно быть тайным. А так тут все будут знать о нем.

– Ну кто – все? Тут на село пять алкашин осталось. Плюс мы охрану выставим. Если спасать женщин из других областей или даже государств, то никто не найдет. Свяжемся с уже существующими некоммерческими организациями помощи женщинам, все по уму сделаем.

– Так земля же это не наша, а Павла?

– Нет, земля эта – сельхозугодья по кадастру. И это плохо. Но поменять можно. Правда, мы появимся на карте и юридически проявимся снова как поселение. Но тут либо пан, либо пропал.

В коридоре хлопнула дверь, и на пороге кухни появилась Галина, запыхавшаяся, с синяком и вытаращенными глазами:

– Маш! Нам надо спасать Люцию и Малику!

– Привет. А чо нас спасать? – обернулась Люция.

Галина медленно сползла вдоль дверного косяка на пол в кухне и заревела.

Мария кинулась приводить ее в чувство и добиваться внятных объяснений. Выпив стакан холоднющей воды, Галина спросила:

– Оксана с вами?

– Не-ет, – со страхом протянула Малика.

Галина снова заголосила. После чего Мария сменила заботливое сочувствие на решительную жесткость и хорошенько тряхнула подругу за плечи:

– Говори, что случилось!

– Мой гад Сашка выдал Малику! Он шел по улице, к нему на большой шикарной машине подъехал человек, чернявый, с бородой, и спросил, не знает ли тот, где живет приезжая худенькая женщина по имени Амина. И эта мразина сказал, что новых жинок в селе четыре, но всех их можно найти в одном месте, а потом показал, как проехать к дому на хуторе. А еще он всех назвал лесбухами, – разрыдалась Галина, – и сказал, что всех баб нужно сжечь в аду-у…

– Так, ясно. Малика, это за тобой. Беги и прячься у Романа с Ольгой. А мы на хутор. Только топор захвачу. Галя, сядь и сиди тут. К Михалычу ты больше не вернешься. Пусть хоть сдохнет.

Одной рукой Мария нашарила в ящике кухонного шкафа топор, которым разделывала мясо, другой позвонила Светке.

– Вы где? Подъезжаете? Гоните сразу к Люции! Что случилось, что случилось – Малику нашли! В доме сейчас писательница и Оксана одни. Мы на велосипедах уже едем туда.

Мария и Люция мчались по колдобинам и темноте на великах, не чувствуя от напряжения ног, возле лесополосы их догнал трактор с Маликой за рулем и Ромкой, обхватившим ее сзади.

– Малика, тебе нельзя к нему! – заорала Люция. – Он тебя закинет в багажник и увезет!

– Или убьет! – старалась перекричать мотоблок Малика. – Но это вряд ли! Чувствую, это он приехал к своей смерти в гости!

У забора был припаркован черный Майбах. Малика соскочила с тракторишки и ворвалась в калитку, потом в дом. В это время Ромка слез со своего чуда техники, вытащил из бардачка под сиденьем нож, подошел к автомобилю, со всей силы воткнул его в боковину шины и повернул. Эту же операцию он проделал с тремя остальными колесами.

Когда Мария и Люция забежали в дом, они увидели сидящего в кухне с кружкой чая коренастого, лысеющего, седеющего, коротко стриженного мужчину спортивного телосложения. Напротив, за столом, с упирающимся острым концом в столешницу ножом в руке сидела Малика. В углу, у двери, ведущей в туалет и к заднему выходу, со спящей Оксаной на руках, стояла писательница. В ее глазах плескался ужас. Люция с видом «как ты посмела впустить его в дом» направилась к ней и отняла ребенка.

– Это Магомед, он сказал, что приехал искать жену… У него потерялась жена! – попыталась объяснить и заодно оправдаться Евгения, которая явно не заказывала себе подобных впечатлений, когда подавала заявку на участие в проекте «Своя комната».

– Амина, к чему весь этот цирк? – с деланным спокойствием произнес незваный гость. – Собирайся, поехали домой. Тебя ждет сын.

Люция подошла к Марии, взяла у нее топор и аккуратно переложила ей в руки Оксану, шепотом велев уходить в сарай. Мария попятилась, решив, что такое распределение ролей сейчас будет правильным, к тому же, она уже слышала мотор подъехавшего УАЗа. На крыльце Мария увидела Светку, Николая и Павла, приехавшего следом на своей машине. Она без слов показала им, что нужно войти в дом со стороны огорода. Светка кивнула, рядом стояла Голова, выражая нервное напряжение вздыбившейся шерстью на хребте. Увидев, что Мария с ребенком идет к сараю, она догнала ее, развернула в сторону Павла, тот приоткрыл объятия и сделал загребающее к себе движение рукой, что означало приглашение проследовать за ним. За забором машины Павла не было, он оставил ее на дороге.

– Пошли, я отвезу вас домой, а то тут опасно.

Мария думала о том, что Оксана вот-вот захочет есть и что правильно было бы забрать с собой и Люцию, раз прибыло столько людей на подмогу. Но Люция же, хоть и с опущенным топором, но с устрашающей решительностью шагнула на расстояние вытянутой руки к Маге. Тот поставил чашку на стол и, не глядя на нее исподлобья посмотрел на Малику.

– Амина, по-хорошему или по-плохому, но ты сейчас поедешь со мной.

– Рот закрой. В этом доме ты никому слова сказать права не имеешь, – осипшим от злости и сухости в горле после гонки голосом сказала Люция.

– Имею. Потому что это моя жена, – Мага перевел глаза на Люцию.

И она посмотрела в его зрачки, и тут же захотела отбросить топор и вырвать ему гортань. Она сама испугалась этого желания и той силы, которую оно в ней пробуждало. Люция едва не произнесла «Это моя жена», но вовремя поняла, что так будет неправильно. Да, эти слова сделают Маге неприятно, но они же больно ударят и по самой Малике, которая не заслуживает того, чтобы ее делили, как вещь.

– Пошел вон, – процедила она и отступила в сторону, указывая на выход топором.

Мага выдавил из себя очень театральный смех. И в этот момент в кухне из туалета появились Светка с вилами и рычащая Голова. Смех сменился стоном, глаза Маги округлились, потому что ему в шею впились три из четырех зубцов грозного орудия крестьянства. Он встал и попятился на выход, Люция с топором и Малика с ножом угрожающе наступали по бокам от Светки. Дрожащими руками Мага пытался что-то достать из-за спины, но ему мешала кожаная куртка. Когда уже во дворе Люция поняла, что у него там кобура, было поздно, он нацелил ствол Светке в лоб.

– Спокойно, Мага, не нужно, я поеду с тобой, – сказала Малика, отшвырнув нож.

В этот момент он на долю секунды отвлекся посмотреть, куда упало оружие – и тут же в его руку с пистолетом слету вцепилась Голова. Выстрелить он не успел, было слышно, как хрустнули кости запястья, он выронил пистолет и упал сам, но сразу же нашарил оружие левой рукой… Грохнул выстрел.

Голова отчаянно заскулила, лежа на боку и дергая задними лапами, потом вытянулась, обмякла, и из ее носа на землю полилась кровь. Светка кинулась к телу собаки, посмотрела в ее уже мутнеющие глаза и обернулась на Люцию, которая в один прыжок оказалась возле успевшего встать Маги, замахнулась топором и уже готовилась ощутить, как он врезается в лобную кость, но замерла.

Что-то вынесло тело Маги из-под удара. Прямо из-за его правого плеча налетела черная тень, свалила его, и Люция увидела, как Чаклун перегрызает горло мужу Амины, навсегда освобождая от него Малику.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ (самая короткая)

ВЕДЬМИНА МОГИЛА

Тело Головы занесли в дом. Белый бок с одной стороны могучей груди пропитался кровью. Было решено похоронить ее на рассвете, под памятником Богдане Голове. Ромка остался делать в сарае гроб. Люция и Светка съездили в дом Марии, чтобы покормить Оксану. Та от голода ревела уже целый час, вся покраснела и устала. Поэтому, когда Люция дала ей сиську, девочка долго всхлипывала, причмокивая, вздрагивала, но в конце концов крепко заснула.

– Что делать будем? – тихо спросила Светка, сидя за столом в кухне с притихшей Галиной, объявившимся внезапно Павлом и уронившим от усталости на стол голову Николаем. Тут в кухню вошли уложившие девочку спать Мария и Люция.

– Хоронить, – угрюмо и просто сказала Люция. – Сейчас. А потом всю жизнь молчать об этом.

– А могилу копать кто будет? – поднял голову Николай, видимо, боясь, что придется после всего случившегося еще и лопатой работать.

– Да есть могила. Та, в которую я свалилась. Кстати, вы мне так и не сказали, чья она.

– Ведьмина, – ответил Павел, в то время как Мария и Галина потупили взгляды.

– Пояснишь? Только короче, если можно, а то у нас во дворе трупак, загрызенный демоном, лежит.

– Ну что ты такая циничная, он же все-таки человек. Был мужем твоей подруги.

– Нет, он был человек-насильник, которому я бы и сама раскроила голову топором, если бы меня от этого греха не уберег Чаклун. Так что там с ведьминой могилой?

– Когда моя мать умерла, жители села не хотели, чтобы я ее хоронил на кладбище. Говорили, что ведьме там нет места. Хоть при жизни матери все пользовались ее услугами. Они сами выкопали для нее могилу за пределами кладбища. Михалыч копал и отец Ромкин тоже, а остальные им водкой проставились, стол накрыли. Я плакал, умолял дать мне похоронить мать не за оградой, не как преступницу, а как она хотела, по-людски. Она говорила, что первая могила на этом кладбище принадлежала колдуну, а это значит, что, хоть ее и считали ведьмой, а лежать в бурьяне, изгнанным, ее тело не должно.

– А сама она себя ведьмой не считала?

– Нет. Ты ж не считаешь.

– Угу. И что дальше было?

– А дальше я предал мать. Пошел на поводу у этого, так сказать, общества. И похоронил ее в той могиле.

– И?

– На следующий день могила оказалась пустой. А новая, свежая, была на кладбище, у выхода.

– И сколько раз вы ее возвращали обратно?

– Нисколько! Ты что, начиталась всяких сказок? Селу вполне хватило одного раза. Все знали, что это не я. Потому что я после похорон сел в машину и уехал в Киев. Да и ни следа, говорят, вокруг не было, ни у пустой могилы, ни у новой. А потом тут у них такое началось, что они стали у ведьмы на могиле прощения вымаливать. И памятник ей сами всем селом ставили, и службы в церкви заказывали, и поминки справляли, как по родной.

Люция посмотрела на Марию и Галину, те виновато промолчали.

– Ладно. Тогда поехали. Только земли надо будет набрать для этого гондона, где не жалко. Со своего огорода не дам.

– О, ты уже огород своим называешь? – заметил Павел.

– На твоем месте я бы со мной не шутила после всего. Если есть предложение по дому – я его жду. И да, я хочу его и остаться хочу. И шелтер для жертв домашнего насилия очень хочу, если ты, Павел, понял, о чем я.

– Понял. Завтра про это поговорим.

Тело Маги завернули в ковер и похоронили вместе с его пистолетом. Николай и Роман привезли прицеп земли с огорода Галины и Михалыча. Его машину Павел хотел отогнать в овраг у реки и спалить, но обнаружил, что она на ободах.

– Ром, ты зачем шины пропорол?

– Чтобы он Малику не увез.

– Это она тебе сказала?

– Я сам подумал, что так лучше будет. Да я сейчас Светлану попрошу, она на тросе УАЗиком ее отволочет в поле, там и запалим. А завтра ночью по-тихому в лесу в овраг скинем, что останется, а номера на двигателе я так затру – никогда не опознают, что за тачка была.

– Отвечаешь?

– Отвечаю.

– Годно.

Павел не стал спать в материнской хате, попросился к Марии. Проснувшись к обеду и решив не идти на похороны Головы, он и Мыкола душевно запили, долго разговаривали. А когда вернулась Мария, муж ей сказал, что принял решение уйти жить к родителям в Весёловку. Что старые они, им помощь нужна. Запихал в рюкзак свои майки, трусы и носки и пошел, как был, не протрезвев.

– Кажи мені, Павле, він до Нінки?

– Та не потрібний він їй. Щоправда, до матері пішов. І фестивалю не буде. Принаймні цього року. Каже, що ідею дарує будь-кому. Я тобі раджу цю справу не кидати. Цього року я допоможу тобі збувати настоянки до барів у містах. У Києві допоможу точно, в Одесі... На захід від Житомира не зайдемо, там і своїх умільців повно. Гроші будуть у тебе, якщо до цього нормально підійти. А там захочеш фестиваль – зробиш сама. А ні, то, може, це й не треба.

– А що із цими контейнерами?

В этот момент в кухню вошла Светлана, и Павел, чтобы она тоже понимала, перешел на русский:

– Их привезут на неделе. Шесть штук. И работников, которые из них сделают жилые дома на месте прям. Еще привезу три солнечные батареи и электрогенератор. Но все это не к тебе. К Люции. Пойду ее обрадую. Пусть подает заявку на свой шелтер-шмелтер.

Похороны Головы прошли не столько грустно, сколько хлопотно, как, наверное, и бывает, когда всем занимаются самые близкие. Могильную плиту пришлось выкапывать и сдвигать вручную всем вместе: Светке, Люции, Галине, писательнице, Малике и Марии с Ольгой. Могилы вокруг располагались так близко, что даже подкатить Ромкин тракторенок было невозможно. Потом Светка аккуратно сняла лопатой слой земли в метр глубиной, туда на тросах опустили гробик с собачьим телом. Все бросили по горсти земли на крышку, закопали, подровняли и положили плиту обратно. Без слов. Светка села на краешек могильного камня и закрыла лицо руками. Размазав по щекам слезы и глинозем, она подала грязную свою лапу Люции, чтобы та помогла ей встать.

Дома все вымыли руки и встали за стол, на котором под чистыми полотенцами были миски с вареной картошкой и салатом из капусты, помидоров и зелени, тарелка с порезанной кусочками селедкой, присыпанной мелко порезанными перьями лука, блюдо с вареной курицей и нарезанными свежими огурцами вокруг. Из холодильника достали бутылку водки, из морозилки стопки, все в инее. Люция поднесла одну к виску, по щеке сразу потекла капля. Мария налила водку, и все выпили – стоя, не чокаясь и ничего не произнося. Из угла подала неприятное надтреснутое «мя» Дуся. Люция отщипнула от курицы мяса и дала кошке на блюдце на полу. Та посмотрела на стоящих людей с недовольством, но стала заглатывать еле прожеванные куски. Дусю давно не кормили.

– Люция, а это ничего, что ты водки хряпнула? – поинтересовалась писательница. – Ты ж кормящая мать.

– Женя, а ты с какой целью сейчас докопалась? Стала детским омбудсменом, чи шо?

– Не ссорьтесь. Нехорошо сейчас, – мрачно пресекла их беседу Светка.

Писательница налила себе еще стопку, наколола на вилку селедку и сказала:

– Я не знала, в какой момент с этим к вам всем обратиться, но чувствую, что пора. И все в сборе. У меня время резиденции на той неделе закончилось. И я еще до срока все написала и отослала в издательство.

– Черт! – спохватилась Люция. – Что ж ты не напомнила? Мне же надо отчет об этом послать!

– А не напомнила я, потому что не хочу отсюда уезжать.

– Вот те раз, – Люция налила себе еще стопку. Но Светка заботливо забрала ее себе.

– Я это… Сильно привязалась к собачке Вирджинии… – в это время метис уиппета и непонятно кого еще вдруг материализовалась у стола и лизнула руку Евгении.

– Давай честнее, – настойчиво, хоть и без второй стопки водки произнесла Люция.

– Я хочу написать еще один роман. Про все, что тут было. Я получу роялти, съезжу уладить дела со своим бойфрендом, наверное, уже бывшим, и вернусь. Я буду платить за комнату. Я могу работать в шелтере, буду гладить белье, готовить завтраки…

– Писательница, мы договорились, что эта история останется – или вообще лучше всего забудется – между нами.

– Нет, со мной вы не договаривались.

– Скажи уж честно, ты прикипела к Оксане.

– Честно?

– Ага.

– Я к тебе, Люция, прикипела. И к Малике. Мы курим и болтаем на порожках, и я понимаю, что это самое близкое, что у меня когда-либо было с кем-либо из людей. И к Марии со Светкой, к тому, какие они счастливые и крутые. Я к Галине прикипела, и к ее библиотеке, и к тому, что она знает про это место больше, чем все вы вместе взятые. И да, к Оксане тоже. Но это не значит, что я захотела своих детей. Наоборот. Я хочу расстаться со своим Лукасом, с которым мы вместе жили в Берлине пять лет, а потом я его уговорила с началом пандемии приехать и жить со мной в Киеве, но я ошиблась. Я не хочу его, я не хочу детей. Я хочу какое-то время жить с вами и писать книжки в комнате, где на меня смотрит маленькая собачка Вирджиния, и я чувствую, что у меня все получится.

Люция посмотрела в лицо писательнице, взяла бутылку с оставшейся водкой, приложила к виску. Светка рыпнулась отнять, но, поняв, что пить Люция не собирается, вернулась в исходную позицию.

– Свет, Маш, мать мою у себя приютите, когда приедет? – по тону было ясно, что Люция уже все обдумала и приняла решение.

Светлана и Мария переглянулись и одновременно утвердительно кивнули.

– Ну, что, писательница. Без драм давай только. Живи, пиши, с оплатой и работой разберемся. А про то, можно ли писать, что здесь произошло, я тебе не указчица. На литературу запреты не распространяются. Кстати, а про что твой роман, который ты тут написала?

– Про эмиграцию, полиаморию и депрессию.

– Типа аутофикшн?

– Я вообще выдумывать не умею, поэтому пишу про себя в основном.
– То есть про то, что знаешь лучше всего.
– Ну, в этом я бы не была столь категорична.
– С Оксаной побудешь?
– А куда я теперь денусь.
– Лады.

Пока все поминали, Ромка разрезал циркулярной пилой черный остов машины на куски, зачистил номер двигателя, а VIN-код машины не нашел и уверил всех, что он оплавился. Теперь эту железку опознать было практически невозможно. Но еще невозможнее было ее найти. Металлолом погрузили в кузов, который отцепили от Ромкиного трактора и прицепили к УАЗу. Малика, переглянувшись со Светкой, села за руль. Рядом уселась Люция. Светка села сзади, поцеловав Марию, которую попросили до их возвращения побыть вместе с ребенком и писательницей. Писательница хоть и осмелилась выйти на очень важный разговор, но все же ходила со слегка приоткрытым ртом и взглядом, будто обращенным в себя. Роман порывался ехать с ними, пояснив, что он слово дал Павлу быть ответственным за уничтожение этой улики. Но Светка молча положила руку ему на плечо, показывая, что он сделал все, что от него зависело, и ему все благодарны, а их мужские договоренности тут никого не волнуют.

Они ехали по заросшей старой лесной дороге, как вдруг впереди выскочило мелкое животное.

– Заяц! – воскликнула Люция.

– Не, це кіт! – улыбаясь и почти без акцента сказала Малика. – Лис, покажи нам место, где эту груду дерьма никто и никогда не обнаружит.

Малика вела машину со скоростью не больше 20 км в час. По буеракам и молодой поросли двигаться быстрей было опасно. Вдруг Лис на отпрыгнул в сторону и скрылся в чаще.

– Выходим, – скомандовала Малика.

– Нет, на себе мы это не понесем.

– Он знает, что делать. Пошли посмотрим.

За зарослями тёрна резко начинался овраг, судя по всему, когда-то тут добывали песок, но потом создали свалку промышленного хлама. Здесь валялись рельсы, бетонные блоки с арматуринами, кузов от трактора, гора ржавых капотов всех марок бывшего СССР.

– Молодчина, Лис. Тут это и похороним. И желательно в разных частях.

Нести все пришлось в руках, после перетаскивания могильной плиты это было уже сверхнагрузкой. Люция сильно потянула поясницу, а Светка распорола себе руку от запястья до локтя.

– Будь ты проклят, Мага! – не сдержалась она.

– Будь проклят, – поддержала ее Люция.

– Аминь, – заключила Малика.

И от того, что именно она это сказала, все заржали на весь лес. А Лис потерся об ноги Светки и обратно ехал в УАЗе, прижавшись к ее наскоро перебинтованной руке.

Павел пришел поговорить с Люцией тет-а-тет вечером. Он сообщил, что у него всё готово для оформления акта купли-продажи дома по низкой цене и деньги он даст Люции сам. Люция спросила, знает ли он, что по кадастру его дом теперь – незаконная постройка на сельхозугодьях. Он ответил, что это не окончательно решенный вопрос и тяжбы о статусе поселения не завершены. В любом случае он хотел бы, чтобы Люция была уверена в том, что у нее есть все права на хутор. И она может приступать к созданию шелтера при его посильной помощи.

– Зачем тебе это?

– Я хочу откупиться от этого места, чтобы оно меня отпустило. Я и семью уже перевез в Аргентину. А все не могу оторваться от Тополёвки, словно тут часть моей души осталась.

– Меня ты сюда тоже в качестве жертвы месту привез?

– Это не совсем так. Когда мать поняла, что ей недолго осталось, она сказала, что Тополёвка будет жить до тех пор, пока духам этого места будет от всего сердца служить ведьма. И у тебя получается.

– Хреново у меня получается. Голова мертва.

– Мертво тело белой большой собаки. Дух Головы на девятый день выберет, в кого ему вселиться. И если удастся договориться, и новое тело примет его, то на сороковой день у села будет его Голова в новом обличье.

– Договориться с кем? С животным каким-то?

– Человек тоже животное. И иногда вполне договороспособное.

– Она может вселиться в человека? И что тогда будет?

– Для этого человека это будет означать огромную ответственность и необходимость проявлять постоянное умение жить в союзе с Богданой.

– А как это будет для близких этого человека?

– Как я понял по рассказам мамы, так, если бы им пришлось жить с кем-то, у кого есть некое психическое расстройство. Но степень его тяжести будет зависеть как раз от умения двух личностей договориться внутри одного тела.

– Как Джекил и Хайд?

– Ну, это в крайнем случае.

– Ладно. Надеюсь, Богдана выберет козу.

– Надейся, надейся. Но мне показалось, она уже выбрала.

– Нет-нет-нет. Я даже думать об этом не хочу.

Павел по темноте, как он обычно любил, уехал из Тополёвки. А через неделю приехала строительная бригада и прибыли морские контейнеры, которые за три дня превратились в аккуратные и современные жилища. Люция даже подумала, не перебраться ли ей самой из хаты в один из домишек, но поняла, что так будет нечестно.

Она фотографировала на смартфон свой кемпинг, чтобы подать заявку на сотрудничество с организациями по защите прав женщин. В этот момент ей позвонила по видеосвязи мама.

– Дочь, тебе не стыдно? Ты уже две недели матери не звонила. Я же волнуюсь, скучаю. Я хочу увидеть внучку.

– Мам, хочешь увидеть – приезжай.

– И приеду.

– И приезжай.

– А у вас все хорошо? Голос у тебя какой-то усталый. Небось, Оксаночка тебе спать не дает. Вот бабушка приедет, тебе полегче станет.

– Ага, полегче. Как возьмешь билеты, сообщи. Доберись до Мариуполя, а Светка там тебя встретит и привезет. Пока.

– Гав, только Светку спросить забыли, – появилась над ухом Люции ее подруга.

– Привет. Привезешь?

– А если не смогу?

– Не сможешь или не захочешь?

– А что, если я вообще не смогу покидать Тополёвку? Если мне нельзя будет?

– Э-э, нет, – попятилась от нее Люция. – Понимаю, к чему ты клонишь. С этой секунды я тебе слова не скажу, пока ты сама решение не примешь.

Светка то ли с удрученным, то ли с обиженным настроением пошла к себе и не появлялась месяц. Галина стала жить у Марии и пару раз за это время заходила в гости к Люции, но на вопросы про Светку отвечала уклончиво. Писательница намекнула, что нужно бы по-дружески проведать, вдруг человеку плохо, вдруг это запой или еще какая беда.

На сороковой день после убийства большой белой собаки Люция решила с утра сварить кутьи. Лис, Мавка, Поля и Чаклун собрались у стола. Писательница и Малика курили на порожке, а Оксана лежала в люльке. Люция услышала посвист и поняла, что никто из своих так делать не станет, знают, что ребенок спит. Она вышла из дома и увидела Светку, стоявшую во дворе и виртуозно фланкирующую двумя саблями.

Не сразу поборов оторопь, Люция скрестила руки на груди, усмехнулась в полный голос сказала:

– Пані Голово! Ваша кутя вас на столі чекає!

– Дякую тобі, Люцик! – ответила, опустив оружие, Светка.

Или Богдана. Или обе.

Розалия Шамсутдинова

КИСМЕТ

ПРОЛОГ

Еле слышные звуки аль-джаназы разносятся по окраинам столицы Барраки. Столь привычный призыв на молитву для верующих мусульман смешивается с праздной музыкой на центральной площади, где жизнь, казалось бы, никогда не засыпает. Торговцы пряностями и тем, что намного крепче, не покидают своих лавок до самого рассвета. Подле вальяжной поступью шныряют ярко раскрашенные женщины, чьи полураздетые тела видны сквозь дешевые ткани всевозможных оттенков радуги. Их называют потерянными.

Затуманенные взоры несчастных выискивают клиентов, готовых рискнуть своей жизнью за минуты сомнительного удовольствия. За затуманенными взорами и яркой краской никогда нельзя угадать, какая из них уже больна срамной болезнью. Смрад давно немытых тел и дешевых спиртовых духов тянется за уличными куртизанками тяжелым шлейфом. Потерянные также не покидают улиц до самого рассвета.

– Послушай, Мурад, по кому опять читают? – спрашивает седовласый торговец пряностями, покачав головой в знак неодобрения. Не принято, Аллах свидетель, чтобы столько гибло в Священный месяц. Давно на его веку не было такого. Даже в проклятый год, когда солнце пустыни насквозь прожигало роговицу глаз.

– Давид Ашкенази отошел. Мучился долго несчастный. Аллаху Акбар! – ответит Мурад, хозяин соседней лавки. – По мусульманским обычаям хоронить будут. Совсем Аллаха не боится!

– Тише ты! И за тобой придет! – голос старца обрывается на последней фразе. Поднимая изможденные руки ввысь, с тяжестью в голосе молвит: – АстагфируЛлах ва атубу иляйхи! Пусть Всевышний простит наши грехи!

Взоры обоих мужчин падают двумя кварталами левее. Казненные, чьи тела выставили на обозрение у центральной мечети уже неделю как, были евреями Ашкенази. Самым богатым семейством в столице, чей дворец возвышался напротив дворца самого Халифа, сияя в отблесках солнца белоснежным мрамором.

В одном ряду весели жена Давида и три старших дочери, сын-наследник – немного поодаль. Раны там, где кожу мальчишки снимали живьем, иссохли под палящим солнцем, обнажая нетронутые под умелыми руками палача сухожилия и связки.

В народе перешептывались, будто глава семьи плакал как ребенок, свернувшись в клубок у края своей клетки, через прутья которой отчетливо слышал крики наследника и своих женщин. Когда-то, давным-давно, словно в другой жизни, Давид Ашкенази звался Диктатору названным братом.

1

Когда горящие камни начали падать с небес, люди до конца не верили, что это конец. Горделивые, слишком упрямые в слепой вере в свою безнаказанность, они продолжали грешить, не думая о последствиях. В то время как мир, погрязший в грехе и требующий исцеления, устал терпеть.

Сначала кровавые раны на теле Земли стали саднить, разрастаться, уничтожая целые города от неизвестной болезни. Не забыв о чуме и пандемиях, человечество придумало вакцину, которая, кажется, должна была помочь. Так считали люди, отдавшие веру в дань науке. Никто из них так и не заметил, что странный вирус ударил по Европе, обойдя извечно виновную в болезнях Африку. Тяжелее всего пришлось бывшей Германии, чье население так и не восстановилось после болезни, оставив от когда-то процветавшей нации лишь горстку людей.

Когда зараза пришла на Восток, мусульман начали бояться во всем мире. Словно хранимые невидимой силой, они не заражались, в то время как цепкие лапы Азраила забирали в свои объятья верующих в Христа жителей мусульманских городов. В мечетях начали возносить молитвы Аллаху, в другую веру переходили тысячи, надеясь спастись от болезненной смерти. Вирус жег внутренности несчастных изнутри, заставляя харкать частицами собственной плоти. Смерть приходила не сразу – кожа слезала с измученной плоти клочьями.

Оказалось, Бог решил смилостивиться над христианской общиной, ибо мучения мусульман были во сто крат хуже. Их погубили библейские заветы. Во сне, словно так было предначертано, в одну ночь умерли первенцы по всему миру. Первенцы не мучились, просто уснули и более не проснулись.

Когда в следующую ночь над Северным Кавказом пролился дождь из крови, верующие по всему миру хлынули в мечети. Никто не хотел разделить участь кавказцев, чьи глаза застилала горячая жижа и сердца останавливались от шока. Дождь не прекращался тридцать дней и тридцать ночей, плавил стальные жилища горцев, душил укутанных в хиджабы женщин, а затем ринулся на южную часть Кавказа. Чечня, Ингушетия и Дагестан начали винить друг друга, обнажив старые обиды. До войны не дошло, ибо следом пал скот и поставки из еще не оправившейся Европы не спасали.

Арабский мир наблюдал над этим всем с замиранием сердца, ибо кровавый дождь до них так и не дошел. Его ждали с готовым решением, с привычным тщеславием желая доказать, что Всевышний все еще милостив к своим детям. Насекомые, проникающие под кожу и высасывающие жизнь с каждой каплей крови, доказали обратное меньше чем за сутки. Люди сходили с ума, расчесывая плоть до крови, сдирая ошметки кожи собственными руками. Они не умирали, хотя возносили молитвы своему Богу с этой просьбой ежеминутно.

Град из горящих камней ударил по миру спустя ровно год. Его не остановили ни спутники с космических орбит, ни современные орудия, созданные расщеплять горящие камни еще за пределами атмосферы Земли. Африканский континент встретил град с улыбкой, ибо он даровал измученному народу справедливость. В огне погибали нищие, истощенные болезнями и привычным голодом, погибали богатые, обворовавшие свой народ и об этом не жалевшие. Там, где был раньше Китай, колыбель технологий всего мира, почти не осталось жизни. Камнепад не прекращался, снося многоэтажки, как карточные домики, уничтожая в пожаре целую нацию. Издевка ли Бога или того требовала вселенская справедливость, но град из горящих камней не тронул многочисленные исправительные лагеря Синьцзяня. Те, кого мучили за колючей проволокой током и сгоняли на мороз без одежды, смотрели, как небесный огонь пролетает мимо и разит их мучителей.

Когда камни перестали падать, прекратилась литься кровь, и исчезли насекомые, в живых осталось меньше трети населения Земли. Они выбрались из своих укрытий с опаской, как поступали ранее звери, гонимые охотником на скорую смерть. Никто из них не обрадовался спасению, ибо то, что осталось от благ цивилизации, сулило лишь жалкое выживание.

На месте падения последнего камня, стершего в пыль остатки прежней жизни где-то на Востоке, была создана Баррака.

Плодовитая почва когда-то цветущего края по каплям притянула к себе жизнь со всего света. Уцелевшие из числа тех, кто смог добраться пешком через пустыню, невзирая на скрывающиеся в ней опасности, стали первыми жителями будущего Халифата. Люди селились в разрушенных небоскребах, ели с золотой посуды, найденной среди разрухи, а ночью жались друг к другу, замерзая от лютых ветров и спасаясь от обжигающих песков. В одном эти люди были правы – почва Барраки еще плодоносила.

Человечеству потребовалось триста лет, чтобы отчасти восстановиться. Еще сто ушло на то, чтобы потомки потомков выживших решились вернуть связи и начали отправлять первые делегации послов. Стали образовываться союзы, вновь разделившие мир на Восток и Запад. Центром нового мира стала Англия. Люди вернулись к прежним вероисповеданиям не сразу, хотя так и не отказались от новых верований, возникших по всему миру в период восстановления цивилизации. Культ уйгуров и вовсе стал единственной религией на территории бывшего Китая.

Постепенно люди начали забывать ошибки прошлого. Вновь перестали протягивать друг другу руку помощи, деля человечество по расам, полу и религиозной принадлежности. Полилась кровь, оправдываемая ложной верой. Исламский мир вновь стал ассоциироваться с террором и облаченными в черное боевиками.

2

2356 год

– Тебе обязательно возвращаться туда?

Она ненавидит эту фразу всеми фибрами своего естества. Эта фраза сродни порезам кинжала на гладкой коже. Ибо она, привыкшая к боли и суровой жизни в пустыне, привыкла к порезам металла на поверхности плоти. Не болит – но доставляет дискомфорт. Уродует на поверхности – но не добирается до самой сути.

Черные локоны, разметавшиеся на подушке, чуть тронутые сединой на висках, непривычно сковывают свою хозяйку в действиях. Принцесса Баян аль-Баррака поворачивается на другой бок, всматриваясь в лицо лежащего подле мужчины. Он убирает локон с ее глаз, накручивая его на палец, от чего Баян расплывается в улыбке.

Мурад был ее мужем. Не на бумаге, но по законам Аллаха, ибо они дали клятвы в единственной сохранившейся мечети старого Лондона. Она ничуть не сомневалась в своем выборе, когда главный имам мечети поженил их согласно законам Корана. «Бааракял-лааху лякь, ва бааракял-лааху ʻаляйкь, ва джамаʻа байнакумаа фии хайр» – «Пусть Аллах ниспошлет вам во всем Божье благословение и объединит вас в благом»

– Это мой долг, ты же знаешь… – отвечает она не спеша, коснувшись кончиком пальца мужской груди, вырисовывая на ней невидимые человеческому глазу знаки. – Это всего лишь на месяц.

Принцесса огромного Халифата на Ближнем Востоке тяжело закрывает очи. Ни отец – повелитель, ни ее народ ничего не знают о ее замужестве. О единственном проступке, который она совершила в своей жизни и в котором когда-нибудь должна будет сознаться. Она провела в Европе уже почти пять лет, отправленная самим Халифом постигать науку Запада.

– Нам осталось учиться всего год, Баян.

Баян знала. Высчитывала дни, когда возвращение на родину станет неизбежным. Придумывала слова, которые скажет отцу и матери-француженке. Готовилась к гневу своего Халифа, ибо тот никогда не одобрит ее выбор.

Руки мужчины тянутся к ее округлым бедрам. Он сжимает ее крепкими мужскими ладонями.

Она любила это чувство – легкий трепет по всему телу, который пронизывал ее насквозь. Мурад любил ее, как только может любить мужчина свою женщину, когда им предписано быть вместе в самой Книге жизни. Любил нежно, но уверенно, оставляя легкие поцелуи на внешней поверхности ее бедер, пока она извивалась

под ним в танце любви и страсти. Его руки гуляли по ее телу, ласкали ареолы пышной груди и шептали слова любви ей на уши. Горячее дыхание жгло, лишало рассудка, но было настолько желанным, что Баян аль-Баррака просила больше и сильнее, вызывая предвкушающую улыбку на мужском лице.

Баян знала, что не может понести ребенка. Об этом знал Мурад, когда они становились одним целым, двигаясь в общем ритме божественной эйфории. Но когда в глазах Баян темнело, а тело мужчины набирало ритм, они об этом забывали. Реальными оставались лишь чувства, привкус поцелуев на искусанных губах и вес его тела. С каждым рывком она стонала громче, хотя он держал в плену ее рот, не прекращая целовать. От Мурада всегда пахло хвоей, легким привкусом кальяна и наступившей страстью. Баян пропитывалась этим запахом насквозь, становилась его частью, обнимая ногами его бедра. И когда он изливался в ее чрево, боясь дать любимой новую жизнь, она лишь проводила ладонями по его спине, словно убаюкивая.

Мурад был мусульманином, свято чтил заветы Корана, как чтила их сама Баян. Был родом из праведной семьи, но вырос в другом мире. Запад влился в его кровь и смешался с нею, лишив его всякой возможности быть достойным престола Барраки. Баян это знала, но не могла противиться своему сердцу.

– Это всего лишь на месяц, – вновь шепчет она, всматриваясь в милые сердцу глаза. – Я обязана чтить традиции.

Оставалось еще два дня до вылета, но сердце молодой женщины уже щемило. Традиция проводить Священный месяц вместе была особенной для ее династии. Отец созывал наместников из всех отдаленных провинций Халифата, спускался к своему народу с золотого пьедестала. И она, наследница престола, облаченная в традиционные одежды, всегда была подле него, улыбаясь и славя Рамадан, дарующий Барраке мир и процветание.

– Это будет последний Рамадан, который мы проведем раздельно, – его голос заставит молодую женщину поежиться, и Баян лишь с улыбкой кивнет. Руки женщины потянутся к супругу, и она попросит любить ее еще раз.

У них не будет другого времени для прощаний, ибо свита отца-повелителя прибудет за ней завтра, как того требуют законы новой Англии. Разреши английский монарх людям Диктатора пройти вместе с ней границы, и она бы никогда не рискнула выйти замуж без отцовского разрешения. Ее жизнь, полностью вверенная английской короне, ровно так же, как жизни десятка других дочерей и сыновей иностранных правителей и наместников, получила отблески счастья благодаря этому закону.

Перебирая темные кудри своего супруга, Баян аль-Баррака всматривается в глаза мужчины, пока его крепкие ладони гуляют по ее телу Она отдается искрам радости и последующего удовольствия. Она ловит себя на том, что пытается его запомнить, гонит предательскую мысль прочь, чуть коснувшись мужских губ.

– Я люблю тебя, Мурад сын Ахмеда, – молвит она тихо. – И буду любить до скончания веков.

3

Длинные косы старшей дочери Халифа опустились на спину с неизменной тяжестью. Принцесса Баян всегда заплетала их сама, лишь изредка доверяя матери-наложнице. «Я должна была родиться мальчиком», – мельком думает про себя она, всматриваясь в огромное зеркало посреди гарема, резко отводит взор, чтобы улыбнуться окружившим ее женщинам. Баян прилетела поздней ночью, не сказав им ни слова о скором возвращении, ибо таким было отцовское решение.

Он, в отличие от матерей, встретил наследницу легким кивком еще ночью, от чего по телу Баян пробежала дрожь, словно отец узнал о ее проступке и уже приготовил наказание. С полчаса они говорили о пустых, ничего не значащих делах, после чего он протянул руку с фамильным перстнем для поцелуя. Подойдя ближе к трону, медленно опустившись на одно колено, она впервые за долгое время поняла, как же сильно отец-повелитель постарел. Темные круги под глазами, широкая туника уже не скрывает набранного за годы сидячего образа жизни веса.

– Меня радуют вести о твоих заслугах, – единственная фраза из его уст растечется мертвенной пленкой по сердцу наследницы престола. Она тихо, но уверенно ответит: «Благодарю, отец».

В гареме пахло свежезаваренным кофе, спелыми фруктами и духами. В столь огромном скоплении женщин, кажется, иначе быть и не может. Но принцесса Баян знает, что так кажется только на первый взгляд. В покоях старших отцовских женщин всегда пахло книгами, жизненной мудростью и советами. От тех, кто был младше самой наследницы, веяло жаждой наживы, женской хитростью и глупыми мечтами. Находились и те, в чьих покоях пахло искренней любовью, желанием женского счастья и надеждой.

Слишком разные, как различны всевозможные цветы, они уживались друг с другом уже больше тридцати лет. Кого-то забирал на своем верблюде смерти сам Всевышний, кто-то был продан на невольничьем рынке за ненадобностью, кто-то уходил в цепкие лапы Азраила, предпочитая адские муки преисподней грубым ласкам Диктатора.

Принцесса Баян также имела особый запах. Смирение, гордость и угрюмый нрав в совсем еще юном возрасте смешались с недетской мудростью, пониманием и отчаянием. В ее карих глазах осела мудрость ценою в девичью улыбку, а в густых волосах уже два года как появилась первая седина.

Она носила штаны, как подобает мужчине, пусть даже под длинной юбкой с разрезом на боку. Не скрывала она и кинжала на тонкой талии, которым умела пользоваться. Ее руки огрубели не от тяжкой работы под палящим солнцем, а от грубой кожи конских поводьев, ибо принцесса Баян любила скакать часами. «Отец

жаждал сына, а я его подвела», – вновь с печалью думает она. Так бывает из года в год в Священный месяц, когда Диктатор спускается к народу, а она вынуждена его сопровождать.

Она любила каждую из окруживших ее женщин, считавшихся ее вторыми – третьими – четвертыми – пятыми матерями. Каждая из них была матерью ее сестер, умудренной жизнью женщиной, чьи годы интриг уже давно прошли. Баян целует руку каждой, как привыкла делать с раннего детства. С тяжестью на сердце улыбается, а после с опаской замирает, когда ладонь родной матери касается ее щеки.

– Дитя мое опять печалится, – качая головой, промолвит женщина.

– Наша Баян соскучилась по родине, Азрийя, оставь девочку в покое, – ответит за нее третья по счету мать.

Она же потянет Баян за собой, словно спасая от столь очевидной истины. Ибо каждая из этих женщин знает, что дочь Халифа не рада возвращению домой.

Принцесса Баян прожила ровно двадцать пять зим, пять из которых училась в Европе. По меркам Барраки, совсем старуха, но там, на Западе, она дышала полной грудью. Отец хотел, чтобы она училась у неверных управлению государством, впитала всю их мудрость до последней капли. Взращенная в лоне ислама, она противилась отцовской воле, но против воли Халифа пойти не смела.

Ступив с трапа самолета в новую жизнь, Баян аль-Баррака молила Всевышнего, чтобы тот не дал ей запачкаться западной грязью. Она окрестила врагами тех, кого ни разу не видела и о ком не слышала. А потом, постепенно, как вода течет, разнося новую жизнь по земле, приняла западный образ жизни всей своей сущностью. Баян не предала Аллаха, она все так же слепо молилась своему Богу, покрывала локоны от чужих взоров и соблюдала все пять столпов веры по мере своих возможностей. Просто однажды поняла, что ее слишком удивляет мир, в котором женщина может быть свободна. По-настоящему свободна в праве любить.

Материнские руки не родной по крови женщины повели Баян в отдаленную от гаремного зала комнату, прочь от всеобщего шума и сборов. В комнате, щедро обставленной книжными полками, на меховом ковре сидела младшая из дочерей Диктатора – Элия. Темная макушка девочки не отрывалась от выбранной книги, она почти не дышала, перелистывая тонкие страницы.

Принцессе Элие было двенадцать. Она казалась младше своих лет, в отличие от самой Баян с ее ранней сединой. Элия не была любительницей шумных игр. И порой Баян казалось, что младшая сестра любит книги больше, чем близких по крови, избегая не только сестер, но и вхожих в гарем дочерей благороднейших семейств Барраки. Часами она могла прятаться среди книг, пока другие смеялись и пели, занимались рукоделием или предавались праздности.

– Опять читаешь, обезьянка? – с улыбкой прошепчет старшая дочь Диктатора.

– Ты вернулась! – с нескрываемой радостью в голосе прокричит Элия аль-Баррака, с сияющими глазами. Девочка с улыбкой обнимет сестру, забыв о заветной книге. – Я так по тебе скучала!

Элия, и в этом не похожая на остальных сестер, не была готова к скорому празднованию, о чем свидетельствовала ее широкая туника из шелковой ткани, украшенная цветочной вышивкой и национальным орнаментом.

– Совсем не хочет собираться. Говорит, пока не дочитаю, никуда не пойду. Ты скажи ей, Баян, что отец будет зол…

– Мама права, обезьянка, – Баян целует Элию в макушку. – Дочитаем вечером вместе.

– Я не хочу никуда ехать, – уткнувшись в сестринское плечо, прошепчет та тихо, почти беззвучно, чтобы услышать ее могла лишь Баян. – Они нас не любят. Я чувствую.

– Обезьянка… – обняв лицо Элии обеими ладонями, Баян касается губами детского лба. – Как они могут не любить мою Элию? Мою красивую, умную, добрую Элию? Разве моя Элия – не самая красивая принцесса этого дворца?

– Ты тоже мне не веришь, – девочка тяжело вдыхает, пристав с ковра, обнимает себя руками, как привыкла делать с самого детства, будто защищаясь от мира. – Но я точно знаю.

Пусть ненадолго, но тягучая тишина воцаряется в миниатюрной комнатке, ибо наследница престола не знает, что ответить. Уже давно Баян дала клятву стать правительницей, слову которой будут безоговорочно верить и к кому будут прислушиваться, той, что будет честна перед своим народом и семьей.

Она привстает вслед за сестрой, берет ту за руку, чтобы повернуть лицом к себе.

– Но мы же можем заслужить их любовь, обезьянка, – в глазах Баян сияют искорки, она искренне улыбается, проводя ладонью по темной макушке Элии. Она не может найти лучших слов, кроме слов правды, чтобы прервать тягучую тишину, воцарившуюся между ними. – Они ведь тебя совсем не знают. Но стоит тебе постараться, искренне полюбят.

– Как славят нашу Баян, – отзовется мать девочки, что до сих пор тихо стояла у двери, глядя на сестер из-под полузакрытых ресниц. – Пора собираться, дорогая. Времени совсем не осталось.

– Вечером почитаем, да? – говорит Элия, прежде чем ответит на материнский зов легким кивком.

– Конечно, я же обещала.

4

Священный месяц Рамадан в Барраке встречают особенно пышно еще со времен восхождения Диктатора на трон. В преддверии праздника царская казна пустеет, ибо праздничные столы накрываются во всех уголках Халифата. О, Рамадан! Благословенный месяц, который ждут и о котором тоскуют! Сколько молитв услышит Всевышний в этот месяц, сколько просящих ладоней будут вознесены к небу! Сытость в полупустых желудках станет недолгим гостем для жалких бедняков, что протянут руку к династии и к богатейшим семьям тех, кому эта династия благоволит.

О, Рамадан, месяц, приносящий смирение своим рабам! Зачтешь ли ты пост тех, кто предавался чревоугодию с закатом солнца, оскверняя прописанные тобой заветы? Будет ли принят пост сотен тех, кто вкушал ласки чужих женщин, стоило солнцу опуститься за горизонт? Разве действенны твои заветы лишь до восхода солнца?

О, Рамадан, сегодня Архангел Джабраил открыл Мухаммеду первую из 114 глав Корана.

Звучание таравиха раздается во всех уголках Халифата в сердцах многочисленных верующих. Ибо сам Пророк Мухаммед говорил, что тот, «кто проводит Рамадан с верой и в ожидании награды, тому будут прощены содеянные ранее небольшие грехи».

О, Рамадан, много ли их, истинно верующих? Есть ли надежда у Барраки?

Перешептываясь, люди так и не забыли, как повесил тела евреев Ашкенази на центральной площади Диктатор. Истребив целое семейство, осквернил Священный месяц кровью неверных. С той поры городскую мечеть начали обходить стороной, будто дух самого Давида поселился на месте казни его семейства.

Сухой ветер пустыни чуть приподнял платок Баян, когда та забралась на коня в строгом черном кафтане наследницы престола. Ей, в отличие от остальных сестер и многочисленных жен-невольниц отца, нужно было ехать верхом рядом с ним. Такова была традиция, соблюдавшаяся в Барраке еще много столетий назад, с одним лишь отличием – старшая наследница Халифата была рождена девочкой.

Ее встретили со смесью разочарования и недовольства, когда маленькая Баян, только научившаяся крепко держаться в седле, в первый раз показалась народу, как подобает будущей правительнице. В тот же день она получила от отца фамильный изумруд, ставший впоследствии украшением на ее груди. Изумрудная брошь в виде герба династии оставила невидимый шрам на сердце маленькой Баян.

В эту же ночь, упрямая до невозможности, девочка дала клятву самой себе, что эти люди обязательно ее полюбят. Она сдержала свое слово. Пусть даже никто открыто этого не говорил, лишь храбрецы перешептывались на рынках и база-

рах. В глазах голодных, уставших от растущих податей людей принцесса Баян была истиной правительницей, чье царствование ждали и о ком молились.

Гарем Диктатора выходил в огромный сад, скрытый высокой стеной от мужской половины дворца, в котором халиф встречал гостей из числа высоких чинов Барраки, иностранных послов и таких же владык-тиранов, считавшихся союзниками Барраки на мировой арене. Жалкий клочок свободы, дарованный женщинам и младшим дочерям господина, был щедро обставлен мраморными беседками, в которых гаремные женщины проводили большую часть лета, спасаясь от духоты дворца и палящего солнца. Розы всевозможных оттенков пестрели в садах вместе с плодоносящими деревьями, высокими финиковыми пальмами и редкими цветами, привезенными из самой Европы в глиняных горшочках. На содержание этого сада тратились литры живительной воды, в то время как в пустыне умирали от нехватки воды целыми семьями. Плодоносящие деревья поливались огромными ведрами, тогда как старики на окраинах Халифата возносили руки в страстной молитве к небу, чтобы тот даровал несчастным дождь. Никому не нужная жизнь ценой жизни тех, кто не родился членом семьи правящего рода или хотя бы их приближенными.

Пять открытых паланкинов ждали женщин Диктатора в саду, выставленные в ряд по иерархии. Матери наследниц выходили медленно, облаченные в шелка цветов династии: желтого, зеленого и голубого.

Первой шла мать Баян, окруженная личными прислужницами. Ее светлые волосы были спрятаны за голубым платком, что был чуть светлее вышитого серебряной ниткой голубого кафтана. До принятия ислама Азрийя была француженкой Мари. Она попала в гарем волею случая, будучи одной из множества пропавших в Барраке туристок. Светловолосая и голубоглазая, она, не стесняясь взоров изумленных мужчин, спорила с торговцем сувенирами на рынке, когда молодой Диктатор ее заметил и возжелал. Его не смутили вера девушки, ее вольный нрав и сотрудники посольства Франции. Через год Мари родила Баян.

Следом шли сестры-близнецы Джана и Рукайя, столь же неразлучные, как и двадцать два года назад. Они вошли в гарем Диктатора рука об руку, подаренные наместником дальней провинции Амбер. Тот вырастил девочек, словно родных дочерей. Джана и Рукайя разительным образом отличались от множества женщин гарема начитанностью и широким кругозором, чего не мог не заметить молодой Диктатор. Первой на ложе Халифа взошла Джана, а спустя десять месяцев, когда тот разочаровался рожденной в очередной раз дочерью, ее сменила Рукайя. Темноволосые, словно арабская ночь, с глазами цвета густого шоколада, они отличались друг от друга лишь формой родинок на щеках. Вместе они даровали халифату пятерых дочерей. Таких же темноволосых и таких же кареглазых. Но на Джане, как и на Рукайе, Диктатор так официально и не женился.

Умида, мать принцессы Элии, принесла династии четверых детей. Ее Диктатор любил больше всех своих женщин, о чем свидетельствовала ее шкатулка, выставленная на обозрение в обители женщины, доверху набитая золотыми украшениями. Умида всегда надевала увесистые короны с фамильными изумрудами, синими

сапфирами, кроваво-алыми рубинами, когда шла к Диктатору в положенные ей как третьей законной супруге ночи. Изящные руки женщины украшали крупные бриллианты, вправленные в золотые и платиновые пластины, а на щиколотках звенели браслеты, отстукивающие ритм при ходьбе. Она никогда не изменяла любимому желтому цвету, который особенно подчеркивали рыжие локоны красивой женщины, собранные на макушке в высокий хвост. И пусть трое из детей Умиды не прожили и года, она смогла сделать невозможное – родила Диктатору сыновей. За мальчиками Умиды следили десятки нянек, столько же прислужниц дезинфицировали детские комнаты наследников ежечасно. Для маленьких принцев подбирались лучшие кормилицы, хотя пышные груди Умиды были полны молока. Принц Абдулла отошел к Аллаху спустя семь месяцев после своего рождения, принц Хасан прожил на месяц больше. Третий из сыновей, Али, названный в честь ближайшего сподвижника Пророка, не протянул и тридцати дней. Скупое на ласку и чувство любви сердце Диктатора вознесло молитву Аллаху, когда родилась принцесса Элия. Рожденная лютой зимой, когда суровые ветра пустыни не щадили даже дворец Халифа, она смогла выжить на радость измученной матери и отца. Так прошел год, а после еще один, но лишь к шестой зиме мать девочки смогла вздохнуть спокойно. Больше Умида не понесла.

Ее место в постели Диктатора заняла берберка Мариям, чьи зеленые глаза были сродни кошачьим. Она всегда подводила их густым слоем киновари, от чего те казались еще больше. Мариям боялись, как боится пыльной бури в пустыне уставший путник, ибо характер женщины был подобен смертоносной стихии. Она попала в постель Диктатора пятнадцатилетней девочкой, сменив рыжеволосую Умиду во время беременности принцем Хасаном. Она не продержалась в постели господина долго, по успела подарить династии двух дочерей. Принцессы Лейла и Аиша были неразлучны. Красивые, как самые лучшие из творений Аллаха, они притягивали взоры идеальными чертами лиц. Но, на свою беду, также взяли самое худшее от дикарки-матери и жестокого отца. «Ничего путного из них не выйдет», – часто думала про себя Баян при взгляде на маленьких принцесс. Но старшая наследница Халифата также молилась Всевышнему каждую ночь, чтобы оказалась неправой. Баян любила Мариям, где-то слишком скандальную и грубую, ибо та никогда не врала и говорила прямо. Не боялась она и ненависти окружающих, тянувшейся вслед за той невидимым шлейфом, отчего молодые отцовские невольницы бросались при виде нее прочь. Поговаривали, что Мариям была колдуньей, приворожившей Диктатора в первую ночь. Женщина этих слухов не оспаривала и даже их поощряла, несмотря на прописанный в Коране запрет на магию и колдовство. И если с рыжеволосой Умидой Диктатор все еще делил не только прописанные очередью ночи, отсыпаясь в постели матери Баян, то к Мариям приходил при свете дня. Никто за годы жизни берберки в гареме Диктатора так и не узнал, что, закрываясь при свете дня от прочих взоров, они не делили друг с другом ложе страсти и не предавались прочим утехам, а говорили. Мариям умела слушать, но самое главное – молчать об услышанном.

Мать принцессы Асии была самой несчастливой из женщин Диктатора, несмотря на положение официальной четвертой жены и соответствующие почести. Зайнаб подарила Халифу лишь одну дочь, самое доброе и светлое существо гарема. Даже Мариям, со своими вечно недовольными кошачьими глазами, улыбалась девочке, когда та протягивала к ней миниатюрные ладошки и звала с собой. Асия была старше Элии всего на несколько месяцев, но разница в умственном развитии девочек была сродни пропасти. Застрявшая в детском мире, девочка не хотела учиться читать и писать, поднимая страшный крик, когда ее пытались оторвать от многочисленных кукол и плюшевых медведей. Совсем обычный ребенок на первый взгляд, принцесса любила обнимать окружающих нежными ладошками, дарить свои поцелуи нянькам и прочим служителям гарема. Но и речи не было, чтобы она могла наследовать престол, а тем более быть выданной замуж за очередного наместника провинции. Мечта Зайнаб об отдаленном дворце, в котором она могла бы считаться полноценной хозяйкой, не считаясь с волей Азрийи, растаяла в воздухе с первым диагнозом английского врача – аутизм. Никакое золото Барраки, никакие молитвы священнослужителей всех религий не могли излечить девочку от страшного недуга. Каждое утро мать девочки заплетала светлые локоны Асии в две длинные косы, а после отдавала на милость нянек, играющих с девочкой в ее особенном мире. Так она и росла, как растет сорняк, принятый за домашнее растение и не вырванный с корнем, ибо отцом принцессы Асии был сам владыка Халифата. Девочка его любила. Слепо и по-детски невинно, усаживаясь на колени и протягивая отцу засахаренный в меду миндаль, от которого была просто без ума. И никто не говорил об этом вслух, но только детские ладошки принцессы Асии владыка земель Барраки целовал, разрешая спать в собственной постели, чего не разрешал никогда ни одной из своих дочерей.

Пятая из жен Диктатора была младше самой Баян на шесть лет. Ей повезло забеременеть три месяца назад, несмотря на отсутствие у Диктатора детей после рождения принцессы Элии вот уже двенадцать лет. Пышнотелая и развратная, она танцевала для Халифа и приближенных ему людей, разделив ночь с Диктатором лишь единожды. Получив весть о беременности девушки, уже давно не надеявшийся стать отцом в очередной раз, он сразу же женился на невольнице, переписав закон, разрешающий праведному мусульманину иметь до четырех жен. Он не мог развестись ни с одной из матерей старших дочерей, поэтому пренебрег Священной книгой, заставив духовенство Барраки дать на то согласие.

5

Элия

«Держи ровно спину, Элия», – думает про себя она, вышагивая вслед за матерью, словно солдат. Она неуверенно чувствует себя в новом одеянии, сшитом специально для торжественного празднования. Юной принцессе почему-то кажется, что тонкий черный шелк кафтана разъест кожу изнутри, настолько она чувствует себя в нем чужой. Мельком, чтобы та не заметила, девочка бросает взор на мать, плывущую словно лебедь, а после со вздохом отводит взор. Умида улыбается и совсем не замечает дочь, гордо взирая на окружающих из-под густо накрашенных ресниц.

Элия запомнит этот миг на всю оставшуюся жизнь. Всего секунду, когда сердце девочки замерло, стоило старшей сестре вскочить на своего коня. Дикое животное, под стать характеру самой Баян, словно слилось со своей хозяйкой, облаченной в такой же черный, как у Элии, кафтан. Только кафтан сидит на наследнице престола как влитой, будто вторая кожа.

Черный. Цвет смерти, печали и скорби. Ее всегда удивляло, почему отец-повелитель выбрал именно этот цвет для фамильных одеяний. Она не решалась спросить, а тем более спорить, ибо выбор был сделан задолго до рождения самой принцессы. И пусть под черным шелком было тяжело дышать, словно легкие были в тисках, приближенные к правящей династии дрались за право быть облаченным в этот цвет.

Элия с осторожностью забралась в подготовленный для них с матерью паланкин, прежде чем тот подняли четверо рабов. Тент никак не спасал от жара, и девочка тяжело вздохнула, закрыв словно залитые свинцом очи. Ее не радовали ни дуновения теплого ветра, ни легкомысленный щебет сидевшей рядом матери. Покачиваясь в такт шагам рабов, она старалась держать спину ровно, всматриваясь в двигавшийся впереди паланкин. Сидевшие в нем сестры напоминали Элие драгоценных фарфоровых кукол в черных одежках. Даже слуги, склоняющие головы в поклоне, и то казались счастливее наследниц Халифата, провожая тех за ворота огромного сада.

Ей уже почти слышались звуки громкой музыки, ложные улыбки и восклицания тех, кто ненавидел династию и ее, Элию. Девочка не винила их, ибо стоило ей лишь единожды взглянуть на их лучшие одежды, уставшие взоры и руки, трясущиеся от тяжелого труда, она и сама начинала себя ненавидеть. Если заплаты на

выцветших одеяниях – лучшее, что могли себе позволить бедняки в Священный месяц, разве могут они любить и почитать ее, что спала на нежнейших белоснежных простынях?

Она уже и забыла слова сестры о том, что когда-нибудь они ее полюбят, ибо сердце девочки вздрогнуло, стоило Баян поравняться с лошадью повелителя-отца. Диктатор, восседавший на белоснежном мерине, был облачен в такой же черный кафтан, только с одним отличием – на его груди висел бриллиант размером с куриное яйцо. Ее до ужаса пугал этот камень, вправленный в золотую пластину с гравировкой из Корана, будто религия не порицала подобное расточительство.

«Он твой отец».

Рай – он лежит у ног матери. Он пропитан глубоким почтением к своей семье, скупой вере в Бога и смирением перед теми тяготами, что он тебе дает. Рай обещает блаженство и покой. Рай есть Джаннат. В саду, куда после Судного дня отправятся все праведники, не будет ни боли, ни отчаяния, ни тревог, ни сомнений. Лишь блаженство и благодать под сенью вечнозеленых деревьев, богато расшитая одежда, вкусная пища и прислужники, готовые исполнить любое пожелание. В детстве Элии аль-Баррака не было места голоду, не было недостатка в цветастых тканях, любые желания, какие только могли возникнуть в сердце маленькой двенадцатилетней девочки, исполнялись. Она получала лучшее, ела на золотой посуде, а приказы ее исполняли многочисленные прислужницы, имен которых часто она даже не запоминала. Она жила в раю на земле, поэтому не боялась, что в рай на небе не попадет.

Она не любила отца, от чьего семени произошла. Не испытывала нежных чувств и к ярко раскрашенной матери, у ног которой находится ее рай. И лишь за это должна быть судима в лоне религии, что была выбрана за нее и для нее.

Нелюбовь – разве это грех? Разве сравнится она с расточительством и праздностью, ленью и другими пороками? Религия требует безукоризненной любви к тем, кто привел тебя в этот мир и заковал в оковы собственного выбора. Нелюбовь – звучит, как приговор, как проклятье, словно раковое пятно на совершенно здоровом теле. Не любить – значит отличаться, стать изгоем. Сколько боли в простом глаголе «не любить».

Девочка не улыбается. Хотя, кажется, должна. Ком отвращения медленно подкатывает к самому горлу, грозясь вырваться наружу съеденной ранее пищей. Они движутся слишком медленно, почти что топчутся на одном месте, спускаясь к народу Барраки с пьедестала голубой крови и богатства, собранного трудом и соленым потом этого же народа.

Понимают ли они? Те, чьи руки дрожат от тяжелого труда и недоедания, чьи дети болеют с самого рождения, происходя из чрева матерей, изможденных малокровием? Что ценою собственного счастья и здоровья, в своем смирении и скупой вере в рай на небе кормят царствующую династию и ее саму? Задумывались ли они хоть раз, что там, на небесах, может ничего и не быть? Лишь пустота, всепоглощающая тьма, что придет с потерей души, с последним вздохом пересохших губ.

Они молчат, опускаются ниц в молитве. Они проклинают обидчиков в надежде на кару свыше. Они надеются на райские реки за все свои страдания. Хотя символ веры – всего лишь книга. Сборник страниц, переведенных на многие наречья, уже давно лишенный первозданного смысла.

За эти мысли ее могли казнить. Но она никогда не говорила об этом вслух, прячась в собственном мире из пыльных книг, в маленькой, отдаленной от гарема, комнатке.

Черная косынка на голове юной принцессы предательски соскальзывает, и Элия тянется ее подправить. Ей, в отличие от сестер, никогда не удавалось носить косынку правильно, словно кусок ткани на голове был чужеродным организмом, сжиться с которым она была неспособна.

– Ты должна улыбаться, – шепчет девочке мать. – Смотри вперед и держи голову прямо.

«Должна». Это слово обжигает. Смешивается с подступающими криками толпы, резким запахом специй, дешевых благовоний и нечистот. Кварталы столицы пропитаны этим запахом насквозь, его нельзя выветрить или перебить. Только принять. Принять так же, как толпу людей, восхваляющих правящий род с полными ненависти глазами. Тех, кого согнали сюда, словно скот, выставили ровными колоннами помимо их воли. Мужчины и женщины, дети и старики, их всех объединяло одно – слепое смирение и спящая где-то внутри злость, смешанная с нескрываемой ненавистью в глазах всевозможных оттенков.

Элия поднимает руку и начинает им махать. С каким-то остервенением, жалостью к самой себе и желанием скорейшего окончания дешевого театра. О, Рамадан! Простишь ли ты рабов своих за этот страшный грех? Даруешь милость тем, кто осквернил тебя, запачкал?

«Пусть вечно царствует правящий род!»

«Царствие милостью самого Аллаха!»

«Живите долго!»

«Долгого правления и Его милости!»

«Пусть ниспошлет Аллах все самое лучшее Его наместнику на земле!»

Краски смешаются воедино, став единым блеклым пятном. Элия будет улыбаться и махать, не разбирая лиц вокруг. Едва ощутимой останется лишь музыка, тяжелая, будто сдавливающая мозг стальными щипцами.

Задерживая дыхание, она отсчитывает удары сердца, лишенного живительного кислорода. Отсчитывает ровно шестьдесят секунд, прежде чем вновь позволяет себе вздохнуть отравляющий запах, грозящий разорвать легкие девочки изнутри. Шестьдесят секунд, семьдесят секунд, восемьдесят. Она почти теряет сознание, уплывая в другую реальность, как вдруг отчаянный крик «Долгого царствования принцессе Баян аль-Баррака!» взрывает призму застывшей вокруг отравы.

Кричали не ее уста. Элия почувствует это отчетливо, ибо мать грубо сожмет детскую ладонь. Процессия замедлится посреди центральной площади, возле места казни сотни несчастных, чью жизнь оборвал Диктатор по собственной прихоти. Крик усилится, и к нему прибавятся другие голоса, сначала тихие, но после

осмелевшие. Крик очистит сознание Элии, и она начнет шепотом благословлять царствие старшей сестры. Ее не остановит материнская ладонь, страх, что пронзит Умиду, слишком хорошо знающую своего мужчину. В эти секунды Элия почти похоронит отца, возложит священный меч к ножнам старшей Баян, и вместе с ней возрадуется вся Баррака. Она не заметит, как тень безумия ляжет на отцовское лицо. Девочка не почувствует страх самой Баян, ибо та мгновенно заметит отцовское безумие в кратком движении руки.

6

Людей начнут выводить по очереди. Сначала толпа, осмелевшая впервые за столько времени, попробует сопротивляться, не желая выдавать зачинщиков солдатам Диктатора. Но те, вооруженные и защищенные броней, окажутся сильнее ослабленных рабским трудом бедняков. Зачинщиков молча поставят на колени, грубо пихнув на землю под ноги царствующей семье. Люди будут сопротивляться, кричать, тянуться вперед к смельчакам в порыве свободы и нахлынувшей эйфории. Они остановятся лишь в то мгновенье, когда тяжелая ладонь правителя земель Барраки поднимется вверх, а после последуют выстрелы.

Смельчаков было семеро. Одного из них поставят перед ней самой. Молодой парень, в чьих глазах жила глупая надежда, был, казалось, не старше самой Баян. Он не закрыл глаза, не просил пощады, не рыдал и не сопротивлялся, с щенячьей надеждой взирая на принцессу, чье правление превозносил. Баян оцепенеет, когда капли крови несчастного ударят по ее щеке, словно удар тяжелым кожаным хлыстом. Большие глаза расширятся, и она почти упадет на землю, но в последнюю секунду удержится в седле.

Толпа потянется назад, будет сбивать с ног тех, кто окажется слабее. Звериное нутро возьмет верх над человечностью, и люди побегут, боясь разделить участь убиенных. Не тронутся с места лишь те, кто принадлежит к царствующей семье.

Солдаты окружат владыку Халифата с четырех сторон, переступая через мертвецов, кровь которых уже растеклась по земле. Мужчины и женщины, совсем еще молодые девушки и юноши – в армии Диктатора служили те, кто был готов продаться за веру в лучшую жизнь возле правящей семьи. Эта вера была ядовитой, но не смертельной, лишь заставляла забыть о том, откуда эти солдаты были родом. Сыто накормленные, спящие на мягких, пусть и казарменных, кроватях, они карали людей, с которыми выросли и делили тяготы.

Они окружили семью Диктатора живым щитом, готовые в любой момент взяться за оружие, если толпа решит кинуться вперед. Стрелять по своим… Было ли этим людям больно? Чувствовали ли они хоть что-то или давно потеряли такую способность? Немые угрюмые взоры, устремленные вперед, не выдавали ни толики эмоций. Живым мертвецам в этой жизни всегда сложнее всего.

– Уберите тела! – голос Баян словно ей не принадлежит.

Она обязательно подумает об этом позже – почему ударила взращенного ею мерина хлыстом, прорываясь к паланкинам отцовских женщин и младших сестер. Впереди – чудовищно стеклянный взор принцессы Асии, слезы матери Джаны и крик младшей Элии. Десять девочек, связанных с Баян аль-Баррака общей кровью, будут смотреть на мертвые тела со страхом, прижимаясь к матерям-невольницам хрупкими телами.

Платок с макушки наследницы Халифата упадет на плечи, а после вовсе окажется на земле, растоптанный и грязный, словно взятая насильно девичья честь. Когда-то женщина, сняв с головы платок, могла остановить войну, ибо мужчины отводили взоры в дань уважения.

Отец-повелитель будет смотреть на старшую дочь со стороны. Не промолвит ни слова, когда Баян начнет раздавать приказы его солдатам, когда велит развернуть паланкины женщин Халифа обратно во дворец.

– Убрать оружие! Вы меня не слышите?

– Сопровождать вашего Халифа во дворец!

– Охранять принцесс и их матерей!

Ее голос, обычно спокойный, но уверенный, словно достанет до всех уголков Халифата, заставив повиноваться воле молодой наследницы.

Его именовали Мухлиси. Считали честным, искренним и чистосердечным. О нем молились и его правления ждали, восхваляя в мечетях когда-то цветущей Османской империи. Он был сыном своего народа, тем, кого солдаты-янычары слушались еще пятнадцатилетним юношей. Сын черкесской невольницы Мустафа должен был стать у руля Империи. Запад должен был содрогнуться от силы будущего Падишаха, что понесет меч Аллаха на неверных, кровью и чистой верой вознося величие ислама. Его удушили шелковой веревкой при свете дня, боясь пролить святую кровь на земли Султаната.

История так и не узнает, о чем думал Султан Сулейман Хан, когда потребовал смерти старшего сына. Болела ли его душа, когда тело Мухлиси упало на пол, а душа отлетела к Аллаху, оставив бренную оболочку?

История не скажет, почувствовала ли черкесская невольница Махидевран смерть единственного сына, как почувствовала скорую смерть единственной дочери старшая женщина Диктатора – Азрийя. Урожденная Мари, так и не отказавшаяся от веры в Христа, несмотря на годы жизни под полумесяцем и луной, простилась со своей дочерью в ту секунду, как поймала взор мужа-насильника на своем ребенке.

Она так его и не простила. Несмотря на годы жизни вместе, нескончаемые ночи в одной кровати и общего ребенка. Диктатор взял ее с силой по воли прихоти, разорвал ее жизнь на кусочки, измучил нежное чрево глубокими толчками, отравил своим семенем всю ее сущность. Все это время Азрийя жила лишь для того, чтобы увидеть Баян на троне и дождаться смерти мужа. Она считала дни, месяцы и годы, чтобы признаться над умирающим супругом в том, что вытравила из своего чрева пятерых его детей. Она смеялась, когда пила абортирующие травы, несмотря на боль, раздирающую ее нутро. Кровь стекала с бледных женских бедер густой патокой вместе со сгустками плоти и ее способностью плодоносить. Ее цветок увял лишь пятью плодами после. Сыновей насильнику женщина не желала.

Любила ли Азрийя Баян? Любила. Ибо первенец-дочь даровала ей спасение от столь желаемого самоубийства. Невольница Мари стала госпожой Азрийей, матерью старшей наследницы и полноценной хозяйкой огромного гарема, а вместе с тем – тихой мстительницей. Пока весь дворец содрогался от плача по принцу Абдулле, она танцевала в своих покоях, звеня золотыми браслетами на стройных

ножках. Она с улыбкой пела марсельезу в гаремном хаммаме, когда весенней ночью жизнь покинула принца Хасана. Она смеялась вместе с немой прислужницей, единственной живой душой, которой доверяла, когда аль-джаназа запела по принцу Али.

Азрийя отравила всех троих.

7

Кожа Баян словно окрасилась кровью. Пропиталась нервными окончаниями членов ее семьи, за которых она несла ответ. В памяти раз за разом возникают сцены казни, кровь невинных и полные преданности глаза, обращенные к ней одной. «Я не могла им помочь». Кожа зудит, и она срывает с себя одежду, не обращая внимания на материнских прислужниц, бросившихся подбирать грязные ошметки ткани. «Не могла, Баян, не могла».

– Сжечь все! –кричит она. Баян жаждет лишь одного – смыть с себя этот запах, вытравить прочь из себя, как вытравливают смертельную заразу. Ее бы воля – она бы вывернула кожу наизнанку, ошпарила бы себя кипятком до шрамов. – Сжечь…

Наложницы великого Халифа, на свою беду оказавшиеся в хаммаме в это время суток, не успели закончить мытье, бежали в одних полотенцах прочь. Мыльные, едва пропотевшие и с грязными волосами, они не смели спорить, взирая со страхом на старшую наследницу престола. «Не могла, Баян, не могла».

Когда пар начинает заполнять легкие, усталое тело Баян тяжело опускается на мраморную скамью. Она молча ложится на живот, дав гаремной мойщице возможность взяться за работу. Ее начинает окутывать теплая пена с восточными нотками, Баян с удовлетворением вдыхает мятный запах. «Только не кровь, пожалуйста, больше не нужно крови».

– Можешь идти, я закончу сама, – шепчет Баян рыжеволосой банщице. Та коротко склоняет голову и удаляется прочь. Баян же медленно, словно из последних сил, привстает с места, чтобы окатить себя горячей водой из чана.

Запах крови. Стойкий привкус металла на губах. Она пытается смыть этот запах горячей водой. С усилием начинает тереть тело щеткой, пока нежная кожа не окрашивается в алый цвет. Ей почти не больно. Баян трет тело до остервенения, пока слезы потоком не хлынут по щекам.

– Дай мне, – отрезвляющий голос бьет под дых.

Та, что не привыкла показывать свою слабость, молча протянет щетку обладательнице отрезвляющего голоса, вновь усевшись на край мраморной доски. Голос успокоит, начав тихонько напевать, и Баян устало закроет очи, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

– Хотела бы я, чтобы у моих дочерей была твоя отвага, – тихий шепот перейдет в ласковые поглаживания по спине. Женщина поет протяжно, как поют берберы, взирая на небо в пути, тоскуя по родине.

– Я была уверена, что твоя бездарная мать оставит тебя одну, – продолжит тихо Мариям. – С нее толку, как с беременной ослицы. Ну-ка, девочка, помоги и мне теперь…

Совсем без стыда, женщина Диктатора снимает с себя полотенце, которым обмоталась на скорую руку, отбрасывая кусок белоснежной материи прочь. Баян привстает с своего места, дает удобно усесться матери принцесс Лейлы и Аиши, без спора берется за работу. Баян трет старательно, пытаясь ни о чем не думать, под тяжелые вздохи берберской невольницы отца.

– Знаешь, девочка, а ведь мне было всего пятнадцать, когда я легла с твоим отцом, – продолжит Мариям, чуть сузив зеленые кошачьи очи. – Умида тогда была на сносях и не могла с ним спать. А когда мальчик умер, все сочли, что это моих рук дело. Хочешь расскажу, как это было?

Главный дворец Барраки погрузился в такую черноту, что, казалось, будто его прокляло само солнце, обрекая его обитателей на вечное существование в темноте. Умида кричала, как дикая мать-волчица, из жалких последних сил, что еще остались в хрупком теле молодой женщины. Но и они ушли, стоило невольнице услышать, что Халиф призвал к себе Мариям, желая разделить с ней ложе. Не прошло сорока дней со дня смерти принца Хасана, и душа умерщвленного принца еще не улетела. Мариям не знала, как Умида нашла в себе силы встать, ибо считала ту слишком слабой. К слову, так думала не она одна, многие во дворце гадали, когда вслед за сыном на черном верблюде смерти поедет и Умида. Но она встала.

– Выходи, ведьма! Мариям! – кричала обезумевшая женщина в ту ночь. Охрана у дверей Халифа едва успела опустить головы, узрев Умиду в одном лишь ночном одеянии из белоснежной хлопковой ткани. Из уважения к фаворитке или не желая лишиться своих голов, они не стали останавливать женщину у дверей Халифа.

Она узрела мужа-любовника за богато накрытым столом вместе с тогда еще тонкой в талии Мариям. Тело девочки, слишком рано втянутой в омут похоти и разврата умелым мужчиной, раздобрело не сразу, лишь ко вторым родам. Мариям сидела у ног своего господина и была готова поклясться самому Аллаху, что на всю оставшуюся жизнь запомнит последующий миг.

– Возьми, Мариям, – тяжело прошепчет ей Умида, словно дрожа от холода, и протянула детское одеяльце темноволосой фаворитке. Сжимая творение рук своих, что еще недавно шилось с такой любовью, женщина со стоном упала на колени.

– Тебе нужней. А у меня больше детей не будет. Да, господин? Я больше не прижму дитя к своей груди. Никогда. Я больше не узнаю, что значит чувствовать жизнь у себя под сердцем. Ведь не смогу же? Скажи мне тогда, господин, как же мне теперь жить? Как начать спокойно спать, не видя нашего сына во сне? Почему она будет прижимать к себе своего сына, когда мой нашел приют на небесах? Почему мой сын умер, господин? Отправь же меня к нему. Уйми боль в моем сердце.

Принц Хасан мучил чрево будущей матери несколько часов, и когда все-таки смог пробиться к свету сквозь тугие родовые пути впервые рожавшей женщины, практически ее разорвал. Умиде тогда сказали, что она больше не родит. Мариям же, молодой и полнокровной, с широкими бедрами, обещали легкие роды и много сыновей.

– Как ты скажешь своему сыну, что ты убийца, Мариям? Как скажешь своему мальчику, что убила его брата? – этот вопрос, что засел в сердце берберки на годы вперед, заставил черноволосую невольницу замолчать. Мариям отмалчивалась, когда ее сделали колдуньей, когда назвали убийцей нескольких наложниц, успевших попасть на ложе к Халифу, когда уже сама Мариям была на сносях. Промолчала она и тогда, когда Умида родила еще двоих сыновей, а после проводила тех к Аллаху на черной колеснице.

– Я долго гадала, почему твой отец меня не казнил, – закончит свой рассказ берберка, с усмешкой всматриваясь в глаза старшей дочери Диктатора.

– Зачем вспоминать об этом сейчас? – спросит в тишине Баян. Жар в хаммаме к тому времени уже остыл.

– Потому что я этого не делала, – слова Мариям, пропитанные издевкой, заставят старшую дочь Халифа вновь умолкнуть. – Как не делали и Джана и Рукайя. Те слишком слабы, чтобы запачкать руки кровью. Поверь мне, я прожила с ними рядом достаточно долго.

Она на минуту замолкнет, а после пристанет со скамьи, бросив последнюю фразу так, словно пробует ее на вкус:

– Ради твоего восхождения на трон твоя бестолковая мать продала душу Азраилу, девочка. Поэтому, будь добра, не сделай это напрасным. Видит Аллах, ждать осталось совсем недолго. Ты будешь править.

8

Она едва успевает надеть широкую тунику, как в дверь ее комнаты стучат.

– Войдите, – тихо произносит Баян.

И широко улыбается, стоит младшей Элие кинуться ей в объятия. Наследница Халифата целует девочку в обе щеки.

– Госпожа Умида велела сопровождать принцессу к вам, – говорит прислужница рыжеволосой женщины Диктатора. Баян отвечает ей легким кивком. Тонкая, словно ветвь молодого дерева, невольница удаляется прочь, отставив сестер одних.

– Мама плачет, – без толики чувств молвит Элия, забираясь на сестринскую кровать. – Они все там плачут.

Элия ложится ровно, выпрямив ноги в единую линию, складывает ладони на плоском животе.

– Я их понимаю. Но плакать не могу. Не хочу ни о чем думать.

Баян тяжело вздыхает. Опустив темную макушку на соседнюю подушку, ложится, тоже вытянувшись в прямую линию, обратив взор умудренных жизнью очей на полог кровати. Где-то глубоко в пустыне, свободные от обязательств и кровного долга, так же лежат другие сестры. Смотрят на небо цвета арабской ночи, украшенное мириадами мелких звезд.

– Он не имел права убивать этих людей, – в детском голосе Элии сквозит уверенность. – Они не виноваты, что его не любят.

– Обезьянка, тшш, – ответит ей Баян. – Не стоит. Лучше давай смотреть на небо.

– На небо?

– Ты разве не видишь? Чистое, без единого пятнышка небо. С золотыми звездами и серебряной луной. Ты смотри внимательней.

Баян не боялась, что кто-то их услышит. Отцовский гнев – последнее, о чем она беспокоилась, стирая невидимый запах крови с тела. Старшая наследница Халифата знала, что когда-нибудь этот день наступит. Об этом говорила мать-невольница, расчесывая длинные локоны единственного ребенка, глядя на Баян со смесью умиротворения и надежды. «Эти люди захотят твоего правления».

Ее отца уже давно перестали называть по имени. Стерли всякое упоминание о том, кто был молодым и полным желания изменить Барраку к лучшему. Он встал у руля огромных земель двадцатисемилетним юношей, когда предыдущую царствующую династию готовы были поглотить соседи. Эту историю рассказывали ей не единожды, об этом распевали на днях независимости всю ее сознательную жизнь. Баян верила. Хотя где-то в подкорке жгло, когда она смотрела на отца, стараясь найти в нем остатки того человека, коим он был когда-то.

Диктаторами не рождаются.

Ими становятся под тяжестью развращенной власти. Когда власть и богатство попадают глубоко под кожу, смешиваются с кровью и отравляют живительный кислород в венах, перекрывают их, как тромбы. Диктаторами становятся, когда забывают, где был рожден и с кем делил последнюю краюху хлеба. Вместо человечности – золото, драгоценный металл, сдирающий человечность почти что слоями, до самых костей. После – лишь омертвление. Подобно вирусу, что разносится по воздуху, развращенная власть забирает самых близких. Власть сдирает человечность и с них. И в ту секунду, когда от прежней семьи ничего не остается, приходит ненависть друг к другу.

Осман аль-Мумин был выходцем из одной из благороднейших семей Барраки. Отец семейства, чей род восходил к самому Пророку, заработал состояние непосильным трудом, отрастив не только горб, но и ненависть к собственной семье. Злоба при взгляде на вечно улыбающуюся жену, увешанную золотом и дорогими тряпками, стала началом проклятья, что передастся от одного сына к другому. Они будут ненавидеть своих женщин, а те, в свою очередь, своих же сыновей и дочерей. Осман был младшим сыном. В сердце тогда еще доброго юноши жила вера в лучший мир, он знал, что когда-нибудь послужит на благо своей нации. Но на его беду, старший брат Аллаэдин растратил отцовское богатство, а вместе с тем – будущее Османа при правящей династии. Проделка ли то была самого Шайтана или на то была воля великого Аллаха, отец семейства не увидел этот день.

– Расскажи мне сказку, Баян, – голос Элии звучит тихо, почти неслышно.

– О чем, обезьянка? Сказки бывают разные.

Про то, что в мире, где золото и власть ценятся больше добродетелей, нет места талантливой молодежи? Или как талант умирает, хватаясь за цепкие лапы надежды, падает в пропасть истинных реалий?

– О любви. Хочу сказку о любви.

На этих словах Баян поворачивается набок, крепко сжимает сестренку в уверенных объятьях. Легкий смех пронизывает комнату, сестры почти забывают о страхе и мерзком запахе воображаемой крови.

– Хорошо, слушай. Когда-то давным-давно в Халифате на Ближнем Востоке жила прекрасная принцесса Малика. Она была младшей дочерью великого правителя, рожденной после шести крепких сыновей. Отец-повелитель любил свою дочь, как никто другой, исполняя все ее прихоти и самые мелкие пожелания. Поэтому никто и не удивился, что дитя большой любви выросла девочкой доброй, совсем ничего не знающей о настоящем мире. Часами Малика могла гулять по саду, вдыхая запах любимых цветов, вместе с громко смеющимися подружками.

– И тут она встретила принца? Так всегда бывает в сказках, – елейно промолвит сестре Элия, растянув губы в широкой улыбке. Баян покачает головой.

– Сотни принцев из разных уголков будут свататься к дочери правителя. Но Малика полюбит юношу из благородной, но бедной семьи. О чем непременно скажет повелителю-отцу. Долго будет противиться союзу двух влюбленных умудренный жизнью государь, но все-таки даст свое отцовское благословение.

– И жили они долго и счастливо… – прервет сестру Элия на середине истории. – Мама тоже рассказывала мне эту сказку. Глупая принцесса. Я бы на ее месте отправилась куда-нибудь в путешествие.

Того юношу звали Османом аль-Мумином. Высокий и статный, он вырос в красивого молодого мужчину, притягивая взоры многочисленных женщин, с которыми делил постель. Внешне красивый, он все-таки прогнил изнутри, стоило тяготам жизнь встать у него на пути и сделать этот путь тернистым. Хватило всего двух лет государственной службы на низших ступенях. От прежнего юноши, свято верившего в лучшее будущее для Барраки, не осталось и следа. И вот однажды Осман увидел Малику. Словно нимфа, вышедшая из молочной пены, она стояла под брызгами огромного фонтана, прячась от палящего солнца и многочисленных служанок, вечно сновавших вокруг. Он не полюбил ее, нет, но почему-то для себя решил, что девушка станет для него спасением от самого себя, а вместе с тем – надеждой на лучшую жизнь при династии. Краткие встречи – он платил девушкам из ее свиты из своего и без того небогатого жалования, они и помогли Малике его заметить. Он начал писать ей стихи, полные признаний в искренней любви. Дарил подарки, ради покупки которых погряз в долгах. Девушка, не знавшая доныне подобных чувств, потеряла голову. Их встречи, сначала чистые и невинные, превратились в полные страсти часы. Он ласкал ее груди под открытым небом огромного сада, играя с розовыми ареолами и своей жизнью. Заметь их хоть кто-то – его бы казнили сразу же, на месте, но Осман не боялся. Стоны Малики и ее извивающееся тело были лишь частью его плана. Осман не осмелился взять ее невинность, хотя не единожды ласкал розовый девичий бутон, чувствуя в своих руках власть всего Халифата.

Принцесса сама пошла к отцу, моля дать ей в мужья именно Османа. Припав к родительским коленям, обещала лишить себя жизни, если ее тела коснется кто-то другой. Малику не волновала его бедность. Не думала она и о том, что сама еще ребенок. Слезы и причитания молодой девушки сделали свое дело – великий Халиф дал разрешение на брак. Свадьбу играли ровно семь дней и столько же ночей.

– Нельзя избежать того, что написано в книге Аллаха, обезьянка, – ответит младшей сестре Баян. – На всё Его воля.

– А тетя Азрийя говорит – это неправильно. Каждый человек сам творит свою судьбу. Я вот не хочу, чтобы за меня решала какая-то книга.

Звездное небо в день рождения Малики аль-Баррака предвещало девочке счастливую судьбу. В день своего семнадцатилетия младшая дочь владыки огромных земель поняла, как же ошиблись звезды. Она только-только начала чувствовать в своем чреве, как дитя якобы большой любви пустило свои корни. Это был совсем обычный семейный ужин, когда отец и братья будущей матери собрались за одним столом. Увешанная драгоценными камнями, в широкой тунике на совсем еще худом теле, она руководила званым ужином. Ее маленькие племянники и племянницы, сидевшие подле матерей-невольниц, смеялись и громко хлопали в ладони, поглощая засахаренные фрукты и пироги. Малика едва успела попрощаться с ни-

ми, упав на мраморный пол от резкой боли, протянув руку к мужу, что совсем не тянулся к ней навстречу. Отравленной была вода.

Они начали харкать кровью вместе, раздираемые агонией пораженных внутренностей. Падая на пол с собственных мест, потянулись к единственному существу, чье чрево не извергало кровь. Осман аль-Мумин не дрогнул ни разу, взирая из-под полузакрытых ресниц на то, как смерть забирала его бывших родственников и правящего владыку Халифата. Не сказал ни слова, когда от боли сердца детей великой династии остановились вместе с его ребенком в материнском чреве. Он чувствовал всеми фибрами души, как ребенок в чреве Малики растаял в щелочи крысиного яда. То была его маленькая вынужденная жертва.

– Проклинаю! – словно раненая волчица, потерявшая смысл существования, прошепчет Малика в глаза своему убийце. – Весь твой род проклинаю! Захлебнешься же ты так же от собственной крови! Да иссохнет твой род с мальчиком в моем чреве!

Двадцать лет пройдет, прежде чем Осман аль-Мумин начнет зваться Диктатором. Еще ровно десять, прежде чем он потеряет всякую надежду взять на руки здорового мальчика-наследника. И за все время своего правления, взяв фамилию семьи умерщвленной супруги и все их наследие, он пожалеет лишь об одном – что не стер их дворец до самого основания.

9

Гарем Диктатора представлял собой трехэтажное здание в нежных персиковых оттенках и легкой позолоте. Нижний этаж – обитель многочисленных невольниц низшего ранга – был ничем не примечательным по содержанию и столь же глухим на мольбы и причитания. Он плохо отапливался зимой и был, скорее, рассадником болезней и прочей заразы, уносящей невольниц великого Халифа раньше, чем тем удавалось пробраться на его ложе. Туда не спускались по собственному желанию, лишь по великим праздникам, когда невольницам раздавали сладости и дешевые обрезы тканей.

На втором этаже, среди дорогих тканей, мебели из красного дерева и мягких подушек, жили фаворитки господина, так и не познавшие прелестей материнства. Еще совсем юные и глупые, они спорили друг с другом за секунды внимания Диктатора, чтобы добиться высшей цели – понести. И пусть их условия были намного лучше, чем у невольниц на низшем этаже, им также не разрешалось выходить за пределы большой позолоченной клетки своего Халифа.

Клетка главных женщин Диктатора была выполнена из золота высшей пробы. Инкрустированная драгоценными камнями и обитая редкими мехами, она делилась поровну между матерями наследниц с одним лишь негласным правилом – хозяйкой главного этажа была Азрийя. Ее решений никогда не оспаривали, строго соблюдая присущую гаремному укладу иерархию.

Азрийя отселила от себя дочь не сразу. Баян исполнилось пятнадцать лет, лишь после этого мать-невольница дала добро маленькой принцессе спать отдельно, в отдаленном крыле с застекленной лоджией. Девочка любила часами прислушиваться к каплям дождя, что отыгрывал тихий ритм на закаленном стекле.

Баян услышала сразу, когда стекло разбилось, украсив дождем из осколков меховой ковер.

– Что бы ни случилось, не смей вылезать из-под кровати, – принцесса Баян касается лица младшей сестры обеими руками. Две пары карих глаз всматриваются друг в друга, младшая Элия тянет Баян за собой, словно в хрупком убежище под кроватью есть место для них обеих. Баян отрывает руку сестры, едва успевает закрыть лицо Элии одеялом сверху, как двое мужчин в темных одеждах входят в ее покои слишком по-хозяйски и слишком свободно.

Баян, ни о чем не жалевшая в своей жизни, наконец, узнала, что это за чувство. Ей еще слишком многое нужно сказать сестре, многому научить, прежде чем та вырастет и станет настоящей женщиной. «Я так люблю тебя, моя обезьянка». Она отяжелевшей рукой стирает с лица соленые капли, что предательски полились из глаз. Снимает фамильное кольцо, подарок отца-повелителя на совершеннолетие,

молча бросает на толстый ковер. Лишь после этого принцесса Баян готова умирать.

Она поворачивается спиной к кровати, без толики эмоций посмотрев своих убийц. Завтра, когда ее хладное тело будет найдено мертвым, они разделят с ней могилу. Ей почему-то хочется верить, что отец скроет свой приказ о ее убийстве, назовет виновными сотни врагов Барраки и ему поверят. Пусть даже вход в гарем, где спали женщины Диктатора и его дочери, был хорошо охраняем и ни одной мухе не дано пролететь по нему без решения Халифа.

Чуть пересохшие губы расплываются в улыбке, когда мужчины подходят к ней со звериной опаской, словно ожидая сопротивления. Баян не шевелится, когда шелковая удавка ложится на шею, так же молча опускается на колени.

«Он побоялся пролить мою кровь». Шепот где-то глубоко внутри давит на стенки черепной коробки, грозясь разорвать свою хозяйку на части. Баян не чувствует боли, только скольжение удавки на шее, что сжимается сильнее, стоит наследнице престола начать оказывать сопротивление. Она не борется. Смотрит в теплые глаза спрятавшейся под кроватью Элии и улыбается, пока удавка делает свое дело, перекрывая кислород, затуманивая разум. Баян понимает, что не должна кричать. Не должна стараться высвободиться. «Не бойся, обезьянка, только не бойся».

Элия молчит. Смотрит на сестру большими, полными страха глазами, которые видно сквозь легкую ткань укрывшего край кровати одеяла. Она смотрит прямо, не опуская взора, несмотря на то, что крик так и жаждет вырваться из детских уст. Не закрывает она глаза и тогда, когда голова Баян медленно опускается на пол, поддерживаемая рукой убийцы в черном. Почувствовала ли она последний вздох сестры?

Чистая душа старшей дочери Халифата отлетела к Аллаху легко и почти без боли. Принцесса Баян не боялась смерти, поэтому приняла ее с честью и с гордостью, как должна была умереть дочь настоящего правителя мусульманских земель. Душа молодой женщины обернулась лишь единожды, прощаясь с теми, кого любила, и о ком будет заботиться с небес. Баян словно коснулась сестринской макушки, и в этот миг принцесса Элия была готова поклясться, что ее душу прожгло металлом, а на сердце возник болезненный шрам, имя которому Баян. Где-то на небосводе заиграли золотые искры, луна скрылась за серыми облаками, и в разных уголках Барраки проснулись пять девушек.

Каждая из них, благословленная предзнаменованием, написанным в книге Аллаха еще до начала времен, почувствовала смерть принцессы еще до того, как на центральной площади Барраки было объявлено о ее кончине.

Двое мужчин, облаченных в черное, не проживут и следующего часа. Стоит им сообщить об успешно сотворенном кровавом деле, их собственная кровь окрасит мраморные полы дворца Барраки, а тела будут выброшены в пустыню без погребения. Их души не направятся вслед за Баян, не смогут догнать ее на пути к небу, ибо невидимая сила потащит их прямиком вниз, туда, где адово пламя будет снимать каждую часть грешных душ слой за слоем.

– Баян, ты слышишь меня, Баян? – тихо шепчет Элия, с опаской выбравшись из-под кровати.

Она выждала несколько минут, прежде чем стук подошв убийц сестры окончательно стих. Пытаясь сдержать дрожь, девочка начнет трясти бездыханное тело убиенной принцессы в надежде на то, что Баян встанет и откроет очи. Девочка не плачет, не верит собственным глазам и надеется на чудо, несмотря на красные следы на шее сестры и ее стеклянный взор, устремленный куда-то вдаль.

Принцесса Баян умирала стойко, с улыбкой взирая на младшую сестру.

– Почему ты молчишь? Не бойся, они уже ушли! Давай же, Баян, открой глаза! Отец их всех накажет, вот увидишь! – с полной уверенностью шепчет девочка, теребя складки сестринского кафтана.

– Только не уходи, Баян! Пожалуйста, не оставляй меня одну!

Лишь после этих слов девочка начнет плакать, горько, без стеснения, опустив темную макушку на сестринское тело. Элия понимает, что должна позвать на помощь. Но вместо этого ложится на пол, обнимает тело Баян обеими руками, пока холодные слезы продолжают течь по детскому лицу. Она не пытается остановиться, плачет и плачет, будто соленые слезы способны избавить ее от щемящей в груди боли. Плачет, пока слез совсем не останется. Сон забирает принцессу в цепкие лапы тишины не сразу, солнце Барраки успеет встать из-за горизонта, принося новый день, который старшая дочь Халифата никогда не встретит.

Когда их найдут, спящих вместе на меховом ковре, то не сразу поднимут крик и начнут звать на помощь. Старая прислужница матери Баян даже улыбнется, взирая на лежащих в обнимку дочерей династии, чьи руки словно сплелись в одно целое.

С того дня принцесса Элия аль-Баррака замолчала.

10

2021 год

– Профессор, так вы не ответили. Наука и религия. Могут ли эти понятия быть совместимы?

Сорок будущих студентов-магистров философского отделения факультета философии и политологии с интересом наблюдают за процессом. Даже несмотря на то, что половина из них выбрала курс «религиоведение» скорее из-за желания легко сдать сессиюи, дискуссия в лекционном зале шла, как обычно, шумно.

Профессор Альма аль-Фатих благодаря природной доброте была тем профессором, на пары которой можно было опоздать и с которых совсем не хотелось уходить. Она всегда шла на уступки студентам и вполне могла поставить зачет даже тем, кто умудрялся побывать на ее парах не больше двух раз. В ее методике преподавания часто сомневались, но аттестация ее студентов говорила сама за себя. Победы в олимпиадах в области религиоведения, научные статьи в именитых сборниках и сценарии фильмов, написанные по книгам ее учеников, – лишь малая доля того, чем мог похвастаться Гарвард благодаря методике иранского профессора.

На интерактивной доске в центре лекционного зала были показаны символы всех известных в мире традиционных и новых религиозных объединений. Разнообразие изображений на слайде завораживало. Но студенты, впрочем, не обращали внимания на доску, оживленно споря и жестикулируя.

– Наука и религия затрагивают одну и ту же плоскость, мисс Грин, но подходят к этой плоскости с разных сторон. Вы со мной не согласны? – отвечает женщина вопросом на вопрос, чуть растянув в улыбке уголки губ.

Профессору аль-Фатих тридцать восемь лет. Миниатюрная исламская женщина, чьи волосы покрывает красивый синий платок, выросла в семье современных мусульман и покрылась лишь на тридцатом году жизни. Выбор молодой женщины удивил ее родителей, не требовавших от нее замужества и следования правилам восточной жизни. Ибо те стали скорее англичанами, чем иранцами, хотя всячески старались не отрываться от своих корней.

– И вы не считаете, что наука вполне сможет заменить религию? Мне кажется, что миру было бы намного легче, если бы религия, как таковая, перестала бы существовать. Рамки, запреты... Кому это вообще нужно? – голос студентки звучит с долей неуверенности.

– Людям нужен смысл существования, Рейчел… – отвечает ей голос с задней парты. А его обладатель вновь утыкается в телефон, не переставая, однако, прислушиваться к спору.

– Даешь дорогу атеизму!

После этих слов короткая улыбка озаряет лицо иранки. Среди студентов проходит новая волна шума, они разделяются на два лагеря, «за» и «против». Кто-то говорит о том, что религия в наше время носит все более негативный характер, становится причиной войн и трагедий, уносящих жизни тысячи людей. Те, кто с этим согласен, кивают головами. Те, кто желают поспорить, вспоминают о помощи священнослужителей бедствующим семьям, о мире и покое, к которому стремятся верующие люди.

– Я хочу задать вопрос не только мисс Грин, но и всем остальным. Подумайте хорошо, прежде чем ответить. Действительно ли миру будет лучше, если религия исчезнет? – женщина поворачивается на каблуках, сделав медленный шаг назад в сторону интерактивной доски.

Альму аль-Фатих можно было бы назвать красивой женщиной, открой она миру длинные волосы цвета вороного крыла. Нежная и изящная, она всегда одевалась по последнему писку исламской моды, избегая блеклых цветов и устрашающего черного. Она подкрашивала лишь глаза и брови, но исключительно потому, что губы, словно налитые жизненными соками и алой кровью, в краске никак не нуждались.

Взор иранки обращен к студентам, она с улыбкой вникает словам, но сама не спешит вмешаться в общий разговор. Ей, как никому другому, больше всего нравится слушать, оценивая краткие фразы и длинные высказывания своих студентов, слишком разных, чтобы смешаться в одно целое.

– Законы чести. Девушек убивают лишь за то, что те занимаются сексом до брака. Разве это правильно? Каждый имеет право получать удовольствие. Тем более этого требует природа. Сколько болезней от такого воздержания, навязанного традициями и религией? Как будто кусок плоти между ног равносилен человеческой жизни.

– Вспомните 11 сентября. Трагедия целой нации. Сирию, в конце концов, – голос мисс Грин звучит более уверенно, она осматривается по сторонам, ища поддержки у сокурсников.

– А как же духовная сторона веры? Способность объединять людей в минуты горечи, печали? Этическая сторона веры все равно важна, – ответит ей сидящая двумя рядами ниже Джесс.

– Ты хочешь сказать, что атеистам и агностикам не хватает этики? У тебя странное миропонимание. Быть атеистом – не значит убивать младенцев и травить щенков по воскресеньям.

В лекционном зале вспыхнули смешки. Хотя до конца занятия оставалось не больше четырех минут, никто не торопился собирать вещи.

– Я хотела сказать не это, – отозвалась девушка, обратившись к профессору аль-Фатих. – Рейчел неправильно меня поняла. Вспомните историю Барраки, которую мы читали на прошлой лекции. Вера. Этих людей спасла вера.

11

Земля зашлась в скорби, невиданной целые столетия, когда принцесса Баян аль-Баррака отошла к Аллаху, а вместе с ней умерла надежда ее народа. Раскаты грома и дождь, окропивший землю в час великой скорби, не помешали беднякам заполнять мечети Барраки последующие сорок дней. О Баян скорбели во всех уголках огромного Халифата. Верующие тянули руки к небу, словно пытаясь вырвать душу принцессы-наследницы у Всевышнего, а затем поместить обратно в гниющее тело. Люди ждали чуда долго, но вместо него пришел отупляющий сознание нечеловеческий голод. Ибо потоки воды, залившие и без того жалкие посевы, убили верхний слой почвы, еще способный плодоносить.

Голод, отсутствие сил и всякой надежды сделали свое – бедняки так и не взялись за оружие, чтобы отомстить за ту, в чье правление верили и о ком молились. Так прошел год, а после еще один. Стариков и детей начали хоронить вместе, позабыв об обрядах и традициях мировых религий, тогда еще мирно сосуществовавших в изнуренной от голода Барраке.

Больная вера пришла не сразу. Так назовет Европа новый ислам, ставший причиной череды крупных взрывов по всему миру. Боевики, снявшие черные одежды и сбрившие длинные бороды, заложили почву для тысяч сотен? женщин-смертниц.

– Они называют себя культом принцессы Баян.

Элия аль-Баррака вытянулась в полный рост. Сухое, лишенное всяких эмоций лицо. Глаза молча пожирают собственный образ в огромном венецианском зеркале. Разгоряченное тело, усыпанное синяками и засосами, кажется неестественно бледным на фоне длинных черных волос их обладательницы.

От слов мужчины Элия поежилась.

– Ты хорошо постарался, – голос, такой же пустой, как она сама, заставил мужчину улыбнуться.

Мужчина, разлегшийся в ее постели, не сводил с нее полного похоти взора. Элия же совсем не обращала на него внимания, стоило ему закончить свое дело, с тяжестью жирного борова откатившись в сторону. Он был полезен – всего лишь только. А она, так и не научившаяся любви, совсем не ждала прекрасного принца из сказок.

Его ласки напоминали ей мясорубку. Механический процесс, во время которого она молчала, прося главного Визиря отцовского совета лишь об одном – не залить своим семенем ее нутро. Он покорно слушался, вталкивая ее в матрас, пока младшая дочь Диктатора тихо лежала на спине.

«Жирный боров». Она не могла думать о нем иначе. Ей был противен его запах, его толчки и стоическая вера в то, что когда-нибудь она сделает его своим супругом. Но их взаимная выгода стоила того. Эльдар Паша правил в Барраке от имени

Диктатора, а она правила им своей главной драгоценностью между ног, таких же стройных, как у матери.

– Керим Паша слишком близко подбирается к отцу, – в ее голосе сквозит раздражение. – Давно пора с этим что-то сделать.

– Керим Паша помолвлен с главной наследницей престола, милая Элия.

Рука мужчины тянется к завиткам черных волос между ее ног, но наследница Халифата оттолкнет мужскую руку, подавив отвращение.

– Не сейчас.

– Что печалит мою милую принцессу?

– Твоя милая принцесса понимает, что, если Керим Паша продвинется по службе, править в Барраке станет он, а вместе с ним моя глупая сестрица Дария.

Она движется плавно, с повадкой дикой кошки, не боясь быть пойманной за совершенное прелюбодеяние. Разделить ложе с мужчиной до брака – страшный грех, за который ее бы побили плеткой, останься тетка Азрийя жива. Та держала гарем в порядке, чем не могли похвастаться близняшки Джана и Рукайя.

Когда легкий халат оказывается на теле младшей наследницы Халифата, Элия крепко обнимает себя руками и всматривается в одну точку. Начинает казаться, что девушка совсем не дышит, о чем свидетельствуют неподвижная грудная клетка и стеклянный взор ледяных очей.

Керим Паша был ответственен за казну владыки Халифата. Он собирал огромные подати, жестоко карал несогласных и медленными шагами продвигался к трону.

– Мне всегда казалось странным, что за холодный металл людям отрубали конечности, – промолвит с тяжестью в голосе младшая аль-Баррака. Кончиками пальцев она касается золотого фужера, прежде чем повернуться к мужчине и продолжить: – Сестра говорила, что золото упало с небес тысячи лет назад. Сколько боли пришло в этот мир от этого металла.

Медленной поступью Элия подходит к кровати и усаживается на ее край, положив ладонь на грудь мужчины.

– Керим Паша владеет всем золотом Халифата. Нужно избавить его от этой боли.

Ладонь Эльдара касается ее ладони. Мужчина взирает на нее с ухмылкой, свободной рукой потянувшись к полной груди молодой женщины. Изящный ремешок синего шелкового халата спускается к тонкой талии, обнажив белоснежную плоть темноволосой принцессы, и Эльдар Паша припадает к ней губами.

– Культ принцессы Баян должен ударить по столице, – она проводит ладонью по его макушке. Мужчина начинает тяжело дышать, и ладонь Элии спускается к уху охваченного похотью Паши. – Разве тебе это не под силу?

Пока он измывается над ее грудью, она закрывает очи. Пытается отвлечься, чтобы не думать о его дыхании, слюнявом рте и омерзительном желании пробудить в ней страсть.

– И когда Керима Паши не станет, ты попросишь руки моей сестрицы Дарии, – продолжает шептать она у самого уха мужчины. – Тебе достанутся сразу две дочери Халифа. Только подумай, каково будет взять нас вместе. На этой же кровати.

Эльдар Паша – комок презрения, грязной душонки и столь же огромной вседозволенности. Чувствовал ли он, что лишится головы в ту же секунду, когда перестанет быть полезен? Элия умеет улыбаться. Умеет быть тихой и покорной. Умеет делать вид, что рада грязным ласкам. Элия умеет ждать, когда наступит ее время.

Когда он закончит свою пытку и покинет ее обитель, она прикажет растопить хаммам и вытравит из себя его запах. Словно бесчувственная кукла, даст вымыть себя служанкам и окутать большим белоснежным полотенцем. Ее плоть будет саднить, синяки проявятся сильнее и нальются кровью. Молчаливые, как и их хозяйка, прислужницы младшей дочери великого Халифа обмажут синяки целебной мазью, от чего Элия лишь слегка прищурится, но не более.

Дочь рыжеволосой Умиды не проронила ни слова за пять лет со дня кончины принцессы Баян аль-Баррака. Наследница, лишенная права на трон благодаря пришедшей откуда ни возьмись болезни, стала совсем пустой в глазах безумного отца и сплошным разочарованием для нелюбимой матери. Лишь два человека, один из которых уже перестал дышать, знали ее тайну.

12

«Скажи мне, мама, почему тебя нет рядом? Я не слышу твой голос, мама, почему ты замолчала? Знаешь, тут хорошо, вкусно пахнет, и сестрички рядом. Но тебя очень сильно не хватает. Ты поторопись, мы все очень сильно тебя ждем. Очень-очень. Мама, а ты приведешь к нам папу? Я слышу его шепот. Он заблудился, мама. Не может найти к нам дорогу».

Когда огонь достигает плоти, становится уже не страшно. Страшно – видеть, как он гонится за тобой, цепляется жадными лапами, пока ты пытаешься спастись. Больнее – смотреть на то, как он забирает любимых тебе людей поочередно. Не слышно криков, разрывающих грудную клетку от чудовищной боли. Не больно, когда кожа на пальцах рук чернеет, продвигаясь ближе к кисти, тянется к локтю. Сердце умирает, когда цепкие руки пламени забирают все чистое и невинное, светлое и живое. Душа погибает, когда умирают твои дети.

Такая же пустая, как десятки других на окраине столицы, хижина вспыхнула алым пламенем поздно ночью. Хватило всего лишь вспышки, чтобы жилище несчастных поглотило пламя, забрав в цепкие лапы крепко спящих обитателей. Они, такие же голодные и холодные, как сотни уснувших в Барраке этой ночью, не хотели отказываться от жизни. Молитва, тягучая на вкус, скользила из уст небольшого семейства перед сном, славя Всевышнего Аллаха и его милость. Милость – лепешка хлеба, разделенная на семерых.

Они не жаловались и не просили лучшей доли, они мечтали и свято верили, что за благие дела получат вознаграждение. Святая вера в Священный Коран – единственное богатство, имеющееся в хижине, наполняла их сердца холодными зимами Барраки, спасала лютыми летними ночами, когда жар почти плавил верхний слой кожи.

Пять маленьких девочек, крепко прижавшихся друг к другу, спали вместе на полу. Тепло сестринских тел, вроде бы, должно было быть защищено самим Всевышним. О, Аллах, забравший чистейших! Куда смотрели твои глаза, когда жизнь покидала крошечные детские сердца? За какие муки были наказаны чистейшие, наказаны самой страшной смертью из тех, что только бывает?

«Запах ребенка – запах рая».

«Целуйте своих детей, за каждый поцелуй будет подниматься ваша степень в Раю».

Самой младшей из девочек было не больше года. Она сумела проснуться, прежде чем секунды до страшной смерти приблизились к нулю, а ее сердце замерло от страшной боли. В темноте она смотрела на окружающий мир широко раскрытыми глазами, разведя миниатюрные ручки в сторону. Ладонь одной из старших девочек

тихо покоилась на ее тельце, словно прислушиваясь к стуку чистого и невинного сердца.

Небо в ту ночь было особенно чистым. Звезды на небосводе сияли, готовя дорогу для чистых и невинных в мир, где более не будет боли. Не это ли милосердие? Возможность уснуть и не проснуться, когда те, кто привел тебя в этот мир, не смогут проложить дорогу к лучшей жизни. Что ждало этих девочек в будущем? Тяжелый труд за жалкие крохи, столь же тяжелое замужество, чтобы привести в этот мир таких же несчастных детей?

Тот, кто милостив на небесах и на земле, должен был прописать им судьбу иную, даровать возможность права выбора. Они должны были любить и мечтать, радуясь новому дню. Словно бабочки, сбросив кокон бедности и ничтожной жизни, должны были стать прекрасными женщинами.

Для того, чтобы разжечь пламя, хватило всего лишь спички. Хватило жизни пятерых детей, чья кровь смешалась с когда-то плодородной землей Барраки. Хватило запаха жженой плоти, расплавленных детских костей и общей братской могилы. Огонь пойдет вперед, пожирая все на своем пути, сжигая надежду, веру и любовь. Огонь затронет не одну семью, заберет жалкие излишки, что были спрятаны от податей, будет без жалости калечить рабскую плоть.

Ветхие пустые хижины, не спасающие от холода зимой, стали символом коррупции высших чинов Барраки. Куда им, привыкшим брать от жизни только лучшее, знать, сколько здоровья было оставлено в этих хижинах? Куда тем, чьи огромные жилища построены из крепкого камня, знать, что такое милосердие? О, Всевышний!

Огонь будет бушевать люто, смешиваясь с человеческим криком. Никому не будет спасения, люди будут падать замертво, неся шлейф из огня, словно Божью благодать. Самые глупые попытаются спасти свои жалкие пожитки. Те, кто оценит свои жизни дороже жалких крох, отделаются легкой карой – метками огня на коже. Эти метки, распространяясь пузырями, наполнятся едкой жижей, прикасаясь к которой человек взвоет. Этот вой будет давить на нервы, будет отдаваться зудом, будет сводить с ума, но не заберет жизнь.

Когда сердце перестает биться, становится совсем пусто. Вокруг – лишь темнота. Душа человека отлетает быстро, стремясь на Высший суд, от которого не спрятаться. Сколько жизней беспощадно убиенных можно было спасти раскатом грома, целительной влагой прямиком с неба? У этих людей не было воды, чтобы потушить пламя. Они привыкли экономить драгоценные капли.

Отец пяти дочерей не боялся смерти, он бесстрашно вошел в огонь в надежде, что сможет их вытащить. Всевышним ли было решено, чтобы он остался между небом и землей, опаленный пламенем? Мужчина все еще дышал, тихо, прерывисто, часто замирая, но все-таки дышал. А женщина, мать и жена, рыдала над его телом так же тихо, неся на хрупких плечах свое огромное горе.

Рассвет в столице будет окрашен алыми красками на небосводе. Всевышний, словно услышав крики своих рабов, решил даровать им милость – тяжелый ли-

вень. Этот ливень будет идти почти час, затопит боль и крики. Те, чья кара окажется несильной, упадут на землю при первых каплях, обратив к небесам измазанные чернотой лица в слепой молитве. В благодарности Аллаху, словно это не он принес смерть своим рабам, они зальются беззвучными слезами. Эти слезы смешаются с каплями дождя, стекая по безмолвным лицам, обнажат боль потерь и человеческого бессилия. Останутся лишь разрушенные судьбы, сожженные хижины и боль.

Чувства боли хватило, чтобы пламя объяло всю столицу. Эти люди не будут оплакивать усопших долго, ибо до заката нового дня не дождутся помощи от своего Владыки. Никто словно не заметит их потерь и чудовищной несправедливости, унесшей жизни стольких людей по велению спички. Они не будут бояться смерти, когда возьмутся за оружие, когда сами зажгут огонь, чтобы забрать жизни спрятавшихся за каменными стенами. Ненависть, вязкая, тягучая на вкус, заполнит их естество сполна. Переворачивая все на своем пути, разбивая хрупкие стекла витрин, уличные повозки, калеча тех, кому в этой жизни повезло чуточку больше, эти люди не будут чувствовать жалости.

Вместе с ними пойдут матери, чьи сердца еще слишком живы. С ними пойдут юные девушки, еще не прижавшие к груди свое дитя, но слишком сильно того желающие. Пойдут жены, чьи дети прижимались к цветастым юбкам, не желая пускать матерей на сделку с совестью. Пойдут мужья, слишком уставшие от несправедливости. Пойдут отцы, чьи сыновья и дочери крепко спали в постелях этой ночью. Пойдут все, в чьих душах еще жили остатки совести. Пойдут все, кто устал от власти Халифата.

13

Айниса

Айнисе говорили, что, когда трава станет совсем сухой и начнет крошиться в руках, придет спаситель. Спаситель, способный принести мир и благоденствие в край, проклятый самим Аллахом. Ей, пятилетней сироте, отчетливо хотелось верить, что так оно и будет. Когда тебе всего лишь пять – ты мечтаешь совсем о малом. О том, что не будет больше холода, голода и страданий, вернутся любимые мама и папа.

Айниса была такая же, как сотни детей-сирот Халифата до нее и сотни тех, кто будет после. И пусть Священный Коран учил, что чужих детей не бывает, сиротские дома в Барраке никогда не пустовали. Голые стены в блеклых оттенках принимали в свои объятья слишком много жизней. Спасали от пьянящего солнца и лютого холода ночной пустыни. Кормили впроголодь, но все-таки кормили, чтобы протянуть мучения синюшных с рождения детей, рожденных сломленными лютым трудом матерями.

Мало находилось тех, кто покидал приютские стены, чтобы обрести новую семью. Единицы. Империя, чьи когда-то плодородные земли жрала ненасытность одной династии, не могла позволить себе заботиться об этих детях.

Словно сорняки, они росли каждый сам по себе, стараясь выжить в борьбе за право жалкого существования. Но хуже всего было то, что мальчики и девочки в тонких выцветших одежках начинали взрослеть слишком рано. Рано ожесточались, стараясь урвать лишний кусок хлеба у тех, кто был слабее. Находились и те, кто убегал, предпочитая холод ночной пустыни и жар палящего солнца сиротским стенам. Тех детей никогда не искали.

Айниса не помнила, кем были ее родители. Их далекий образ слишком быстро стерся из детских воспоминаний маленькой черноволосой девочки с глазами цвета морской волны. Не знала она и того, сколько зим прожила на этой земле, прежде чем попала в приют и осталась там до своего совершеннолетия.

«Глаза пустыни». Так звала ее старшая воспитательница Мерием, строгая, но добрая в душе женщина, которой Всевышний не дал собственных детей. Волосы Мерием Ханым всегда были собраны в высокий пучок, она никогда не носила платка, хотя считала себя верующей мусульманкой. Женщина редко молилась и сквернословила так, что щеки других воспитательниц становились алыми, вызывая смех у сиротских мальчишек постарше. Мерием Ханым было всего лишь двадцать девять, когда она в первый раз взяла на руки изможденную жаждой Айнису.

– Ах, глаза пустыни, – хрипло причитала женщина, когда девочка рвала и без того слишком заплатанное платьице. Теплые руки суровой женщины гладили детскую головку, коротко стриженую, как у остальных детей из сиротского приюта.

В свои двадцать девять Мерием Ханым считалась почти что старухой по меркам своего рода. Ее локоны, такие же черные, как у Айнисы, и такие же пронзительные голубые глаза выдавали в ней женщину пустыни. Она ушла из семьи мужа после года брака, совсем непримечательного и без любви, как у десятков женщин их общины. Ушла потому, что не хотела купаться в море жалости и сострадания таких же несчастных в замужестве родственниц, ибо муж Ахмед решил взять вторую жену.

Еще маленькой девочкой Мерием знала, что Аллах разрешил мужчинам иметь до четырех жен. Ибо Таʿаддуд аз-завджат священного Корана учил, что мужчина может иметь несколько жен, если будет способен обеспечить всем равное содержание и справедливое отношение. Женщины «Глаз пустыни», свято чтившие Коран, никогда этого не оспаривали. Не могли. Религия была слишком важной частью их суровой жизни без проблеска надежды. Женщины не жаловались, даже когда возвращались в отчий дом с позором или хоронили очередное опухшее от голода дитя в песке, ибо не всякий мужчина племени мог прокормить обеих жен.

«Глазами пустыни» называли одно из малочисленных племен Барраки, которое, как гласит легенда, происходило от жены самого Пророка Мухаммеда. Они ушли в пустыню слишком давно, чтобы кто-то из ныне живущих помнил, когда это было на самом деле. Говорили, что женщины «Глаз Пустыни» имели кристально-чистые глаза, в которых отражалось само море. Дикие и свирепые, «Глаза Пустыни» научились выживать там, где смерть, казалось бы, не давала и шанса, научились находить воду среди палящих песков. Племя верило – ими движет невидимой рукой сама Хадиджа бинт Хуайлид.

Умудренная жизнью Мерием, чьи глаза давно потускнели из-за моря пролитых ею слез, так и не сказала Айнисе, откуда та пришла. Женщина не думала, что пятилетнее дитя захочет искать свои корни, если сможет выжить в сиротских стенах среди голода и болезней, уносивших десятки ни в чем неповинных детей в обитель Аллаха из года в год.

Но Айниса выжила. Смогла пережить не только холодные зимы Барраки и беспощадный голод, но и гноящиеся шрамы на внутренней поверхности бедер, когда ее взяли за несколько монет в одной из приютских комнатушек.

Задумывались ли те, кому было даровано право лучшей жизни, что творится с такими сиротами по всему миру? Куда деваются никому не нужные, всеми забытые дети? Словно мусор, существа из плоти и крови выбрасываются на улицу. О судьбе этих детей молчат, отводят взоры в стороны, когда они начинают просить о помощи и скулят.

Айниса не была первой, чью честь продали в стенах опустошенного голодом приюта. Толстые серые книги, в которые вписываются сотни сирот из года в год, хранят в себе тайны поруганных судеб множества детей. Те, кого некому защи-

тить и о ком некому позаботиться, продавались за красоту и цветущую молодость тем, чья молодость давно иссохла под палящими лучами солнца в отравляющей праздности. Девочки и мальчики, достигшие совершеннолетия, чья плоть еще не созрела для взрослых ласк, просто вычеркивались из этих серых книг. Знал ли Всевышний, давно позабывший о криках своих детей, откуда берутся потерянные на площадях Барраки? Те самые ярко раскрашенные женщины, чьи полураздетые тела видны сквозь дешевые ткани всевозможных оттенков радуги? Откуда берутся женоподобные мальчики с подведенными глазами?

Бача-бази. Так именуется эта забава. Прямое издевательство над заветами Священного Корана, оправдываемое похотью якобы верующих мужчин. Совсем еще юные мальчики наряжаются в женские одежды, красят красивые лица кислотными оттенками дешевой краски, накладывают фальшивые груди и танцуют на потеху мужчинам. Им аплодируют с широкими улыбками, а после насилуют под покровом ночи. Ведь если мужчина не любит мальчика, половой акт не предосудителен, а также гораздо более этичен, чем развращение женщины.

Айниса убежала на улицу в семнадцать лет. Не думала ни секунды, когда начала воровать, отбирая хлеб у тех, кто тоже голодал. Ее щеки обветрились вместе с алыми губами, но мышцы стали стальными. И все это время, пока она крала, дорогу ей освещал единственный луч света – такая же никому не нужная девочка Иман.

Иман обмыла ее бедра, запачканные кровью и тягучим семенем, когда смысла жизни, казалось бы, у Айнисы уже не осталось. Они убежали вместе, навечно стертые из серых книг.

В то время как предание гласило, что обещанный спаситель придет из рода Хадиджы бинт Хууайлид.

14

Иман

Она всегда знала, что ее жизнь никогда не будет легкой. Пусть привычный образ горской семьи почти стерся в чертогах ее памяти, Иман еще помнит рассказы старшей Нана о том, как та варила суп на всю семью в железном котле, под строгим надзором четырех старших отцовских сестер.

Иман была дочерью горского народа, чернookой и черноволосой, какими были ее отец и его отец. Тонкая, словно лебедь, она была рождена там, где свобода, как кровь, текла в жилах, где честь и достоинство были высшей добродетелью, а вера в Аллаха стоила больше всех земных богатств.

Ей, казалось бы, суждено было прожить совсем другую жизнь, ибо родиной Иман не была Баррака. Это случилось ранней весной, когда жизнь в горах только начинала оживать. Воздух в горах, пронзительно чистый, жег внутренности изнутри своей свежестью, льдины таяли в кристально чистых источниках, а отец Иман, сам того не желая, стал кровником.

Кровная месть в горах была обыденной. Так погибали целые семьи, сжигались селения и кровью окрашивались воды рек. Рамазан, отец Иман, застрелил на охоте сына-наследника другого рода. Случайно убил, Аллах тому свидетель. Но за проступок свой должен был ответь, ибо таковы законы.

Он не хотел бежать, знал, что честь свою будет защищать до последней капли крови. С обеих сторон тогда умерло уже семеро. Бежать сына попросила старшая Нана.

– Слишком много крови пролито. Ты беги, сынок. Уходи. Хватит с нас вражды, – в голосе старой женщины не было грусти. Она уже год как ослепла на один глаз и почти ничего не видела вторым. Сам Аллах смилостивился над ней, не дал женщине увидеть, как опускают под землю четверых ее детей.

– Набегался я уже. Всю жизнь от Аллаха бегал. Хватит, мать. Грех на мне, я и буду отвечать, – ответил тогда Рамазан, сжимая кулаки. – Того, что написано на роду, никому не избежать.

– О сестрах ты своих думал, об их семьях и детях? О младших братьях? Отца живьем схоронить хочешь раньше времени? Али только шесть, хочешь и его в могилу положить? – женщина оттолкнула руки сына, чего доныне никогда не делала. Словно из сердца сына-первенца вырывала. Во имя рода.

На женской половине дома стояла тишина. Лишь стук сердца кровника-сына отсчитывал еле различимый ритм. Старая женщина даже не обернулась к нему. Тяжело привстала с ковра, что делила с сыном, сидя на мягких подушках. Поплелась

в другой конец дома, словно так и было нужно, словно совсем не болело сердце материнское.

Бежать было решено следующей ночью. Иман слёз матери в ту ночь так и не забыла. Отец тогда держался, как положено себя вел, как подобает мужчине. У них, среди горцев, женщине редко, но все-таки было можно плакать. Поэтому Амани и плакала, целуя руки названной матери, что впервые надела снохе-иноверке платок девять лет назад, а после приняла в семью.

Было ли грустно самой Иман тогда? Она, если быть честной, уже не помнит. Только где-то на уровне грудной клетки маленькой девочки застыл страх. Не только от вида разрушенных домов, затронутых войной, когда они были у самой границы, но и от тяжелого осознания неизвестности. Ибо там, в горах, они были своими. В горах была своя мечеть, куда мать брала Иман по святым праздникам, ибо в обычные дни женщинам нужно было молиться дома. Там была черемша с творогом. Там была старая Нана, тети и дяди, каждый из них по-своему любил маленькую Иман. Там была жизнь, написанная для нее в книге Аллаха золотыми буквами.

Рамазан, переходя границы, потянул кровную месть за собой, к землям суровой Барраки, в которой не было ни одной возвышенности. Ни одного намека на прохладу гор, запах свежей черемши или спелых фруктов, без которых Иман себя не представляла. Она сразу же почувствовала, как начала задыхаться под палящим пустынным солнцем, прося у матери больше целительной влаги, когда караван уносил их все дальше от родины и ее обычаев.

Иман верила в предопределение. В ней жила глубокая убежденность в том, что все происходящее во Вселенной, будь то хорошее или плохое, совершаемое человеком или животным, происходящее в природе или в обществе, – все происходит только по воле Аллаха, согласно предначертанной Им судьбе, о которой Он ведал еще до сотворения Вселенной. Этому учат каждого мусульманина, стоит ему сделать первый вдох. Этому внемлют с каждым земным шагом. Об этом не спорят, ибо знают, что все в этом мире есть Его воля.

Когда кровная месть все-таки их догнала, Иман не плакала лишь благодаря этой вере. Молча, словно так и было нужно, не проронила ни слова, когда меч проткнул сначала отца, а после иноверку-мать, обратившуюся к Христу в последний миг. Женщина просила, чтобы дочь, прятавшуюся в сундуке, не нашли, дали ей возможность прожить нормальную жизнь. Или хотя бы не надругались, дали уйти, не потеряв честь горской женщины.

С той минуты Иман замолчала и не проронила ни одного слова целых десять лет, ровно до той минуты, когда честь потеряла ее Айниса.

Жизнь на улице немногим отличалась от жизни в сиротском приюте. Тот же жар испепеляющими днями и леденящий зной ночью. Они прижимались друг к другу под открытым небом, прячась в полуразрушенных домах, в которых не селились даже крысы. Иман хватало лишь ее Айнисы, а Айнисе лишь ее Иман.

– Дым! Посмотри!

В ту ночь они не спали. Иман грела тонкие руки у костра, пытаясь прогнать по-

разившую ее легкие болезнь, отхаркиваясь, еле сводя челюсти вместе. Холод проникал до самых костей дочери горского народа, до сжавшихся внутренностей и содержимого черепной коробки. Иман потухала слишком быстро. Слишком быстро теряла вес, словно тот уходил вместе с постом. И как бы Айниса ни старалась ее согреть, легче той не становилось.

– Или я брежу?

– Не вставай, – привычно резко ответила Айниса. – Я посмотрю.

Две пары глаз с опаской смотрят на огненные потоки. Одна – со страхом, а вторая – с отчетливым пониманием, что где-то там остались дома с заполненными доверху сундуками. Эти сундуки могли бы дать им месяцы спокойной жизни, когда не нужно будет цепляться за выживание дрожащими руками.

Айниса не сомневается ни секунды.

– До нас не дойдет. Закрой глаза, – она укрывает дрожащую Иман своим одеялом, ложится рядом и делает вид, что засыпает. – Спи, моя Иман.

Она будет качать ее в своих объятьях, словно любящая мать. Иман уснет не сразу, раздираемая кашлем и ломотой костей.

– Инна Аллаху ма'ассабириин… – тихо, почти бесшумно, прошепчет она самой себе, ибо прекрасно знает, как Айниса ненавидит эту фразу. «Воистину, Аллах с терпеливыми».

15

Дина

В огромном особняке Фаруха аль-Муслима всегда было слишком шумно. Музыка не прекращала играть в нем целыми сутками, ибо мужчина был известен тем, что принимал в своем доме самых влиятельных людей Барраки, в числе которых был даже сам Диктатор.

Фарух всегда улыбался, всегда держался уверенно и притягивал к себе людей, словно магнетизируя их волшебной силой. Заставлял прислушиваться к собственным словам бывалых воинов, умелых политиков и даже своих многочисленных врагов, презираемых им за благородное происхождение.

Фарух был выходцем из самых низов, о чем перешептывались за его спиной даже многочисленные слуги, будто грязная кровь сына бывшего раба могла запятнать его лицо. Ему было тридцать пять, карие глаза мужчины смотрели на окружающих с прищуром, словно стараясь запомнить каждую деталь. Фарух никогда и никого не прощал, это чувство атрофировалось в нем, как ненужный орган. Беспощадно сек провинившихся рабов на дыбе, будь то взрослый мужчина или ребенок.

Больше, чем свое положение в обществе, Фарух аль-Муслим любил лишь муки своей жены Дины, на которой женился ради ее высокого происхождения. Ее крики, сначала тихие в первое время после замужества, становились все громче с каждым годом брака. Ей не могли помочь. Не могли спасти. Лишь только слуги жалели Дину по-своему, тихо, стараясь не смотреть в глаза несчастной хозяйке с голубой кровью. Молодая женщина понимала, что не была красивой. Не была образованной, ибо не получила даже базовых навыков чтения. Не стала она и хорошей матерью, не почувствовав даже толики нежных чувств, взяв на руки свое первое дитя. Сын от мужа-насильника не вызывал у нее ничего, кроме отвращения, хотя она всячески старалась полюбить вышедшее из измученного чрева крохотное тельце.

Она была дочерью Шейха аль-ислама Абдул-Карима аль-Аскаляни. Высшего должностного лица по вопросам ислама в Барраке, чья ненависть к иноверцам была почти неконтролируемой. Он без страха призывал к гонениям на христиан и иудеев, направлял на центральные площади городов Халифата женщин в черном, чтобы те стегали плетью бесстыдно одетых не по законам шариата туристок. В то время, как сам предавался самым разнузданным порокам, что уже давно украсили тело мужчины глубокими язвами.

Думал ли он о том, как смерть придет за ним? Хотел ли умереть в собственной постели, окруженный женами и детьми?

Шейх аль-ислам Абдул-Карим не слышал криков своего народа. Не повел и бровью на их отчаянный зов о помощи и слезы боли. Поэтому и они не услышали его мольбы, когда взялись за оружие и пошли громить столицу, а вместе с ней – огромный особняк Фаруха аль-Муслима. В ту ночь, когда гибли люди, из него как всегда раздавались раскаты музыки. Танцовщицы живота, сидя на коленях у высокопоставленных лиц Барраки, смеялись и щебетали, пока люди лили кровавые слезы и теряли близких.

Прислужники огромного особняка, казалось бы, должны были защищать своих господ, но вместе этого открыли высокие ворота и впустили внутрь готовых убивать. Те ворвались внутрь, поджигая все на своем пути, выворачивая статуи и прочие садовые украшения. Теперь уже они смеялись, пока Шейх аль-ислам и его зять говорили о своем. Среди тех, кто отберет их жизни, не будет ни одного христианина или иудея.

Отупленные выпивкой и веселящей травой, гости Фаруха не сразу поняли, как близко к ним подобрался Азраил. Они встретили своих убийц с глупыми до омерзения лицами, лежа на разноцветных подушках, ибо маковый наркотик прекрасно делал свое дело.

Дина успела спрятаться. Слуги пожалели хозяйку с голубой кровью и на этот раз. Впервые за семь месяцев с рождения второго сына, она взяла мальчика на руки, как подобает настоящей матери. Старший из ее мальчиков прижимался к длинной материнской юбке, хватаясь за нее пухлыми ручками, в то время как сама Дина думала о своей шкуре. Она не боялась за их жизни, ибо взяла сына на руки лишь за тем, чтобы ее пожалели и не тронули. Стал бы младенец в руках ее спасением, она так и не узнала. Хозяйка с голубой кровью, пятеро слуг и их дети оказались добычей никому не нужной.

Гости Фаруха аль-Муслима всегда считали, что их кровь была кристальной чистоты голубой. Они кичились ею, когда покупали слуг и ломали чужие судьбы, когда били плетками и сдирали кожу. Когда их кровь пролилась, она оказалась такой же красной, как кровь замученных ими рабов, запекшая на кожаных плетках. Такая же соленая на вкус, она вызывала отвращение, вытекая из колотых ран ее обладателей. Те, кому нечего терять, били с отчаянием и остервенением, разрывая на части своих бывших хозяев. Красная кровь медленно впитывалась в подушки, бархатные обои и роскошные ковры, став свидетельницей торжества отчаявшихся людей.

Диктатор не услышал крики бедняков, потерявших последнее в пожарах, но сразу же услышал вой собственных приближенных и узнал о постигшей их скорой мести. Но солдаты Диктатора тянули до последнего, несмотря на приказ своего господина, ибо их настоящим хозяином был Эльдар Паша. Он выжидал, как подобает верному псу своей хозяйки, пока люди громили столицу и размякшую в пороках знать, прячась во дворе Диктатора под теплой юбкой принцессы Элии.

Фарух аль-Муслим разделил участь отца измученной им супруги на кресте. Как мужчина ни сопротивлялся и ни кричал, как ни обещал горы золота за свою

жизнь, его судьба была предрешена. Его собственный раб вонзил гвоздь в его сопротивляющуюся плоть под крики боли и безумия своего мучителя. Здоровый и пышущий недюжинной силой, он умер не сразу, в отличие от Шейха аль-ислама Абдул-Карима, у которого при виде самодельных крестов остановилось сердце. Его распяли уже мертвым.

Отец-фанатик и мучитель-муж провисели еще несколько часов, прежде чем солдаты Диктатора осмелились спустить наземь их тела. Особняк Фаруха аль-Муслима к тому времени уже успели разграбить, но вряд ли это много значило для самой Дины. Впервые за всю сознательную жизнь та, что привыкла слушаться и подчиняться, получила свободу и богатство, спрятанное на банковских счетах отца и нелюбимого супруга. Она плакала от счастья и впервые за долгое время благодарила Бога, вновь скинув сыновей на многочисленных нянек и кормилиц.

Керим Паша принял приглашение Фаруха аль-Муслима за сутки до пожара. Сам ангел-хранитель спас мужчину от бойни и мучительной смерти на кресте. Его златовласый ангел был ненасытен и требовал ласки, и обессиленный мужчина просто проспал. Так, в объятиях женщины, чье сердце ожесточилось и лишь изображало подобие любви, он пережил не только бойню и обыграл своих соперников, но и еще ровно на шаг приблизился к заветному трону.

16

Эстер

Золотистые волосы Эстер всегда переливались золотыми искрами. Еврейка любила расчесывать их резным деревянным гребнем, пока прислужницы «Джанната» щедро умасливали ее миниатюрное тело ароматными маслами. Словно закованная в броню из миндаля и жженого сахара, несломленной гордости и уверенности в себе, она называла себя златовласым ангелом любви.

Высокие и совсем миниатюрные, светловолосые и с волосами цвета арабской ночи, тихие и с буйным нравом, больше пяти десятка женщин делили с Эстер один дом, огромное имение на окраинах столицы великой Барраки, в котором принимали самых влиятельных людей Халифата, уставших от благодетельных жен и святого канона.

Не скрывая своих лиц при свете дня, сторонники самых изысканных удовольствий в любое время дня и ночи прибывали в «Джаннат» нескончаемым потоком. Грубых и женоподобных, разных национальностей и религий, их объединяло одно – все они свято верили режиму, предаваясь разврату после очередной пятничной молитвы.

Женщины здесь менялись часто, ибо не каждая выживала даже год в этом царстве похоти и порока. Одни уходили в обитель Аллаха из-за срамных болезней и собственной глупости, ибо брали лишнюю плату за соитие без защиты. Других покупали в личные гаремы за целое состояние. Находились и те, кто отдавал долг своему Халифу и получал свободу. Они, впрочем, чаще всего предпочитали остаться на прежней службе. Вне привычных стен их не ждали с предложениями о лучшей жизни.

У каждой из этих женщин была своя история: кто-то покупался за редкую красоту и диковинный цвет глаз, кто-то был отдан за долги отцов. И каждая из них, только поступив на свое поприще, целую неделю обслуживала по пятнадцать мужчин на дню. В первую ночь все они учились своему главному искусству – не сопротивляться. И несмотря на подступающие к горлу тошноту и омерзение – имитировать экстаз и благодарить за совершенное над собой насилие. Тех, кто оказывался поглупее и пытался сопротивляться, нещадно избивали. Но и они быстро умнели, устав от побоев и пустого сопротивления.

На протяжении почти шести лет в «Джаннат» правила светловолосая Эстер. Ей, в отличие от остальных женщин огромного имения, разрешалось покидать его стены в любое время суток. Она не пыталась бежать, не видела в этом смысла,

хотя имела такую возможность сотню и тысячу раз. Эстер попала в «Джаннат» за деяния отца.

Изысканный запах красивой еврейки был известен в самых богатых домах Халифата, среди самых высокопоставленных чиновников совета Диктатора. Ее внимания жаждали после очередных государственных собраний, после охоты, отказа благодетельной жены от желаемой забавы. Она ложилась на семейные ложа влиятельных вельмож, на которых оставляла свой личный запах подобно печати.

Тихая, почти невидимая, Эстер с осторожностью наблюдала за всеми мужчинами, постель с которыми делила. А самое главное – запоминала их привычки, слабости и предпочтения, пользуясь теми минутами, когда высокопоставленные любовники были в наибольшей степени ослаблены. Ей повезло чуть больше, чем остальным девушкам порочного имения, ибо ее первым мужчиной стал человек, которого она любила. Керим Паша только-только поступил на службу, но их отцы уже тогда решили, что их союзу быть, несмотря на разницу в вероисповедании. Она учила шахаду и красиво завязывать платок, пока Керим поднимался на службе и ждал ее совершеннолетия.

Он выкупил не только первую ночь, но и ночи последующей недели. Они спали вместе на красных простынях, пока отец будущего Визиря пытался выкупить свою невестку. Эстер сама попросила Керима взять ее и научить любви, ибо не верила в спасение от рук великого Халифа. Она оказалась права. Шесть смельчаков, не побоявшихся гнева сына одного из самых могущественных семей Барраки, взяли Эстер после оплаченной недели, и ни один из них не дожил до сегодняшнего дня.

Керим Паша быстро научился ненавидеть, стегать кнутом и продвигаться по службе. Никто так и не понял, когда в сердце мужчины разрослась чудовищная рана, отравленная ядовитой жаждой мести. Он без зазрения совести предал своего Халифа европейским спецслужбам.

Эстер же, слишком хорошо преуспевшая на своем поприще, уже давно перестала вести счет мужчинам, которым позволила себя иметь. Потеряла счет и тем, которых имела сама. Забыла она и то, как осталась одна в слишком жестоком для четырнадцатилетней девочки мире. Потеряла образы братьев, сестер, матери и отца.

Керим за все эти тринадцать лет так и не женился. А она, со своим кукольным лицом и миниатюрным телом женщины-девочки, смогла добиться влияния там, где погибали многие. Он сделал ее полноценной хозяйкой своего загородного дома, в котором любовники предавались страсти и дарили друг другу лживые мечтания. Эстер обещала родить Кериму сына, а он – увезти ее из Барраки в Европу и стереть все болезненные воспоминания. Они прекрасно знали, что жестоко обманывают друг друга, но все равно не переставали верить обещаниям.

Ему уже как год не было что терять, кроме любви его Эстер и их несбывшихся надежд. Отец и мать умерли, так и не дождавшись внуков, а сестры были выданы замуж и обзавелись собственными семьями. Младший брат, Арслан, стал послом в крошечной Республике где-то в Азии, а его жена Марал стала Послом доброй воли и не хотела возвращаться на родину в Барраку. Эстер держали лишь воспо-

минания. Горькие, где-то тошнотворные, но слишком крепко въевшиеся под кожу. И даже он, Керим, не смог к ним пробраться и вытравить своей любовью, хотя старался бессчетное количество раз.

Отец. Мать. Братья. Сестры.

А ей ведь когда-то обещали, что она еще сможет их увидеть. Если будет хорошей и послушной, тихо склоняющей голову перед владыкой Халифата, когда тот приходил в «Джаннат», чтобы предаться похоти и разврату с очередной невольницей. Ей полагалось улыбаться, и она улыбалась, полагалось склонять голову, и она склоняла. Пока в один прекрасный день не стала полноценной хозяйкой дома страсти, в котором погибла бы любая из ее прежней жизни.

Эстер была дочерью политического заключенного. Человека, который был у самых истоков становления нынешней династии. Его милости просили и перед ним склонялись. Его одобрение покупали и о нем молились.

Эстер мечтала, что когда-нибудь Диктатор станет гостем и в ее постели, чтобы оборвать жизнь тирана-мучителя. Но время шло, а он все не приходил. Хотя женские формы Эстер уже давно начали наливаться соком, несмотря на присущую ей миниатюрность, а красота лица становилась все выразительнее.

В своей прошлой жизни Эстер любила сидеть у Диктатора на коленях. Лишь ему она позволяла заплетать себе косы. Она с улыбкой разводила руки в стороны, когда бежала к нему на встречу, выискивая в карманах нехитрого мужского одеяния конфеты и засахаренные ягоды. Отец тогда смеялся вместе с младшими братьями Барухом и Бенешем. Улыбался и старший брат Авирам. Диктатор был не просто другом их семейства, он считался названным дядей ей, ее братьям и сестрам.

Трех старших дочерей семейства Ашкенази Диктатор повесил на шелковой веревке. С сына-наследника Авирама сняли кожу живьем, прежде чем сердце юноши остановилось. Эстер продали, словно скот, разлучив с мужчиной, которому она была обещана. О судьбе Баруха и Бенеша она так ничего и не узнала. Эстер не бежала лишь поэтому.

17

Вика

Глядя на изящную стройную Вику, одетую по последнему писку моды, трудно поверить, что когда-то она была женщиной мусульманина. Много воды утекло с тех пор, но своего Адама она так и не забыла. Не сможет, как бы ни старалась. Слишком много любви дал ей он, благородный и всеми любимый Адам. Ибо он был мужчиной, самым что ни на есть настоящим мужчиной, за которым женщина чувствует себя как за каменной стеной.

Они жили в соседних районах. Она, маленькая по сравнению с остальными девчонками. Он – высокий, крепкий и сильный. Адам не понимал, почему выбрал именно ее. Почему отворачивался всякий раз, когда мимо проходили их чеченские девушки. В Татарке, так называли район, в котором они жили, чеченских девушек было много.

Он не единожды спрашивал самого себя, было ли дело в том, что до своих девушек ему было запрещено касаться. За подобное – только смерть и потеря чести. Ибо даже здесь, в Алматы, свои традиции нохчи и г1алг1айче чтили свято.

Адам быстро понял, что полюбил свою Вику слишком сильной любовью. Действительно полюбил, как любят только раз и на всю оставшуюся жизнь. От такой любви невозможно отказаться. С ней можно только смириться и стать счастливым. Всю оставшуюся жизнь.

Что можно сказать о мужчине, который не прожил и полных двадцати восьми лет?

Адам свято чтил мать и отца, любил свой народ и свою Вику. Да, свою Вику он любил очень сильно. На его беду, мать и отец молодого чеченца сказали просто: «Русской снохи в нашей семье не будет».

Их история любви началась очень рано. Адам провожал русскую девочку-соседку из школы, туда же ходил вместе с ней. Ей же носил конфеты и халву, чеченскую халву, которую варила мать. Став старше, он без зазрения совести начал ходить с ней под руку, хотя у чеченских мужчин это считалось позором.

Она станет частой гостьей в его доме. Будет носить косынку, скрывающую длинные русые волосы, как подобает женщине горца. Старший сын четы Зелимхановых почему-то будет думать, что отец, узнав получше его Вику, сменит гнев на милость и даст им свое родительское благословение. А раз даст добро отец, то и согласится и мать. Так уж у чеченцев принято.

Наивный в своей вере, он только через два года узнает, что мать попросит Вику

никогда и ни в коем случае не рожать детей. Их с ним детей. Вике тогда было всего пятнадцать, и приговор Надии и Фархада изменит всю ее последующую судьбу.

«Сын Зелимхановых должен жениться только на чеченке».

Правильным будет сказать, что Адам не трогал ее до совершеннолетия. Свою русскую женщину мужчина уважал и дал обещание жениться лишь на ней. Другие, впрочем, думали иначе. Откуда им было знать о том чувстве, что горит у него глубоко в груди? Вику даже станут порицать. Посчитают, что та уводит сына из семьи. А что же Адам? Он был готов поклясться, что мир ему не мил, когда он не видит улыбку на ее лице.

Ссорились они нечасто. И даже если подобное случалось, он ни разу не сказал ей ни единого плохого слова. Такая особенная была у них любовь.

– Я умирала вместе с ним, когда он срывался, – в голубых глазах Вики плещется горечь. Одиннадцать лет прошло со дня его смерти, а больно в груди до сих пор.

Вика так и не узнала, когда он в первый раз укололся, когда решил, что под туманом будет жить легче. Она тогда сделала первый и единственный аборт. Ему не сказала, пошла и сделала. Ведь рай в исламе – он лежит у материнских ног, а лишить Адама рая она бы не посмела.

– Адам мечтал о детях, – промолвит она собеседнице с улыбкой.

Посол доброй воли Марал аль-Тавил слушает молча и не перебивает. Лишь изредка делает краткие пометки, старательно пряча подступающие слезы.

Вика работает администратором в большой зоне отдыха. Руководит большим коллективом, и начальник ее очень ценит. Сама поднимает маленькую дочь. Помогает своим и его родителям. Дочь – не Адама, если спросите.

Ему она так и не родила. Данелия пришла в этот мир ребенком чужого мужчины, но по воле Аллаха, она больше горянка, чем татарка. Танцует лезгинку с четырех лет, самая маленькая участница ансамбля. Она старательно учится лепить галушки и готовить другие национальные блюда. Учит английский и совсем не любит ходить в школу.

Вика называет ее маленькой горянкой. Иногда – косолапым лебедем, когда девочка идет в пляс на тоненьких ножках под звуки лезгинки. Но это уже совсем другая история, не для этой книги.

– Я поехала за ним в Грозный. Вообще ни о чем не думала. Он так решил. Снимали квартиру, я даже устроилась на работу. Так и нашла его в этой квартире. Адам поставил вариться мясо и уснул, угорел. Уснул под дозой. Соседи поднялись по балкону слишком поздно.

Его мать тогда пожалела, что не хотела внуков от русской снохи. Не будь она к Вике так жестока, у нее бы осталась частица ее Адама. Сотворенного в этой жизни, правда, уже не воротить. Этому учит Всевышний в любой религии, будь то ислам или христианство. Вика это понимает, но мать его, даже после стольких лет, все еще считает собственной. Так ее и называет – Нана Надия. Ведь боль в этом мире они поделили общую – боль от потери сына и почти что мужа.

Она решилась рассказать свою историю не случайно. Долго думала, но пошла на это ради дочери и таких же, как они с Адамом, молодых людей, счастью которых мешают традиции и предрассудки.

– Быть русской – не значит быть гулящей, – промолвит Вика с болью в голосе. – Такое отношение не только у чеченцев.

Эту историю Вика узнала, будучи студенткой. Аскар и Лена учились в одном университете. Им было всего по двадцать два, когда они полюбили друг друга. И всего по двадцать шесть, когда Аскар разбился на машине. Он женился на своей русской женщине сразу же после окончания университета, спустя два года взял на руки их дочь. Лена его так и не спросила, пожалел ли он о том, что из-за русской келин – так у казахов называют будущую невестку – от него отказалась вся семья.

Его отец забрал ее сразу же после похорон сына. Русскую келин назвали второй дочерью, а внучку, светлолицую и русоволосую, наконец-то приняли. Но Аскара это не вернуло. Двадцатишестилетний парень умер, подрабатывая ночью в Uber, лишенный родительской помощи и простого человеческого благословения.

Вы, наверное, скажете, что таких случаев – единицы. Но они есть. Торжество жестоких традиций над здравым смыслом ломает судьбы, ибо чаще всего русских невесток даже не пытаются узнать. А тех, кого узнают, принимают не сразу и ломают, пытаясь сделать из русской невестки настоящую мусульманскую жену.

– Не бывает плохих наций, – закончит Вика. – Бывают плохие люди. Я надеюсь, что когда-нибудь люди смогут это понять. Иншаллах!

Марал аль-Тавил поднимет руки к небу, улыбнется уголками губ, а после ответит с надеждой и верой: «На все Его воля. Иншаллах!»

18

Дина

Когда колени болят от непрекращающейся молитвы, а в мыслях – желание поскорее прекратить очередную пытку, тяжело думать о чем-то, кроме бегства. Спертый воздух молельной комнаты, куда полсотни таких же несчастных отправили молиться, делает пытку только сильнее. В горле словно застыл стальной ком. Темноволосая девочка с опаской смотрит по сторонам, стараясь остаться незамеченной, пока взоры остальных женщин обращены к небу в слепой мольбе к Аллаху. Все они, дочери и жены самых влиятельных людей Халифата, теснились в маленькой комнатке в задней части мечети, пока их мужья и сыновья молились в главном зале.

Дочь Шейха аль-ислама не любила это место. Презирала всем сердцем, даже больше, чем вечно сползающий с головы платок, стоит девочке сделать резкое движение. Подобно матери и старшей сестре, она была облачена в черное одеяние с головы до пят.

Девочка знает, что ей придется терпеть еще добрый час, прежде чем женщины плотной вереницей медленно направятся к выходу. Мать Дины всегда покидала мечеть одной из последних, словно боясь порицания в недостаточной религиозности.

Мама. Первое слово, что было сказано девочкой в начале жизни – лишь сухой отголосок нормальности, но никак не любви и тепла. Девочке почему-то кажется, что она никогда не сможет понять эту чужую для себя женщину. Хотя внешне они были похожи. Имели один цвет волос и разрез одинаково серых, почти бесцветных глаз.

Дина не понимала многого. Почему опечалила отца, когда пришла в этот мир всего лишь девочкой. Почему вынуждена была ютиться в маленькой комнате вместе с остальными женщинами, пока мужчины молись в свободном зале с огромным резным потолком и белыми колоннами. Не понимала она и того, почему мать приняла в семью чужую женщину.

– Почему они хотят, чтобы она жила с нами, мама? – спросила она, хлопая длинными ресницами, когда теплая ладонь матери взяла ладошку Дины в свою. Они идут медленнее, чем обычно, ибо вынуждены смотреть в пол, пока длинная вереница женщин движется вперед.

Девочка чувствует, как запахи тел молящихся женщин смешались воедино, вызывая приступ тошноты. Так бывает каждый раз, когда Дина приходит сюда.

– Священный Коран учит, что мужчина может иметь четыре жены, – голос хозяйки дома аль- скаляни звучит мягко и размеренно, ровно так, как привыкла говорить женщина с обеими дочерями. – Кто мы такие, чтобы спорить с Всевышним?

Дина знает – на шаг позади нее идет старшая сестра Бадрия, будто обжигая ей спину дыханием. Взор Бадрии, праведной мусульманки и столь же правильной дочери, давил бы на девочку еще сильнее, попробуй она хотя бы немножко полюбить сестру. Что-то в груди маленькой Дины этому противится. Стоит только посмотреть, как отец и мать хвалят старшую дочь, словно очередной правильно выученный хадис был ценой родительской любви.

– Мне она не нравится, – отвечает девочка, а после умолкает. Вдыхает полную грудь спасительного воздуха, покинув место пытки – святую обитель, отпускает материнскую руку.

Она. Дина не может называть женщину, что стала причиной раздора в их доме, иначе как «она». Темноволосая Медни хорошим человеком быть не может. По крайней мере, так думает сама младшая аль-Аскаляни, искоса поглядывая на новую жену отца. В мире девочки, где родители должны любить лишь друг друга, не укладываются традиции и обычаи, что с таким усердием пытается привить ей религия. Дина имеет свою правду.

У Медни правда тоже есть и тоже только своя. У берберских племен, откуда она была родом, девочек привыкли убивать еще при рождении, закапывая в песок, если в семье и без того было слишком много ртов. Отец темноволосой девочки, хоть сварливый и грубый, не отправил на смерть ни одну из своих дочерей. Но и хорошей жизни дочкам дать не смог. Сестры, укутанные в черные платки, пасли скот под палящим солнцем пустыни, чистили горшки ядовитой щелочью. Стать невестой в богатом доме стало для Медни спасением.

Медни была красивой. Хотя изматывающая работа и жаркое солнце сделали свое дело, иссушив кожу девушки в пору ее цветения. Она будто постарела раньше времени. Так бывает, когда тяжелый труд отращивает на женском теле горб, лишает мечтаний о лучшей доле или хотя бы толики надежды.

Дина так и не поняла, что мать ее, Марием, тоже имела свою правду. Была бы на то воля женщины, она бы родила мужу десять сыновей. Только чрево Марием иссохло, стоило той привести в мир младшую из дочерей. Марием уже давно забыла, как рвало ее чрево изнутри дитя, сколько боли принесло оно холодной зимней ночью. Ровно через девяносто дней забыла. Ровно через столько, сколько учит священный Коран.

Отпустив ладонь матери в тот день, девочка молча поплелась рядом, завидев силуэт вечно серьезного отца. Вокруг сновали люди, покидавшие стены святой обители в молчаливой спешке.

– Скорее, – сухо промолвил глава семейства при взгляде на своих женщин, проследив за тем, как те усаживаются в паланкин.

В тот день в жизни Дины ничего не изменилось. В один миг стала другой старшая из сестер – Бадрия.

Когда принцесса Баян аль-Баррака умерла, больная вера проросла по всей Европе. Богатые и бедные, девочки вербовались не только в мечетях, но и в высших учебных заведениях по всему миру. Никто не понимал, почему те облачались в черные одеяния и отправлялись на Восток под знамя чужой веры. Почему свободе и светскому образу жизни предпочли замужество за исламскими боевиками, а жизнь, полную страха и опасностей, сочли желаннее спокойствия и мирного неба над головой. Средства массовой информации не успевали снимать репортажи о новых взрывах, в ужасающих подробностях рассказывая о личностях исламских смертниц. Одной из них стала Бадрия аль-Аскаляни.

19

Бадрия

Поднимая глаза ввысь, она с опаской щурит очи, чувствуя, как солнце касается каждой клеточки кожи, словно стараясь прогнать царствующий в душе молодой женщины холод. Бадрия аль-Аскаляни привыкла к этому холоду уже давно, словно к лучшему другу, следующему за ней все двадцать три года жизни. И сейчас, когда до последнего вздоха, что слетит с чуть пересохших губ дочери богатого семейства, остается совсем немного, она может позволить себе улыбнуться, прощаясь с единственным другом, что у нее когда-то был.

Тепло разливается медленно, практически незримо, остается лишь счет ударов сердца – крепкого и воинственного. Один. Два. Три. Отсчитывая ритм, она тяжело закрывает спокойные очи, пояс смертницы на тонкой талии давит на внутренности. Всего на долю секунды ей кажется, что это сердце, жаждущее жизни, хочет вырваться наружу, пробивая путь к свободе сквозь тюрьму грудной клетки.

Что бы сказала Дина сестре в момент ее последнего вздоха?

«В тебе еще слишком много жизни».

Кровь разливается по жилам Бадрии с удвоенной силой. Страх ли тому виной? Она не боится. Ибо прекрасно понимала, на что шла, когда застегивала тяжелый пояс на тонкой талии. Она даже почитала эту роль, гордилась ею, словно в действительности верила, что на то была воля Аллаха. Бадрия аль-Аскаляни была готова сделать все, что угодно ради своей веры.

Может быть, по этой причине она улыбалась, когда шла к центральной мечети Барраки босиком, пряча смертельное оружие под складками своей туники. Может быть, поэтому не плакала, хотя слезы, казалось бы, должны были оросить лицо женщины в ее последние секунды.

– Аллах воздаст тебе за твое смирение. В раю тебя будет ждать награда, – сказано было ей братьями по вере.

«Баррака давно погрязла в грехах».

«Ты очистишь землю от грешников».

«Всевышний сразу же заберет тебя в рай».

«Всемогущий Аллах позаботится, чтобы подле мечети остались только грешники».

«Верь в Аллаха, он поведет тебя своей рукой».

Эти голоса смешались воедино, в сплошной комок давящего шума, от которого хотелось выть. Этот комок мешал здраво мыслить, ибо в глубине души Бадрия по-

нимала – Аллах милостив даже к тем, кто грешен. Но комок давил, топил здравый смысл в тягучей патоке отчаяния, и девушка сдалась, перестала думать. Вера, слепая вера в Бога, затмила сознание, и она более не колебалась.

Шаг вперед. Еще один. Черное одеяние скрывает лик третьей супруги исламского боевика, Бадрия спокойно разводит руки в разные стороны, чуть оголив изможденные кисти рук.

«Баррака давно погрязла в грехах».

«Я очищу землю от грешников».

«Всевышний сразу же заберет меня в рай».

«Всемогущий Аллах позаботится, чтобы подле мечети остались только грешники».

«Я верю в Аллаха, он поведет меня своей рукой».

Никто не обращает на нее внимания. Исламская женщина в черном одеянии – привычная для Барраки картина, ведь здесь религия стала единственно возможным лекарством для тех, кто погряз в бедности и не имеет смысла для существования. Больная вера, словно рак по телу, расплывалась по Халифату. Она проросла поздними ночами, пока нищие жители молча умирали от голода в своих постелях, пока дворец их владыки сотрясался от музыки и очередного празднования. Пока мужья проводили часы за слепыми молитвами в мечетях, а их несчастные жены нещадно трудились под палящим солнцем. Больная вера росла, пока младенцы умирали в колыбелях рядом с изнемогшими от частых родов матерями. В те минуты, когда имамы начали учить мужей, что во всех человеческих грехах виноваты именно женщины и бить их плетью угодно Аллаху. Больная вера пустила корни окончательно, когда ислам вместо мира и добра стал учить насилию и гневу, убийству иноверцев и всех тех, кто слабее и нуждается в защите.

Словно неживая, Бадрия останавливается на месте.

– Мама…

– Прости меня, мама… – шепот молодой женщины возносится к небу.

В сознании Бадрии аль-Аскаляни всплывает картина горящего города. Она видит, как кричат овдовевшие женщины, рвущие на себе волосы, не боясь оголить их красоту. Она видит, как город, некогда цветущий, разваливается на части, содрогаясь от боли, что несет в себе война. Каждой клеточкой своей кожи она ощущает, как кровь льется рекой, омывая дороги, впитываясь в землю. Боль пронизывает женщину насквозь, и вот уже широкая улыбка расплывается на лице сестры по новой вере, прежде чем дрожащая рука дотянется до пояса, а из пересохших уст сойдет тихое и спокойное:

– Аллах Акбар!

И ей уже совсем не страшно. Под знаменем величия Его.

Когда мощный взрыв ударит по огромной мечети, та уйдет под землю, поглотив все живое внутри. Никто из молящихся не будет долго мучиться, Азраил сделает свое дело слишком быстро, чтобы люди смогли хоть что-нибудь понять. Тела совершенно чужих друг другу людей вместе сомнутся под весом упавшего купала.

Тем, кто был на центральной площади в момент молитвы, повезет меньше, ибо огненное пламя не будет столь милосердным. Израненные тела с криком или тихим отчаянием падут на месте. Стойкий запах крови смешается с запахом металла, пыли и людского отчаяния. Кого-то охватит огнем, и смерть придет мгновенно. Кто-то умрет от многочисленных осколков, врезавшихся в плоть с чудовищной болью. Кого-то придавит обломками разрушенных строений.

Думала ли Бадрия о том, почему те, кто привел ее к больной вере, не последовали за ней со столь священной для них миссией? Почему дали «всего лишь женщине» возможность исполнить святой завет Аллаха, коль на то была Его воля? Почему не захотели попасть в чертоги Джанната сами, вкусить блага, обещанные Всевышним?

От Бадрии аль-Аскаляни не осталось даже тела. Растерзанное, оно разлетелось на куски по площади, не дав никому опознать личность исламистки-смертницы. От нее осталась только боль и слепые стенания близких тех, чьи жизни она забрала с собой. Где-то под землей, среди адского пепла и криков грешников, ее ждал распятый на кресте отец. Как никогда при жизни, он встретил дочь с улыбкой и своим родительским благословением. Шейх аль-ислам Абдул-Карим аль-Аскаляни оказался горд деянием старшей дочери.

20

Иман

Она чувствует, как внутренности сводит от голода, но не издает ни звука. Уставившись в потолок, прислушивается к тихому сопению остальных детей. Иман молчит уже год, ровно столько, сколько пробыла в стенах сиротского приюта. Кричит лишь ночами, когда приходят образы мертвых матери и отца.

– Мерием Ханым говорит, что твоими предками были чеченцы. Народность такая. Вояки сплошные были. Ты какая-то совсем не чеченка, – раздается шепот мирно лежащей рядом Айнисы, стоит только той открыть глаза. Иман улыбается. Чисто и совсем невинно, перевернувшись набок, чтобы смотреть подружке прямо в глаза.

– А предками твоих предков были волки. Все их боялись. Я не вру, ты не думай, мы в книге прочли. Там так написано.

Айниса старается говорить тише, чтобы не разбудить других детей. В маленькой комнатке, так же прижавшись друг к другу, спали ровно двадцать таких же маленьких девочек. Худенькие, с коротко стриженными волосами, они были очень похожи. А зимой, когда лютый холод столицы брал свое, а еды в приюте становилось все меньше и меньше, и вовсе становились неразличимы. С потухшими взорами, ослабленные от недоедания, они слонялись без дела по приюту. Кто-то находил утешение в старых книгах – единственном богатстве, которого в стенах приюта было много. Книги в приюте обычно использовали для топки.

– Ты должна быть такой же сильной, моя Иман. Как волчица. Я книгу спрятала, завтра покажу. Там столько всего интересного написано.

Ладошки девочек сжимаются, они крепко обнимают друг друга под одеялом, по очереди закрыв глаза. Иман засыпает первой, к большому облегчению Айнисы, ибо это значит, что сегодня ночью не будет слез и душераздирающих криков. Айниса еще долго думает о том, что прочла сегодня, перебирая в памяти отрывки, прежде чем крепкий сон захватит в объятья и ее.

Когда Иман была еще совсем маленькой, седовласая бабушка любила рассказывать ей истории об их далеких предках. Старая женщина вообще молчала мало, словно пытаясь выговориться за все годы раннего замужества, во время которого говорить ей было непозволительно. Усаживая внучку на колени, она проводила ладонью по макушке маленькой Иман, пока сидевшая рядом мать девочки была занята ручным трудом. Истории были разные: грустные и поучительные, веселые и смешные. Были и те, в которых говорилось о чести рода и величии семьи.

– Ай, сынок... – вновь, причитая, прошепчет седовласая женщина. Она не спускает тяжелого взора с внука, словно коршун, следит, чтобы тот ел приготовленную ее руками пищу. – Знал бы ты, какое тяжелое нынче время. Вот соседи наши… Умаровы.

– Что случилось, Нана?

– Э-эх...

– Хамза-то Амину расстрелял. Две обоймы в сестру выпустил. Наговорил кто-то, что блудным образом жизни та живет. А Хамза хоть и знал, что неправду про сестру говорят, все равно пошел и убил. Чести ради. Говорит, что иначе поступить не мог, дом отца не хотел осрамить. Единственный все-таки сын и четверо дочерей. В тот же день поседел, покоя найти себе не может. Ай, Аллах!

Чтобы другим в назидание было.

Чтобы не было грязи и разврата.

Чтобы с корнем вырвать падаль.

У вайнахов дочь – это честь всего рода. Опозоренная дочь – позор на весь род. Лишь только убийством позор можно искупить, кровью смыть разврат, грязь с чистоты семьи отмыть. Выше всего ценит честь горский народ. Убив одну – спасут десять, что будут бояться в назидание. Сколько раз речи подобные слышал Алихан от умудренных стариков, головой кивал, да только понять не мог, сможет ли сам он дочь свою жизни лишить, если придется?

Не смог бы.

Знает, что не смог бы. Но со стариками соглашался. Кто он такой, чтобы менять устои, впитавшиеся в него с материнским молоком?

Проступки бывают разные. Разной тяжести. Можно быть виновной без вины.

Посмотрела не тем взором. Вышла во двор без платка. Улыбнулась, когда была не должна. Слишком громко смеялась. Слишком много говорила. Полюбила чужого. Убежала без воли матери и отца. Лишнее слово сказав, была осуждена. Вот и рушатся семьи, ведь не бывает так, чтобы забыл отец убиенную собственными руками дочь. Не сможет забыть и брат, как кровью сестры окрасил свои руки. Будет резать память, изнутри резать, каждый день, отдаваясь новой болью возле сердца. Такой болью, которую излечить невозможно. Но про эту боль не будет сказано ни единого слова. Ибо не видано на Кавказе, чтобы вайнахский народ отступился от законов чести.

Жителя Ингушетии Магомедбашира Могушкова, убившего свою 33-летнюю сестру Елизавету Евлоеву, нанеся ей несколько ударов ножом, чтобы «смыть позор с семьи», приговорили к двум годам ограничения свободы: суд в Магасе решил, что убийство было совершено в состоянии аффекта.

Первое в России дело о женском обрезании может остаться без виновного. Отец заманил малолетнюю дочь в Ингушетию, чтобы «обезопасить» ее от сексуального возбуждения. Мачеха девочки повела ее в клинику «Айболит», где ей сделали обрезание. Причем детский гинеколог Изаня Нальгиева не потребовала у женщины документов о родстве – ей хватило фразы «Я ей почти как мама».

25 июня 2021 года в МИД Швеции пришло электронное письмо. Оно было написано 18-летней девушкой, постоянно проживающей в стокгольмском пригороде Сёдертелье. Девушка писала из Дагестана. «Меня обманули мои родственники, они хотят выдать меня замуж против моей воли, а я понятия не имела об этом. Меня убьют, если я не сделаю так, как они хотят». Она рассказала, что в глухой дагестанской деревне ее многочисленные родственники уже готовят свадьбу. Если девушка будет возражать родственникам, ее могут избить или даже убить. Упоминалось, что для девушки уже приготовлено место на кладбище рядом с умершей теткой.

20 июня 2021 года в чеченском Гудермесе эксгумировали тело 23-летней матери троих детей Мадины Умаевой. Эксгумацию решили провести для проверки сообщений в соцсетях о том, что молодая женщина погибла из-за «насильственных действий, совершенных ее супругом». В кавказских пабликах писали, что молодую мать троих детей убил муж. «Она потратила социальные выплаты и купила телевизор и одежду детям», – делятся в комментариях. Говорят, мол, свекровь была недовольна, «пожаловалась сыну, и тот избил ее до смерти». Потом вызвали скорую помощь, но было поздно.

21

Айниса

– Само ее появление на свет – ошибка, – шепчет старуха с белесыми глазами, взирая на младенца в руках обессиленной от родов женщины.

Она презрительно отворачивается, покачиваясь из стороны в сторону, обходит шатер по кругу и вновь останавливается перед роженицей. Лале Бану восемьдесят пять лет. Верховная жрица «Глаз Пустыни» уже давно потеряла возможность остро видеть. Но на младенца в руках своей внучки смотрела так, будто видела в нем само исчадье ада.

– Это ты виновата! Ты! – рявкнула женщина в очередной раз. – Лучше бы она запуталась в пуповине и умерла! Аллах накажет нас!

Когда кара Всевышнего пала на мир, никто не надеялся на спасение. Семьями лишали себя жизни те, кто забыл об истинной вере и страшных муках, что были обещаны самоубийцам в священных писаниях всех религий. Пока в один момент одна из них не проснулась. Ее звали Сарой.

Когда ее кровь полилась из вен, впитавшись в пески пустыни, алая жидкость обернулась синим пламенем. Пламя вознеслось над телом женщины высоко в небо, почти опалив облака и само солнце. Сара проснулась с криком, открыв миру очи пронзительной чистоты и новую надежду. Той, в чьем теле текла кровь всех авраамических религий, стала подвластна сила четырех стихий.

Она шла по миру, очищая заблудшие души грешников святой кровью, став первой жрицей «Глаз Пустыни». Ибо те, кто уверовал в силы первой пробужденной, последовали вслед за ней по миру, отринув мирскую жизнь. Ее возненавидели не сразу. Словно зерно, проросшее из человеческих пороков, ненависть к Саре и ее последователям медленно пустила корни. Их начали истреблять, словно диких зверей – по одиночке.

Они ушли глубоко в пустыню, научившись выживать среди палящего солнца и ядовитых змей, спасаясь от диких зверей и самого страшного – лютого голода. Сара не знала, что магия в ее жилах не черпает силы из пустоты, а берет свои силы из Хаоса, на котором зиждилось все человеческое мироздание. Желая защитить свой народ от убийц, идущих вслед за ними по пескам, она использовала слишком много магии и рассердила Хаос. По каплям он высосал из нее все силу, но просьбу Сары исполнил – невидимая стена, окружившая «Глаза Пустыни», не пропускала чужаков извне.

Они хотели построить лучший мир и были наказаны за свое желание. Но несмотря на это, они не отказались от своей веры, даже когда смерть начала забирать их

по естественным причинам. «Глаза Пустыни» иссыхали, как невспаханное поле, лишенное живительной влаги и проблесков надежды. Сара умерла пять лет спустя. Ее тело предали огню, а прах пустили по ветру вопреки законам религий, к которым она принадлежала. «Глаза Пустыни» готовились умереть вместе с ней, но вместо этого узрели чудо.

Мальчик, чей приход был обещан задолго до сотворения времен, нашел под землей плоды, даровавшие возможность видеть истину сквозь людские грехи и пороки. Сладкие, словно самый вкусный мед, они насыщали и наделяли жизнью тех, кто выживал после первого укуса. «Глаза Пустыни» поняли не сразу, что плоды проросли сквозь толстую завесу смерти, там, куда пал прах усопшей Сары.

Так прошли первые десять лет, и «Глаза Пустыни» разрослись, начав охранять людей от самих себя. Предвидя смерть и разруху, жрицы племени отправляли за стену Спасителей с синими глазами. Они становились советниками монархов и предводителями оппозиций, учеными-вирусологами и генетиками, актрисами и религиозными деятелями. За ними следовали и на них молились, пока они спасали мир от будущих катастроф и нечеловеческих трагедий. Так было до тех пор, пока одна из них не принесла ребенка в своем чреве, а вместе с ним – гибель всей общине.

Это дитя разительным образом отличалось от остальных детей общины. Тихое, совсем незаметное, оно сторонилось шумных игр и никогда не улыбалось. Дитя боялись и остерегались. Дикое, словно сорняк среди цветущих полевых цветов, оно ответило ненавистью всему живому. Дитя вырезало с корнем все плоды и выжгло цветущую почву кислотой. Оно убежало за стену той же ночью, основав в Барраке новую династию.

Лишь семья, лишь кровь – единственная связь, которую нельзя порвать. Красная нить, что связала «Глаза Пустыни» и правящий трон Халифата, протянулась сквозь последующие двести лет.

Основа нового мира, заложенного Сарой, развеялась на ветру подобно пеплу. Ибо лишенные дара видеть будущее люди отвергли ее устои и позабыли о вселенском равновесии. Мужчины вновь начали тиранить своих жен, сочтя их виновными во всех человеческих грехах. Они запретили своим женщинам рожать от чужаков, боясь прихода очередного монстра, что истребит их окончательно и бесповоротно.

Годами это правило не нарушалось, и кровь «Глаз Пустыни» почернела. Начали рождаться больные дети, чьи сердца вываливались из грудных клеток, а кости крошились от легкого удара. Этих детей хоронили заживо вместе с проклятыми матерями.

Айша ушла за стену в поисках лучшей доли, а вернулась с ребенком-спасителем в истощенном чреве. И даже не воспротивилась, когда дитя из ее рук забрали, отдав пустыне и остаткам прежней веры. Были ли очи младенца такии же синими, как очи Айши? Нет. Та, что впитала мудрость своих предков еще в материнском чреве, родилась кареглазой и совсем бесчувственной, словно предвидя голодные

ночи в пустыне в полном одиночестве, волчий вой вместо колыбельных и предписанную ей судьбу. Младенец заплачет протяжно лишь единожды, когда над ней прочтут мусульманскую молитву и трижды прошепчут выбранное венценосным отцом имя.

«Твое имя Элия. Твое имя Элия. Твое имя Элия».

Рыжеволосая Умида привела в этот мир четверых сыновей и ни одной дочери, о чем так никогда и не узнала. Ее мальчика отберут, даже не дав приложить к материнской груди, заменив на купленного младенца «Глаз Пустыни». Так природа вновь найдет баланс, и Хаос успокоится.

Айша произведет на свет еще одно дитя. Но девочку, чьи очи будут такими же синими, как и ее собственные, отведет за стену не сразу. И вся та любовь, в которой было отказано Элие с самого рождения, будет отдана маленькой Айнисе до последней капли. Ведунья-мать, благословленная самим Хаосом, исполнит свою роль и вздохнет спокойно. Ей останется только ждать, когда ее девочки найдут друг друга.

Нельзя избежать того, что предначертано судьбой. Словно фигуры на черно-белой доске, все мы играем свою роль в шахматной партии жизни. И в ту ночь, когда столица начала гореть, Айниса сделала первый ход. Оставив Иман в надежном укрытии, она пробралась в разоренный дом одного из самых богатых семейств Барраки. Ее не смутил ни запах крови, впитавшейся в бархатные подушки, ни крик младенца, раздающийся где-то на верхних этажах. Ей не было стыдно ни секунды, когда она потянулась снимать золотые украшения с лежащих тел. Те, что еще не сняли до нее.

Что чувствует женщина, чью честь забрали без ее согласия? Как долго будет считать себя грязной, пытаясь отмыть невидимые следы рук своего насильника? Как долго будет винить себя в совершенном над собой насилии? Айниса ответит, что до самой смерти. До самой кончины человека, по чьей вине она повзрослела раньше времени. Ибо насилие нельзя простить, нельзя оправдать, нельзя искупить. Насильника можно только покарать.

Айниса улыбнулась, когда увидела смерть своего насильника. Распростертый на кресте, Фарух аль-Муслим смог даровать Айнисе заветное успокоение, забрав всю ту чудовищную боль, что въелась у нее глубоко под кожу. Эта боль медленной струйкой потянулась к своему хозяину, по раздробленным конечностям к самому горлу. Боль заполнила сущность Фаруха аль-Муслима, отравила жилы и заплывшее в пороках сердце. За всех несчастных девушек, чья жизнь была погублена насильником. За все те души, что почернели, перестав верить в лучшее, в самую главную добродетель – искреннюю любовь.

22

Эстер

Когда опускаешься в грязь по самое горло, есть только одна дорога – ввысь. К самому солнцу. Несмотря на грязь, что норовит затащить обратно вниз, истязает морально и давит на остатки совести. Тех, кому суждено было искупаться в грязи, видно уже издалека. Горделивые и уверенные, они никогда не опустят взора ниц, помня о солнце, к которому ползли, скрипя зубами и сбивая кулаки.

Эстер Ашкенази выросла при дворе Диктатора. Считалась не только завидной невестой и наследницей, но и была подругой главной наследнице Халифата – усопшей принцессе Баян. Их было трое, связанных узами детской наивной дружбы, оборванной временем и законами ислама. Винила ли Эстер своих подруг за то, что те оставили ее и не вспоминали? Отчасти. Хотя красивая еврейка понимала, что в мире, в котором правят мужчины и их законы, дочерям благороднейших из благородных нельзя знаться с куртизанкой.

Ее взяли больше тысячи мужчин. Она уже не вспомнит точное число. Они уходили и приходили, никак не отпечатываясь в ее сознании. Оставляли после себя лишь золото, которым оплачивали ночь с чудовищно грязной, до самого основания падшей женщиной. Эстер так и не решилась спросить ни одного из них, почему они убегали к ней от своих праведных и благородных жен. Почему бросали к ее ногам золотые украшения, вымаливая толику нежности и ласки. Почему ее вниманием гордились, а своих жен прятали за стенами гарема.

Спустившись с паланкина, Эстер обводит тюрбе принцессы Баян аль-Баррака тяжелым взором. Она приходила сюда пять лет под покровом ночи, но при свете дня – впервые за все это время. Это было своего рода традицией, данью памяти той, что помнила еврейку маленькой упорной девочкой.

– Сколько лет с той поры утекло...

Она не знала, правильно ли поступила, явившись сюда при свете дня. Ашкенази вполне могла не бояться введенных советом Диктатора ограничений, сославшись на ночь с одним из своих многочисленных любовников.

Ее Керим подавил протесты меньше чем за неделю. Раздробленная масса ослабленных крестьян не могла оказать сопротивления хорошо обученным солдатам Халифата. Эстер понимала это слишком отчетливо, чтобы начать надеяться на Его свержение. И скорую весть приняла спокойно, уткнувшись в расчетные книги за чашечкой горячего кофе. Но когда спустя двое суток взрыв прогремел на центральной площади Барраки, она вздохнула с таким облегчением, будто огромная

ноша пала с ее плеч и разбилась о землю на тысячу кусочков. Эстер долго смеялась, несмотря на человеческие жертвы и свое большое любящее сердце, еще способное на жалость. Для нее Давид Ашкенази и члены его несчастного семейства, наконец, заслужили отмщение.

Еврейка сильнее укутывается в теплую накидку. Внезапная дрожь по телу заставляет Эстер обернуться, словно некто невидимый дышит ей в спину. Позади – лишь несколько торговцев, оживленно спорящих между собой. Она поднимает очи к небу, долго смотрит на солнце и медленной поступью продвигается вперед. Ее миниатюрный силуэт, укутанный в дорогие ткани, и украшенные серебром изящные руки никто будто не замечает.

Она не покрыла голову платком. Не стала играть в игры с совестью. Хотя когда-то, давным-давно, училась этому умению. Но ни молитвы, ни цветастые ткани на голове не спасли ее от участи падшей женщины. Поэтому о своих разговорах с Богом Эстер Ашкенази навсегда забыла. Ибо Всевышний оказался глух, когда она стояла перед ним на коленях и молилась.

В тюрбе усопшей принцессы слишком серо. Это «слишком» готово удушить, лишить спасительного кислорода и высосать всю радость. Но о какой радости может идти речь, когда надежда всего Халифата навсегда закрыла очи? Когда жизнь в самом ее цветении была оборвана по велению труса?

Груз на плечах слишком тяжел, кажется, это ее убивает.

– И вновь я пришла к тебе, – с болью в голосе шепчет женщина, опустившись на колени на холодный мрамор, и слезы текут ее из ее глаз Она не замечает женский силуэт, склонившийся подле нее в слепой мольбе. «Аллахумма, раббан-нас, музхибаль-ба'с, ишфи анташ-шафи, ля шафия илля анта, ишфи шифа'ан ля югадиру сакама».

– Вам не стоит гневить Всевышнего слезами…

Эстер не сразу ухмыляется, заслышав разговор о Боге. Ухмыляется до боли, щемящей в ребрах, ибо у нее слишком много вопросов к этому Богу. Ей, что привыкла держать голову гордо, нетрудно совладать с эмоциями. Вот только поток невиданной боли льется и льется, и она точно знает, что другого шанса выплакаться у нее не будет. Она приходит сюда лишь за этим. Припадает к коленям усопшей подруги и плачет. О своей поломанной судьбе. О мужчине, жизнь которому ломает сама. О ребенке, которого никогда не прижмет к своей груди.

– Возьмите, – Эстер опешит, стоит незнакомке протянуть ей дорогой платок. – Вытрите слезы. Ради Аллаха!

Та, что молила об исцелении от недуга, смотрит на мир слишком добрыми глазами. Изможденная, бледная после тяжелой болезни, она находит в себе силы улыбаться. И пусть платок, вышитый золотой ниткой, грозит прожечь руку еврейки кислотой, оставив шрам на памяти о минуте слабости, она все равно его возьмет. Отказать не сможет.

– Пошлет ли Аллах дитя в пустое тело, если по своей воле сделал женщину бесплодной? – ей стоит задаться вопросом, вправе ли она говорить незнакомке об

этом. Ее боль – ее бремя. Она не привыкла ни с кем этим бременем делиться. Даже с именем Аллаха. С Милостивым и Всемилостивым. Ибо тринадцать лет назад он ее криков так и не услышал.

Женщина медленно встает с пола. Вытирает слезы ладонью, не глядя на вынужденную собеседницу. Лишь после этого еврейка замечает, что рядом – совсем еще дитя. Тонкий стан, окутанный дорогими шелками, не знал ни тяжести брака, ни сопутствующих бед материнства. Эстер когда-то и сама была такой, тонкой, словно ствол деревца.

– Спасибо вам за все, – молвит она, улыбаясь уже по-другому.

Ашкенази протягивает девушке платок. Всего на долю секунду она возводит руки к небу, чтобы отдать последнюю дань убиенной надежде Халифата, направившись к выходу из мавзолея. Измученной девушке есть о чем поговорить со своим Богом. Кто такая Эстер, чтобы мешать им своим обжигающим неверием?

– Постойте, – шепчет девушка Эстер. – Возьмите платок. Вернете, когда Всевышний подарит вам дитя.

– В таком случае вряд ли я когда-нибудь смогу тебе его вернуть.

– Вам нужно надеяться на Его милость, – ответит тоненьким голосом женщина-дитя, крепко сжав ладонь Эстер. – Я буду за вас молиться. И вы молитесь. Не только Богу, но и принцессе Баян. Она услышит и попросит за вас в раю, вот увидите. Всевышний Аллах сказал: «Я в мыслях Моего раба: каковы его мысли обо Мне, таков и Я к нему».

И человек шептал: «Господи, ответь мне». И луговые травы пели. Но человек не слышал. Человек сказал: «Господи, поговори со мной». И гром с молнией прокатились по небу. Но человек не слышал. Он оглянулся кругом и сказал: «Господи, позволь мне увидеть тебя». И звезды ярко засияли. Но человек этого не видел. Он вознес руки, взывая: «Бог мой, покажи мне видение!» И новая жизнь была рождена весной. Но человек и этого не заметил. Он заплакал в отчаянии: «Дотронься до меня, Господи, и дай мне знать, что ты здесь». И бабочка села ему на плечо. Но он смахнул ее и ушел прочь.

Как и ушла Эстер.

23

Иман

Солдаты Халифата ежедневно стягивали на разрушенную площадь сотни ни в чем неповинных крестьян, показательно наказывая их плетями. Над ними читали аяты Корана и били с чудовищным остервенением, пока кожа не начинала слезать с измученной плоти клочьями. Верные псы Диктатора не спрашивали имен, не выискивали свидетельств виновности или хотя бы жалкого на то намека. Не жалели никого: будь то ослабленные от болезни дети, беременные женщины или калеки – все получали положенные пятьдесят ударов. Те, кто оказывался сильнее, выживали и даже уходили на собственных ногах, проклиная мучителей. Убитых скидывали в общие могилы и закапывали.

Задумывался ли хоть кто-то, что Баррака стоит на костях тысяч таких убиенных? За все тридцать лет, пока Диктатор правил, на могилах скольких отцов – сыновей – матерей – дочерей была протоптана дорога? Страшных грех, презираемый во всех известных человечеству религиях, стал основой процветания одного из самых больших Халифатов на Востоке.

Вера будет последней, чью кровь предательски прольют на разрушенной площади. С нее сдерут дорогую одежду, обнажая болезненного вида спину. Вера будет харкать, измученная болью в легких, ибо болезнь так от нее и не отступит. Вера умрет чистой и совсем невинной.

Умар, да будет доволен им Аллах, рассказал:

«Однажды, когда мы находились в обществе посланника Аллаха, к нам неожиданно подошел какой-то человек в ослепительно белых одеждах с иссиня-чёрными волосами, по виду которого нельзя было сказать, что он находится в пути, и которого никто из нас не знал. Он сел напротив пророка так, что колени их соприкоснулись, положил руки себе на ноги и сказал: «…А теперь поведай мне об Имане».

А потом этот человек ушел. Когда же прошло некоторое время, посланник Аллаха спросил: «О Умар, известно ли тебе, кто задавал эти вопросы?» Я сказал: «Аллах и посланник Его знают об этом лучше». Тогда он сказал: «Поистине, это – Джибриль, явившийся к вам, чтобы научить вас вашей религии»».

Ее звали Иман.

Больно ли было той, чья кожа слезала с плоти длинными лоскутами? В воздухе слишком отчетливо витал солоновато-горький запах потерянной надежды. Иман, что вот-вот вспорхнет ввысь из бездны человеческого бесчестия, пытается при-

крыть обнаженные участки кожи. Эй, люди, за что вы караете ту, что была ни в чем не виновата?

– Отпустите! – она не будет просить о милости, глядя в глаза своим мучителям. «Ты должна быть такой же сильной, моя Иман. Как волчица».

На муки Иман издалека смотрела женщина. Щедро накрашенная, увешанная драгоценными камнями и пестрыми тканями, Дина аль-Муслим не произнесла ни звука. Насколько бесчувственным может быть сердце той, что всю жизнь боялась сначала тирана-отца, а после тирана-мужа?

Разворованное имущество особняка Фаруха аль-Муслима спасло очень много жизней. Оно насытило тех, кто оголодал до впалых щек и выступающих ребер. Благодаря ему получили одежду беспризорно скитающиеся по Барраке старики и дети. Из-за него будет вывернуто наизнанку столько судеб.

Больно только первые двадцать пять ударов. После – сердце просто перестает бороться. После – только образ той, что заменяла весь мир в глазах – ледниках цвета студеного моря. Вот-вот и голос Айнисы попадает глубоко под кожу, ударяет в клетку раздробленной грудины и бьет по самому сердцу – сердцу – сердцу. В легких жжет, Иман кричит и не узнает свой собственный голос. Что-то внутри трескается. Будто чернота перенесенной болезни пролезла к раздробленным ребрам. В эту секунду Вера становится почти осязаемой. В нее хочется уткнуться и вдыхать – вдыхать – вдыхать, чтобы сохранить глубоко в мозгу хотя бы память.

«Моя Айниса. Пожалуйста, пощади мое и без того измученное сердце. Только не плачь. Мы обязательно найдем друг друга в других жизнях. Ты только сохрани мою веру в своих ладонях. Нас будут ждать дикие подснежники с верхушки самых высоких гор, первый снег на ресницах и любовь – любовь – любовь. И я буду вновь лечить твои раны после очередной стычки с несносными мальчишками, утыкаться лбом тебе в грудь. Я буду сильной, как волчица, вгрызаясь клыками в любого, кто только посмеет обидеть мою девочку-солнце. Моя Айниса, ты была последней, кто коснулся моих раздробленных ребер. Ибо имя твое я пустила в крови по разорванным жилам глубоко под кожей».

Обмякшее тело не издает ни звука. Пальцы разжались. Душа сдалась и рванула куда-то высоко в небо. Остался лишь сгусток памяти среди ошметков плоти.

24

Элия

В твоем рождении не было радости и чего-то светлого, о чем любят рассказывать матери своим дочерям, расчесывая длинные локоны и заплетая их в косы. Усталая женщина, окропившая своей кровью право твоего рождения, никогда не ведала любви. Поэтому без зазрения совести отдала тебя пустыне, не воспротивившись воле бессметного Хаоса.

У вас, казалось, был лишь одинаковый цвет волос. Очи холодные, словно лед, ты взяла от отца, чем должна была быть горда, проживи свою жизнь там, среди серого тумана и запаха крови, что в обителях «Глаз Пустыни» были словно родные. Память о доме была сильнее, ярче, чем образ названной матери, ибо женщина, Умида, не была твоей крови. Дочь-волчица чувствовала это всем нутром, всеми фибрами души, всеми инстинктами дикого животного. Ей не было места в вашем доме, она лишь могла лить слезы, проклиная все сущее в этом мире, не зная цены и вкуса мира, прячась за увесистым золотом в своих шкатулках.

Когда Умида умерла, Элия не проронила ни слезинки. Ибо она лишила ее триумфа.

– Сегодня ты получил главную драгоценность на моей короне. И с этой минуты я буду звать тебя своим сыном, Керим, – открыв увесистую шкатулку, Халиф огромных земель Барраки достал массивный перстень. Серебряный лев был передан в руки Визирю, облаченному в праздничные одежды. – Перстень этот доныне носил сам Мухаммед Хан. Носи его с честью.

На женской половине дворца Владыки земель Барраки играла веселая музыка. Громко смеялись женщины, увешанные драгоценностями, а громче всех – принцесса Дария аль-Баррака. Она лучезарно улыбалась, хлопая в такт музыке под плавные движения танцующих наложниц. Ее срочно вызвали из Европы по воле совета безумного Диктатора, чтобы выдать замуж и дать престолу наследника мужского пола. Она приняла эту участь с большей радостью, чем возможность учиться искусству управления своими землями.

Чувствовала ли Дария, как злость сочилась из жил Элии, когда сестры обнялись? Как ненависть потекла по подолу ее свадебного платья, щедро украшенного драгоценными каменьями и золотой вышивкой? Маленькая птичка Дария, глупая и простодушная, без памяти влюбилась в своего будущего супруга. Ее совсем не волновало, что Керим Паша с радостью посадит драгоценную птичку в золотую клетку, будет кормить райской амброзией, холить и лелеять. Чтобы после спокой-

но отрезать своей птичке крылья, не дать улететь, если птичка изволит показать характер.

«Из знамений Аллаха – то, что Он создал для вас жен из вас самих же, чтобы вы находили в них успокоение, и установил между вами узы любви и милосердия. Воистину в этом – явное знамение для тех, кто размышляет».

Пока Верховный муфтий Барраки связывал узами брака старшую дочь Диктатора и ее супруга, листовки с призывом бороться против режима развешивались по всей столице. Пока жены, дочери и сестры благороднейших из благородных старались дотронуться до свадебного платья счастливейшей невесты, бунтовщики на окраинах Халифата готовили взрывчатые вещества и траурные песни. Пока принцесса Дария аль-Баррака молила Всевышнего, чтобы он даровал ей дитя в первую брачную ночь, в столице готовились к очередному бунту.

С большой силой приходит большая ответственность. Чтобы вознестись к небесам и вписать свое имя в историю, нужно опустится к самому дну и начать бороться. Нужно потерять самое ценное, чтобы после обрести нечто большее.

«Я так люблю тебя, моя обезьянка».

«Ты должна быть такой же сильной, моя Иман. Как волчица».

«Пошлет ли Аллах дитя в пустое тело, если по своей воле сделал женщину бесплодной?».

Народу Барраки обещали, что, когда трава станет совсем сухой, от чего начнет крошиться в руках, придет спаситель. Спаситель, способный принести мир и благоденствие в край, проклятый самим Аллахом. Спаситель придет из знатного рода, но будет сражаться во благо своего народа. Но для этого ему придется потерять истинную Веру. Спаситель придет отмщенным, когда на звездном небосводе сойдутся вместе полная луна и путеводная звезда.

«Воистину, твоему Господу лучше знать, кто сбивается с Его пути. Ему также лучше знать, кто следует прямым путем».

«Ему было лучше знать о вас, когда Он сотворил вас из земли и когда вы были зародышами в утробах ваших матерей».

Элия – «Высокочтимая».

Айниса – «Подобная луне».

Иман – «Вера».

Дина – «Отмщенная».

Эстер – «Путеводная звезда».

Дана Канафина

БЕСКАРМАННИЦЫ

посвящается моим лучшим друзьям Мади и Айлин

Глава первая

Мне двадцать девять, и совсем недавно сбылась моя давняя мечта – жить по соседству с книжным магазином. На первом этаже моего подъезда, где раньше была пекарня, открылся «Мой бумажный дом». Владелец сказал, что его магазин пока что не сеть, но он планирует его разрастить.

– Вот все говорят, что литература мертва, – поделился он со мной в день их официального открытия, – а я так не думаю. Люди сейчас умнее, чем когда-либо прежде, и нам доступно больше информации, чем когда-либо прежде. Такие взаимосвязанные явления.

Он помолчал, глядя на забитые до потолка книжные полки, а потом добавил:

– И даже если литературе конец, это же не означает, что мы не имеем права ценить то, что от нее осталось, верно? Даже если это сентиментальная память какая-то.

Я с ним охотно согласилась. Он улыбнулся мне в ответ, и все морщинки на его лице углубились.

Тот день был совсем некстати для открытия. Во-первых, была пятница. Взрослые предпочитали посидеть с детьми, по-настоящему, впервые за полную работы неделю. А молодые люди, как правило, тратили свои пятничные вечера не на открытия книжных магазинов. Справедливости ради, это не всегда их вина. В свои школьные годы я тоже никогда не ходила по книжным, но у меня на это были свои причины.

А еще в день открытия шел сильный дождь, и впервые за долгое время по-настоящему похолодало. В ноябре это уже означает, что дело идет к зиме. В Алматы зима короткая и щадящая, а не мокрая и ветреная, как, например, в Чикаго. Я сама не была в Чикаго, но я про этот город наслышана, поэтому могу приводить такое сравнение с уверенностью.

На открытие магазина, кроме владельца и меня, пришли две старушки, которых я знала, потому что они круглый год сидят на скамейках у меня во дворе.

Владельца магазина такая явка не расстроила, или он не подал виду. Он начал с короткой презентации о том, как он создал бизнес, и о том, куда, как он надеется, он разрастется. Так как нас было совсем мало, в конце он предложил всем выпить чаю с магазинным песочным печеньем.

После презентации я прошлась по магазину, и он меня приятно удивил. «Мой бумажный дом» продавал не только новые книги, но и ранее использованные, последние, конечно, значительно дешевле. По новым книгам, жестким, пахнущим, как деньги, я пробежалась быстро. Многие имена мне были знакомы, но о других

я никогда не слышала. Американская литература, например, мельтешила фамилиями и названиями совсем для меня чужими. Было ощущение, словно я листала книги с другой планеты, чудом добравшиеся до магазина на первом этаже моего подъезда. Литература начала двухтысячных же (которая, естественно, тоже была в отделе современной литературы) была мне намного ближе. Даже прежде не тронутая, она отдавала старым знакомством, как открытка от полузабытого знакомого.

Однако в итоге я решила не брать книг. Желая все-таки поддержать магазин, я обратила внимание на закладки у кассы. Вблизи они оказались даже симпатичнее, чем издали. Матовые, в готической расцветке, они выглядели дорого, несмотря на то, что были сделаны из картона.

Мы разговорились с владельцем, именно когда я стояла у кассы. Рассказав о своих взглядах на ни живую, ни мертвую литературу, он спросил, как я, в свою очередь, оказалась на открытии. Объяснив, что я живу по соседству с мужем и ребенком, я добавила, что работаю в юридической компании. Я опустила, что работаю помощницей бухгалтера, а не адвокатом, поэтому владелец пошутил, что если у «Моего бумажного дома» будут проблемы с законом, то он знает, к кому бежать. Я все равно посмеялась.

Только расплатившись за закладки (я выбрала три: одну с картинкой стопки книг, другую с видом какой-то загадочной улицы под дождем, и еще одну с панорамой леса), я заметила журнальный стенд около кассы. Стенд стоял рядом со входом. Я на секунду подумала, что если много людей зайдет в магазин во время дождя или снега, то капли обязательно попадут на первые страницы, придав им неприятный волнистый вид. Мое сердце остановилось, когда я увидела, что один из журналов – «Космополитен». Он мне не попадался в бумажном виде уже много лет. И вот он лежит. Смотрит на меня своими стилизованными буквами, белыми, как асбест, и отсутствующим взглядом модели на обложке. У меня перехватило дыхание, и, сама того не замечая, я сжала закладки в ладони так, будто они могли меня от чего-то отгородить. После нескольких мгновений леденящего ступора я, к удивлению владельца и двух старушек, громко вздохнула. В тот момент я впервые за почти месяц осознала, что Асем умерла. Асем умерла. Ей, как мне и большинству моих одноклассниц, в предстоящем году должно было исполниться тридцать лет.

Глава вторая

Родители отдали меня в лицей потому, что ходил слух, что там образование лучше, чем где-либо еще. Лицеи открылись через год после начала казахстанской независимости, в 92-ом, который стал и годом моего рождения. Все говорили о них, как о новых, революционных, несоветских школах. Мои родители не знали никого, кто бы учился в Лицее, поэтому этим слухам верили.

Моя мама не работала, а папа менял работы каждые несколько месяцев. Я не могу точно сказать, чем он занимался, когда я поступала в Лицей. Кто-то очень образованный нашей семье нужен был позарез, а я была старшим ребенком.

На вступительные экзамены мы с мамой ехали в плацкартном вагоне поезда. Дорога до города занимала три часа, сами экзамены начинались в восемь, поэтому выехали мы в четыре.

Мама потрясла меня холодными руками, чтобы разбудить. Я сразу села в кровати, совсем не сонная, но со слипшимися за ночь глазами. Мы подготовили мне одежду за ночь до отъезда, и я искала ее в темноте наощупь среди одеял и пледов. Рядом со мной спали две мои младшие сестренки. Я боялась их разбудить. Самая младшая – ей тогда было пять лет – сопела во сне забившимся носом. Ей бы высморкаться, но я не стала ее будить. Если бы я в тот момент разбудила ее, она бы уже не уснула. Может, даже стала бы проситься поехать вместе с нами. В городе мы бывали редко. Почти никогда.

В дрожащем плацкарте мама принялась вплетать бантики в мои волосы, доверив мне держать ленты в руках. Она вплетала их между волос, оставляя точечную боль там, где тянула локоны от корня. Иногда она давила пальцами мне на макушку. Я сжимала зубы, водя пальцами по полупрозрачному белому полиэстеру. Когда она забрала у меня последнюю ленту, я впилась ногтями в штаны. Материя была толстая и холодная, как бетон под снегом.

– Что такая кислая? – спросила она, закончив с прической. – Больно? А рожать потом как будешь, когда вырастешь?

Потом мама вытащила еду, которую припасла нам на завтрак. Она передала мне маленький контейнер с двумя вареными яйцами и два бутерброда, завернутые в прозрачную пленку.

Я не любила вареный желток. Особенно холодный, он сушил мне рот. Не протестуя, я съела одно яйцо, рыхлое и несоленое, и распаковала бутерброд. Между двух кусков батона прятался толстый ломоть докторской колбасы, намасленный с обеих сторон. Бутерброд пах железом, видимо, от ножа.

Когда я протянула маме оставшуюся еду, она потрясла головой и сказала, что не голодна.

– Сама съешь, – добавила она.

И я съела. Было странно ощущать, насколько голодной я на самом деле была.

Спать не хотелось, я смотрела в окно. Степи, призрачные, нечеткие в темноте, проносились у меня перед глазами. Стекло было в маленьких коричневых каплях, и казалось, что они бегают по полю. Небо было тусклым, земля – мрачной, и весь мир был словно в два слоя.

Приехав, мы сразу отправились в школу на такси.

Водитель был старый и неулыбчивый, с грубой кожей на коричневых пальцах. Лица я его толком не разглядела – он обернулся к нам только один раз, когда мы сели в машину и мама продиктовала адрес. Когда мы вышли, он на нас и не взглянул.

Город был живой и пульсирующий, такой же, каким я его помнила с детства. Я была здесь только один раз до этого. Папа работал кем-то в городе тогда (кажется, строителем, но я не уверена до сих пор) и пропадал здесь неделями. Я все напрашивалась его проведать, и мама отправила меня на день, чтобы отец меня поразвлекал. Мне тогда было года четыре.

В городе были широкие расчерченные дороги. После тряски вагона казалось, будто мы плывем, а не едем. Был рабочий день и раннее утро, поэтому люди на улицах спешили. Я отчетливо помню, как мы проехали мимо молла, который даже на рассвете светился огнями, словно маяк. Повернув направо, мы заехали на тонкую дорогу, с обеих сторон заросшую сорняками и сухими деревьями. Высотки стремительно уменьшались по ходу движения, а сама дорога полого вела вниз. Школа стояла будто на дне огромной чашки.

У Лицея я выбралась из машины сразу, пока мама оплачивала проезд. Ворота у школы были выкрашены в черный. Вблизи было видно, что местами краска облуплена изнутри, но не снаружи. Перед школой раскинулся сад с широкой тропинкой посередине. В мае деревья только начали цвести, и сквозь короткую новую зелень здания было почти не видно. Мама потянула меня за руку, и мы прошли в ворота.

Охранник в будке смотрел какое-то шоу на маленьком пузатом телевизоре. Когда мы подошли, он выключил звук. Вытерев пальцами усы, он спросил:

– На экзамен? Рано вы. Ну, проходите.

Со двора школу было видно сразу. Она была светло-коричневая, цвета гречки. Два одинаковых этажа, а крыша над ними нависла немного криво, как челка. За темными окнами я увидела, когда мы подошли поближе, пустые классные комнаты.

В школьном холле в форме прямоугольника собралось совсем немного людей. Они сидели на диванах, которые стояли вдоль трех стен. На четвертой стене, противоположной входу, висел флаг страны и было два больших постера с гимнами. Один из них был гимн Казахстана, другой – Турции.

– Я тут тебя подожду, – сказала мама и грузно села на один из диванов.

Я думала сесть рядом, но не стала. Подошла к одному из окон с ситцевыми белыми шторами. Окно было приоткрыто, из-за шторы пахло зеленью и пылью. Сад выглядел таким густым, словно он простирался на многие километры, а калитки и забора за ним вовсе не существовало.

Постепенно подходили другие участницы отборочного тура. К началу конкурса нас, должно быть, было больше сотни. Холл был забит моими ровесницами и их родителями. Почти все они теребили что-то в руках. Я ловила чьи-то взгляды в толпе, такие проникновенные, будто на кону стояла вся наша жизнь.

Забавно то, что я не могу сказать, что это было не так. Вокруг Лицея клубилась загадочная атмосфера, он обладал необъяснимым престижем, как старая богатая женщина, которая никому не рассказывает о своем прошлом. Я часто слышала, как говорят о выпускниках лицея в самых странных местах. Помню один случай, который произошел за несколько лет до моего поступления.

– Где-где он учился? – спрашивал человек в костюме, вцепившись в автобусный поручень.

– В том этом Лицее, – небрежно отвечал второй человек. Я не видела его, только слышала шершавый, тугой голос. – Ну, это неудивительно же.

– Правда, неудивительно, – отвечал первый мужчина, глядя куда-то вдаль.

Потом он опомнился, моргнул пару раз и посмотрел в сторону невидимого мне собеседника. – И что, он не странный совсем?

– Да с чего он будет странный? – с легким раздражением отозвался тот. – Пацан и пацан, как все.

– Но Максат, который тоже лицейский…

– И я лицейский, что теперь?

Первый человек запнулся на слове, неловко сжав губы. В автобусной тряске его редкие волосы будто подпрыгивали на макушке.

– Ничего, – в итоге ответил он, отведя взгляд. Тут он заметил, что я пялюсь на него, пришлось опустить глаза на носки своих старых туфель.

В классные комнаты нас загнали в алфавитном порядке. Будучи Улболсын Т., я оказалась во второй трети списка, и мой кабинет был в конце коридора на первом этаже. Меня посадили около стены с батареей, бетонно-холодной в конце весны.

Сейчас я уже не могу толком вспомнить, что конкретно спрашивали на экзамене. Помню, была математика, казахский, история. Все вопросы предлагались с вариантами ответа, и к концу двухчасового экзамена эти кружки мельтешили у меня перед глазами.

Когда я вышла, мма сидела на том же месте.

– Ну? – спросила она.

Я не могла ничего прочесть по ее жухлому темному лицу.

– Нормально, – ответила я.

Она кивнула:

– Давай тогда домой.

Из окна такси я наблюдала за тем, как уменьшалась на расстоянии школа. Вот она стояла, огромная, за воротами, и вот она словно таяла, становясь размером с собачью будку, деревянный ящик, спичечный коробок, а потом исчезла вовсе при повороте направо.

Через месяц нам позвонили на домашний и дали знать, что я поступила. Мама приготовила казы, чтобы отпраздновать. Моя сестренка стала спать не просто рядом со мной, а схватившись за мою руку во сне. Душное лето все провели, готовясь отпустить меня. Мы много говорили о том, что я буду приезжать каждые каникулы и даже, может быть, на выходные, если мама найдет работу и будет высылать мне деньги на поезд. Папа сказал, что ко мне ездить, сестренок возить с собой, будем все вместе гулять по городу.

Когда я уже уехала в Лицей первого сентября, никто не знал, что ничего этого не сбудется.

Глава третья

Окна моего общежития выглядывали в сад. Сад находился между двумя крыльями Лицея, поэтому в дни, когда я оставалась в общежитии (обычно, болея), я могла видеть, как у всех остальных идут занятия. На втором этаже с южной стороны крыла проходила алгебра и геометрия, на первом – турецкий и английский языки.

В сентябре, когда я вселилась, сад зарос одуванами и дикими фиалками. В центре сада был люк под железной сеткой, который, казалось, никогда не открывался. Он был настолько огромным, что трава его толком не покрывала. Иногда, особенно, когда мои соседки по комнате надолго уезжали из общежития и приходилось спать одной, мне снились кошмары про этот люк. Мне снилось, что я стою у его края, и мы бесконечно смотрим друг на друга, пока люк не пожирает меня всю целиком, не жуя. После таких кошмаров я не могла уснуть, даже если было очень темно, а просто лежала в темноте, слушая бормотание девочек через стену.

В комнате были две двухэтажные кровати, четыре тонких шкафа и одно зеркало у двери. Моя постель была слева внизу, а мой шкаф – ближайший к ней, тоже слева.

В общежитие с собой я привезла из деревни чемодан вещей. Это был средних размеров чемодан, примерно как ящик из-под фруктов на базаре. При сборе вещей я поняла, что собственно своего у меня было мало – одежду я почти всю делила с сестренками. Только одна пижамка была исключительно моя, и я упаковала ее сразу. Именно ее я первым делом вынула из чемодана. Она была нежно-розовая, как носик кота или зефир, с двумя глубокими карманами по бокам. Я надела ее сразу по приезде, хотя было всегда четыре часа дня. Запихнув обе руки в карманы, я разглядывала, что осталось у меня в чемодане. Безличные куски хозяйственного мыла, бледные старые полотенца, тапочки с затоптанной внутренней стороной подошвы, тетради, ручки с покусанными кончиками, отбитые у сестер и теперь целиком мои кофты, колготки, штаны, куртка. Все это, местами сложенное, местами скомканное, пахло домом: вареной капустой, лошадью, моющим средством.

Я нашла игрушку, которую мне сделала пятилетняя сестренка Дина. Из старой подушки она сшила что-то вроде плюшевой куклы, а вместо одежды у нее было разрисованным фломастером туловище. Я подозревала, что куклу ей помогли сделать все в доме. Во-первых, швы выглядели достаточно сложными. Во-вторых, несколько раз за лето я ловила Дину с сестрами или с мамой, занятыми чем-то, что они упорно от меня скрывали. Когда я спрашивала у них об этом, они смеялись:

– Да ну, городская интеллектуалка, дай нам, деревенским, свои секреты подержать.

Я усадила куклу на подоконник, задумавшись о том, как ее назвать. Я так и стояла, когда в комнату без стука зашла еще одна девочка. Меня на секунду это спугну-

ло, и я, должно быть, выглядела ошарашенной, потому что она хихикнула и спросила по-доброму:

– Ты чего вытаращилась?

Инстинктивно я тоже улыбнулась:

– Не знаю. Почему-то думала, все остальные завтра заедут.

У моей новой соседки, которую, как выяснилась, звали Камила, был чемодан чуть больше моего, хотя ее деревня была ближе, чем моя. Я про это место ничего не знала, но, судя по описанию Камилы, это был полноценный населенный пункт.

– Как это ты никогда про Узынагаш не слышала? – удивлялась она, когда мы разбирали домашние вещи.

Я помотала головой, поглядывая на то, как она складывает бесчисленное количество кофточек и кладет их в свой шкаф. Кровать и шкаф она выбрала напротив меня. Ей нужна была нижняя койка, объяснила Камила, потому что она плохо спит иногда, ворочается и не хочет никого будить.

– Тем более, – заверила она меня, – я никогда не спала вне дома и, между нами, вообще не уверена, как я с этим справлюсь.

– Да? – ответила я, смахивая несуществующие пылинки со своей голубой подушки. – А я вот много раз спала вне дома, и мне всегда спится очень легко.

– Правда? – в ее голосе послышалось удивление, хотя я не могу сказать, как выглядело ее лицо, сосредоточив взгляд на углу подушки. На нее падал свет, и каждая складка отдавала оттенками сизого.

– Да ничего серьезного, – пожала плечами я, – я выигрывала на всяких конкурсах у себя в школе и ездила в город на соревнования.

Мне стало страшно, что она спросит у меня какие-то подробности по этому поводу, но секунд через десять молчания она сказала:

– Ничего себе.

И тема разговора потом как-то сама по себе сменилась.

Я точно помню, что наш первый разговор прошел именно так, и вспоминать об этом сейчас мне почти странно. Должно быть, мы уже тогда, даже до начала занятий, осознавали значимость наших знаний, а точнее – способность благодаря им соревноваться. В конце концов, нас отобрали через тесты. До Лицея знания и мудрость приравнивались к тому, чему нас непосредственно учили в школе. Хотя в Лицее, наверное, так же было – просто то, чему учили, диверсифицировалось, иногда до неузнаваемости.

Полностью от этого разговора я отошла только за ужином. Все приемы пищи проходили в другом здании, но в пределах пространства школы. Столовая располагалась на первом этаже бетонного здания, на втором этаже был актовый зал, как мы выяснили позже.

На наш самый первый школьный ужин нам подали что-то вроде овощного рагу с мясом. У меня в глубокой тарелке были бруски полутвердой картошки, текстурой напоминающей пенопласт, тонкие и маленькие, как пазлы, кусочки говядины, помидоры, морковь, прозрачный лук. Все вместе сварено в бульоне с добавлением

подсолнечного масла. На вид это напоминало дом, но привкус железа отправлял меня в поезд, в город, в большой мир.

Камила и я сели в конце одного из длинных столов. В зале было, наверное, человек двадцать, но они все знали друг друга и сидели небольшими компаниями. Мы побоялись к кому-нибудь подсесть.

Мы особо не разговаривали за едой, обе оказались голодными, но в какой-то момент она заметила:

– Я именно таким Лицей и представляла.

– Каким? – я подняла брови. Мне не казалось, что мы успели что-либо понять.

– Обширным, – уверенно объяснила она и после паузы добавила: – это для меня большая возможность.

Я кивнула, и мы продолжили есть. Закончив, мы вернулись в комнату и легли спать.

Спалось мне плохо, в основном из-за того, что непривычно было не чувствовать Дины под боком. Я наблюдала за лицом куклы у окна, в свете единственного наружного фонаря, но не решилась взять куклу в кровать.

Первый день учебы начинался в девять утра, и я к нему толком не подготовилась. Если бы с того дня сохранились фотографии (а они, возможно, сохранились с моим случайным лицом рядом с ребенком, родители которого правда решили снять фотографию), на них можно было бы видеть, насколько я не выспалась и не прихорошилась. Всю линейку я стояла, напуганная толпой, толком не соображая, невольно разглядывая двухметровый школьный забор.

На линейке я случайно познакомилась с Ару. Она спросила, буду ли я жить в общежитии и в какой комнате, и оказалось, что мы обе будем жить в пятой. И когда мы с Камилой проводили Ару в нашу общую комнату после линейки, мы застали там Асем. Она была четвертой, последней, кто к нам подселил-ся.

Глава четвертая

Ежедневная рутина была такой монотонной, что мне казалось, словно она вросла в меня. По сей день, например, мне странно держать зубную щетку в ванной, теперь уже моей ванной, которую я делю только с семьей, а не прятать у себя в шкафу, боясь, что украдут. Воровали у нас в общежитии намного чаще, чем кто-либо из преподавателей или Старших Сестер был готов признать. Уже в течение первых нескольких месяцев в Лицее у меня, у которой не было ничего ценного, и то украли всякую мелочь. В основном это были цветные пластиковые ручки, которые я набрала из дома, чтобы настроиться на учебу, но еще носки и тюбик пасты. Обиднее всего было именно за тюбик пасты. Он был почти новый, потому что я его начала только в Лицее, а шла всего-то вторая или третья неделя занятий. Это был первый раз, когда я начала сильно болеть в общежитии, и, как выяснилось, далеко не последний.

По ночам у меня развился нечеловеческий, разрывающий горло кашель. Я просыпалась от него среди ночи, безрезультатно пытаясь выкашлять слизь, застрявшую в горле, но кашель был сухой и горький, как ветер из старого вентилятора. Из-за этого я толком не спала, и подъем в шесть утра был для меня не подъемом, а воскрешением.

На этом фоне я случайно оставила зубную пасту на раковине после утренней чистки зубов. Я вспомнила об этом буквально через две-три минуты после возвращения в комнату и побежала обратно по холодному полу без тапочек. Но ни на одной из туалетных раковин уже не было моего тюбика.

Смешно сейчас и почти стыдно вспоминать, как сильно это меня расстроило. На занятиях я только и думала о том, что при ближайшем походе в магазин (он у нас был раз в месяц, несмотря на то, что маленький шаткий магазин был на расстоянии менее километра от школы, – выходить с территории Лицея мы могли только в сопровождении Старшей Сестры или учителя) нужно будет потратить свои драгоценные карманные на пасту. А все остальные смогут накупить себе городских конфет. Конечно, выбор тогда был не такой, как сейчас, но все-таки это была середина двухтысячных, значит, конфеты в ассортименте были. До нашей деревни, ясное дело, почти ничего не доходило, а город у меня всегда ассоциировался именно со свободой выбора, обилием. Недоступным в тот момент, потому что мне нужна была новая зубная паста.

Помимо этого, поход в магазин намечался через несколько дней, если не через неделю. Значит, до этого мне придется ходить с грязным ртом.

Вечером того дня я сидела в большой зале первого этажа общежития, которую называли читальней. Там не было ни книг, ни парт, только бледные бежевые ди-

ваны вдоль трех стен. У четвертой стояла тумбочка с одиноким телевизором без пульта, потому что пульт, как нам объяснили, был на хранении у одной из Старших Сестер. Замысел заключался в том, что тут все собираются ближе к вечеру, сидят на диванах или на таком же бледно-бежевом ковре и читают. На практике я такого почти никогда не видела. В основном девочки собирались тут поболтать. Разок я даже заметила, как тут играли в карты, но это было уже позже, почти под Новый год. Помню, тогда я заглянула в читальню просто так, от нечего делать, и старшеклассницы с неоспоримыми картами в руках смотрели на меня, застыв, даже не попытавшись ничего спрятать. Я моментально закрыла дверь, и мне, как, я думаю, и им, вдруг стало так стыдно и страшно, словно я застала их раздетыми, а не за партией в «дурака».

В тот вечер в читальне я присела рисовать. Рисовать у меня никогда хорошо не получалось, но это было мое большое хобби, особенно в том возрасте. Не могу сейчас вспомнить, что конкретно я рисовала в тот вечер, скорее всего, это была зарисовка чего-то, что я видела в тот день. Может быть, даже моего несчастного тюбика с зубной пастой.

В какой-то момент в читальню зашла Старшая Сестра Жамал. Она не была Старшей Сестрой моего класса (нашу звали Меруерт), поэтому я очень удивилась, когда она со мной заговорила:

– Маленькая, ты чего такая кислая?

Я подняла на нее глаза и несколько тупо ответила:

– Здравствуйте, Старшая Сестра Жамал.

Старшие Сестры были чем-то вроде менторов. Они нам не преподавали (напротив, часто они сами учились в университете), но они следили за порядком в школе и особенно в общежитии.

– Как тебя зовут?

– Улболсын.

Старшая Сестра подсела ко мне. Я закрыла тетрадь и смотрела на нее во все глаза.

– Ты же семиклассница, да? Я тебя раньше не видела, – сказала она.

Я кивнула. Тогда она спросила снова:

– Что-то случилась? Ты грустная такая.

Кроме нас в комнате были две девочки из класса постарше, которые что-то активно обсуждали, не обращая на нас внимания. Я робко рассказала про свою трагедию с зубной пастой.

– Да ну, чего тут расстраиваться, – мягко сказала она, выслушав меня, – давай с тобой посмотрим на эту ситуацию под другим углом.

Я кивнула.

– Какие, по-твоему, есть самые ценные вещи на свете?

У меня никто никогда не спрашивал такое, и я не нашлась, что ответить, поэтому Старшая Сестра начала перечислять за меня, загибая пальцы:

– Например, твоя честь.

Я кивнула.

– И семья. У тебя же есть семья?

Я снова кивнула, к глазам подступили слезы. Почему-то сразу показалось, что я, посеяв эту зубную пасту, подвожу мою семью, живущую далеко в деревне.

Тогда Старшая Сестра поманила меня к себе, и я положила голову на ее плечо. Я не плакала навзрыд, только чуть-чуть, большими слезами, безмерно горькими, как океан. От Старшей Сестры слегка пахло потом и столовой, но, справедливости ради, мы все тогда так пахли. Официального запрета на парфюм в общежитии или школе не было, но мне сейчас правда сложно вспомнить, что им пользовались только на Выставках, так что какая-то негласная договоренность, видимо, была.

– Я помню, мне тоже было сложно в седьмом классе, – призналась тогда Старшая Сестра. – Это пройдет, если будешь помнить свои ценности, как я сказала.

Я снова посмотрела на нее.

– Что мы с тобой решили? Честь, – она снова загнула палец, – семья, – еще один палец, – и вера.

Семья, в которой я выросла, не была религиозной. Мы праздновали Курбан Айт, ели барана, но не было такого, чтобы кто-то ехал в мечеть по пятницам, например.

– Вера как в Бога? – уточнила я.

– В Аллаха.

Девочки перестали болтать и обернулись на нас. Я отчего-то застеснялась и сказала:

– Да, хорошо.

– Значит, это твои ценности, Улболсын?

– Да.

Старшая Сестра Жамал улыбнулась и снова, к моему удивлению, погладила меня по голове. На секунду я понадеялась, что она поделится своей зубной пастой или предложит мне тюбик из заначки, но ни того, ни другого не произошло. Со временем я выяснила, что это не входит в обязанности Старших Сестер.

В итоге меня выручила Асем. Ближе к отбою я сидела у себя в кровати, завернувшись в одеяло. Меня знобило так же, как в прошлые дни. В Алматы после темноты температура сильно падает, разница иногда бывает до десяти градусов. В сентябре, естественно, никакого отопления не было, и на мое состояние это наложилось наихудшим образом.

Асем, спавшая надо мной, свесила голову и посмотрела на меня.

– Слушай, – сказала она, – а помнишь, что по истории мира задавали?

Мы обсудили задание, которое нужно было закончить к следующей неделе, а потом она спросила:

– Ты что, болеешь?

Я кивнула.

– Ничего себе, подружка, – усмехнулась она, – мы же только заехали, считай.

Я пожала плечами. Она добавила:

– У меня есть такое лекарство, которое иммунитет улучшает. Хочешь?

Кроме зеленки и обезболивающих у меня ничего не было (до Лицея я почти никогда не болела), поэтому я с радостью согласилась. Асема спустилась и важно заявила, что пойдет на кухню, наберет мне горячей воды.

– Ты что? – перепугалась я. – На кухню же нельзя без Старшей Сестры!

– А чего мне? – махнула она рукой, – я тихо. Да и у них вроде сейчас собрание до самого отбоя. Не поймают.

Она вернулась минуты через три с фиолетовой кружкой. Краска на ней слегка облезла, изнутри были видны выжженные временем, уже несмываемые следы кофе, но вода в ней была теплая-теплая. Асемино лекарство оказалось порошком, в составе которого были всякие витамины.

– Я всегда такое пью, когда мне так плохо, как тебе. У меня таких с собой всего пять, так что от сердца отрываю, – заявила она.

Растворенное в воде лекарство на вкус было отвратительным и почему-то оставило сухость во рту. Но Асем была права – уже минут через пятнадцать мне значительно полегчало. Я почувствовала, как мой озноб ослаб, и расцвела, пока она делала домашку по истории, сидя рядом со мной на кровати.

– Вот видишь, – засмеялась она, – уже и не дохлая совсем.

Камилы и Ару тогда не было в комнате, поэтому мы продолжили болтать вдвоем. Асем была городская, что для меня было диковинкой, и при каждом удобном случае я спрашивала у нее про Алматы.

– Я прям столько подробностей не знаю, – отмахнулась она тогда, – я же живу около аэропорта, а это фиг знает где. Я не говорила, что ли?

Это поразило меня еще сильнее:

– И ты что, видишь, как люди улетают из города?

– И из страны, – заявила она очень важно.

Мы помолчали. Она – гордо, я – удивленно и уважительно.

– А вот ты бы куда хотела полететь? – спросила она.

Я честно созналась, что никогда об этом не думала.

– Я бы улетела во Францию, – поделилась Асем, – люблю круассаны до смерти. Вот полечу в Париж, забегу в первое попавшееся кафе и так и скажу: «Силь ву пле, круассан!»

Я покраснела, потому что никогда не пробовала круассаны и не поняла, что она сказала. Неопределенно кивнув, я сменила тему разговора.

Ближе к отбою мы вместе пошли в ванную. Она у нас была в конце коридора на первом этаже, на втором была кухня. Заметив, что я чищу зубы без пасты, Асем подняла брови. Я рассказала ей всю эту историю. Она снова засмеялась:

– Глупая ты, чего сразу не сказала? На, мою будем делить пока что.

Она выдавила полоску пасты на мою щетку. Это была удивительно белая паста для взрослых, с характерным запахом мяты, свежая и сладкая на вкус.

Глава пятая

Хотя тот вечер значил многое для меня и моих взаимоотношений с Асем, я не могу сказать, что между нами была особенная близость, по крайней мере, тогда. Большую часть времени мы все-таки были вместе с Камилой и Ару, и поэтому моя дружба росла в разных направлениях, как ветки деревьев. Точно могу сказать, например, что на турецком меня посадили с Камилой, на алгебре – с Асем, а на физике – с Ару. На всех остальных уроках я сидела с другими одноклассницами, на каких-то мои соседки даже повторялись. На истории Казахстана и геометрии я сидела с Мадиной Д., со временем ставшей одной из самых больших загадок нашего класса, если не всей школы. На английском и самопознании я должна была сидеть с Алтынай Ш., только мы очень быстро поняли, что преподавателю самопознания, забывчивому мужчине, ведущему несколько разных предметов у других классов, было безразлично, как нас изначально рассадили. Алтынай пользовалась этим, чтобы на каждом самопознании сидеть с одноклассницами, которых она, очевидно, находила интереснее меня.

Рассадка нас по местам в начале года вообще не имела ни смысла, ни логики. На эту мысль меня навела Мадина:

– Обычно сажают мальчиков с девочками. А тут что? Все равно все будем болтать.

Точность этой мысли поразила меня настолько, что я поделилась ею со всеми своими тремя подругами. Камила, с которой у меня был турецкий в тот же день, ответила, что ничего такого в рассадке мест не видит.

– Ну правда ведь, мы же наоборот так легче перезнакомимся, и на каждом уроке будет галдеж, – не унималась я.

Камила начала безучастно отнекиваться, говоря, что, мол, урок идет. Я не посчитала это оправданием. На тот момент я уже знала, что она в учебе заинтересована не так сильно. Об этом она мне сама открыто заявила на второй же день учебы.

После нашего разговора в столовой я, можно сказать, несколько побаивалась Камилу. У меня сложилось впечатление, что ее желание учиться в Лицее было связано с тем, что она умнее большинства из нас, или у нее есть какие-то скрытые таланты, до которых нам – или, по крайней мере, мне – никогда не дорасти.

Поэтому за обедом первого учебного дня, когда мы вчетвером сидели за тарелками бледного супа, я спросила:

– Камила, как тебе пока что учеба?

Она сидела слева от Ару, по диагонали от меня. Перестав ковырять переваренную картошку в бульоне, она подняла на меня неожиданно суровый взгляд:

– В смысле?

Я смутилась.

– Ну, просто ты говорила, что очень ждешь, когда начнем учиться. Все такое.

– Да, – все так же строго ответила она, неожиданно покраснев то ли от гнева, то ли от стыда. – Лицей – большая возможность. Очень важно, знаете ли, в какой школе кто учится. Это же, по сути, влияет на то, какими мы людьми становимся.

– Да ну, ты чего, – криво улыбаясь, вмешалась Асем, – она же тебе типа комплимент делает. Типа ты, очевидно, самая мозговитая, вот она у тебя и спрашивает, а не у нас, простолюдинок.

Ару тихо хихикнула.

– Потому что Лицей – это больше, чем знания, – продолжала Камила, проигнорировав Асем и Ару, – в Лицее учат не только так урокам всяким, но и манерам, этике, поведению в обществе. Из Лицея можно выйти человеком с большой буквы!

Мы втроем замолчали, коротко переглянувшись друг с другом.

– Особенно для нас, мы же девочки, – продолжала Камила, красная, как турецкий флаг, – понимаете? Надо что-то из себя представлять.

– Понимаем, – неожиданно ответила Ару. Профиль у нее при этом был напряженный. – Ты права.

Асема подняла брови, но ничего не сказала. Я как-то тупо добавила:

– Извини.

Но Камила уже вернулась к ковырянию рыхлой картошки.

Этот разговор не перерос в открытый конфликт, поэтому, наверное, можно сказать, что все было нормально. Временами только я, как тогда на турецком, чувствовала от Камилы холодок. Из-за этого мне жутко хотелось как-то восстановить свой образ в ее глазах, доказать, что я не просто какая-то дурочка, которая не понимает, что к чему и для чего.

Поэтому я снова попыталась допытаться до нее на одном из уроков:

– Они, значит, рассаживают нас для дисциплины, верно? – продолжила я свою мысль, – они так показывают, что нужно делать так, как нужно, да?

Камила тихо выдохнула, зажмурившись. Я испугалась, что она снова будет меня ругать, но она неожиданно ответила, посмотрев мне в лицо:

– Да, Улболсын, я думаю, ты права.

До конца урока она со мной не разговаривала, но и я ей ничего не сказала. Для меня это было маленьким достижением, и я решила оставить пока что все как есть.

Ару тоже не показалось скандальным, что нас рассадили.

– Если честно, было бы более странно, если бы нас не рассаживали, – сказала она как-то отсутствующе. Физика для нас всех была новым предметом, но привлекла она почему-то только Ару.

– Почему?

– Ну как же? Нам что теперь, самим выбирать, где сидеть во время урока? Никогда так не было.

Я не знала, что ей ответить. Она была права.

Асем же посмеялась. Ей, как и мне, алгебра была не близка.

– Да, правда, совсем не продуманно. Вот увидишь, уже во второй четверти будет галдеж.

Галдежа во второй четверти не случилось по причинам, которые были на тот момент неизвестны никому из нас.

Факт оставался фактом – сидение за разными партами во всех классах нас не сближало. Большую часть времени мы проводили вчетвером в общежитии. До восьми у нас была так называемая самоподготовка, где мы сидели в кабинете с другими одноклассницами из общежития и делали домашнее задание под наблюдением Старшей Сестры, чаще всего – Меруерт. Меруерт не была строгой, но отсутствие этой строгости заменялось ее холодом. Иными словами, ей было все равно, если мы рисовали в тетрадях (чем я занималась большую часть времени), но она расщедривалась на тоталитарные шиканья, если мы хоть чуть-чуть шептались.

После восьми до девяти тридцати (что было временем отбоя) мы были, по большей части, предоставлены сами себе. Именно по таким вечерам мы собирались вчетвером и обсуждали что-нибудь. Из Асемы мы вытягивали разные интересные истории из городской жизни, а она в ответ требовала, чтобы мы рассказали про свои деревни.

Другая вещь, которая связывала нас четверых, были загадочные выступления в актовом зале, на которые нас массово загоняли. Тематика этих встреч варьировалась не только из раза в раз, но и из года в год, о чем мы тогда, естественно, не знали.

Первая такая встреча была посвящена нашей школьной форме. Ее нам выдали после линейки, и мы примерили ее в тот же день. На правах семиклассниц нам достался размер XS, но на практике он был большой нам всем. Лишь на Камиле, у которой, как я с некоторой неловкостью заметила, уже была грудь, более или менее нормально сидела рубашка. В остальном мы выглядели так, словно нас завернули в ткань, как стог сена. Клетчатая серая юбка, колючая, шерстяная, соскальзывала с моей талии на тазовую кость, едва держась даже там.

– И нет ни единого кармана! – с досадой подметила Асем.

На встрече в актовом зале нам сказали, что очень важно, чтобы мы не меняли и не ушивали эту одежду, и в деталях рассказали про необходимую длину юбок – минимум четыре пальца ниже колена. Моя юбка доставала мне чуть ли не до самых пят. По окончании каждого школьного дня я с некоторой завистью смотрела на мою куклу, все также смирно сидящую на подоконнике, и завидовала ей, мечтая о том, чтобы тоже нарисовать на себе фломастером удобную одежду.

Глава шестая

Еще одним важным аспектом того периода, который я пока не упомянула, были чаепития. Они подкрались к нам незаметно, навеянные окончанием первой четверти, и ассоциировались с этим стрессом.

На чаепитие Старшая Сестра Меруерт позвала ближе к концу октября. Я тогда много нервничала насчет контрольных по алгебре, потому что, как я уже упомянула, у меня с этим тогда было решительно плохо. Наверное, если бы у меня была возможность сказать себе той, что я превращусь в бухгалтера, когда вырасту, она бы очень, очень удивилась.

На одной из самоподготовок я сидела и чуть не плакала над каким-то очередным заданием, паникуя насчет завтрашнего теста. Впервые я в полной мере осознала, что, если меня выгонят из Лицея из-за неуспеваемости, случится что-то очень плохое. Сейчас я уверена, что это было связано со страхом предать семью. С ужасом я представляла, как на меня посмотрели бы мои близкие и вся моя деревня, если бы я объявилась дома неожиданно, посреди года, с потупленным взором и идиотскими оправданиями.

Старшая Сестра Мерует подсела ко мне неслышно, я даже вздрогнула, увидев ее рядом. Она посмотрела на меня с неожиданным участием, так странно контрастирующим с ее привычной холодностью. Ее губы, тонкие и бесцветные, как дождевые черви, вытянулись в улыбке.

– Маленькая, ты что, из-за теста переживаешь?

Чувствуя, что слезы хлынут из меня неконтролируемо, если я заговорю, я просто кивнула.

Старшая Сестра, продолжая улыбаться, сказала:

– Я тебя понимаю. В твоем возрасте я чувствовала то же самое.

Она рассказала мне тогда историю, которая случилась с ней во время ее учебы в Лицее. У нее, как оказалось, было много проблем с географией, и однажды она закапала слезами одну свою контурную карту так, что ей пришлось самостоятельно перерисовывать напечатанные линии. Она описывала, как она пыхтела над картой с черной ручкой, и, признаюсь, меня это очень позабавило. Было странно представить Старшую Сестру девочкой-ровесницей. Даже сейчас, когда я вспоминаю тот вечер, мне сложно выстроить какую-то дистанцию с ним, несмотря на то, что я знаю, что произойдет в недалеком будущем. Наивность и искренность тех моих эмоций и даже каждый мой гигантский страх сейчас кажутся чем-то трепетным, и я ретроспективно боюсь разрушить то живое во мне, что было тогда.

В тот же вечер Старшая Сестра Мерует предложила мне пойти на чаепитие с несколькими другими девочками из общежития. Я согласилась.

По окончании самоподготовки я отправилась в одну из общих зал общежития. Я знала об этой зале до этого, она была в конце коридора второго этажа, около кухни, но не была там раньше. Я думала, что никто не был, потому что ключ от нее

был только у Старших Сестер. Велико было мое удивление, когда я увидела там Ару. Она просто и искренне помахала мне рукой.

– Я не знала, что ты тоже тут будешь, – сказала я.

– Я не знала, что ты тут будешь, – засмеялась она, – мы тут всегда примерно одним и тем же составом.

В зале, помимо нас, были несколько девочек из параллельных и старших классов. Всего нас было человек десять. Как раз в этот момент зашла Старшая Сестра Меруерт с подносом. Выцветший, с эмблемой кока-колы, он выглядел несколько убого, но на нем стоял огромный чайник и одиннадцать крохотных чашечек. Сестра велела одной из девочек разлить чай, а сама снова вышла из залы. Через минуту она вернулась с двумя тарелками-супницами, наполненными печеньем и конфетами.

Большинство из этих конфет был местные, терпкие казахстанские конфетки, но все же мне довелось попробовать и заветную заграничную конфету. Вкус неясной карамели (нуги, как выяснилось позже) сделал меня очень впечатлительной, и я рассказала об этом сразу же. Формат чаепития был таков: мы просто делились тем, что думаем и как прошел наш день.

Старшая Сестра в тот день не сказала ничего конкретного. Она упомянула какую-то работу, которую делала, занятия в университете, то, что хочет как-нибудь купить себе новую юбку. Она упомянула мусульманский магазин недалеко от школы, который она описала как отличный, но помимо этого не было никакой конкретики. Позже Ару рассказала мне, что это было необычно.

– Старшие Сестры всегда рассказывают о том, как ходят в мечеть, – мы зашли в уборную по дороге в комнату, и голос Ару звучал приглушенно через стенку кабинки. – Она там волонтёрит.

– Волонтёрит?

– И молится, да.

Я не знала, что значит «волонтёрить», но решила не спрашивать. Долго думать мне об этом не пришлось, потому что уже на следующем чаепитии (которое пришлось на начало второй четверти) Старшая Сестра рассказала про то, как она помогает готовить для мечети на безвозмездных началах. Но это произошло позже, а на тот момент мне было все равно. Я почему-то все еще думала о том шоколаде и чае. Тогда мне за это было почти стыдно, и я об этом никому не сказала, но сейчас я понимаю себя. В Лицее никогда не давали сладкого. Его можно было купить только во время вылазок в магазин. А у меня денег хватало только на необходимые мелочи типа зубной пасты (и, хоть и не в седьмом классе, прокладок), так что единственным моим способом получить что-то вкусное были такие сомнительные пути.

Самое интересное, я не помню, на какую оценку я написала тот тест, но в итоге четвертная по алгебре у меня вышла на «четыре», чему я была безумно рада. Вот так, несколько хаотично, пришел конец первой четверти и наступили наши первые лицейские каникулы длиной одну неделю ноября. Эта четверть задала ритм следующим двум, как мы скоро выяснили.

Глава седьмая

Странно отчетливо я помню первый снег в седьмом классе. Был ранний декабрь, облачный и туманный, загадочный, словно из средневековой книги. Деревья, будто мертвые, без листьев и птиц на них, высились в темноте огромными скелетами, и я боялась их, как маленькая. Мне в то время часто снились кошмары, размытые и дикие. Один, возвращавшийся снова и снова, был про то, как моль проела всю мою одежду, а потом мое тело, оставив зияющие дыры на ногах, руках, животе, бескровные, страшные дыры, как в морской губке.

Поэтому снег, объемный, словно вата, так обрадовал меня одним будним утром. Я рано проснулась, дрожа от холода и ночного страха. Мне показалось тогда, что ко мне снова подбирается болезнь (я была права, так скоро и случилось), и мне было совсем невесело. В окно я посмотрела, надеясь увидеть единственный источник света – тусклое солнце за слоем облаков. А там уже шел снег, яркий, радостный снег.

На переменах и после самоподготовки нас отпускали играть на улицу, что тогда мне казалось невиданной щедростью. В тот день мы вчетвером быстро пообедали, чтобы пойти сделать снеговика. Проблема была в том, что в школьном дворе уже было много людей и мы знали, что места себе там не найдем. Школьным двором мы называли пустырь, огражденный тем же забором, что и школа. На пустыре были железные, почти недвижимые качели и четыре столба с железной крышей. Это мы называли беседкой.

Пройдясь вокруг школы в поисках места, мы решили пойти в сад между двумя лицейскими крыльями. В тот день я впервые вблизи увидела люк посередине сада. Его перегородки были рыжими от ржавчины, и от него необъяснимо несло вареным яйцом. Должно быть, он был как-то связан с канализацией.

Асем предложила слепить снеговика прямо тут. И мы все почему-то согласились.

Мы все еще лепили снеговика, когда из школы приглушенно прозвучал звонок на урок. Для нас это был сигнал об очередной встрече в актовом зале (по расписанию был труд, с таких уроков нас часто отпрашивали на встречи). Мы прервали наше занятие и посмотрели друг на друга. В этой неожиданной тишине я вдруг пронзительно почувствовала холод от снега и талой воды на голых пальцах.

– Да ладно, – неожиданно для себя сказала я, – давайте прогуляем?

Так как в жутковатом саду никто никогда не бывал, нас бы никто не искал здесь, объяснила я. Долепим снеговика. Подышим воздухом. А как закончится встреча – под шумок вместе со всеми зайдем обратно в школу.

Девочки переглянулись. У Асемы был дико красный нос, и я даже не удивилась, когда она сказала:

– Я тут замерзну, если честно.

– И правила нарушать нельзя, – добавила Камила, чему я тоже не удивилась, – если ты нарушаешь правила по мелочи, то что тебя остановит нарушить правила по-крупному?

Мы все посмотрели на нее.

– Ну да, а что? – сказала она. – Скоро Выставка, и в каком свете вы нас выставите?

Насчет «скоро» она преувеличивала, но это, как и многое в те годы, было частью нашей выдумки. Тогда мне не казалось так, но сейчас я с неприязнью осознаю, как часто мы занимались чем-то похожим. Длинными вечерами в общежитии или на пустых уроках, которые тот или иной учитель пропускал без предупреждения, мы сидели вместе (часто даже с другими одноклассницами) и обсуждали всякие вещи, которые просто не были правдой. Ару, в частности, любила говорить обо всем так, как будто оно уже происходило. «Нет ничего лучше ужина», – могла сказать она на первом уроке, имея в виду, что ужин уже вот-вот наступит, и длинный, болезненный день вообще не считается. Камила достаточно скоро переняла эту привычку, смывая границы и конкретику времени. Вместе с удлиняющимися к зиме ночами меня это все заставляло нервничать. Как будто мы плыли в лодке без паруса в огромном море, и надвигающийся шторм было виден невооруженным глазом.

Остальные одноклассницы рассказывали о каких-то странных, но менее абстрактных вещах. Например, Алтынай, которая общалась с некоторыми девочками из старших классов, передала нам легенду о девочке Карашаш. По слухам, Карашаш училась в Лицее в первый год его открытия и повесилась в туалетной кабинке. Причина самоубийства всегда была разная в зависимости от личности рассказчика, но все эти причины так или иначе были греховными, как и сама Карашаш. Кто-то утверждал, что она была влюблена в учителя, или наоборот, что ей нравились только девочки, или что она ела свинину, или она трогала себя между ног, когда все спали. И из-за того, что она была грешницей, ее призрак теперь живет в школе и нападает на девочек, которые ходят в туалет без компании.

Поэтому, когда Камила сказала, что Выставка, которую нам обещали в марте-апреле, будет «скоро», я разозлилась и заявила, что они могут уходить.

Асем неловко прикусила губу и ответила:

– Мне правда очень холодно, Улболсын. Не злись, пожалуйста.

Я отвернулась и продолжила лепить ком. Их удаляющиеся шаги были приглушены снегом, а потом вовсе заглохли. С невообразимой обидой я почему-то думала все-таки о красном-красном носе Асем. Из нас четверых (и, раз уж на то пошло, из всего нашего класса) она была единственной белокожей. Теперь каждый раз, когда я натыкаюсь на всякие книжные клише, сравнивающие белизну с молоком или снегом, я невольно думаю об Асем (а не об Амалии, как бы меня это не злило). Мне часто бывало неловко рядом с ней, настоящей горожанкой, хотя она сама относилась ко всем нам как к равным. Ее холод, как и ее страдание, были более заметны – следовательно, более важны в глазах других, потому что они были отпе-

чатаны на ее лице. Весь мой холод и мои страдания были затерты в кожу, списаны на привычность, совпадающую с оттенком лица.

Задумавшись, я не обратила внимания на учительницу, идущую ко мне через сад, пока она не начала выкрикивать мое имя. Эта учительница не вела у меня уроков, и до этого я только изредка видела ее в коридорах.

– Ты чего это не в актовом зале? Тебя, вон, из окна видно.

Я не знала, о каком конкретно окне она говорила, но внутри у меня все оборвалось, когда я осознала свою глупую оплошность.

– Я не слышала звонок, – безнадежно соврала я, – я уже иду.

Учительница схватила меня за ледяную кисть, пока я пыталась проскользнуть мимо нее. Не говоря ни слова, она потащила меня в школу, в обратную сторону от актового зала.

– Апай, не надо, – тихо взмолилась я, обращаясь к ней в уважительной форме, – я правда просто заигралась, я пойду и дослушаю, – и снова, – правду говорю, правду.

Она завела меня в свой кабинет (в нем у нас обычно проходила химия) и посадила за первую парту. С моей куртки и рук стекала вода, и почему-то внутри здания мне стало еще холоднее. Перепуганная, я наблюдала за учительницей. Молча, с застывшим лицом, она достала из ящика стола железную линейку. У меня такой не было, потому что они были намного дороже, чем пластиковые, и служили дольше.

– Положи руки на стол, – устало сказала она.

Я не двинулась.

– Ну, малая, – выдохнула она, – надо. А то потом и тебе, и мне хуже будет.

Слезы уже начали подступать к глазам, когда я выложила руки на стол ладонями вниз. Какая-то часть меня смутно осознавала, что произойдет, еще до того, как учительница потащила меня в школу. Такие наказания не обсуждались в открытую, но все о них знали. Фантомно, почти инстинктивно, как о гравитации, – с самого рождения.

Всего несколько ударов тяжелой линейкой, но пальцы сразу начали кровить. Я бесшумно плакала и только тихонько охнула при виде крови. С плохо скрываемым отвращением учительница отпустила меня, не глядя мне в лицо. На парте остались красные капли. К уроку химии на следующий день их уже не было.

Глава восьмая

Последнее, о чем мне, наверное, стоит упомянуть в связи с этой историей, это рассказ о том, как мы связывались с родными.

В день первой порки мне, естественно, захотелось позвонить маме. Родители дали мне с собой в Лицей телефон – кнопочный, похожий на маленькую серую черепашку, прячущуюся в панцире. На нем был какой-то баланс, не могу точно сказать какой, особенно с учетом инфляции, но точно столько, сколько хватило бы на несколько исходящих звонков.

В конце дня я выбралась в одну из пустующих комнат общаги, в которой иногда проходили чаепития. Замочную скважину кто-то расковырял, как сердцевину яблока, и через дыру в двери тянуло сквозняком. Я не включила свет (нас не пускали в общие комнаты без Старших Сестер) и села на жесткий диван у окна. Уже по-декабрьски рано начало смеркаться, и доисторическая тревога, навеянная темнотой, щекотала мне нервы. Я набрала маму, наблюдая за голыми деревьями за окном. Сад казался необъятным, будто вываливающимся за забор.

Мама подняла трубку только на пятом или шестом гудке. Я услышала звук чего-то кипящего и детский смех еще до того, как она заговорила. И когда она спросила, что случилось, я тихо-тихо заплакала.

– Улболсын? Что происходит?

Всхлипывая, я шепотом рассказала ей всю эту историю. В свете фонаря из окна я разглядывала луновидные ранки на пальцах. Кровь запеклась. У меня на коже от сухости были цыпки, и казалось, будто руку была надета кружевная красная перчатка.

После паузы мама вздохнула, а потом помолчала еще. Снаружи дул ветер, не сдерживаемый даже Алматинскими горами.

– Слушай, я не хочу… ну… – она как-то выдохнула и цокнула одновременно, ища слова, – понимаю, что тебе сложно. Маленькая? – сказала она, потому что снова наступила пауза.

Я ничего не говорила. Мне хотелось, чтобы она заверила меня, что она, и папа, и все мои сестры уже сейчас всё бросают и бегут ко мне, бегут ко мне, бегут ко мне. Они будут здесь сию минуту, максимум – утром, с рассветом, они заберут меня, и я больше никогда не увижу это место, этот город, ничего этого. Все растает, и чем дальше отсюда я буду, тем меньше все это будет реальным.

– Давай мы посмотрим, как пойдет? – сказала она вместо этого. – Может, это только один раз так. И вообще, Улболсын, нельзя же так сразу бросать Лицей из-за одной такой истории.

Я поняла этот ответ много позже. Секунд десять я сидела в тишине, а потом в

комнате включился свет. В дверях стояла Старшая Сестра, которую я сейчас не помню по имени. Я бросила трубку, напуганная. Телефон у меня отобрали, вернули только через несколько недель, объяснив, что нельзя звонить, пока я одна. Я сказала нашей Старшей Сестре Меруерт, что не знала об этом, на что она спокойно ответила:

– То, что ты раньше маме не звонила, совсем на нее наплевала – только твоя вина, а не других девочек.

Со временем я заметила, что публичные звонки правда было делом повсеместным.

Однажды, ближе к Новому году, когда только начались каникулы, я была во дворе с Камилой. Не помню, зачем мы были там и о чем у нас шел разговор, но так вышло, что мы забрели почти к самым воротам и с неловкостью смотрели за пределы их. Вдали виделся тот магазин, в который мы иногда ходили с Сестрами, а кроме него – ничего. Только земля, холмообразная, поднимающаяся чуть вверх. У того же самого забора стояла девочка, которую мы не знали, на год или два нас старше. Когда Камила и я собирались уйти, девочка достала телефон, такой же старый, как мой. Я не подумала ни о чем в тот момент, но Камила неожиданно потянула меня за рукав.

– Нам надо остаться, – прошептала она.

И мы остались.

Это, в целом, странная была зима.

А между тем нам объявили точную дату ежегодной Выставки. Она приходилась на еще призрачное тогда начало апреля.

Глава девятая

Новогодние каникулы, к которым я осталась равнодушна, я провела в Лицее. Конец второй четверти упирался в последние числа декабря, и к тому моменту, как закончились мои контрольные, кончился и весь две тысячи пятый год.

Родители, обещавшие мне, что я смогу вернуться домой на каникулы, естественно, сообщили мне, что так не получится. Они, особенно мама, были очень экономными. Тогда я знала, что у них есть деньги, чтобы отправить меня домой хотя бы на самом дешевом поезде посреди ночи. Мои родители очень скрупулезно относились к своим накоплениям, держа их частично в банках, но преимущественно в банкнотах, спрятанных по всему дому в самых неожиданных местах. Ребенком я находила деньги в старых банках из-под фасоли, в рваных носках. Меня это всегда поражало. Родители у меня их отбирали, и я никогда по-настоящему не держала деньги в руках до Лицея, но тогда их значение пугало меня своей властью надо мной. И у меня бы не было столько обиды насчет этих сбережений, если бы они все равно не обесценились в 2008, то есть всего через пару лет. Измятые под матрацами бумажки, до этого обладавшие достаточной силой, чтобы довезти меня из города в деревню или дать мне попробовать импортные конфеты, сейчас казались цветной бумагой.

На сам Новый год я предложила Камиле и Ару сорвать еловую ветку и чем-нибудь ее украсить, как настоящую елку. Праздничных елок не было нигде в школе, и мы скоро выяснили, что это было связано с запретом на празднование немусульманских праздников. Отломанную нами ветку пришлось выкинуть.

В канун Нового года у нас было чаепитие и комендантский час в обычное время. Старшая Сестра принесла рождественских американских конфет и отсыпала каждой из нас горсть, у меня было пять штучек. Презентация и читка Корана, которую доверили одной из девочек на чаепитии, заняла час, и я ела по одной конфете каждые десять минут, чтобы растянуть удовольствие. Они медленно таяли у меня во рту. Я легла спать в одном году, а проснулась в другом, не слыша даже во сне салюты или бой курантов.

С Асем, приехавшей за день до начала занятий, было связано самое значимое событие тех каникул. Она привезла с собой из города самый последний выпуск «Космополитена».

Положив его в центр ковра, мы сели вокруг него вчетвером, как вокруг костра. На обложке была фотография девушки в зеленом платье с бретельками. Платье было с глубоким вырезом и орнаментом на груди. Кожа у девушки была персиковая, видно, что очень белая под слоем загара, большие глаза на пол-лица, светлые пушистые волосы до плеч. В Лицее нам не разрешали распускать волосы, так же,

как и собирать их частично, то есть дозволены были только хвостик или шишка, за редким исключением (если волосы были длинные) – косы. Эта женщина на обложке была чужда нам своей свободой, страшно было от того, что она притягивала взгляд. Я думала, каково это – быть ею. Каково это, знать, что со своим телом можно поступить, как хочется, что можно надеть зеленое платье на бретельках и быть на обложке журнала? Через двенадцать лет после дня, когда мы смотрели на «Космополитен», я купила себе зеленое платье на бретельках, совсем не такое, какое было на фотографии, но самое похожее на него из того, что удалось найти. Я надела это платье, посмотрела на себя в зеркало и убрала его далеко. И никогда больше не доставала.

Вокруг фотографии были напечатаны заголовки статей, в основном что-то про мужчин и знаменитостей, одна статья – о том, как испечь брауни. Мы глазели на эти глянцевые буквы минут десять. Никто из нас не предпринимал никаких действий.

Наконец Асем, видимо, из-за того, что это все-таки был ее журнал, взяла «Космополитен» в руки и начала зачитывать оттуда куски статей. Мне нужно остановиться на секунду, описывая это, потому что я осознаю, что не могу вспомнить никакой конкретики из этих статей. Помню, как Асем иногда запиналась в словах или глотала буквы, поглощенная чтением, пытаясь выдать как можно больше информации в минуту. Помню, как она легонько ковыряла угол глянцевого листа, который читала. Я помню ощущение, ускользающее, неконкретное ощущение подглядывания в этот огромный, непонятный мир, но увиденное в результате этого подглядывания бесконечно ускользает от меня.

Глава десятая

В потоке бессмысленных дней сменялись месяцы. Я была всегда одинаковая, пугливая и работящая, а солнце каждый день было разным. То бледное февральское, то позолоченное мартовское, оно смотрело на меня равнодушным глазом. Я ненавидела и боялась его, и все же под покровом ночи мне было страшнее. Каждый вымученный рассвет высмеивал меня, и я позволяла ему это. «Космополитен», на котором мы все немного помешались, мы успешно прятали то в одном, то в другом месте, чтобы он не потерялся и его не украли (воровство, о повсеместности которого я уже говорила, все уже осознавали весьма четко). Но через несколько недель, занятые учебой, встречами в актовом зале и подготовкой к Выставке, мы все подзабыли про журнал. Как-то я спохватилась и хотела его достать, но в том месте, куда мы его спрятали в последний раз, его не было. Я планировала спросить об этом Асем, но подходящего момента так и не выпало. Со временем я перестала об этом думать, так и канул «Космополитен» неизвестно куда, разделив судьбу бесчисленного количества хоть сколько-нибудь ценных вещей в стенах Лицея.

Незаметно и грустно наступил апрель. Во дворе и в саду растаяли остатки снега. Для самой первой своей Выставки я готовила проект по английскому. Конкретнее, моей темой были непереводимые с английского или на английский язык слова, включая сленг.

Выставка, в самом проведении которой я участия не принимала, так как этим в основном занимались Старшие Сестры и учителя, обычно проходила в столовой и актовом зале этажом выше. Пространство переоборудовали: все столы переставили в несколько рядов, покрыли скатертями и разделили между ученицами и их проектами.

С самого утра в общежитии царила паника. Туалетные комнаты были заняты, в душевых кабинках беспрерывно текла вода, свободного пространства перед зеркалами почти не было. Чаще всего вне туалета я видела, пожалуй, Мадину. Она завела то, что мы тогда не умели назвать, но что сейчас зовется лаконичным словом «бизнес». Еще со старой школы у Мадины сохранился навык выщипывания бровей нитью.

Нитки в Лицее найти было на самом деле достаточно просто, потому что предметы одежды в буквальном смысле расходились по швам. Белые нитки были бывшими матрацными, серые – униформенные, а желтые – ковровые. Но Мадина их часто теряла (а может, они изнашивались), и ее нитки были самых разных цветов, оставалось только догадываться об их происхождении. За свой сервис Мадина брала хорошо, но не заоблачно, и поэтому этот бизнес приносил ей неплохую прибыль, особенно (почти исключительно) в дни, близкие к Выставке.

В седьмом классе я себе брови не выщипывала. И вообще, мне не совсем был понятен ажиотаж вокруг этого события. Было странно ощущать, что я совсем скоро снова увижу мальчиков, впервые с самого августа, но это не вызывало во мне никакого волнения по причинам, до сих пор мне полностью не ясным.

И только перед началом самой Выставки, когда мальчики, массово приехавшие к нам в Лицей на трех автобусах, вышли во двор, на меня нахлынуло понимание происходящего. В тринадцать всегда одно и то же. Люди, отделенные авторитетным словом, невидимым социальным делением, кажутся чужеродными, выглядят и пахнут совершенно иначе, словно сделаны из совсем иной плоти.

Английский сектор оказался самым большим павильоном Выставки, он занял немалую часть второго этажа. Нам выделили голубоватые скатерти, которые обычно были в учительской. Первую половину Выставки я ковыряла большое пятно со скатерти, видное с моей стороны.

Послушать мою тему не подходил почти никто, потому что слева от меня стояла десятиклассница, которая побывала в Великобритании прошлым летом. Она принесла самые настоящие ламинированные фотографии, на которые мне было страшно даже взглянуть. Десятиклассница говорила с энтузиазмом, активно жестикулируя, словно заглатывая меня в этом пересказе. Если ко мне кто и подходил, то они переключались до того, как я, ужасно раскрасневшаяся, успевала хоть что-то сказать.

Слева от меня стоял мальчик, тоже семиклассник, как я поняла из разговоров, которые он заводил с подходившими к нему мальчиками из его Лицея. Мальчик был выше меня почти на голову, благородно бледный, со слегка вьющимися темными волосами. Он постоянно поправлял очки. Но самое страшное, тема проекта у него была такая же, как у меня. Непереводимые слова.

Он заговорил со мной первым.

– Знаешь, – он слегка заламывал худую кисть другой рукой, – я заметил, что у меня на одно непереводимое слово больше, чем у тебя.

Старшие Сестры всегда утверждали, что говорить с парнем – то же самое, что договориться с ним о секретной встрече, что есть один из самых больших грехов. Напуганная, я просто смотрела на него в ответ, как смотрит животное на фермера, который вот-вот отрубит ему голову.

– Хочешь знать, какое?

Я уже хотела отвернуться и забыть об этом как можно скорее, как вдруг он сделал то, что, я убеждена до сих пор, изменило ход наших дальнейших судеб. Он засунул свои руки себе в карманы брюк. Это были восхитительно глубокие карманы, в которые его руки помещались по самые кисти, пропуская его пальцы, костяшки, ладони.

– Хочу, – тихо и хрипло от долгого молчания ответила я.

Хочу.

Он посмотрел на меня несколько удивленно, не ожидал, видимо, что я отвечу.

– Это слово situationship.

Я молчала, ожидая объяснения. Все еще держа руки в карманах, он продолжил.

– Происходит от слов situation и relationship, ситуация и отношения. Это когда двое людей видятся и общаются, нравятся друг другу, но как бы не вместе.

Мне стало странно стыдно от того, что он включил такое слово в свой проект. Я с горьким привкусом во рту подумала, что, если бы я – или любая другая девочка – хотя бы подумала добавить такое слово, ее бы нещадно выпороли.

До конца выставки мы молчали, но, мне кажется, он видел, насколько я была им поражена. Когда мальчики собрались уходить, он молча положил клочок бумажки на мой стол, на этой бумажке был номер – трюк, который, как он признался мне много позже, он видел в фильмах.

Испугавшись такой конспирологии, я спрятала бумагу в рот. Ночью, не способная уснуть, я переписала номер к себе в телефон.

Через несколько дней после Выставки, бесцветным днем раннего мая, я вышла с обеда пораньше. Подругам я сказала, что пойду повторять параграф по географии. Я вышла в сад и бездумно дошла почти до самого люка, сжимая в руках телефон. Неуверенно, почти дрожа, я набрала его номер. Через четыре гудка я сбросила, чувствуя себя странно глупой.

Ильяс перезвонил мне на следующий день в то же время, но я оставила телефон в общежитии, поэтому я заметила его звонок только к вечеру. Твердо решив перезвонить на следующий день, я легла спать с едва заметной теплотой внутри. Но утром это ощущение пропало, сменившись неясной тревогой. Так Ильяс исчез из моей жизни, как мне тогда казалось, навсегда. Время показало, что не совсем.

Между тем настало безмятежное деревенское лето.

Глава одиннадцатая

Восьмой класс начался с жесткого события.

Утром первого школьного дня – буквально второго сентября – я проспала и проснулась только к девяти, то есть почти к началу второго урока. Асем, приехавшая в школу в тот день, не ночевала в нашей комнате, а Камила и Ару не разбудили меня по причине, о которой я довольно скоро узнала.

Наспех одевшись, я пошла в туалет, не обращая внимания ни на что вокруг. Потянувшись, чтобы включить воду, я вдруг услышала усиленные туалетным эхом всхлипы. Идя на звук, я подошла к двери кабинки и неловко в нее постучала. Плач прекратился. Я постучала снова. Какое-то время мы стояли в напряженном молчании, неожиданно знакомым мне своей неприглядной строгостью.

– Камила?

Через несколько секунд она сухо ответила:

– Войди.

Я толкнула туалетную дверь, и Камила неловко прижалась к стене кабинки, чтобы не попасть под удар. Внутренняя сторона ее пижамных штанин и руки были в высохшей крови полного гранатного цвета.

Я испуганно вздохнула, не зная, что сказать. Ни со мной, ни с другими девочками никогда и никто еще не говорил про месячные. Нельзя сказать, что это был секрет (крайне сложно превратить в секрет то, что происходит с каждой, и вся энергия школьной пропаганды уходила на то, чтобы устроить такое с другими вещами), но я и правда не могу припомнить, чтобы хоть раз, кроме того инцидента (и еще одного чуть позже), мы с этим сталкивались. Как и многие другие вещи, это было то, о чем обходняками сплетничали, о чем больше переглядывались, чем обсуждали словами.

Так и не собравшись с тем, что сказать, я услышала приглушенные босые шаги по направлению к нам. Ару шла с таким же темным бесстрастным лицом, как у Камилы, в руках у нее были розовые квадратики в пластиковой упаковке. Прокладки.

Встав рядом со мной и глянув на меня искоса и раздраженно, она повернулась к Камиле и протянула ей прокладки. Затем резким движением закрыла дверь кабинки. Обернулась ко мне и объявила:

– Мы не скажем, что ты была с нами, когда произошли медицинские сложности. Сама найди оправдание прогулу.

И ушла. Прям так, прям сразу.

Когда я думаю о том, кто из них – Камила или Ару оказался большей ханжой, инстинктивно мне всегда хочется сказать, что первая. Только этот случай, неожи-

данный и нестандартный, заставляет меня задуматься. Камила была нетерпимой с самого начала, как советская старушка в темненьком детском теле, и с годами она стала только хуже. Страшно представить, как она строила всех после школы, и как, должно быть, живется в запретах на всё ее детям. В Ару же была некая непоколебимая грозность, которую она хранила в себе, пока она не выливалась в самый нужный конкретно для нее момент.

Но об этой стороне Ару я совсем забыла почти на полгода, до того дня, когда мы узнали, что собака Ару умерла.

Глава двенадцатая

Именно в восьмом классе я начала проявлять полноценный интерес к школьной библиотеке. Она находилась в маленькой комнате на втором этаже школы, и в центре ее высилась обычная колонна. Непонятно было, почему архитектурно поддерживать здание нужно было именно в этом крохотном пространстве, и тем не менее это было так.

В библиотеке было три двойных шкафа, набитых книгами, две полки в каждом из них были заполнены книгами на английском. Я как сейчас помню, что это были сокращения классических романов, напечатанные одним и тем же издательством, тоненькие, с рыжеватой бумагой и смазано толстыми буквами. Моей целью было прочесть их все, последней в ментальный список книг я занесла «Самые голубые глаза» Тони Моррисон, потому что она, как я быстро выяснила, была единственной женщиной-автором во всей выборке.

Самой первой книгой, которую я взяла в библиотеке, был «Скотный Двор» Оруэлла, потому что я искренне считала, что эта книга, должно быть, для детей. На обложке была нарисована выцветшая свинья. Прочтя страниц пятьдесят, ничего нет понимая и смутно испугавшись сюжета, я вернула ее в библиотеку и взяла Шекспировские сонеты.

Не могу вспомнить, что я читала в феврале восьмого класса, но тем вечером, о котором я хочу сейчас рассказать, я точно читала что-то. Это было во время часа после самоподготовки, перед сном, когда мы были предоставлены сами себе. Я сидела на подоконнике одной из общажных комнат, где проводились чаепития, кроме меня на диване расположились две старшеклассницы, с которыми я не была знакома. Я читала, читала очень медленно, смакуя каждое предложение. Язык мне на самом деле давался не так легко, как я заставляла себя верить. У меня точно было больше к нему склонности, чем у многих моих одноклассниц, но это вовсе не означало, что я была хороша. Часто, например, на уроках физики, я горько думала о том, что с радостью обменяла бы свои недоталанты на понимание, которое было у Ару в точных науках.

Так или иначе, я читала, то и дело ерзая на холодном подоконнике, неловко застывая на левом боку, чтобы текст попадал под свет. Видимо, я была настолько увлечена сюжетом, что не услышала, как подошла Асем, пока она не оказалась совсем рядом со мной. Ее лицо было опухшим и заплаканным.

Когда мы ушли в нашу комнату и сели у меня на кровати, она, всхлипывая, рассказала, что умерла ее собака. Асем созванивалась с мамой, они говорили о ее поездке домой на каникулы, и та сообщила ей новости.

– Ну как – новости, – пожала плечами Асем, – это случилось почти сразу после предыдущих каникул.

Полчаса или дольше мы просто сидели, и Асем плакала. Иногда я держала ее за руку, иногда она падала головой мне на плечо. Мы бы так весь вечер и просидели, я думаю, если бы в какой-то момент в комнату не зашла Ару. Она посмотрела на нас испуганно, видимо, решив, что случилось что-то глобальное, касающееся всех нас.

Когда мы ей все рассказали, она неожиданно поморщилась. Сильнее обозначились несвойственные ее возрасту темные круги под глазами.

– Так вы что, из-за собаки так рыдаете? – спросила она.

Я пробормотала что-то невнятное, и она разозлилась:

– Животное никогда не будем на одном уровне с человеком. Смерть есть смерть. Забудьте об этом.

Она взяла со стола что-то, за чем, очевидно, приходила, и вышла. Я сжала руку Асем, боясь, что этот выпад еще сильнее ее расстроит. Но, к моему удивлению, она совершенно успокоилась. Вытерла слезы, повернулась ко мне и сказала:

– Я пойду спать. Спасибо, Улболсын.

Глава тринадцатая

В начале марта, еще холодного и заснеженного, я взяла в библиотеке книгу под названием «В Дороге». На обложке была старая огромная машина, такой вездеход, который до сих пор ассоциируется у меня со Штатами. Это обложка притягивала меня сильнее, чем сама книга, раз на то пошло. Начав читать первые пару страниц, я помню, то и дело закрывала ее, только чтобы еще раз полюбоваться этой картинкой.

Мы тогда все были очень заняты концом четверти. Я, как обычно, чуть не завалила алгебру. Последнюю контрольную я пересдавала во второй раз на следующий день после начала каникул. После контрольной я вышла уставшая и странно разгоряченная, а потом и уснула у себя в комнате прямо посреди дня.

Проснувшись вечером, я увидела Асем, сидевшую на полу и читавшую книгу. Она подняла глаза и улыбнулась:

– Ну привет, спящая красавица.

– Привет, – хихикнула я, – что читаешь?

– Да что-то библиотечное. Сейчас тоже отключусь, прям, как ты.

Я засмеялась, и она тоже и добавила:

– Даже не знаю, что буду делать тут все каникулы.

– А ты чего, домой не едешь? – вдруг осознала я.

Асем помотала головой.

– А почему?

Она помолчала, а потом сказала:

– Дома новую собаку завели.

Я не знала, что ответить. Закат пробирался к нам в комнату.

– Да и мне тут приятнее, – криво улыбнулась она. – Начитаюсь, буду, как ты.

– Какая?

– Ты скажи.

– Хорошая?

– Ни разу. Умная.

Глава четырнадцатая

Подошла апрельская Выставка. Перед ней я все-таки заказала у Мадины выщипывание бровей. И вот, накануне Выставки, я отправилась на процедуру.

– Это так волнительно, да? – спросила она у меня, прикрывшей от боли глаза.

– Ага, – неспешно согласилась я, а потом подумала, и добавила уже увереннее. – Да.

В восьмом классе у меня был проект по алгебре, потому что мне обещали за него дополнительную пятерку. Так я оказалась на первом этаже. К моему удивлению, в моей секции было намного больше мальчиков, чем в английской. Какие-то из них подходили ко мне, спрашивали что-то, а потом уходили почти сразу, обшаривая глазами зал.

Наверное, в жизни каждой девочки наступает момент, когда она осознает свою непривлекательность. Свою первую и пока единственную собаку я завела три года назад, почти сразу после замужества. Щенок не прожил с нами и месяца, как-то выбежал на улицу, и его переехала фура. Я услышала шум из окна, но увидела уже только собачье тело, размазанное по асфальту. Эта боль не могла бы быть сравнима с тем, что я испытывала бы, если бы выросла с этой собакой. Это была бы смерть, равная дружеской, как у Асем с ее питомцем. Смерть моей собаки была странно щемящей, уклончиво несправедливой, но не такой, которая ощущалась бы фундаментально. До сих пор я виню себя. Почему я не могла сделать что-то, чтобы предотвратить ее смерть и не испытывать этого жуткого, бессмысленно жестокого чувства? Быть некрасивой, быть не кукольно-беленькой в этом неровном, построенном на страшных институциях мире – маленькая смерть. И маленькая смерть приглашает сама себя в маленькую жизнь.

Ближе к концу Выставки, когда я уже собиралась, ко мне кто-то подошел.

– Улболсын?

Это был парень с прошлогодней Выставки.

– Ильяс?

– Ты не позвонила мне, – улыбнулся он.

Я промолчала, не зная, что ответить.

– Мой Лицей уже уезжает. Но ты позвонишь мне? Пожалуйста.

И я позвонила. Снова в обед, но в этот раз он поднял трубку.

Глава пятнадцатая

В конце восьмого класса началась череда ночей, заполненных преимущественно необъяснимой бессонницей. Я могла часами лежать на спине, глядя на железную сетку, поддерживающую матрац Асем над моей головой. Свет от луны и единственного фонаря, статичный до самого рассвета, оттягивал каждую тень, словно бесконечные запятые. Иногда мне казалось, что в темноте моей комнаты что-то шевелится, и в середине ночи, когда мне было особенно плохо, я накручивала себя до испуганных слез.

Я выяснила, что после определенного момента (я думаю, часа ночи, но не могу быть уверенной) Старшие Сестры, патрулирующие коридоры, шли спать. Они по очереди сидели у входной двери всю ночь, конечно, на случай, если кто-то попытается сбежать. Но большая часть первого и второго этажа совершенно пустовали.

Все началось с того, что я вышла в туалет с абсолютно искренними намерениями. Осознав, что эти походы для меня могли бы стать уникальной возможностью побыть одной, я стала повторять их каждую ночь. В какие-то ночи я сидела в коридоре, плюсом которого были ковры и то, что там было теплее, чем в комнате. В другие ночи я сидела в туалетной комнате, в которой было значительно прохладнее, настолько, что я время от времени переставала ощущать голые пальцы ног, но в которой была гарантирована приватность. Если бы Старшая Сестра неожиданно наведалась в уборную, у меня всегда было бы оправдание.

Только через несколько дней я обратила внимание на то, что тонкое окно туалета на самом деле сбито с петель. Оно было всегда закрытым (что объясняло плохой запах во всем общежитии в те часы, когда уборной активно пользовались), и казалось, что это из-за отсутствия на ней ручки. При осмотре стало ясно, что причина в конспиративно вставленных, но точно неработающих петлях.

Потянув на себя, я с тихим треском вытащила оконную раму целиком. С любопытством ее оглядев, я пришла к выводу, что прилеплена она была горячем клеем, но настолько давно, что его эффект потерял всякую актуальность. Клей свисал с рамы призрачными ошметками, как слезающая после загара кожа.

У окна была маленький подоконник из той же плитки, что и вся ванная, и такой же, как на наружной стене здания. Я забралась на него, неуверенно держась за оконную раму. Изначально я планировала просто посидеть, выставив ноги в холодеющую ночь, но, сев на подоконник, я заметила пожарную лестницу совсем рядом с ним.

Заросшая травой, наощупь она была словно сделана из пыли с твердой костью посередине. Подниматься по ней было тревожно мягко, и, к моему удивлению, она совсем не скрипела. Я села спиной к стене, просунув ноги между ступеньками,

мои ступни повисли в воздухе. Прохладный майский ветер еще отдавал ушедшей зимой, не торопясь в плен к лету. Я посидела так пару минут, глядя на косую луну, а потом меня осенило.

Минут пятнадцать у меня ушло на то, чтобы вернуться в туалет, закрыть окно (заметая на всякий случай воображаемые следы), сходить в комнату, найти телефон и снова пойти в туалет, вылезти из окна и забраться на лестницу. Сердце стучало так часто, что, когда я выбралась, наконец, обратно на лестницу, мне показалось, будто весь мир может услышать стук моего сердца. С волнением набрав номер Ильяса, я ждала, необъяснимо зажав рукой рот.

После примерно пяти гудков я услышала его сонный голос.

– Это ты? – глупо и радостно отозвалась я.

– Конечно, я, – он звучал сонно и рассеянно, но вдруг добавил небольшой смешок, – ты чего не спишь?

– Не знаю, – глупо и искренне отозвалась я, – тут есть пожарная лестница, и я совсем одна.

– Не одна, – ответил он, окончательно пробудившись, – ты со мной на телефоне.

И я засмеялась, так засмеялась, как никогда прежде.

Глава шестнадцатая

Ночные созвоны с Ильясом стали частью нашей рутины, сохранившейся даже после лета. Я боялась, что его поймают, и из-за них у него будут проблемы. Однако мои подозрения насчет того, что в мужском лицее всё не так жестко, как в женском, подтвердились: Ильяс сказал, что никто за ним особо не следит ни днем, ни ночью.

Я не знаю, что он сказал бы, если бы у него спросили об этом сейчас, но мне кажется, именно в этот период (в который, возможно, входит и часть девятого класса), мы стали наиболее близки. Как, должно быть, любые люди, которые ежедневно на связи. Нас сближали очевидные вещи: книги, языки, неутолимое желание увидеть свободный мир. Он был первым человеком, который сказал мне, что согласен с тем, что Лицей – странное место. Мы бесконечно шутили над этим. Даже то, что нас отличало (самым ярким примером была его маленькая семья: кроме родителей у него был старший брат и все, даже никого двоюродного), не стояло между нами.

Я предпочитала ночные звонки, но при каждой возможности мы созванивались и в обед тоже. Так как в течение дня в общежитие не пускали, мне приходилось брать телефон с самого утра, часто впустую, потому что я никогда не знала, какие срочные вещи могут случиться с моей или с его стороны. Несколько раз мою параллель или даже всю школы загоняли на встречи в актовом зале прямо во время обеда. Завуч или Старшая Сестра Жамал могли объявить о встрече на всю столовую через десять минут после начала обеда, и мы все были вынуждены доесть за пять минут и подниматься на второй этаж, а потом сидеть, как приклеенные, на облезлых псевдопраздничных стульях минут сорок, а то и больше часа. В другие дни Камила или Ару могли настоять на прогулке или совместном повторении уроков после еды, и я знала, что отказаться было бы подозрительно.

Днем я таскала телефон в рюкзаке, но мы не брали рюкзаки на обед, поэтому в таких случаях я прятала телефон себе в лифчик или привязывала его к рукаву какой-нибудь ниткой или лентой. Последние я иногда находила в общежитии или школе.

На этом фоне мои мысли то и дело возвращались к тому, что у нас в униформе не было карманов. Я жаловалась на это чуть ли не каждый день. Например, если кто-то в классе простужался (а это происходило очень часто, не было ни единого дня, когда абсолютно все были бы здоровы) и то и дело отпрашивался в туалет высморкаться, я прыскала.

– А вот мы могли бы хранить платки или салфетки, будь у нас карманы. И не нужно было бы бегать туда-сюда, в этот холодный сортир.

– Храни салфетки в сумке, если тебе так неймется, – как правило, отвечала на это Камила.

Когда я думаю о школе, я редко вспоминаю открытые конфликты и точно ни одной драки или чего-то похожего. Те пять лет были заполнены маленькими, точечно агрессивными ремарками, словами без исхода, непонятно пугающими, как тень. Это была бесконечная периферийная борьба, которая, не достигнув кульминации, моментально спадала после доноса, но чьим он был, мы никогда не узнавали. Мы, девочки, были сами себе авторитарным режимом, не созданным для свободы и эту свободу не дающим. Мы уничтожали себя самостоятельно, скармливая друг дружку большому врагу, не осознавая, что именно он – враг.

Так случилось и с моими обеденными звонками. После каникул третьей четверти, в конце марта, Старшая Сестра Меруерт как бы невзначай пересеклась со мной, читавшей в библиотеке. Поболтав о том о сем, она мягко меня проинформировала, что если меня еще раз застанут за звонком на обеде, то телефон отберут до конца мая.

– И что это за книжку ты читаешь? – она поглядела на обложку «Гроздьев гнева» Стейнбека. – Никогда не слышала.

Дочитав, я сдала книгу обратно. Через неделю она исчезла с полки.

Глава семнадцатая

Апрель девятого класса выдался неожиданно теплым, как и в целом тогдашняя весна. Серый снег с зимы растаял еще к середине марта, и пыль, накопившаяся в нем, пропитала асфальт и плитки тротуара, со стороны это выглядело, как щетина на лице земли. В освободившееся теперь обеденное время, на прогулке, я часто трогала низкие ветки деревьев. На многих из них уже выступили почки, крохотные, удлиненно-овальные, как соски. Они переливались от всех оттенков белого до зеленого, создавая странный контраст черным ветвям. Уже к концу марта не было необходимости носить толстовки и жилетки. Периодически ветер забирался в пространство между далеко расставленными пуговицами рубашки, щекоча кожу. При почти каждом нашем ночном разговоре Ильяс утверждал, что во всем виновато глобальное потепление (о котором тогда не говорили так много). Я соглашалась с ним, но на самом деле мне было фундаментально все равно. Ничто не тревожило меня, подставляющую лицо солнцу во время чаепитий, перенесенных из душной общаги в беседку.

Это случилось во время одного из таких чаепитий. Камила рассказала нам о смерти своей прабабушки. Мы только расставили напитки (черный чай и компот из ранеток, и то, и другое – в белых пластиковых стаканах) и уже отгоняли от них огромных, размером с ноготь, мух. В моем стакане компота плавал черенок яблока, и я могла даже унюхать, что компот был переслащенный, такой, который оставляет липкое ощущение во рту, толком не утоляя жажду. Из еды у нас были круглые булочки, посыпанные сахаром, карамелизировавшимся по краям, рядом с почти подгоревшей корочкой.

Старшая Сестра, которую, кажется, звали Алина, начала разговор по стандартной схеме, и мы все по очереди говорили, у кого что нового. Кроме того, что я теперь не могла звонить во время обеда – о чем уже перестала переживать в принципе – у меня ничего нового не было, во всяком случае из того, что я могла бы сказать за столом. В то время я читала «Самые Голубые Глаза» Тони Моррисон и постоянно мысленно к ней возвращалась. Я об этом очень много говорила с Ильясом и сама с собой, но, понятное дело, ни с кем больше из моего окружения.

Когда очередь дошла до Камилы, она сказала нам о смерти просто и коротко, будто прочла заголовок из газеты. Не то шокированные, не то расстроенные, мы промолчали. Даже выразить соболезнования никто сразу не додумался.

– Но знаете, – добавила Камила, будто не обратившая внимания на то, что мы молчим, – так оно к лучшему. Я это заслужила.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Старшая Сестра.

Муха с блестящей спиной села на булочку передо мной. Я наблюдала за тем, как она потирает передние лапки неожиданно быстро и точно.

– Вчера, я узнала о ее смерти вчера, – объяснила Камила и прокашлялась, – а позавчера я думала как-нибудь пойти на новый фильм о Гарри Поттере.

Кто-то почти театрально охнул, и, если бы та же история случилась со мной сегодня, я бы от души посмеялась, но тогда мне стало как-то не по себе. В ту же ночь я рассказала об этом Ильясу. Он выдохнул, и я догадалась, что по ту сторону трубки он закатывает глаза.

– А хочешь, мы с тобой пойдем на Гарри Поттера? Могу заплатить за билеты, у меня с каникул осталась заначка.

Я пошевелила пальцами ног на холодной пожарной лестнице, улыбаясь знакомой алматинской ночной мерзлоте.

– А как мы с тобой из общаги убежим?

– Ну, после Выставки просто выйдем, кто там спросит? Посмотрим кино и обратно. Его еще месяц точно будут крутить, представляешь, какие он бабки-то рубит.

Я многозначительно ответила, что подумаю.

На самой же Выставке, наступившей через полторы недели, мы к этой теме не вернулись. Как со многим другим, Ильясу и мне (или хотя бы только мне) важнее была идея того, что мы могли бы что-то сделать, чем само делание этого. Вот хотя бы «Самые Голубые Глаза». Мы обсудили эту книгу до дыр, потому что, закончив ее, я уговорила Ильяса тоже ее прочесть. Мы дискутировали, не используя литературные термины, понимая книгу на интуитивном, человеческом уровне. Мы читали, как смотрели в зеркало по утрам, обращая внимание на то, что мы видим в книге своего, что трогает нас как личностей, не задумываясь о том, как вещи сделаны и кто к чему приложил руку. То есть из всего того, что нужно делать подростком, чтобы не сойти с ума будучи взрослыми, у нас была возможность только неудержимо читать. Обсуждая «Самые Голубые Глаза» мы, конечно, соглашались, что однажды напишем что-то такое же гениальное, и сама Тони Моррисон пожмет нам руки и заглянет в наши такие же черные непривилегированные глаза. Когда она умерла в 2019, через двенадцать лет после этого разговора, я глупо и сильно плакала.

В том году Ильяс снова представлял английский, и я тоже. Наши стенды стояли в нескольких столах друг от друга (много кто делал проекты по английскому, потому что не нужно было возиться с химикатами или грязью, как, например, для химии или биологии), и мы заметили друг друга почти сразу. Мальчики приезжали всегда после того, как мы выставляли свои работы (а мы вставали в семь утра ради этого, радостные от ожиданий). Я наблюдала за тем, как Ильяс раскладывал свои распечатки на скатерти. Он поднимал на меня глаза, каждый раз, когда наклонялся к сумке, лежавшей справа на полу.

Я ковыряла ногти, думая о том, когда будет возможность поговорить с ним. Люди тем временем все чаще подходили к моему стенду. Моя тема звучала так: «Специфичные звуки английского», то есть, по сути, рассказывала только про то, как звук ch звучит по-разному в словах в зависимости от того, в какой момент то или

иное слово перекочевало из французского, так как звук менялся и во французском. Кто-то из взрослых находил это абсолютно удивительным, а я отвечала им коротко, сухо, косясь, как сумасшедшая, влево.

Наконец, улучив свободную минуту, я побежала к Асем, чтобы она подержала мою позицию минут десять. У Асемы был стенд по праву и, вспоминая его, у меня и сейчас бегут мурашки по коже.

Правоведение у нас началось в девятом классе, и кроме девятиклассниц никто не был заинтересован в том, чтобы делать по нему проект. Оценок по этому предмету толком не ставили, следовательно, те, кто заваливал четверть, не шли к нему, как к алгебре или геометрии. Экспериментов на нем нельзя было устроить, как на научных предметах, и правоведение не было таким интересным, как языки или труд. Асем решила сделать по нему проект вместе с Алтынай преимущественно из жалости к преподавателю.

– У меня в старой школе тоже был такой, ну, никакой, – сказала она нам за обедом за несколько дней до Выставки, – его иногда били старшеклассники вне школы.

Ару заверила ее, что нашего правоведа – по совместительству историка – никто не бьет.

– Да бьет или не бьет – это неважно, – отмахнулась Асем, – важно, как он сам себя чувствует по этому поводу.

Алтынай (которая присоединилась, потому что без проекта не пускали на Выставки) и Асем скучали. Они помахали мне еще издалека. Я, бегущая с другого конца зала, хаотично помахала в ответ.

– Асем! – почти агрессивно обратилась я. – Подмени меня в английском?

– А зачем тебе? – спросила Алтынай.

Перевозбужденная, я знала, что любой мой ответ будет максимально подозрительным. Я вытаращилась на них и прижала руки к бедрам, видимо, до сих пор инстинктивно ища карманы.

– Я тебя подменю, – спокойно ответила Асем, – как раз посмотришь химические эксперименты внизу, они такие интересные. Да?

– Да, – выдохнула я.

У меня на лбу выступил пот.

По дороге до моего стенда я в двух словах рассказала о моей теме, но она отмахнулась.

– Чего тут, Улболсын. Наплету что-нибудь.

У стенда Ильяса стояла какая-то девочка с браслетом на левой руке, и я с ужасом осознала, что это та же девочка, которую я видела, когда отошла к Асем. То есть не меньше пяти минут она стояла рядом с ним, разглядывая его листовки, а самое главное – спрашивая у него что-то.

Решительно подойдя ближе, я поняла, что это просто семиклассница.

– Что, интересно?

Я смотрела ей прямо в глаза. Она замешкалась и положила листовку на стол.

– Интересно, но вроде уже понятно.

– Что понятно?

– Да ладно Вам, Старшая Сестра, – сказала она, используя обращение как знак уважения, а не титул.

Я не ответила, и она отошла.

– Ого, а ты злюка, – засмеялся Ильяс.

– А чего она к тебе пристала? – попробовала засмеяться я в ответ. – Мешается, наверное.

– Да если б я знал, что ты подойдешь, я бы ее сразу выгнал.

Я терла потные ладони о бедра снова и снова, будто размазывая нервозность о складки юбки.

– О чем твой проект?

К моему удивлению, он презентовал американские научные журналы. Оказалось, их библиотека подписана на несколько и цель его стенда – призвать людей их читать. Я рассказала ему, что у нас таких нет, и он протянул мне последний выпуск The Scientific American полистать.

– Я все это один собирал, – добавил он. – Артем вообще не помог.

– Какой такой Артем? Твой воображаемый друг?

– Если бы, – он снова улыбнулся, – тогда я бы его оп! – он щелкнул пальцами, – и нет.

Артемом оказался мальчик из его параллели, который присоединился к проекту Ильяса в последний момент, потому что ему запретили строить содовый вулкан. От женского лицея уже было два, и третий стал бы лишним.

– Он отошел на эти вулканы посмотреть, даже помочь мне все разложить не помог.

– Думаешь, скандалит?

– Не удивлюсь, – серьезно ответил Ильяс, – он немного головорез такой.

Я продолжила листать журнал, и Ильяс неожиданно наклонился ближе, чтобы показать какой-то график. Наши лица находились на расстоянии приличных двадцати сантиметров, но все равно были криминально близки. Я даже не пыталась сосредоточиться на абсциссах и ординатах, в которые он тыкал.

Артем подошел неожиданно, весь на взводе, очевидно, из-за вулкана. Артем был высокий, должно быть, почти двухметровый, с многоугольной челюстью и лягушачье-круглыми подушечками пальцев.

– Занудный у них вулкан, – пробубнил он, – там только сода.

– А что еще должно быть в содовом вулкане?

– Ментос и кола. Для эффекта.

Я помню, каким темным и рукастым он показался мне уже тогда. Как гигантский енот, мусорный и агрессивный.

Они рассказали мне, что познакомились в библиотеке и поддерживали периодическое общение до Выставки. Артем начал говорить о журналах, в какой-то момент к нам подошла Асем.

– А кто смотрит за моим проектом? – испугалась я.

– У нас перерыв, – объявила она. – Я всем сказала, что мы зае… – она улыбнулась, – устали.

А потом она протянула руку Артему и представилась. Мы поболтали вчетвером, пока нас не разогнала Старшая Сестра. Я снова пересеклась с Ильясом перед его уходом, и он подарил мне распечатанную статью о мозге, которую я сразу спрятала в свои распечатки.

Глава восемнадцатая

В конце девятого класса у Ильяса и меня снова была возможность встретиться, что он и предложил. В том году из-за государственных экзаменов мы оставались в общежитии до середины июня, но уроков как таковых у нас не было – только подготовка каждый день, иногда самостоятельная, а иногда с предметными учителями. Помимо этого – ветреный, жаркий июнь. Мой последний экзамен был десятого, а у Ильяса – одиннадцатого, что оставляло нам целых три пустых дня, включая два выходных (выезжать нужно было вечером в воскресенье). Этот разговор, я помню, отличало то, что в этот раз Ильяс говорил о встрече на полном серьезе, а не в фантазийных декорациях.

– Можешь вообще в пятницу сказать, что тебя мама забирает, – предложил он, – выйдешь с чемоданом, мы погуляем и вернем тебя. Скажешь, что ошиблась, и она потом приедет, оказывается.

Это было примерно в то время, когда его брат только переселился в Алматы, но Ильяс не предложил остаться у него всем вместе на выходные. Нам было по пятнадцать, но мы уже понимали, что такое секс.

Собственно, о сексе у меня не было тогда никаких мыслей. Не потому, что мне его не хотелось, а скорее потому, что видение секса как феномена было как бы отделено от него самого. Я думаю, никто из нас точно не понимал, как работает физический процесс, но мы все абсолютно точно знали, что бывает, если кто-то себя с этим процессом ассоциирует. Всеобъемлющий стыд и страх были неотделимы от этих мыслей, и я комкала их в одно и откладывала подальше.

По мере моих отказов его планы становились все смелее и смелее, и последнее, в чем я отказалась участвовать, было предложение ему самому приехать в мой Лицей и посидеть у меня под воротами. Я бы сидела со своей стороны в саду, и мы бы болтали. На это я, признаться честно, почти согласилась. И, наверное, согласилась бы, если бы не случился бы тот инцидент с Ару, который, в свою очередь, произошел из-за другого события.

В начале наших экзаменов, то есть ранним, еще прохладным июнем, по Лицею разлетелись новости об изнасиловании и убийстве какой-то девушки совсем недалеко отсюда. Лицей, как я уже сказала, располагался как бы в географической чашке, и ближайшей большой локацией к нам был тот молл в нескольких километрах. Одна из девочек из моей параллели, которая жила не в общежитии, всегда ходила мимо этого молла до дороге в школу. И в то предэкзаменационное утро, мол, одну из тропинок перекрыла полиция, и девочке пришлось сменить маршрут. Но перед этим она расспросила полицию (на тот момент милицию) о том, что произошло.

В течение дня почему-то появлялись все новые и новые детали дела, и к ужину, в оранжевых летних сумерках, уже можно было представить полную картину преступления. Оказалось, что девушка встретилась в молле с парнем, с которым познакомилась в интернете. Они выпили в баре при молле (о существовании которого я до этого тоже не знала) и решили пойти к парню домой. А по дороге он ее изнасиловал и убил.

Ситуация, а, возможно, и будоражащая близость ситуации, поставила всех на уши. Я помню, мы обсуждали это с Асем часов до двух ночи, наслушавшись всяких теорий в читальном зале. Придушил ли он ее? Или он принес с собой нож или пистолет на свидание? Но кто таскает с собой нож или пистолет на свидания? А она защищалась? Если она была на каблуках, был ли у нее шанс снять туфлю и врезать каблуком ему в глаз? Был ли, был ли шанс, чтобы его глаз растекся, как мягкий желток в яичнице? А может она так и сделала, и он ее убил? В наших с Асемой глазах она была крутой, как шпионка или журналист, которая делала, что хотела, и ее смерть – не повод для трагедии, потому что у нее девять жизней, точно девять жизней.

На следующее утро Старшие Сестры объявили, что освобождают всех, у кого в тот день нет экзаменов, от первого часа подготовки. Вместо этого у нас был удлиненный завтрак.

Я любила удлиненные завтраки за оливки и варенье, а еще бесконечный запас хлеба, а не по кусочку на человека, как было на обычных завтраках. Не любила же я эти завтраки за то, что на них всегда были речи. Но голодного человека, особенно в молодости, за еду и немного солнца можно уговорить на что угодно.

– Наша Родина Казахстан уже почти семнадцать лет независима, – начала Старшая Сестра Жамал. Как сейчас помню ее коричневую шерстяную юбку до пола. Ветер, щекочущий мои волосы на руках и лице, не двигал ни одну складку ее юбки ни на миллиметр.

– Что вы, девочки, думаете по поводу независимости?

Мы все по кругу высказали какие-то банальные мысли. Мы понимали, что на самом деле этот разговор никак не связан ни с патриотизмом, ни с казахстанской идентичностью. Что это предлог для чего-то еще.

– Вот видите, – удовлетворенно кивнула Старшая Сестра, – я тоже считаю, что независимость – это прекрасно.

Быстро подцепив мягкое масло из блюдца, я размазала его по кусочку хлеба. Пока я покрывала бутерброд еще и слоем варенья, оно таяло мне на пальцы.

– Но многие девушки не умеют правильно пользоваться своей независимостью, и это очень, очень печально.

Асем, сидевшая недалеко от меня, встретилась со мной взглядом и легонько закатила глаза, буквально на мгновение. Я прыснула и откусила от бутерброда.

– Независимость для девушки значит больше, чем для мужчины. Независимые мужчины покоряют целые страны, пишут удивительные книги, без преувеличения спасают мир, – она сделала паузу, – а женщины со своей независимостью так делать не могут.

Мы молчали. Кто-то слева от меня перестал чавкать из-за нахлынувшей тишины.

– Независимость дана женщинам, чтобы оберегать себя, – пояснила Старшая Сестра Жамал, – именно независимость позволяет нам принимать решения, которые приведут нас к спокойной, размеренной жизни. Мы уже обсудили, что с независимостью делает наша страна, а что с независимостью будете делать вы?

– Я не буду встречаться с незнакомцами из интернета в молле, – первой сказала девочка из параллели, имя которой я сейчас не помню.

Это задало нам движение в разговоре, на который мне тоже, по сути, было наплевать. Я наелась и выставила икры, обтянутые капроновыми колготками, под солнце так, что они чуть-чуть блестели. Слушая всех вполуха, я полностью подключилась к разговору, только когда Ару, сидевшая впереди меня, посмотрела мне в лицо, когда подошла ее очередь говорить:

– Я буду использовать свою независимость на то, чтобы не звонить малознакомым мальчикам по телефону среди ночи и не обсуждать с ними всякие американские штуки, хихикая.

У меня по коже пробежали мурашки, но никто, кроме нее, не смотрел в мою сторону. Разговор продолжили, переключившись на следующую девочку.

После обеда я подошла к Ару отдельно. Она сидела на сцене снаружи, что-то подчеркивая в учебники физики.

– Что это было сегодня утром? – я скрестила руки на груди, надеясь, что это перевесит дрожь в моем голосе.

– А ты про что?

У Ару было необыкновенно мертвое лицо, и, даже обращаясь ко мне, она как будто ничего не видела. Я развела руками, раздраженная.

– Я просто сказала, что первое в голову пришло, – пожала плечами она, – ничего конкретного.

Сейчас я понимаю, что она, должно быть, зашла в туалет однажды ночью и подслушивала под окном.

Она вернулась к чтению, а я развернулась и ушла. Несмотря на то, сколько злости эта история во мне оставила, позвонив Ильясу в ту ночь, я отказалась от его приезда, и у нас был самый короткий разговор за долгое время. Потом началось лето, а за ним и десятый класс, в начале которого Ильяс переехал к брату, оставив общежитие мужского Лицея.

Глава девятнадцатая

После каникул Асем привезла с собой карты таро. Я никогда не видела их раньше, и мы проводили многие ночи, просто разглядывая их, пока она училась их интерпретировать. У нас с ней было неписанное соглашение не показывать их Камиле и Ару, и каждый раз, когда они заходили в комнату, мы накрывали карты подушкой. Тогда нам казалось, что мы правда хорошо справляемся с этой задачей, потому что никто не упоминал таро при нас. Никто даже не говорил, что мы ведем себя по-другому. Потом, конечно, выяснилось, что и это было не так.

Мы вдвоем часто сидели на ее кровати, и эта второэтажность прикрывала нас. Асем гадала мне, отчасти потому что она сама еще училась, и отчасти потому что я просила. Каждый раз она предупреждала, что гадание, как и любая магия, отнимает у смертных много энергии, и поэтому мне нужно было принести ей чай или что-то в этом роде. Когда я описываю это так, кажется, будто она просто использовала меня для маленьких домашних дел, но на самом деле это было не так. Гадать почти всегда предлагала я сама и сама же настаивала на том, чтобы что-то сделать взамен. Мне кажется, мы обе в полной мере осознавали неправильность и опасность этого ритуала, этого нашего убогого хобби, и старались друг друга от этого страха отгородить. Асем ведь тоже мне никогда не отказывала.

Гадать я просила в основном на себя, но, когда в ноябре у меня родилась сестренка, я стала просить погадать на нее. Финансово не было возможности отправить меня домой даже на пару дней, и мне долго пришлось просто представлять, какая у меня новая сестренка, как она выглядит, как спит, как ест, какие звуки уже издает. Даже на Новый год я загадала для нее большую и счастливую жизнь. Сейчас этой сестренке четырнадцать лет, и, насколько я могу судить, у нее правда все хорошо. Никто из моих младших братьев и сестер не учился в Лицее, конечно, из-за того, что случилось со мной в одиннадцатом классе. И я рада этому. Нет смысла катапультировать ребенка в огромный грустный мир, который обещает лишь немного знаний. Знания – это ресурс, приходящий к тому, кто ищет. В этом плане знания – не Бог, приходящий и любящий в условиях, которые невозможно спланировать.

Камила и Ару к тому времени уже почти с нами не разговаривали, и я даже не могу с уверенностью сказать, чем они занимались в свое свободное время. Когда они заходили в комнату, мы прикрывали подушкой карты таро. Но стоило им уйти, и мы снова забывали о том, что они есть.

Глава двадцатая

В третьей четверти у меня вышло несколько троек. Это было обидно, потому что я училась, как могла, в своих обстоятельствах.

Я спала в тот так плохо, как никогда в жизни. С момента начала комендантского часа я просто лежала часа три-четыре, потом вставала и шла на пожарную лестницу. Звонила Ильясу. Он отвечал примерно на каждый пятый мой звонок, и мы разговаривали от силы полчаса в основном о том, что делал он. Он тогда записался в подростковый дебатный клуб, где проводил несколько дней в неделю и хотя бы один выходной в месяц на турнире. Потом он говорил, что устал. Несмотря на формальный запрет, пару раз, когда я остава лась в общежитии днем по болезни, я звонила ему в обед. Один раз он поднял трубку, отчитал меня за то, что опасно так звонить из ниоткуда, и оборвал разговор.

Это было в марте. Проплакав весь день, я попросила Асем прочесть мое будущее, как только она вернулась с уроков. Видимо, почувствовав важность момента, она занялась этим почти сразу.

Мне выпал Король Кубков в сочетании с Повелителем Доблести, 7 Жезлов. Это предвещало перемены, но не обязательно перемены к лучшему. Ничего не сказав, я спустилась к себе и притворилась, что хочу спать.

Глава двадцать первая

Конец десятого класса я вспоминаю через силу и отрицание. Столько всего произошло, что мне хочется закрыть этот документ и не возвращаться к его написанию. Мне хочется, чтобы память, уродливая, неподатливая память, переломилась и рассыпалась, как песочный замок. Если бы была возможность перестать параноидально на это оглядываться, я бы так и сделала, но теперь, после смерти Асем, так поступить невозможно. Прописывать это больно, потому что каждый мой шаг тогда – во все школьные годы, но особенно в тот период – ведет к ее смерти. Мы были поездами, ехавшими по разным путям, но всегда навстречу гибели.

В день Выставки у меня было плохое предчувствие. Я снова болела, и у меня с вечера была мигрень. Организм, видимо, привыкший спать по три-четыре часа, все еще не мог перестроиться на продолжительный сон. Вне сна я ощущала постоянную тревогу и обкусала себе ногти до крови.

В том году я не заказала брови у Мадины и даже толком не помылась. Асем же наоборот была в полной готовности. За ночь до Выставки она вымазалась маргарином, как иногда делала, чтобы кожа лица и рук была мягкой, и вся наша комната пахла, как столовский завтрак. Она настояла на том, чтобы я использовала ее духи, на что я равнодушно согласилась. Асем наспех обрызгала меня сама, и пара крошечных капель попала мне в глаза. Я зажмурилась, но боль прошла сразу.

С моим проектом по географии меня распределили на первый этаж. Я не знала, какой проект у Ильяса, но в течение первого часа, немного пройдясь, я поняла, что он на втором этаже. Подняться у меня не сразу получилось из-за посетителей моего проекта.

Снедаемая волнением, ближе к концу трехчасовой Выставки я просто бросила свою степь из бумаги и салфеток и поднялась наверх. В толпе сложно было протолкнуться к секции английского, и я не ожидала увидеть Ильяса на первом же стенде в иностранных языках. Во мне все замерло, когда я увидела девушку, сидевшую рядом с ним на организаторской, а не на зрительской стороне. Тонкая, как одуванный стебель, молочно-белокожая, она наблюдала за тем, как Ильяс что-то рассказывает подошедшим мальчикам. Я встала рядом с ними. Вблизи она была еще белее, как сахар или асбест, с кудрявыми светлыми волосами.

– Ильяс?

Я посмотрела ему в лицо, чувствуя сердцебиение в ушах, такое громкое, что оно перебивало гул толпы.

– Ого, привет, – криво улыбнулся он, – я тебя искал весь день!

– Правда?

– Правда, просто не успел еще пройтись по этажу.

Девочка и я встретились взглядами. Мальчики с листовками в руках все еще стояли слева от меня, глядя на нас.

– Это Амалия, – улыбнулся Ильяс, и я вдруг заметила, что он был идеально выбрит, – а это Улболсын.

Амалия улыбнулась, ртом, не глазами, и даже зубы у нее оказались безнадежно белыми.

– Улболсын – моя подруга из женского Лицея, а Амалия мне помогает с проектом, она моя двоюродная сестра.

– Да? – спросила я, чувствуя, что у меня что-то застряло во рту и в горле. Как будто я была набита сеном.

Они оба посмотрели на меня. Сердцебиение в ушах усилилось, я развернулась и побежала вниз по лестнице наружу. Когда мужской Лицей уехал, я заблокировала номер Ильяса, один из немногих моих контактов.

Глава двадцать вторая

Мне повезло, что в десятом классе не было экзаменов, потому что последние два месяца того академического года я едва ходила в школу. Болезнь, не то простуда, не то грипп, сидевшая во мне много месяцев, сильно обострилась после Выставки. Я чувствовала себя так, словно вылезла из средневековой книги без возможности найти лекарства. Хотя доступа к лекарствам у меня действительно не было. В медпункте, в который я ходила каждый раз, когда у меня были силы подняться, мне давали таблетки активированного угля, которые ничего не меняли, кроме цвета моих редких фекалий и языка.

Совру, если скажу, что у меня болели только голова и тело. Неожиданно для меня мир потерял стойкую ценность, и осознание этого набросилось на меня моментально, будто поджидало за углом. Я сдала в библиотеку последнюю книгу, я не видела смысла в том, чтобы наблюдать за природой или людьми. Выход в интернет или походы в кино больше не будоражили меня. Казалось, всё внутри меня, раньше растущее частично и неощутимо, остановилось и сразу начало разлагаться.

Апрель и май выдались теплыми и солнечными, и окно моей общажной комнаты было почти всегда открыто, даже ночью. Асем, Камила и Ару просыпались, хаотично собирались, уходили на занятия. К вечеру они возвращались, что-то обсуждали (преимущественно Камила и Ару), ложились спать. На выходных они то входили, то выходили. Я не ела, а в какие-то дни даже не пила воды. Старшие Сестры иногда приходили, приносили мне воду в белых пластиковых стаканах, остатки с обеда или ужина. Старшая Сестра Жамал однажды даже принесла мне конфету с чаепития, которую я аккуратно сжала в руке и жадно съела, когда Сестра ушла.

Только один раз Асема попробовала заговорить со мной. Она встала рядом со кроватью. Я лежала лицом к стене, поэтому я видела только то, как на меня легла ее тень от единственной в комнате лампочки. Асем спросила, хочу ли я принять те лекарства, которые она дала мне в самый первый раз, когда я болела. Я молчала. Она добавила, что может дать мне любое другое лекарство, которое у нее есть. Я снова ей не ответила. Асем присела на край моей кровати, и тонкий матрац, не державший никакой вес на свете, немного просел под ней.

– Слушай, – прошептала она мне тогда, – все будет хорошо. Пацаны – все конченные придурки. Подумай о том, что правда важно. Типа вечной жизни после смерти, в раю там.

Я до сих пор много думаю об этом нашем разговоре. В школе мне казалось, что моя схема ночных и обеденных созвонов была самой умной, и я могла скрыться от каждого любопытного уха и глаза. Моим большим подростковым упущением

было то, что я жила, как в вакууме, пробуждаемая только абстрактным знанием и искусством или стремлением к тому или другому, в то время как все вокруг меня жили тем, что было важно другим. Мне хватало меня и того немногого, что мне было важно, и это шло, незаметно для меня, наперекор устройству мира.

Я не знаю, как я бы выбралась из того периода, если бы не случилось то, что случилось с Асем.

Было, должно быть, одиннадцать ночи, а может, и полночь. Не очень позднее время, но точно после комендантского часа. Я лежала на боку, лицом к стене. Камила и Ару сопели на соседних кроватях, и я смутно поняла, что Асем не вернулась с чаепития, на которое ушла часов в восемь. Я не двигалась, незримо плывя сквозь плотное время, когда дверь тихо открылась и кто-то зашел. Не оборачиваясь, я понимала, что это Асем, но что-то было совсем не так. Она дышала тяжело и редко, шаркала ногами, пересекая крохотную комнату. Она с трудом забралась по лесенке на свой спальный этаж. Нервы побудили меня повернуться на спину. Я думала, что сделала это бесшумно, но Асем снова зашевелилась. А потом, к моему ужасу, шепотом позвала меня по имени.

Я вглядывалась в темноту, не понимая, что происходит. Она позвала меня снова, и голос у нее был заплаканный, маленький, как котенок. Я молчала. Асем протянула руку вниз, ко мне, и на пальцах у нее была темная блестящая жидкость. Я знала, что это может быть. Я закрыла глаза и не открывала их всю ночь, даже когда тихие призывы Асем затихли и наступила страшная тишина.

Глава двадцать третья

На следующий день я пошла в школу, что особо ничего не меняло, потому что это была последняя академическая неделя десятого класса. Я проснулась рано, собралась и сразу отправилась в класс химии, которая у нас была первым уроком. Почти не евшая несколько месяцев, о завтраке я даже не вспомнила. Весь тот день я училась, как обычно, даже немного рьянее, чем прежде. Асем не избегала меня, но и не рвалась со мной поговорить. Мы сидели рядом за обедом, и она обсудила со мной домашнее задание по английскому, которое задали на следующий день, и о котором я не знала, и мы еще на какие-то темы поговорили с компанией одноклассниц, сидевших за тем же столом. Я наблюдала за тем, как пальцы Асем, все в пластырях и темно-красных застывших мазках, трогали вилки и ложки (ножи нам не полагались), стакан. Пуговицы на ее манжетах были застегнуты впервые за все годы, и через толстую ткань не было видно, как выглядят ее белые руки. Пару раз она клала руки на живот, оба раза после резких движений (один раз она потянулась через стол за салфетками, другой – наклонилась поправить обувь). Мне было страшно представить, каким изуродованным было ее тело под слоем лицемерной одежды.

А потом началось лето, и я уехала, так и не поговорив с Асем.

С сентября Малика Ж. переезжала из в общежития, чему она была очень рада, ее место освобождалось, оно могло достаться любой из общажных девочек. Малика Ж. жила с Багилой Т. и двумя девочками из параллели, которые в принципе казались мне приятными, и я спросила у Малики на первой же школьной неделе, отдала ли она кому-то свое место.

– Нет, пока нет, – улыбнулась она, – наша комната рядом с кухней, поэтому там иногда бывает шумно, если Старшие Сестры собираются ночью, так что я не уверена, заселится ли туда кто.

– Я была бы рада, – ответила я, не задумываясь, – сменить обстановку как раз ближе к концу школы.

– Как круто! Я скажу Старшей Сестре.

Со следующего понедельника я уже жила в той комнате. Моя кровать была верхней с левой стороны, и мне пришлось привыкнуть забираться и спускаться по нескольку раз в день. Из окна новой комнаты не было видно садового люка, только если высунуться подальше. Осенью я так иногда убивала время, но зимой, когда мороз пробирал всю комнату, если открыть окно хоть на пару секунд, я бросила это хобби.

Весь одиннадцатый класс мы готовились к выпускным экзаменам. Уроки по тем дисциплинам, которые мы не сдавали и к которым никто серьезно не относился,

отменили. Формально они, конечно, существовали, кочуя из расписания одной четверти в другую, но на практике эти часы мы проводили в огромном кабинете в конце коридора второго этажа. Всем классом мы готовились к экзаменам, изредка переговариваясь, потому что занимались под контролем одного или двух учителей. Болтали или хоть как-то отдыхали только во время самоподготовок.

Этот год по большей части был одиноким и нудным. Конечно, я немного общалась со всеми своими одноклассницами. Я была только рада обсудить какую-нибудь тему по, например, английскому языку во время обеда или самоподготовки. Я выслушивала разные истории об их домашних питомцах или о всяких дальних и близких родственниках, которых было бесконечно много у каждой. Время от времени меня даже посвящали в убогие секреты, типа того, как они воровали салфетки из столовой, а потом использовали их, чтобы накручивать мокрые волосы, или как они делали скрабы из соли.

Единственная полезная информация, пришедшая ко мне таким образом, была о том, что Ару вознамерилась носить хиджаб после окончания школы.

– А разве хиджаб не принято носить после первых месячных? – скептически отозвалась я, переписывая конспект по истории.

– Нет, только когда ты становишься женщиной. То есть после школы, – заверила меня Багила Т., которая мне эти новости и пересказала.

– То есть сейчас мы не женщины?

– Нет.

– А кто мы?

– Не знаю, – опешила она и абсолютно честно предположила: – Никто?

Глава двадцать четвертая

На исходе одиннадцатого класса я думала о том, стоит ли мне взять проект на Выставку. Понятно, что у меня было много сомнений, особенно на фоне предэкзаменационной занятости, но в итоге я решила, что ничего плохого в этом быть не может. В конце концов, заниматься без передышки было вредно для мозга, а так я могла бы немного постоять рядом со стендом по геометрии, потыкать пальцем в треугольники для посетителей.

Мой интерес к математике начал проявляться примерно в тот период. Я любила математику так, как люди любят ваниль или несколько свободных мест на парковке в не особо занятой день – спокойно и выдержанно. В отличие от чтения или английского, которые до недавнего времени единственные окрашивали в яркие цвета мою унылую жизнь, математика была холодная, податливая, только если сильно нужно, как многодетная мать. Такие взаимоотношения меня более чем устраивали.

Утром в день Выставки Мадина предложила мне выщипать брови. Я мягко ей отказала, сказав, что у меня нет сейчас на это денег, на что она ответила, что может сделать это бесплатно.

– Это только для тебя, так что остальным не трепись, – предупредила она, доставая из пенала сизую нитку непонятного происхождения, – эти Выставки нам так важны, да?

Я не понимала, о чем она, и молча терпела точечную боль выщипывания.

На той Выставке я впервые вошла в кураж презентирования. До этого мне казалось, что знание – лимитированный ресурс, то, что не может быть продано или разделено между многими, тем более что настоящее знание не лежит на поверхности. Теперь же я думала, что у знаний, не лежащих на поверхности, нет ценности. Если знание приносит боль, то этому знанию нет цены.

Однако в течение получаса, в первой же заминке между гостями, ко мне подошел Ильяс. Почти странно было видеть его теперь, хотя внешне он совсем не изменился.

– Могу поговорить с тобой? – спросил он, и я с удовольствием услышала легкую дрожь в его голосе.

– А разве нам есть, о чем разговаривать? – поджала губы я, тоже не поздоровавшись.

– Улболсын?

– Что?

– Пожалуйста.

Я покрутила бумажный треугольник в руках и вздохнула, сдерживая улыбку.

– Амалия за твоим проектом посмотрит?

– Никто не посмотрит. Я готов его хоть на весь день бросить.

Это заставило меня засмеяться. Мы вышли в ветреный апрель.

Какое-то время мы шли молча. Я увидела, как сильно он вырос. Он сделался выше меня почти на две головы, что было в общем-то неудивительно, потому что я не выросла ни на сантиметр с восьмого класса (нас ежегодно замеряли в медпункте). Все такой же худой и угловатый. И я понимала, что чувствую все то же, что чувствовала всегда.

– Ну так что? – спросила я наконец.

– А что? – как-то глупо отозвался он.

Мы остановились. Он закопался в гравий носком ботинка.

– Что?

– Ты сама что?

Мы оба едва сдерживали улыбки.

– Я думал, что тебе совсем не нравлюсь.

– А ты мне и правда совсем не нравишься. Ты – ужасный человек.

– Нет, правда, – он стал неожиданно серьезным и даже неловко посмотрел мне в лицо.

– С чего ты взял?

– Мы никогда не виделись за пределами этих глупых Выставок.

– Мир сложен.

– Хватит.

– А что ты предлагаешь?

– Двадцать четвертого мая найди любую причину выйти из школы. Я подберу тебя на велосипеде, и мы поедем.

– Куда?

– Я не знаю.

Я подумала об этом и ответила:

– Я выйду в магазин.

Мы пожали друг другу руки – и я осознала, что это был первый раз, когда я его потрогала.

Глава двадцать пятая

С утра я выбирала между пижамой-костюмом с огромным карманом и пижамными штанами и футболкой. Смешно думать об этом сейчас – мой последний день школы, а я думаю о том, что надеть на секретную миссию, скорее невыполнимую, чем реальную.

Последний день школы. Он во многом был уже похож на лето. Не свежим алматинским солнцем, с размаху бьющим в лоб из каждой щели между жалюзи, и даже не сухой жарой, а тем, что я его почти не помню. На алгебре в восемь утра мы, должно быть, смотрели в окно второго этажа, думали, что будет на экзаменах, но не говорили об этом всерьез. Говорить всерьез об экзаменах в преддверии двадцать пятого мая – это почти богохульство.

На географии мы, возможно, смотрели пиратски скачанный фильм, на НВП – сплетничали. Уверена сейчас, что половина учителей не пришла на занятия, а вторая половина хотела не прийти, но чувствовала себя неудобно, если бы правда так поступила. Кто-то из дома принес шоколад или пакет изюма. А возможно, мне все сейчас чудится.

Когда закончился последний урок, я сразу пошла в общежитие. Какая-то младшеклассница хотела остановить меня по дороге, должно быть, спросить – каково это – окончить Лицей. Дойти до конца. Я видела ее темные глаза, взгляд, пробирающийся сквозь толпу, как сквозь космос.

– Старшая Сестра, Старшая Сестра, – обращалась она ко мне не формально, а из уважения.

Но от Старшей Сестры во мне ничего не было.

Я проскользнула мимо нее, пробубнив про срочные дела.

Выйти в магазин мы должны были аж в восемь. Старшая Сестра Жамал сказала, что до этого она занята закрытием академического года и связанной с ним волокитой. Мне казалось, что долгие дни всех разленили и раскумарили – куда спешить, если ночь начинается в девять и отступает в четыре утра? Есть ли хоть какая-то сила у ночи, когда она так коротка?

За десять минут до восьми я стояла, вся напряженная, в пижаме. Текст по вертикали на моих штанах высветился, как и текст на футболке, они казались флагами распавшейся страны. Я тыкала в угол двери носком кедов – таких же порыпанных, как и вся моя остальная одежда, притворяясь, что мне вообще все равно, пойдем мы или нет. Мне хотелось опустить руки в карманы и сжать их в кулаки. Так как карманов у меня не было, я только агрессивно ковыряла обрубки ногтей, как буря ковыряет палубу корабля в открытом море.

Все собрались только к восьми пятнадцати. Я к тому времени уже совсем извелась и стыдливо прятала в кулак мизинец, разодранный до крови. Дико, мне казалось, что кровь из него струится и может оставить следы от дверей общежития до города, как страшная версия крошек Гензеля и Гретель.

Только на выходе из школы я поняла, что не взяла с собой кошелек. Никто не обратил на это внимания, и я решила не заморачиваться. В начинающихся сумерках я пыталась разглядеть Ильяса и его велосипед. До самого горизонта не было видно ни людей, ни движения, никого и ничего – кроме нашей группы. Нервная и сосредоточенная, я не расслышала слов Камилы, шедшей рядом со мной.

Когда мы были уже в нескольких шагах от магазина, я заметила, что Ильяс стоит там, чуть позади него. Издалека его не было видно из-за угла, рядом с которым он устроился, но теперь, впритык, стало ясно – это был он.

Мы незаметно переглянулись, и я растворилась за дверью магазина.

– Думаю, возьму жвачку, – неожиданно громко объявила я сразу на входе.

Девочки – несколько младшеклассниц, кто-то из параллели, чьего имени я сейчас не помню, Камила – и Старшая Сестра обернулись на меня. На лицах у них не было никакого выражения. Ни удивления, ни радости, ни злости.

Я встала у двери, у самой кассы с жвачками. Стекло на двери было покрыто рекламными постерами, из-за которых не было видно ни кусочка мира снаружи. Продавщица, та же самая продавщица, что и все последние пять лет, получеловек-полутуча, смотрела на меня с опаской. Желая показать, что не пытаюсь ничего украсть, я держала руки на виду, не трогая товар. Кровь на мизинце запеклась и крошилась в моей ладони.

Старшая Сестра Жамал выбирала мороженое в центре магазина. Между нами было несколько метров, но никаких других препятствий. Я надеялась, что она отойдет дальше, поищет себе прокладки или сок, но нет. Она упорно стояла и выбирала мороженое в маленьком холодильнике, словно не было важнее миссии на свете. Не решаясь, я простояла минуту, две, три, четыре. Наконец, удивив скоростью движения саму себя, я толкнула дверь и выскочила наружу. «Дождик» у входа предательски зазвенел. Кто-то выкрикнул мое имя.

Ильяс, уже сидевший на велосипеде, смотрел на меня через плечо. Я неловко, наскоро устроилась на сидушку за ним. Не думая, обхватила его за талию, прижавшись лицом и туловищем к его спине.

– Давай, давай! – прошептал он то ли своему велосипеду, то ли ногам, и мы тронулись.

Магазинный «дождик» забренчал снова, я слышала отдаленные крики. Мне казалось, что Старшая Сестра и девочки гонятся за нами, но обернувшись, я поняла, что не гонятся. Магазин стал размером с небольшой камушек, а люди снаружи него были похожи на муравьев. Мое сердце стучало, и я чувствовала, как стучало сердце Ильяса тоже, чуть выше моего из-за уровня моей сидушки. Он пах кожей – тот запах, который я ощущала, когда стояла рядом с ним на Выставках, но никогда не могла идентифицировать – и, к моему удивлению, одеколоном. Его футболка

была из толстого качественного хлопка и даже без мелких дырочек у основания швов. Он пыхтел, и каждый звук я слышала сначала в его легких, а потом – снаружи, сопровождаемый ветром. Мышцы его спины были натянуты, а я была свободна впервые за пять лет.

Вдоль больших улиц были тротуары, по которым мы ехали быстро, под горку, и я почти хихикала от того, как нереально это все ощущалось. Иногда он заворачивал на маленькие улицы, и мы садились отдохнуть под уличными фонарями. Весь потный, он пах еще сильнее, у меня кружилась голова и тело становилась мягким.

– А откуда у тебя одеколон? – спросила я на одной из наших остановок.

– У брата одолжил, – он улыбнулся как-то неловко, наблюдая за мной из-за запотевших очков, – специально, вот сегодня.

– Ты сказал ему, что будешь не дома?

Ильяс опустил глаза на свои кеды. У меня пошла легкая дрожь по телу, я списала ее на последствия езды на велосипеде.

– Да ну, он не заметит, – наконец ответил Ильяс.

Мы оба знали, что это неправда, но кивнули так, будто верили друг другу.

Не следуя определенному маршруту, мы оказались на улице Абая, и он предложил пойти в центр города. По тротуару было неудобно ехать, слишком трясло, и мы пошли пешком. Ильяс тащил велик, а я шла слева от него. Я не была уверена, сколько времени уже прошло, но совру, если скажу, что мне не было все равно. Тени от елей прорезали пространство, ложась бегущими татуировками на его руки на велосипедном руле. Он рассказывал мне про ущербную луну – которая была в небе в ту ночь – и что он впервые о таком явлении узнал от Стейнбека. Он думал, что «ущербная луна» – это такой прием, а не настоящая фаза ночного светила. Ильяс смеялся, и я тоже.

Мы дошли до статуи Виктора Цоя. Я слышала о ней, но никогда не видела вживую, и удивилась, какой она была низкой. Выше, чем я, конечно, но, когда я забралась на диск, на который Цоя поставили, оказалось, что незначительно. Я положила руку на кулак Цоя, в котором он сжимал зажигалку.

– У нас с Виктором от тебя секреты, – многозначительно сказала я Ильясу.

– И что же, какие?

– А не скажем.

Я притворилась, что шепчу статуе что-то на ухо. Ильяс улыбнулся и помотал головой. Потом потрогал холодный жилеточный карман.

– Зачем ему столько?

У Цоя было целых четыре, и в левом кармане штанов даже лежало что-то, не видное из-под каменного жилета.

Мы постояли так какое-то время. Я – в обнимку с каменной памятью казахстанского певца, а Ильяс – эту память трогающий за карманы.

– Ладно, слезай, – сказал он как-то неуверенно.

– А то что?

– Я ревную.

Я спустилась. Мои руки, вспотевшие, характерно горько пахли металлом. С ужасом я подумала, что подмышки у меня тоже, должно быть, потные, и между бедер.

Ильяс не видел этого. Он пытливо и нежно смотрел мне в лицо, как в новую книгу. Я смотрела ему сквозь очки, до сих пор полностью не осознавая, что он совсем близко, совсем рядом, настоящий. Что тот, с кем я созванивалась посреди ночи долгие годы моего убогого становления, был настоящим человеком.

Он повез меня в какой-то парк поблизости, о котором он знал. Мы съехали с дороги и колесили поверх травы, сколько было возможно. Наконец он бросил велосипед на землю, присел невдалеке. Вне света фонарей в лучах нищенской луны Ильяс был едва видимым силуэтом, и я находила его в темноте только на ощупь.

Ильяс сидел, согнув ноги в коленях и откинув спину чуть назад. Я сидела у него на бедрах, раздвинув ноги. Мы целовались долго и сразу мокро, как будто от голода. Было намного меньше причмокивающих звуков, чем я ожидала, что напугало меня, но не настолько, чтобы перестать. Поцелуи с ним были похожи на то, как бездомные коты хватают еду – всем ртом и сразу, жуя дико и властно. Сначала он держал руки у меня на спине. Я чувствовала фалангу каждого его пальца через тонкую ткань, и мне было щекотно, когда он трогал около застежки моего лифчика. Я держала его шею как держат воду – в ладошках. Он положил руки мне на живот, потом запустил пальцы выше. Я опустила руки вниз по его предплечьям. Он положил руки мне на грудь, поверх лифчика и футболки, словно клал руки на яблоки или мяч для боулинга. Мы продолжали целоваться, непрерывно, пуская слюну по нашим подбородкам. Он держал руки у меня на груди, но не трогал, не щупал, не тискал их. Просто прикасался к ним.

Я вспомнила об этой ночи во время своего первого секса с парнем по имени Жангир. Мы учились вместе в университете и вроде как встречались несколько месяцев. Тогда мы машинально разделись в комнате его общежития. У него была родинка на кончике носа, и я все время смотрела, как неловко на ней собирается пот. Он трогал меня, как будто так было положено, а мыслями я возвращалась в тот парк. Мне хотелось закрыть глаза и представить, что я снова с Ильясом, просто в этот раз мы зашли дальше. Я попробовала, и у меня не получилось, вместо этого я наблюдала за потом на родинке.

Выдохшиеся, мы отлипли друг от друга и легли на траву. В урбанистском Алматы никогда не видно звезд, а луна была где-то в другой стороне. Темное небо стало частью нашей конспирации.

Я хотела, чтобы он сказал, что завтра эти пять лет кончатся и мы улетим куданибудь, уедем в Штаты, будем целоваться на каждом углу, обо всем забудем. Но он ничего не сказал.

Я знала, что он хотел, чтобы я что-то сказала тоже. Построившие общение на телефонных разговорах, мы не привыкли молчать.

Вместо важного, я сказала:

– Меня в общежитие уже не пустят. Я знаю адрес хостела, где остается моя мама сегодня. Сможешь меня отвезти?

И даже тогда он ничего не сказал, просто кивнул.

Когда мы приехали, я неохотно слезла с велосипеда. Мы посмотрели друг на друга. Ночь трещала кузнечиками и сухими ветками.

– Я подожду, а то вдруг тебя не пустят, – предложил он.

Теперь уже я кивнула.

Круглосуточному рецепционисту я назвала имя моей мамы. Он позвонил ей в номер. Она вышла, ни капли не сонная от удивления. Я молча посмотрела назад сквозь стеклянные двери. Ильяса там уже не было.

Больше я его никогда не видела.

Глава двадцать шестая

Ночью я спала плохо, ворочаясь между ручек дивана, который, по сути, был просто длинным креслом, за которое мы доплатили. Было жестко в плечах и душно, и я чувствовала, как влага между бедер застыла коркой, слепляя волосы на лобке.

Мама восприняла всю эту ситуацию неожиданно спокойно. На следующее утро, когда мы собирались выезжать из номера, она ответила на мой испуганный взгляд:

– Надо было тебя чаще пускать домой. Твою выходку как будто можно было ожидать, что ли.

И «выходкой» она назвала это как-то совершенно нейтрально, как будто сообщила о том, какая сегодня погода или какие песни крутили по радио с утра.

Через охранную будку меня пропустили без вопросов. Видимо, никто вчера вечером не поднял тревогу, и я не знала, как себя чувствовать по этому поводу. День был по-летнему жаркий, и новый пот накладывался на слой вчерашней соли.

В общежитии все душевые были заняты, поэтому идея помыться отпала. Я в последний раз за всю жизнь переоделась в школьную форму. Когда сняла футболку, меня передернуло. Она все еще ускользающе пахла одеколоном Ильяса, вроде как даже его кожей. Я зарыла лицо в ткань на уровне груди и испуганно, долго вдыхала и выдыхала, боясь, что внюхаю в себя весь запах и он исчезнет, хотя в тот момент я еще не знала, что мы больше не встретимся.

В течение нескольких месяцев после того дня он пытался мне звонить. Я видела от него пропущенные, но ни разу не перезвонила. Если я видела поступающий звонок, то я просто наблюдала за ним, давая телефону вибрировать, вибрировать и вибрировать, пока он не переставал. Со временем звонки прекратились. Человек, за которого я вышла замуж, был ничем на Ильяса не похож. Мы познакомились с ним почти сразу после расставания с Жангиром (он окончил университет и уехал в другой город). У нас нет ничего общего. Мой муж – один из тех загадочно молчаливых мужчин, которых не разговорит даже алкоголь. Он мускулистый, широкий, как степь, и только чуть-чуть меня выше. Наша дочь начала разговаривать в восемь месяцев, будто бы чтобы заполнить его (нашу) невербальную тишину.

Место моего класса на линейке было в левом дальнем углу асфальтовой площадки около открытой сцены, той самой площадки, на которой в теплые месяцы у нас была физкультура. Я нашла себе место недалеко от неработающей раковины, объяснения чему мы так в итоге и не нашли. Справа от меня стояла Багила. Я сразу заметила, что она замазала прыщи на щеках. Тональный крем для этого она, видимо, одолжила у кого-то, потому что он был как минимум на три тона светлее ее настоящей кожи. Издали казалось, будто щеки у нее были трансплантом с чужого лица.

На речах директрисы и завучей и даже при вручении дипломов я не плакала. Багила проплакала почти всю церемонию, и иногда мне становилось так некомфортно от собственной бесчувственности, что я сжимала ее руки, поддерживая ее. В ответ она кивала и бормотала что-то непонятное. В один из таких моментов она нагнулась ближе ко мне и произнесла:

– Ты такая сильная, Улболсын. Стойкая даже в такой эмоциональный момент.

Учитывая то, как яростно она продолжила вытирать лицо платком, сказав это, мне показалось, что ее тон не был ироничным. Для нее, вполне возможно, закрывался значимый эпизод жизни, эпизод настолько существенный, что в каком-то смысле он ее жизнью и был. Теперь для Багилы все будет по-другому – не только то, где она будет жить и кого будет видеть, но и то, кем она будет являться. Именно тогда, глядя, как ее раскрасневшиеся щеки и нос зарываются в платок, я вдруг осознала, что единственная вещь, которая связывала меня не только с Багилой, но и со всеми в Лицее, подойдет к концу через несколько часов. Казалось, будто это они на самом деле оканчивают, а не я. Будто я просто пришла посмотреть.

Сертификаты нам вручали по очереди. Сначала были отличницы. Отличниц в моем году было много, включая Камилу, их было человек двадцать. Нас было всего восемьдесят в параллели.

Камила М. была в середине листа. Когда она вышла на сцену, мне показалось, что она пытается найти меня глазами. Я неуверенно вытянула руку, чтобы помахать ей. Старшая Сестра шикнула на меня. Камила получила свой диплом и, снова растерянно оглянувшись на толпу, встала в конец очереди.

После отличниц дипломы вручали всем остальным, включая и меня с тремя четверками. Мой диплом был ламинированный и цветной. Я разглядывала его после получения, пытаясь понять, какой был использован шрифт. Слева от меня стояла Мадина, потому что мы выстроились по алфавиту. Она тоже плакала и тоже, как Багила, навзрыд. Я заглянула ей в лицо, когда она встала рядом со мной. Я думала поздравить ее. Я думала спросить, какой, по ее мнению, шрифт используют в дипломе. Я думала спросить, кто из ее родственников пришел сегодня. Глядя на ее блестящее от слез, аккуратно накрашенное лицо, я не решилась. Тушь у нее была водостойкая, вместо того, чтобы расплыться, она просто отпадала от ресниц кусочками, и они высыхали у нее на щеках, как черные звезды. Я снова пялилась на свой диплом. Очередь неотличниц окончилась.

После вручения я вернулась в общежитие и равнодушно собрала вещи в чемодан. Остальные выпускницы сгрудились во дворе, принимая поздравления от учителей, родителей, Старших Сестер. У меня не было никаких ценных вещей, кроме старой пижамы, и все поместилось. Выходя из комнаты, я не обернулась ни разу.

Двигаясь вперед сквозь толпу с чемоданом, я обратила внимание на Асем, только когда она схватила меня за локоть. Я сразу заметила, как аккуратно были собраны ее волосы.

– Чего ты бежишь? Не останешься на выпускное чаепитие?

– Нет-нет, – помотала головой я, – мне надо с мамой там, ехать.

Она улыбнулась. Я отвела глаза. Сама память того разговора меня сейчас слепит, то, какой живой она была. Навсегда другой, такой, как в тот день, она у меня в сознании не отпечаталась. Я вспоминаю ее, как вспоминают пространство до стройки – бесконечное, смелое, уже нереальное.

– А ты потом куда идешь? – спросила я.

– Догадайся.

– Да я не знаю.

Она все еще сжимала мой локоть, должно быть, машинально. Асем неожиданно понизила голос:

– Помнишь того парня с Выставки?

Мое сердце дрогнуло:

– Ильяса?

– Нет, дура ты, – засмеялась она, – он же твой. Я про второго, который содовый вулкан.

Мне нужно было на секунду задуматься, чтобы вспомнить, что она говорит про Артема.

– Не знала, что вы все еще общаетесь, – неловко улыбнулась я.

Она стала неожиданно серьезной:

– У нас у всех свои секреты.

И, выпустив мой локоть, добавила:

– Хорошо тебе погулять с мамой, Улболсын.

Не оборачиваясь, она ушла, и я ушла тоже. Через год после того разговора они с Артемом сыграли свадьбу. Меня на нее не пригласили, и вообще об Асем я слышала ничтожно мало до самого конца. Артем бил ее все эти годы, пока однажды, собственно, не убил. Я узнала об этом из Фейсбука Камилы, тоже вышедшей уже замуж.

Мама заказала нам такси, я села на заднее сиденье, прижав ноги, чтобы чемодану было место. Школа отдалялась от нас, став размером с собачью будку, деревянный ящик, спичечный коробок, а потом исчезла вовсе при повороте направо.

Авторки

Камила Ковязина
родилась в городе Петропавловск, Северо-Казахстанская область, с 2004 года проживает в городе Астана. Училась на факультете международных отношений Евразийского национального университета, но профессионально занимается социологическими исследованиями. Изучала такие вопросы, как социально-экономические возможности сельских женщин, занятость казахстанцев, социальное самочувствие жителей страны и т.п. В последние годы фокусируется на изучении вопросов гендерного и образовательного неравенства. Верит, что именно исследования дают основу для аргументированных выступлений активисток и активистов. Феминистка, мама двоих детей.

Дамина Мукитанова
родилась, едва-едва успев запрыгнуть в отходящий поезд зумеров. Пишет фантастические рассказы с 8 лет, верит в фей, инопланетян, глобальное потепление и временами – в человечество. Все работы посвящает апашке, маме и остальным любимым людям. На жизнь зарабатывает придумыванием рекламных текстов, но живёт ещё нерассказанными историями.

Анастасия Пяри
писательница, феминистка, антифашистка, журналистка, редакторка. Родилась в Ставрополе (Россия, Кавказ), на момент написания и публикации живёт в Петербурге. Долгое время работала преподавателем основ деятельности журналиста и зарубежной журналистики в университете, кандидат филологических наук.

Розалия Шамсудинова
аналитик компании «Alem Research». Работает в сфере создания прикладного программного обеспечения различного назначения с применением искусственного интеллекта. Магистр гуманитарных наук, окончила факультет философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби. Участница программы «Women Mentorship Program» посольства США в Алматы. Ролевик в мире словесных игр и начинающий прозаик. В свободное от работы время увлекается хоккеем, болеет за уфимский клуб «Салават Юлаев». Carpe diem – жизненное кредо, в которое искренне верит и никогда от него не отступает. Из ближайших целей – получение степени PhD и работа в сфере гендерных исследований.

Дана Канафина
писательница из Алматы. В 2019-ом Окончила программу Between The Lines при International Writing Program (IWP) в Университете Айовы (штат Айова, США). Является выпускницей Открытой Литературной Школы Алматы (ОЛША) факультета прозы Юрия Серебрянского. Публиковалась в журналах «Литературa» и «Дактиль», в онлайн-пространствах «Hound: The Art of the Dog», «MindMelt-Worldwide» и нескольких бумажных антологиях. Обучалась на семинарах письма с французско-американской авторкой Анной Полоний в рамках фестиваля GoViral, на нескольких семинарах от FemWriting Workshop Almaty, и на семинарах по Құрақ Письму от Feminita. В сентябре 2021-го года была амбассадором на первой международной писательский конференции в Казахстане Almaty Writing Residency (AWR).

От организаторок

Мы рады представить вам результат двухгодичной работы проекта FemWriting Workhop Almaty!

Изначально мы задумывали FemWriting Workshop Almaty как оффлайновую программу длительностью в 12 месяцев, но пандемия внесла коррективы в наши планы: проект перешёл в онлайн, из годичного стал двухгодичным, и обучение по многим темам стало более предметным и углубленным. На наш взгляд, это сделало проект более результативным.

Целью проекта было создание среды, в которой могла бы рождаться Центральноазиатская феминистская литература. Мы очень рады, что всё получилось и искренне благодарим всех причастных – наших лекторок Ирину Жеребкину, Галину Рымбу, Оксану Васякину, Егану Джаббарову, Мадину Тлостанову, Марию Бикбулатову, Дарью Апахончич, Леду Гарину, Лилю Калаус, Анну Голубкову, Дарью Серенко, Алтын Капалову; наших иллюстраторок – Жанель Шахан, Дарью Апахончич, Ольгу Фалькову; мы благодарим всех участниц всех воркшопов и театральную студию «Дом Культуры», в которой проходили офлайн-воркшопы; мы хотим сказать огромное спасибо нашим редакторкам, работавшим над этим сборником – Дарье Апахончич и Лиле Калаус; и, конечно, мы благодарим Фонд Принца Клауса, который поддержал проект финансово и позволял подстраивать дедлайны под проект, а не наоборот.

Спасибо, это были непростые, но очень увлекательные полтора года!

Зоя Фалькова и Эйри Асиева

причинное место

Сборник фем-письма, том 2

Редакторка *Лиля Калаус*
Составительница *Лиля Калаус*
Художницы *Жанель Шах, Дарья Апахончич*
Дизайнерка *Зоя Фалькова*
Вёрстальщица *Зоя Фалькова*

«Причинное место» – это антология современных феминистских текстов, созданных в рамках казахстанского проекта FemWritingWorkshopAlmaty.

Между дискриминацией и заботой, насилием и поддержкой, иерархией и деколонизацией, стыдом и гордостью обретается то пространство, где становится возможным изобретение нового женского языка, более чуткого, точного, не усиливающего патриархатную власть, а освобождённого и освобождающего от неё.

Перед вами два сборника текстов, написанных в 2020–2022 годах писательницами из Центральной Азии и других постсоветских регионов. Здесь вы найдёте поэзию, драму, рассказы, романы, сказки, эссе... В этих текстах традиционные литературные стратегии сталкиваются с новыми методами феминистского письма, постоянно экспериментирующего, ищущего новые формы для новых смыслов.

Эти книги – результат большой творческой работы по изобретению способов говорить об общем опыте – о дружбе, о боли, о любви и о памяти.

18+

содержит нецензурную лексику

ISBN 978-601-06-8587-1